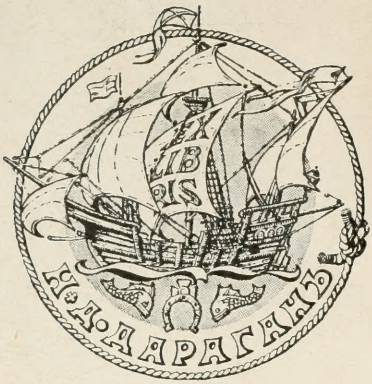
UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00280960 6


EX
LIBRIS
Н. А. АРАПАКЪ

СОЧИНЕНІЯ Г. П. ДАНИЛЕВСКАГО.

Danilevskiĭ, Grigoriĭ Petrovich
III

БИБЛІОТЕКА М. ГУСЯТНИКОВОЙ

СОЧИНЕНІЯ

Sochineniia

Г. П. ДАНИЛЕВСКАГО.

[1847—1890 г.].

ТОМЪ ВОСЬМОЙ.

t. 8

ИЗДАНІЕ СЕДЬМОЕ, ПОСМЕРТНОЕ,

ВЪ ДЕВЯТИ ТОМАХЪ,

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.

1893.

PG
3321
D25
1892
t.8

[1979]

LIBRARY
MAR 30 1962
UNIVERSITY OF TORONTO

789437

I.

ЦИМБЕЛИНЪ.

Драма въ пяти дѣйствіяхъ, сочиненіе В. Шекспира.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО.

(Посвящается Л. А. Плетневу).

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Цимбелинъ, по выраженію Газлитта,—*одна изъ самыхъ пріятныхъ и интересныхъ романическихъ драмъ Шекспира.*

Эту драму всегда сравнивали, по стилю и стихамъ, съ „Зимнею Сказкой“, съ которой она почти въ одно время авторомъ и написана. Стивенсъ полагаетъ, что „Зимняя Сказка“ явилась въ свѣтъ въ апрѣлѣ 1601 года; Мэлонъ, Чалмерсъ и Дрэкъ относятъ появленіе „Цимбелина“ къ 1605 году; Гервинусъ полагаетъ, что эта драма была написана около 1609 года. Во всякомъ случаѣ, теперь уже совершенно доказано, что „Цимбелинъ“ явился вслѣдъ за „Зимнею Сказкою“—между „Лиромъ“ и „Макбетомъ“. Шекспиру тогда уже совершилось сорокъ лѣтъ отъ роду.

Гервинусъ замѣчаетъ, что въ содержаніи „Цимбелина“ заключаются собственно три отдѣльныя, цѣлыя происшествія, или части. Къ первой части онъ относитъ войну изъ-за платежа дани между Британіей и Римомъ; эту сторону своей драмы Шекспиръ заимствовалъ изъ хроники Голиншеда. Цимбелинъ, по словамъ Голиншеда, царствовалъ въ Британіи во времена Августа-Цезаря и имѣлъ, дѣйствительно, двухъ сыновей, Гвидерія и Арвирага. Ко второй части, ко второму происшествію драмы, Гервинусъ относитъ судьбу сыновей Цимбелина. Источниковъ этого факта никто не знаетъ; онъ, по всей вѣроятности, созданъ фантазіею великаго поэта. У Шекспира выведено замѣчательное лицо Белларія, вельможи и полководца, впавшаго невиннымъ образомъ въ опалу и изгнаннаго изъ Британіи. Белларій похищаетъ двухъ сыновей Цимбелина, воспитываетъ ихъ въ лѣсу и

вмѣстѣ съ ними оказываетъ королю великія услуги во время его битвы съ Римлянами. Къ третьему и интереснѣйшему дѣйствію или происшествію драмы Гервинусъ относитъ романъ Постума и королевской дочери Имоджены. Эта часть заимствована Шекспиромъ изъ небольшой *Новеллы Боккаччіо* (11, 9) и изъ англійскаго ей подражанія, именно изъ поэмы „Westvard fon Smelts“, которая, по Стивенсу, была издана въ 1603 году. Шекспиръ въ иныхъ мѣстахъ обработалъ свою драму по итальянскому образцу, въ другихъ же руководствовался англійскою поэмою. Въ „Новеллѣ“ Боккаччіо разсказывается, какъ одинъ мужъ побился объ закладъ съ какимъ-то авантюристомъ, что вѣрность его жены непоколебима. Отверженный искатель приключеній рѣшается обмануть честнаго супруга, увѣряетъ его въ мнимомъ преступленіи его жены, и тотъ, въ припадкѣ изступленнаго негодованія, приказываетъ своему слугѣ убить преступницу. Слуга, разжалобленный просьбами госпожи, спасаетъ ее отъ погибели и доноситъ мужу, что онъ исполнилъ его приказаніе. Жена скрывается, переодѣтая въ мужское платье, и вступаетъ въ чужихъ краяхъ въ услуженіе къ знатному вельможѣ; послѣ долгихъ странствій, она встрѣчается (во всѣхъ трехъ пьесахъ,—у Боккаччіо, Шекспира и неизвѣстнаго передѣлывателя Боккаччіо,—вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ) съ обманутымъ супругомъ, разувѣряетъ его въ своемъ преступленіи и соединяется съ нимъ для безмятежнаго счастія и любви. Этотъ романическій эпизодъ, обработанный когда-то и во французской комедіи, Шекспиръ припаялъ къ своей драмѣ тѣмъ, что честною, любящею и постигнутою злосчастными испытаніями судьбы супругою сдѣлалъ дочь короля Британіи, а ея обманутымъ мужемъ—пріемыша и пажа ея добраго и мягкосердаго отца.

„Цимбелинъ“—великое произведеніе новѣйшей драмы. Читатель найдетъ въ немъ бездну самыхъ разнообразныхъ наслажденій. Надъ изученіемъ этой интересной и поэтической исторіи человѣческаго сердца, во всѣхъ его оттѣнкахъ и положеніяхъ, можно провести многіе годы; отъ Цимбелина, кажется, трудно оторваться на минуту, какъ мы не можемъ оторваться отъ поэтической, цвѣтущей долины Юга, или отъ того сновидѣнія, которое насъ нежданно посѣщаетъ уже на зарѣ, совсѣмъ поутру, когда розовый, молодой день зоветъ къ дѣятельности и бодрымъ трудамъ, а серебряныя гармоническія впечатлѣнія трепещутъ еще въ горячемъ воображеніи и, словно фантастическія, сказочныя, пѣвучія мошки, рѣютъ передъ смыкающимся взоромъ: теплѣе закутываемся мы подъ одѣяло, тѣснѣе забиваемъ голову въ горячія подушки и снова, сквозь сладкую дремоту, молимъ симпатическія видѣнія не покидать насъ и чаровать до безконечности...

Но не посчастливилось „Цимбелину“ ни у европейскихъ переводчи-

ковъ, ни у критиковъ, а вслѣдствіе этого, не посчастливилось ему и у *нашей публики*. Рѣдко кто изъ нашихъ литературныхъ диллетантовъ знаетъ эту поэтическую драму. Западные критики, за исключеніемъ, впрочемъ, германцевъ, говорятъ о ней, большею частью, сбивчиво и двусмысленно. Мы полагаемъ, что нашимъ читателямъ интересно будетъ прослѣдить эти мнѣнія.

Мезонъ, авторъ книги „Treatise on Ornamental Gardening", первый началъ достойнымъ образомъ судить о Шекспирѣ, но, за раннею кончиною, успѣлъ разобрать только характеры Ричарда III и Макбета. Вслѣдъ за нимъ явилось сочиненіе нѣмца Шлегеля „Драматическія чтенія". Шлегель, между другими первостепенными пьесами Шекспира, разобралъ и „Цимбелина". Онъ говоритъ: „Это одно изъ самыхъ зрѣлыхъ созданій великаго поэта. По всей вѣроятности, „Цимбелинъ", широкая и привольная, романтическая легенда, занимала и тревожила автора еще въ ранней молодости. Ни въ одной пьесѣ Шекспира не господствуетъ такого разнообразія разговора, свѣтскаго тона, трагическаго выраженія страсти, роскоши образовъ, нѣжности любви, наивной естественности и тутъ же, рядомъ съ изящнымъ колоритомъ, такихъ простонародныхъ выраженій и мыслей. По нашему мнѣнію, эта пьеса должна имѣть огромный успѣхъ на сценѣ; она чаруетъ нашу мысль и сердце потому, что въ ней соединено все: и поэтическая легенда, и сказка, и трагедія, и комедія; вся драма насквозь пропитана благоуханнымъ и свѣжимъ колоритомъ". Джонсонъ первый сталъ язвить великій геній Шекспира. Попе, до него, говорилъ: „Никто изъ писателей не заслуживаетъ такъ названія „оригинальный", какъ Шекспиръ: само искусство Гомера проходило черезъ египетскіе водопроводы и озера, подвергалось вліянію „образцовъ". О Шекспирѣ же можно сказать, что онъ не столько подражатель природы, сколько орудіе ея. Шекспиръ создаетъ героевъ дѣйствительныхъ, а не принадлежащихъ міру философіи и метафизики". Но Джонсонъ съ презрѣніемъ глядѣлъ на эти слова Попе. Джонсонъ былъ въ мірѣ литературномъ, такъ называемымъ, падшимъ геніемъ, вѣчнымъ кандидатомъ на безсмертнаго, непризнаннымъ властелиномъ поэзіи. Онъ писалъ грубою и блѣдною прозою и во всю жизнь не возбудилъ къ себѣ симпатіи читателей. Въ тяжеломъ разсужденіи къ изданію Шекспира, онъ старается высокопарными фигурами и звонкими эпитетами помрачить достоинства поэта. Онъ хвалитъ въ немъ только грубое и осязаемое, только то, что̀, по выраженію Газлитта, можно измѣрить двухъ-футовою линейкою, или сосчитать на десяти пальцахъ. Вотъ, что̀ онъ говоритъ о „Цимбелинѣ", — и это мѣсто, по обычаю англійскихъ книгъ, напечатано въ парижскихъ и лондонскихъ компактныхъ изданіяхъ Шекспира, передъ текстомъ Цимбелина:

—„Эта драма сіяетъ немногими вѣрными мыслями, нѣсколькими естественными разговорами и пріятными сценами; но вся она исполнена страшныхъ невѣроятностей. Всякъ замѣтитъ, до чего ложно ея изобрѣтеніе, до чего неестественны ея происшествія, странно смѣшеніе именъ и совершенно различныхъ историческихъ эпохъ, и до чего она исполнена невозможныхъ явленій жизни".

Вслѣдъ за Джонсономъ появилось не менѣе сбивчивое разсужденіе о „Цимбелинѣ" Ульрици; но этотъ критикъ далеко не заходилъ и ограничился замѣчаніями, что эта пьеса просто „Комедія интриги" или, иначе, „Комедія судьбы" (Intriguen-Komödie und Schicksal-Komödie),

Болѣе всѣхъ вѣрныя и глубокія сужденія о „Цимбелинѣ" представили Газлиттъ и Гервинусъ. На нихъ мы и кончимъ нашъ обзоръ критиковъ „Цимбелина", потому что кропотливый Дрэкъ, авторъ знаменитаго сочиненія „Шекспиръ и его время", мало сказалъ о немъ особеннаго и оригинальнаго, рядомъ съ этими великими литературными судьями.

Въ срединѣ 1838 года, въ Лондонѣ вышло въ свѣтъ третье изданіе книги „Характеры Шекспировскихъ пьесъ" („Characters of Shakespeares plays"), сочиненія Вильяма Газлитта (Hazlitt). Въ немъ мы находимъ слѣдующія мнѣнія о „Цимбелинѣ".

„Цимбелинъ" можетъ назваться *драматическимъ романомъ*, въ которомъ всѣ самыя разительныя части повѣсти представлены въ видѣ разговора и всѣ обстоятельства объясняются говорящими, по-мѣрѣ какъ представляется къ тому случай. Дѣйствіе не вдругъ сосредоточивается, а постепенно; но занимательность возрастаетъ и становится какъ-бы воздушнѣе, утонченнѣе отъ перспективы, введенной въ пьесу вымышленными перемѣнами сцены и продолжительностью занимаемаго ею времени. Чтеніе этой пьесы походитъ на путешествіе, котораго цѣль невѣрна, и въ которомъ недоумѣніе поддерживается и возвышается длинными промежутками, отдѣляющими одно дѣйствіе отъ другаго. Хотя происшествія разсѣяны по обширному пространству и относятся къ множеству характеровъ, но цѣпь, соединяющая различные интересы повѣсти, нигдѣ вполнѣ не разрывается. Самыя отдѣльныя и, повидимому, случайныя обстоятельства придуманы такимъ образомъ, что приводятъ въ концѣ къ совершенному развитію главнаго приключенія. Легкость и свобода, съ какими это исполнено, удивительны. Ходъ завязки успѣвается въ послѣднемъ дѣйствіи; повѣсть подвигается впередъ съ необыкновенною быстротой; различныя ея вѣтви приводятся къ одному центру отъ самыхъ отдаленныхъ точекъ; главные характеры сводятся и размѣщаются въ самыхъ критическихъ положеніяхъ, и судьба почти каждаго лица драмы зависитъ отъ разрѣ-

шенія одного обстоятельства—отъ отвѣта Якимо на вопросъ Имоджены о полученіи кольца отъ Постума".

„*Патетическое* въ Цимбелинѣ не носитъ характера поразительнаго, или, въ обыкновенномъ смыслѣ, трагическаго, но чрезвычайно *мило* и *пріятно*. Какая-то нѣжная грусть сквозитъ во всей пьесѣ. Герой этой пьесы—Постумъ; но величайшая ея прелесть заключается въ *характерѣ Имоджены*... Отличительная черта *героинь Шекспира* та, что онѣ живутъ только своею привязанностью къ другимъ. Ихъ можно назвать чистыми созданіями чувства. Мы такъ же мало думаемъ о красотѣ и особенности ихъ лицъ, физіономіи, какъ и онѣ сами, потому что мы проникаемъ въ тайны ихъ сердецъ, и это для насъ гораздо интереснѣе. Мы принимаемъ такое живое участіе въ ихъ дѣлахъ, что не можемъ останавливать своихъ взоровъ на ихъ наружности, развѣ только украдкою и изрѣдка... Никогда и никто не уловилъ такъ хорошо, какъ Шекспиръ, истиннаго совершенства женскаго характера—чувства слабости, опирающагося на чувствѣ любви; никогда и никто не описалъ такъ хорошо, какъ Шекспиръ, ихъ природной нѣжности, чуждой всякой принужденности. Цибберъ замѣчаетъ, что во время Шекспира женщинамъ не позволялось играть женскія роли; вслѣдствіе этой необходимости, надобно было оставлять въ тѣни ихъ наружность и развивать одну внутреннюю сторону ихъ личности".

„Характеръ Клотена, продолжаетъ Газлиттъ, высокомѣрнаго глупца и отверженнаго поклонника Имоджены, хотя не очень интересенъ самъ-по-себѣ и теперь ужъ обветшалый, написанъ съ *большимъ юморомъ* и знаніемъ души... Замѣчательнѣе всего то, что Клотенъ, несмотря на свою жалкую роль въ любви, важничаетъ и пѣтушится и, несмотря на всю пошлость своего вида и обращенія, старается придавать какую-то *остроту* и франтовство своимъ замѣчаніямъ. Здѣсь мы находимъ подтвержденіе той вѣковой истины, что изысканность такъ же часто происходитъ отъ недостатка истинныхъ чувствъ, какъ и отъ недостатка ума! Къ Шекспиру можно примѣнить слова древняго критика: „О, Менандръ и Природа! кто изъ васъ списывалъ другъ друга?"

„Характеры Белларія, Гвидерія и Арвирага и сказочныя сцены, окружающія ихъ, составляютъ прекрасные рельефы къ интригамъ и хитростямъ города, изъ котораго они изгнаны. Описанія горной ихъ жизни исполнены дикости и простоты. Они занимаются охотою, а не разведеніемъ скота, и это чрезвычайно гармонируетъ съ духомъ приключеній и неизвѣстностью, господствующею въ остальныхъ частяхъ повѣсти, также со сценами, въ которыхъ они впослѣдствіи должны дѣйствовать. Какъ искусно юношеская пылкость и нетерпѣливое желаніе принцевъ выйти изъ неизвѣстности представлены въ противоположности съ холодною, разсчетливою и благоразумною покорностью судьбѣ болѣе

опытнаго ихъ совѣтника! Какъ прекрасно другъ противъ друга размѣщены наука и невѣжество, уединеніе и общество! — Одинъ Арденскій лѣсъ въ пьесѣ „Какъ вамъ угодно!“ (What you will, or Twelfth Night) можетъ сравниться съ *горными сценами* въ „Цимбелинѣ“. Но какая разница между созерцательнымъ спокойствіемъ одной картины и смѣлою рѣшительностью другой! Шекспиръ не только открываетъ намъ души своихъ дѣйствующихъ лицъ, но даже отражаетъ въ тонѣ и краскахъ описываемыхъ сценъ—чувства ихъ вымышленныхъ обитателей!“

Гервинусъ несравненно глубже и строже прослѣдилъ характеры „Цимбелина“.

Прежде всего онъ сравниваетъ эту драму съ „Лиромъ“. Какъ дѣйствіе Лира, такъ и дѣйствіе Цимбелина происходитъ въ языческія времена древняго британскаго народонаселенія. Разница только та, что мы вращаемся здѣсь не въ темномъ вѣкѣ, предшествовавшемъ христіанской эрѣ, а въ свѣтломъ періодѣ первыхъ годовъ царствованія императора Августа, гдѣ римская цивилизація уже сильно повѣяла на Британію своимъ благотворнымъ дыханіемъ. Леонатъ (имя, заимствованное Шекспиромъ изъ одного разсказа Сиднея, послужившаго ему источникомъ эпизода о Глостерѣ въ „Лирѣ“) хвалитъ въ Италіи, передъ Римлянами, своихъ соотечественниковъ и говоритъ, что теперь они ужъ превзошли старинныхъ Британцевъ, такъ ловко разбитыхъ Цезаремъ.—Какъ въ „Лирѣ“ отецъ проклиналъ Корделію, въ „Цимбелинѣ“ такой же престарѣлый отецъ проклинаетъ Имоджену. — Въ „Лирѣ“ преобладаютъ страсти дикія, изступленныя и необъятныя; хитрость и лживость тамъ играютъ, у дочерей Лира и у Эдмунда, второстепенныя роли, рядомъ съ кровавымъ честолюбіемъ героевъ драмы. Въ „Цимбелинѣ“ эти страсти слабѣе и блѣднѣе; здѣсь все ужъ сглажено цивилизаціею юго-востока Европы.

Послѣ нѣсколькихъ отдѣльныхъ замѣчаній, Гервинусъ переходитъ къ разбору каждаго характера драмы.

Онъ разсказываетъ содержаніе „Цимбелина“, большею частью, подлинными выраженіями Шекспира. Начиная съ эпизода о Белларіѣ и о похищенныхъ имъ сыновьяхъ короля, онъ чрезвычайно краснорѣчиво представляетъ воспитаніе старымъ и опытнымъ вельможею юныхъ наслѣдниковъ короны Британіи, въ пещерѣ, подъ таинственными дебрями горнаго Валлиса. Царственныя дѣти, вскормленныя плодами своихъ рукъ, окрѣпшія на охотѣ за горными сернами и ежеминутно вдохновляемыя разсказами сѣдовласаго воина о славныхъ битвахъ, гордо подъемлютъ свои головы, со слезами на глазахъ молятъ Небо о дѣятельности общественной и, сами того не зная, спасаютъ

свой будущій престолъ въ битвѣ противъ Римлянъ. Начертивъ этихъ ратоборцевъ добраго начала, начала свѣтлаго въ сердцѣ человѣческомъ, Гервинусъ переходитъ къ мрачной сторонѣ драмы; здѣсь выступаетъ на сцену испорченный міръ того времени. Вторая жена Цимбелина и его пасынокъ изображены во всей ихъ дикой и страшной живописности. Среди этихъ двухъ сторонъ, среди представителей добра и зла—являются два чрезвычайно-идеальныхъ и высоко-поэтическихъ образа: пріемышъ короля, Постумъ, и дочь короля, Имоджена. Снова, почти подлинными словами Шекспира, разсказывается судьба двухъ этихъ характеровъ. Гервинусъ въ тайномъ бракѣ Имоджены и Постума видитъ сходство съ бракомъ Ромео и Юліи, Отелло и Дездемоны, особенно первыхъ двухъ, которые также росли вмѣстѣ и съ дѣтства считались между собою женихомъ и невѣстою. Гервинусъ изумляется, до какого совершенства Шекспиръ выяснилъ въ своемъ твореніи типическій образъ Имоджены. Она, по его мнѣнію, одно „изъ любезнѣйшихъ и художественныхъ женскихъ лицъ“, созданныхъ великимъ поэтомъ. Ея явленіе распространяетъ теплоту, блескъ и радость на всю драму. Естественнѣе и проще Порціи и Изабеллы, она еще идеальнѣе ихъ. Она—сумма всѣхъ качествъ женственной природы человѣка. Ни въ одномъ созданіи поэзіи нѣтъ такого втораго очаровательнаго образа. Рядомъ съ Гамлетомъ, она—самый развитый и самый оконченный характеръ изо всѣхъ характеровъ Шекспира. Авторъ исчерпалъ въ ней всѣ волшебныя черты женщины, отъ убранства ея мирной спальни, до пѣнія, подобнаго пѣнію гостя Эдема, и до поварской стряпни, вырѣзывающей кружки кореньевъ такими фигурками, что самъ поваръ больной Юноны позавидовалъ бы этому искусству... По мнѣнію Гервинуса, главная черта этой природы—духовная свѣжесть и здоровье. Богатая чувствами, Имоджена никогда не впадаетъ въ сантиментальность; богатая воображеніемъ, она никогда не предается пошлой мечтательности, также точно, какъ ни одна мысль болѣзненной и грубой страсти не вспадаетъ на ея трезвый умъ... Разсказывая исторію вѣроломнаго обмана Якимо, Гервинусъ замѣчаетъ, что Постумъ, повѣривъ мнимому преступленію Имоджены, разражается грознымъ диѳирамбомъ противъ женщинъ и здѣсь очень сходствуетъ съ Отелло, даже до такой степени, что, напримѣръ, и въ „Отелло“ главную роль играетъ платокъ, потерянный Дездемоною, и въ „Цимбелинѣ“—Пизаніо посылаетъ своему господину платокъ, омоченный въ мнимой крови Имоджены, которую онъ долженъ былъ убить.

Разобравъ эти характеры, Гервинусъ, по непремѣнному обычаю германскихъ ученыхъ, говоритъ, что нужно, наконецъ, отыскать „Stand- und Gesichtspunkt“ всей идеи „Цимбелина“, и дѣйствительно находитъ этотъ „Stand-und Gesichtspunkt“. Онъ открываетъ, что главная

исходная точка драмы заключается въ противоположности двухъ началъ: добра и зла, или, точнѣе—вѣрной (true) и измѣнчивой, лживой (false) *природы человѣка.* Подъ конецъ пьесы, какъ и вообще во всѣхъ тогдашнихъ рыцарскихъ романахъ, вѣрность и честность, испытанныя множествомъ приключеній, торжествуютъ и возвращаются подъ сѣнь покоя и счастія. Вѣрность, какъ одна изъ главныхъ добродѣтелей, воспѣвалась въ эпическихъ народныхъ поэмахъ и пѣсняхъ любви, въ „Одиссеѣ“ и „Гудрунѣ“, въ Иліадѣ“ и „Нибелунгахъ“. Въ героическія и рыцарскія времена ничто такъ не ставилось въ похвалу и великія дарованія, въ славу и почести, какъ вѣрность, которая одна умѣла спасать отъ погибели добрыхъ друзей, покинутыхъ слугъ и беззащитныхъ женъ. Отсюда же происходятъ разсказы о клятвахъ дружбы древне-греческихъ юношей, саги о вѣрныхъ вассалахъ германскихъ героическихъ поэмъ и пѣсни о честности Пенелопы и Гудруны. Въ „Лирѣ“ вѣрность престарѣлаго Кента вѣетъ дружбою Ахилла и Патрокла въ „Иліадѣ“. Но исторія Имоджены и Постума нѣсколько новѣе, романичнѣе и скорѣе походитъ на легенды о вѣрности рыцарской эпохи. Самое имя Фиделіо, *вѣрный*, которое принимаетъ Имоджена, блуждая въ лѣсахъ горнаго Валлиса, въ мужскомъ платьѣ, подтверждаетъ главный выводъ Гервинуса. Неопровержимое же доказательство нѣсколько темно-изложенной мысли нѣмецкаго ученаго представляетъ характеръ Пизаніо, слуги Постума, который, съ начала до конца драмы, до такой степени честенъ и вѣренъ своему господину, что даже лжетъ и обманываетъ, съ единственною цѣлью остаться безукоризненно-честнымъ, и является самымъ отчаяннымъ плутомъ въ то время, какъ онъ, по всей справедливости, вѣрнѣйшій изъ людей.

Самого Цимбелина, давшаго свое имя этой драмѣ, Гервинусъ называетъ лицомъ, служащимъ для общей связи, для канвы происшествій, и говоритъ, что Шекспиръ сдѣлалъ его слабымъ, безхарактернымъ и блѣднымъ потому, что для общаго колорита своего яркаго и блестящаго созданія нуждался еще въ лицѣ, составленномъ изъ чуть-примѣтныхъ линій далекой перспективы.

Въ низведеніи языческихъ боговъ на землю къ спящему Постуму, Гервинусъ видитъ желаніе Шекспира представить личность миѳологическаго рока, Фатума, который выше людей, но иногда дѣйствуетъ и въ самой ихъ средѣ и научаетъ смертнаго почтенію воли судьбы. Юпитеръ говоритъ: „Паденіе часто служитъ средствомъ болѣе счастливаго возвышенія“.—„Судьба осторожно направляетъ къ пристани корабль, руль котораго разбитъ бурями“, и, наконецъ, „Небеса подвергаютъ горькимъ испытаніямъ тѣхъ, къ кому они благоволятъ, для того, чтобъ послѣ несчастій ихъ дары были еще вкуснѣе и слаще“.

1850 г.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ЦИМБЕЛИНЪ, король Британіи, женатый на второй женѣ.
КЛОТЕНЪ, сынъ королевы, отъ перваго брака.
ЛЕОНАТЪ ПОСТУМЪ, джентльменъ, мужъ Имоджены.
БЕЛЛАРІЙ, изгнанный сановникъ, принявшій въ ссылкѣ имя *Моргана*.
ГВИДЕРІЙ и АРВИРАГЪ, сыновья Цимбелина, слывутъ, подъ именами *Полидора* и *Кадвала*, сыновьями Белларія.
ФИЛАРІО, другъ Постума } итальянцы.
ЯКИМО, другъ Филаріо }
ФРАНЦУЗЪ, дворянинъ, другъ Филаріо.
КАЙ ЛЮЦІЙ, командиръ римскихъ войскъ.
РИМСКІЙ КАПИТАНЪ.
ДВА БРИТАНСКІЕ КАПИТАНА.
ПИЗАНІО, слуга Постума.
КОРНЕЛІЙ, врачъ королевы.
ДВА ДВОРЯНИНА.
ДВА ТЮРЕМЩИКА.
КОРОЛЕВА, супруга Цимбелина.
ИМОДЖЕНА, дочь Цимбелина, отъ перваго брака.
ЕЛЕНА, фрейлина Имоджены.
Лорды, придворные люди, римскіе сенаторы, трибуны, привидѣнія, гадатель, голландскій дворянинъ, испанскій дворянинъ, музыканты, офицеры, капитаны, солдаты, вѣстники и слуги.

Дѣйствіе происходитъ частью въ Британіи, частью въ Италіи *).

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Британія.—Садъ передъ дворцомъ Цимбелина (Входятъ двое гражданъ).

ПЕРВЫЙ ГРАЖДАНИНЪ. — Ты нынче здѣсь не встрѣтишь человѣка,
Который не грустилъ бы; наши души
Не слушаютъ созвѣздій; какъ придворный,
Онѣ слѣдятъ за взоромъ короля **).

*) Время дѣйствія приблизительно относится къ шестому году послѣ Р. Хр. Въ этотъ годъ отъ Римской Имперіи отпали народы Далмаціи и Панноніи, что составляетъ нынѣшнюю Венгрію, на правомъ берегу Дуная.

**) Это мѣсто вызвало множество комментаріевъ. Лучшій изъ нихъ принадлежитъ *Л. Тику*, который такъ объясняетъ мысль Шекспира: „Наша кровь болѣе не покоряется вліянію атмосферы и планетъ, какъ это ей приписывали астрономы; она, подобно лицамъ придворныхъ, обусловливается состояніемъ духа великаго монарха“.—Это мѣсто напоминаетъ слѣдующее двустишіе Расина, въ пьесѣ „Британикъ“:

„Mais ceux qui de la cour ont un plus long usage
„Sur les yeux de César composent leur visage“.

Второй гражданинъ.—Что такъ?
Первый гражданинъ.— Наслѣдница, дочь короля,
Съ которой тотъ хотѣлъ помолвить сына
Своей второй жены—(онъ на вдовѣ
Женатъ)—сама себѣ избрала мужа
Достойнаго, но бѣднаго; они
Вступили въ бракъ; супругъ за это въ ссылкѣ,
Жена подъ стражей: все у насъ печально,
Хотя король, я думаю, одинъ
По-истинѣ груститъ...
Второй гражданинъ.—Одинъ король?
Первый гражданинъ.—Груститъ и тотъ, который потерялъ
Жену, груститъ, пожалуй, королева,
Которая желала этой свадьбы...
Но уже зато придворные, хотя бы
Они свой взоръ по взору короля
Всѣ смастерили, въ глубинѣ души
Въ восторгѣ отъ того, что̀ ихъ печалитъ.
Второй гражданинъ.—Что́ за причина!?
Первый гражданинъ.— Тотъ, кто потерялъ
Принцессу, существо гораздо хуже
Всего, что̀ можно разсказать худаго
О немъ; но тотъ, кто мужъ ей и за это
Въ изгнаніи—такое совершенство,
Что, еслибъ въ цѣломъ свѣтѣ поискать
Подобнаго ему, мы не нашли бы
Такого, съ кѣмъ бы онъ сравнился! Въ мірѣ,
По-моему, нѣтъ больше человѣка,
Который бы, съ подобною душой,
Владѣлъ еще наружной красотой!..
Второй гражданинъ.—Ужъ это слишкомъ!
Первый гражданинъ.— Сэръ, я въ похвалахъ
Не перешелъ границъ его достоинствъ:
Я сжалъ ихъ, не раскрылъ, какъ должно.
Второй гражданинъ.—Откуда онъ и какъ его зовутъ?
Первый гражданинъ.—Его происхожденія не знаю...
Отецъ его, Сицилій, противъ Римлянъ
Соединилъ свой лавръ съ Кассибеланомъ;
Но именемъ своимъ обязанъ онъ
Тенанцію, которому съ успѣхомъ
И славою достойной онъ служилъ:

За это онъ и прозванъ Леонатомъ! *)
Два сына — рѣчь у насъ идетъ о третьемъ —
Его два сына храбро пали въ смутахъ
Тогдашнихъ войнъ, съ мечемъ въ рукѣ; отецъ ихъ,
Уже старикъ, мечтавшій о потомствѣ,
Скончался отъ печали; вслѣдъ за нимъ
Его жена, беременная сыномъ,
Который насъ такъ занялъ, умерла,
Едва родился онъ... Король ребенка
Взялъ подъ свою защиту, далъ ему
Прозваніе Постума — Леоната,
Въ пажи опредѣлилъ и воспиталъ его,
Открылъ ему богатства всѣхъ познаній,
Которыя тотъ могъ принять по лѣтамъ,
И мальчикъ ихъ легко и беззаботно
Впивалъ, какъ мы въ себя впиваемъ воздухъ;
Его весна уже дала плоды.
Онъ при дворѣ — въ любви, а это рѣдкость!
Для юношей онъ былъ примѣръ, для зрѣлыхъ—
То зеркало, въ которое мы смотримъ
Для оживленья нашей красоты...
Для стариковъ — ребенкомъ, путеводцемъ —
Для госпожи своей, изъ-за которой
Теперь онъ изгнанъ, — качества его
Намъ говорятъ, какъ много почитала
Она его достоинства, а выборъ
Ея показываетъ намъ, какой
Онъ человѣкъ!

Второй гражданинъ.—Разсказъ вашъ заставляетъ
Меня его отнынѣ уважать.
Но я прошу васъ объяснить мнѣ, точно-ль
Она единственная дочь монарха?

Первый гражданинъ. — Единственная! — Были у него
Два сына (если это любопытно
Для васъ, такъ слушайте): ребенокъ старшій
Былъ трехъ годовъ, а младшій былъ въ пеленкахъ,

---

*) *Тенанцій* былъ отецъ Цимбелина и племянникъ Кассибелана; *Кассибеланъ* прогналъ Римлянъ при первомъ ихъ вторженіи въ Британію, но, побѣжденный Ю. Цезаремъ, долженъ былъ платить ежегодную дань Риму. Шекспиръ слѣдуетъ въ своей драмѣ хроникѣ Голиншеда, по которой Тенанцій отказался, наконецъ, отъ этой дани и завѣщалъ своему сыну, Цимбелину, воевать за нее съ императоромъ Августомъ. *Прим. Мэлона.*

Когда изъ дѣтской бѣдныхъ унесли—
И до сихъ поръ никто слѣдовъ малютокъ
Открыть не могъ.

ВТОРОЙ ГРАЖДАНИНЪ. — Давно-ль случилось это?

ПЕРВЫЙ ГРАЖДАНИНЪ. — Да лѣтъ ужъ двадцать...

ВТОРОЙ ГРАЖДАНИНЪ. — Дѣти короля
Похищены! Такой дурной присмотръ
И лѣнь такая въ поискахъ... Возможно-ль!
Не отыскать и легкаго слѣда!

ПЕРВЫЙ ГРАЖДАНИНЪ.—Какъ это вамъ ни странно, впрочемъ, будетъ,
Вы надъ такой оплошностью не смѣйтесь:
Все это правда, сэръ!

ВТОРОЙ ГРАЖДАНИНЪ. — Я вѣрю вамъ.

ПЕРВЫЙ ГРАЖДАНИНЪ. — Но замолчимъ: сюда идетъ принцесса,
А съ нею королева и Постумъ *(Уходятъ)*.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тамъ же (Входятъ: КОРОЛЕВА, ПОСТУМЪ и ИМОДЖЕНА).

КОРОЛЕВА. — Нѣтъ, вѣрьте, дочь моя, въ моей душѣ
Вы не найдете злобныхъ думъ: я въ этомъ
Не похожу на нашихъ мачихъ! Вы
Въ моемъ плѣну, но вашъ тюремщикъ самъ
Отдастъ вамъ ключъ отъ вашихъ кандаловъ!
Едва же мнѣ удастся гнѣвъ монарха
Смирить, я стану вашимъ адвокатомъ,
Постумъ... Теперь еще огонь досады
Бушуетъ въ немъ; поэтому не худо
Вы сдѣлаете, если покоритесь
Его велѣнью, съ тѣмъ святымъ терпѣньемъ,
Которое внушитъ вамъ мудрость ваша.

ПОСТУМЪ. — Какъ вашему величеству угодно...
Я нынче же уѣду.

КОРОЛЕВА. — Вамъ извѣстна
Опасность! Я вкругъ сада обойду,
Сочувствуя всѣмъ мукамъ раздѣленныхъ
Сердецъ, хотя король мнѣ повелѣлъ
Не допускать васъ къ тайнымъ разговорамъ! *(Удаляется)*.

ИМОДЖЕНА. — О, ловкое потворство! Какъ лукаво
Ласкаетъ этотъ змѣй въ тотъ самый мигъ,

Когда кусаетъ!.. Милый мой супругъ,
Я опасаюсь гнѣва короля,
Но, сохраняя все къ нему почтенье,
Скажу, что гнѣвъ его передо мной
Безсиленъ!.. Уѣзжай скорѣй, а я
Останусь цѣлью глазъ сердитыхъ...
Ничто мнѣ жизни столько не согрѣетъ,
Какъ мысль о томъ, что въ мірѣ есть алмазъ,
Съ которымъ я солью̀ся вновь!

ПОСТУМЪ.— Царица!
Любовь моя! Не плачь такъ много, если
Не хочешь, чтобъ чувствительность моя
Переступила грань людской печали;
Я буду вѣкъ вѣрнѣйшимъ изъ мужей,
Какой когда-нибудь клялся въ любви!
Остановлюсь я въ Римѣ, у Филарьо:
Онъ друженъ былъ съ моимъ отцомъ покойнымъ,
Я-жъ съ нимъ знакомъ пока по перепискѣ;
Пиши туда ко мнѣ, моя царица—
Твои слова я стану пить глазами,
Хотя бы ихъ чернила были желчью!.. *(Королева возвращается).*

КОРОЛЕВА.—Спѣшите, умоляю васъ: король
Придетъ сюда—и мнѣ тогда, я знаю,
Достанется за васъ! *(Въ сторону).* Его прогулку
Направлю я теперь сюда же! Онъ,
Поссорившись со мной, всегда охотно
Мое коварство покупаетъ: щедро
Онъ платитъ мнѣ за всѣ мои обиды! *(Уходитъ).*

ПОСТУМЪ.—Когда бы мы прощались такъ же долго,
Какъ долго жить съ тобой намъ остается,
Разлука намъ была бы тяжела:
Прощай!

ИМОДЖЕНА.— Нѣтъ, погоди еще немного!
Когда-бъ ты ѣхалъ для одной прогулки—
И тутъ прощанье это было-бъ кратко!
Смотри сюда, мой милый: вотъ колечко
Покойной матери моей; возьми,
Носи его, мое родное сердце,
До той поры, пока, съ моей кончиной,
Другой жены себѣ ты не возьмешь!

ПОСТУМЪ.—Какъ?.. Что?.. Другой!.. Властительные боги,
Молю васъ, дайте мнѣ лишь ту, съ которой

Вступилъ я въ бракъ, и пусть оковы смерти
Меня навѣкъ отдѣлятъ отъ другой! *(Надѣваетъ кольцо).*
Останься здѣсь, пока во мнѣ есть чувство!
Тебѣ-жъ, моя безцѣнная краса,—
Носи же это для меня, какъ цѣпи
Любви:—я эти цѣпи налагаю
На милую невольницу! *(Надѣваетъ браслетъ на руку Имоджены).*

ИМОДЖЕНА.— О, боги!
Когда-то мы увидимся опять? *(Входятъ Цимбелинъ и лорды).*

ПОСТУМЪ.—Бѣда!.. Король!!..

ЦИМБЕЛИНЪ.—Прочь съ глазъ моихъ, негодный!
И если мой приказъ ты вновь нарушишь
И недостойной личностью своей
Вновь осквернишь мой дворъ, ты безъ пощады
Погибнешь. Прочь! твой видъ мнѣ ядъ смертельный!

ПОСТУМЪ.—Да сохранятъ васъ боги и мольбы
Всѣхъ добрыхъ вашего двора! Прощайте! *(Уходитъ).*

ИМОДЖЕНА.—Подобной муки нѣтъ и въ самой смерти!

ЦИМБЕЛИНЪ.—О! беззаконное созданье! Ты—
Которой долгъ напоминать мнѣ юность—
Ты надо мной скопляешь бремя лѣтъ!

ИМОДЖЕНА.—Сэръ, умоляю васъ, не убивайте
Себя досадою; вашъ гнѣвъ нисколько
Меня не трогаетъ: другія муки
Во мнѣ и страхъ, и горе заглушаютъ!

ЦИМБЕЛИНЪ.—Какъ!.. Все исчезло, кротость и покорство?

ИМОДЖЕНА.—Мои мечты отчаянье убило,
Поэтому и кротость умерла!

ЦИМБЕЛИНЪ.—Ты вышла бы за сына королевы...

ИМОДЖЕНА.—Блаженна я, что за него не вышла!
Отвергнувъ ястреба, я предпочла
Орла!!

ЦИМБЕЛИНЪ.—Ты вышла замужъ за пажа,
На тронъ отца ты бѣдность посадила!..

ИМОДЖЕНА.—Нѣтъ! Я скорѣй его во блескѣ новомъ
Превознесла!..

ЦИМБЕЛИНЪ.— О, грѣшная душа!

ИМОДЖЕНА.—Въ моей любви вы сами виноваты;
Вы съ нимъ меня отъ дѣтства воспитали:
А онъ таковъ, что всякая изъ женщинъ
Готова имъ гордиться!.. За любовь
Мою онъ мнѣ пожертвовалъ не мало!

ЦИМБЕЛИНЪ.—Что!?.. Не съ-ума ли ты сошла?
ИМОДЖЕНА.— Такъ точно!
Да вразумитъ меня Творецъ!.. О, еслибъ
Отецъ мой былъ овчарникомъ убогимъ,
А Леонатъ мой—сыномъ кузнеца!.. (*Королева возвращается*).
ЦИМБЕЛИНЪ.—Негодница... Я вновь засталъ ихъ вмѣстѣ...
(*Королевѣ*). Вы поступили противъ нашей воли:
Прочь съ глазъ ее и запереть покрѣпче!
КОРОЛЕВА.—Прошу васъ, потерпите. Дочь моя
Родная, покоритесь. Государь,
Оставьте насъ вдвоемъ и успокойтесь,
Насколько васъ научитъ мудрость ваша.
ЦИМБЕЛИНЪ.—Нѣтъ, пусть она теряетъ каждый день
По каплѣ крови! Пусть она погибнетъ
На старости отъ этого безумства! (*Уходятъ*).
(*Входитъ* ПИЗАНІО).
КОРОЛЕВА.—Фи, полноте! Вотъ вашъ слуга, милэди.
Ну, сэръ, что̀ новаго?
ПИЗАНІО.— Милордъ, вашъ сынъ,
Дрался съ моимъ несчастнымъ господиномъ.
КОРОЛЕВА.—А!.. Я надѣюсь, нѣтъ большой бѣды?
ПИЗАНІО.—Бѣда могла случиться; только, къ счастью,
Мой господинъ игралъ, а не дрался,
И былъ далекъ отъ гнѣва: ихъ розняли
Свидѣтели нежданной этой ссоры.
КОРОЛЕВА.—Я очень рада, сэръ!..
ИМОДЖЕНА.— Вашъ сынъ—пріятель
Съ моимъ отцомъ; отецъ мой за него
Стоитъ!.. На изгнаннаго мечъ поднять!
О, храбрый рыцарь! Я желала-бъ ихъ
Обоихъ встрѣтить въ Африкѣ *): съ иголкой
Я стала бы за ними и колола-бъ
Того, кто-бъ первый вздумалъ отступать!...
Зачѣмъ же ты покинулъ господина?
ПИЗАНІО.—Онъ мнѣ велѣлъ идти: онъ не хотѣлъ,
Чтобъ я его до моря провожалъ.
Вотъ въ этомъ росписаньи онъ означилъ
Все то, чему я долженъ покоряться,
Когда нуждаться будете во мнѣ.

---

*) Здѣсь Шекспиръ намекаетъ на африканскихъ женщинъ: большія охотницы до поединковъ мужей, онѣ часто служатъ имъ секундантами.

Королева.—Онъ (*указывая на Пизанію*) былъ у васъ усерднѣйшимъ слугой

И, вѣрно, такъ останется навѣки!

Пизанію.—Благодарю васъ, свѣтлая милэди.

Королева (*Имоджень*).—Прошу васъ, погуляемъ здѣсь немного!..

Имоджена (*Пизанію*).—Я погодя съ тобой поговорю:

Мнѣ нужно, чтобъ въ послѣдній разъ ты видѣлъ

Милорда въ гавани. Ступай покуда! (*Уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Площадь (Входятъ Клотенъ и двое придворныхъ).

Первый придворный.—Сэръ! Я вамъ посовѣтовалъ бы перемѣнить рубашку; запальчивость движеній сдѣлала то, что вы дымитесь, словно какая жертва. Гдѣ воздухъ выдыхается, тамъ онъ и вдыхается. Но воздухъ внѣшній не такъ здоровъ, какъ тотъ, который вы выдыхаете.

Клотенъ.—Еслибъ мою рубашку окатили кровью, то для того, чтобъ ее скинуть... А что, я его ранилъ?

Второй придворный (*въ сторону*).—Нѣтъ, почтенный, и это рѣшено точно такъ же, какъ ты не ранилъ и его терпѣнія.

Первый придворный.—Вы спрашиваете, влѣпили ли вы ему рану?! Да если онъ не раненъ, клянусь вамъ, что его тѣло ни что иное, какъ сквозной скелетъ: онъ столбовая дорога для шпаги, если вы его не искололи!

Второй придворный (*въ сторону*).—Его шпага, должно быть, по уши въ долгахъ: она пробиралась околицами!

Клотенъ.—Смѣльчакъ не могъ противъ меня устоять!

Второй придворный (*въ сторону*).—Да, не могъ: онъ далъ тягу прямо на тебя!

Первый придворный.—Устоять противъ васъ! У васъ и безъ того тьма-тьмущая земель; а онъ вздумалъ увеличивать вашу собственность и уступилъ вамъ еще малую толику землицы!

Второй придворный (*въ сторону*). — Именно! ровно столько вершковъ, сколько у васъ за душою океановъ, молокососы!

Клотенъ.—О, еслибъ насъ не разнимали!!

Второй придворный (*въ сторону*). — Мнѣ также желательно было бы, чтобъ ты, наконецъ, смѣрилъ, какъ великъ глупецъ, когда его растянуть по землѣ.

Клотенъ.—И она могла полюбить этого скомороха, могла отвергнуть меня!

Второй придворный *(въ сторону).*—Если грѣшно дѣлать праведный выборъ, то она виновата.

Первый придворный. — Сэръ! Я вамъ всегда говорилъ, что ея красота не вяжется съ ея умомъ: она смазлива на видъ, но въ ея головѣ я не замѣтилъ большаго блеска.

Второй придворный *(въ сторону).*—Ея умъ никогда не свѣтитъ на глупцовъ, чтобъ не повредить имъ своею яркостью.

Клотенъ.—Пойдемъ въ мою комнату! А все-таки мнѣ хотѣлось бы, чтобъ это кончилось хоть крохотнымъ несчастьицемъ!..

Второй придворный *(въ сторону).*—А я до этого вовсе не охотникъ... Развѣ ужъ растянулся бы оселъ... да это еще не несчастье!

Клотенъ.—Хотите ли вы съ нами идти?

Первый придворный.—Я иду за вами, принцъ.

Клотенъ.—Нѣтъ, идемъ вмѣстѣ.

Второй придворный.—Охотно, милордъ! *(Уходятъ).*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Комната во дворцѣ Цимбелина (Входятъ: Имоджена и Пизаніо).

Имоджена.—О, еслибъ ты сталъ въ гавани утёсомъ,
Опрашивая всѣ въ ней корабли!
И если онъ ко мнѣ писалъ, а я
Его письма не получу — утрата
Сравнится лишь съ потерей манифеста,
Который намъ прощенье подаетъ.
Что онъ сказалъ, прощаясь съ тобою?

Пизаніо.—Онъ мнѣ сказалъ: „Царица! Имоджена!“

Имоджена.—Потомъ махнулъ платкомъ?

Пизаніо.— Махнулъ, и тутъ же
Его поцѣловалъ!..

Имоджена.— Нѣмая ткань!
Какъ я тебѣ завидую!.. И только?

Пизаніо.—Нѣтъ, лэди: онъ на палубѣ стоялъ
До той поры, пока его мой глазъ
И уши отличали отъ другихъ,
И все махалъ перчатками и шляпой,
Какъ-будто бурное волненье мыслей
Хотѣло выразить, что сердцемъ въ гавань
Стремился онъ, хоть уносился вдаль.

Имоджена.—Ты долженъ былъ за нимъ слѣдить, покуда
Онъ съ виду сталъ бы менѣе, чѣмъ голубь.
Пизаніо.—Я такъ и сдѣлалъ!
Имоджена.— Я же порвала бы
Всѣ нервы глазъ моихъ, слѣдя за нимъ,
До той поры, пока-бъ величиной
Сравнялся онъ съ концомъ моей иголки,
И я слѣдила бы за нимъ, пока
Въ эфирѣ онъ исчезъ, какъ мошка... Послѣ-жъ
Я отвернулась бы и стала-бъ плакать...
Ахъ, добрый мой Пизаніо, когда-то
Услышимъ мы о немъ?
Пизаніо.— Навѣрно
Онъ къ намъ напишетъ съ первымъ кораблемъ.
Имоджена.—Мы съ нимъ простились, а сколько сладкихъ
Рѣчей ему хотѣла я сказать?!
Я не успѣла выразить ему,
Какъ буду я о немъ порою думать,
Какъ буду я о немъ мечтать; онъ клятвъ
Мнѣ не далъ въ томъ, что римскія красотки
Не омрачатъ его любви и чести...
Я не успѣла взять съ него обѣта
Молиться въ тѣ часы, какъ я молюсь —
Съ восходомъ солнца, въ полдень и въ тиши
Полночной... Я хотѣла на прощаньи
Ему вручить сладчайшій поцѣлуй
Межъ двухъ прелестныхъ словъ, какъ вдругъ явился
Отецъ мой и, подобно урагану,
Въ зародышѣ цвѣточекъ нашъ убилъ! *(Входитъ придворная дама).*
Придворная дама.—Миледи, королева проситъ васъ.
Имоджена *(Пизаніо).*—Скорѣе же исполни то, о чемъ
Тебя просила я.
Пизаніо.— Исполню, лэди *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Римъ.—Комната въ домѣ Филаріо (Входятъ: Филаріо, Якимо, Французъ, Голландецъ и Испанецъ).

Якимо.—Повѣрьте мнѣ, донъ Филаріо, я видѣлъ его въ Британіи. Тогда онъ былъ въ большомъ почётѣ, и всѣ тревожно ожи-

дали, что онъ наконецъ достигнетъ тѣхъ почестей, которыя впослѣдствіи ему оказали по сану. Однакожъ, я на него тогда глядѣлъ безъ удивленія и сдѣлалъ бы это даже въ то время, когда бы, рядомъ съ нимъ, вздумали выставить каталогъ всѣхъ его доблестей и меня принудили повѣрять его, статья за статьею!

Филаріо.—Вы говорите объ эпохѣ, въ которую онъ не успѣлъ еще развить, какъ это сдѣлалъ теперь, всѣхъ своихъ внутреннихъ и внѣшнихъ даровъ.

Французъ.—Я видѣлъ его во Франціи *); у насъ перебывало немало господчиковъ, которые, подобно ему, умѣли глядѣть на солнце спокойнымъ взоромъ.

Якимо.—Главная статья въ томъ, что нашъ другъ женился на дочери короля; его цѣнятъ не по достоинствамъ его природы, а по достоинствамъ его супруги. Отсюда, нѣтъ сомнѣнія, происходятъ и всѣ эти преувеличенныя похвалы.

Французъ.—Потомъ его изгнаніе...

Якимо.—Именно!! Сюда же относятся и одобренія тѣхъ, которые жалѣютъ о плачевной разлукѣ сердецъ и держатъ сторону его жены; они его чудовищно превозносятъ, а все для того, чтобъ подкрѣпить ея рѣшимость, которая безъ этого пала бы отъ самой ничтожной батареи, такъ какъ принцесса выбрала бѣдняка, неукрашаемаго ни однимъ высокимъ качествомъ. Однако, послушайте: какъ это случилось, что онъ поселился у васъ? Какими путями устроилось это знакомство?

Филаріо.—Его отецъ былъ мнѣ товарищемъ по войнѣ, и я не разъ былъ одолженъ ему не менѣе какъ жизнью *(Входитъ Постумъ)*. Вотъ идетъ Британецъ. Примите его, какъ слѣдуетъ благороднымъ людямъ, съ вашимъ воспитаніемъ, принимать всякаго почетнаго иностранца. Прошу васъ всѣхъ покороче познакомиться съ этимъ джентльменомъ. Представляю вамъ его, какъ моего лучшаго друга. Что-же касается до его достоинствъ, то, вмѣсто того, чтобъ ихъ высчитывать по-пальцамъ въ его присутствіи, я предоставляю это высказать будущему!

Французъ.—Сэръ, мы, кажется, были знакомы въ Орлеанѣ?

Постумъ.—Да, и съ той поры я у васъ вѣчно въ долгу за ваше вниманіе, и сколько ни плачу, все еще я вашъ неоплатный должникъ.

Французъ.—Сэръ, вы черезчуръ ужъ дорого цѣните мою слабую услугу. Я радъ отъ души, что примирилъ васъ съ моимъ землякомъ: жаль было бы, если бы вы сошлись съ тѣми жестокими намѣреніями, какія тогда были у васъ обоихъ, и притомъ изъ-за такого пустого ничтожнаго дѣла.

Постумъ.—Простите, сэръ! Я былъ тогда молодымъ странникомъ;

*) Здѣсь имя Франціи употреблено вмѣсто имени „Галлія".

я избѣгалъ слѣдовать тѣмъ мнѣніямъ, которыя слышалъ, и не хотѣлъ въ своихъ поступкахъ ходить на помочахъ чужой опытности. Но и теперь, когда мой умъ уже созрѣлъ,—если только не оскорбительно сказать, что онъ созрѣлъ,—мнѣ кажется, что моя ссора была не совсѣмъ изъ-за пустой причины.

Французъ.—Все-таки, мнѣ кажется, не стоило въ этомъ дѣлѣ прибѣгать къ посредству шпагъ, особенно людямъ, изъ которыхъ, безъ всякаго сомнѣнія, одинъ непремѣнно уложилъ бы другого, а то, пожалуй, и оба пали бы на мѣстѣ.

Якимо.—Можемъ ли мы, не нарушая приличія, спросить о причинѣ этой ссоры?

Французъ.—Почему же нѣтъ?.. Дѣло происходило публично и, вслѣдствіе этого, я думаю, можетъ быть разсказано безъ всякихъ прикрасъ... Оно, если хотите, немножко похоже на наше состязаніе въ прошедшій вечеръ, когда каждый изъ насъ щеголялъ похвалами красавицамъ своей земли; этотъ господинъ тогда утверждалъ—и слова свои готовъ былъ поддержать кровавою расплатой—что его предметъ страсти прелестнѣе, добродѣтельнѣе, умнѣе, степеннѣе и постояннѣе самой лучшей изъ женщинъ Франціи.

Якимо.—Безъ сомнѣнія, этой дами нынѣ ужъ нѣтъ въ живыхъ, или мнѣніе этого джентльмена, касательно ея красоты, нѣсколько попритихло.

Постумъ.—Эта дамы попрежнему полна добродѣтелей, и я все также думаю о ней.

Якимо.—Но вы, конечно, не станете ее такъ превозносить надъ нашими итальянскими красавицами.

Постумъ.—Еслибъ меня вздумали подзадоривать такъ, какъ это дѣлали во Франціи, я и тутъ бы не убавилъ ея достоинствъ. Объявляю вамъ, что я вмѣстѣ и обожатель ея, и вѣрный защитникъ.

Якимо.—Говорить:—„столько же прекрасна“, или „столько же добра (употребляю ближайшее сравненіе), какъ наши Итальянки“, значило бы приписывать черезчуръ уже много прелести и доброты какой угодно британской лэди!.. Если она превосходитъ только тѣхъ женщинъ, которыхъ я зналъ, такъ точно, какъ вотъ этотъ вашъ алмазъ превосходитъ своею яркостью алмазы, которые мнѣ случалось видѣть, то изъ этого выходитъ покамѣстъ только то, что она лучше „многихъ“ женщинъ, потому что ни я, безъ сомнѣнія, не видѣлъ драгоцѣннѣйшаго изъ алмазовъ нашего міра, ни вы не видѣли достойнѣйшей изъ женщинъ...

Постумъ.—Я ее хвалю настолько, насколько цѣню ее; то же я дѣлаю и въ отношеніи этого камня.

Якимо.—Какъ, однако, вы изволите цѣнить его?

Постумъ.—Дороже всего, что̀ составляетъ наслажденіе нашего міра.

Якимо.—Значитъ, или ваша несравненная дама отправилась на тотъ свѣтъ, или она стала дешевле этой бездѣлушки.

Постумъ.—Вы ошибаетесь: послѣднюю можно продать или подарить, если у кого довольно богатства, чтобъ купить ее, или довольно заслугъ, чтобъ получить подобный подарокъ; первая же вовсе не предметъ для продажи и можетъ быть подарена одними богами...

Якимо.—Которые вамъ ее и подарили?

Постумъ.—Да, и которая, по милости ихъ, останется навѣкъ моею!

Якимо.—Вы имѣете полное право считать ее вашею по имени; но, вы знаете, чужія птицы иногда садятся на пруды сосѣдей... кольцо ваше могутъ также украсть; слѣдовательно, выходитъ, что изъ двухъ безцѣнныхъ сокровищъ — одно слабо, а другое подлежитъ случайностямъ... Ловкій и искусный въ этихъ дѣлахъ куртизанъ не откажется попытаться пріобрѣсти отъ васъ то и другое.

Постумъ.—Во всей вашей Италіи не найдется такого искуснаго куртизана, который бы могъ восторжествовать надъ честью моей милой, если именно о потерѣ или сохраненіи чести вы думали тогда, какъ назвали ее подверженною случайностямъ! Я ни мало не сомнѣваюсь въ томъ, что у васъ здѣсь порядочное количество воровъ; несмотря на то, я не боюсь и за свой перстень.

Филаріо.—Остановимся на этомъ, господа.

Постумъ.—Сэръ, съ большимъ удовольствіемъ. Этотъ достойный синьоръ,—я ему очень благодаренъ,—не хочетъ видѣть во мнѣ иностранца; мы съ нимъ сблизились съ перваго раза.

Якимо.—Послѣ пяти подобныхъ разговоровъ я проложилъ бы дорогу и къ вашей прекрасной возлюбленной, заставилъ бы ее отступить и сдаться, еслибъ я только имѣлъ къ ней доступъ или случай услужить ей.

Постумъ.—Нѣтъ, нѣтъ.

Якимо.—Я рѣшился бы въ такихъ обстоятельствахъ держать половину своего имущества противъ вашего перстня, и это, по моему мнѣнію, было бы еще очень много. Но я держу свой закладъ скорѣе противъ вашей слѣпой увѣренности, чѣмъ противъ ея чести; и потому, чтобъ удалить отъ васъ всякое оскорбленіе, я готовъ произвести свой опытъ надъ какой угодно женщиной въ свѣтѣ.

Постумъ.—Ваша смѣлая самонадѣянность обманываетъ васъ, и я не сомнѣваюсь, что, при опытѣ своемъ, вы получите то, что̀ вамъ слѣдуетъ по заслугамъ.

Якимо.—Что же это?

Постумъ.—Формальный отказъ! Хотя, впрочемъ, вашъ опытъ, какъ вы его изволите именовать, стоитъ бо́льшаго, именно—наказанія.

Филаріо.—Довольно, господа: споръ этотъ произошелъ очень быстро; пусть же онъ и умретъ такъ, какъ родился! Прошу васъ, ознакомьтесь покороче.

Якимо.—Я готовъ отвѣчать всѣмъ моимъ имуществомъ и имуществомъ моего сосѣда, чтобъ только доказать вамъ то, о чемъ я говорилъ.

Постумъ.—Какую даму избрали бы вы для вашего испытанія?

Якимо.—Вашу, вѣрность которой, по вашимъ словамъ, такъ неподкупна. Я держу десять тысячъ дукатовъ противъ вашего кольца, съ условіемъ, что вы отрекомендуете меня при дворѣ, гдѣ ваша дама сердца, и не далѣе, какъ послѣ счастья второго свиданія, я привезу оттуда ея честь, которую вы считаете въ такой безопасности.

Постумъ.—Я буду держать золото противъ вашего золота; кольцо для меня дорого столько же, какъ и мой палецъ: оно — часть его!

Якимо.—Вы любите, поэтому вы и благоразумны. Но хоть бы вы платили по милліону за каждую драхму женскаго тѣла, то и тогда бы не спасли его отъ порчи... Впрочемъ, я вижу въ васъ частицу суевѣрія, которое заставляетъ васъ бояться.

Постумъ.—Это только привычка вашего языка... Надѣюсь, что убѣжденія ваши нѣсколько честнѣе!

Якимо.—Я отвѣчаю за мои рѣчи и готовъ, клянусь вамъ, подтвердить то, что̀ сказалъ.

Постумъ.—Вы рѣшились бы?!.. Въ такомъ случаѣ, я оставляю свой алмазъ до вашего возвращенія: мы заключимъ между собою формальный договоръ. Добродѣтели моей милой превосходятъ безпредѣльность вашихъ гнусныхъ мыслей. Я вызываю васъ на это пари: вотъ вамъ мое кольцо!

Филаріо.—Я желалъ бы, чтобъ это пари не существовало никогда!

Якимо.—О! клянусь богами, оно совершенно!.. Если я не привезу вамъ достаточныхъ доказательствъ тому, что я былъ принятъ благосклонно вашей милой, мои десять тысячъ дукатовъ принадлежатъ вамъ точно такъ же, какъ и мой алмазъ. Если-жъ я возвращусь оттуда, оставивъ вѣрность ея, какъ вы надѣетесь, неприкосновенною,— она, вашъ алмазъ, этотъ алмазъ и мое золото — все ваше! Вы только обязаны снабдить меня рекомендательными письмами, чтобъ я свободно получилъ къ ней доступъ.

Постумъ.—Я принимаю эти условія. Составимъ статьи нашего контракта. Только въ ихъ предѣлахъ вы и будете отвѣчать. Если вы совершите свою атаку противъ нея и доставите мнѣ вѣрное доказательство, что побѣдили ея любовь ко мнѣ, я болѣе вамъ не врагъ: она недостойна нашихъ споровъ!.. Если-жъ окажется противное, то

за ваше гнусное хвастовство и за ваше легкомысліе вы мнѣ отвѣтите со шпагою въ рукахъ.

Якимо.—Вашу руку! идемъ! Мы скрѣпимъ свой договоръ законнымъ порядкомъ, и я немедленно полечу въ Британію, чтобъ это дѣло не застыло! Итакъ, пойдемъ за золотомъ и засвидѣтельствуемъ нашъ обоюдный договоръ.

Постумъ. Согласенъ!.. *(Постумъ и Якимо уходятъ).*

Французъ. И вы думаете, что это состоится?

Филаріо.—Синьоръ Якимо не отступитъ отъ этого! Прошу васъ, пойдемте за ними *(Уходятъ).*

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Британія. Комната во дворцѣ Цимбелина. (Входятъ: Королева, придворныя дамы и Корнелій).

Королева.—Пока роса еще не улетѣла,
Вы наберите мнѣ такихъ цвѣтовъ...
Спѣшите: у кого изъ васъ ихъ списокъ?

1-я придворная дама.—Миледи, у меня.

Королева.— Итакъ, скорѣй! *(Дамы уходятъ).*
Ну, докторъ, принесли-ль вы нужныхъ зелій?

Корнелій *(передаетъ ей маленькую коробочку).* Всѣ тутъ, какъ вамъ хотѣлося, миледи,
Но, если васъ я этимъ не обижу,
По совѣсти, позвольте васъ спросить,
Зачѣмъ вы составлять мнѣ поручали
Отравы, отъ которыхъ умираютъ
Тяжелою и медленною смертью?..

Королева.—Я удивляюсь, докторъ, какъ ты могъ
Меня спросить объ этомъ? Не твоя ли
Была я ученица столько лѣтъ?
Не ты-ль меня училъ приготовлять
Духи, перегонять, хранить лѣкарства?
Самъ государь меня хвалилъ за это...
Что-жъ тутъ за диво, если я хочу,
Успѣвъ такъ много—вы-жъ меня, вдобавокъ,
Колдуньей всѣ считаете—въ иныхъ
Предметахъ разъяснить свои сомнѣнья?
Я испытаю силу этихъ ядовъ
Не надъ людьми, надъ тварями, которыхъ,
По-нашему, мы можемъ умерщвлять...
Но, чтобъ повѣрить силѣ ихъ, мнѣ нужно

Еще узнать составъ противоядій:
Тогда-то я вполнѣ обогащусь
Ихъ грозными и дивными дарами!

КОРНЕЛІЙ.—Милэди! эти опыты незримо
Ожесточаютъ сердце человѣка:
Одинъ ужъ видъ ихъ ядовитъ и гнусенъ!

КОРОЛЕВА.—О, докторъ! въ этомъ будьте вы спокойны! *(Входитъ Пизаніо).*
(Въ сторону). Вотъ онъ, наглецъ коварный! Первый опытъ
Я совершу надъ нимъ: онъ жарко преданъ
Постуму, господину своему;
Онъ сына моего терпѣть не можетъ!.. *(Громко).*
Ну, что, Пизаніо? Любезный докторъ,
Ты мнѣ пока не нуженъ! До свиданья!

КОРНЕЛІЙ *(въ сторону).*—Я понялъ васъ, милэди!.. Вы злодѣйства
Не совершите!..

КОРОЛЕВА *(Пизаніо).*—Выслушай меня! *(Она говоритъ съ нимъ шопотомъ).*

КОРНЕЛІЙ *(въ сторону).*— Я не люблю ее... пускай она
Воображаетъ, что ея составы—
Смертельный ядъ... Я разгадалъ ее
И не повѣрю никому, кто-бъ съ ней
Сравнился въ злѣ такихъ опасныхъ ядовъ!
То, чѣмъ она владѣетъ, усыпляетъ
И одуряетъ на извѣстный срокъ
Нашъ духъ и чувства; первую попытку
Она произведетъ, какъ я увѣренъ,
Надъ кошкою, за кошкой надъ собакой,
А тамъ пойдетъ и выше! Только нѣтъ
Опасности въ обманчивой кончинѣ,
Которой поражаютъ эти травы:
Отъ нихъ на время замираетъ духъ,
Чтобъ послѣ вновь ожить и посвѣжѣть...
Она обманется наружнымъ видомъ,
А я останусь правъ, хотя солгу...

КОРОЛЕВА.—Ступайте, докторъ, я васъ позову!

КОРНЕЛІЙ.—Иду. *(Уходитъ).*

КОРОЛЕВА.—Ты говоришь, она все плачетъ?
Современемъ бѣдняжка перестанетъ,
И тамъ, гдѣ нынѣ царствуетъ безумство,
Окрѣпшее сознанье воцарится...
Трудись! Едва ты мнѣ доставишь вѣсть,
Что мой Клотенъ принцессу побѣдилъ,

Я тутъ же объявлю, что ты безспорно
Великъ, какъ твой достойный господинъ,
И болѣе, пожалуй, потому,
Что счастіе его лежитъ безъ жизни
И угасаетъ молодое имя.
Онъ отступить теперь уже не можетъ,
Не можетъ и впередъ ступить ни шагу:
Перемѣнять же для него мѣста—
Одно и тоже, что мѣнять невзгоды,
День трудовой днемъ новымъ замѣняя.
Нельзя надѣяться на помощь вещи
Упавшей и которую поднять—
Нѣтъ у него услужливыхъ друзей... (*Королева роняетъ ящичекъ; Пизаніо поднимаетъ его*).
Ты поднялъ то, о чемъ ты и не мыслишь.
Дарю его тебѣ я за труды.
Я эту вещь сама приготовляла
И ею пять ужъ разъ спасла отъ смерти
Супруга своего: нѣтъ въ мірѣ средства
Сильнѣе этого! Возьми его,
Прошу тебя... Пусть это будетъ знакомъ
Почтенья моего къ тебѣ! Скажи—
Но только отъ себя—своей принцессѣ,
Какъ затруднительна ея судьба...
Размысли, какъ ты выиграешь этимъ!
Ты госпожи своей не потеряешь
И на придачу сына моего
Пріобрѣтешь! Тебя онъ не забудетъ!
Я-жъ короля склоню исполнить все,
Что̀ ты ни пожелаешь, и сама
Тебѣ вдобавокъ заплачу достойно!
Иди-жъ, зови моихъ придворныхъ дамъ
И бо всемъ, какъ слѣдуетъ, подумай! (*Пизаніо уходитъ*).
Хитрецъ и неподкупный негодяй!
Не соблазнить тебя... Агентъ Постума
И сторожъ той, которая должна
Невинною къ супругу возвратиться!
Едва ты примешь то, что̀ я тебѣ
Дала, у госпожи твоей не станетъ
Ни одного защитника ея
Красотъ!.. Когда-жъ черезъ тебя она
Не перемѣнитъ мнѣнья своего,

Она у насъ то самое увидитъ! (*Входятъ: Пизаніо и придворныя дамы*).
Да! да!—Прекрасно сдѣлано, прекрасно!—
Подснѣжники, коронки бѣлыхъ буквицъ
И маргаритки—все ко мнѣ снесите!
Писаніо! Прощай и не забудь
Моихъ совѣтовъ!

Пизаніо.—Не забуду, лэди! (*Королева и придворныя дамы уходятъ*).
Какъ!?.. Я обязанъ измѣнить Постуму?
Нѣтъ! Я скорѣй повѣшуся: и это
Одно, что я для васъ способенъ сдѣлать! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Тамъ же.—Другая комната (Входитъ Имоджена).

Имоджена.—Безжалостный и злой, коварный духъ
Свирѣпой мачихи!—Безмозглый рыцарь
Вдовы печальной, мужъ которой изгнанъ!..
О, этотъ мужъ! Вѣнецъ моихъ страданій!
Какъ много я терплю изъ-за него!
О, еслибъ я была, подобно братьямъ,
Похищена, счастливица!.. Какъ страшно
Мучительны томленья на престолѣ!
Блаженъ бѣднякъ, исполненный лишь скромныхъ
Надеждъ, которымъ любо при удачахъ!—
Кто-бъ это былъ?!—(*Входятъ: Пизаніо и Якимо*).

Пизаніо.— Миледи, джентльменъ
Изъ Рима! Онъ пріѣхалъ къ намъ съ письмомъ
Отъ мужа вашего.

Якимо (*Вкрадчиво*).— Что же такъ, миледи,
Вы поблѣднѣли вдругъ!.. Вашъ Леонатъ
Здоровъ и шлетъ вамъ нѣжные поклоны! (*Вручаетъ ей письмо*).

Имоджена.—Благодарю васъ, добрый сэръ: вы кстати
Пріѣхали...

Якимо (*въ сторону*).— О! какъ она богата
Наружной красотой!.. Владѣй она
Такою же прелестною душою—
Она единственный арабскій фениксъ *),

*) Выраженіе „Arabian bird"—арабская птица—по объясненію германскихъ комментаторовъ, значитъ: диво, чудо, фениксъ. Такъ это слово перевелъ и Л. Тикъ.

И мой закладъ проигранъ!—Другъ, смѣлѣй!—
Вооружи меня, огонь отваги,
Отъ головы до ногъ, чтобъ, какъ Парѳянинъ,
Сразился я средь своего побѣга
И бросился-бъ впередъ!..

Имоджена (*читаетъ*).—„Это человѣкъ высокихъ качествъ. Дружбѣ его я безконечно обязанъ. Прими его по достоинству, такъ, какъ ты предана—

Леонату".

Я до сихъ поръ
Читаю громко! Сердце глубоко
Согрѣто остальнымъ и принимаетъ
Все это съ благодарностью. Нѣтъ словъ,
Чтобъ выразить вамъ, добрый сэръ, какъ много
Я рада вамъ, и постараюсь это
Всѣмъ доказать, чѣмъ только я могу!

Якимо (*восторженно*).—Благодарю васъ, дивная принцесса!
Какъ?!.. Неужель такъ безразсудны люди?
Природа насъ глазами надѣлила,
Чтобъ созерцать лазурь небесъ, картины
Земель и водъ, чтобъ созерцать лучи
Блестящихъ звѣздъ и пестрые каменья
Кремнистыхъ береговъ, и мы не можемъ,
При помощи подобнаго орудья,
Отъ красоты уродства отличить?..

Имоджена.—Что васъ повергло въ это изумленье?

Якимо.—Глаза не виноваты!.. И мартышка
Изъ пары самокъ предпочла бы ту,
Которая смазливѣе другой;
Не виноватъ ничуть здѣсь и разсудокъ:
Въ такомъ рѣшеньи даже идіоты
Не ошибаются!.. Тѣмъ меньше страсть
Желаній здѣсь виною: гнусность, рядомъ
Съ высокою, достойной красотой,
До тошноты всѣ извратитъ желанья
И къ пищѣ въ насъ влеченья не родитъ!

Имоджена.—Въ чемъ дѣло, сэръ?!.

Якимо.— Пріѣвшаяся жадность,
Бездонная, прожорливая бочка,
Чуть уплететъ ягненка, ужъ опять
Ползетъ, готова ѣсть...

Имоджена.— Любезный сэръ,
Что васъ тревожитъ? Вы больны съ дороги?
Якимо.—Благодарю васъ, лэди, я здоровъ... (*Къ Пизаніо*).
Прошу васъ, сэръ, сыщите моего
Слугу: я на дворѣ его оставилъ;
Онъ очень простъ и здѣсь всего боится...
Пизаніо.—Сэръ, я за нимъ хотѣлъ уже идти (*Уходитъ*).
Имоджена.—Здоровъ ли мой супругъ? Милордъ, скажите!
Якимо.—Здоровъ, милэди!
Имоджена.— Веселится-ль онъ?
Я думаю, что веселится...
Якимо.— Да!!
Онъ страшно веселъ!.. Ни одинъ пріѣзжій
Такъ не игривъ и не безпеченъ въ Римѣ:
Его у насъ „Кутилою-Британцемъ"
Зовутъ...
Имоджена (*въ волненіи*).—На родинѣ онъ былъ всегда
Наклоненъ къ грусти и порой не зналъ
Самъ, почему онъ грустенъ...
Якимо.— Я-жъ ни разу
Его не видѣлъ пасмурнымъ!.. У насъ
Одинъ Французъ, достойнѣйшій мосьё,
Съ нимъ подружился: малый этотъ дома
Прелестную землячку полюбилъ
И день, и ночь по ней вздыхаетъ въ Римѣ.
Кутила же Британецъ—то-есть вашъ
Супругъ—надъ нимъ хохочетъ отъ души.
О, говоритъ онъ, какъ мнѣ не смѣяться,
Когда подумаю, что человѣкъ,
Наученный исторіей, преданьемъ
И опытомъ своей прошедшей жизни,
Въ томъ, что такое женщина и чѣмъ
Не быть ей и нельзя, стремится жизнь
До времени убить въ постыдномъ рабствѣ!
Имоджена.—И это говорилъ мой мужъ?
Якимо.— Такъ точно—
Вашъ мужъ—и хохоча до слезъ! Забавнѣй
Нѣтъ ничего, какъ онъ начнетъ порою
Смѣяться надъ Французомъ! Но, клянусь,
У насъ еще не такъ смѣются...
Имоджена.— Вѣрно
Не онъ?

Якимо.— Не онъ, но все-таки за милость
Небесъ онъ могъ бы быть поблагодарнѣй!
Какъ странно это въ отношеньи къ вамъ,
Которую считаю обладаньемъ
Постума, но не по его заслугамъ,
Къ вамъ я питаю вмѣстѣ съ удивленьемъ
И жалости немало...
Имоджена.— Что же вы
Жалѣете, милордъ?
Якимо.— Я отъ души
Жалѣю двухъ существъ!
Имоджена.— И я одно
Изъ нихъ, милордъ? Вы на меня глядите?
Какое же, достойное участья,
Вы усмотрѣли горе у меня?
Якимо.—Плачевное невѣжество!.. Бѣжать
Отъ свѣта солнца въ смрадную темницу!
Имоджена.—Прошу васъ, сэръ, яснѣе отвѣчайте
На мой вопросъ! Что жалко вамъ во мнѣ?
Якимо.—То, что другіе, думалъ я сказать,
У васъ похитили... А впрочемъ, это
Относится къ суду боговъ, и я
Обязанъ замолчать!
Имоджена.— Вы, какъ замѣтно,
Узнали нѣчто именно такое,
Что до меня касается. Прошу васъ—
Сомнѣніе въ несчастьи часто хуже,
Чѣмъ самая увѣренность въ несчастьи;
Затѣмъ, что или нѣтъ уже лѣкарства
Для раны, или, во-время увидя
Ее, мы можемъ ей помочь—скажите,
Что вмѣстѣ васъ и шпоритъ, и уздечкой
Придерживаетъ?
Якимо.— Если бы я могъ
Коснуться поцѣлуемъ этихъ щекъ,
Коснуться этихъ рукъ,—прикосновенье,
Одно прикосновеніе къ которымъ
Влечетъ всѣ чувства къ изступленнымъ клятвамъ,
Когда-бъ я могъ смотрѣть весь вѣкъ въ глаза,
Которые плѣняютъ дикій пламень
Моихъ очей—и тутъ же—(будь я проклятъ!)
Коснулся-бъ губъ публичныхъ, словно грязь

Ступеней лѣстницы капитолійской,
Пожалъ бы загрубѣлыя отъ вѣчныхъ
Измѣнъ, какъ отъ работы черной, руки,
И наконецъ, взглянулъ бы я въ глаза
Нечистые и мутные, какъ копоть
Гнилого сала, я бы заслужилъ,
Чтобъ всѣ мученья ада на меня
Обрушились за это святотатство!..

Имоджена.—Милордъ! Я опасаюсь, онъ забылъ
Британію...

Якимо.— Онъ позабылъ себя!..
Не по своей охотѣ, поневолѣ
Открылъ я вамъ измѣну Леоната:
Да! ваши прелести виной тому,
Что мой языкъ испуганная совѣсть
Заставила все это разболтать.

Имоджена.—Я не хочу, милордъ, васъ дольше слушать!

Якимо.—Безцѣнное созданье!.. Ваше горе
Меня такимъ участьемъ наполняетъ,
Что сердцу больно!—Лэди, красота
Которой, породненная съ вѣнцомъ
Имперіи, могла-бъ удвоить славу
Монарха—промѣнять на грязныхъ тварей
И покупать ихъ ласки на дукаты
Изъ вашей же казны, моя милэди!..
Такія зачумленныя созданья,
Что самый ядъ легко имъ отравить!..
Месть! месть ему! иль васъ не королева
Произвела на свѣтъ, и вы отпали
Отъ царственнаго корня!

Имоджена.— Мнѣ отмстить?
Но какъ же мнѣ отмстить? Хотя бы это
И вѣрно было, все же не удастся
Моимъ ушамъ надъ сердцемъ подсмѣяться.
Какъ мнѣ отмстить, хотя-бъ все это было
И вѣрно?..

Якимо.— Васъ онъ заставляетъ жить
На одинокомъ ложѣ, мирной жрицей
Діаны, самъ же весело гарцуетъ
Среди разнообразныхъ наслажденій,
Къ досадѣ вашей и на ваши деньги!
Нѣтъ, месть ему! Я весь къ услугамъ вашимъ!

Я болѣе, чѣмъ этотъ ренегатъ,
Достоинъ сердца вашего и вѣчно
Поклонникомъ безмолвнымъ и покорнымъ
Для васъ клянуся быть!..

ИМОДЖЕНА.— Сюда, скорѣй,
Пизаніо!

ЯКИМО.— Позвольте мой обѣтъ
Запечатлѣть на вашихъ алыхъ губкахъ!

ИМОДЖЕНА.—Назадъ! Да будутъ прокляты тѣ уши,
Которыя словамъ твоимъ внимали!
Когда-бъ ты былъ достойный человѣкъ,
Ты-бъ эту сказку разсказалъ для блага,
А не для той постыдной, гнусной цѣли,
Которой ищешь ты! Ты человѣка
Чернишь, который столько же далекъ
Отъ словъ твоихъ, какъ ты далекъ отъ чести
И соблазняешь женщину, съ презрѣніемъ
Отвергшую тебя, негодный демонъ!
Пизаніо! сюда!—Пускай узнаетъ
Король, отецъ мой, о твоемъ безстыдствѣ:
И если онъ одобритъ иностранца,
Озорника, который при его
Дворѣ такъ нагло, такъ безстыдно-дерзко
Ведетъ себя,—о доблестяхъ двора
Онъ не заботится и дочь свою
Не ставитъ ни во что!—Сюда, скорѣй,
Пизаніо!

ЯКИМО *(Задумчиво)*.—Счастливецъ Леонатъ!..
Вотъ что сказать теперь я долженъ... Честь
Твоей жены заслуживаетъ вѣры
Твоей, какъ добродѣтели твои
Заслуживаютъ вѣры Имоджены!
Благословенны будьте вы навѣки...
Жена достойнѣйшаго изъ людей,
Прославившихъ заслугами отчизну,
И госпожа, которой стоятъ только
Достойнѣйшіе изъ людей! Простите
Меня!.. Я говорилъ все это съ тѣмъ,
Чтобъ испытать, какъ глубоко по-правдѣ
Пустила корни ваша вѣрность! Нынѣ-жъ
Я опишу вамъ снова Леоната:
Какъ высоко онъ нравственъ въ самомъ дѣлѣ!

Онъ, какъ волшебникъ, общество чаруетъ,
И половина всѣхъ сердецъ ему
Покорна!..

ИМОДЖЕНА.— Такъ я съ вами примиряюсь!..

ЯКИМО.—Въ кругу людей онъ словно гость эфира.
Неуязвимой чести онъ исполненъ,
Какъ ни одинъ изъ смертныхъ! Но, простите,
Высокая принцесса, если я
Осмѣлился васъ ложью испытать!
Вы этимъ снова честно доказали
Тотъ умъ, который вамъ избралъ супруга,
Свободнаго отъ всѣхъ ошибокъ! Дружба
Къ нему меня на это побудила!
Но вы, по милости боговъ, совсѣмъ
Почти не женщина, вы неподкупны!
Простите, умоляю васъ.

ИМОДЖЕНА.— Милордъ,
Все хорошо теперь. Располагайте
Моимъ вліяньемъ при дворѣ.

ЯКИМО.— Милэди,
Благодарю; я вовсе и забылъ
Васъ небольшою просьбой потревожить:
Она важна ужъ тѣмъ, что вашъ супругъ
Въ ней не чужой... И я, и всѣ мои
Достойные друзья въ ней принимаютъ
Участіе.

ИМОДЖЕНА.— Скажите, что же это?

ЯКИМО.—Двѣнадцать человѣкъ изъ нашихъ Римлянъ—
И въ томъ числѣ вашъ мужъ, въ крылѣ у насъ
Завѣтное перо—сложились вмѣстѣ
Купить подарокъ нашему владыкѣ *).
Я, исполнитель этого, купилъ
Подарокъ нашъ во Франціи: посуда
Довольно рѣдкая и вся въ каменьяхъ
Богатыхъ и отдѣланныхъ на-диво...
Подарокъ дорогой, и я желалъ бы,
Какъ иностранецъ, понадежнѣй мѣсто
Ему найти: не можете ли вы
Принять его подъ свой покровъ!..

ИМОДЖЕНА.— Охотно!
Ручаюсь честью вамъ за безопасность

*) Императору Августу-Цезарю.

Его... Когда мой мужъ въ немъ принимаетъ
Участіе подобное, я въ спальню
Къ себѣ велю его перенести.
Якимо.—Подарокъ этотъ въ сундукѣ хранится,
Подъ стражею моихъ людей; я только
На эту ночь велю перенести
Его въ покои ваши, такъ какъ завтра
Я долженъ въ путь ужъ ѣхать.
Имоджена.— Какъ, милордъ?
Якимо.—Простите, это такъ; иль я промедлю
Свой путь въ ущербъ обѣщанному слову.
Изъ Галліи морями я спѣшилъ
Нарочно, для того, чтобъ вашу свѣтлость,
Какъ обѣщалъ, увидѣть.
Имоджена.— Отъ души
Благодарю васъ за старанье это.
Но для чего вамъ рано такъ спѣшить?
Якимо.—Такъ нужно, лэди! Потому, когда
Угодно вамъ писать со мной къ милорду,
Прошу васъ въ эту-жъ ночь все приготовить.
Я опоздалъ и такъ—а это важно
Для доставленья нашего подарка.
Имоджена.—Я напишу! Пришлите вашъ сундукъ.
Я сохраню его и вамъ, какъ должно,
Его доставлю.—До свиданья, лордъ! (*Уходитъ*).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Дворъ передъ палатами Цимбелина. (Входятъ: Клотенъ и двое придворныхъ).

Клотенъ.—Бывалъ ли когда-нибудь человѣкъ въ такомъ скверномъ положеніи? Въ тотъ самый мигъ, какъ однимъ взмахомъ я уже касался цѣли, шаръ мой далъ тягу! Я побился объ закладъ на сто фунтовъ, а тутъ еще подвернулся этотъ плюгавый орангутангъ и придирается къ моей бранчивости!.. Точно я у него бралъ на-прокатъ загвоздки моихъ ругательствъ и не могу ими сорить въ услажденіе души моей!

Первый придворный.—Что онъ выигралъ въ этомъ дѣлѣ? Вы разбили ему черепъ вашимъ шаромъ!

Второй придворный (*въ сторону*). — Еслибъ у него въ запасѣ было столько же остроумія, какъ у того, кто прогвоздилъ ему черепъ, такъ это остроуміе все выцѣдилось бы при такой удобной оказіи!

Клотенъ.—Когда джентльменъ расположенъ ругнуть кого-нибудь, никто изъ присутствующихъ не смѣетъ коротать его брани. А?..

Второй придворный.—Не смѣетъ, милордъ! (*въ сторону*). Точно такъ же, какъ и ты не смѣешь пилить имъ ушей.

Клотенъ.—Гнусная собака! Мнѣ дать ему удовлетвореніе? Иное дѣло, еслибъ онъ былъ одного со мною званія!

Второй придворный (*про себя*). То-есть, такой же глупецъ, какъ ты самъ?

Клотенъ.—Чортъ съ нимъ! Ничто въ мірѣ такъ меня не огорчаетъ, какъ это. Язва его побери! Я желалъ бы лучше быть не изъ столь знатнаго рода. Я сынъ королевы, и они не смѣютъ со мной драться!.. Всякая сволочь дерется, сколько ея душенькѣ угодно *), а я обязанъ ходить взадъ и впередъ, словно пѣтухъ горемычный, которому не съ кѣмъ спариться!..

Второй придворный (*въ сторону*). Ты потому и пѣтухъ, что распѣтушился.

Клотенъ.—Что ты скажешь на это?

Второй придворный.—Не слѣдъ вашей свѣтлости связываться со всѣми, кого только вы обидѣли.

Клотенъ.—Знаю. Но развѣ я не могу оскорбить тѣхъ, кто ниже меня родомъ?

Второй придворный.—Это можно вамъ одному.

Клотенъ.—Я и самъ того мнѣнія.

Первый придворный.—Слышали ли вы объ иностранцѣ, который ночью сегодня пріѣхалъ ко двору?

Клотенъ.—Изъ-за моря! И я этого не знаю?

Второй придворный (*въ сторону*).—Онъ самъ заморское чучело, и не знаетъ этого!

Первый придворный.—Пріѣзжій—итальянецъ и, какъ многіе думаютъ, одинъ изъ друзей Леоната.

Клотенъ.—Леоната? Этотъ долженъ быть одной съ нимъ масти, кто бы онъ ни былъ! Кто вамъ говорилъ объ этомъ иностранцѣ?

Первый придворный.—Одинъ изъ пажей вашей свѣтлости.

Клотенъ.—Хорошо ли будетъ, если я отправлюсь поглядѣть на него? не унижу ли я себя?

Первый придворный.—Милордъ! Вамъ не подобаетъ унизиться.

---

*) „Every Jack“ slave hath his belly full of fighting. Слово въ слово значитъ: всякій мазурикъ Яшка (по нашему Ванька) имѣетъ брюхо, полное ударовъ, синяковъ.

Клотенъ.—Да! я тоже думаю, что это не такъ-то легко сдѣлать!

Второй придворный (*про себя*).—Ты такой глупецъ и такъ низокъ по уму, что ужъ тебя никакое твое дѣло не унизитъ.

Клотенъ.—Пойдемте! Мнѣ хочется взглянуть на этого итальянца... Авось, то, что я проигралъ на шарахъ днемъ, ворочу съ него къ ночи! Впередъ, идемте.

Второй придворный.—Слушаю, ваша свѣтлость. (*Клотенъ и первый придворный уходятъ*).

Второй придворный (*одинъ*).—И родила-жъ подобнаго глупца
Коварная, какъ самъ нечистый, мать!
Умъ этой женщины, какъ буря, грозенъ,
А сынъ ея изъ двадцати на память
Не вычтетъ двухъ, такъ, чтобъ въ остаткѣ было
Восьмнадцать! Милая моя принцесса!
Бѣдняжка Имоджена, какъ ты много
Страдаешь! твой отецъ подъ башмакомъ
Лукавой мачихи; она, что день,
То новыя злодѣйства замышляетъ...
Вздыхатель твой тебѣ ужаснѣй ссылки
Супруга твоего, ужаснѣй акта
Развода вашего! Да сохранитъ
Господь неколебимо стѣны чести
Твоей, да укрѣпитъ онъ этотъ храмъ,
Твой чудный умъ, чтобъ дождалась ты счастья,
Чтобъ дождалась ты мужа и престола!.. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Спальня. Въ углу ея стоитъ сундукъ Якимо. (Имоджена читаетъ въ постели. При ней Елена, придворная дама).

Имоджена.—Кто здѣсь? Елена, это ты?

Елена.— Я, лэди.

Имоджена.—Который часъ?

Елена.— Ужъ скоро полночь, лэди.

Имоджена.—Поэтому, я три часа читала...
Глаза совсѣмъ устали... На, загни
Страницу тамъ, гдѣ я остановилась—
И отправляйся спать. Не уноси
Лампады: пусть она горитъ. Когда же
Часа въ четыре ты проснуться можешь,
Прошу тебя, буди меня... Ко сну
Вотъ такъ и клонитъ... (*Елена удаляется*).
Боги! въ ваши руки

Я отдаюсь!.. Отъ искушеній ночи
И отъ навѣтовъ демонскихъ молю
Хранить меня! (*Засыпаетъ. Якимо вылѣзаетъ изъ сундука*).

Якимо.—Сверчокъ поетъ, и труженикъ усталый
Врачуется покоемъ... *) Нашъ Тарквиній
Такъ точно мялъ упругія цыновки,
Скользя впотьмахъ, пока кровавой раной
Не разбудилъ невинности. Какъ чудно
Украсила ты ложе, Цитерея! **).
Лилея свѣжая! Какъ ты бѣлѣе
Своихъ одеждъ!.. О, еслибы я могъ
Тебя коснуться, разъ поцѣловать,
Одинъ лишь разъ!.. Безцѣнные рубины,
Какъ поцѣлуй вашъ долженъ быть пріятенъ!
Ея дыханье нѣжнымъ ароматомъ
Наполнило всю комнату... Огонь
Свѣчи, и тотъ склоняется надъ нею,
Стараясь заглянуть подъ шелкъ рѣсницъ,
Стараяся увидѣть эти звѣзды,
Покрытыя навѣсомъ этихъ ставень,
Лазурь и бѣлизну въ огнѣ небесныхъ
Лучей!.. А планъ мой!.. Комнату скорѣй
Означить: запишу все по порядку!
Такія и такія-то картины;
Вотъ тутъ окно; такая-то завѣса
Надъ ложемъ; здѣсь обои и фигуры
Такія и такія-то: сюжетъ
Послѣднихъ историческій!.. Когда-бъ
На ней самой мнѣ отыскать примѣту:
Она скорѣй, чѣмъ десять тысячъ прочихъ
Замѣтокъ, подтвердила-бъ мой обманъ...
О, сонъ! ты, обезьяна смерти, крѣпче
Сомкни ее: пускай ея душа
Въ безмолвную гробницу превратится!
Сюда! (*снимаетъ съ нея браслетъ*).

---

*) Этотъ знаменитый шекспировскій монологъ: „The crickets sing...“ вызвалъ много комментаріевъ. Мы воспользовались ими при передачѣ оригинала на русскій языкъ, такъ сказать, вложили ихъ въ общій колоритъ текста, и потому не приводимъ ихъ здѣсь.

**) Cytérea (Cytera),—островъ у береговъ Лаконіи; на этомъ островѣ, изъ пѣны морскихъ волнъ, родилась Венера, Афродита. Поэтому Венеру и женщинъ, уподобляемыхъ ей, иногда зовутъ именемъ *Цитеры и Цитереи*.

Тебя легко распутать также,
Какъ узелъ Гордіевъ распутать трудно!..
Ты мой! и мнѣ свидѣтель грозный будешь!
Подобно тайной совѣсти, могучій,
Разсердишь ты супруга Имоджены.
На лѣвой груди у нея пятно:
Пять крапинокъ, точь-въ-точь, пять алыхъ капель
Въ коронкѣ бѣлой буквицы! улика,
Которой лучше не найти законамъ!
Довольно! Для чего писать о томъ,
Что въ память я вложилъ, запечатлѣвъ?
Она читала сказку о Тереѣ:
Загнула листъ въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ
Сдается Филомела... *) Но довольно!
Скорѣй въ сундукъ, замкнемъ его пружину...
Быстрѣй, быстрѣй, полночные драконы! **)
Пусть вòрону заря раскроетъ очи:
Я весь дрожу... Хотя небесный духъ
Передо мной, мнѣ здѣсь страшнѣе ада! (*Бьютъ на башнѣ часы*).
Разъ, два, три! Время! время!.. (*Снова прячется въ сундукъ*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Передняя возлѣ комнаты Имоджены (Входятъ: Клотенъ и придворные).

Первый придворный. — Ваша свѣтлость при проигрышѣ терпѣливѣе и хладнокровнѣе всякаго, кто только хоть разъ въ жизни каталъ шары.

Клотенъ. — Проигрышъ хоть кого охолодитъ.

Первый придворный. — Но не всѣ люди терпѣливы, по примѣру благороднаго духа вашей свѣтлости. Вы горячи и отважны только при выигрышѣ.

Клотенъ. Выигрышъ хоть кого ободритъ! Еслибъ я выигралъ эту

---

*) *Сказка о Тереѣ и Филомелѣ.* Терей былъ царемъ Ѳракіи. Отъ жены Прогніи, дочери аѳинскаго царя Пандіона III, у него былъ сынъ Итисъ. Терей однажды соблазнился красотою Филомелы и поцѣловалъ ее. — Чтобъ она не выдала его преступленія, онъ отрѣзалъ ей языкъ и заперъ ее въ башню. Филомела объявила знаками объ этомъ Прогніи и вмѣстѣ съ нею накормила Терея мясомъ его сына, Итиса. Вслѣдствіе этого боги превратили Терея въ коршуна; Филомела же и Прогнія превратились въ соловья и ласточку и день и ночь преслѣдовали и клевали Терея.

**) Ночь въ древности представляли въ видѣ женщины, сидящей въ колесницѣ; колесницу мчали по небу драконы — символы чуткости.

глупенькую Имоджену, я не обобрался-бы золота! Какъ будто ужъ утро? Не такъ-ли?

Первый придворный.—Уже день, милордъ.

Клотенъ.—О, если-бы пришла эта музыка! Мнѣ совѣтовали забавлять ее по утрамъ музыкою... Говорятъ, что это—пробирательная вещица! (*Входятъ музыканты*). Ну-съ, настраивайте ваши инструменты. Если вамъ удастся пронять ее вашими звуками—хорошо! тогда и мы пустимъ въ ходъ нашъ языкъ! Если же это не поможетъ, пусть дѣлаетъ, что хочетъ, я отъ нея не отступлюсь. Прежде всего превосходную, хорошо-слаженную вещицу! Потомъ удивительно-сладкую арію, съ аккомпаниментомъ чудно богатыхъ словъ... Затѣмъ оставимъ ее пораздумать!

(*Музыканты играютъ*).

Пѣсня.

Чу! птичка ранняя поетъ,
И Фебъ въ лучахъ летитъ.
Въ коронкахъ розъ, у алыхъ водъ,
Онъ лошадей поитъ.
Анютины-глазки предъ солнцемъ спѣшатъ
Открыть свои крошки-глаза...
Луга въ благовонныхъ уборахъ блестятъ!
Вставай, моя роскошь-краса,
Скорѣе вставай! *)

Теперь идите: если это сдѣлаетъ эффектъ, я назову вашу музыку совершеннѣйшею въ мірѣ; если же нѣтъ, значитъ, въ ея ушахъ есть поврежденіе, котораго не излѣчить ни волосянымъ, ни кишечнымъ струнамъ, ни голосамъ искуснѣйшихъ кастратовъ **). (*Музыканты уходятъ. Входятъ: Цимбелинъ и Королева*).

Второй придворный.—Король идетъ!

Клотенъ.—Я очень кстати такъ долго засидѣлся здѣсь. Изъ этого выходитъ то, что я всталъ довольно рано... Онъ долженъ по-отечески принять мою любовную услугу. Добраго утра вашему величеству и моей достойнѣйшей матушкѣ!

Цимбелинъ.—Вы сторожите дверь суровой дочки
Моей? Она еще не выходила?

Клотенъ.—Я осаждалъ ее музыкой; да она, кажется, не хочетъ жаловать меня своимъ вниманіемъ.

Цимбелинъ.—Свѣжо изгнанье милаго ея!

---

*) „Mary buds". Слово въ слово „Машенькины глазки", то же, что русскіе цвѣты „*Анютины-глазки*".

**) Здѣсь намекъ на ту эпоху въ музыкальномъ мірѣ, когда дисканты кастратовъ замѣняли дисканты и меццо-сопрано женщинъ.

Она его еще не позабыла...
Но часъ придетъ, черты воспоминаній
О немъ сотрутся, и принцесса—ваша!

КОРОЛЕВА.—Одолжены вы много королю!
Онъ не проронитъ ничего, что-бъ васъ
Могло у дочери его возвысить.
Старайтесь-же и вы ей угождать,
Дружитесь съ каждой вѣрною минутой!
Отказы пусть умножатъ въ васъ заботы,
Чтобъ все, что вы ни предлагали ей,
Казалося сердечнымъ вдохновеньемъ!
Во всемъ ей покоряйтесь, исключая
Приказа удалиться: тутъ вы будьте
Бездушны...

КЛОТЕНЪ.—Какъ?! Бездушенъ? Никогда!.. (*Входитъ Вѣстникъ*).

ВѢСТНИКЪ.—Послы изъ Рима, сэръ, явились къ вамъ,
Одинъ изъ нихъ Кай-Люцій!

ЦИМБЕЛИНЪ.— Человѣкъ
Достойный, несмотря на то, что нынче
Съ намѣреньемъ недобрымъ онъ пришелъ!
Но виноватъ не онъ! Его мы встрѣтимъ,
По доблестямъ послявшаго его...
Мы въ памяти своей возобновимъ
То, что для насъ благаго сдѣлалъ онъ!
Мой милый сынъ! Поздравь же съ добрымъ утромъ
Свою любезную и поспѣши
Къ намъ съ королевой: ты намъ будешь нуженъ
При Римлянахъ! Пойдемте, королева. (*Уходятъ: Цимбелинъ, королева, придворные и вѣстникъ*).

КЛОТЕНЪ.—Я съ ней поговорю, когда она
Проснулась; если-жъ нѣтъ, лежи и спи!
Эй! съ позволенья вашего (*стучится въ двери*). Я знаю,
При ней всегда есть женская прислуга.
Что, если мы ей поласкаемъ ручки?
Дукаты купятъ доступъ ко всему!
Да, съ ними можно хоть собакъ Діаны
Заставить искуситься и пригнать
Оленя прямо подъ-руки ловца!
Дукаты убиваютъ добродѣтель!
Чего не сдѣлать имъ и не раздѣлать?
Итакъ, одну изъ дамъ ея мнѣ нужно
Взять въ адвокаты; самъ же я пока

Немного понимаю въ этихъ штукахъ!..
Эй! съ позволенья вашего. (*Стучится.—Входитъ придворная дама*).

ПРИДВОРНАЯ ДАМА.— Кто здѣсь
Стучится?
КЛОТЕНЪ.—Дворянинъ!
ПРИДВОРНАЯ ДАМА.—Не больше?..
КЛОТЕНЪ.— Да,
И сынъ дворянки!
ПРИДВОРНАЯ ДАМА.— Это все, чѣмъ могутъ
Похвастать тѣ, которые, подобно
Вамъ, лордъ, своимъ портнымъ не мало платятъ!
Что-жъ, ваша свѣтлость, нужно вамъ, скажите?
КЛОТЕНЪ.—Особу вашей госпожи! Она
Готова?..
ПРИДВОРНАЯ ДАМА.—Да,—не выходить изъ спальни.
КЛОТЕНЪ.—Вотъ золото: продайте вашу мнѣ
Любовь.
ПРИДВОРНАЯ ДАМА.—Какъ! имя доброе мое?
Что вижу въ васъ я добраго? Принцесса—(*Входитъ Имоджена*).

КЛОТЕНЪ.—Прелестная сестрица, добрый день!
Позвольте вашу дорогую ручку...
ИМОДЖЕНА.—Сэръ, добрый день: вы трудитесь безмѣрно
И получаете однѣ тревоги!
Все, чѣмъ я васъ могу благодарить,
Есть то, что я бѣдна на благодарность,
И потому должна ее беречь...
КЛОТЕНЪ.—Клянусь, я васъ люблю и безъ того!
ИМОДЖЕНА.—Когда-бъ вы мнѣ открыли это просто,
Я при своемъ осталась бы; когда-бъ
Вы съ клятвами мнѣ это разсказали,
Я васъ попрежнему вознаградила-бъ
Тѣмъ, что не стала бы на васъ глядѣть.
КЛОТЕНЪ.—Все это не отвѣтъ, моя царица!
ИМОДЖЕНА.—Когда-бъ въ моемъ молчаніи согласья
Вы не прочли, я слова-бъ не сказала!
Молю васъ, дайте мнѣ покой, и вѣрьте,
На ваши лучшія услуги вамъ
Одна невѣжливость отвѣтомъ будетъ!

Всякъ человѣкъ, съ такимъ умомъ, какъ вы,
Увидитъ здѣсь отказъ и удалится...
Клотенъ.—Грѣшно васъ въ сумасшествіи покинуть!
Не брошу васъ.
Имоджена.— Глупецъ—не сумасшедшій.
Клотенъ.—Что-жъ, я—глупецъ?
Имоджена.— Я это говорю
По глупости своей: уймитесь только—
И я умнѣе буду! Это насъ
Обоихъ вылѣчитъ. Мнѣ очень жаль,
Что вы меня заставили забыть
Долгъ женщины въ подобныхъ выраженьяхъ.
Узнайте-жъ наконецъ, что я открыто
И отъ души вамъ это говорю,
Что я ничуть не занимаюсь вами
И до того чуждаюсь снисхожденья,
Что—виновата—ненавижу васъ!
Жаль, что не вы почувствовали это,
Жаль, что пришлось мнѣ этимъ похвалиться.
Клотенъ.—Вы согрѣшили противъ послушанья,
Которымъ вы одолжены отцу!
Неравный бракъ вашъ съ этимъ жалкимъ нищимъ,
Дитятью милостыни и питомцемъ
Холодныхъ блюдъ и крохъ двора,—не бракъ!
Коль дозволяютъ низкому породой
(А кто его ничтожнѣй?) закрѣплять
Святыми узами чужое сердце
(Ихъ цѣль—плодить дѣтей для попрошайства!)—
То какъ-же васъ не удержалъ отецъ
Отъ узъ подобныхъ? Вамъ не подобаетъ
Сквернить отцовъ престолъ рабомъ наемнымъ,
Слугою низкимъ, пастухомъ свиней...
Ему и это имя—честь большая.
Имоджена.—Негодный человѣкъ! Да еслибъ ты
Юпитеровымъ сыномъ былъ и тѣмъ же
При этомъ всемъ остался, чѣмъ ты есть,
Ты не годился-бъ въ конюхи Постуму.
И если ужъ цѣнить заслуги ваши,
Ты былъ бы свыше чести награжденъ,
Когда бы сталъ слугою палача
Въ его странѣ, и всѣмъ такимъ отличьемъ
Ты опротивѣлъ бы тогда на свѣтѣ!

Клотенъ.—Чума его убей!
Имоджена.— Нѣтъ для него
Несчастья бо̀льшаго, какъ то, что ты
О немъ болтаешь: худшая одежда
Его, едва она его коснулась,
По-моему, дороже всѣхъ твоихъ
Волосъ, хотя-бъ отъ каждаго изъ нихъ
Ты родился!.. Пизаніо, послушай! (*Входитъ Пизаніо*).
Клотенъ.—Его одежда!?. Дьяволъ побери!!
Имоджена (*Къ Пизаніо*).—Иди скорѣй, сыщи мнѣ Доротею,
Мою прислужницу.
Клотенъ (*кричитъ*). Его одежда!!.
Имоджена.—Глупецъ меня пугаетъ и тиранитъ,
Какъ бѣсъ!—Поди, скажи моей служанкѣ,
Чтобы она браслетъ мой отыскала:
Онъ какъ-то соскользнулъ съ моей руки!
Его мнѣ господинъ твой подарилъ.
За весь доходъ любаго короля
Въ Европѣ не отдамъ того браслета *).
Мнѣ кажется, сегодня поутру
Я видѣла его: навѣрно-жъ ночью
Висѣлъ онъ на рукѣ моей, еще
Его я цѣловала!.. Безъ сомнѣнья
Онъ не пошелъ передавать Постуму,
Что я другаго здѣсь поцѣловала!
Пизаніо.—Нѣтъ, онъ пропасть не могъ!
Имоджена.— Конечно, такъ.
Иди-жъ и поищи!.. (*Пизаніо уходитъ*).
Клотенъ.— Меня вы сильно
Обидѣли! Какъ? худшая одежда!!.
Имоджена.—Да, сэръ, я такъ сказала! Если-жъ вы
Со мной процессъ желаете затѣять,
Сзывайте въ судъ свидѣтелей.
Клотенъ.— На это
Пожалуюсь я вашему отцу.
Имоджена.—И вашей матушкѣ: она моя
Защитница и вѣрно для меня

*) Здѣсь у Шекспира снова анахронизмъ. Во времена Августа-Цезаря еще не существовало общаго названія для материка европейскихъ государствъ. Въ тогдашнемъ образованномъ мірѣ было только одно названіе для нашей части свѣта: *Римъ*! Остальное были земли варваровъ, изъ числа которыхъ не исключалась и Британія.

Не пожалѣетъ замысла дурнаго!
Сэръ, оставляю васъ во власть несчастной
Досады вашей!.. (*Уходитъ*).
КЛОТЕНЪ.— О, я отомщу!
Какъ?! Худшая одежда!—Хорошо! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Римъ.—Комната въ домѣ Филаріо.—Входятъ: ПОСТУМЪ и ФИЛАРІО.

ПОСТУМЪ.—Не бойся, другъ, я долженъ убѣдиться,
Что насъ король проститъ, какъ убѣжденъ,
Что честь ея непобѣдима.
ФИЛАРІО.— Чѣмъ же
Ты думаешь его уговорить?
ПОСТУМЪ.—Ничѣмъ: всего отъ времени я жду!
Дрожу теперь отъ сильнаго мороза,
Въ надеждѣ, что настанутъ дни теплѣе.
И въ этой-то мерцающей надеждѣ—
Все, чѣмъ тебѣ по-силамъ заплатить
Могу я за любовь твою! Погибни
Она, и неоплатнымъ должникомъ
Сойду я въ гробъ.
ФИЛАРІО.— Ты истинной пріязнью
И дружбой мнѣ переплатилъ за все,
Что могъ тебѣ я сдѣлать. Твой король
Теперь уже объ Августѣ услышалъ:
Кай-Люцій точно выполнитъ свой долгъ;
Я убѣжденъ, что Цимбелинъ и дань
Заплатитъ намъ, и недоимки вышлетъ;
Безъ этого онъ вновь увидитъ Римлянъ,
Воспоминанье о которыхъ, вѣрно,
Еще свѣжо въ преданіяхъ у васъ.
ПОСТУМЪ.—Я думаю—(хотя я не бывалъ
Политикомъ съ рожденья и не буду)—
Я думаю, войны не миновать,
И вы скорѣй услышите, что Галлы
Къ Британіи безстрашной подступили,
Чѣмъ хоть частицу дани мы заплатимъ!
Мои соотчичи теперь искуснѣй
Въ войнѣ, чѣмъ въ тѣ поры, какъ Юлій-Цезарь

Трунилъ надъ ихъ неловкостью и тутъ же
Досадою ихъ мужество почтилъ...
Ихъ дисциплина, смѣшанная нынѣ
Съ отвагою, всѣмъ судіямъ покажетъ,
Что нашъ народъ не отстаетъ отъ вѣка (*Входитъ Якимо*).

ФИЛАРІО.—Взгляни!.. Якимо!..

ПОСТУМЪ.— Вѣрно, по землѣ
Стремили васъ быстрѣйшіе олени,
А по водамъ всѣ вѣтры паруса
У васъ лобзали, чтобъ корабль скорѣе
Летѣлъ?!

ФИЛАРІО.— Добро пожаловать, мой другъ.

ПОСТУМЪ.—Надѣюсь, краткость вашего отвѣта
Такъ сократила ваше возвращенье?

ЯКИМО.—Супруга ваша, сэръ, прелестнѣй всѣхъ,
Кого я только знаю!..

ПОСТУМЪ.— А затѣмъ,
Надѣюсь, и честнѣй?!

ЯКИМО.— Вотъ письма къ вамъ!

ПОСТУМЪ.—Ну что же, содержанье ихъ пріятно?

ЯКИМО.—Я думаю...

ФИЛАРІО.—Кай-Люцій при дворѣ
Британскомъ былъ, когда ты кончилъ путь свой?

ЯКИМО.—Нѣтъ, не былъ, но его тамъ ожидали.

ПОСТУМЪ (*прочтя письма*).—Все до-сихъ-поръ прекрасно! Камень мой
Попрежнему-ль хорошъ, иль ужъ поблекъ
И недостоинъ вашего наряда?

ЯКИМО.—Когда-бъ его лишился я, потеря
Моя равнялась бы цѣнѣ его
На золото! Я путь длиннѣе вдвое
Готовъ свершить, лишь только-бъ мнѣ упиться
Еще такой блаженной, быстрой ночью,
Какую я въ Британіи вкусилъ!..
Кольцо мое!

ПОСТУМЪ.— Нѣтъ, камни тяжелы
И такъ легко не прыгаютъ!

ЯКИМО.— Нимало,
Когда супруга ваша на подъемъ
Способна такъ!

ПОСТУМЪ.— Не издѣвайтесь, сэръ,
Надъ вашею потерею: надѣюсь,

Вы понимаете, что мы друзьями
Теперь уже не можемъ оставаться!
Якимо.—Но, добрый сэръ, мы будемъ дружны съ вами.
Условія мы наши соблюдемъ.
Когда-бъ я не узналъ супруги вашей
И такъ домой вернулся, наше дѣло
Пошло бы, можетъ быть, гораздо дальше:
Теперь же я открыто говорю,
Что выигралъ и честь ея, и перстень,
И тѣмъ я не обидѣлъ ни ея,
Ни васъ, затѣмъ, что дѣйствовалъ съ согласья
Обоихъ васъ!
Постумъ.— Когда вы доказать
Мнѣ можете, что ложа Имоджены
Касались вы, вотъ вамъ моя рука:
Я проигралъ мой перстень!—Если-жъ нѣтъ,
За низкое сужденіе о чести
Принцессы наши шпаги порѣшатъ,
Кому изъ нихъ лишиться господина,
Иль побѣдить, а, можетъ быть, и обѣ
Онѣ улягутся, пока ихъ первый
Прохожій не найдетъ.
Якимо.— Сэръ, то, что̀ я
Открою вамъ, такъ близко къ чистой правдѣ,
Что нéхотя повѣрите вы мнѣ.
Я силу рѣчи подтвердилъ бы клятвой,
Когда-бъ не зналъ, что отъ нея меня
Вы разрѣшите, чуть мои слова
Вы не найдете средства опровергнуть!
Постумъ.—Извольте говорить.
Якимо.— Во-первыхъ, спальня —
(Клянусь, я въ ней не спалъ! но, вновь клянусь,
Тамъ было все безсонницы достойно!) —
Въ обояхъ шелковыхъ и въ серебрѣ;
Исторія свиданья Клеопатры
Съ ея любезнымъ, Циднъ *) изъ береговъ
Выходитъ, отъ безмѣрной ли гордыни,
Или отъ тяжести судовъ: творенье
Богатое и чудное такое,

*) „Cydnus“ — нынѣ рѣка Кара-Су. Эта рѣка протекала въ древнемъ Тарсѣ и впадала въ Средиземное море. На ней указываютъ мѣсто, гдѣ утонули Александръ Македонскій и въ 1190 году императоръ Фридрихъ Первый.

Что мастерство въ немъ борется съ цѣной!
И удивлялся я, какъ дивно-точно
Оно исполнено, и какъ въ немъ все
Кипитъ правдивой жизнью!..

Постумъ.— Это вѣрно;
Но вы могли объ этомъ отъ меня
Иль отъ другихъ узнать!

Якимо.— Мои признанья
Подробности иныя подтвердятъ.

Постумъ.—Такъ и должны вы поступить,—не то,
Вы повредите много вашей чести!

Якимо.—Каминъ на югѣ спальни, на каминѣ
Статуя цѣломудренной Діаны —
Въ купальнѣ... Я не видывалъ фигуръ
Съ такимъ краснорѣчивымъ выраженьемъ!
Скульпторъ здѣсь былъ второй живой природой!..
Онъ превзошелъ природу: позабылъ
Одно дыханье только и движенье!

Постумъ.—И это вещь, которую вы также
Могли узнать случайно, по наслышкѣ:
О ней у насъ разсказываютъ много!

Якимо.—Амуры золотые потолокъ
Рельефомъ осѣняютъ... Про таганъ
Я позабылъ сказать: два купидона,
Изъ серебра, съ него глядятъ лукаво,
Поджавъ по ножкѣ каждый и премило
На факелы свои облокотясь!.. *)

Постумъ.—Вы это все замѣтили, и славы
Достойна ваша память... Но припомнивъ
Мнѣ все, что̀ есть въ покоѣ Имоджены,
Вы тѣмъ еще заклада далеко
Не искупили!

Якимо.— Такъ блѣднѣйте-жъ, если
Блѣднѣть вы можете (*Вынимаетъ браслетъ*). Позвольте мнѣ
Провѣтрить эту штучку: посмотрите...
Теперь ее мы спрячемъ вновь: она
Должна совокупиться съ вашимъ перстнемъ;
Я ихъ возьму обоихъ!

Постумъ.— Зевсъ! Позволь

---

*) Слово „brands“ значитъ головешка и мечи; это слово Гёте переводитъ словомъ „факелы“.

Получше поглядѣть мнѣ: неужели
Я этотъ самый отдалъ ей браслетъ?
Якимо.—Сэръ, этотъ самый, вѣрьте мнѣ: она
Его съ руки своей сняла... Какъ нынче
Я это вижу: чудное движенье
Принцессы кажется красивѣй дара
Ея и самый даръ обогащаетъ:
Она его дала мнѣ и сказала,
Что „нѣкогда“ она имъ дорожила!..
Постумъ.—Она его сняла затѣмъ, быть можетъ,
Чтобъ мнѣ его послать?
Якимо.— Она объ этомъ
Вамъ пишетъ, сэръ?! Не такъ ли, посмотрите!..
Постумъ.—О! нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!! Все это справедливо.
На—вотъ, возьми его скорѣй! (*Отдаетъ ему перстень*). Теперь
Моимъ глазамъ онъ хуже василиска:
Меня убьетъ его коварный образъ!..
Нѣтъ чести тамъ, гдѣ царствуетъ краса;
Нѣтъ правды тамъ, гдѣ только вѣроятность;
Нѣтъ истинныхъ даровъ любви, гдѣ есть
Другой мужчина... Женскіе обѣты
Нимало женщинъ тѣмъ не покоряютъ,
Кому они клянутся, точно такъ же,
Какъ невѣрна ихъ добродѣтель: это
Почти ничто! Безмѣрная измѣна!
Филарио.—Сэръ, успокойтесь и возьмите снова
Свой перстень; онъ не выигранъ еще,
Она его, быть можетъ, потеряла...
Кто знаетъ? Можетъ быть, одна изъ слугъ
Принцессы продалася и его
Украла!..
Якимо.— Я Юпитеромъ клянусь —
Съ ея руки...
Постумъ.— Вы слышите, Якимо
Клянется мнѣ, Юпитеромъ клянется?!
Все это правда!—Нѣтъ, возьми кольцо...
Все это правда!—Я теперь увѣренъ,
Она его не потеряла. Слуги
Ея мнѣ честью поклялись: не имъ
Продаться и украсть для иностранца!
Онъ соблазнилъ ее; все это — признакъ
Ея безчестья! Дорого-жъ она

Себѣ купила прозвище продажной!
Вотъ, на, возьми барышъ твой, и пускай
Съ тобой всѣ демоны исподней вмѣстѣ
Его раздѣлятъ!

ФИЛАРІО.— Успокойтесь, сэръ!
Тутъ нѣтъ еще такого подтвержденья,
Которое могло-бъ поколебать
Того, кто убѣжденъ.

ПОСТУМЪ.— Ни слова больше!
Онъ соблазнилъ ее!

ЯКИМО.— Когда другихъ
Вы ищете уликъ, такъ вотъ что̀: ниже
Ея груди, объятія достойной,
Есть пятнышко; ему, по чистой правдѣ,
Гордиться можно этимъ сладкимъ мѣстомъ!
Клянуся жизнью, я поцѣловалъ
Его—и голоденъ я сталъ вторично,
И, сытый, вновь хотѣлъ я цѣловать!
Вы... пятнышко... припомните?!

ПОСТУМЪ.— О да!
И въ этомъ я пятно другое вижу,
Такое-жъ необъятное, какъ адъ,
Хотя бы адъ его лишь и вмѣщалъ!

ЯКИМО.—Хотите-ль вы еще меня послушать?

ПОСТУМЪ.—Избавь меня отъ алгебры своей!
Во вѣкъ не сосчитать ея проступковъ:
Скажи лишь „разъ“—и—„милліонъ“!..

ЯКИМО.— Клянусь...

ПОСТУМЪ.—Нѣтъ, не клянись! Едва-жъ ты поклянешься,
Что этого не видѣлъ, ты солжешь!
И я тебя убилъ бы, еслибъ ты
Отрекся, что роговъ мнѣ не приставилъ!

ЯКИМО.—Я ничего не стану отрицать!

ПОСТУМЪ.—О, еслибъ здѣсь была ты, Имоджена,
Я разорвалъ тебя бы на куски...
Пойду туда и все покончу! (*Уходитъ*)

ФИЛАРІО.—Онъ выбился изъ-подъ цѣпей терпѣнья!
Вы выиграли. Поспѣшимъ за нимъ
И отвратимъ его отъ гнѣва; онъ
Зарѣжется...

ЯКИМО.— Отъ всей моей души. (*Уходитъ*)

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тамъ же. Другая комната. Входитъ Постумъ.

Постумъ.— Уже-ль родиться безъ пособья женъ
Нельзя? Тогда и всѣ мы незаконны.
Достойный мужъ, котораго отцомъ
Я почиталъ, въ отлучкѣ былъ въ ту пору,
Когда я зарождался; фабрикантъ
Фальшивый дни мои чеканилъ. Мать
Слыла Діаной, какъ теперь моя жена...
О, мщенье, мщенье, мщенье! Имоджена
Всегда была со мною холодна,
Меня въ страстяхъ обуздывать старалась
И это дѣлала съ такой румяной
Стыдливостью, что самъ старикъ Сатурнъ
При этомъ видѣ ею бы плѣнился!
И я считалъ ее бѣлѣе снѣга,
Нетронутаго солнечнымъ лучомъ!
О, дьяволы! Какой-нибудь желтякъ,
Якимо, въ часъ одинъ—не такъ ли? меньше,
Гораздо меньше, слова, можетъ быть,
Не вымолвилъ и, какъ германскій вепрь,
На желудяхъ расплывшійся, вздохнулъ
И ринулся—и встрѣтилъ только ту
Застѣнчивость, которую найти
Онъ думалъ и которую она
Ему сама, безъ битвы, уступила...
О, если бы все женское въ себѣ
Я разыскалъ!.. Нѣтъ въ человѣкѣ шага
Ко злу, который бы, какъ я увѣренъ,
Не заключалъ въ себѣ частицы бабьей!..
Солгалъ ли кто, замѣтьте, это все
Отъ женщинъ; лесть отъ нихъ же происходитъ;
Обманъ—отъ нихъ же; грубыя желанья
И страсти—все рождается отъ нихъ!
Гордыня, месть, измѣнчивость, кичливость,
Разборчивость, кокетство, клевета,
Что только называется порокомъ,
Что только знаетъ адъ—все это частью
Иль цѣликомъ отъ женщинъ происходитъ;
Скорѣе цѣликомъ, затѣмъ, что въ самомъ

Порокѣ нѣтъ у женщинъ постоянства,
И каждый грѣхъ у нихъ черезъ минуту
Уже старикъ и замѣненъ другимъ,
Который нѣсколько его моложе...
Я противъ нихъ начну писать, я стану
Ихъ презирать и проклинать; чтобъ лучше
Имъ отомстить, молить боговъ я буду,
Да исполняется ихъ воля всюду...
И самый адъ ихъ лучше не казнитъ! *) (*Уходитъ*).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Британія.—Посольская комната во дворцѣ Цимбелина. Входятъ: въ одну дверь—Цимбелинъ, Королева, Клотенъ и придворные; въ другую—Кай-Люцій со свитой.

Цимбелинъ.—Итакъ, чего желаетъ Августъ-Цезарь
Отъ насъ? скажи.
Люцій.— Въ тѣ дни, какъ Юлій-Цезарь,
Воспоминанье о которомъ живо
Въ умахъ людей и дастъ надолго пищу
Ушамъ и языкамъ ихъ, покорилъ
Британію,—Кассибеланъ, твой дядя,
Прославленный, за доблести свои,
Хвалами Цезаря, самъ за себя
И за свое потомство обязался
Выплачивать дань Риму ежегодно—
Пять тысячъ фунтовъ стерлинговъ,—но ты
Съ недавнихъ поръ отъ дани отказался.
Королева.—И такъ всегда отнынѣ это будетъ,
Чтобъ поумѣрить ваше изумленье.
Клотенъ.—Не мало Цезарей увидитъ свѣтъ,
Пока второй такой найдется Юлій!
Британія—отдѣльный, цѣлый міръ...
Мы за носы свои вамъ не заплатимъ!
Королева.—Тогда ограбить насъ помогъ вамъ случай,
И онъ же насъ за все вознаградитъ!

---

*) Этотъ монологъ весьма схожъ по духу съ сатирою Ювенала „Женщины".

Припомни, государь, вѣнчанныхъ предковъ
Своихъ, твой островъ, сильный отъ природы!
Онъ, словно крѣпость грознаго Нептуна,
Со всѣхъ сторонъ укрытъ и заслоненъ
Горами, неприступными,—пучиной,
И мелями, грозой эскадры вражьей,—
Морская бездна засосетъ сюда—
По самыя верхушки длинныхъ флаговъ!
Здѣсь тѣнь побѣды Цезарь одержалъ;
Но онъ не здѣсь похвастался:—„Пришелъ,
Увидѣлъ, побѣдилъ!..“ *). И со стыдомъ,
Которымъ онъ впервые былъ растерзанъ,
Два раза отраженный, убѣжалъ
Отъ нашихъ береговъ... Его суда,
Ничтожныя и жалкія игрушки,
Какъ скорлупа яичная, болтались
На нашихъ, полныхъ ужаса, моряхъ—
И безъ труда о скалы разбивались...
Кассибеламъ, обрадованный этимъ,
Въ сіяньи славы, вдругъ возмнилъ себя
Владѣтеленъ (о, лицемѣръ, фортуна!)
Меча, съ которымъ къ намъ явился Цезарь,
Огнями радостными городъ Люду **)
Убралъ, и всѣ Британцы стали полны
Воинственной отваги!

Клотенъ.—Э! проваливай! Никакой дани тутъ не будутъ платить: наше королевство сильнѣе, чѣмъ оно было въ тѣ дни, и, какъ я говорю—теперь уже нѣтъ въ заводѣ былыхъ Цезарей... У иныхъ изъ васъ, пожалуй, такіе же орлиные посы; но ужъ за то ни у кого не имѣется такихъ мощныхъ рукъ!..

Цимбелинъ.—Сынъ, дай кончить твоей матери.

Клотенъ.—Не мало между нами отыщется такихъ молодчиковъ, которые способны притиснуть васъ не слабѣе Кассибелана. Я себя сюда не причисляю, однако же, и у меня есть такъ-называемыя руки!.. Какая дань? За что намъ ее вносить? Вотъ если бы Цезарь могъ одѣяломъ заслонить солнце или положить себѣ въ карманъ луну, тогда мы за свѣтъ ему уплатимъ,—а иначе никакой уплаты не будетъ,—ясно и коротко...

*) Этими словами, въ 48 году до Р. Х., Цезарь извѣстилъ одного своего друга въ Римѣ о побѣдѣ надъ Фарнакомъ, сыномъ знаменитаго Митридата; слова: „veni vidi, vici!“ были эмблемою завоеванія могучаго Босфорскаго царства.

**) „Lund's town“—древнее названіе *Лондона*.

Цимбелинъ.—Припомнить надо, мы когда-то сами
Свободны были; но кровавый Римъ
Насъ обложилъ постыдно-рабской данью!
Гордыня Цезаря, которой волны
Такъ страшно вздулися, что перешли
Границы міра, противъ всякихъ правъ
На насъ надѣла это иго; свергнуть
Его опять отважному народу
Идетъ, а нашъ считается не трусомъ!
Поэтому мы Цезарю отвѣтимъ,
Что предокъ нашъ, Мульмуцій, былъ создатель
Законовъ нашихъ! Цезарь ихъ порядкомъ
Своимъ мечомъ отважнымъ истерзалъ,
Но мы „освободить и обновить"
Попробуемъ ихъ силою своею.
И, несмотря на то, что Римъ при этомъ
Разсердится, свершимъ благое дѣло...
Мульмуцій былъ среди Британцевъ первый,
Который осѣнилъ свое чело
Вѣнцомъ—и принялъ имя короля! *)
Люцій.—Съ прискорбіемъ тебѣ я, Цимбелинъ,
Обязанъ объявить, что Августъ-Цезарь—
Отнынѣ врагъ твой,—Цезарь, предъ которымъ
Въ услугахъ больше королей покорныхъ,
Чѣмъ у тебя гвардейскихъ офицеровъ.
Внимай же мнѣ. Войну и разоренье,
Во имя Цезаря, я объявлю
Тебѣ; несокрушимой, злобной мести
Ты долженъ ожидать!—Сказавши это,
Я отъ себя тебя благодарю.
Цимбелинъ.—Я радъ тебѣ, любезный Кай! Твой Цезарь
Насъ въ рыцари возвелъ; въ его глазахъ
Я половину юности провелъ.
Онъ даровалъ мнѣ честь, и онъ же хочетъ
Ее отнять у Цимбелина: это
Насъ доведетъ до крайностей! Милордъ,
Я знаю, что Паннонцы и Далматы
Ужъ подняли оружье противъ Рима;
Не зная этого, Британцы наши

*) *Мульмуцій, Цимбелинъ, Лиръ, Макбетъ* и др., имена королей древней Британіи, упоминаемыя въ хроникѣ Голиншеда, принадлежатъ къ именамъ, въ существованіи которыхъ нынѣ уже не сомнѣваются знаменитѣйшіе историки.

Остались бы, пожалуй, хладнокровны...
Но Цезарь ихъ такими не найдетъ!

ЛЮЦІЙ. — Все порѣшится ладомъ!

КЛОТЕНЪ. — Его величество очень радъ вамъ. Проживите-ка у насъ еще денекъ, два, а то и поболѣе! Если вы впослѣдствіи явитесь къ намъ подъ другими условіями, вы найдете насъ опоясанными соленоводнымъ поясомъ. Удастся вамъ выбить насъ изъ него, онъ вашъ; если же вы падете въ предпріятіи, тѣмъ апетитнѣе, за ваше здоровье, закусятъ наши вороны; вотъ вамъ и все тутъ!

ЛЮЦІЙ. — Точно такъ.

ЦИМБЕЛИНЪ. — Я знаю волю Августа! Теперь
И онъ вполнѣ мою узнаетъ волю.
Мнѣ остается только повторить:
„Добро пожаловать!..“ (*Всѣ уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тамъ же; другая комната (Входитъ ПИЗАНІО).

ПИЗАНІО.—Какъ! О невѣрности?! Зачѣмъ же ты
Не пишешь мнѣ; какой уродъ ее
Оклеветалъ? О, лордъ, о, Леонатъ!..
Какой заразой страшной поразили
Твой слухъ? Какой коварный Итальянецъ,
Съ отравою въ рукахъ и на кинжалѣ,
Надъ легковѣрнымъ слухомъ подсмѣялся?
Она — измѣнница!! Нѣтъ! Наказанье
Гнететъ ее за вѣрность! Какъ богиня,
Какъ ни одна изъ женщинъ, переноситъ
Она нападки, страшныя для всякой
Невинности... О, господинъ! Твой духъ
Теперь передъ принцессой также низокъ,
Какъ низокъ былъ ты состояньемъ! Какъ?!
Мнѣ умертвить ее?! Изъ-за любви,
Изъ-за покорности, изъ-за обѣтовъ,
Которые тебѣ я произнесъ!
Мнѣ и *ее*!!! Мнѣ кровь ея пролить?!..
Когда все это—добрая услуга,
Во-вѣкъ тебѣ я не хочу служить!
Что-жъ я такое, если онъ во мнѣ
Нашелъ подобную безчеловѣчность,

Когда онъ предписалъ мнѣ эту низость? (*Читаетъ*).
— „Исполни все. Я къ ней писалъ письмо.
„По этому письму она тебѣ
„Отдастъ приказъ, который самъ направитъ
„Тебя на случай это совершить".
Проклятая бумага! Какъ чернила
Твои, черна ты! Мертвое тряпье!
Какъ можешь ты невинно такъ глядѣть,
Когда ты--злой сообщникъ въ этомъ дѣлѣ?(*Входитъ Имоджена*).
Вотъ и она! Я притворюсь, какъ будто
Приказа я еще не прочиталъ! *).

Имоджена.—Ну что, Пизаніо?

Пизаніо.— Вотъ вамъ посланье
Отъ моего, милэди, господина.

Имоджена.—Отъ господина твоего? Какъ такъ?!
А мнѣ ужъ онъ не господинъ?.. Постумъ?..
О, много бы узналъ тотъ астрономъ **),
Который изучилъ бы такъ планеты,
Какъ изучила я завѣтный почеркъ:
Онъ будущее могъ бы открывать!
Вы, боги свѣтлые, устройте такъ,
Чтобы письмо его дышало страстью,
Чтобы оно сказало мнѣ, что онъ
Здоровъ и веселъ... только не вполнѣ:
Пускай его крушитъ разлука наша...
Печаль порой цѣлительна бываетъ,
Вотъ какъ теперь! Его любовь окрѣпнетъ!
Итакъ, пусть веселъ онъ, но не вполнѣ.
О, добрый воскъ! позволь... (*Распечатываетъ письмо*).
Блаженны пчелы,
Которыя могли слѣпить такой
Замокъ для таинства обѣтовъ брачныхъ!
Любовники и люди въ кабалѣ
Неодинаково творятъ молитвы...
Преступниковъ ведешь ты въ кандалы,
За то теперь скрѣпляешь ты дощечку

---

*) По объясненію Стивенса, это значитъ, что Пизаніо совсѣмъ рѣшается отказаться отъ убійства Имоджены; по объясненію нѣмецкихъ комментаторовъ, Пизаніо только колеблется и хочетъ выиграть время.

**) Шекспиръ здѣсь употребилъ слово „Astronomer" вмѣсто "Astrologer"

Малютки-купидона! *). Дайте-жъ, боги,
Мнѣ добрыхъ новостей (*Читаетъ*).

— „Правосудіе и гнѣвъ твоего отца, когда бы онъ захватилъ меня въ своихъ владѣніяхъ, не въ силахъ нанести мнѣ такой жестокости, которой бы ты, о драгоцѣннѣйшее изъ твореній божьихъ, не залѣчила своимъ взоромъ. Знай, что я въ Камбріи, въ Мильфордской гавани. Слѣдуй тому, что тебѣ въ этомъ случаѣ посовѣтуетъ твоя собственная любовь. За этимъ, желая тебѣ всякаго счастія, остаюсь, вѣрный своимъ клятвамъ и возрастающій въ любви къ тебѣ,—

Леонатъ Постумъ“ —

О! дайте мнѣ крылатаго коня!
Пизаніо, ты слышишь? Онъ теперь
Въ Мильфордской гавани... Читай, скажи мнѣ
Какъ далеко отсюда это мѣсто?
И, если для бездѣлокъ по недѣлямъ
Ползутъ въ Мильфордъ, такъ почему-жъ нельзя
Мнѣ день одинъ Постуму посвятить?
Итакъ ты, вѣрно, другъ, подобно мнѣ,
Желаешь поскорѣй его увидѣть;
Желаешь—только менѣе—не такъ,
Какъ я, желаешь непремѣнно, только
Слабѣй,—о да, не такъ, какъ Имоджена!—
Затѣмъ, что я желаю безконечно,—
Да, безконечно!—Говори-жъ скорѣй...
Слова любви такъ наполняютъ сердце,
Что груди тѣсно! Говори, какъ близокъ
Отъ насъ Мильфордъ блаженный? По дорогѣ-жъ
Повѣдай мнѣ, за что Валлисъ такъ счастливъ,
За что такой онъ гаванью владѣетъ?
Но прежде разскажи, какъ намъ отсюда
Укрыться, какъ намъ оправдать несходство
Во времени, между побѣгомъ нашимъ
И возвращеніемъ; нѣтъ, лучше прежде—
Какъ убѣжать намъ? Что объ оправданьи
Тутъ разсуждать до совершенья дѣла?..
Объ этомъ мы поговоримъ и послѣ!

---

*) Въ Римѣ и другихъ странахъ древняго міра граждане переписывались другъ съ другомъ съ помощью записныхъ книжекъ, сдѣланныхъ изъ дерева, натертаго воскомъ, такъ что на ихъ поверхности можно было писать спичкою и потомъ стирать написанное. Впослѣдствіи эти книжки дѣлались изъ золота, слоновой кости и кипариса, украшеннаго арабесками.

Прошу, мой другъ, скажи, какъ много мы
Десятковъ миль проѣхать можемъ въ часъ?
ПИЗАНІО.—Десятка миль межъ двухъ восходовъ солнца
Вамъ будетъ вдоволь, даже слишкомъ много.
ИМОДЖЕНА.—Не можетъ быть! Преступникъ, да и тотъ
На эшафотъ такъ тихо не пойдетъ!
Слыхала я о скачкахъ... Тамъ порою
Бываютъ лошади быстрѣй песчинокъ.
Которыя вращаются въ часахъ...
Но это пустяки!—Ступай, вели
Моей служанкѣ, чтобъ она больною
Сказалась и къ отцу бы отпросилась;
Найди скорѣй дорожное мнѣ платье,
Похуже, рубище простой крестьянки.
ПИЗАНІО.—Одумайтесь, милэди.
ИМОДЖЕНА.— Я гляжу,
Пизаніо, впередъ, а не назадъ,
Не вправо и не влѣво; предо мною
Кругомъ туманъ, и я не въ состояньи
Пронзить его глазами... Не забудь же,
Прошу тебя, исполнить все, что надо.
Мнѣ больше не о чемъ болтать съ тобою:
Въ одинъ Мильфордъ теперь мой путь лежитъ! (*Уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Валлисъ.—Гористая страна.—Пещера. Входятъ: БЕЛЛАРІЙ, ГВИДЕРІЙ и АРВИРАГЪ.

БЕЛЛАРІЙ.—Въ такой прекрасный день не усидишь
Подъ душной кровлею! Нагнитесь, дѣти... *)
Нашъ входъ васъ учитъ, какъ должны мы чтить
Боговъ: онъ къ утренней молитвѣ
Склоняетъ васъ! Чертоги горожанъ
Такъ высоки, что черезъ нихъ гиганты
Проходятъ въ шляпахъ и не отдаютъ
Поклоновъ появленью свѣта солнца!
Привѣтъ тебѣ, плѣнительное небо!

*) По мнѣнію Л. Тика, Белларій говоритъ здѣсь: „sleep boys“—вы спите развѣ, мои дѣти? Но Стивенсъ и Мэлонъ вѣрнѣе ставятъ здѣсь слова: „stoop boys“—нагнитесь, дѣти!“—потому что это прямо относится къ слѣдующей за этимъ мысли.

Мы, горные жильцы, съ тобой не такъ
Кичливы, какъ живущіе въ палатахъ!
Гвидерій.—Привѣтъ тебѣ!
Арвирагъ.— Привѣтъ тебѣ, о небо!
Белларій.—Теперь за нашу горную охоту!
Скорѣе на утесы (ваши ноги
Такъ юны!). Я-жъ останусь здѣсь, въ долинѣ;
И если вы меня съ вершины скалъ
Увидите съ ворону ростомъ,
Что мѣсто насъ роститъ и умаляетъ,
Припомните, что говорилъ я вамъ
О принцахъ, о дворахъ и о капризахъ
Войны!—Услуга не тогда услуга,
Когда ее свершили, а тогда,
Когда ее признали: эта мысль
Изо всего, что видимъ мы, для насъ
Большую пользу извлечетъ! И часто
Жукъ въ скорлупѣ счастливѣе орла!..
О, эта жизнь достойнѣе во многомъ,
Чѣмъ лесть и происки рабовъ; богаче,
Чѣмъ праздное бездѣліе и лѣнь;
Пышнѣй, чѣмъ франтовство въ шелкахъ заемныхъ!
Пусть эта пышность кланяться велитъ
Тому, кто вѣритъ въ долгъ: поклоны эти
Не сокращаютъ счета должниковъ...
Нѣтъ, мы не такъ живемъ!
Гвидерій.— Вы говорите
По опыту: мы-жъ, бѣдняки безъ крыльевъ,
Не улетали изъ виду гнѣзда
И не знавали воздуха внѣ дома!
Такая жизнь и хороша, быть можетъ,
Когда покой счастливѣйшій удѣлъ...
Она сладка вамъ потому, что вы
Другую жизнь, горчѣе, испытали;
Она подходитъ къ вашимъ дряхлымъ лѣтамъ:
Но ужъ для насъ она—глухой вертепъ
Невѣжества, прогулка по кровати,
Какъ для страдальца-должника темница,
Въ которой онъ переступить не смѣетъ
Границъ.
Арвирагъ.— О чемъ мы будемъ говорить,
Когда состаримся, какъ вы, когда

Начнетъ шумѣть декабрьскій дождь и вѣтеръ?
Какъ станемъ мы часы морозовъ грозныхъ
Въ пещерѣ душной сокращать бесѣдой?
Мы ничего не видѣли, мы словно
Лѣсные звѣри: какъ лиса на ловлѣ,
Коварны мы; какъ волкъ передъ добычей,
Безстрашны мы, и все лишь для того,
Чтобъ затравить бѣгущее отъ насъ...
И нашу клѣть мы оглашаемъ хоромъ,
Какъ птички заточенныя, привольно
Мы воспѣваемъ наше заточенье!

Белларій.—Какія рѣчи?!.. Да знакомо-ль вамъ,
По опыту, коварство городовъ?
Интриги общества, съ которымъ трудно
Разстаться, но еще труднѣй ужиться?..
Всползти къ его вершинѣ—значитъ пасть!
Вершина этой цѣли такъ скользка,
Что страхъ одинъ слетѣть съ нея, тяжеле,
Паденія съ нея! Труды войны—
Труды, гдѣ мы во имя славы ищемъ
Опасностей и гибнемъ на пути!
За подвиги порой насъ награждаютъ
Надгробіемъ позорной клеветы;
Всю эту повѣсть свѣтъ во мнѣ прочтетъ:
Изсѣченъ весь я римскими мечами
И нѣкогда по славѣ былъ изъ первыхъ;
Самъ Цимбелинъ любилъ меня и, чуть
За тему разговора бралъ солдата,
Отъ устъ его не удалялся я!
Тогда я былъ, какъ дубъ, который клонитъ
Къ землѣ свои тяжелые плоды...
Но, какъ-то ночью, буря-ль, воровство ли,—
Какъ знаете, зовите,—мой покровъ,
Созрѣвшій до листочка, оборвали—
И въ наготѣ я брошенъ непогодѣ!

Гвидерій.—Коварное несчастье!

Белларій.— Мой проступокъ,
Какъ я сказалъ вамъ, тѣмъ лишь и проступокъ,
Что два злодѣя черной клеветой
Осилили мою святую честь
И поклялись однажды Цимбелину,
Что я былъ въ тайной перепискѣ съ Римомъ.

За это сосланъ я, и двадцать лѣтъ—
Скала и этотъ хлѣвъ мнѣ цѣлый свѣтъ!
Здѣсь я живу въ покоѣ, здѣсь, клянусь вамъ,
Въ молитвахъ чтилъ я больше небеса,
Чѣмъ въ продолженьи всей протекшей жизни—
Но эта рѣчь ловцамъ нейдетъ! За дѣло!..
Кто прежде всѣхъ убьетъ оленя, тотъ
Да будетъ властелинъ нашъ за обѣдомъ!
Другіе два должны ему служить!
Намъ нечего отравы опасаться,
Которая преступнымъ угрожаетъ,
Я васъ въ долинѣ догоню.—(*Гвидерій и Арвирагъ уходятъ*).

Белларій. (*Одинъ*).— Какъ трудно
Укрыть природный пламень! Эти дѣти
Не знаютъ, что отецъ имъ—Цимбелинъ.
И Цимбелинъ о жизни ихъ не знаетъ...
Они меня считаютъ за отца...
А между тѣмъ, взращенные въ пещерѣ,
Гдѣ надобно сгибаться день и ночь,
Они въ мечтахъ касаются вершинъ
Дворцовъ; природа учитъ ихъ въ простыхъ
И низкихъ веществахъ являть высокій
И гордый духъ, что далеко искусству
Другихъ не удается!—Полидоръ,
Наслѣдникъ Цимбелина и короны
Британіи, Гвидеріемъ былъ названъ
По волѣ короля-отца!—О, Зевсъ!..
Когда сажуся я на свой треножникъ
И говорю о подвигахъ своихъ,
Его огонь стремится въ мой разсказъ!
Едва промолвлю я: „Такъ палъ мой врагъ,
„Такъ придавилъ я грудь ему пятою!“—
Ужъ царственная кровь течетъ къ его
Щекамъ, онъ весь дымится, расплавляетъ
Младые члены и отважной позой
Слова моихъ рѣчей живописуетъ!..
Кадвалъ—меньшой (когда-то Арвирагъ)
Своимъ лицомъ вливаетъ духъ и жизнь
Въ мои разсказы, больше выражая
Движеньями, чѣмъ можетъ самъ понять!..—(*Слышны крики*).
А!.. Молодцы ужъ подняли добычу!..
О, Цимбелинъ! Господь да совѣсть знаютъ,

Какъ ты меня неправедно сослалъ!
Я двухъ дѣтей, двухъ первенцовъ твоихъ,
По третьему и по второму году,
Увезъ тогда. О, Эрифила! ты
Вскормила ихъ, они тебя зовутъ
Своею матерью и каждый день
Твоей могилѣ воздаютъ почтенье! *).
Меня, Белларія, который былъ
Морганомъ нѣкогда, они считаютъ
Своимъ отцомъ!.. Да, ловля началась!—(*Входитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Мѣстность вблизи Мильфордской гавани.—(Входятъ: Имоджена и Пизаніо).

Имоджена.—Когда сошли съ коней мы, ты сказалъ,
Что мѣсто наше близко, подъ рукою.
И мать моя впервые не желала
Меня увидѣть жадно такъ, какъ я
Теперь желаю; человѣкъ! Пизаніо!
Гдѣ мой Постумъ? Что въ мысляхъ у тебя,
И почему совсѣмъ ты помертвѣлъ?
Зачѣмъ такіе тягостные вздохи?..
Кто-бъ такъ себя разрисовалъ, какъ ты,
Того безъ поясненій всѣ признали-бъ
Портретомъ ужаса; прими же видъ
Поменьше страшный, иначе безумство
Убьетъ мое сознаніе! Въ чемъ дѣло?
Къ чему ты листъ мнѣ этотъ подаешь,
Съ такою неподатливою миной?.. **)
Когда въ немъ вѣсти лѣтнія, ты долженъ
Передо мной смѣяться; если-жъ вѣсти
Въ немъ зимнія, такъ ты не измѣняй
Физіономіи своей! Рука
Супруга моего!—Страна отравъ,
Италія опутала Постума,
И онъ въ бѣдѣ? Откройся-жъ, человѣкъ!
Языкъ твой облегчитъ, быть можетъ, горе,
Которое убьетъ меня при чтеньи!

---

*) *Эрифила*—жена Белларія, бывшая прежде фрейлиною Цимбелина.

**) Здѣсь у Шекспира каламбуръ. Слово „tender“ значитъ подавать и нѣжить а слово „untender look„—ненѣжная, отталкивающая мина, взоръ.

ПИЗАНІО.—Читайте, умоляю васъ, и вы
Увидите, что я—несчастный смертный,
Игралище озлобленной судьбы.

ИМОДЖЕНА (*Читаетъ*).—„Твоя госпожа, Пизаніо, разыграла роль потерянной женщины; гнусныя доказательства этому лежатъ передо мною. Я не говорю о пустыхъ предположеніяхъ,—я говорю объ уликахъ грозныхъ, какъ моя печаль, и вѣрныхъ, какъ близкое свершеніе моей мести. Эту часть, Пизаніо, ты долженъ сдѣлать за меня, если только твоя вѣрность не отравлена еще ея измѣной. Отними у нея жизнь собственными своими руками; случай къ этому я тебѣ доставлю въ Мильфордской гавани: туда она прибудетъ по моему письму. И если ты струсишь, не убьешь ея и не докажешь мнѣ, что ты исполнилъ все, какъ надо, ты — сообщникъ ея и, наравнѣ съ нею, преступенъ передо мной!“

ПИЗАНІО.—Къ чему и мечъ мнѣ вынимать?.. Письмо
Ее пронзило! Это—клевета,
Которой жало всѣхъ мечей острѣй
И ядовитѣе всѣхъ нильскихъ змѣй!
Ея слова летятъ на крыльяхъ вѣтровъ,
Разносятъ ложь во всѣ концы земли!
Сановниковъ, князей и королевъ,
Дѣвицъ, и женъ, и таинства могилъ—
Все отравляетъ жало клеветы!
Что съ вами, лэди?

ИМОДЖЕНА.— Невѣрна ему!..
Что-жъ значитъ быть ему невѣрной?
Лежать безъ сна и тосковать о немъ?
Рыдать ежеминутно, и едва
Природу сонъ осилитъ, прерывать
Его тяжелой грезой о Постумѣ
И съ крикомъ вскакивать?.. Не это-ль значитъ
Невѣрной быть?

ПИЗАНІО.— О, добрая милэди!

ИМОДЖЕНА.—Я невѣрна? Твоя, Якимо, совѣсть
Свидѣтель въ томъ... Ты обвинялъ его
Въ развратѣ—и казался мнѣ злодѣемъ!
Теперь, по-моему, ты милосерднѣй!..
Сорока итальянская, дитя
Румянъ, ее окрасившихъ, коварно“
Такъ спутала его... и я—тряпье
Негодное, и вышла я изъ моды!
И такъ какъ я довольно дорога,

Чтобъ на стѣнѣ меня повѣсить, надо
Меня изрѣзать въ мелкіе куски!..
Мужскія клятвы—смертный ядъ для женщинъ!
О, мой супругъ? Твое паденье—въ злобу
И добрыя дѣянья обратило!
Мы жнемъ не тамъ, гдѣ сѣемъ: эти клятвы
Разсыпаны приманкою для насъ!

ПИЗАНІО.—Послушайте, добрѣйшая милэди...

ИМОДЖЕНА.—Честнѣйшихъ изъ людей, во дни бродяги
Энея, за обманщиковъ считали,
Рыданія Синона *) много вздоховъ
И слезъ заставили считать притворствомъ,
Отъ вѣрнаго несчастья отвратили
Людское состраданье! Такъ и ты,
Постумъ, всѣхъ честныхъ ложью заразилъ!
Добрѣйшіе и вѣрные, съ твоимъ
Паденьемъ, обратилися въ лжецовъ!
Что-жъ, другъ, будь честенъ: исполняй велѣнье
Хозяина! Когда его ты встрѣтишь,
Увѣрь его въ покорствѣ Имоджены! (*Подаетъ ему мечъ*).
Смотри, сама я вынимаю мечъ:
Возьми его, пронзи имъ чистый храмъ
Моей любви, пронзи имъ это сердце!
Не бойся, въ немъ все пусто, кромѣ скорби;
Тамъ нѣтъ ужъ господина твоего,
Который былъ сокровищемъ его!
Свершай же свой приказъ, рази! Ты, вѣрно,
Въ поступкахъ честныхъ болѣе отваженъ,
Теперь же ты какъ будто трусишь...

ПИЗАНІО (*Отталкиваетъ мечъ*).—Прочь,

---

*) *Эней и Синонъ*—Aeneas—троянскій князь, сынъ Венеры и Анхиза, супругъ Креузы, дочери Пріама. Онъ отличался во время осады Трои, особенно въ ночь взятія этого города, въ 1270 г. до Р. Хр. Онъ убѣжалъ, держа на плечахъ престарѣлаго отца, съ богами-пенатами, и водворился, послѣ многочисленныхъ странствованій, составившихъ предметъ виргиліевой поэмы, въ Италіи.—Шекспиръ замѣчаетъ, что въ его времена было столько честныхъ бродягъ, рядомъ съ бродягами-плутами, что всѣхъ считали за обманщиковъ. Sinon — грекъ, извѣстный своимъ вѣроломствомъ. Въ то время, какъ его соотечественники уже бросили неприступную Трою, онъ передался Троянцамъ, объявивъ имъ, что его бросили земляки его, и обманомъ ввезъ въ стѣны Трои гигантскаго коня, въ которомъ заранѣе спрятались вооруженные греки. О послѣдствіяхъ его лживыхъ жалобъ на земляковъ знаютъ всѣ, читавшіе II пѣсню Энеиды. Метафорически Синона зовутъ иногда сыномъ Сизифа.

Негодное оружіе! Тобой
Не наложу я на руки проклятія!
ИМОДЖЕНА.—О! я должна погибнуть! И когда
Твоя рука меня не умертвитъ,
Ты не слуга Постума Леоната!
Самоубійство боги запретили,
И руки слабыя дрожатъ!.. Скорѣй,
Вотъ сердце!.. Передъ нимъ какой-то щитъ?
Стой, стой, ему не нужно обороны,
Пусть, какъ ножны, оно открыто будетъ!
Что это? Письма вѣрнаго Постума,
Вы обратились нынче въ ересь... Прочь,
Прочь, развратители моей любви!
Наперсниками сердца вамъ отнынѣ
Нельзя ужъ быть! Мои святыя чувства
Коварными обманщиками стали...
Тяжка измѣна жертвѣ вѣроломства,
Но для того, кто измѣнилъ, она
Еще тяжеле! Такъ и ты, Постумъ,
Родившій въ Имоджент непокорство
Передъ отцомъ, заставившій ее
Презрѣть искательства высокихъ принцевъ,
Увидишь въ этомъ послѣ непростое
Событіе, а рѣдкую любовь!..
И грустно мнѣ, когда я размышляю,
Что нѣкогда ты охладѣешь къ той,
Которая тебя теперь голубитъ,
И что тебя убьетъ воспоминанье
Объ Имоджент!—Поскорѣй, прошу
Тебя! Барашекъ молитъ мясника;
Гдѣ ножъ твой? Ты ужасно медлишь съ волей
Хозяина, тогда какъ я такъ жадно
Желаю этого...
ПИЗАНІО.— Съ тѣхъ поръ, милэди,
Какъ получилъ я это приказанье,
На мигъ одинъ я не смыкалъ очей.
ИМОДЖЕНА.—Исполни это и ступай въ постель.
ПИЗАНІО.—Нѣтъ! Прежде отъ безсонницы ослѣпнутъ
Мои глаза!
ИМОДЖЕНА.— Къ чему-жъ ты это началъ?
Къ чему скакалъ ты столько миль, съ фальшивымъ
Предлогомъ? И къ чему намъ это мѣсто,

Мое старанье и твое старанье,
Труды коней, удобный часъ, смятенье
Двора въ мое отсутствіе, двора,
Въ который я, быть можетъ, не вернусь?
Къ чему зашелъ ты въ эту даль и, выбравъ
Себѣ засаду, не стрѣляешь въ дичь,
Которая стоитъ передъ тобою?

ПИЗАНІО.—Я время выиграть хотѣлъ за тѣмъ лишь,
Чтобы спастись отъ этой злой раздѣлки;
Я вотъ что вздумалъ: добрая милэди,
Извольте выслушать меня съ терпѣньемъ.

ИМОДЖЕНА.—О! истощи языкъ свой: говори!
Я слышала, меня безчестной звали,
И этимъ такъ мнѣ уши истерзали,
Что ранъ не излѣчить... Ну, говори...

ПИЗАНІО.—Я думаю, милэди, вы домой
Не захотите больше возвратиться...

ИМОДЖЕНА.—Конечно, потому что ты меня
Привелъ сюда затѣмъ, чтобъ умертвить.

ПИЗАНІО.—Нѣтъ, не затѣмъ! Когда-бъ мой умъ равнялся
Правдивости моей, моя догадка
Навѣрно увѣнчалась бы успѣхомъ...
Мой господинъ обманутъ! Негодяй
Какой-нибудь, искусный въ этомъ дѣлѣ,
Обоихъ васъ обидѣлъ такъ коварно.

ИМОДЖЕНА.—О, вѣроятно, римская красотка!

ПИЗАНІО.—Нѣтъ, жизнью вамъ клянусь! Я дамъ ему
Извѣстіе, что вы погибли, тутъ же
Пошлю ему какой-нибудь кровавый
Значекъ: онъ такъ мнѣ приказалъ, я долженъ
Исполнить это! Дворъ васъ не отыщетъ,
И этимъ все, какъ должно, объяснится.

ИМОДЖЕНА.—Но, добрый другъ, что дѣлать мнѣ теперь?
Куда мнѣ скрыться? Какъ мнѣ жить? Какое
Найду я утѣшенье въ жизни, если
Погибну я для мужа моего?

ПИЗАНІО.—А если ко двору вы возвратитесь?..

ИМОДЖЕНА.—Ни ко двору, ни къ моему отцу!
Не стану больше я бороться съ этимъ
Ничтожнымъ и негоднымъ грубіяномъ,
Клотеномъ: онъ, съ его исканьемъ страстнымъ,
Ужаснѣе осады для меня!

Пизаніо.—Когда не ко двору, вы не должны
Скрываться и въ Британіи...
Имоджена.— Такъ гдѣ же?!
Уже-ль въ одной Британіи сіяетъ
Свѣтъ солнца? День и ночь уже-ль въ одной
Британіи ты встрѣтишь? Если наша
Британія частица міра, это
Не значитъ, чтобъ у ней одной все было!
Она въ большомъ прудѣ — гнѣздо лебяжье...
Опомнись, другъ, подумай, люди есть
И не въ одномъ британскомъ государствѣ!
Пизаніо.—Я очень радъ, что о другомъ вы мѣстѣ
Припомнили. Посланникъ римскій, Люцій,
Въ Мильфордѣ завтра долженъ быть. И если
Вы примете такой же мрачный видъ,
Какъ вашъ удѣлъ, и если вамъ удастся
Запрятать то, что безъ покрова можетъ
Подвергнуться опасности, васъ ждетъ
Дорога, полная прелестныхъ видовъ!
Вы, можетъ быть, приблизитесь къ жилищу
Постума и, хотя его дѣла
Отъ васъ сокрыты будутъ, ежечасно
Молва о немъ трубить вамъ будетъ въ уши
И передастъ вамъ всѣ его поступки!
Имоджена.—О, гдѣ же средства къ этому? Пускай
Моей стыдливости грозитъ опасность,
Лишь не грозила-бъ смерть ей,—и на все
Отважусь я.
Пизаніо.— Прекрасно! Вотъ въ чемъ дѣло:
Вы позабыть должны свой полъ, привычку
Повелѣвать должны смѣнить покорствомъ;
Боязнь и деликатность слабыхъ женщинъ,
Красу, или, вѣрнѣе, ихъ прелестный
Двойникъ—должны вы замѣнить шутливой
Отвагою, охотницей трунить
И щебетать безъ умолку, проворной
И дерзостной, какъ ласточка; должны вы
Забыть сокровище прелестныхъ щечекъ,
Предать ихъ—о, какое злое сердце!
Увы! нѣтъ силы этому помочь —
Предать ихъ ненавистнымъ и открытымъ

Прикосновеньямъ поцѣлуевъ солнца *),
И позабыть нелегкое искусство
Убора локоновъ, изъ-за которыхъ
Питаетъ зависть къ вамъ сама Юнона!

ИМОДЖЕНА.—О, поскорѣй! Я цѣль твою предвижу
И становлюсь уже почти мужчиной!

ПИЗАНІО.—Во-первыхъ, станьте имъ: предвидя это,
Я вамъ припасъ въ моемъ мѣшкѣ походномъ
Кафтанъ и брюки, шляпу, все, что̀ нужно!
Извольте это надѣвать, насколько
Съумѣете, старайтесь подражать
Пріемамъ юноши, который былъ бы
Не старше васъ, и къ Люцію явитесь,
Съ желаніемъ служить ему, скажите
Ему о томъ, къ чему способны вы;
Пойметъ вполнѣ онъ, если слухъ его
Устроенъ такъ, что любитъ музыкальность...
Онъ, безъ сомнѣнья, встрѣтитъ васъ радушно,
Затѣмъ, что онъ благочестивъ и честенъ,
А это много значитъ! Средства-жъ къ жизни
Въ чужомъ краю—мое ужъ дѣло: ими
Я васъ теперь и послѣ не замедлю
Снабжать!

ИМОДЖЕНА.— Въ тебѣ одномъ мнѣ боги дали
Все утѣшеніе! Пойдемъ, немало
Придется намъ еще подумать. Время,
Намъ данное, мы превратимъ въ добро:
Солдатомъ я примусь за это дѣло
И съ царской храбростью покончу все!
Идемъ, прошу тебя.

ПИЗАНІО.— Прекрасно, лэди!
Но съ вами я скорѣй разстаться долженъ,
Чтобы моя отлучка подозрѣній
Не возбудила въ томъ, что я—причина
Побѣга вашего, моя принцесса!
Вотъ стклянночка; ее мнѣ королева
Дала; безцѣнно то, что въ ней сокрыто!
Морская-ль качка, боли-ль живота
На сушѣ поразятъ васъ, вы примите
Одну лишь драхму этого, и все

*) Въ подлинникѣ говорится — „Common-kissing Titan“ — всецѣлующій Титанъ, солнце,—какъ въ Гамлетѣ—„Good-kissing carrion“—прелестно-цѣлующая гетера.

Исчезнетъ.—Въ тѣнь же поскорѣе,
И одѣвайтесь вы мужчиной: боги
Да ниспошлютъ вамъ лучшее!..
ИМОДЖЕНА.— Аминь!
Благодарю тебя! благодарю! (*Уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Комната во дворцѣ Цимбелина (Входятъ: ЦИМБЕЛИНЪ, КОРОЛЕВА, КЛОТЕНЪ, Люцій и лорды).

ЦИМБЕЛИНЪ.—Счастливый путь! Теперь прощайте, лордъ!
ЛЮЦІЙ.—Благодарю васъ, лордъ. Мой императоръ
Мнѣ пишетъ, чтобы я спѣшилъ отсюда.
Жаль, очень жаль, что я обязанъ васъ
Его врагомъ смертельнымъ объявить.
ЦИМБЕЛИНЪ.—Сэръ! Мой народъ не хочетъ покоряться
Его ярму, а намъ не подобаетъ
Предъ нимъ самодержавьемъ поступаться!
ЛЮЦІЙ.—Такъ, сэръ. Затѣмъ прошу васъ, дайте мнѣ
Конвой до гавани Мильфордской. Лэди,
И вы, желаю вамъ всѣхъ благъ небесныхъ!
ЦИМБЕЛИНЪ.—Милорды, вы отправитесь конвоемъ.
Не забывайте должнаго почтенья
Къ послу! Теперь—прощай, достойный Люцій.
ЛЮЦІЙ (*Клотену*).—Лордъ, вашу руку...
КЛОТЕНЪ.— Вотъ она, мой другъ!
Но съ этихъ поръ она твой непріятель.
ЛЮЦІЙ.—Судьба рѣшитъ, кто побѣдитъ изъ насъ.
Прощайте.
ЦИМБЕЛИНЪ.— Проводите же, милорды,
Вы доблестнаго Люція до самыхъ
Границъ Северна... Добрый путь, Кай-Люцій (*Люцій и лорды уходятъ*).
КОРОЛЕВА.—Онъ удалился въ гнѣвѣ; мы—причина
Всему, и это дѣлаетъ намъ честь.
КЛОТЕНЪ.—Дѣла недурны! (*Охорашиваясь*). Храбрые британцы
Желали сами этого!
ЦИМБЕЛИНЪ.— Кай-Люцій
Писалъ отсюда къ Цезарю о томъ,
Что́ между насъ случилося; по этой
Причинѣ мы должны скорѣй готовить

Орудія и всадниковъ: войска,
Которыя по Галліи стоятъ,
Онъ соберетъ незримо и нагрянетъ
На Англію.

КОРОЛЕВА.— Теперь дремать нельзя...
Начнемъ работать быстро и отважно!

ЦИМБЕЛИНЪ.—Мы это все предвидѣли и нынѣ
Уже готовы... Но, моя царица,
Гдѣ наша дочь? Она не выходила
При римлянахъ и намъ не воздала
Обычныхъ поздравленій съ утромъ; въ ней
Гораздо больше зла, чѣмъ доброты:
Мы это замѣчали!—Позовите
Ее сюда; мы къ ней ужъ слишкомъ мало
Оказывали строгости... (*Дежурный уходитъ*).

КОРОЛЕВА.— Монархъ!
Со времени изгнанія Постума
Она жила въ большомъ уединеньи;
Отъ этого, милордъ, ее излѣчитъ
Одно лишь время! Умоляю васъ,
Не будьте съ ней въ рѣчахъ своихъ жестоки:
Она такъ сильно чувствуетъ упреки,
Что строгія слова—смертельный ядъ
Для нѣжности ея (*слуга возвращается*).

ЦИМБЕЛИНЪ.— Ну, гдѣ-жъ она?
Чѣмъ можно извинить ея упорство?

СЛУГА.—Ея покои заперты, милордъ!
И какъ мы передъ ними ни кричали,
Изъ нихъ отвѣта не было.

КОРОЛЕВА.— Милордъ,
Когда я къ ней въ послѣдній разъ ходила,
Она передо мною извинилась
Въ своемъ уединеніи, говорила,
Что къ этому принудила ее
Болѣзнь, и что за ней она не можетъ
Платить вамъ ежедневно должной чести!
Она тогда повѣдала мнѣ это,
Но, за придворной суетой, невольно
Мнѣ измѣнила память.

ЦИМБЕЛИНЪ.— Какъ?! Всѣ двери
У Имоджены заперты? Ее
Съ недавнихъ поръ никто не видѣлъ?.. Небо,

Молю тебя, пусть будетъ ложью то,
Чего я такъ боюсь!.. (*Уходитъ*).

КОРОЛЕВА.— Клотенъ! ступай
За королемъ!

КЛОТЕНЪ.— Пизаніо, слуги
Ея стариннаго, я также больше
Двухъ дней уже не видѣлъ.

КОРОЛЕВА. Ну, ступай же,
Сыщи его! (*Клотенъ уходитъ*).
Пизаніо?.. Не тотъ ли,
Который такъ стоитъ за Леоната?..
Мое лѣкарство у него! О, еслибъ
Онъ проглотилъ его и потому
Отсутствовалъ! Онъ думаетъ, что это—
Безцѣнное сокровище!.. Но гдѣ
Принцесса скрылась? Не тоска-ль ее
Взяла? Иль, окрыленная любовнымъ
Огнемъ, она къ Постуму улетѣла?
Безчестіе иль смерть ее постигли,
Въ обоихъ случаяхъ конецъ недуренъ...
Наслѣдница престола умерла—
Ко мнѣ корона царства перешла! (*Клотенъ возвращается*).
Ну, что теперь, мой сынъ?

КЛОТЕНЪ.— Она бѣжала,
Въ томъ нѣтъ сомнѣнія! Скорѣй идите,
Утѣшьте короля: онъ внѣ себя,
Никто къ нему приблизиться не смѣетъ.

КОРОЛЕВА.—Все хорошо!... О, еслибъ эта ночь
Лишиться дня могла ему помочь! (*Уходитъ*).

КЛОТЕНЪ (*одинъ*)—Ахъ!.. Я люблю ее и ненавижу!
Она такъ царственна, такъ хороша...
У ней одной чудесъ природы больше,
Чѣмъ въ каждой лэди, чѣмъ у многихъ лэди!
Чѣмъ вообще у всѣхъ на свѣтѣ лэди!
Въ ней собрано все лучшее изъ каждой
Красавицы, и потому она,
Какъ сумма всѣхъ красавицъ, выше всѣхъ ихъ!..
Поэтому-то я ее люблю!
Но, съ той поры, какъ злость ко мнѣ и страсть
Къ уроду Леонату омрачили
Весь умъ ея, испортили все то,
Что было у нея такъ дивно-нѣжно,—

Я ненавижу Имоджену, я
Готовъ ей отомстить безъ размышленій.
Когда глупцы рѣшаются... (*Входитъ Пизаніо*).
Кто здѣсь?
Какъ! Это ты, голубчикъ, строишь шашни?
Поди сюда... Такъ вотъ кто наша сваха!
Злодѣй, гдѣ госпожа твоя? Отвѣтствуй
На первомъ словѣ: иначе въ мгновенье
Ты полетишь къ чертямъ!

ПИЗАНІО.— О, добрый лордъ!..

КЛОТЕНЪ.—Гдѣ госпожа твоя? Не то Зевесомъ
Клянусь, тебя я больше не спрошу.
Нѣмой злодѣй! Я тайну эту вырву
Изъ сердца твоего, иль вырву сердце,
Чтобъ отыскать ее! Она съ Постумомъ,
Въ которомъ драхмы доблестей не выжмешь
Изъ кучи низостей?

ПИЗАНІО.— Увы, милордъ!
Какъ быть ей съ нимъ? Давно-ль она исчезла,
А онъ въ Италіи...

КЛОТЕНЪ.— Такъ гдѣ-жъ она?
Скорѣй къ концу, безъ дальнихъ запирательствъ:
Открой мнѣ все... Что сдѣлалось съ принцессой?

ПИЗАНІО.—Достойный лордъ!

КЛОТЕНЪ.— Достойный негодяй!
Скажи мнѣ сразу, гдѣ твоя принцесса,
На первомъ словѣ, безъ „достойныхъ лордовъ“ —
Скажи, не то, молчаніе твое
Тебѣ смертельнымъ будетъ приговоромъ!

ПИЗАНІО.—Здѣсь, сэръ, въ письмѣ, исторія всего,
Что знаю я о бѣгствѣ Имоджены... (*Отдаетъ ему письмо*).

КЛОТЕНЪ.—Давай сюда! Я погонюсь за ней,
Вплоть до ступеней Августова трона!

ПИЗАНІО (*Въ сторону*). — Одно изъ двухъ: иль это, или гибель! *)
Она довольно далеко; письмо же
Его запутаетъ и ей не страшно...

КЛОТЕНЪ (*Читая письмо*).—Гмъ!!

ПИЗАНІО.— Напишу къ нему, что умерла
Она... О, Имоджена! Будь спокойна
Въ пути и къ намъ спокойно возвратись!

---

*) Джопсонъ влагаетъ эти слова въ уста Клотена; но они не согласуются съ общимъ духомъ этой сцены.

Клотенъ.—А что, дружище, въ письмѣ-то подлога нѣтъ?

Пизаніо.—Конечно!

Клотенъ.—Я знаю, это почеркъ Постума. Голубчикъ! Если ты не имѣешь поползновенія быть мошенникомъ, если ты хочешь мнѣ служить вѣрою и правдою, исполнять съ достойнымъ рвеніемъ всѣ порученія, которыя только я возложу на тебя, то-есть, если ты будешь дѣлать точно и неизмѣнно всевозможныя низости, которыя я буду тебѣ заказывать, я тебя, любезнѣйшій, стану считать честнымъ малымъ; ты не будешь нуждаться въ моей помощи и въ моемъ голосѣ для твоей карьеры.

Пизаніо.—Согласенъ, мой добрый лордъ...

Клотенъ.—Ну, хочешь мнѣ служить? Подумай: если ты съ такимъ примѣрнымъ терпѣньемъ и постоянствомъ угождалъ нагой фортунѣ этого убогаго Постума, тебѣ легко изъ благодарности стать что ни на есть прилежнымъ слугою моей фортуны! Говори, хочешь быть моимъ слугою?

Пизаніо.—Хочу, сэръ.

Клотенъ.—Давай же руку. Вотъ тебѣ мой кошелекъ. Имѣется ли у тебя что-нибудь изъ платья твоего послѣдняго господина?

Пизаніо.—Есть, милордъ, у меня на дому то самое платье, въ которомъ онъ былъ во время прощанія съ милэди Имодженой.

Клотенъ.—Первая работа, какую ты сдѣлаешь мнѣ, вотъ въ чемъ должна состоять: принеси, дружище, завѣтное платье сюда. Пусть это будетъ твоею первою услугой. Ступай.

Пизаніо.—Слушаю, милордъ (*Уходитъ*).

Клотенъ.—Встрѣтить тебя въ Мильфордской гавани... Ахъ! Я и позабылъ разспросить его объ одной важнѣйшей вещицѣ — какъ бы это вспомнить?.. Именно! Тамъ я доканаю тебя, негодный Постумъ!—Если бы это платье принесли скорѣе?.. Когда-то она проговорилась мнѣ — и горечь этого до сихъ поръ отзывается въ моемъ сердцѣ—что худшая одежда Постума наполняетъ ее бо̀льшимъ восторгомъ, чѣмъ моя джентльменская особа, со всѣми приправами моихъ доблестей... Въ этой-то самой одеждѣ на моей спинѣ, я прежде всего убью его, и убью передъ ея собственными глазами; она увидитъ всю мою отважность и лопнетъ съ отчаянія... Когда онъ растянется у моихъ ногъ и я, надругавшись надъ его трупомъ, насыщу мою страсть, въ насмѣшку ей, въ томъ же платьѣ, я прогоню ее пинками домой. Она веселилась, отвергнувъ меня, а я наслажусь моимъ мщеньемъ... (*Пизаніо возвращается съ платьемъ*). Это то самое платье?

Пизаніо.—Точно такъ, мой благородный лордъ.

Клотенъ.—Сколько времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ она дала тягу въ Мильфордъ?

Пизаніо.—Она теперь уже тамъ...

Клотенъ.—Отнеси же этотъ нарядъ въ мою спальню, и да будетъ тебѣ извѣстно, что это мой второй тебѣ приказъ! Третій состоитъ въ томъ, что ты долженъ быть нѣмъ въ отношеніи моихъ плановъ. Смотри же, исполни все, какъ надо, и вѣрнѣйшее повышеніе будетъ тебѣ наградою!—Месть моя теперь прогуливается въ Мильфордѣ! О, когда-бъ у меня были крылья, полетѣлъ бы я вслѣдъ за нею!.. Ступай, и будь честенъ! (*Уходитъ*).

Пизаніо (*Одинъ.*)—Ты далъ мнѣ приказаніе погибнуть!
Затѣмъ, чтобъ вѣрнымъ быть тебѣ, чего
Я не осмѣлюсь сдѣлать, значитъ быть
Лжецомъ передъ честнѣйшимъ изъ людей!
Ступай въ Мильфордъ, ты тамъ ужъ не отыщешь
Той, за которой гонишься! Сойдите,
Благословенья неба, на нее!..
Пусть медленность скреститъ Клотену ноги
И да убьетъ его среди дороги! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Долина передъ пещерою Белларія. (Входитъ Имоджена, въ мужскомъ платьѣ).

Имоджена.—Печальна жизнь людей! Я утомилась,
Двѣ ночи мнѣ земля была постелью.
Я заболѣла-бъ, если-бъ не моя
Рѣшительность!.. Когда Мильфордъ съ горы
Мнѣ указалъ Пизаніо, онъ казался
Вблизи... О, Зевсъ! Неужели жилища
Бѣгутъ отъ бѣдняковъ, едва они
Въ нихъ захотятъ укрыться отъ ненастья?
Меня два нищихъ нынче увѣряли,
Что я не заблужусь: народецъ этотъ
Солгалъ, а между тѣмъ, страдаетъ самъ
И знаетъ, что̀ такое судъ и пытка!..
Нѣтъ чуда, если нынче богачи
Безъ мѣры лгутъ; солгать отъ нищеты
Не такъ ужасно, какъ солгать отъ жиру:
Ложь богачей грѣшнѣе лжи убогихъ!
Мой милый мужъ! Ты нынѣ также лжецъ...
Едва тебя я вспомнила, мой голодъ
Исчезъ невидимо, а передъ этимъ
Я отъ него едва могла стоять!—
Что̀ тутъ такое?.. Горная тропинка!

Ужъ не жилище-ль это дикаря?
Нѣтъ, лучше мнѣ не кликать никого...
Мнѣ страшно отозваться... Голодъ, прежде
Чѣмъ умертвить природу, придаетъ
Ей храбрости... Довольство и покой
Разводятъ трусовъ; крѣпость же и сила —
Мать крѣпостей *)... Эй! Кто тутъ? Если тварь
Изъ общества людей—такъ говори!
Когда-жъ дикарь—„возьми, или подай!“
Эй!—Нѣтъ отвѣта?.. Ну, такъ я войду!..
Но прежде выну мечъ, и если врагъ мой,
Подобно мнѣ, его боится, онъ
Не взглянетъ на него... О небо, дай мнѣ
Такихъ враговъ! (*Входитъ въ пещеру*).
(*Изъ лѣса выходятъ Белларій, Гвидерій и Арвирагъ*).

Белларій.—Ты, Полидоръ, былъ лучшій изъ ловцовъ,
Поэтому ты—царь трапезы нашей!
А мы съ Кадваломъ разыграемъ роль
Слуги и повара: таковъ у насъ
Былъ уговоръ! Искусство и работа
Безъ цѣли портятся и загниваютъ!
Пойдемъ; желудки наши все приправятъ...
Усталость спитъ на камняхъ, лѣнь же часто
Суровыми находитъ и подушки!
Да будетъ миръ съ тобой, нашъ скромный домикъ,
Ты самъ свой сторожъ!

Гвидерій.— Я усталъ ужасно...

Арвирагъ.—Я-жъ духомъ слабъ, но голодъ мой силенъ!

Гвидерій.—Въ пещерѣ есть холодная похлебка:
Закусимъ-ка слегка, пока зажаримъ
То, что убили мы.

Белларій (*Смотря въ пещеру*).—Стой, не входи!..
Когда-бы нашей пищи онъ не ѣлъ,
Я принялъ-бы его за фею!..

Гвидерій. Что тамъ?

Белларій.—Клянусь Зевесомъ, это духъ! А если
Не онъ, такъ ужъ какъ разъ земное диво!
Какъ будто божество, а между тѣмъ,
Не старше мальчика... (*Входитъ Имоджена*).

---

*) Здѣсь наивная, резонерствующая красавица остритъ: слово „hardness“ значитъ крѣпость, сила, а слово „hardiness“—крѣпость, фортъ, цитадель.

Имоджена.— О, будьте такъ
Добры, не обижайте сиротинку!
Я кликалъ прежде, чѣмъ сюда вошелъ;
Хотѣлъ спросить или купить того,
Что взялъ я здѣсь... Свидѣтель Богъ! Я крошки
У васъ не утащилъ бы, еслибъ даже
Вы золотомъ усыпали пещеру!
Вотъ деньги за обѣдъ: я на столѣ,
Покушавши, оставить ихъ хотѣлъ,
Чтобъ на пути молиться за хозяевъ.
Гвидерій.—Какъ! деньги, милый мальчикъ?
Арвирагъ.— Серебро
И золото скорѣе грязью станутъ...
Ихъ почитаютъ только тѣ, которымъ
Навозъ цѣннѣй всего...
Имоджена.— Я вижу, вы
Разгнѣвались. Но знайте, еслибъ смерти
Вы за вину не предали меня,
И безъ вины скончался-бъ я сегодня!
Белларій.—Куда же ты идешь теперь?
Имоджена.— Въ Мильфордъ.
Белларій.—А какъ тебя зовутъ?
Имоджена.— Фидельо, сэръ!
Одинъ мой родственникъ поѣхалъ въ Римъ
И долженъ отправляться изъ Мильфорда;
Я шелъ теперь къ нему, но сильный голодъ
Меня подсѣкъ, и я свершилъ проступокъ.
Белларій.—Прошу тебя, мой несравненный мальчикъ,
Не принимай насъ за звѣрей, не мѣряй
По нашему жилищу нашихъ чувствъ!
Будь добрымъ гостемъ!.. Ночь не за горами...
Ты на дорогу долженъ хорошенько
Покушать... Погоди-жъ и закуси:
Ты этимъ насъ обяжешь много!—Дѣти,
Просите гостя.
Гвидерій.— Еслибъ ты, малютка,
Былъ женщиной, я страшно-бъ за тобой
Ухаживалъ, тебѣ служить желалъ бы
И честно-бы купилъ твою любовь!
Арвирагъ.—Я-жъ утѣшаюсь тѣмъ, что онъ мужчина;
Люблю его, какъ брата, и встрѣчаю,
Какъ друга, послѣ тягостной разлуки.

Добро пожаловать! Будь веселъ! Ты
Среди друзей своихъ...

ИМОДЖЕНА (*Въ сторону*).—Среди друзей!..
О, если-бъ между братьевъ? Если-бъ въ нихъ
Отецъ мой сыновей своихъ увидѣлъ?
Тогда-бъ упала я въ цѣпѣ, и вѣсъ мой
Сравнялся бы съ тобою, Леонатъ!

БЕЛЛАРІЙ.—Онъ грустенъ.

ГВИДЕРІЙ.— Если-бъ мнѣ его утѣшить!

АРВИРАГЪ.—И я готовъ, что ни случилось бы,
Какихъ бы это страховъ и заботъ
Ни стоило!

БЕЛЛАРІЙ.— Послушайте-ка, дѣти (*Шепчутся втроемъ*).

ИМОДЖЕНА.—Властители земли, дворцы которыхъ
Не болѣе пещеры этой, слуги
Которыхъ вѣчно сами же они,
И къ добродѣтелямъ которыхъ совѣсть
Сама вездѣ печати приложила,
Такъ что они въ дарахъ толпы кичливой
Нужды не знаютъ, врядъ ли этихъ двухъ
Способны превзойти?.. Простите, боги!
Съ тѣхъ поръ, какъ Леонатъ мой сталъ невѣренъ,
Я измѣняю полъ свой для того,
Чтобъ быть въ ихъ обществѣ.

БЕЛЛАРІЙ (*Вслухъ*).— Такъ точно, дѣти.
Пойдемте, приготовимъ нашу дичь.
Иди и ты, прекрасный мальчикъ; трудно
Голодному разсказывать; когда-жъ
Мы кончимъ ужинъ свой, тебя мы скромно
Попросимъ намъ твою повѣдать повѣсть,—
Насколько ты захочешь говорить.

ГВИДЕРІЙ.—Войди, прошу тебя.

АРВИРАГЪ.— Ты намъ любезнѣй,
Чѣмъ ночь совѣ, а жаворонку утро.

ИМОДЖЕНА.—Благодарю васъ всѣхъ.

АРВИРАГЪ.— Итакъ, войди же! (*Уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Римъ.—Форумъ (Входятъ: два сенатора и трибуны).

ПЕРВЫЙ СЕНАТОРЪ.—Вотъ все, что объявилъ намъ императоръ:
Солдаты наши въ дѣйствіи теперь,

Въ странѣ Паннонцевъ и Далматовъ; войско,
Что въ Галліи стоитъ, не столько сильно,
Чтобъ съ нимъ идти войною на возставшихъ
Британцевъ: мы должны для этой цѣли
Патриціевъ поднять!.. Онъ повелѣлъ
Проконсуломъ быть Люцію; а вамъ,
Трибуны, поручилъ скорѣй окончить
Наборъ.—Да здравствуетъ великій Цезарь!

Трибунъ.—И Люцій будетъ командиромъ войска?

Второй сенаторъ.—Такъ точно.

Трибунъ.— Люцій въ Галліи теперь?..

Первый сенаторъ.—Съ тѣмъ самымъ войскомъ, о которомъ я
Сказалъ, что вашъ наборъ его пополнитъ!
Слова приказа все распредѣляютъ:
Число набора и послѣдній срокъ
Похода...

Трибуны.— Мы исполнимъ все, какъ должно! (*Удаляются*).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Лѣсъ близъ пещеры. (Входитъ Клотенъ).

Клотенъ.—Я приблизился къ мѣсту, гдѣ они должны встрѣтиться, если Пизаніо вѣрно начертилъ мнѣ его планъ. Какъ ко мнѣ пристало его платье! Отчего же не прійтись мнѣ по мѣркѣ и его возлюбленной, которая сотворена тѣмъ же, кто сотворилъ портныхъ? По молвѣ, всякая женщина приходится по мѣркѣ тому, кто подладится подъ мѣру ея вкуса! Разыграемъ же наше дѣльце. Я долженъ признаться—потому-что это вовсе не тщеславіе, если человѣкъ и его зеркало войдутъ въ тѣсныя сношенія, я хотѣлъ сказать, въ своей собственной комнатѣ, — признаться, что формы тѣла у меня также изящны, какъ и у него: я не старше его и въ то же время сильнѣе, я не уступлю ему въ богатствѣ и, рядомъ съ этимъ, много счастливѣе его въ выгодахъ положенія общественнаго; я выше его по происхожденію, искуснѣе въ свѣтскомъ обращеніи и въ единоборствѣ: и эта легкомысленная голова любитъ его въ мой ущербъ! Таковы-то всѣ вы, о смертные человѣки! Постумъ, твоя голова теперь торчитъ на плечахъ, а черезъ часъ она слетитъ оттуда; твоя одежда разлетится въ клочки передъ ея лицомъ; по свершеніи же всего этого,

ее погонятъ домой, къ ея отцу, который, пожалуй, немного и посердится на меня за этотъ строгій поступокъ, но моя матушка справляется съ его заносчивостью и все поправитъ въ мою пользу. Конь мой привязанъ надежно. Мечъ, вылѣзай—на кровавое дѣло! Фортуна, дай мнѣ ихъ въ мои руки! По описанію, это, вѣроятно, мѣсто ихъ встрѣчи; простякъ не могъ меня обмануть... (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Передъ пещерою. (Выходятъ изъ пещеры: Белларій, Гвидерій, Арвирагъ и Имоджена).

Белларій (*Имоджень*).—Вы нездоровы; подождите здѣсь,
Въ пещерѣ; мы зайдемъ къ вамъ послѣ ловли.
Арвирагъ (*Имоджень*).—Братъ, подожди... Вѣдь мы съ тобою братья?
Имоджена.—Всѣ люди—братьями должны считаться,
Но персть земная передъ перстью часто
Гордится, позабывъ, что обѣ—персть. Я боленъ.
Гвидерій (*отцу и брату*).—Охотьтесь вы, а я останусь съ нимъ.
Имоджена.—Я нездоровъ, но не въ такой ужъ силѣ,—
Не такъ, какъ гражданинъ женоподобный,
Который не успѣетъ заболѣть,
Какъ ужъ дрожитъ и труситъ умереть...
Поэтому прошу меня оставить
И приниматься за дневной вашъ трудъ:
Разстроить дорогой обычай, значитъ
Разстроить все! Я боленъ; но, оставшись
Со мной, вы тѣмъ не въ силахъ мнѣ помочь!
Общественность—не утѣшенье тѣмъ,
Кто чуждъ общественности; неопасна
Болѣзнь моя съ тѣхъ поръ, какъ я о ней
Могу судить. Итакъ, прошу васъ, ввѣрьте
Меня пещерѣ вашей; я могу
Украсть лишь одного себя; но если
Скончаюсь я, такъ это воровство
Не велико!
Гвидерій.— Тебя я обожаю—
И это я не разъ ужъ говорилъ—
Сильнѣй и жарче, чѣмъ любилъ бы я
Отца роднаго!
Белларій.— Что такое? какъ?!

Арвирагъ.—Когда грѣшно такъ выражаться, я
Себя къ поступку брата пріобщаю!
Не знаю, почему я такъ люблю
Фиделіо!.. Вы сами говорили,
Что въ разсужденьяхъ страсти нѣтъ разсудка...
Когда-бъ стоялъ у двери страшный гробъ,
И у меня спросили бы, кто долженъ
Скончаться,—я отвѣтилъ бы: отецъ,
А не прекрасный юноша!
Белларій (*въ сторону*).— О, диво
Природы! голосъ царственнаго духа!
О, дѣтище достойнаго величья!
Трусливость—мать трусливости, а низость
Рождаетъ низость, у природы есть
Мякина и мука, краса и гадость...
Я не отецъ имъ! Кто же этотъ мальчикъ?
Онъ удивляетъ ихъ, они его
Сильнѣй меня отнынѣ любятъ. (*Громко*). Дѣти,
Уже девятый часъ.
Арвирагъ.— Прощайте, братъ.
Имоджена.—Желаю вамъ успѣха на охотѣ.
Арвирагъ.—А я желаю вамъ здоровья.—Сэръ,
Идемте! въ путь!..
Имоджена.—(*Въ сторону*).—Добрѣйшія созданья!
О, боги! Сколько лжи мнѣ насказали!
Льстецы меня увѣрили, что все,
Чего нѣтъ въ городахъ, ужасно дико...
Но, опытъ, ты ихъ рѣчи опровергъ!
Побѣдныя моря рождаютъ гадовъ,
А рѣчки производятъ вкусныхъ рыбъ!..
Я очень боленъ; сердце нездорово...
Пизаніо, теперь я испытаю
Твое лѣкарство!
Гвидерій.— Онъ мнѣ ничего
Не захотѣлъ раскрыть; онъ говорилъ:
„Я благороденъ, но постигнутъ горемъ,
„Я удрученъ безчестіемъ, но честенъ!“
Арвирагъ.—Онъ то же мнѣ повѣдалъ, но прибавилъ,
Что я впослѣдствіи узнаю больше.
Белларій.—Въ поля, въ поля: мы васъ пока оставимъ;
Идите же въ пещеру, ждите насъ.
Арвирагъ.—Мы не надолго васъ покинемъ.

Белларій. Будьте-жъ
Здоровы, умоляю васъ; вы нашей
Хозяюшкой останетесь.
Имоджена.— Здоровъ ли,
Иль нездоровъ я буду: я вашъ другъ!
Белларій.—И такъ всегда да будетъ! (*Имоджена уходитъ*).
Этотъ мальчикъ
Мнѣ кажется отродіемъ боговъ,
Хоть и томится тяжкой онъ бѣдою.
Арвирагъ.—Какъ горній духъ, онъ нѣжно распѣваетъ.
Гвидерій.—А какъ его стряпня щеголевата!
Коренья онъ фигурками изрѣзалъ
И заварилъ такой бульонъ, что, право,
Когда-бъ сама Юнона заболѣла,
Богиню онъ какъ разъ бы излѣчилъ!
Арвирагъ.—Какъ часто онъ съ улыбкой вздохъ мѣшаетъ!
Ну, точно, словно вздохъ о томъ груститъ,
Что онъ не можетъ быть ея улыбкой!..
Улыбка же надъ вздохомъ все трунитъ,
Что изъ такой святыни онъ летитъ,
И хочетъ породниться съ буйнымъ вѣтромъ,
Котораго не любятъ такъ матросы.
Гвидерій.—Мнѣ кажется, что горе и терпѣнье
Въ немъ возросли и заплелись корнями.
Арвирагъ.—Расти-жъ, терпѣніе! а ты, загнившій
Старикъ, несчастіе, убей свой плодъ—
И юный виноградъ да зацвѣтетъ!
Белларій.—Давно ужъ день. Идемъ, впередъ. Кто здѣсь?
(*Входитъ Клотенъ*).
Клотенъ.—Не въ силахъ я настигнуть бѣглецовъ.
Мошенникъ надо мною подсмѣялся!
Я утомленъ ужасно.
Белларій. (*Въ сторону*).—Бѣглецовъ?
Не мы ли? Я его отчасти знаю...
Когда бы намъ въ ловушку не попасть!
Я много лѣтъ его уже не видѣлъ,
Но, кажется, теперь его узналъ... (*Громко*).
Законы насъ не пощадятъ; бѣжимъ!
Гвидерій.—Но онъ одинъ!.. Ступайте лучше съ братомъ
И посмотрите, нѣтъ ли здѣсь конвоя?
Впередъ, прошу васъ! Я же съ нимъ останусь. (*Белларій и Арвирагъ уходятъ*).

Клотенъ.—Стой!.. Кто вы, что бѣжите отъ меня?
Должно быть, негодяи горцы?.. Я
Наслышался о васъ... Эй, кто ты, трусъ?
Гвидерій.—Я въ жизнь свою не дѣлалъ вещи низкой;
На имя трусъ—всегда я отвѣчалъ
Ударомъ.
Клотенъ.— Ты разбойникъ, ты преступникъ,
Ты негодяй!—Сдавайся, гнусный воръ!
Гвидерій.—Кому? тебѣ? Да кто же ты такой?
Или твой мечъ длиннѣе моего?
Иль сердце у тебя побольше?... Рѣчи
Твои, я сознаюся, велики;
А я кинжала не ношу во рту...
Скажи-жъ, кто ты такой? Кому мнѣ сдаться?
Клотенъ.—Ахъ, низкій ты злодѣй! И по одеждѣ
Меня ты не узналъ?
Гвидерій.— Такъ точно, другъ,
И твоего портнаго я не знаю;
Портной тебѣ былъ дѣдомъ: онъ родилъ
Твою одежду, а она, какъ видно,
Тебя произвела.
Клотенъ.— Слуга невѣрный!
Не мой портной одежду эту сшилъ.
Гвидерій.—Такъ прочь поди, и поклонись тому,
Кто подарилъ тебѣ одежду эту.
Ты глупъ! Тебя не въ силахъ я прибить.
Клотенъ.—Негодный воръ! Узнай, кто я такой,
И трепещи!
Гвидерій.— Что-жъ у тебя за имя?..
Клотенъ.—Я... я... Клотенъ, мерзавецъ!
Гвидерій.— Будь вдвойнѣ
Клотенъ мерзавецъ—этого не струшу...
Паукъ, змѣя, скорѣе-бъ испугался!
Клотенъ.—Такъ, знай же—тѣмъ тебя я доканаю—
Я—королевы сынъ!
Гвидерій.— Какъ жаль, бѣдняга,
Что вышелъ ты не въ мать и не въ отца!
Клотенъ.—Что-же не трепещешь ты?
Гвидерій.— Я только умныхъ
Боюсь, а дуракамъ смѣюсь въ лицо.
Клотенъ.—Умри-жъ! Когда же собственной рукою
Убью тебя, я погонюсь за тѣми,

Что убѣжали, и на воротахъ
Могучей Люды головы злодѣевъ
Воткну... Сдавайся, непокорный горецъ! (*Уходятъ, сражаясь*).
(*Входятъ Белларій и Арвирагъ*).

Белларій.—Въ окрестности я никого не видѣлъ.
Арвирагъ.—Нѣтъ ни души! Вы, вѣрно, въ немъ ошиблись!
Белларій.—Не знаю, какъ сказать. Ужъ много лѣтъ
Прошло съ тѣхъ поръ, какъ я его не видѣлъ;
Но отъ годовъ черты его лица
Ничуть не стали лучше: тотъ же голосъ
Порывистый и та-жъ охриплость рѣчи...
Я убѣжденъ, что это былъ Клотенъ!
Арвирагъ.—Мы ихъ оставили на этомъ мѣстѣ...
Когда бы братъ Клотена не обидѣлъ!
Вы говорили, что Клотенъ горячъ...
Белларій.—Онъ мало такъ развитъ для человѣка,—
Я думаю, что врядъ ли въ толкъ возьметъ,
Что значитъ ярый ужасъ; только сила
Ума даетъ уразумѣть опасность...
Но посмотри, твой братъ! (*Входитъ Гвидерій съ головою Клотена*).
Гвидерій.— Хвастунъ былъ глупъ:
Порожній кошелекъ, безъ крошки денегъ;
Самъ Геркулесъ не могъ бы изъ него
Частицы мозгу выжать; онъ былъ пустъ!
Когда бы я не поступилъ, какъ надо,
Глупецъ мою бы голову понесъ,
Какъ я несу его...
Белларій.— Ахъ! Что ты сдѣлалъ?!
Гвидерій.—Онъ звалъ меня измѣнникомъ, злодѣемъ,
Клялся, что собственной рукой убьетъ
Всѣхъ насъ и наши головы снесетъ
Долой съ тѣхъ плечъ, гдѣ, милостью боговъ,
Онѣ красуются, и на воротахъ
Могучей Люды ихъ воткнетъ.
Белларій.— Мы всѣ
Погибли!
Гвидерій.— Что же намъ, отецъ достойный,
Еще терять возможно, кромѣ жизни,
Которую отнять онъ поклялся?
Законы насъ съ тобой не защитятъ;
Зачѣмъ же намъ безславно покоряться,

Чтобъ насъ судилъ и былъ намъ палачомъ
Кусокъ говядины, изъ-за угрозъ закона?
Нашли ли вы кого-нибудь въ лѣсу?

БЕЛЛАРІЙ.—Мы ни души вокругъ не отыскали;
Но я навѣрно знаю, онъ не могъ
Явиться безъ конвоя! Ежечасно
Онъ измѣнялъ свой нравъ, переходя
Отъ злого къ худшему; но ни безумство,
Ни бѣшенство его такъ далеко—
И одного притомъ—не завлекли бы!..
Поэтому, быть можетъ, при дворѣ
Узнали, что живутъ въ лѣсу, въ пещерѣ,
Похожіе на насъ ловцы; что эти
Ловцы современемъ составить могутъ
Мятежную толпу; услышавъ это,
Онъ, по привычкѣ, вышелъ изъ себя,
Далъ клятву, что прогонитъ насъ изъ лѣса,
И, вѣроятно, бросился одинъ,—
По храбрости-ль своей, иль потому,
Что такъ ему дозволили: и должно
Бояться, какъ бы у такого тѣла
Хвостъ не былъ бы опаснѣй головы!..

АРВИРАГЪ.—Пускай идетъ бѣда, по волѣ неба,
Мой братъ былъ правъ, его я не виню.

БЕЛЛАРІЙ.—Сегодня я охотиться не думалъ:
Фиделіо, бѣдняжка, захворалъ,—
Болѣзнь его меня тревожитъ сильно!

ГВИДЕРІЙ.—Его-жъ мечомъ, которымъ онъ махалъ
Надъ головой моей, я ловко снялъ
Съ безумца голову; пойду, заброшу
Ее въ заливъ, что за утесомъ нашимъ;
Пускай она плыветъ себѣ морями
И каждой рыбѣ говоритъ, что это—
Остатокъ храбреца! Мнѣ все равно... (*Уходитъ*).

БЕЛЛАРІЙ.—Боюсь, чтобы не отомстили намъ!
Желалъ бы я, чтобъ милый Полидоръ
Не сдѣлалъ этого! хотя отвага
Къ его лицу пристала такъ...

АРВИРАГЪ.— О, если-бъ
Я это сдѣлалъ и подвергся мести
Одинъ! Я Полидору братски преданъ,
А между тѣмъ завидую ужасно,

Что онъ меня ограбилъ въ этомъ дѣлѣ...
Желалъ бы я, чтобъ месть, какую только
Возможно силѣ встрѣтить, къ намъ явилась
И на отвѣтъ меня съ нимъ позвала!

БЕЛЛАРІЙ.—Ну, дѣло сдѣлано: мы нынче больше
Охотиться не будемъ и безъ цѣли
Опасностей не станемъ накликать.
Прошу тебя, ступай скорѣй въ пещеру
И помоги Фиделіо въ стряпнѣ.
Я-жъ подожду прихода Полидора
И позову его обѣдать съ нами.

АРВИРАГЪ.—Фиделіо, бѣдняжка, мой больной!
Отъ всей души къ тебѣ я поспѣшу:
Чтобъ возвратить тебѣ румянецъ прежній,
Я сотнѣ храбрецовъ такихъ готовъ
Посбавить крови и еще начну
Хвалиться кротостью моей!.. (*Уходитъ*).

БЕЛЛАРІЙ.— Богиня,
Безсмертная природа! Какъ твой образъ
Отпечатлѣнъ на царственныхъ птенцахъ!
Ихъ нравъ нѣжнѣе вѣтерка, который
Лепечетъ вкругъ фіалки, не сгибая
Ея головки сладостно-душистой;
И, между тѣмъ, чуть царственная кровь
Зажжется, этотъ нравъ и дикъ, и буренъ,
Какъ вѣтеръ, отъ котораго сосна
Нагорная свою вершину клонитъ
И падаетъ въ долину... Чудеса!
Незримое чутье безъ всякой книги
Ихъ царственнымъ пріемамъ научаетъ:
Безъ руководства въ нихъ вселяетъ честь,
Безъ посторонняго примѣра—знанье
Приличій свѣтскихъ; наконецъ, отвага
Ростетъ въ нихъ пышно и даетъ плоды,
Какъ будто кто отвагу эту сѣялъ!
Но больше странно то, зачѣмъ Клотенъ
Сюда пришелъ; и что пророчитъ намъ
Его конецъ печальный? (*Возвращается Гвидерій*).

ГВИДЕРІЙ.— Гдѣ мой братъ?
Башку врага пустилъ я по теченью,
А трупъ его залогомъ къ возвращенью

У насъ останется! (*Слышны торжественные звуки печальной гармоніи*).

БЕЛЛАРІЙ.— Мой инструментъ
Завѣтный! Полидоръ, ты слышишь, онъ
Играетъ! Для чего Кадвалъ привелъ
Его въ движеніе? Послушай!

ГВИДЕРІЙ.— Развѣ
Онъ дома?

БЕЛЛАРІЙ.— Онъ сейчасъ туда вошелъ.

ГВИДЕРІЙ.—Что-жъ онъ задумалъ? Съ той поры, какъ наша
Бѣдняжка-матушка скончалась, я
Не слышалъ музыки его! Событьямъ
Торжественнымъ торжественные знаки
Предшествуютъ. Что-жъ это предвѣщаетъ?
Восторгъ изъ пустяковъ и грусть изъ шутки—
Забава обезьянъ и плачъ мальчишекъ!
Ужъ не съ ума-ль сошелъ Кадвалъ? (*Возвращается Арвирагъ, неся на рукахъ Имоджену въ летаргическомъ снѣ*).

БЕЛЛАРІЙ.— Взгляни,
Вотъ онъ идетъ и на рукахъ несетъ
Причину нашихъ строгихъ порицаній.

АРВИРАГЪ.—Скончалась птичка, о которой такъ
Мы убивались! Лучше-бъ я мгновенно
Съ шестнадцати на шестьдесятъ годовъ
Перескочилъ и быстрые шаги
Смѣнилъ клюкой, чѣмъ это все мнѣ видѣть!

ГВИДЕРІЙ.—О, сладкая, прелестная лилея!
Ты на стеблѣ была милѣе вдвое,
Чѣмъ на рукахъ у брата моего.

БЕЛЛАРІЙ.—О, горе, о, печаль! Кто можетъ бездну
Твою измѣрить? Кто отыщетъ берегъ,
Который бы для тягостныхъ заботъ
Представить могъ надежнѣйшую пристань?
Блаженное дитя! Юпитеръ знаетъ,
Какой бы изъ тебя развился мужъ
Впослѣдствіи! Тебя во гробъ вогнали
Мученія довременной печали...
Безцѣнный мальчикъ! Какъ его нашли вы?

АРВИРАГЪ.—Безъ жизни, какъ теперь: съ улыбкой, словно,
Его во снѣ пощекотала мушка,
А не стрѣла смертельная; отъ этой

Причины и смѣялся онъ, склонившись
На изголовье правою щекой...

ГВИДЕРІЙ.—Гдѣ?

АРВИРАГЪ.— На полу,—и такъ сложивши руки!..
Мнѣ показалось, что малютка спитъ!
И снялъ я съ ногъ подкованную обувь,
Которой тяжесть черезчуръ ужъ громко
Моимъ шагамъ пугливымъ отвѣчала!..

ГВИДЕРІЙ.—Да, онъ заснулъ! а ежели скончался,
Такъ онъ могилу обратитъ въ постель:
И феи чудныя къ нему на гробъ
Слетаться станутъ, и его не тронетъ
Могильный червь!..

АРВИРАГЪ.— Душистыми цвѣтами,
Всю жизнь свою, пока сіяетъ лѣто,
Я стану гробъ Фиделью убирать:
Не будетъ онъ нуждаться ни въ веснянкахъ,
Цвѣточкахъ блѣдныхъ, какъ его лицо;
Ни въ гіацинтахъ, голубыхъ, какъ жилки
Его руки; ни въ листьяхъ алыхъ розъ,
Которыхъ ароматъ (не въ порицанье
Будь это сказано) гораздо хуже
Его дыханья; это все наноситъ
Ему щегленокъ милосерднымъ клювомъ,
И слабый клювъ щегленка пристыдитъ
Наслѣдниковъ, которые въ довольствѣ,
Безъ монументовъ оставляютъ гробы
Своихъ отцовъ!.. Когда-жъ цвѣты пройдутъ,
Его могилкѣ зимнюю одежду
Пушистый мохъ замѣнитъ у меня!

ГВИДЕРІЙ.—Прошу тебя, довольно, не играй
Женоподобными словами въ дѣлѣ
Высокой важности! Пойдемъ, схоронимъ
Его: къ чему откладывать нашъ долгъ
Изъ-за ненужныхъ возгласовъ... Къ могилѣ!

АРВИРАГЪ.—Но гдѣ, скажи, его намъ положить?

ГВИДЕРІЙ.—Близъ нашей матушки, близъ Эрифилы.

АРВИРАГЪ.—Охотно, Полидоръ; притомъ, хотя
Съ лѣтами огрубѣлъ нашъ нѣжный голосъ,
Мы пропоемъ ему надъ гробомъ пѣсню,
Какъ нѣкогда надъ матушкой мы пѣли;
Пусть будетъ та же пѣснь и тѣ-жъ слова,—

Лишь имя Эрифилы намъ замѣнитъ
Фиделіо!

ГВИДЕРІЙ.— Кадвалъ, я не могу
Съ тобою пѣть; я буду плакать
И повторять одни твои слова:
Рыданіемъ разстроенная пѣсня
Тяжка, какъ лицемѣрная молитва!

АРВИРАГЪ.—Изволь, мы нашу пѣснь проговоримъ.

БЕЛЛАРІЙ.—Я вижу, грусть тяжелую врачуетъ
Печаль, которая еще тяжеле!..
Нашъ храбрый врагъ забытъ!.. А между тѣмъ,
Онъ, кажется, былъ знатенъ и богатъ!
Да, дѣти, онъ явился къ намъ, враждуя;
Но вспомните, онъ пострадалъ за это!..
Хотя безсиліе и сила, вмѣстѣ
Истлѣвъ, становятся все тѣмъ же прахомъ,
Благоговѣніе, сей ангелъ мира,
Различіе творитъ въ мѣстахъ величья
И низости... Бѣднякъ пришлецъ, какъ видно,
Былъ знатенъ; онъ явился къ намъ врагомъ,
И вы его за то лишили жизни;
Теперь же вы его должны по сану
Похоронить.

ГВИДЕРІЙ.— Прошу васъ, принесите
Его сюда. Безмолвный трупъ Терсита
Аяксу не уступитъ, если оба
Они скончались *).

АРВИРАГЪ.— Вы за нимъ идите,
А мы проговоримъ покуда пѣсню
Свою: начни же, братъ! (*Белларій уходитъ*).

ГВИДЕРІЙ.— Нѣтъ погоди,
Кадвалъ; его чело сперва къ востоку
Положимъ; батюшка на то причины
Имѣетъ! **)

---

*) THERSITES и AJAX. Терситъ — уродъ, насмѣшникъ и плутъ. Его убилъ Ахиллесъ ударомъ кулака, за его насмѣшки надъ тѣми изъ грековъ, которые плакали у изголовья умирающей Пентезилеи. — Аяксъ, сынъ князя Саламинскаго, знаменитъ своею борьбою съ Гекторомъ. Сраженный Улиссомъ въ борьбѣ за оружіе Ахиллеса, онъ убилъ, вмѣсто врага своего, невиннаго бычка и, увидѣвъ свою ошибку, съ досады закололся.

**) Великій авторъ Цимбелина, сознавая, въ какую эпоху дѣйствуютъ у него герои этой драмы, въ лицѣ язычника Белларія создалъ человѣка, который, какъ и все общество, современное имперіи Августа, былъ готовъ къ принятію Божествен-

Арвирагъ.— Въ самомъ дѣлѣ.
Гвидерій.— Подойди же
И помоги мнѣ приподнять.
Арвирагъ.—Ну, съ богомъ... (*Надгробная пѣсня*).
Гвидерій.—Не бойся солнечнаго зноя,
Не бойся зимнихъ холодовъ,
Ты низошелъ подъ сѣнь покоя,
Ты принялъ дань земныхъ трудовъ!
Краса и юность—все сгніетъ,
Всѣхъ гробовщикъ переживетъ!
Арвирагъ.—Не бойся лютости кичливыхъ,
Намъ не страшна тирановъ злость!
Не заводи одеждъ красивыхъ:
Тебѣ равны и дубъ, и трость!
Искусство, мудрости вѣнецъ,
Какъ ты, истлѣютъ, наконецъ.
Гвидерій.—Не бойся молніи падучей!
Арвирагъ.—Не бойся ужасовъ грозы!
Гвидерій.—Не бойся зависти ползучей!
Арвирагъ.—Не жди ни счастья, ни слезы!..
Оба.— Весна души, любовь—умретъ,
Всѣхъ гробовщикъ переживетъ!
Гвидерій.—Тебя не тронутъ чары!
Арвирагъ.—Колдунъ не околдуетъ!
Гвидерій.—Мертвецъ не поцѣлуетъ!
Арвирагъ.—Минуютъ зла удары!
Оба.— Забвенье и покой
Да будутъ надъ тобой!.. (*Белларій возвращается съ тѣломъ Клотена*).
Гвидерій.—Мы нашу пѣсню кончили; кладите
Его сюда.
Белларій.— Вотъ нѣсколько цвѣтовъ;
Я къ ночи соберу вамъ больше; травы,
Покрытыя холодною росой,
Всего скорѣй идутъ для украшеній
Могилъ!.. На груди ихъ цвѣтовъ насыпьте:
Вы были тѣ-жъ цвѣты, теперь же вы
Завяли; такъ завянетъ, наконецъ,

наго ученія Христа. Самый поступокъ Белларія, забвеніе неправеднаго своего изгнанія и тщательное воспитаніе дѣтей Цимбелина, потомъ всѣ рѣчи его и, наконецъ, заступничество за британскаго короля и спасеніе его отъ меча Римлянъ—уже чисто христіанскія идеи и христіанскіе поступки.

И изъ цвѣтовъ надгробный вашъ вѣнецъ!..
Уйдемъ отсюда, станемъ на колѣни:
Земля дала ихъ міру, и она же
Ихъ заберетъ назадъ... Для нихъ прошло
И счастье добродѣтели, и зло! (*Уходятъ: Белларій, Гвидерій и Арвиragъ*).

Имоджена (*просыпаясь*). — Такъ точно, сэръ, въ Мильфордъ!.. А гдѣ-жъ дорога?
Благодарю!.. Все черезъ лѣсъ?—Прошу васъ,
Скажите, какъ отсюда далеко? —
Святые боги! Неужель шесть миль?
Всю ночь я шла безъ отдыха. По-правдѣ,
Мнѣ лучше лечь и отдохнуть немного...
Нѣтъ, стой! товарища не нужно мнѣ! (*Увидя трупъ*).
О, боги и богини! Здѣсь цвѣты, —
Подобіе земного наслажденія,
И рядомъ съ ними — трупъ, эмблема горя!
Но, я надѣюсь, это — грезы сна!
Мнѣ видѣлось, что я была въ пещерѣ
Хозяйкою и поваромъ двухъ честныхъ
Созданій; нѣтъ, все это невозможно;
Стрѣла-ничто вонзилася въ ничто;
Все это мозгъ изъ воздуха настроилъ!..
Правдивые глаза у насъ нерѣдко,
Подобно нашему разсудку, слѣпы!
Клянусь, я вся отъ ужаса дрожу:
И если нынѣ въ небесахъ осталась
Хоть капля милосердія, не больше
Зрачка малиновки, святые боги,
Пошлите мнѣ частицу милосердья!
А сонъ еще все тутъ; когда же я
Проснусь, онъ внѣ меня блуждаетъ, словно
Во мнѣ самой; не въ мысляхъ, въ самыхъ чувствахъ!
Безглавый человѣкъ.—Въ плащѣ Постума!
Я узнаю черты его ноги...
Его рука! Меркурія ступня!
Станъ Марса и осанка Геркулеса!
Но гдѣ же ликъ Юпитера?.. Убійство
На небесахъ свершилось!—Нѣтъ его!..
Пизаніо! Проклятія безумной
Гекубы, устремленныя на грековъ,
Съ моими вмѣстѣ, пусть тебя замучатъ!

Ты, съ беззаконнымъ демономъ, Клотеномъ,
Убилъ милорда... Чтенье и письмо—
Все съ этихъ поръ исполнено измѣны?
Пизаніо проклятый—эти письма
Коварныя—Пизаніо проклятый!—
У лучшаго на свѣтѣ корабля
Срубили мачту главную! Постумъ,
Гдѣ голова твоя? Увы! гдѣ это?
Гдѣ, гдѣ она? Пизаніо могъ и въ сердце
Тебя пронзить, а голову твою
Тебѣ оставить... Какъ случилось это?
Пизаніо съ Клотеномъ, зло и похоть,
Мнѣ это горе завѣщали въ немъ...
О, это ясно, ясно! Отдавая
Мнѣ свой составъ, онъ увѣрялъ меня,
Что отъ него могу я излѣчиться:
А не нашла ли я его смертельнымъ
Для чувствъ? О, это самый лучшій доводъ!
Пизаніо съ Клотеномъ здѣсь виной...
Позволь же мнѣ окрасить блѣдность щекъ
Въ твоей крови, чтобъ мы еще ужаснѣй
Казались тѣмъ, кто насъ въ трущобѣ этой
Случайно встрѣтитъ!.. О, милордъ, милордъ! *(Входятъ: Люцій, Капитанъ и другіе римскіе офицеры; за ними Гадатель).*

Капитанъ.—По приказанью вашему, войска,
Которыя въ Бургундіи стояли,—
Пройдя проливъ, явилися въ Мильфордѣ
И ожидаютъ васъ на корабляхъ;
Они готовы.

Люцій.— Что изъ Рима пишутъ?

Капитанъ.—Сенатъ созвалъ патриціевъ и римскихъ
Сосѣдей; храбрость этихъ новобранцевъ
Намъ обѣщаетъ многія услуги;
Они сюда стремятся подъ начальствомъ
Якима, брата стараго Сіенны.

Люцій.—Когда ихъ ждете вы?

Капитанъ.— Съ попутнымъ вѣтромъ.

Люцій.—Такая быстрота немало свѣтлыхъ
Надеждъ влагаетъ въ насъ. Велите всѣмъ
Войскамъ произвести парадный смотръ;
Пускай слѣдятъ за этимъ капитаны... *(Гадателю).*

Ну, сэръ, что снилось вамъ въ послѣдній разъ
О предпріятіяхъ этого похода?..
Гадатель.—Прошедшей ночью боги мнѣ послали
Видѣніе; молитвой и постомъ
Уразумѣлъ я тайное видѣнье!
Мнѣ снилося: Юпитерова птица,
Орелъ Италіи, оставилъ Югъ
И, полетѣвъ сюда, на дикій Западъ,
Въ сіяніи небесномъ потонулъ...
Когда мой духъ не ослѣпленъ грѣхами,
Все это предвѣщаетъ намъ успѣхъ.
Люцій.—Почаще такъ дремли и никогда
Не ошибайся!—Стой... Что здѣсь за пень,
Безъ головы?—Развалины гласятъ,
Что зданіе когда-то было славно...
Какъ! пажъ!—Онъ умеръ или только дремлетъ?
Скорѣе умеръ: жизнь не ляжетъ спать,
Какъ здѣсь, съ умершимъ, на одну кровать.
Взгляните мальчику въ лицо.
Капитанъ.— Онъ живъ!
Люцій.—Такъ пусть же онъ о мертвецѣ разскажетъ.
Эй, юноша! повѣдай намъ свою
Судьбу; она, мнѣ кажется, достойна
Вопроса: разскажи, кого избралъ
Ты для себя кровавымъ изголовьемъ?
Кто мастерство природы благородной,
Красивый этотъ образъ измѣнилъ?
Чѣмъ ты участвуешь въ крушеньи этомъ?
И какъ оно произошло? Кто-жъ онъ?..
Кто ты?..
Имоджена.— Я, сэръ, ничто; когда же это
Не такъ, я самъ желаю быть ничѣмъ!
Мой господинъ былъ истинно-отважный
Британецъ и достойный человѣкъ:
Его убили горцы; нѣтъ на свѣтѣ
Еще такихъ господъ; я обойду
Весь божій міръ отъ запада къ востоку,
Крича, моля о службѣ, встрѣчу много
Достойныхъ властелиновъ, буду всѣмъ
Служить по-правдѣ, только никогда
Я не найду подобнаго владыки!
Люцій.—Увы, мой добрый мальчикъ! Ты меня

Своими воплями растрогалъ такъ же,
Какъ твой хозяинъ кровью; добрый другъ,
Повѣдай намъ его прозванье.

Имоджена.— Ричардъ
Дю-Шанъ. (*Въ сторону*). Я лгу, но ложь моя безвредна,
И если боги слышали ее—
Они меня простятъ, какъ я надѣюсь!
Что говорите вы?

Люцій.— Какъ звать тебя?

Имоджена.—Фиделіо *).

Люцій.— Ты милое прозванье
Собою оправдалъ твое старанье,
Твой долгъ и имя у тебя рифмуютъ!..
Святая вѣрность и святое имя!
Не хочешь ли ко мнѣ ты перейти?
Не говорю, чтобъ господинъ твой новый
Былъ столько же хорошъ; но вѣрь, тебя
Не менѣе любить онъ станетъ. Если-бъ
Самъ императоръ римскій написалъ
Мнѣ о тебѣ, чрезъ консула, порука
Его не такъ меня бы убѣдила,
Какъ самъ ты, другъ, съ достоинствомъ твоимъ.
Иди же къ намъ.

Имоджена.— Съ охотою, но прежде—
И пусть богамъ угодно будетъ это—
Я господина моего отъ мухъ
Запрятать постараюся, чуть только
Съумѣютъ вырыть гробъ вотъ эти ногти,
Потомъ его могилу я усыплю
Листочками и дикими цвѣтами;
Прочту надъ нею сотни двѣ молитвъ,
Какія только знаю; стану плакать,
Вздыхать, прощусь съ его безцѣнной службой,
И ужъ тогда за вами я пойду,
Когда меня принять вы захотите...

Люцій.—Да, добрый юноша, не господина,
Отца родного встрѣтишь ты во мнѣ.
Друзья мои! обязанности наши
Малютка намъ припомнилъ: поскорѣй
Отыщемъ лугъ красивыхъ маргаритокъ

---

*) Это имя происходитъ отъ слова „Fides“—честность, вѣрность, добрая совѣсть.

И выроемъ концами нашихъ пикъ
И палашей походную могилу.
Пойдемъ! ты насъ заставилъ полюбить
Его и какъ солдата схоронить.
Утри-жъ свои хорошенькіе глазки:
Вслѣдъ за бѣдой судьба даритъ намъ ласки! —*(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Комната во дворцѣ Цимбелина. (Входятъ: Цимбелинъ, придворные и Пизаніо).

Цимбелинъ. — Идите и узнайте, лучше-ль ей?..
Она въ горячкѣ съ той поры, какъ скрылся
Несчастный сынъ ея; она въ безумствѣ,
И жизнь ея въ опасности! О, боги!
Какъ разомъ вы измучили меня! —
Исчезла ты, бѣдняжка Имоджена,
Ты, лучшая моя отрада въ жизни!
Жена моя на безнадежномъ ложѣ;
Мнѣ угрожаетъ страшная война,
А сынъ ея, который намъ такъ нуженъ
Въ годину бѣдствій, скрылся безъ слѣда!
Я пораженъ, я потерялъ надежды
Отрадныя... Но ты, сообщникъ зла,
Ты, вѣрно, знаешь, гдѣ она укрылась,
И хочешь насъ увѣрить, что не знаешь:
Твое признанье страшныя мученья
Исторгнутъ!

Пизаніо. — Жизнь моя въ рукахъ у васъ;
Что-жъ до моей высокой госпожи
Касается, я ровно ничего
Не знаю, гдѣ она, куда укрылась
И возвратится-ль къ вамъ когда-нибудь!
Я вашему величеству, повѣрьте,
Мой государь, всей правдою служилъ!

1-й Лордъ. — Добрѣйшій государь, въ тотъ день, какъ наша
Принцесса скрылась, онъ былъ при дворѣ:
Ручаюсь вамъ, онъ неподкупно вѣренъ
И вѣчно долгъ свой честно исполнялъ!
Что-жъ до Клотена, — всѣ старанья наши
Употребили мы, и онъ на-дняхъ
Найдется, безъ сомнѣнья!..

ЦИМБЕЛИНЪ (*Пизанію*). — Время бурно!..
На этотъ случай мы тебѣ пропустимъ!
Но — подозрѣнья наши не умрутъ.
1-й ЛОРДЪ. — Великій государь, отряды Римлянъ
Изъ Галліи сошли на берега
Британіи! На подкрѣпленье имъ
Сенатъ прислалъ патриціевъ свободныхъ.
ЦИМБЕЛИНЪ. — Теперь нуждаюсь я въ совѣтѣ сына
И королевы! Я теряюсь въ безднѣ!..
1-й ЛОРДЪ. — Добрѣйшій государь, приготовленья
Твои не только то, о чемъ ты слышалъ,
Способны встрѣтить: приходи громады
Обширнѣе, ты и для нихъ готовъ!
Намъ только стоитъ дать движенье силамъ,
Которыя такъ долго ждутъ его...
ЦИМБЕЛИНЪ... — Благодарю васъ! поспѣшимъ отсюда
И встрѣтимъ бурю такъ, какъ къ намъ она
Является. Не римскія угрозы
Опасны намъ: меня терзаетъ горе
Домашнее. — Пойдемъ. — (*Уходятъ*).
ПИЗАНІО. — Ни одного
Письма не получалъ я отъ Постума,
Съ тѣхъ поръ какъ написалъ ему о мнимой
Кончинѣ Имоджены. Это странно!
О ней я также слуховъ не имѣю,
Въ то время, какъ она дала обѣтъ
Почаще мнѣ писать, и о Клотенѣ
Я ничего не знаю!.. Это все
Меня терзаетъ! Но да будетъ воля
Боговъ! Я ливъ и въ то же время честенъ!
Невѣренъ я для вѣрности святой!
Пусть близкая война увидитъ силу
Моей любви къ отечеству; король
Узнаетъ преданность мою, не то
Погибну я въ безжалостномъ сраженьи!
Сомнѣніе съ годами пропадетъ —
И къ пристани корабль мой приплыветъ! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Передъ пещерою. (Входятъ БЕЛЛАРІЙ, ГВИДЕРІЙ и АРВИРАГЪ).

ГВИДЕРІЙ. — Смятеніе вокругъ насъ.
БЕЛЛАРІЙ. — Пойдемъ отсюда!

Арвирагъ. — Что за отрада въ жизни, если мы
Ее отъ дѣлъ и предпріятій прячемъ?
Гвидерій. — Что за надежды въ этомъ укрываньи?
Насъ, какъ Британцевъ, Римляне убьютъ
Или, принявъ за варваровъ мятежныхъ,
Сперва заставятъ насъ себѣ служить,
А послѣ умертвятъ безъ сожалѣнья.
Белларій. — Повыше, въ горы сыновья мои!
Тамъ защитимся мы; за короля же
Намъ съ вами нѣтъ возможности стоять...
Не знаютъ насъ въ отрядахъ Цимбелина,
Поэтому, едва мы къ нимъ придемъ,
Насъ спросятъ, гдѣ до сей поры мы жили?
И такъ у насъ исторгнется признанье
О томъ, что̀ мы свершили, и отвѣтомъ
На нашу рѣчь намъ злая гибель будетъ!..
Гвидерій. — Все это, сэръ, пустое опасенье!
Въ такое время, вамъ не принесетъ
Оно нисколько пользы и нимало
Не убѣдитъ насъ съ братомъ.
Арвирагъ. — Невозможно,
Чтобъ, слыша близость римскихъ скакуновъ
И видя грозный пламень ихъ биваковъ,
Чтобы, занявъ свои глаза и уши
Предметами серьезными, какъ нынѣ,
Они рѣшились узнавать о насъ
И тратить время въ розыскахъ о томъ,
Откуда мы явилися!
Белларій. — Въ отрядахъ
Меня какъ разъ узнаютъ!.. Вы со мной
Лишилися въ горахъ образованья
И безопасности разумной жизни!
Инѣтъ надежды вамъ достигнуть счастья,
Которое вамъ льстило въ колыбели!
Васъ лѣтній зной сжигаетъ и томитъ
И, какъ рабы, дрожите вы отъ стужи!..
Гвидерій. — Такъ лучше умереть, чѣмъ жить, какъ мы
Живемъ! — Прошу васъ, поспѣшимъ къ отрядамъ:
Насъ съ братомъ тамъ почти никто не знаетъ!
Васъ тоже позабыли, да притомъ
И устарѣли вы, и васъ, конечно,
Пытать не станутъ...

Арвирагъ.— Я туда иду,
Клянуся въ томъ сіяніемъ денницы!
Что я за вещь, когда до сей поры
Не видѣлъ я, какъ умираютъ люди,—
И видѣлъ кровь однихъ трусливыхъ зайцевъ,
Орленковъ, козъ и молодыхъ оленей?
Когда ѣзжалъ я на такомъ конѣ,
Котораго ѣздокъ не зналъ съ рожденья
Желѣзныхъ шпоръ у каблуковъ своихъ?
Мнѣ совѣстно глядѣть на пламя солнца,
Вкушать его блаженное сіянье,—
Затѣмъ, что я такъ долго остаюсь
Невѣждою несчастнымъ.
Гвидерій.— Небесами
Клянусь, и я иду за братомъ; если
Угодно вамъ меня благословить
И отпустить, я позабочусь лучше
О дняхъ своихъ; когда-жъ вы не рѣшитесь
Благословить меня, пусть римскій мечъ
Ослушника безумнаго накажетъ!
Арвирагъ.—Я то же повторяю, сэръ... Аминь!
Белларій.—Съ тѣхъ поръ, какъ вы такъ мало дорожите
Своими днями, я не смѣю больше
Беречь свою угаснувшую жизнь!
И вслѣдъ за вами я пускаюсь, дѣти,—
Но если вы за родину падете,
Я лягу такъ же, дѣти, и найду
Себѣ постель на полѣ бранной славы!
Впередъ, впередъ! (*Въ сторону*). Нескоро мчится время:
Ихъ кровь пролиться жаждетъ и кипитъ,
Въ желаньяхъ принцевъ вижу ихъ стремленье
Всѣмъ объяснить свое происхожденье!

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Поле между британскимъ и римскимъ лагерями. (Входитъ Постумъ, съ окровавленнымъ платкомъ, полученнымъ отъ Пизаніо).

Постумъ.—Я сберегу тебя, платокъ кровавый;
По моему желанью ты окрашенъ!..
Что, если-бъ каждый мужъ мнѣ подражалъ?
Какъ многіе, изъ-за пустой ошибки,
Убили бы своихъ прелестныхъ женъ,
Которыя самихъ ихъ превосходятъ?
Пизаніо! Не все, что намъ велятъ,
Обязанъ исполнять слуга достойный.
Онъ долженъ слушать честныхъ лишь приказовъ!
О, боги! если-бъ вы меня казнили
За всѣ мои проступки, никогда
Я не свершилъ бы этого убійства:
Спасли бы вы тогда для покаянья
Возвышенную сердцемъ Имоджену!
Одинъ бы я, несчастный и вполнѣ
Достойный вашей мести, былъ наказанъ!..
Иныхъ изъ насъ, за малые грѣхи,
Вы по любви уносите отсюда,
Чтобъ мы не впали въ большіе проступки,
Другимъ же попускаете грѣхи
Смѣнять грѣхами худшими: злодѣевъ
Боятся всѣ, а имъ того и нужно!..
Но Имоджена—ваше достоянье:
Творите, какъ угодно вамъ, меня-жъ
Прошу благословить на послушанье!
Межъ римскими войсками я пришелъ
Сюда сражаться съ царствомъ Имоджены.
Но нѣтъ, пока довольно и того,
Что я твою, Британія, царицу
Убилъ: тебѣ я ранъ не нанесу!..
Поэтому, властительное небо,
Мой честный планъ дослушай терпѣливо:
Я вновь сниму одежды пришлецовъ,

Переодѣнусь пахаремъ британскимъ
И такъ пойду сражаться противъ тѣхъ,
Которые пришли сюда войною!
И за тебя паду я, Имоджена,—
Затѣмъ, что каждый вздохъ мой за тебя—
Не жизнь, а смерть! Никто меня не знаетъ!
Не возбудя ни зависти, ни слезъ,
Предстану я передъ лицомъ кончины...
И да узнаютъ люди, что во мнѣ
Достоинствъ больше, чѣмъ въ моихъ одеждахъ.
Сойди въ меня, отвага Леонатовъ! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тамъ же (Входятъ: съ одной стороны—Люцій, Якимо и римское войско; съ другой—британское войско; Леонатъ Постумъ слѣдуетъ за нимъ простымъ солдатомъ. Всѣ проходятъ черезъ сцену. Тревога. Входятъ, сражаясь на поединкѣ, Якимо и Постумъ; Постумъ побѣждаетъ, обезоруживаетъ Якимо и уходитъ).

Якимо.—О! Тяжесть преступленія убила
Въ моей душѣ все мужество! Я честь
Невинной женщины, принцессы этой
Страны, постыдной ложью омрачилъ,—
И самый воздухъ мстительнаго края
Во мнѣ всѣ силы ослабляетъ!.. Рабъ,
Чернорабочій жизни, опрокинулъ
И побѣдилъ меня въ моемъ искусствѣ!
Санъ рыцаря и почести мои
Теперь лишь признакъ гнуснаго паденья!
Когда твои, Британія, вельможи
Настолько-жъ лучше этого раба,
Насколько онъ патриціевъ моей
Отчизны превосходитъ,—всѣ вы боги,
А мы и для людей душой убоги! (*Уходитъ*).

Сраженіе продолжается. Британцы бѣгутъ; Цимбелинъ взятъ въ плѣнъ; въ помощь ему вбѣгаютъ Белларій, Гвидерій и Арвиракъ.

Белларій.—Стой! стой!—За нами выгода сраженья:
Ущелье подъ защитою; ничто
Не выбьетъ насъ оттуда, кромѣ низкой
Трусливости!

Гвидерій и Арвиракъ.—Сражайтесь!.. Подождите!..

(*Входитъ Постумъ и помогаетъ Британцамъ; они освобождаютъ Цимбелина и уходятъ.—Вслѣдъ за ними входятъ: Люцій, Якимо и Имоджена*).

Люцій.—Прочь, мальчикъ, отъ отрядовъ, и спасайся:
Друзья друзей въ смущеньи убиваютъ,
И шумъ такой, какъ будто у войны
Повязка на глазахъ.
Якимо.— Къ нимъ подоспѣла
Подмога свѣжая!..
Люцій.— Престранный день!
Мы во-время должны войска усилить,
Не то, придется намъ скорѣй бѣжать! (*Уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Другая часть поля битвы.—(Входятъ: Постумъ и британскій придворный).

Придворный.—Такъ ты пришелъ оттуда, гдѣ сражались?
Постумъ.—Такъ, сэръ; а вы, мнѣ кажется, оттуда,
Гдѣ все бѣжало?
Придворный.— Точно такъ!
Постумъ.— Я васъ
Винить не смѣю: все-бъ мы потеряли,
Когда-бъ за насъ не стали небеса!
Король былъ схваченъ въ плѣнъ, ряды смѣшались,
Войска разстроились, и только тылъ
Британцевъ виденъ былъ; толпы бѣжали
По узкому ущелью... Врагъ веселый,
Въ крови языкъ купая, ликовалъ,
Что передъ нимъ головъ гораздо больше,
Чѣмъ у него мечей; однихъ разилъ
До смерти, до другихъ едва касался,
А третьи сами падали отъ страха!..
И узкое ущелье заградилось
Кровавыми тѣлами, у которыхъ
Весь тылъ израненъ былъ, и вѣчный стыдъ
Съ кончиной поджидалъ спасенныхъ трусовъ!
Придворный.—Гдѣ-жъ это чудное ущелье?
Постумъ.— Возлѣ
Скалы, вблизи которой мы сражались:
Оно въ окопахъ и покрыто мхомъ;
Его себѣ припасъ на всякій случай
Одинъ маститый воинъ, честный мужъ,
Я въ томъ ручаюсь; подвигомъ подобнымъ

Дни долгіе, какъ борода его
Сѣдая, заслужилъ онъ у отчизны...
Къ ущелью онъ дорогу проложилъ,
А съ нимъ еще два юноши тамъ были,
Птенцы, которымъ бы скорѣе шло
Плясать въ селѣ, чѣмъ лѣзть въ такую сѣчу.
Да, лица ихъ красивѣй были масокъ,
Красивѣе всего, что̀ прикрываетъ
Стыдливость и красу... Онъ закричалъ:
„Въ Британіи лишь зайцы гибнутъ въ бѣгствѣ,
„А не солдаты; въ адъ стремятся тѣ,
„Которые бѣгутъ отъ битвы! Стойте!
„Не то, мы обратимся въ грозныхъ Римлянъ
„И воздадимъ вамъ, какъ скотамъ, все то,
„Чего вы скотски такъ теперь бѣжите!
„Взгляните погрознѣй назадъ—и вы
„Ужъ спасены!—Постойте же, постойте!“
Три этихъ, какъ три тысячи бойцовъ
(Затѣмъ, что во главѣ отряда трое
Героевъ болѣе, чѣмъ весь отрядъ,
Который ничего не хочетъ дѣлать),
Три этихъ, со словами: стойте, стойте!
И съ выгодою мѣстности, а больше,
Чаруя всѣхъ достоинствомъ своимъ
(Которое могло бы обратить
Въ копье и самое веретено),
Зажгли опять поблеклыя ланиты
И пробудили стыдъ и пылъ отваги!
Одни, которые изъ подражанья
Въ негодныхъ трусовъ обратились (грѣхъ,
Великій грѣхъ тому, кто на войнѣ
Подастъ примѣръ къ предательскому бѣгству!),
Старалися взглянуть на путь, который
Они свершили, и, подобно львамъ,
Кидалися на вражескія копья...
Тогда-то Римляне остановились,
Смѣшались, оробѣли, отступили,
И побѣжали, какъ цыплята, тѣ,
Которые орлами налетали,
И превратилися въ рабовъ любимцы
Побѣды!.. Наши трусы, какъ куски
Провизіи въ дорогѣ, пригодились

Для поддержанья силъ во время нужды!
О, какъ, найдя отворенную дверь
Къ сердцамъ неохраненнымъ, поражали
Они враговъ, рубили мертвецовъ,
Рубили тѣхъ, которые кончались,
Рубили наконецъ своихъ друзей,
Волною предыдущей унесенныхъ!..
На каждаго врага по десяти
Британцевъ приходилось въ этомъ бѣгствѣ,
Теперь же всякъ изъ нашихъ убивалъ
По двадцати враговъ, и тѣ, которымъ
Хотѣлося скорѣе умереть,
Чѣмъ въ бой идти, нежданно обратились
Въ смертельнѣйшихъ клоповъ *) кровавой почвы.

Придворный.—Да, оборотъ престранный! Какъ!.. Ущелье,
Два мальчика и старый человѣкъ...

Постумъ.—Но вы словамъ моимъ не удивляйтесь:
Хоть рождены вы только для того,
Чтобы дивиться дѣйствіямъ другихъ,
А не своимъ!.. Хотите ли на это
Пориѳмовать со мною, такъ, для шутки?
Вотъ вамъ: „старикъ, два мальчика и горы
„Насъ сберегли,—враговъ загнали въ норы!“

Придворный.—Ахъ, не сердитесь!

Постумъ. (*Комически скандируетъ*).—Не къ чему сердиться.
Я съ трусами всегда готовъ дружиться!
Пусть только трусъ не позабудетъ роли,
Онъ убѣжитъ отъ самой нѣжной доли!
Вы риѳмами языкъ мой заразили...

Придворный.—Прощайте! васъ, какъ видно, разсердили (*Убѣгаетъ*).

Постумъ.—И снова убѣжалъ.—Каковъ придворный?
О, благородный рыцарь, быть въ бою
И спрашивать, что̀ новаго тамъ было!
Какъ многіе теперь всю честь свою
За безопасность тѣла промѣняли-бъ!
Пустились вспять и все-таки погибли...
Я самъ, моей печалью закаленный,
Не могъ найти кончины, гдѣ она
Стонала; не попалъ къ ней подъ удары,

*) „Mortal bugs“—клопы, которые зарождаются иногда на поляхъ сраженій.

Гдѣ такъ она удары разсыпала...
Зачѣмъ ты, смерть, чудовище уродства,
Скрываешься коварно въ яркихъ кубкахъ,
Въ пуховыхъ ложахъ и въ словахъ сладчайшихъ?
Къ чему тебѣ еще покорныхъ слугъ,
Когда мы для тебя свои мечи
Въ сраженьяхъ обнажаемъ! — Такъ, прекрасно:
Я отыщу тебя! Любимцемъ Римлянъ
Я стану вновь; я больше не Британецъ,
Пойду за тѣмъ, которыхъ поражалъ... *(Скидаетъ оружіе).*
Отъ сей поры я больше не сражаюсь,
Отдамся въ руки первому рабу,
Который только плечъ моихъ коснется!
Здѣсь Римляне великія убійства
Произвели; къ великому отвѣту
Потребуютъ враговъ своихъ Британцы!
Меня же смерть лишь въ силахъ искупить,
Я приходилъ ко всѣмъ ея просить;
Убьетъ ли бой меня или измѣна,
Я за тебя паду, о Имоджена!
(Входятъ два британскихъ капитана и воины).

1-й капитанъ.—Хвала великому Юпитеру! Люцій взятъ въ плѣнъ, старика и его сыновей считаютъ за ангеловъ.

2-й капитанъ.—Тамъ былъ еще четвертый человѣкъ, въ простой одеждѣ; онъ имъ помогалъ.

1-й капитанъ.—Такъ говорятъ; но никого изъ нихъ
Не могутъ отыскать. Постой! Кто это?

Постумъ. Я Римлянинъ!.. И здѣсь бы не бродилъ,
Когда-бъ вослѣдъ за мною шли другіе.

2-й капитанъ.—Связать его! Собака! Ни одинъ
Изъ земляковъ твоихъ не возвратится
Разсказывать, какъ васъ вороны наши
Клевали!.. Онъ отвѣтилъ свысока,
Какъ будто знатный. Къ королю злодѣя!

(Входятъ: Цимбелинъ со свитой, Белларій, Гвидерій, Арвираг, Пизаніо и римскіе плѣнники. Капитаны представляютъ Постума Цимбелину, который отдаетъ его тюремщику; послѣ этого всѣ уходятъ).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тюрьма, (Входятъ: Постумъ и два тюремщика).

1-й тюремщикъ.—Теперь васъ не украдутъ: вы въ цѣпяхъ;
Паситесь, если пастбище найдете!
2-й тюремщикъ.—Или когда найдете аппетитъ! (*Оба уходятъ*).
Постумъ.—Добро пожаловать, моя тюрьма!
Я убѣжденъ, ты—вѣрный путь къ свободѣ!
Счастливѣй я подагрика, который
Скорѣй желаетъ вѣчно такъ стонать,
Чѣмъ излѣчиться смертью, этимъ вѣрнымъ
Изъ всѣхъ врачей; она—волшебный ключъ,
Который разверзаетъ наши цѣпи!
О, совѣсть! ты закована сильнѣй
И рукъ, и ногъ моихъ... Святые боги!
Пошлите мнѣ оружье покаянья,
Чтобы разбить мнѣ цѣпи и навѣкъ
Свободнымъ быть!—Довольно ли того,
Что я тоскую такъ?—Земныя дѣти
Земныхъ отцовъ рыданьями смягчаютъ:
Но милости не больше-ль у боговъ?
Раскаяться я долженъ! И тѣмъ лучше
Я это сдѣлаю въ моихъ цѣпяхъ,
Желанныхъ, не насильственныхъ цѣпяхъ!
Когда платежъ свободу возвращаетъ,
Всего меня берите, безъ остатка,
Я знаю, вы добрѣе злыхъ людей,
Которые у должниковъ порою
Берутъ всего лишь третью, иль шестую,
Или десятую частицу долга,
А прочимъ позволяютъ имъ опять
Разжиться; но не этого мнѣ нужно.
За жизнь моей безцѣнной Имоджены
Возьмите жизнь мою; хотя она
Не столько дорога, но все же жизнь!
Вы отчеканили ее! На свѣтѣ
Притомъ не всякую монету вѣсятъ,
И принимаютъ деньги, если только
На нихъ условный штемпель сохраненъ!..
Возьмите же меня, я—вашъ чеканъ;
Внемлите мнѣ, властительныя силы;

Когда хотите вы свести разсчетъ,
Возьмите жизнь мою и уничтожьте
Холодныя оковы!.. Имоджена!..
Поговоримъ съ тобой въ молчаньи ночи... (*Засыпаетъ*).
(*Торжественная музыка. — Являются видѣнія: Сицилій Леонатъ, отецъ Постума, старикъ въ одеждѣ воина; онъ ведетъ за руку свою жену, мать Постума. За ними, послѣ новой музыки, слѣдуютъ два брата Постума, въ ранахъ, отъ которыхъ они пали въ сраженіи. Всѣ они окружаютъ соннаго Постума*).

Сицилій.—Владыка грома, пощади
Малютокъ смертныхъ, мухъ;
Съ Юноной, съ Марсомъ ты воюй,
Они твой страстный духъ
И шашни сторожатъ!
Правъ бѣдный сынъ мой, хоть его
Лица я не видалъ:
Скончался я, какъ въ узахъ онъ
Законовъ жизни ждалъ!
Ты, говорятъ, слывешь отцомъ
Сиротокъ-бѣдняковъ:
Сними-жъ съ него ты, какъ отецъ,
Ярмо земныхъ оковъ!

Мать.—Меня Люцина *) не спасла;
Я умерла въ родахъ:
Врачу я сына отдала,—
Онъ на чужихъ рукахъ,
Бѣдняжка, закричалъ!

Сицилій.—Онъ отъ природы былъ красой,
Какъ предки, надѣленъ;
И, какъ наслѣдникъ нашъ, у всѣхъ
Хвалой превознесенъ.

1-й братъ.—Когда-жъ для мужа онъ созрѣлъ,
Среди родной земли,
Никто не смѣлъ сравниться съ нимъ;
Британцы не могли
Глазъ Имоджены побѣдить.
Онъ былъ достойнѣй всѣхъ!

Мать.—Зачѣмъ ты бракъ ему послалъ,
Лишивъ его всего,—

---

*) *Lucina* — богиня родильницъ и новорожденныхъ дѣтей. Ее иногда смѣшиваютъ съ Діаною и Юноною и считаютъ дочерью послѣдней.

Отчизны, почестей отцовъ
И радости его
Супруги молодой?..
Сицилій.—Какъ могъ ты снесть, что римскій плутъ,
Якимо, очернилъ
Постыдной ревностью покой
Его душевныхъ силъ
И смѣхъ презрѣнья на него
И шутки устремилъ?..
2-й братъ.—Вотъ для чего мы всѣ пришли
Изъ области тѣней!
Сражаясь храбро, мы легли
За честь земли своей:
Да процвѣтаютъ короли
Средь насъ, своихъ дѣтей!
1-й братъ.—Постумъ отваженъ и правдивъ
У Цимбелина былъ;
За что же ты, король боговъ,
Надолго отложилъ
Его награду и бѣдой
Блаженство замѣнилъ?
Сицилій.—Открой кристальное окно!
Взгляни на бѣдный край,—
На племя храброе твое
Обидъ не проливай!
Мать.—Юпитеръ! сынъ мой правъ, его
Ты больше не терзай!
Сицилій.—Явись изъ мраморныхъ дворцовъ,
Не то—мы улетимъ
И на тебя въ совѣтъ боговъ
Доносъ свой подадимъ!
2-й братъ.—О, Зевсъ! дай помощь намъ; не то—
Тебѣ мы отомстимъ!
(*Юпитеръ спускается въ громѣ и молніи, сидя на орлѣ; онъ бросаетъ огненную стрѣлу; тѣни падаютъ на колѣни*).
Юпитеръ.—Вы, духи жалкіе подземныхъ странъ,
Не оскорбляйте слуха моего!
Какъ смѣли вы, трепещущія тѣни,
Владыку гроба обвинить? Стрѣла
Моя съ небесъ летитъ и укрощаетъ
Мятежныхъ смертныхъ!.. Прочь отсюда, тѣни
Элизія, останьтесь на своихъ,

Во-вѣкъ невянущихъ, цвѣточныхъ ложахъ!
Не занимайтесь смертными дѣлами:
Не вамъ о нихъ заботиться, а намъ,—
Вы это знаете! Кого мы любимъ,
Тому и шлемъ мы наши испытанья;
Мы замедляемъ нашъ священный даръ,
Затѣмъ, чтобъ онъ былъ слаще! Успокойтесь!
Нашъ добрый духъ незримо вознесетъ
Низверженнаго бѣдствіемъ Постума;
Его удѣлъ готовится, и опытъ
Слова мои на дѣлѣ подтвердитъ!
Его рожденье встрѣтила звѣзда
Юпитера, и въ нашемъ свѣтломъ храмѣ
Вступилъ онъ въ бракъ!—Вставайте, удалитесь!
Онъ будетъ властелиномъ Имоджены,
Счастливѣе отъ прошлыхъ, тяжкихъ бѣдъ!
На грудь ему вы положите эту
Дощечку. Здѣсь, по милости своей,
Мы изложили счастіе Постума!
Итакъ, домой! и болѣе не смѣйте
Нетерпѣливыхъ жалобъ расточать,
Пока еще молчитъ мой гнѣвъ опальный.
Орелъ! лети въ чертогъ небесъ кристальный! *(Улетаетъ въ тучи).*

Сицилій.—Онъ въ громѣ къ намъ сошелъ; его дыханье
Наполнило весь воздухъ сѣрнымъ дымомъ;
Орелъ могучій опустился къ намъ,
Какъ будто насъ хотѣлъ онъ уничтожить...
Его полетъ красивѣй былъ роскошныхъ
Земель эдема!.. Царственная птица
Свое крыло безсмертное трепала
И чистила могучій клювъ, какъ будто
Доволенъ былъ ея маститый богъ!

Всѣ.—Благодаримъ тебя, Юпитеръ дивный!

Сицилій.—Закрылся снова мраморный чертогъ.
Вошелъ въ свои покои свѣтлый богъ...
Пойдемъ и мы! Чтобы снискать спасенье,
Скорѣй его исполнимъ повелѣнье! *(Всѣ тѣни исчезаютъ).*

Постумъ *(просыпаясь).*—О, сонъ, ты былъ мнѣ дѣдомъ! Ты отца
Родилъ Постуму, создалъ мнѣ двухъ братьевъ
И мать; но, горе! ихъ ужъ больше нѣтъ!
Они исчезли такъ же, какъ явились,—

И я проснулся! Горе бѣднякамъ,
Которые отъ случая зависятъ
И бредятъ такъ, какъ бредилъ я теперь:
Они проснутся и мечты желанной
Не обрѣтутъ!—Но нѣтъ, я ошибаюсь:
Иные не мечтаютъ ни о чемъ
И ничего не стоятъ,—между тѣмъ,
Они по горло плаваютъ въ блаженствѣ!
Таковъ и я: не знаю самъ, за что
Досталось мнѣ блистательное счастье?
Какія феи посѣтили землю?..
А!.. Книжка!.. Вотъ ужъ рѣдкое издѣлье:
Когда-бъ оно не подражало свѣту,
Въ которомъ платья благороднѣй тѣхъ,
Кого онѣ скрываютъ! Небеса!
Пускай она все то, что обѣщаетъ,
Разскажетъ мнѣ! *(Читаетъ).*

„Когда львёнокъ, самъ того не зная, и безъ поисковъ, найдетъ струю нѣжнаго воздуха и будетъ объятъ ею, и когда обломленныя у величаваго кедра вѣтви, послѣ многолѣтняго смертнаго сна, оживутъ, приростутъ къ старому пню и снова покроются свѣжими отростками,—тогда настанетъ конецъ бѣдствіямъ Постума; Британія будетъ счастлива и процвѣтетъ въ мирѣ и довольствѣ".

О, это снова сонъ, или слова
Безумныхъ устъ: разсудокъ ихъ не скажетъ!
Здѣсь что-нибудь изъ двухъ: или ничто,
Иль рѣчь безъ смысла, иль слова такія,
Которыхъ умъ не въ силахъ разъяснить!
Но, что бы ни было, а въ этомъ дѣлѣ
Подобіе моей судьбы, и я
Пророческія строки сохраню,
Хоть изъ одной сердечной симпатіи! *(Входятъ тюремщики).*

Тюремщикъ.—Ступайте-ка, сэръ, готовы-ли вы къ смерти?

Постумъ.—Скорѣе пережаренъ: я уже давно готовъ.

Тюремщикъ.—Рѣчь идетъ о вѣшаньи, сэръ, если вы готовы для этого, такъ вы отлично сжарены.

Постумъ.—Такъ! и если зрители найдутъ меня довольно вкуснымъ, то блюдо покроетъ счетъ.

Тюремщикъ.—Тяжеленекъ счетъ для васъ, сэръ; но да утѣшитъ васъ то, что вы больше уже не будете расплачиваться, не будете трусить трактирныхъ разсчетовъ, отъ которыхъ часто уходишь не совсѣмъ весело, хоть они и способны производить веселье; вы приходите

слабые, отъ жажды покушать, а уходите, качаясь отъ того, что черезъ край хлебнули; сердитесь на то, что много заплатили, да тутъ же сердитесь и на то, что много забрали; и кошелекъ, и черепъ пусты; черепъ немного тяжеле потому, что былъ уже слишкомъ пустъ,— а кошелекъ полегче оттого, что былъ черезчуръ уже тяжелъ: о! вы теперь поквитаетесь со всѣми этими противорѣчіями! о, милосердіе веревки, цѣною въ пенни!.. Она въ одинъ мигъ кончаетъ тысячные разсчеты: вы не найдете болѣе вѣрнаго дебета и кредита; съ нею разомъ квитается и прошедшее, и настоящее, и будущее.—Ваша шея, сэръ, вмѣстѣ и перо, и книга, и счеты: итогъ подводится немедленно!

Постумъ.—Мнѣ гораздо веселѣе умирать, чѣмъ тебѣ жить.

Тюремщикъ.—Въ самомъ дѣлѣ, сэръ: кто спитъ, тотъ не чувствуетъ зубной боли; но если бы кто-нибудь шелъ заснуть вашимъ сномъ и висѣльнику приходилось бы помочь ему ложиться, я думаю, онъ охотно помѣнялся бы мѣстами съ своимъ сторожемъ, потому что, посмотрите-ка, сэръ, вы еще не знаете, какою дорогою вамъ идти!

Постумъ.—О, творецъ, очень хорошо знаю!..

Тюремщикъ.—Тогда въ головѣ у вашей смерти есть глаза, а я еще не видѣлъ, чтобы ее такъ рисовали, вы должны или идти по направленію, которое вамъ укажутъ обязавшіеся на это, или взять на себя то, чего, я знаю, вы не можете знать; или же пуститься на поиски, подвергаясь собственной гибели, и тогда, если вы успѣете придти къ концу вашего путешествія, я думаю, вы никогда уже не воротитесь разсказывать кому-нибудь объ этомъ.

Постумъ.—Говорю тебѣ, дружище, что никто не станетъ нуждаться въ глазахъ, чтобы разсмотрѣть дорогу, по которой я теперь пойду, развѣ уже тѣ, которые станутъ жмуриться и не захотятъ ея испробовать...

Тюремщикъ.—Что за мудреная штука была бы, если бы человѣкъ имѣлъ совершенное употребленіе глазъ для того, чтобы разсмотрѣть путь слѣпоты! Я убѣжденъ, что висѣлица—путь къ жмуркамъ *(Входитъ вѣстникъ)*.

Вѣстникъ.—Снять съ него оковы!—Ведите плѣнника къ королю.

Постумъ.—Ты принесъ добрую новость!—Меня позвали затѣмъ, чтобы, наконецъ, освободить...

Тюремщикъ.—Тогда я готовъ быть повѣшеннымъ.

Постумъ.—И ты станешь свободнѣе тюремнаго сторожа; для мертвыхъ замковъ не существуетъ *(Постумъ и вѣстникъ уходятъ)*.

Тюремщикъ.—Если бы человѣкъ вздумалъ жениться на висѣлицѣ, то она родила бы ему другихъ маленькихъ висѣльницъ; по-моему, только бы онѣ и бѣжали къ ней съ такою охотою. Да, по совѣсти, есть бездѣльники побольше его,—и тѣмъ всегда хочется по-

жить, а онъ еще римлянинъ! Многіе, впрочемъ, изъ этихъ господъ умираютъ противъ своей воли; такъ, къ несчастью, было бы и со мною, если бы я былъ однимъ изъ нихъ! Какъ бы мнѣ хотѣлось, чтобъ всѣ мы стали одной души—и притомъ души доброй!—О, тогда вымерли бы и тюремщики, и висѣлицы!.. Я говорю противъ своихъ настоящихъ выгодъ... Но—въ желаніи моемъ есть своего рода выгода!.. *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Палатка Цимбелина.—(Входятъ: Цимбелинъ, Белларій, Гвидерій, Арвираг, Пизаніо, придворные, офицеры и свита).

Цимбелинъ.—По волѣ неба вы спасли престолъ:
Скорѣй же станьте близъ меня! Прискорбно
Моей душѣ, что мы не отыскали
Того убогаго, но такъ богато
Отважнаго бойца; онъ пристыдилъ
Своимъ лохмотьемъ пышное оружье;
Онъ выставлялъ свою нагую грудь
Гораздо дальше латъ позолоченныхъ...
Мы осчастливимъ всякаго, кто намъ
Его отыщетъ, если наша милость
Доставить можетъ счастье.

Белларій.— Никогда
Не видѣлъ я такой отваги царской
Въ такомъ вполнѣ ничтожномъ существѣ
И подвиговъ высокихъ въ человѣкѣ,
Который всѣмъ одно лишь обѣщалъ:
Убожество и горе.

Цимбелинъ.— Ничего
О немъ не слышно?

Пизаніо.— Мы его искали
Между живыхъ и мертвыхъ, но слѣдовъ
Его найти мы не могли.

Цимбелинъ.— Итакъ,
Къ несчастью моему, въ его наградѣ
Прямой наслѣдникъ я!—Передаю
Награду эту вамъ—душа, разсудокъ
И грудь Британіи! *(Белларію, Гвидерію и Арвирагу)*
Клянусь, чрезъ васъ
Она живетъ.—Но наступило время
И васъ спросить, откуда вы?.. Скажите.

Белларій.—Мы родомъ, сэръ, изъ Камбріи; притомъ

Мы джентельмены; а хвалиться больше—
Несправедливо будетъ и нескромно;
Я вамъ скажу, что мы, вдобавокъ, честны!
ЦИМБЕЛИНЪ.—Склоните же колѣни!
(Белларій, Гвидерій и Арвираг становятся на колѣни; Цимбелинъ посвящаетъ ихъ въ рыцари).
Поднимитесь,
Сіятельные рыцари! Я васъ
Въ сопутниковъ престола назначаю
И почести, которыя по сану
Вы заслужили, обѣщаю вамъ!
(Входятъ: Корнелій и придворныя дамы).
ЦИМБЕЛИНЪ *(Продолжаетъ)*. — На лицахъ вашихъ грусть... Что такъ печально
Привѣтствуете вы побѣду нашу?
Вы съ виду словно Римляне какіе,
А не орлы британскаго двора!
КОРНЕЛІЙ.—Да здравствуетъ великій государь!..
Пришлось смутить твою святую радость:
Скажу тебѣ, что наша королева
Скончалась!..
ЦИМБЕЛИНЪ.— Лѣкарю такая вѣсть
Всѣхъ менѣе идетъ! Но намъ извѣстно,
Что жизнь продлить всегда лѣкарства могутъ,
Хоть смерть беретъ порой и лѣкарей!
Скажите, какъ она скончалась?
КОРНЕЛІЙ.— Страшенъ,
Безуменъ былъ ея конецъ, какъ жизнь
Несчастной; жизнь ея была для свѣта
Мученіемъ: въ мученіяхъ она
И умерла! Я вамъ, когда угодно,
Всю исповѣдь ея перескажу:
И если ошибусь я, эти дамы
Пускай меня на словѣ перебьютъ;
Онѣ со мною, проливая слезы,
Стояли тамъ, когда она кончалась...
ЦИМБЕЛИНЪ.—Прошу тебя, скажи.
КОРНЕЛІЙ.— Во-первыхъ, намъ
Она созналася, что не любила
Васъ никогда; что не о васъ самихъ
Заботилась, а о величьи вашемъ!..
Что обвѣнчалась съ королевскимъ саномъ,

Была супругой вашего престола,
И не могла терпѣть особы вашей!

ЦИМБЕЛИНЪ.—Она одна могла все это знать,
И если бы, не умирая, мнѣ
О томъ сказала, я бы не повѣрилъ
Ея устамъ!.. Извольте продолжать!..

КОРНЕЛІЙ.—Она созналась намъ, что ваша дочь,
Которую всегда съ такой любовью
Она передъ отцомъ ея ласкала,
Въ глазахъ ея казалась скорпіономъ!
Что жизнь ея, когда бы не побѣгъ
Предупредилъ ея разсчеты злые,
Она хотѣла тайно отравить!

ЦИМБЕЛИНЪ.—Какой же тонкій, хитрый непріятель!
Кто можетъ въ сердцѣ женщины читать?
Что̀ дальше?

КОРНЕЛІЙ.— Дальше, сэръ, гораздо хуже:
Она созналась намъ, что и для васъ
Она составъ смертельный припасала;
Что ваша жизнь отъ этого состава
Слабѣла бы и сохла каждый мигъ
И медленно, по дюйму, пропадала-бъ!
А между прочимъ, ласками, слезами
И поцѣлуями она хотѣла
Васъ обмануть и, вò-время склонивъ
Послушаться себя, предполагала
Наслѣдникомъ короны объявить
Клотена! Но его побѣгъ разрушилъ
Ея разсчетъ коварный, и она
Съ отчаянья стыдливость потеряла;
Въ отмщенье небесамъ и человѣку,
Открыла всѣмъ свои предположенья;
И, наконецъ, жалѣя, что не всѣ
Изъ замысловъ ея созрѣть успѣли,
Въ отчаяньи безумномъ умерла!..

ЦИМБЕЛИНЪ *(женщинамъ)*.—И это все вы слышали, милэди?

ДАМЫ.—Такъ точно, государь!

ЦИМБЕЛИНЪ.— Моихъ очей
Я не виню: она была прекрасна!
Моихъ ушей я также не виню:
Они внимали лести королевы!
Я не виню и сердца моего:

Оно ее считало тѣмъ, чѣмъ только
Она казалась намъ; подозрѣвать
Ее въ то время было-бъ слишкомъ низко!
О, дочь моя! Ты можешь всѣмъ сказать,
Что я впадалъ въ безстыдное безумство.
Твое несчастье это подтвердитъ!
Исправьте-жъ, небеса, мою ошибку!..

(*Входятъ: Люцій, Якимо, Гадатель и другіе римскіе плѣнники, подъ стражею,—позади ихъ Постумъ и Имоджена*).

Теперь ты, Кай, не дань съ насъ собирать
Пришелъ; Британцы свергли ваше иго,
Хотя немало храбрыхъ потеряли!..
Ихъ родственники просятъ насъ скорѣй
Смирить ихъ души страждущія казнью
Спасенныхъ плѣнниковъ, и мы на это
Согласны: разсмотри свою судьбу!

Люцій.—Подумайте объ участи сраженій:
Вы случаю обязаны побѣдой.
Достался бы намъ онъ, остудивъ свой пылъ,
Мы никогда съ мечемъ не угрожали-бъ
Своимъ военноплѣннымъ! Но да будетъ
Исполнено велѣніе боговъ,
И выкупомъ намъ станетъ наша жизнь:
Съ душою римской Римлянинъ мученья
Перенесетъ; на насъ взираетъ Августъ!
Такъ мало я забочусь о себѣ...
И объ одномъ лишь попрошу милорда:
(*Указывая на Имоджену*)
Позвольте мнѣ за этого пажа,
Британца родомъ, вамъ представить выкупъ:
Никто слугой подобнымъ не владѣлъ;
Онъ ласковъ, нѣженъ, добръ, трудолюбивъ,
Внимателенъ и вѣренъ, и опрятенъ;
Позвольте-жъ добродѣтелямъ его
Съ моей мольбой теперь соединиться;
Я знаю, ваша свѣтлость не отвергнетъ
Моей мольбы: онъ не нанесъ вреда
Британіи, хотя служилъ у Римлянъ!
Спаси его, великій государь,
И не щади за это нашей крови!

Цимбелинъ.—Я гдѣ-то видѣлъ этого пажа;
Его черты мнѣ кажутся знакомы.

О, мальчикъ! взоръ твой чудный пріобрѣлъ
Мою любовь: ты мой съ минуты этой!
Не знаю какъ, не знаю почему,
Но мнѣ тебѣ все хочется сказать:
Живи, мой мальчикъ!—Никогда не думай
Благодарить монарха своего:
Живи,—проси себѣ у Цимбелина
Какой лишь хочешь милости; пускай
Она идетъ лишь къ нашей добротѣ
И къ сану твоему: ты все получишь!
Получишь все, хотя бы ты просилъ
Свободы главнаго изъ этихъ плѣнныхъ!.. *)

Имоджена.—Благодарю васъ, свѣтлый государь.

Люцій.—Я не прошу тебя молить о жизни
Моей, прекрасный мальчикъ; но увѣренъ,
Что ты о ней попросишь короля.

Имоджена.—Ахъ, нѣтъ, увы! другая подъ рукою
У насъ забота: смерть не такъ горька,
Какъ то, что вижу я! И ваша жизнь
Сама пускай хлопочетъ о спасеньи!

Люцій.—Какъ? пажъ меня оставилъ, презираетъ
И ненавидитъ? Быстротечна радость,
Которая отъ вѣрности мальчишекъ
И дѣвочекъ зависитъ!.. Онъ смущенъ!

Цимбелинъ.—Чего же хочешь ты, мой милый мальчикъ?
Все болѣе и болѣе тебя
Люблю я: думай же и ты о просьбѣ
Все болѣе и болѣе!.. Ты знаешь
Того, въ кого теперь впился ты взоромъ?
Скажи, желаешь ты его спасти?
Онъ родственникъ тебѣ? онъ твой пріятель?

Имоджена.—(*Смотритъ на Якимо*).—Онъ Римлянинъ и мнѣ родной такой же,
Какъ я родной монарху моему...
Нѣтъ, я рожденъ вассаломъ Цимбелина,
И потому къ нему гораздо ближе!

Цимбелинъ.—Что-жъ на него ты зорко такъ глядишь?

---

*) Эта тирада, какъ и вообще всѣ разговоры переодѣтой Имоджены съ ея братьями, въ лѣсу, показываютъ, что Шекспиръ слишкомъ глубоко былъ преданъ идеямъ своего вѣка и вѣрилъ въ мнѣнія о сродствѣ душъ и о вліяніяхъ одного человѣка на другаго посредствомъ магнетическаго влеченія.

Имоджена.—Я вамъ одинъ повѣдаю объ этомъ,
Когда угодно вамъ меня услышать.
Цимбелинъ.—Отъ всей души: располагай моимъ
Вниманіемъ! Какъ звать тебя, мой милый?
Имоджена.—Фиделіо!
Цимбелинъ.— Отнынѣ, добрый мальчикъ,
Ты пажъ мой, а король—твой господинъ!
Ступай за мной и говори свободно. (*Цимбелинъ и Имоджена разговариваютъ въ сторонѣ*).
Белларій.—Ужъ не воскресъ ли этотъ чудный мальчикъ?
Арвирагъ.—Песчинки такъ не схожи межъ собой!
Да, это тотъ румяный, нѣжный крошка,
Который былъ Фидельо и скончался:
Что думаете вы?
Гвидерій.— Покойникъ ожилъ!..
Белларій.—Молчите; станемъ дальше наблюдать;
На насъ не посмотрѣлъ онъ; берегитесь;
На свѣтѣ разныя бываютъ сходства:
Когда бы это былъ нашъ милый мальчикъ,
Онъ ужъ давно завелъ бы съ нами рѣчь!
Гвидерій.—Мы сами видѣли, какъ онъ скончался.
Белларій.—Потише, станемъ далѣе глядѣть.
Пизаніо (*въ сторону*).—О, это госпожа моя!.. Она
Жива!.. Катись теперь, какъ хочешь, время,
Хорошее и злое—все неси! (*Цимбелинъ и Имоджена приближаются къ авансцены*).
Цимбелинъ (*Имодженѣ*).—Стань возлѣ насъ, по правой сторонѣ,
Произноси свои вопросы громко. (*Якимо*)
Приблизьтесь, сэръ, свободно отвѣчайте
На то, о чемъ васъ проситъ этотъ пажъ:
А иначе, клянусь величьемъ нашимъ
И красотой его—святою честью,
Мученія ужасныя исторгнутъ
Всю истину у непокорной лжи!
Извольте говорить!..
Имоджена.— Мнѣ нужно знать
Откуда вы достали этотъ перстень?
Постумъ (*въ сторону*)—зачѣмъ ему все это?
Цимбелинъ.— Говорите,
Откуда вы достали вашъ алмазъ?
Якимо.—Подъ страхомъ пытки вы мнѣ запретите

Повѣдать то, что̀, если разсказать,
Васъ будетъ пыткой страшною терзать!
ЦИМБЕЛИНЪ.—Меня?!..
ЯКИМО.— Я очень радъ, что принуждаютъ
Меня повѣдать то, что̀ укрывать
Такая му́ка! Перстень я похитилъ
Злодѣйствомъ: онъ принадлежалъ Постуму,
Котораго изгналъ ты и который,—
Да будетъ рѣчь моя тебѣ тяжеле,
Чѣмъ сердцу моему,—достойнѣй всѣхъ,
Кто только жилъ межъ небомъ и землею!
Но говорить ли далѣе мнѣ, сэръ?..
ЦИМБЕЛИНЪ.—Повѣдай все, что̀ только близко къ дѣлу!
ЯКИМО.—Да... неземное чудо, дочь твоя!..
Изъ сердца кровь сочится и коварный
Разсудокъ, при одномъ воспоминаньи
О ней, болитъ: мнѣ дурно... дай мнѣ кончить...
ЦИМБЕЛИНЪ.—Какъ! дочь моя? Чтожъ ты о ней разскажешь?
Возобнови свои больныя силы:
Живи, пока природа жить позволитъ,
Не умирай, не высказавъ всего!
Приди въ себя, бѣднякъ, и говори!
ЯКИМО.—Однажды (горе тѣмъ колоколамъ,
Которые пробили часъ коварный),
Случилось это въ Римѣ (проклятъ будь
Нашъ домъ),—обѣдая (о, еслибъ въ ядъ
Тогда всѣ наши блюда обратились,
Хотя бы тѣ, что предо мной стояли!)—
Достойный Леонатъ—(что̀ я сказалъ?!
Онъ слишкомъ былъ достоинъ между злыми,
И лучше всѣхъ, кто только ни былъ добръ
И доблестенъ межъ нами!) сидя грустно,
Внималъ, какъ мы наперерывъ хвалили
Любовницъ нашихъ римскихъ, красоты
Которыхъ даже тотъ, кто лучше всѣхъ
Умѣлъ блеснуть словечкомъ, не нашелся-бъ
Превознести достойной похвалой:
По формамъ передъ ними былъ калѣкой
Безсмертный бюстъ Венеры, а Минерва
Не такъ стройна и нѣсколько горбата;
Онѣ стыдили чудеса природы—
И все, что̀ только качествомъ своимъ

Насъ дѣлаетъ поклонниками женщинъ—
Въ себѣ соединяли... все, что̀ ловитъ
На удочку безпечныхъ жениховъ
И красотой глаза намъ поражаетъ!
Цимбелинъ.—На угляхъ раскаленныхъ я стою:
Скорѣе къ дѣлу!..
Якимо.— Разомъ все скажу я,
Чтобъ ты не мучился отъ нетерпѣнья!
Постумъ (любя, какъ благородный лордъ,
И царственной любезною счастливый)
Взялся за рѣчь; не унижая тѣхъ,
Кого хвалили мы (какъ добродѣтель,
Онъ былъ спокоенъ!)—началъ онъ чертить
Портретъ своей любезной и, окончивъ
Его вполнѣ, онъ влилъ въ него дыханье
И мысли: тутъ увидѣли мы всѣ,
Что наше хвастовство трещало чуть ли
Не о красѣ кухарокъ; рѣчь его
Насъ обратила въ безсловесныхъ куколъ!
Цимбелинъ.—Скорѣй, скорѣе къ дѣлу!
Якимо.— Моя жена
Чиста, какъ ангелъ,—такъ онъ началъ споръ!
Онъ говорилъ, что и сама Діана
Во снѣ нечистыя мечтанья видитъ,
Она же съ ними вовсе незнакома!
При этомъ я (несчастный!) сталъ смѣяться
Надъ похвалой Постума и держалъ
Закладъ на кучу денегъ противъ перстня,
Который онъ тогда носилъ на пальцѣ,
Что перстень тотъ куплю ея позоромъ!
Онъ, вѣрный мужъ,—не сомнѣваясь въ чести
Своей жены, какъ я не сомнѣваюсь
Въ ней, послѣ всѣхъ моихъ попытокъ,—перстень
Поставилъ на закладъ и также точно
Могъ поступить, хотя-бъ тотъ перстень былъ
Карбункломъ изъ колесницы Феба
И могъ со всей цѣной ея сравниться.
Тогда въ Британію помчался я,
Въ намѣреньи исполнить это дѣло!
Вы, можетъ быть, припомните, милордъ,
Какъ при дворѣ у васъ я находился.
Здѣсь ваша дочь невинностью своей

Заставила меня увидѣть бездну
Между грѣхомъ распутства и любовью!
Я потерялъ надежду, но желаній
Я не терялъ: мой итальянскій мозгъ
Работать сталъ въ наивности британской
Немножко подло, но для нашей цѣли
Довольно выгодно; короче, я
Въ трудѣ успѣлъ и возвратился въ Римъ,
Съ большимъ запасомъ лживыхъ доказательствъ,
Которыя свели съ ума Постума,
Изранивъ вѣру бѣднаго въ невинность
Его жены безсовѣстною ложью...
Я описалъ ему покой принцессы,
Обои, потолки, каминъ, ковры;
Я показалъ ему браслетъ (о, хитрость!
Какъ ты легко достала мнѣ его!)—
Я подтвердилъ слова мои примѣтой
На тѣлѣ Имоджены сокровенной,
И онъ повѣрилъ, что замокъ ея
Невинности разбитъ и что она
Мнѣ отдалась... И мнится мнѣ, что вижу
Вновь Леоната я...

Постумъ *(выступая впередъ).*—Онъ передъ тобой,
Предатель итальянскій!—О! какой же
Глупецъ я легковѣрный, воръ, убійца,—
Собраніе всего, что было, есть
И будетъ въ мірѣ изъ грѣховъ злодѣйскихъ!..
О, дайте мнѣ нелицемѣрный судъ!
Ты, мой властитель, дай мнѣ казнь и пытку!
Я всѣ злодѣйства заслужилъ собой—
Я хуже всѣхъ ихъ!.. Да, я—Леонатъ!
Я дочь твою убилъ! Нѣтъ, лжецъ коварный!
Я лгу: я совершилъ свое злодѣйство
Черезъ другаго, худшаго еще,
Чѣмъ я; посягнулъ на святотатство:
Она была Діаны чистой храмомъ,
Нѣтъ, добродѣтель вся она была!
Заплюйте же скорѣе, закидайте
Каменьями и грязью вы меня!
Собаками злодѣя затравите!
Пусть каждаго разбойника зовутъ
Отъ этихъ поръ Постумомъ Леонатомъ...

И пусть земля извѣдаетъ грѣхи
Еще ужаснѣй моего злодѣйства.
О, Имоджена, королева, жизнь,
Жена моя! бѣдняжка Имождена!
О, Имоджена! Имоджена!

ИМОДЖЕНА.— Тише,
Милордъ, прошу...

ПОСТУМЪ.— Такъ ты комедію
Изъ этого желаешь разыграть?
Негодный пажъ: ты здѣсь окончишь роль! (*ударяетъ ее мечомъ: она падаетъ*).

ПИЗАНІО.—Милорды! помогите, помогите!
Вѣдь это ваша и моя принцесса!..
Постумъ, Постумъ, теперь ты лишь убилъ
Бѣдняжку! Помогите, помогите!
О, честная милэди, Имоджена!

ЦИМБЕЛИНЪ.—Неужели весь міръ перевернулся?

ПОСТУМЪ.—Какъ отуманились мои глаза?!..

ПИЗАНІО.—Очнитеся, принцесса!

ЦИМБЕЛИНЪ.— Если это
Все правда, небеса хотятъ, чтобъ я
Отъ радости и счастія скончался!

ПИЗАНІО.—Что, лучше-ль вамъ теперь, моя принцесса?

ИМОДЖЕНА (*приходя въ себя*).—О! удалися съ глазъ моихъ! Ты яду
Мнѣ далъ! Поди, опасный человѣкъ!
Не смѣй дышать въ томъ мѣстѣ, гдѣ есть принцы!

ЦИМБЕЛИНЪ.—Какъ?.. Голосъ Имоджены!

ПИЗАНІО.— Пусть, милэди,
Убьетъ меня небесная гроза,
Когда тотъ порошокъ, который вамъ
Я далъ въ лѣсу, я не считалъ безцѣннымъ
Лѣкарствомъ. Эту вещь я получилъ
Отъ королевы!

ЦИМБЕЛИНЪ.— Новая продѣлка?!..

ИМОДЖЕНА.—Онъ отравилъ меня, милордъ!

КОРНЕЛІЙ.— О боги!
Я позабылъ еще одно признанье
Покойницы: оно васъ оправдаетъ!—
О! если,—такъ сказала королева,—
Пизаніо далъ принцессѣ тотъ составъ,
Который я лѣкарствомъ назвала,

Онъ служилъ своей принцессѣ такъ же,
Какъ я, положимъ, услужила-бъ крысѣ.—
Цимбелинъ.—Что̀ тамъ еще, Корнелій?
Корнелій.— Королева,
Милордъ, меня просила очень часто,
Составить ей отравъ, для изученья
Ихъ свойствъ, какъ говорила мнѣ она,
Надъ смертью злыхъ созданій, кошекъ, крысъ,
Всего, что̀ только въ свѣтѣ не жалѣютъ!
Боясь, чтобъ планъ ея пошелъ не дальше,
Я для нея составилъ вещество,
Которое на-время только жизнь
Лишаетъ силъ, но вскорѣ весь процессъ
Природы вновь свершаетъ отправленія...
Вы не его ли приняли?
Имоджена.— Быть можетъ,
Я умерла отъ этого состава...
Белларій.—Вотъ, дѣти, въ чемъ была ошибка наша!
Гвидерій.—О, это нашъ Фиделіо, навѣрно!
Имоджена (*Постуму*).—Зачѣмъ свою ты вѣрную супругу
Покинулъ здѣсь! Вообрази, что ты
Стоишь надъ бездной: сбрось меня туда!
(*Обнимаетъ его*).
Постумъ.—Виси на мнѣ, моя душа, какъ плодъ
На вѣточкѣ, пока она изсохнетъ!
Цимбелинъ.—Что-жъ это, плоть моя, мое дитя?
Я зрителемъ нѣмымъ при этомъ буду?..
Ты говорить со мной совсѣмъ не хочешь?
Имоджена (*опускаясь на колѣни*).—Милордъ, прошу у васъ благословенья.
Белларій (*Гвидерію и Арвирагу*).—Теперь я васъ нисколько не виню,
Что юношу вы этого любили:
У васъ къ тому свои причины были!
Цимбелинъ.—О, пусть мои родительскія слезы
Святой водою каплютъ на тебя:
Увы, скончалась мачиха твоя!..
Имоджена.—Мнѣ очень жаль ее, мой государь!
Цимбелинъ.—Она была исполнена грѣховъ:
По милости ея, такъ странно всѣ мы
Сошлися здѣсь... Но сынъ ея исчезъ
И мы не знаемъ, какъ и почему?..
Пизаніо.—Милордъ! мой страхъ прошелъ, я все открою...

Клотенъ, едва принцесса удалилась,
Пришелъ ко мнѣ, съ мечомъ въ рукѣ и съ пѣной
У рта; онъ началъ клясться предо мной,
Что если я ему не объявлю,
Куда ушла принцесса, я погибну
Въ одно мгновеніе!.. Тогда при мнѣ
Какъ разъ нашлось послѣднее письмо
Постума; это-то письмо умчало
Его за ней на поиски въ Мильфордъ,—
Куда, какъ звѣрь и въ платьѣ Леоната,
Которое онъ вырвалъ у меня,
Клотенъ съ позорнымъ планомъ поспѣшилъ...
Что̀ съ нимъ случилось послѣ, я не знаю!

Гвидерій.—Позвольте мнѣ окончить вашъ разсказъ.
Я умертвилъ его!

Цимбелинъ.— Спаси васъ небо!
Я не хотѣлъ бы добрыя дѣла
Наказывать жестокимъ приговоромъ:
Скажи, что ты солгалъ, мой храбрый мальчикъ!

Гвидерій.—Я сдѣлалъ такъ, какъ я вамъ объявилъ!

Цимбелинъ.—Клотенъ былъ принцъ!

Гвидерій.— Онъ наглымъ принцемъ былъ!
Его продѣлки недостойны принца.
Онъ вздумалъ вызывать меня такимъ
Задорнымъ языкомъ, что я пошелъ бы
Хоть на моря, когда-бъ они ревѣли,
Какъ онъ: я голову ему отсѣкъ!..
И очень радъ, что нынче передъ вами
Онъ не стоитъ, какъ я, и обо мнѣ
Такой же рѣчи вамъ не говоритъ!..

Цимбелинъ.—Жаль мнѣ тебя; твой собственный языкъ
Тебѣ изрекъ смертельный приговоръ;
Законамъ ты обязанъ покориться:
И нынче же умрешь!

Имоджена.— Безглавый трупъ
Я приняла за милаго супруга!

Цимбелинъ.—Связать убійцу, прочь его отсюда!

Белларій.—Стой, государь; убитый недостоинъ
Убійцы; твой преступникъ одного
Съ тобою рода: онъ передъ тобой
Свершилъ гораздо болѣе заслугъ,
Чѣмъ цѣлый полкъ Клотеновъ совершилъ бы. (*Стражъ*).

Освободите царственныя руки:
Не для цѣпей онѣ сотворены!
ЦИМБЕЛИНЪ.—Зачѣмъ, старикъ-солдатъ, желаешь ты,
Не получивъ еще вознагражденья
За подвигъ свой, подвергнуться опалѣ
И гнѣву короля? Какъ можетъ онъ
Быть одного со мной происхожденья?
АРВИРАГЪ.—Въ своихъ словахъ зашелъ онъ далеко.
ЦИМБЕЛИНЪ (*Белларію*).—За это ты погибнешь безъ пощады!
БЕЛЛАРІЙ.—Всѣ трое мы погибнемъ! Но сперва
Я докажу, что двое между насъ
То самое, о чемъ я вамъ повѣдалъ.—
Я долженъ, дѣти, гибельную тайну
Открыть: она—опасна для меня,
Но васъ она, навѣрно, осчастливитъ!
АРВИРАГЪ.—Опасность ваша и для насъ—опасность!
ГВИДЕРІЙ.—А счастье наше—счастье и для васъ!
БЕЛЛАРІЙ.—Позвольте же: я стану говорить.—
Великій государь, скажите, былъ ли
У васъ вельможа, именемъ Белларій?
ЦИМБЕЛИНЪ.—Что въ немъ тебѣ?.. Онъ сосланный измѣнникъ!
БЕЛЛАРІЙ.—Онъ также старъ, какъ тотъ, кто передъ вами
Стоитъ теперь: онъ сосланъ—это правда;
Но я не знаю, былъ ли онъ измѣнникъ?..
ЦИМБЕЛИНЪ.—Схватить его! Вселенная не можетъ
Его спасти!—
БЕЛЛАРІЙ.— Не горячитель такъ!
Сначала заплатите мнѣ за то,
Что ваши дѣти выкормлены мною,
И конфискуйте послѣ все, едва
Я получу свое вознагражденье.
ЦИМБЕЛИНЪ.—Ты выкормилъ моихъ дѣтей?
БЕЛЛАРІЙ.— Я грубъ
И слишкомъ смѣлъ: молю васъ на колѣняхъ...
Не стану я до той поры, покуда
Не вознесу я вашихъ сыновей!
Тогда вы старика ужъ не жалѣйте...
Великій государь, я не отецъ
Двумъ этимъ джентльменамъ, хотя меня
Они зовутъ отцомъ и почитаютъ
Себя дѣтьми изгнанника-Моргана!

Они потоки царственной рѣки—
И кровь твоя, мой свѣтлый повелитель!..
ЦИМБЕЛИНЪ.—Какъ! въ нихъ мое потомство?
БЕЛЛАРІЙ.— Точно такъ,
Какъ ты потомокъ дѣдовъ Цимбелина.
Старикъ Морганъ былъ нѣкогда Белларій:
Его тогда ты выслалъ изъ отчизны.
Двухъ этихъ принцевъ (имя это къ нимъ
Идетъ, они сіятельные принцы)—
Я двадцать лѣтъ воспитывалъ въ горахъ;
Вселилъ въ нихъ все, что только могъ вселить
Изъ истинныхъ познаній; самъ ты знаешь,
Кормилица малютокъ, Эрифила,
Съ которой я вступилъ за это въ бракъ,
Ихъ унесла, едва меня изгнали!
На это я склонилъ ее тогда!
Я былъ наказанъ прежде преступленья,
Которое свершилъ я предъ тобой:
Я пострадалъ за вѣрность и замыслилъ
Коварную измѣну Цимбелину!
Но, свѣтлый сэръ, вотъ вновь твои сыны:
Я въ нихъ теряю всю мою отраду!
Да низойдетъ благословенье неба
На ихъ чело спасительной росой:
Они могли-бъ достойно сводъ лазурный
Огнями звѣздъ душевныхъ обложить!
ЦИМБЕЛИНЪ.—Ты говоришь и плачешь; вы втроемъ
Свершили подвигъ, предъ которымъ блѣдны
Всѣ чудеса разсказа твоего:
Я потерялъ моихъ дѣтей; но если
Мои то дѣти, лучшихъ сыновей
Желать не долженъ я.
БЕЛЛАРІЙ. — Милордъ, позвольте!
Тотъ джентельменъ, который у меня
Носилъ названье Полидора, принцъ—
Достойнѣйшій Гвидерій; джентельменъ,
Котораго я называлъ Кадваломъ,—
Свѣтлѣйшій Арвирагъ, вашъ младшій сынъ;
Его въ богатой мантіи укрыли,
Въ пеленкахъ, вышитыхъ рукой его
Высокой матери: всѣ эти вещи
Я вамъ, для бо̀льшей правды, покажу!

Цимбелинъ.—На шеѣ у Гвидерія была
Кровавая звѣзда—значокъ родимый!..
Белларій *(указывая на Гвидерія)*.—Вотъ, кто родимымъ пятнышкомъ отмѣченъ!
Премудрая природа создала
Его на тотъ конецъ, чтобъ вамъ сегодня
Скорѣй пришлось Гвидерія признать!
Цимбелинъ.—Ужель я вновь отецъ троихъ дѣтей?
Во-вѣки мать не радовалась больше,
Окончивъ му́ки тягостныхъ родовъ!..
Благословенны вы, которыхъ путь
Лежалъ такъ долго внѣ родимыхъ о̀рбитъ:
Войдите въ нихъ и царствуйте опять!
Ты, дочь моя, лишилась черезъ это
Короны!..
Имоджена.— Нѣтъ, милордъ, я черезъ это
Пріобрѣла два міра неземныхъ!..
О, братья милые, мы снова вмѣстѣ!
Не говорите-жъ больше никогда,
Что рѣчь моя неправильна: вы братомъ
Меня именовали, я же вамъ
Была сестрой; а я именовала
Васъ братьями, и были вы мнѣ братья!..
Цимбелинъ.—Такъ вы уже встрѣчались?
Арвирагъ.— Да, милордъ!
Гвидерій.—И съ перваго-жъ свиданья полюбили
Другъ друга, продолжая страсть свою,
До той поры, когда сестра скончалась...
Корнелій.—Отъ ядовитыхъ зелій королевы!
Цимбелинъ.—О, дивное чутье!—Когда же я
Услышу все? И въ спѣшномъ пересказѣ
Видны у васъ безчисленныя вѣтви,
Которыми богато вашъ разсказъ
Развиться можетъ! Гдѣ и какъ жила ты?
Какъ римскому ты плѣннику служила?
Какъ ты разсталась съ братьями? Какъ вновь
Ты ихъ нашла? Зачѣмъ ты убѣжала
Отъ нашего двора?.. Куда бѣжала?!..
Все это—и къ тому еще причину,
Которая васъ привела на бой,
Не знаю самъ, какъ много я желалъ бы
Узнать отъ васъ въ подробнѣйшихъ оттѣнкахъ,

Во всѣхъ случайныхъ, мелкихъ переходахъ!
Но намъ теперь не мѣсто и не часъ
Васъ долгими вопросами тревожить...
Постумъ закинулъ якорь къ Имоджент;
Она же, какъ стыдливая зарница,
Бросаетъ взоръ свой нѣжный на него,
На братьевъ и на насъ,—и свѣтъ, и радость
На милые предметы проливаетъ!..
Мы отвѣчаемъ тѣмъ же Имоджент...
Пойдемъ отсюда; пусть дымятся храмы
Огнями нашихъ благодарныхъ жертвъ! *(Белларію)*
Ты братъ мой и на вѣкъ мнѣ будешь братомъ!..

Имоджена.—Вы мой отецъ, меня вы воскресили!
Я дожила до радостной поры!

Цимбелинъ.—Всѣ радуются, кромѣ этихъ плѣнныхъ:
Пускай же и на нихъ прольется радость;
Они раздѣлятъ счастье короля!

Имоджена *(Люцію)*.—Теперь, мой повелитель, постараюсь
Я вамъ, какъ должно, услужить!

Люцій.— Сойди
На васъ благословеніе небесъ!

Цимбелинъ.—Пропавшій воинъ столько благородства
Въ сраженьи показалъ, что между насъ
Блисталъ бы кстати онъ и благодарность
Монаршую собою бы почтилъ!

Постумъ.—Я, государь, тотъ неизвѣстный воинъ!
Я въ рубищѣ простомъ сопровождалъ
Троихъ твоихъ бойцовъ: моя одежда
Тогда моимъ желаньямъ отвѣчала!
Якимо, говори, кто этотъ воинъ?
Не я-ль тебя повергнулъ, и едва
У ногъ моихъ ты не лишился жизни?

Якимо *(становясь на колѣни)*.—Я вновь у ногъ твоихъ: но мнѣ колѣни
Теперь сгибаетъ мстительная совѣсть,
Какъ нѣкогда ихъ мощь твоя сгибала;
Возьми же эту жизнь, молю тебя:
Я столько разъ надъ нею издѣвался!
Но прежде получи свое кольцо
И съ нимъ браслетъ вѣрнѣйшей изъ принцессъ,
Какія только въ вѣрности клялися!

Постумъ.—Не преклоняй колѣнъ передъ Постумомъ:
Одною властью обладаетъ онъ,

И эта власть—прощеніе врагу;
Одну лишь месть питаетъ онъ къ тебѣ—
И эта месть—забвеніе обиды!
Живи и поступай съ другими лучше!

ЦИМБЕЛИНЪ.—Вотъ благородный судъ; нашъ мудрый зять
Даетъ урокъ намъ въ мудромъ милосердьи *).
На этотъ разъ прощенье—нашъ пароль!

АРВИРАГЪ.—Вы помогали намъ, какъ будто знали,
Что мы на самомъ дѣлѣ съ вами братья;
Какъ рады мы, что вы намъ не чужой!

ПОСТУМЪ.—Я вашъ слуга, сіятельные принцы!
Вы, благородный вождь отрядовъ римскихъ,
Не можете-ль гадателей своихъ
Сюда созвать: я видѣлъ чудный сонъ!
Ко мнѣ сходилъ властительный Юпитеръ,
На царственномъ орлѣ своемъ покоясь,
И, окруженный лицами моихъ
Покойниковъ родныхъ, меня тревожилъ...
Когда же я проснулся, на груди
Моей покоилась вотъ эта книжка;
Ея слова такъ странны и темны,
Что я не въ силахъ смысла ихъ понять!..
Пускай же вашъ гадатель намъ покажетъ
Свое искусство въ чтеньи этихъ словъ!

ЛЮЦІЙ.—Гдѣ Филармонъ?

ГАДАТЕЛЬ.— Я здѣсь, мой добрый лордъ.

ЛЮЦІЙ *(даетъ ему книжку)*. Читай и объясни намъ эти рѣчи.

ГАДАТЕЛЬ *(читаетъ)*.—„Когда львенокъ, самъ того не зная, и безъ „всякихъ поисковъ, найдетъ струю нѣжнаго воздуха и будетъ объятъ „ею, и когда обломленныя у величаваго кедра вѣтви, послѣ многолѣт„няго смертнаго сна, оживутъ, приростутъ къ старому пню и снова по„кроются свѣжими ростками, тогда настанетъ конецъ бѣдствіямъ По„стума; Британія будетъ счастлива и процвѣтетъ въ мирѣ и довольствѣ“.
Ты, Леонатъ, какъ сказано здѣсь,—львенокъ;
Значеніе прозванья твоего
Намъ подтверждаетъ это: Leo-natus—
Одно и то же, что рожденный львомъ! *(Цимбелину)*
А нѣжный воздухъ—дочь твоя, властитель;
По-римски, нѣжный воздухъ—mollis aer;
Изъ слова mollis-aer выйдетъ слово

*) Слово: son-in-law, зять, заключаетъ здѣсь непереводимый намекъ на милосердіе законовъ; собственно son-in-law значитъ *сынъ по закону*.

„Супруга“—mulier; а это прямо
Ужъ означаетъ вашу Имоджену,
Которую, безъ поисковъ, теперь,
И самъ того не зная, какъ оракулъ
Сказалъ, нашелъ восторженный супругъ
И ею былъ, какъ пеленой воздушной,
Какъ нѣжнымъ благовоніемъ объятъ!

Цимбелинъ.—Да, въ этомъ есть, повидимому, смыслъ!

Гадатель.—Могучій кедръ—великій Цимбелинъ!
А отъ него отломленныя вѣтви—
Два сына Цимбелина; ихъ унесъ
Белларій. Много лѣтъ ихъ всѣ считали
Погибшими; они теперь воскресли
И приросли къ властительному корню;
И мощный кедръ отчизнѣ обѣщаетъ
Въ своихъ потомкахъ славу и покой!..

Цимбелинъ.—Прекрасно! мы теперь начнемъ съ покоя:
Кай-Люцій, я побѣду одержалъ,
Но покоряюсь Цезарю и Риму!
Согласенъ я условленную дань
Ему платить; вражда супруги нашей
Меня отъ этой дани отклонила:
За это судъ небесъ рукой тяжелой
Ее съ несчастнымъ сыномъ поразилъ!

Гадатель.—Персты боговъ настраиваютъ струны
Гармоніи торжественной и мира!
Видѣніе, которымъ занялъ я,
Передъ сраженьемъ, Люція, вполнѣ
Свершается теперь: мнѣ снилось, будто
Могучій нашъ орелъ покинулъ Югъ
И залетѣлъ на отдаленный Западъ;
Тамъ, уменьшаясь болѣе и болѣ,
Онъ наконецъ исчезъ во блескѣ солнца!..
Видѣнье предвѣщало, что орелъ—
Властительный, великій императоръ,
Сольется вновь съ пресвѣтлымъ Цимбелиномъ,
Блестящею звѣздой полночныхъ странъ!..

Цимбелинъ.—Благословимъ теперь святыхъ боговъ:
Пусть къ алтарямъ таинственнымъ восходитъ
Волнистый дымъ благоуханныхъ жертвъ!
Всѣмъ подданнымъ о мирѣ объявить!
Пойдемъ! И пусть британскія знамена

Завѣютъ рядомъ съ цезарскимъ орломъ!
Мы такъ пойдемъ съ тріумфомъ въ нашу Люду—
И въ храмѣ Зевса миръ нашъ заключимъ;
Потомъ его скрѣпимъ роскошнымъ пиромъ...
Итакъ, впередъ!.. Еще не конченъ бой—
А ужъ кругомъ и счастье, и покой!—

(Занавѣсъ опускается).

II.

ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ КОРОЛЯ РИЧАРДА ТРЕТЬЯГО.

Вильяма Шекспира.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО.

(В. А. Каратыгину).

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

„Что развивается въ трагедіи? Какая цѣль ея?.. Человѣкъ и народъ, — судьба человѣческая и народная. Вотъ почему Шекспиръ—великъ!“

Записки Пушкина.

Историческая драма „Ричардъ III“—считается нѣкоторыми первою, по времени, историческою драмою Шекспира. Коллье и Дэйсъ относятъ ее къ 1593 году.

Рядъ произведеній, въ средѣ которыхъ эта драма занимаетъ такое видное мѣсто, составляетъ, по мнѣнію Шлегеля, колоссальную драматическую эпопею, подобной которой нѣтъ ни у одного литературнаго народа. Эти историческія драмы обязаны своимъ происхожденіемъ лучшей эпохѣ царствованія Елисаветы,—когда, по сокрушеніи испанской Армады (1588 года), впервые въ сердцахъ англичанъ заговорило чувство народнаго самосознанія и гордой независимости, въ кругу державъ Европы. Удивляясь общему, политико-патріотическому значенію историческихъ драмъ Шекспира, Шлегель сказалъ, что „главныя черты происшествій въ нихъ до того вѣрно схвачены, ихъ причины и тайныя начала такъ ясно изображены, что всюду исторія въ нихъ изучается изъ источника истины, какъ бы у корня самой дѣйствительности“. Единственнымъ пособіемъ Шекспиру въ ихъ созданіи служила хроника Голиншеда, которая явилась въ свѣтъ между 1577 и 1587 годами, въ двухъ фоліантахъ. Какъ онъ пользовался ею, насколько отступалъ отъ нея и слѣдовалъ ей—превосходно объяснилъ Куртнэй въ своемъ отдѣльномъ сочиненіи — „Commentaries on the

historical plays of William Shakespeare, 1840". Вотъ главный законъ, которому, по мнѣнію Куртнэя, подчинялся Шекспиръ при пользованіи источниками хроники Голиншеда: „онъ искалъ природы и внутренней истины". Мотивы историческихъ дѣйствій онъ бралъ изъ простодушныхъ повѣствованій Плутарха; на ихъ основаніи онъ смѣло входилъ въ міръ сагъ и миѳовъ Голиншеда, и самая хроника представлялась ему сквозь свѣтлую призму естественности и природы, такъ что—чѣмъ свободнѣе и энергичнѣе творилъ Шекспиръ, тѣмъ,—какъ, напримѣръ, въ „Ричардѣ III",—поэтичнѣе являлись его образы, хотя при этомъ болѣе теряли въ историческомъ достоинствѣ,—чѣмъ, напротивъ, вѣрнѣе и ближе къ дѣйствительности творилъ онъ, тѣмъ болѣе его характеры, — какъ, напримѣръ, характеры въ „Ричардѣ III",—выигрывали въ историческомъ смыслѣ, но тѣмъ болѣе теряли въ поэтическихъ достоинствахъ.—Рядъ этихъ историческихъ драмъ, именно: „Ричардъ III" (1593 года), „Ричардъ II" (1597 года), „Генрихъ IV", первая и вторая части (1596—1598 годовъ), „Генрихъ V" (1599 года), „Виндзорскія Кумушки", „Король Іоаннъ" и „Генрихъ VIII" (1604 года),—интересенъ не менѣе фантастическихъ трагедій Шекспира, тѣмъ болѣе, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ, напримѣръ, въ „Ричардѣ III", встрѣчается еще интересъ чисто *психологическій*. Эту истину доказалъ просвѣщенному міру германскій ученый Гервинусъ, въ капитальномъ сочиненіи „Shakespeare". „Историческія драмы" Шекспира составляютъ второй томъ этого сочиненія. Чтобы показать высокій интересъ и оригинальность взглядовъ ученаго, которому Я. Гриммъ, авторъ „Исторіи германскаго языка", посвятилъ свой великій трудъ, здѣсь излагаются главныя мысли Гервинуса объ исторической драмѣ Шекспира „Ричардъ III".

Теперь доказано, что еще въ 1583 году, въ Кэмбриджѣ, была написана докторомъ Легге латинская драма, подъ именемъ „Ричардъ III", а въ 1588 году англійская трагедія „The true tragedy of Richard III", которая, впрочемъ, появилась въ печати годомъ позже Шекспировой. Обѣ помѣщены въ запискахъ Шекспировскаго общества, но изъ нихъ видно, что творецъ „Отелло" и „Макбета" ими почти не пользовался. „Ричардъ III" Шекспира—самобытное твореніе великаго драматурга и служитъ продолженіемъ его драмы „Генрихъ VI". Здѣсь, какъ и въ „Генрихѣ VI", еще не вполнѣ выдержана строго-драматическая форма. Но эта пьеса полна трагическихъ мотивовъ и сценъ, и въ ней поразительно выступаетъ міръ черныхъ злодѣяній, которыя Шекспиръ, безъ доказательствъ исторіи, сваливаетъ на Ричарда III и тѣмъ, съ такимъ горькимъ сарказмомъ, развертываетъ внутреннія отношенія своихъ героевъ, гдѣ мы постепенно видимъ, какъ коварный Ричардъ

показываетъ падшему поколѣнію послѣдствія гражданскихъ смутъ, какъ онъ, низвергнутый, возвышается, побѣждаетъ своихъ враговъ, и, почти въ мигъ торжества, самъ падаетъ и погребается подъ обломками всеобщаго разрушенія. Трагедія Шекспира основана на борьбѣ *бѣлой* и *алой розъ*, на соперничествѣ домовъ Іорка и Ланкастера.

Среди гражданскихъ смутъ и потрясеній всего общества — выступаетъ страшный Глостеръ, съ опаснымъ сознаніемъ превосходства своихъ дарованій и съ проницательною зоркостью взгляда на испорченность и неспособность человѣчества его эпохи. Въ мірѣ, гдѣ всякій добро считаетъ добромъ, онъ ложно убѣждается, что одно зло должно управлять нашими дѣйствіями; слѣпой и неблагородный эгоизмъ возвышаетъ его надъ слабыми личностями; гордость мышленія заставляетъ его пренебрегать законами обычаевъ и нравовъ. Что свѣтъ покоряется уму и силѣ—было началомъ его макіавеллизма; онъ избралъ тронъ цѣлью своей суетности; окружающихъ его людей онъ обращаетъ въ ступени лѣстницы своего возвышенія. Англійская сцена, во всѣ времена, интересовалась этимъ созданіемъ. Въ восемнадцатомъ столѣтіи Коллей-Гибберъ вынесъ его изъ мрака забвенія. Величайшіе артисты Англіи, Борбэджъ, Гаррикъ и Кинъ, считали Ричарда въ числѣ своихъ любимѣйшихъ ролей, что особенно удавалось двумъ первымъ, по причинѣ ихъ натуральной малорослости. Другіе артисты, какъ напримѣръ Кембель, оставили цѣлые трактаты объ исполненіи этого характера. Уже во время Шекспира (1614 г.) одинъ писатель, вѣроятно, Христоферъ Брукъ, сочинилъ поэму въ стансахъ — „Духъ Ричарда III“, которая помѣщена въ запискахъ Шекспировскаго Общества. Эта поэма тѣмъ интереснѣе, что показываетъ, какъ тогдашнее время понимало человѣчество и насколько оно старалось вникать въ духъ такихъ характеровъ, каковъ характеръ Ричарда III.

Біографія Ричарда переведена Томасомъ Муромъ съ латинской біографіи-хроники Голиншеда, который, вѣроятно, ее заимствовалъ, въ свой чередъ, у архіепископа Мортона. Въ этомъ источникѣ Шекспиръ нашелъ слѣдующія скудныя, но довольно мѣткія черты для характеристики своего героя. Ричардъ родился съ зубами, былъ безобразенъ и его лѣвое плечо было выше праваго. Злость, гнѣвъ и ненависть были его главными качествами. Онъ былъ хорошій воинъ; былъ щедръ, что доставляло ему самыхъ многочисленныхъ, но непостоянныхъ друзей; былъ таинственъ, глубокій лицемѣръ; снаружи онъ казался смиреннымъ, внутри его бушевали кичливость и гордость; онъ былъ другомъ и врагомъ въ одно время, цѣловалъ въ тотъ самый мигъ, когда готовилъ убійство, и если пускалъ въ дѣло свое вѣроломство и тщеславіе, то не щадилъ ни враговъ, ни друзей. Шекспиръ удержалъ всѣ эти черты,—удержалъ въ самой высокой,

художественной естественности и гармоніи. Его Ричардъ всюду является отличнымъ, ловкимъ краснобаемъ, съ духомъ испорченнымъ и холодно-ядовитымъ, съ острою проницательностью взгляда, вполнѣ такимъ, какъ его изображаетъ хроника; въ его двуличномъ волокитствѣ и ухаживаніи за Анною, въ его лицемѣрныхъ фразахъ, въ его сарказмахъ и двусмысленныхъ рѣчахъ,—вездѣ проглядываетъ острый и ядовитый даръ его лукавой рѣчи. Съ наслажденіемъ смотритъ на него мстительно-жадная Маргарита. Суровый, дикій, выросшій на войнѣ и въ крови убійствъ, съ гордостью аристократа и съ пронырствомъ плута, Ричардъ является въ вѣчномъ противорѣчіи съ самимъ собою. Уже хроника выставила его съ качествами существа падшаго и дерзкаго въ своихъ злодѣяніяхъ; Шекспиръ его дорисовалъ: Ричардъ выходитъ на сцену съ духомъ перемѣнчивымъ и необузданнымъ, въ припадкахъ бѣшенства и упорства, и тутъ же расточаетъ медовыя рѣчи; то кажется легко-откровеннымъ и поверхностно-безпечнымъ льстецомъ, то вдругъ—самымъ суровымъ и коварнымъ лицемѣромъ, злодѣемъ.

Сомнѣвались, возможны ли подобныя противорѣчія въ одномъ лицѣ. Могъ ли человѣкъ, которому въ высочайшей степени свойственна лесть, такъ далеко упасть въ суровости и свирѣпости нрава, сдѣлаться самымъ закоснѣлымъ злодѣемъ? Или, если эта свирѣпость была его природнымъ качествомъ, могъ ли подобный извергъ быть образцомъ такого ума? Наконецъ, возможно ли было человѣку, такъ сознававшему свои силы въ достиженіи предположенной цѣли, распространять страхъ и ужасъ, и, по сказанію хроники, исполнять всѣ свои гнусныя злодѣйства, безъ природной наклонности, изъ одной политики? Шекспиръ, какъ и его историческіе источники, главною пружиною дѣйствій Ричарда, основою всѣхъ его плановъ выставляютъ его заносчивое честолюбіе. Онъ поставилъ это качество въ центръ всего характера Глостера. Въ его грубой природѣ столько гордости и самолюбія, столько аристократической щепетильности, столько, наконецъ, отвращенія къ кривой лести, что онъ ползаетъ и сгибается, какъ мы видимъ, изъ одного непреклоннаго стремленія къ достиженію того мѣста, на которомъ каждый передъ нимъ долженъ склоняться. Вслѣдствіе своихъ намѣреній и плановъ, онъ дошелъ до того, что не только могъ сдѣлаться неподражаемымъ плутомъ, но еще могъ скрывать свое плутовство и свои цѣли. Лицемѣрство онъ довелъ до высшей степени, такъ что онъ является иногда преслѣдуемымъ и угнетеннымъ тамъ, гдѣ онъ самъ всѣхъ угнетаетъ и уничтожаетъ, — и разыгрываетъ роль труса въ то время, когда его ненависть разитъ самымъ отчаяннымъ и коварнымъ ударомъ;—такъ что артистъ-актеръ долженъ непремѣнно различать, гдѣ его сила природна и гдѣ она въ своемъ дѣйствіи только принятая роль. Наконецъ, онъ доводитъ

свое лукавство до non plus ultra, до того, что онъ, ужасъ людей, принимается въ свѣтѣ за кроткаго и милосерднаго, за добродѣтельнаго, что онъ, тѣломъ и душою демонъ-предатель, является въ образѣ праведника, и что его врагъ, какъ, напримѣръ, Риверсъ, вѣритъ въ его честность; прямой человѣкъ, какъ Гэстингсъ, вѣритъ въ неспособность его скрытности; Анна замѣчаетъ въ немъ возвратъ къ раскаянію, а падающій Кларнесъ вѣритъ въ его братскую любовь... На послѣднихъ ступеняхъ къ достигаемой цѣли состязается съ Бокингэмомъ въ лицемѣрствѣ и побѣждаетъ его...

Слабы нити, посредствомъ которыхъ характеръ Ричарда связывается съ добрыми сторонами человѣческой природы; не найди Шекспиръ этого характера въ достовѣрныхъ скрижаляхъ исторіи, онъ, можетъ быть, не рѣшился бы, позднѣе, воспроизвести его въ типахъ Эдмунда и Яго. Шекспиръ старался сдѣлать какъ можно болѣе интереснымъ этотъ характеръ, и потому такъ развилъ въ немъ его злую сторону... Невѣроятно при этомъ встрѣтить въ демонѣ пороковъ, въ дерзкомъ Ричардѣ,—черту совершенно неожиданную: герой зла подверженъ припадкамъ *суевѣрія*! Когда Маргарита (I актъ, 3 сцена) осыпаетъ его проклятіями, Глостеръ старается ее прервать различными словами и обратить ея проклятія на нее же. Одинъ предсказатель объявилъ ему смерть послѣ его свиданія съ Ричмондомъ, и это уже тяготитъ его. Хроника говоритъ, что онъ выходилъ изъ себя, когда слышалъ имя Ричмонда. Шекспиръ удержалъ эту черту. Внутренніе голоса, днемъ связывающіе его совѣсть и волю, вырываются наружу въ полночь, когда спятъ его нравственныя силы; злодѣя томятъ ужасные сны... Наканунѣ его битвы съ Ричмондомъ (также по сказанію хроники), передъ нимъ являются духи убитыхъ имъ жертвъ и терзаютъ его угрозами и упреками... Ричардъ просыпается въ испугѣ, и, обливаясь холоднымъ потомъ, кричитъ отрывистыя слова и въ бреду чуть не выдаетъ самого себя...

Въ Роли Ричарда—актеру предстоитъ тьма самыхъ непреодолимыхъ трудностей. По словамъ Стивенса, не то здѣсь затруднительно, что артистъ долженъ безпрестанно мѣнять въ себѣ образы героя и шарлатана, государственнаго человѣка и буффо, лицемѣра и разбойника, не то здѣсь трудно, что онъ долженъ ежеминутно извертываться между высочайшими страстями и самымъ фамильярнымъ тономъ рѣчи, между красными словами—то грубаго солдата, то лукаваго политика и льстиваго придворнаго и между угрозами взбѣшеннаго пирата; наконецъ, не въ тонкой обрисовкѣ движеній или мимической и риторической художественной діалекціи состоятъ трудности выполненія характера Ричарда, но въ томъ, что артисту должно найти основныя начала всѣхъ этихъ разнообразностей и соединить ихъ плотью гар-

моніи. Ричардъ—это Протей превращеній. Самый лучшій выразитель его роли до сихъ поръ былъ и есть—самъ Шекспиръ... Для величайшихъ актеровъ онъ всегда былъ Гордіевымъ узломъ.

Въ трагедіи—остальныя лица, какъ и въ раннихъ произведеніяхъ Шекспира, группируются вокругъ главнаго дѣйствующаго характера; одна и та же идея связываетъ ихъ съ страшнымъ героемъ. Сверхчеловѣческимъ силамъ Ричарда прежде всего противупоставляются женщины—во всей ихъ женственной слабости и безсиліи. *Анна*, которую онъ въ началѣ покоряетъ оружіемъ своего лицемѣрія, возбуждаетъ скорѣе участіе, нежели презрѣніе; она ненавидитъ и выходитъ замужъ; она проклинаетъ ту, которая станетъ женою убійцы ея мужа, и сама подпадаетъ этому проклятію и, ставши его супругою, входитъ снова, невольно, въ ряды враговъ своего новаго мужа... Рѣдко выводили сцену, полную такихъ невѣроятностей, какова сцена, гдѣ Анна играетъ главную роль, и ея характеръ выходитъ неожиданно и какъбы мимоходомъ, снова исчезнувъ въ своемъ проявленіи до конца пьесы, но блеснувъ всею роскошью красокъ, женскою кичливостью, самолюбіемъ, слабостью и кокетливостью рѣчи; подобное явленіе мы видимъ еще въ трагедіи „Эфесская Матрона“... Не надобно забывать, впрочемъ, что убійство ея мужа частью оправдывается неизбѣжнымъ зломъ всякой гражданской войны и долгомъ воинской чести...

Не менѣе остроумно выступаетъ, въ противуположность характеру Глостера, простодушіе Гэстингса. Онъ добросердеченъ, вѣренъ чувству добра, болтливъ, честенъ, чуждъ всякаго лукавства; онъ вѣритъ Кэтзби столько же, сколько и Ричарду; онъ торжествуетъ съ неосмотрительною радостью при паденіи своихъ враговъ, тогда какъ ему грозитъ подобная же участь; онъ подаетъ въ совѣтѣ свой голосъ за Глостера, за своего чуднаго и вѣрнаго друга, и не видитъ, что тотъ уже подписалъ его смертный приговоръ. Вся сцена (III актъ, 4 сцена), въ которой это происходитъ, даже въ подробностяхъ характеристической рѣчи, заимствована изъ хроники. Иначе Шекспиръ выставилъ Бракенбери;—здѣсь онъ основывался единственно на силѣ своего воображенія, и потому этотъ послѣдній исторически играетъ совершенно другую роль, нежели въ трагедіи. Являясь лицомъ вполнѣ страдательнымъ, какъ Кэтзби и Тиррель характерами дѣйствующими, онъ вѣчно вызываетъ Ричарда къ дѣйствіямъ, вызываетъ его планы и намѣренія,—безъ чего послѣдніе, повидимому, не получили бы такого энергическаго полета. Самымъ главнымъ орудіемъ Глостеру служитъ его креатура—Бокингэмъ... Онъ выставленъ съ нимъ рука объ руку, какъ его близкое и дивно-схожее отраженіе, какъ копія его честолюбія и лицемѣрія. Другъ у друга они заимствуютъ и оба вмѣстѣ стремятся къ одной цѣли—къ возвышенію. Здѣсь—ихъ природная, нравственная связь.

Въ Бокингэмѣ, въ его сходствѣ съ Ричардомъ, Шекспиръ примиряетъ противуположности въ характерѣ своего героя и рѣзкое различіе въ типахъ второстепенныхъ лицъ, сгруппированныхъ около Глостера. Онъ помогаетъ своему патрону возвыситься—и, подобно ему и его продѣлкамъ, дивно скрываетъ свою аттаку... Сама Маргарита въ началѣ считаетъ его невиннымъ; ея проклятія не касаются его; онъ не вѣритъ имъ, но, подобно Глостеру, сомнѣвается въ своихъ убѣжденіяхъ и радуется, что страшная женщина извлекаетъ его изъ круга тѣхъ, на которыхъ обрушаетъ свои заклинанія, и что она протягиваетъ ему руку помощи. Вездѣ, въ добрѣ и злѣ, онъ рисуется за Ричардомъ—на второмъ планѣ.—Совершенная противуположность Бокингэму—Стэнли. Это настоящій льстецъ и лицемѣръ; внѣ своей главной сферы онъ не признаетъ ничего, и, подобно Елисаветѣ, поражаетъ Ричарда его же оружіемъ. Будучи въ родствѣ съ Ричмондомъ, онъ уже съ самаго начала принялъ мѣры предосторожности, и изъ врага дѣлается другомъ королевы Елисаветы; его глазъ видитъ всюду; сама исторія изумляется, какъ Ричардъ, будто ослѣпленный самимъ небомъ, могъ обмануться въ этомъ человѣкѣ?.. Шекспиръ оправдываетъ истину тѣмъ, что даетъ Стэнли одно оружіе съ Ричардомъ; равенствомъ природной ловкости—онъ надолго оспариваетъ побѣду у Глостера...

Разсмотрѣвъ эти стороны, объяснивъ положенія лицъ, сгруппированныхъ около сверхъестественнаго характера героя трагедіи, мы должны замѣтить, что поэтъ искалъ еще бо̀льшихъ крайностей, чтобы со всѣхъ сторонъ вполнѣ освѣтить и уяснить этотъ характеръ. Онъ противупоставляетъ его счастью, его возвышенію—горести и паденія; его глубокому лицемѣрію—безпечность и добродушіе; его кровожадности — беззаботное самодовольство, которое издѣвается надъ самою смертью.—Все это объясняется появленіемъ *Маргариты*.

Маргарита была вдовою короля Генриха Шестаго; она однажды вернулась изъ Франціи, куда была сослана, на материкъ Англіи — въ одеждѣ нищей... Обезоруженная, съ убитымъ самолюбіемъ, она издѣвается надъ опасностями, надъ самою смертью, которая ей грозитъ за нарушеніе закона; она врывается въ кругъ своихъ враговъ и, будучи не въ силахъ повелѣвать и управлять ими, не имѣя возможности скрыть своей внутренней бури, она въ безуміи и бѣшенствѣ расточаетъ безпощадныя, предсказательныя проклятія, развертываетъ во всей наготѣ страшную истину и, какъ труба суда Божія,—гремитъ и поражаетъ отступниковъ правды, своихъ бездушныхъ гонителей. Эти слова имѣютъ болѣе силы и огня, чѣмъ всѣ злодѣянія Ричарда, и жажда ея мщенія неукротима: она неукротимѣе и ненасытнѣе, чѣмъ вся страшная жажда честолюбія, грызущаго гнусную душу Глостера. Сочинитель хроники замѣчаетъ, при описаніи смерти

сына Маргариты, что всѣ, бывшіе при этой кончинѣ, позднѣе испили одинаковую чашу, „вслѣдствіе заслуженной справедливости и карающаго наказанія Божія...“ Шекспиръ этотъ судъ олицетворилъ въ суровой Маргаритѣ и ея проклятіяхъ. Она прокляла Эдуарда, и Эдуардъ скоропостижно умираетъ; ея проклятія сбываются и на несчастномъ Кларенсѣ, который сражался за домъ Ланкастеровъ; они сбываются и на Гэстингсѣ, и на Елисаветѣ, которая подъ конецъ, въ самомъ дѣлѣ, остается безъ брата, безъ мужа и безъ дѣтей, и на лукавомъ Бокингэмѣ... Ричардъ также, наконецъ, дѣлается жертвою ея проклятій... Бокингэмъ измѣняетъ ему,—это ему предсказала Маргарита. Самъ Ричардъ (IV актъ, 4 сцена), въ дерзкомъ безвѣріи, накликаетъ на свою голову судъ Божій... Наконецъ, его родная мать, герцогиня Іоркская, которую поэтъ выставилъ въ срединѣ—между Елисаветою и Маргаритою—и надѣлилъ ее качествами этихъ обѣихъ, говоритъ ему (IV актъ, 4 сцена), что ея молитвы будутъ на сторонѣ его враговъ; она восклицаетъ: „Да будутъ мои проклятія, въ день роковой, послѣдней битвы, на головѣ твоей тяжелѣе твоего желѣзнаго шлема!“ И картины движутся, какъ живыя, и все идетъ, какъ на яву, и страшный конецъ неотразимъ. Кара небесная, какъ ужасный ураганъ, охватываетъ всѣхъ и несетъ къ гибельной цѣли... „Lascinate ogni speranza voi che intrate!..“ Послѣдняя туча разсѣянной бури, лицемѣрный и ехидный Бокингэмъ восходитъ на эшафотъ.—„Всевышній, надъ Промысломъ котораго я издѣвался,—восклицаетъ онъ,—обрушилъ мою лицемѣрную молитву на мою голову; онъ далъ мнѣ по святой правдѣ то, о чемъ я просилъ въ шутку!“ Послѣднія слова трагедіи, которыя Шекспиръ влагаетъ въ уста Ричмонда, человѣка, осчастливленнаго волею небеснаго Промысла — „God say amen!“— примиряютъ наше чувство съ идеею всей драмы, богатой такими многообразными подробностями.

„Ричардъ III“ въ началѣ тридцатыхъ годовъ былъ переведенъ на русскій языкъ—стихами, съ французскаго перевода Шекспира *). Въ 1842 году эта драма явилась у насъ въ третьей части переводовъ Шекспира—Кетчера. Послѣдній перевелъ ее слово-въ-слово и со многими примѣчаніями, съ англійскаго,—въ прозѣ.

Предлагаемый здѣсь переводъ сдѣланъ также съ англійскаго языка стихами, какъ и позднѣйшій А. В. Дружинина.

Слѣдуетъ прибавить нѣсколько словъ объ *извѣстнѣйшихъ актерахъ, выполнявшихъ*, въ разныя времена, *роли въ этой драмѣ*.

Драма, особенно драма Шекспира, теряетъ половину своихъ до-

*) Переводъ покойнаго актера *Брянскаго*, шедшій долго на сценахъ нашихъ театровъ.

стоинствъ, если она не представляется на сценѣ театра; актеръ-художникъ дополняетъ, животворитъ идеи поэта, выясняетъ ихъ, даетъ имъ гармоническую плоть и дѣлаетъ ихъ доступными органамъ зрителей.—Такъ иногда, при жизни своей, поэтъ бываетъ гораздо менѣе славенъ, чѣмъ актеръ, выполняющій его созданія; послѣднему зритель приписываетъ свои сердечныя движенія, свое наслажденіе; послѣдній, подобно гальскому Геркулесу, приковываетъ къ своимъ устамъ цѣлый народъ своихъ поклонниковъ. Но, увы! приходитъ роковая, безвозвратная пора, и этотъ голосъ, этотъ могучій голосъ—смолкаетъ навсегда: завѣса другаго міра падаетъ между нами и актеромъ.—Отъ него, какъ отъ исполнителя-музыканта, какъ отъ пѣвца, какъ отъ прелестной танцовщицы, остается одно: звукъ его имени и нѣсколько лучей славы! Произведенія его исчезаютъ вмѣстѣ съ нимъ, вмѣстѣ съ его жизнью, которая иногда десятки лѣтъ увлекаетъ цѣлыя поколѣнія и цѣлыя современности наполняетъ новыми эстетическими началами. И едва-едва остаются отъ всей его личности немногіе слабые отголоски, немногія преданія, выраженныя слабымъ, безплоднымъ словомъ.

Ни одинъ поэтъ столько не сдѣлалъ для актеровъ, сколько сдѣлалъ Шекспиръ; ни одинъ изъ писателей-драматурговъ не создалъ такого множества характеровъ, типовъ, которые живутъ самостоятельною жизнью и совершенно овладѣваютъ нашимъ воображеніемъ. Большая часть актеровъ пріобрѣтала свою славу исполненіемъ ролей Шекспира.—Скажемъ о нѣкоторыхъ изъ болѣе прославленныхъ, въ отношеніи къ „Ричарду-Третьему“.—*Беттертонъ*, по словамъ записокъ Коллея-Гиббера, „былъ единственнымъ человѣкомъ, который еще могъ играть роли созданій Шекспира, такъ точно, какъ Шекспиръ одинъ только и могъ писать для сцены...“ Главное достоинство Беттертона было: разнообразіе игры и примѣненіе своей артистической личности къ личности каждой изъ играемыхъ имъ ролей... Въ „Ричардѣ-Третьемъ“ съ нимъ могъ соперничать одинъ Кинъ. Коллей о немъ выражается такъ: „въ роляхъ, созданныхъ не Шекспиромъ, онъ превосходилъ всѣхъ другихъ актеровъ; въ Шекспировскихъ же твореніяхъ онъ превосходилъ самого себя“.—Онъ родился въ 1685 году, умеръ въ 1710.—*Гаррикъ*—былъ знаменитъ въ роли „Ричарда-Третьяго“, въ „Лирѣ“ и „Макбетѣ“. — Онъ родился въ 1716 году, умеръ въ 1779 году, и происходилъ отъ французской фамиліи. Англичане его ставятъ выше всѣхъ своихъ актеровъ; природа, естественность и разнообразіе были его главными качествами. Будучи самъ сочинителемъ, Гаррикъ всю свою жизнь разрабатывалъ творенія Шекспира. Онъ иногда передѣлывалъ роли Шекспира, оправдываясь желаніемъ приблизить ихъ къ духу своей эпохи. Упрекъ этотъ, впрочемъ, исчезаетъ

при мысли о достоинствахъ Гаррика: онъ возвратилъ своею игрою всю популярность Шекспиру, которую этотъ послѣдній потерялъ съ той поры, какъ англійская сцена лишилась Беттертона. Онъ поочередно былъ то страшенъ, то благороденъ, то патетиченъ, то страстенъ; и никогда актеру столько не изумлялись и не апплодировали, сколько изумлялись и апплодировали Гаррику. По его смерти, Англія воздала ему почести великихъ людей, и онъ былъ похороненъ въ пышномъ склепѣ Вестминстерскаго аббатства.—Роли *Маріариты* и *Елисаветы* въ „Ричардѣ Третьемъ“ со славою исполняла мистриссъ *Притчардъ*. Она первая замѣнила собою молодыхъ актеровъ, которые до нея обыкновенно выполняли всѣ женскія роли Шекспира. Она также неподражаемо играла роли милэди Макбетъ, королеву въ „Гамлетѣ“ и „Екатерину“ въ „Генрихѣ Восьмомъ“. Мистриссъ Притчардъ родилась въ 1711 году, умерла въ 1768 году.—Послѣ этихъ именъ мы можемъ назвать *Кука*, которому было уже сорокъ-пять лѣтъ отъ роду, когда онъ, въ 1801 году, на Ковентъ-Гарденскомъ театрѣ, дебютировалъ въ роли короля „Ричарда-Третьяго“... Ему апплодировалъ самъ Кембль. Будучи красивъ собой, Кукъ отличался, главнымъ образомъ, неподражаемымъ выраженіемъ ненависти, зависти, хитрости и ѣдкой ироніи... Онъ ѣздилъ играть въ Соединенные Штаты, гдѣ въ Нью-Іоркѣ, въ 1812 году, и скончался, на пятьдесятъ-восьмомъ году отъ рожденія. — Но славнѣйшимъ изъ исполнителей роли „Ричарда Третьяго“ былъ *Кинъ*. *Эдмондъ Кинъ* владѣлъ удивительными качествами.—Иногда онъ впадалъ въ тривіальность и уже въ слишкомъ изступленную энергію гнѣва и горячности... Но безъ этого онъ былъ благороденъ, высокъ и изященъ. „Ричардъ Третій“ и „Шейлокъ“ были главными его ролями. Ричардъ Третій, изъ котораго онъ дѣлалъ безобразнаго Донъ-Жуана, росъ мгновенно и становился почти гигантомъ, едва надъ нимъ распадалась туча опасности. Вся зала потрясалась электрическимъ ударомъ, когда онъ кричалъ: „Коня! коня! все царство за коня!“—Кинъ, подобно всѣмъ англійскимъ актерамъ, въ совершенствѣ владѣлъ шпагою и рапирою... Поэтому въ роли Ричарда онъ растягивалъ съ умысломъ послѣднюю сцену своей борьбы съ Ричмондомъ и умиралъ, показавъ вполнѣ свое искусство владѣть оружіемъ. Кинъ оставилъ сына, но его сынъ вовсе не имѣетъ таланта своего отца. Въ новѣйшее время исполненіемъ роли Ричарда III прославились итальянскіе трагики Сальвини и Росси.

Изъ нашихъ актеровъ *Мочаловъ* исполнялъ въ Москвѣ роль „Ричарда Третьяго“ и былъ неподражаемъ въ пятомъ актѣ; этотъ пятый актъ, подъ именемъ „Сна короля Ричарда Третьяго“—въ послѣдніе годы жизни Мочалова давали обыкновенно отдѣльно.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

КОРОЛЬ ЭДУАРДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.
ЭДУАРДЪ, принцъ Валлійскій, } сыновья его.
РИЧАРДЪ, герцогъ Іоркскій, }
РИЧАРДЪ, герцогъ Глостеръ, } братья его.
ГЕОРГЪ, герцогъ Кларенсъ, }
МАЛОЛѢТНІЙ СЫНЪ КЛАРЕНСА.
ГЕНРИХЪ, графъ Ричмондъ.
КАРДИНАЛЪ БОРЧЕРЪ, архіепископъ кэнтерберійскій.
ТОМАСЪ РОСЕРАМЪ, архіепископъ іоркскій.
ДЖОНЪ МОРТОНЪ, епископъ элійскій.
ГЕРЦОГЪ БОКИНГЭМЪ.
ГЕРЦОГЪ НОРФОЛЬКЪ.
ГРАФЪ СЕРРИ, сынъ его.
ГРАФЪ РИВЕРСЪ, братъ жены короля Эдуарда.
МАРКИЗЪ ДОРЗЕТЪ И ЛОРДЪ ГРЕЙ, сыновья его.
ГРАФЪ ОКСФОРДЪ.
ЛОРДЪ ГЭСТИНГСЪ.
ЛОРДЪ СТЕНЛИ.
ЛОРДЪ ЛОВЕЛЬ.
СЭРЪ ТОМАСЪ ВОГЕНЪ.
СЭРЪ РИЧАРДЪ РАДДКЛИФЪ.
СЭРЪ ВИЛЛЬЯМЪ КЭТЗБИ.
СЭРЪ ДЖЕМСЪ ТИРРЕЛЬ.
СЭРЪ ДЖЕМСЪ БЛЕНТЪ.
СЭРЪ ВАЛЬТЕРЪ ГЕРБЕРТЪ.
СЭРЪ РОБЕРТЪ БРАКЕНБЕРИ, комендантъ Тоуэра.
ХРИСТОФОРЪ ОРЗВИКЪ, священникъ.
ЛОРДЪ-МЕРЪ ЛОНДОНА.
ШЕРИФЪ ВИЛЬШИРСКІЙ.
ЕЛИСАВЕТА, жена Эдуарда Четвертаго.
МАРГАРИТА, вдова умершаго короля Генриха Шестаго.
ГЕРЦОГИНЯ ІОРКСКАЯ, мать короля Эдуарда Четвертаго, Глостера и Кларенса.
ЛЭДИ АННА, вдова Эдуарда, принца Валлійскаго.
МАЛЕНЬКАЯ ДОЧЬ КЛАРЕНСА.

Лорды. Свита. Джентльмены. Священникъ. Писецъ. Граждане. Убійцы. Гонцы. Духи. Солдаты.

Дѣйствіе происходитъ въ Англіи.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Лондонъ. — Улица. (Входитъ Глостеръ).

Глостеръ.—Зима усобицъ нашихъ обратилась
Въ блистательное лѣто солнцемъ Іорка:
Потоплены въ пучины океана
Нависшія надъ нами тучи.
Побѣда увѣнчала чела наши.
Трофеями виситъ побѣдное оружье.
Веселый пиръ смѣнилъ свирѣпость битвы,
И плясокъ звукъ—звукъ маршей заглушилъ!
Суровый бой чело свое разгладилъ,
И на коняхъ, закованныхъ въ желѣзо,
Не носится, пугая души робкихъ;
Онъ весело въ покояхъ лэди пляшетъ,
Подъ звуки льстиво-сладострастной лютни...
И только я, къ игрушкамъ неспособный,
Несозданный для зеркала уродъ,
Я, такъ топорно срубленный, лишенный
Любовныхъ чаръ, таинственныхъ и сильныхъ,
Передъ вертлявостью кокетокъ-нимфъ;
Я, въ красотѣ мужчины обдѣленный,
Физіономіи лишенный отъ природы,
Уродъ я недодѣланный, до срока
Я выброшенъ на свѣтъ, какъ недоносокъ,
Едва покончeнный, и то такой красивый,
Что на меня собаки лаютъ, чуть
Предъ ними гдѣ заковыляю; только я, —
Въ изнѣженно-пустое время это,
Отрады жить совсѣмъ не нахожу, —
За исключеніемъ, конечно, созерцаній
На солнцѣ тѣни собственной своей,
Да разсужденій о своемъ уродствѣ.
И вотъ, съ тѣхъ поръ, какъ я не въ силахъ быть
Любовникомъ,—любимцемъ пошлой моды,
Я быть хочу злодѣемъ, я рѣшился
Преслѣдовать отраду жизни смертныхъ!..

Разставилъ я губительныя сѣти,
Пророчества безумцевъ, письма, сны, —
Въ смертельный бой поставятъ короля
И Кларенса; и если Эдуардъ
Король—правдивъ и также вѣренъ долгу,
Какъ я хитеръ, лукавъ и вѣроломенъ, —
Сегодня-жъ Кларенсъ будетъ въ заключеньи,
Изъ-за пророчества, что буква—Г
Обезнаслѣдитъ племя Эдуарда!..
Но вотъ и онъ: сокройтесь всѣ разсчеты!..
(*Входитъ Кларенсъ со стражей и Бракенбери*).
А! здравствуй, братъ! Что значитъ эта стража
Вокругъ тебя, съ оружіемъ въ рукахъ?

КЛАРЕНСЪ.—Его величество, заботясь сердцемъ
О сохраненіи моемъ, велѣлъ
Ей проводить меня конвоемъ въ Тоуэръ.

ГЛОСТЕРЪ.—За что?

КЛАРЕНСЪ.— За то, что я зовусь—Георгомъ.

ГЛОСТЕРЪ.—Ай-ай, милордъ! Но, ваша-ль въ томъ вина?
Отцовъ сажать въ тюрьмы за имя надо.
Ужъ не задумалъ ли король для васъ
Устроить въ Тоуэрѣ опять крестины?..
Безъ шутокъ, Кларенсъ, можно-ль знать, въ чемъ дѣло?

КЛАРЕНСЪ.—Да, Ричардъ, еслибъ зналъ я; но клянусь
Тебѣ, не знаю: говорятъ, онъ снамъ
И предсказаньямъ вѣритъ, говорятъ,
Вездѣ изъ алфавитовъ букву Г
Вычеркиваетъ, ибо это Г,
По предсказаніямъ, лишить потомства
Его фамилію должно; мое —
Георга имя—букву Г въ началѣ
Имѣетъ; и за-то меня врагомъ
Король возмнилъ... и вотъ какіе вздоры
Составили приказъ—идти мнѣ въ Тоуэръ.

ГЛОСТЕРЪ.—И такъ всегда бываетъ, только баба
Осилитъ человѣка! Не король,
А лэди Грей, жена его, васъ, Кларенсъ,
Несправедливо въ Тоуэръ посылаетъ.
И не она-ль, иль не ханжа-ль смиренный,
Антоній Вудвиль, братъ ея, рѣшили
И лорда Гэстингса забросить въ Тоуэръ,
Откуда тотъ сегодня только выйдетъ?

Не безопасны мы; да, Кларенсъ, мы —
Не безопасны!..
КЛАРЕНСЪ.— Небомъ я клянусь,
Здѣсь никого на полѣ нѣтъ; свободны —
Родня лишь королевы, да гонцы
Отъ короля къ красоткѣ Шоръ. Вы, вѣрно,
Слыхали, какъ ее постыдно-рабски
Просилъ лордъ Гэстингсъ о своей свободѣ!
ГЛОСТЕРЪ.—Покорныя воззванья къ божеству
Вернули волю лорду-камергеру.
Сказать ли? намъ одно осталось средство
Пріобрѣсти любовь монарха,—это
Ужъ разомъ надѣвать ливрею Шоръ
И поступать на службу къ ней скорѣе;
Она, съ каргою старой, королевой —
Теперь въ странѣ сильнѣйшія особы.
БРАКЕНБЕРИ.—Прошу обоихъ васъ мнѣ извинить:
Его величество строжайше всѣмъ
Имѣть бесѣды тайныя съ милордомъ,
Съ кѣмъ онъ ни говорилъ бы,—запретилъ.
ГЛОСТЕРЪ.—Что-жъ, если вамъ угодно, Бракенбери,
Вы можете войти въ бесѣду нашу.
Не объ измѣнѣ рѣчь: мы говоримъ,
Что мудръ король, что королева наша
Немножко хоть стара, за-то добра,
И хороша, и вовсе неревнива;
Мы говоримъ, что у супруги Шоръ —
Вишневый ротикъ, прелесть—ножка, бойкій
Языкъ, и глазъ презоркій; что въ дворянство
Возведены родные королевы...
Ну, что же, сэръ? Ужли все это ложь?..
БРАКЕНБЕРИ.—До этого мнѣ, лордъ, нѣтъ дѣла.
ГЛОСТЕРЪ.— Какъ?
Нѣтъ ничего, что можно-бъ съ мистриссъ Шоръ
Вамъ сдѣлать? Пусть такъ думаютъ другіе,
Одинъ же человѣкъ въ секретѣ держитъ
Безсилье это съ ней...
БРАКЕНБЕРИ.— Кто-жъ онъ, одинъ??..
ГЛОСТЕРЪ.—А мужъ ея, бездѣльникъ?! Донеси
Теперь на насъ...
БРАКЕНБЕРИ.— Простите, ваша свѣтлость,
И кончите вашъ разговоръ съ милордомъ.

Кларенсъ.—Твой долгъ извѣстенъ намъ, и мы внимаемъ
Тебѣ.
Глостеръ.— Мы—королевины рабы!—
Прощайте, братъ, я къ королю спѣшу;
И что-бы вы мнѣ къ нему ни поручили,—
Хотя-бъ назвать сестрою Эдуарда
Вдову,—на все готовъ я, только-бъ вамъ
Вернуть свободу. Болѣе, чѣмъ вы
Предполагаете,—измѣна брата
Убійственна мнѣ.
Кларенсъ.— Знаю!—намъ обоимъ
Она не по сердцу...
Глостеръ.— Но вамъ недолго
Сидѣть въ тюрьмѣ; я васъ освобожу,
Иль сяду самъ туда. Терпѣнье только!
Кларенсъ.—Стерплю! терпѣть мы всѣ должны; прощайте. (*Уходитъ съ Бракенбери и стражей*).
Глостеръ.—Ступай, оттуда не легко вернуться,
Простякъ и глупый Кларенсъ!—Я тебя
Люблю, поэтому скорѣе душу
Твою отправляю въ небо, если этотъ
Подарокъ небо приметъ отъ меня.
Но кто тамъ? А, освобожденный Гэстингсъ!.. (*Входитъ Гэстингсъ*).
Гэстингсъ.—День добрый вамъ, достопочтенный лордъ.
Глостеръ.—И вамъ, лордъ-камергеръ, того-жъ желаю.
Радъ видѣть васъ я снова на свободѣ.
Ну, что, какъ вы сносили заключенье?..
Гэстингсъ.—Терпѣлъ, милордъ, какъ терпитъ всякій узникъ.
Теперь же я спѣшу благодарить
Доставившихъ мнѣ прелесть заточенья.
Глостеръ.—О, да! какъ разъ! и Кларенсъ вамъ поможетъ.
У васъ съ нимъ общія дѣла, его
Враги и васъ такъ злобно сокрушили.
Гэстингсъ.—Бездушные! закабалить орла,
Тогда какъ коршуны на волѣ грабятъ!
Глостеръ.—Что новаго—на воздухѣ?
Гэстингсъ.— Внѣ дома
Не лучше, что и въ самомъ домѣ: слабъ
Король и хворъ, и удрученъ тоской,
И страшно трусятъ за него врачи.
Глостеръ.—Клянусь Петромъ, плохая ваша новость!

Долгонько нашъ король не зналъ діэты
И свыше силъ себя ужъ истощалъ!
Невесело объ этомъ и подумать.
Гдѣ онъ теперь? въ постели?

Гэстингсъ.— Да, въ постели.

Глостеръ.—Иди-жъ, я за тобою вслѣдъ къ нему! (*Гэстингсъ уходитъ*).
Ему не жить, увѣренъ я; Георга-жъ
Онъ, умирая, на небо ушлетъ;
Скорѣе къ Кларенсу—въ немъ подозрѣнье
Воспламенить лукавой клеветой;
И если я не ошибаюсь въ планахъ,
Не жить до-завтра Кларенсу: тогда—
Прими, Господь, и душу Эдуарда,
Меня-жъ оставь стараться въ этомъ мірѣ;
Здѣсь Варвикову дочь возьму я въ жены!...
Но я убилъ ея отца и мужа?!
Что-жъ?.. Дать собой ей мужа и отца
Опять—не значитъ ли ее утѣшить?..
И я исполню это!—Безъ сомнѣнья—
Не изъ любви,—изъ лучшей, важной цѣли...
А цѣли мнѣ достичь лишь этой связью!
Однако-жъ я спѣшу на рынокъ прежде
Коня! Еще и Кларенсъ живъ, и самъ
Король живетъ и правитъ!.. Уберутся,
Тогда считать начнемъ мы барыши.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тамъ же. Другая улица. — Несутъ тѣло короля Генриха Шестаго въ открытомъ гробѣ. Джентльмены съ алебардами охраняютъ его. За ними лэди Анна,— плачущая.

Анна. — Поставьте на-земь вы честную ношу,
Коль въ гробѣ можетъ укрываться честь;
Посѣтовать мнѣ дайте о кончинѣ
Ланкастера безвременно-печальной!
Холодный ликъ святаго короля!
Безкровные останки крови царской!
Поблеклый прахъ Ланкастерова дома!
Да внемлетъ тѣнь твоя рыданьямъ Анны,
Супруги сына твоего,—любимца,
Пронзеннаго одной съ тобой рукою!

Смотри, безпомощнымъ бальзамомъ глазъ
Я орошаю раны—окна смерти...
Проклятіе рукѣ, ихъ отворившей,
Кровь источившей!—О, да разразится
Надъ нимъ, убійцею твоимъ, несчастье
Ужаснѣе всего, что пожелать
Могу я жабамъ, паукамъ, ехиднамъ,
Всѣмъ злобнымъ, пресмыкающимся гадамъ!
И если станетъ онъ отцомъ,—пусть будетъ
Дитя его уродомъ, прежде срока
Рожденнымъ,—видъ котораго, ужасный
И дикій, мать родную испугалъ бы!..
И да наслѣдуетъ его онъ звѣрство!
Когда-жъ возьметъ себѣ жену онъ, пусть
Она несчастнѣй жизнью мужа будетъ,
Чѣмъ я кончиной мужа и твоею!
Теперь идите съ вашей ношей въ Чертзи,
Берите гробъ и, если притомитесь,
Поставьте на-земь, я-жъ своимъ стенаньемъ
Послѣдній долгъ воздамъ святому праху (*Носильщики поднимаютъ тѣло и несутъ его далѣе. Входитъ Глостеръ*).

Глостеръ.—Эй, вы! стой,—на-земь опускайте гробъ!

Анна. — Какой колдунъ косматый сатану
Сюда наслалъ мѣшать святымъ обрядамъ?

Глостеръ.—Спускайте трупъ, бездѣльники! иль Павломъ
Клянусь, я въ трупъ васъ обращу самихъ!

Первый джентльменъ.—Лордъ, пропустите гробъ, посторонитесь.

Глостеръ.—Собака дерзкая! велятъ—такъ стой!
Прочь алебарду отъ груди моей,
Иль, Павломъ я клянусь, за дерзость
Ногами растопчу тебя, бездѣльникъ. (*Носильщики ставятъ гробъ на землю*).

Анна. — Какъ?! вы трепещите? вы испугались?
Нѣтъ,—я винить не смѣю васъ, вы смертны,
А взорамъ смертныхъ демона не вынесть.
Исчезни ты, палачъ ужасный ада!
Ты власть имѣлъ надъ тѣломъ этой жертвы,
Не властенъ ты въ ея душѣ: исчезни!

Глостеръ.—О, праведная, чѣмъ я прогнѣвилъ?

Анна. — Исчезни, ради неба, гнусный демонъ,
Не искушай насъ, богомъ заклинаю!
Ты нашу землю въ адъ преобразилъ

И воплемъ ярости ее наполнилъ!
Когда собой ты въ силахъ любоваться,
Гляди,—вотъ плодъ твоей бездушной бойни.
О! посмотрите, Генриховы раны
Открылися и источаютъ кровь!...
Краснѣй, дрожи, поганый недоносокъ,
Ты эту кровь исторгъ, чуть подошелъ—
Изъ охладѣвшихъ, изъ безкровныхъ жилъ
Чудесный этотъ розлился потокъ...
Творецъ, создавшій чудо, отомсти
За кровь! Земля, упившаяся кровью,
За смерть его отмсти! Убійцу, небо,
Сожги грозой,—земля, разверзни пасть,
И поглоти его, какъ эту кровь,
Имъ истощенную, ты поглощаешь!

Глостеръ.—Законъ Христовъ вы позабыли, лэди,
Законъ—платить за зло благословеньемъ.

Анна. — Не знаешь ты ни божьихъ, ни людскихъ
Законовъ; звѣрь не чуждъ ихъ состраданья.

Глостеръ.—Я—чуждъ его, и потому не звѣрь.

Анна. — О, диво! демонъ истину промолвилъ.

Глостеръ.—Еще чуднѣе,—разсердился ангелъ.
Божественное совершенство Евы,
Позволь мнѣ предъ тобою оправдаться
Въ злодѣйствахъ, возводимыхъ на меня.

Анна. — Несовершенство гнусное Адама,
Позволь мнѣ тутъ же проклинать тебя
За несомнѣнныя твои злодѣйства.

Глостеръ.—Прелестница, красивѣй всѣхъ рѣчей,
Придетъ пора, меня ты оправдаешь!

Анна. — Уродъ, ужаснѣй всѣхъ терзаній сердца,
Повѣсившись—тѣмъ можешь извиниться.

Глостеръ.—Такимъ поступкомъ обвиню себя.

Анна. — За то, отчаявшись, прощенье, извергъ,
Получишь ты, отмстивъ себѣ достойно—
За всѣхъ, тобой убитыхъ неповинно!

Глостеръ.—Клянусь тебѣ, я ихъ не убивалъ!

Анна. — Тогда они и не были-бъ убиты;
Но—нѣтъ ихъ, и виной тому ты,—
Палачъ!

Глостеръ.— Не умерщвлялъ я твоего
Супруга.

Анна.— Значитъ, живъ онъ?
Глостеръ.— Нѣтъ, убитъ.
Но онъ убитъ рукою Эдуарда.
Анна.—Ты лжешь своею гнусной глоткой: твой мечъ
Въ его крови дымился. Маргарита
Свидѣтель въ томъ,—твой мечъ, тобой однажды
И на нее направленный при братьяхъ.
Глостеръ.—Я вызванъ былъ ея же клеветой
И умысломъ—взвалить вину чужую
На плечи мнѣ, невинному ни въ чемъ.
Анна.—Ты вызванъ былъ твоимъ кровавымъ духомъ,
Который грезитъ объ однихъ убійствахъ.
Кто-жъ Генриха убилъ? ты?
Глостеръ.— Я,—согласенъ.
Анна.—Согласенъ, ежъ?—Такъ согласись же, Боже,
Отмстить тебѣ за это злое дѣло!
О! Генрихъ былъ такъ милосердъ, такъ кротокъ!
Глостеръ.—Тѣмъ болѣе пріятенъ онъ для Бога.
Анна.—Онъ—на небѣ, тебѣ же—не бывать тамъ.
Глостеръ.—За нимъ спасибо,—я ему помогъ
Туда попасть. Ему на небѣ—мѣсто.
Анна. Тебѣ же мѣста лучше ада нѣтъ.
Глостеръ.—Ахъ, есть одно, когда-бъ его назвать
Позволили?..
Анна.— Въ острогѣ?
Глостеръ.— Въ вашей спальнѣ!
Анна.—Проклятье дому, гдѣ ты обитаешь
И спишь.
Глостеръ.— Мнѣ не найти покоя въ домѣ,
Гдѣ я, милэди, сплю одинъ, безъ васъ.
Анна.—Надѣюсь!
Глостеръ.— Именно. Но, лэди Анна,
Оставимъ сшибку легкую острот
И спустимся къ чему-нибудь серьезнѣй.
Кто предалъ ранней смерти Эдуарда,
Плантагенетовъ Генриха,—не правда-ль,—
Былъ смерти ихъ причина и свершитель?
Анна.—Ты былъ причиной, ты же и палачъ.
Глостеръ.—Твоя краса одна тому причина!
Она во снѣ меня томитъ и сушитъ,
И цѣлый міръ готовъ я перерѣзать,
За часъ одинъ—пробыть въ твоихъ объятьяхъ!..

Анна.—Будь это все не ложь, клянусь, убійца,
Когтями я красу съ лица сорвала-бъ.
Глостеръ.—Я-бъ не стерпѣлъ ея уничтоженья.
При мнѣ вы ей не сдѣлали-бъ вреда:
Какъ цѣлый міръ живится солнцемъ, такъ
Я ею. Мнѣ она—и день, и жизнь!
Анна.—Да омрачится день твой черной ночью,
Жизнь—смертью.
Глостеръ.— Дивное созданье, ты
Себя клянешь,—вѣдь ты же эти оба.
Анна.—Когда бы такъ, чтобъ отомстить тебѣ.
Глостеръ.—Нѣтъ ничего ненатуральнѣй мести
За то, что любятъ насъ.
Анна.— Нѣтъ ничего
Естественнѣй и справедливѣй мести—
Убійцѣ мужа моего.
Глостеръ.— Тотъ, кто
Лишилъ васъ мужа, сдѣлалъ это съ тѣмъ,
Чтобъ дать вамъ лучшаго, милэди, мужа.
Анна.—На всей землѣ нѣтъ лучшаго другаго.
Глостеръ.—Есть,—тотъ, кто любитъ васъ сильнѣй его.
Анна.—Кто-жъ онъ?
Глостеръ.— Плантагенетъ.
Анна.— Такъ звался мужъ мой.
Глостеръ.—Одно названье,—качества другія.
Анна.—Но гдѣ-жъ онъ?
Глостеръ.— Здѣсь. (*Она плюетъ ему въ лицо*).
За что-жъ плюетесь вы?
Анна.—Желала-бъ я, чтобъ это ядомъ стало!..
Глостеръ.—Изъ сладкихъ устъ не проливался ядъ!
Анна.—И никогда не попадалъ на жабу
Гнуснѣе! Прочь! ты взоръ мой заразишь!
Глостеръ.—Твои глаза—мои ужъ заразили.
Анна.—О, для чего они не василиски!
Глостеръ.—Когда бы такъ, чтобъ умереть мнѣ сразу,
А то они меня живьемъ терзаютъ.
Смотри, мои глаза—соленой влагой
Затмилися, потокомъ дѣтскихъ слезъ
Позоритъ ихъ твой взоръ,—когда ни разу
Тамъ не было слезинки состраданья,—
Ни въ часъ, когда отецъ мой Іоркъ и братъ
Рыдали, воплямъ Рютланда внимая,

Котораго терзалъ свирѣпый Клиффордъ,
Ни въ часъ, когда воинственный отецъ твой
Разсказывалъ о смерти моего
И двадцать разъ крѣпился, какъ дитя,
Рыдая, и у всѣхъ стоявшихъ слезы
Бѣжали по щекамъ, какъ дождь по листьямъ...
И въ этотъ часъ мой взоръ слезы не вѣдалъ!
И то, чего не выжали страданья,
Могла твоя святая прелесть вызвать!
Вѣкъ не молилъ ни друга, ни врага я,
Уста мои не знали сладкой рѣчи;
Но красота твоя мой умъ плѣнила,
И молитъ сердце, и языкъ мой плачетъ. *(Она взглядываетъ на него съ негодованіемъ).*
Не придавай устамъ твоимъ презрѣнья;
Не для него они, для поцѣлуевъ
Сотворены. Когда меня простить
Не въ силахъ ты, — вотъ мечъ, возьми его,
Пронзи имъ, если хочешь, эту грудь,
И любящую душу вырви вонъ!..
Я обнажу ее ударамъ смерти,
О смерти на колѣняхъ я взываю. *(Онъ подставляетъ ей грудь свою; она направляетъ на нее мечъ)*
Не медли же. Я Генриха убилъ,
Но этому краса твоя виною.
Кончай, я Эдуарда умертвилъ,
Но ликъ твой ангельскій тому причиной. *(Она роняетъ мечъ).*
Кого поднимешь, мечъ или меня?

Анна.—Встань, лицемѣръ, твоей я смерти жажду,
Но палачемъ твоимъ быть не желаю.

Глостеръ.—Такъ прикажи, и я убью себя.

Анна.—Я ужъ сказала.

Глостеръ.— Это было въ гнѣвѣ.
Скажи теперь, и въ мигъ рука моя,
Изъ-за любви къ тебѣ твою любовь
Убившая,—убьетъ изъ-за любви же
Любовь еще сильнѣйшую; и въ смерти
Обѣихъ ты виновницею будешь!..

Анна.—Желала-бъ я твое извѣдать сердце.

Глостеръ.—Оно—на языкѣ...

Анна.— Но также лживомъ.

Глостеръ.—Тогда—кто-жъ правъ на свѣтѣ?

Анна.— Хорошо.
Вложи свой мечъ въ ножны.
Глостеръ.— Итакъ скажи,
Вернется-ль мой покой?
Анна.— Узнаешь послѣ.
Глостеръ.—Могу-ль надѣяться?
Анна.— Мы всѣ надеждой
Живемъ.
Глостеръ.— О, такъ прими-жъ, носи хоть это
Кольцо.
Анна.— Взять, лордъ, еще не значитъ дать!. *(Она надѣваетъ кольцо).*
Глостеръ.—Смотри, какъ перстень мой твой палецъ обнялъ,—
Такъ грудь твоя мое объемлетъ сердце;
Носи же оба ихъ,—они твои.
Когда же твой покорный, бѣдный рабъ
Еще одну твою получитъ милость,—
Навѣкъ его упрочено блаженство.
Анна—Что тамъ еще?
Глостеръ.— Оставь исполнить этотъ
Обрядъ тому, кто болѣе причинъ
Имѣетъ сѣтовать,—и удалися въ Кросби.
Похоронивъ торжественно останки
Святаго короля въ оградахъ Чертзи
И гробъ его съ раскаяньемъ оплакавъ,
Туда къ тебѣ—твой рабъ, я поспѣшу.
По многимъ, тайнымъ для тебя причинамъ,
Молю, позволь мнѣ это.
Анна.— Отъ души.
Мнѣ радостно раскаянье такое.
Тресс́ель и Бе́рклей, слѣдуйте за мной.
Глостеръ.—Скажи же мнѣ,—прости.
Анна.— О, тутъ ужъ болѣ,
Чѣмъ ты достоинъ; но, какъ самъ меня
Ты лести выучилъ,—вообрази,
Что я тебѣ прости уже сказала. *(Уходятъ: лэди Анна, Тресселъ и Берклей).*
Глостеръ.—Берите гробъ—и въ путь.
Джентльмены.— Куда же, въ Чертзи?
Глостеръ.—Нѣтъ, къ Бѣлымъ Братьямъ,—ждите тамъ меня. *(Джентльмены съ гробомъ удаляются).*
Ну, кто искалъ любви въ такомъ несчастьи?

Пріобрѣтали-ль женщинъ въ мигъ подобный?..
О, я возьму ее хоть не надолго...
Какъ?! я,—убійца мужа и отца
Ея,—за ней же волочусь,—когда
Изъ устъ ея—проклятья, слезы рвутся
Изъ глазъ,—и я, всего причина, съ ней же;
Когда и Богъ, и совѣсть за нее,
Когда ничто не помогаетъ мнѣ,
За исключеніемъ лести да притворства...
И покорить ее, весь міръ—ничѣмъ?
Или она забыть успѣла мужа,
Прекраснаго и доблестнаго принца,
Котораго три мѣсяца назадъ
При Тьюксбери я ловко такъ убилъ?
Еще во-вѣкъ въ припадкѣ добрыхъ дѣлъ
Природа лучшаго не создавала;
Пространный міръ не видывалъ владыки
Разумнѣй, царственнѣй, отважнѣй;—
И до меня унизилась она!..
До демона, подсѣкшаго весну
Ея любви, печальное вдовство
Ей предназначившаго? До меня,
Который весь частицы Эдуарда
Не стоитъ? До меня, страшилища хромаго!
Все герцогство—противъ полушки грязной
Въ закладъ даю,—я страшно ошибался
Въ своей особѣ: жизнію клянусь,
Она во мнѣ, – чего ужъ мнѣ не видѣть
Никакъ,—красиваго мужчину видитъ...
Займемся-жъ зеркаломъ, пріищемъ
Съ полдюжины портныхъ, нарядъ достойный
Для украшеній нашихъ смастерить:
Съ тѣхъ поръ, какъ я съ собою примиряюсь,
На франтовство поиздержаться можно!..
Упрячемъ же пріятеля въ могилу,
А тамъ въ слезахъ пойдемъ къ голубкѣ нашей!..
Свѣти же, солнце, дай мнѣ на тѣни
Твоей—моей особой любоваться,—
Пока купить я зеркала не вздумалъ!.. *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тамъ же. Комната во дворцѣ. Входятъ: Королева Елисавета, лордъ Риверсъ и лордъ Грей.

Риверсъ.—Терпѣнье, королева: вѣрьте, скоро
Вернутъ его величеству здоровье.
Грей.—Вы безпокоитесь,—ему же хуже;
Утѣшьтесь, ради Бога, ободрите
Его величество веселымъ словомъ.
Елисавета.—Умретъ онъ, что тогда со мною будетъ?
Грей.—Одна печаль—подобная потеря.
Елисавета.—Въ потерѣ этой разомъ всѣ печали
Совмѣщены.
Грей.— Умретъ онъ, небо вамъ
Прекраснаго дало въ утѣху сына.
Елисавета.—Но молодъ онъ, а опекунъ его
До срока—Глостеръ, человѣкъ такой,
Который ни меня, ни васъ не любитъ.
Риверсъ.—А рѣшено-ль, что избранъ будетъ онъ
Въ протекторы?
Елисавета.— Еще не рѣшено;
Но такъ должно случиться, чуть король
Намъ съ вами завѣщаетъ долго жить. *(Входятъ Бокингэмъ и Стэнли).*
Грей.—Вотъ, идутъ лорды Бокингэмъ и Стэнли.
Бокингэмъ.—День добрый нашей славной королевѣ.
Стэнли.—Да возвратитъ Господь вамъ вашу радость!
Елисавета.—Графиня Ричмондъ, Стэнли, врядъ ли скажетъ
Аминь на ваши добрыя моленья.
Но, несмотря на то, что ваша, Стэнли,
Она жена и что меня не любитъ,
Увѣрьтесь, добрый лордъ, васъ ненавидѣть
Не стану я за дерзости супруги.
Стэнли.—Не слушайте, не вѣрьте, васъ молю я,—
Постыдной лжи гонителей ея.
Когда-жъ вамъ донесутъ и правду даже,
Простите слабостямъ ея, повѣрьте,
Не изъ обдуманности злой и хитрой—
Изъ яда немощей онѣ выходятъ!
Елисавета.—Видали-ль нынче короля вы, Стэнли?

Стэнли.—Сію минуту только отъ него
Вернулись мы съ милордомъ Бокингэмомъ.
Елисавета.—Что новаго въ немъ къ лучшему нашли вы?
Бокингэмъ.—Надежду, королева! веселъ былъ
Его величество.
Елисавета.— Богъ да пошлетъ
Ему здоровье! Съ нимъ вы совѣщались?
Бокингэмъ.—Да, королева: примирить желаетъ
Онъ вашихъ братьевъ съ лордомъ-камергеромъ,
А также съ герцогомъ, милордомъ Глостеръ.
За ними онъ уже послать изволилъ.
Елисавета.—Когда-бъ все такъ! но это невозможно.
Предвижу я, погибло наше счастье! (*Входятъ Глостеръ, Гэстингсъ и Дорсетъ*).
Глостеръ.—Неправды ихъ терпѣть я не намѣренъ.
Кто королю доноситъ на меня,
Что я жестокъ, что непріязненъ къ нимъ?
Клянуся, короля не любитъ тотъ,
Кто духъ его волнуетъ этимъ вздоромъ.
Не въ силахъ я сгибаться, льстивой рѣчью
Блистать, на всѣхъ съ улыбкой лицемѣрья
Глядѣть, всѣхъ надувать французскимъ лоскомъ
И обезьянскимъ ханжествомъ, и вотъ
Я непремѣнно закоснѣлый врагъ!..
Уже-ль не можетъ честный человѣкъ
Жить безъ обмана, безъ того, чтобъ правду
Его поступковъ толковали вкось
Коварные и хитрые пройдохи?
Грей.—Къ кому-жъ изъ насъ относитесь вы, герцогъ?
Глостеръ.—Къ тебѣ, неблагодарный и безчестный!
Когда тебя тѣснилъ я, оскорблялъ?
Или тебя?—или тебя?—иль всѣхъ васъ?
Проклятье вамъ! Король,—Богъ да поможетъ
Ему безъ вашихъ пламенныхъ молитвъ,
На вздохъ одинъ покоя не имѣетъ
Изъ-за бестыдныхъ, гнусныхъ вашихъ жалобъ.
Елисавета.—Братъ Глостеръ, вы неправы. Самъ король,
По волѣ царственной своей, чужимъ
Не попускаемый навѣтомъ, васъ
Призвалъ къ себѣ, быть можетъ, разгадавъ
По вашимъ дѣйствіямъ,—нѣмую злобу
Въ васъ на меня, моихъ дѣтей и братьевъ,

И тѣмъ хотѣлъ, раскрывъ ея причину,
По-братски въ васъ совсѣмъ ее изгладить.
Глостеръ.—Нѣтъ силъ смотрѣть! Неузнаваемъ свѣтъ.
Крапивники разбойничаютъ тамъ,
Гдѣ и орлы присѣсть не смѣли. Съ той
Поры, какъ всякій шутъ сталъ джентельменомъ,
Прошло въ шуты немало джентельменовъ.
Елисавета.—Такъ, такъ, все намъ понятно, Глостеръ:
Завиденъ вамъ высокій нашъ удѣлъ!..
Дай Богъ, чтобъ мы во-вѣкъ въ васъ не нуждались.
Глостеръ.—Межъ-тѣмъ, какъ видитъ Богъ,—я въ васъ нуждаюсь.
Мой братъ по вашимъ проискамъ въ темницѣ;
Въ опалѣ самъ я, честное дворянство
Въ пренебреженіи, когда, что день,
То новыя мѣста даются людямъ,
Еще вчера не стоившимъ гроша.
Елисавета.—Клянуся тѣмъ, кто изъ моей же тѣни
Возвелъ меня на высь моихъ стремленій,
Я никогда не возбуждала гнѣва
У короля на Кларенса; напротивъ—
Я за него молила короля!..
Милордъ, вы оскорбляете жестоко
Меня подобнымъ гнуснымъ подозрѣньемъ.
Глостеръ.—Вы можете отречься, что не вы,
Пожалуй, были тайною причиной
И лорда Гэстингса ареста...
Риверсъ.— Можетъ,
Милордъ, затѣмъ что...
Глостеръ.— Очень можетъ, Риверсъ?!
Кто этого не знаетъ? Даже болѣ:
Она могла-бъ чѣмъ отпереться въ этомъ,
Она помочь вамъ можетъ въ возвышеньи,
И тутъ же отопрется въ томъ, что было,
Сложивъ всѣ почести на васъ самихъ.
Чего она не можетъ?! О, все, можетъ...
Да, безъ сомнѣнья, можетъ...
Риверсъ.— Что-жъ такое?
Глостеръ.—Дѣла свои поправить, выйдя замужъ
За короля, красавца холостаго.
Бываетъ хуже—выборъ вашей бабки
Я вамъ напомню кстати.
Елисавета.— Глостеръ, долго

Сносила я и грубые намеки,
И ваши колкости: клянуся небомъ,
Его величество теперь узнаетъ
Все, все, чѣмъ оскорбляли вы меня.
Нѣтъ, лучше быть работницей, крестьянкой
Простой, чѣмъ королевою великой—
Терпѣть насмѣшки, стыдъ и оскорбленья.
Немного радостей мнѣ принесла корона
Британіи!.. (*Въ глубинѣ сцены показывается королева Маргарита*).

Маргарита (*въ сторону*).—Молю тебя, Господь,
И это сбавь ей! Санъ ея, престолъ
И почести—все мнѣ принадлежитъ.

Глостеръ.—Какъ! жалобами королю вы мнѣ
Грозите? Жалуйтесь, и не жалѣйте
Меня: я подтвержу все, что сказалъ,
И королю,—я самъ желаю въ Тоуэръ
Попасть. Настало время! Позабыты
Мои труды!

Маргарита (*въ сторону*).—Нѣтъ, демонъ! слишкомъ ихъ
Я помню: въ Тоуэрѣ тобою Генрихъ,
Мой мужъ, убитъ,—при Тьюксбери-жъ убитъ
Мой бѣдный сынъ, мой Эдуардъ несчастный.

Глостеръ.—Когда еще не звался королемъ
Вашъ мужъ, въ его дѣлахъ великихъ былъ я
Вьючнымъ конемъ, грозой его враговъ,
Ходатаемъ друзей его покорныхъ,
Потомъ, чтобъ кровь его избрать на царство,
Я проливалъ свою.

Маргарита (*въ сторону*).—А сколько лучшей,
Чѣмъ въ васъ обоихъ?..

Глостеръ.— Въ это время вы
И Грей, вашъ мужъ, и Риверсъ съ вами были—
За домъ Ланкастеровъ: что-жъ, развѣ не былъ
Убитъ при Сентъ-Альбанѣ вашъ супругъ?
Когда забыли вы, я покажу вамъ,
Что вы теперь и чѣмъ вы прежде были,—
Чѣмъ я тогда былъ, и что я теперь.

Маргарита (*въ сторону*).—Убійца гнусный. Имъ ты былъ всегда.

Глостеръ.—Несчастный Кларенсъ—тестя позабылъ,
Нарушилъ клятву Варвику! Господь
Да сжалится надъ нимъ!

МАРГАРИТА (*въ сторону*).—Карай, о Боже,
Его за это!
ГЛОСТЕРЪ.— Сталъ за Эдуарда,
Чтобы добыть ему престолъ,—и что-жъ?
За всѣ труды попался въ заточенье.
Ей-ей, желалъ бы я, чтобъ камнемъ сердце
Мое, какъ Эдуардово, терпѣло...
Иль чтобъ мое въ его груди забилось;
Клянусь, я слишкомъ глупъ для этой жизни!
МАРГАРИТА (*въ сторону*).— Ступай-же въ адъ, и нашъ ты свѣтъ оставь,
Негодный демонъ, тамъ престолъ твой!
РИВЕРСЪ.— Лордъ,
Въ печальную эпоху, о которой
Сказали вы, чтобъ выставить врагами
Насъ вашей свѣтлости, мы были вѣрны
Законному владыкѣ,—вѣрны будемъ
И вамъ, едва лишь нашимъ королемъ
Вы станете.
ГЛОСТЕРЪ.— А, если стану?!—Нѣтъ,
Скорѣй разносчикомъ я стану!.. Прочь
Отъ сердца мысль коварная!
ЕЛИСАВЕТА.— Какъ мало
Вы ожидаете себѣ, милордъ,
Отрады въ королевствѣ, такъ же мало
И я, повѣрьте мнѣ, ихъ обрѣла,
Возвысившись до сана королевы.
МАРГАРИТА (*въ сторону*).—Да, мало королева здѣсь отрады
Нашла, затѣмъ, что королева—я,
А я—несчастна такъ. (*Выходитъ*). Внемлите мнѣ,
Пираты дерзкіе,—мою добычу
Вы дѣлите, враждуя такъ! Кто въ силахъ
Изъ васъ взглянуть безъ трепета въ глаза
Мои? Предъ королевой не склоняли
Вы головы, къ чему-жъ теперь, низвергнувъ
Ее, вы—трусы—всѣ такъ раскричались?
Не отворачивайся, честный плутъ!
ГЛОСТЕРЪ.—Колдунья страшная, скорѣй,—въ чемъ дѣло?
МАРГАРИТА.—Я вычислить хочу твои злодѣйства,
И не пущу тебя, пока ихъ всѣ
Тебѣ не выражу.
ГЛОСТЕРЪ.— Но развѣ ты
Не сослана,—подъ страхомъ смертной казни?!

Маргарита.—Я сослана, но смерть,—за ослушанье
Остаться здѣсь,—мнѣ легче му́ки ссылки.
Ты долженъ мнѣ супруга возвратить
И сына,—ты мнѣ задолжала царствомъ!
А всѣ вы—подданствомъ; мои несчастья
По праву вамъ принадлежатъ; наслѣдье-жъ
Всѣхъ вашихъ радостей—мое.
Глостеръ.— Тебя
Проклятьями отецъ мой разгромилъ,
Когда его достойное чело
Бумажной ты короной увѣнчала,—
Когда изъ глазъ его потоки слезъ
Ты выжала сарказмами своими,
И—осушить ихъ—подала тряпицу,
Напитанную Рютландовой кровью;
Проклятья эти изъ души его
Разбитой вырвались тогда,—теперь же
Надъ головой твоей отяготѣли.
Не мы, Господь за зло тебя караетъ!...
Елисавета. Богъ правосуденъ, въ Немъ невинныхъ помощь.
Гэстингсъ.—Ужасно! Какъ? младенца умертвить!
Неслыханное, страшное убійство!
Риверсъ.—Тираны, услыхавъ объ этомъ, станутъ
Рыдать.
Дорзетъ.— Всѣ кару лютую убійцѣ
Пророчили.
Бокингэмъ.— Нортумберлэндъ, при этомъ
Злодѣйствѣ бывшій, плакалъ, какъ ребенокъ.
Маргарита.—Какъ?! Не входила я, вы грызлись всѣ,
Готовые за горла уцѣпиться
Другъ съ другомъ,—и внезапно ваша злоба
Упала на меня?—Уже-ли Іоркъ
Съ своимъ проклятьемъ такъ силенъ предъ небомъ,
Что Генриха, что Эдуарда смерть,
Потеря царства, мрачное изгнанье
Мое,—все—лишь достойное отмщенье
За этого мальчишку? Если такъ,
Сквозь тучи черныя, на небо прямо,
Мои проклятья быстрыя, летите!..
Не на войнѣ,—отъ пресыщенья пусть
Погибнетъ вашъ король, какъ нашъ погибъ
Отъ рукъ убійцы, сдѣлавъ королемъ

Его! А Эдуардъ, твой сынъ, Валлійскій
Принцъ нынѣ, да умретъ, какъ Эдуардъ,
Мой сынъ, и нѣкогда-жъ Валлійскій принцъ—
Погибъ насильственно!.. Ты, королева,
Да изживешь весь блескъ свой за меня,
За королеву бѣдную! Подолѣ
Живи, чтобъ смерть дѣтей тебѣ оплакать;
Чтобъ увидать другую, какъ тебя
Я вижу, въ почестяхъ твоихъ, какъ ты
Въ моихъ, великую! Задолго счастье
Твое пускай окончится—до смерти
Твоей! И послѣ долгихъ, долгихъ скорбей
Умри—ни матерью, ни королевой
Британскою, ни счастливой женой!..
Риверсъ и Дорзетъ, Гэстингсъ,—также вы,—
Вы видѣли, какъ сына моего
Кровавыми мечами затерзали...
Я Господа молю, чтобъ прежде срока,
Чтобъ неожиданно онъ вамъ послалъ
Кончину!..

ГЛОСТЕРЪ.— Старая колдунья, кончи
И ты заклятія!..

МАРГАРИТА.— Забыть тебя?
Нѣтъ, стой, собака,—слушай! Если небо
Имѣетъ про запасъ тебѣ отмщенье
Ужаснѣе, чѣмъ я могла-бъ придумать,
Пусть бережетъ оно его, покуда
Созрѣютъ всѣ твои грѣхи,—тогда
Да разразитъ свое негодованье
Надъ головой губителя невинныхъ...
Пусть совѣсть изгрызетъ тебя, какъ червь!
Страшись предателей, всю жизнь друзей
Подозрѣвай въ измѣнѣ, за враговъ
Считай друзей... Да не смыкаетъ сонъ
Злодѣйскихъ глазъ твоихъ,—пускай глаза
Тебя пугаютъ безобразьемъ адскихъ
Видѣній!—Ты, избранникъ зла, уродъ,
Свинья, взрывающая землю!—Ты,
Рожденіемъ помѣченный въ рабы
Природы, ада сынъ! Ты, клевета
На чрево матери! Исчадье гнусной

Отцовской крови, ты отребье чести!
Ты, ужасъ...
Глостеръ.— Маргарита!
Маргарита.— Ричардъ!
Глостеръ.— Что?
Маргарита.—Я не звала тебя!
Глостеръ.— Простите, лэди,—
Я думалъ, что меня вы окрестили
Всѣмъ этимъ.
Маргарита.— Да—тебя! но не просила
Перебивать меня. Позволь докончить
Мои проклятья!..
Глостеръ.— Я ужъ ихъ покончилъ,
Ихъ завершаетъ имя—Маргариты!
Елисавета.—Такъ ты себя сама же прокляла!..
Маргарита.—Бѣдняга-королева, блескъ пустой
Моихъ богатствъ! Зачѣмъ ты сыплешь сахаръ
На этого тарантула, который
Тебя своей тлетворной паутиной
Такъ путаетъ? Безумная, сама
Ты на себя оттачиваешь ножъ!
Придетъ пора, меня молить ты станешь
Помочь тебѣ проклятьемъ этой гадкой,
Горбатой, страшной жабы.
Гэстингсъ. Замолчи,
Вѣщунья ты пустая, на бѣду
Свою не истощай у насъ терпѣнья!
Маргарита.—Позоръ вамъ! вы мое ужъ истощили!
Риверсъ. Ты не забылась бы, когда-бъ, какъ должно,
Съ тобой мы поступили.
Маргарита.— Еслибъ вы
Со мной, какъ надо, поступали, долга
Вы не забыли-бъ своего: меня
Признали-бъ королевой, а себя
Моими подданными! Поступите-жъ,
Какъ слѣдуетъ, исполните свой долгъ!
Дорзетъ.—Не спорьте съ ней, безумной.
Маргарита.— Господинъ
Маркизъ, потише! вы ужъ слишкомъ дерзки.
Еще недавно санъ вашъ пущенъ въ дѣло.
О, если-бъ ваша молодая знатность
Могла понять, что̀ значитъ потерять

Его, и быть несчастной! Кто высоко
Стоитъ, того скорѣе сдуетъ вѣтеръ,
А упадетъ—въ кусочки расшибется...
Глостеръ.—Полезная замѣтка, не забудьте
Ее, маркизъ!
Дорзетъ.— Она и къ вамъ подходитъ.
Глостеръ.—Подходитъ чудно; только я рожденъ ужъ
Такъ высоко: мы на вершинахъ кедровъ
Вьемъ гнѣзда наши, вѣтрами играемъ,
Надъ солнцемъ издѣваемся...
Маргарита.— И солнце
Собою омрачаете,—увы!
Тому свидѣтель сынъ мой, тѣнью смерти
Теперь объятый; тучи адской злобы
Твоей въ полночь его блестящій день
Навѣки облекли, свое гнѣздо
Въ гнѣздѣ вы нашемъ свили.—Всемогущій!
Ты видишь это, не стерпи-жъ неправды!
Лиши ихъ благъ, которыхъ кровью
Они добились...
Бокингэмъ.— Вспомни же хоть стыдъ,
Когда смиреніе ты позабыла.
Маргарита.—Не требуйте приличій отъ меня.
Не требуйте смиренья. Вы безстыдно
Убили лучшія мои стремленья,
Безчеловѣчны были вы со мной.
Моя любовь—неистовство, вся жизнь
Моя—позоръ,—пускай же въ немъ гремитъ
Гроза моей неукротимой скорби.
Бокингэмъ.—Молчи, молчи...
Маргарита.— Свѣтлѣйшій Бокингэмъ,
Въ знакъ нашей дружбы и союза съ вами,
Я вамъ цѣлую руку: пусть отрада
Сойдетъ на васъ и домъ вашъ! Нашей кровью
Не запятнали вы своей одежды,
Мои проклятья не коснутся васъ!
Бокингэмъ.—И всѣхъ изъ насъ; проклятья упадаютъ
На тѣхъ, кто ихъ безумно расточаетъ!
Маргарита.—Нѣтъ, вѣрю я, они восходятъ къ небу
И пробуждаютъ тамъ Господній міръ...
О, Бокингэмъ! остерегайся этой
Собаки; посмотри, она, ласкаясь,

Кусаетъ! страшною отравой въ раны
Слюна ея вливается; храни
Себя, бѣги его коварной дружбы;
Онъ заклейменъ порокомъ, адомъ, смертью,
Владыки адскіе ему покорны!..

Глостеръ.—Что говоритъ она, Бокингэмъ?

Бокингэмъ.—Пустое, ничего, что-бъ было важно,
Милордъ!

Маргарита. Какъ! такъ и ты за мой достойный
Совѣтъ смѣешься надо мной и льстишь
Тому, въ комъ я тебя остерегала?!
Припомни-жъ это въ день, когда печально
Израните сердце онъ твое, скажи
Тогда: пророчицею Маргарита
Несчастная была! Да будетъ всякъ
Изъ васъ его коварства жертвой, небо
Да разразитъ васъ всѣхъ своей карой! (*Уходитъ*).

Гэстингсъ.—Отъ словъ ея—мой волосъ дыбомъ сталъ!

Риверсъ.—И мой!.. Опасно ей давать свободу!..

Глостеръ.—Я не виню ее: клянуся Богомъ,
Она перенесла не мало горя,—
Каюсь передъ ней въ моихъ обидахъ.

Елисавета.—Я, сколько знаю, передъ ней невинна...

Глостеръ.—Вы пользуетесь благами несчастья
Ея. Творя добро, я слишкомъ пылокъ
Былъ съ тѣмъ, кто хладнокровно такъ меня
Забылъ. Вотъ, Кларенсъ, онъ вознагражденъ
Достойно, въ хлѣвъ несчастнаго загнали,
Да за труды и угощаютъ тамъ;
Богъ да проститъ виновниковъ его
Страданій.

Риверсъ.— Христіанское, святое
Намѣренье—молить за тѣхъ, кто намъ
Враги.

Глостеръ.— Одумавшись, я поступаю
Всегда подобно!.. (*Въ сторону*). Проклиная нынѣ,
Я проклиналъ бы самого себя. (*Входитъ Кэтзби*).

Кэтзби.—Его величество васъ, королева,
Къ себѣ зоветъ; и вашу честь, и васъ,
Милорды.

Елисавета.— Я иду, угодно-ль, лорды,
И вамъ за мною слѣдовать?

Риверсъ.— Мы всѣ —
Идемъ за нашей свѣтлой королевой. (*Всѣ, кромѣ Глостера, уходятъ*).

Глостеръ.—Я дѣлаю злодѣйства и кричу
Самъ противъ нихъ, я на другихъ слагаю
Бѣды, въ которыхъ я одинъ виновникъ.
Передъ глупцами, каковы лордъ Стэнли,
Лордъ Гэстингсъ, Бокингэмъ, я громко плачу
О Кларенсѣ, котораго въ тюрьму
Забросилъ самъ я; увѣряю всѣхъ,
Что братъ поссоренъ съ королемъ друзьями,
Родными королевы. И мнѣ вѣрятъ,
И побуждаютъ мстить Вогэнамъ, Грею;
А я, вздохнувъ, твержу изъ книгъ Завѣта:
Господь велитъ платить за зло добромъ!
Я тѣмъ скрываю умыселъ злодѣйства,
Въ клочкахъ старинныхъ текстовъ представляясь
Святымъ, когда разыгрываю смѣло
Роль дьявола... (*Входятъ двое убійцъ*). А, вотъ и палачи
Мои. Потише!.. Что жъ, друзья мои
Безстрашные, готовы-ль вы на то,
О чемъ я васъ просилъ?

Первый убійца.— Готовы, лордъ.
За пропускомъ однимъ мы къ вамъ явились;
Насъ безъ него къ нему пустить не могутъ.

Глостеръ.—Прекрасно сказано! вотъ пропускъ вашъ.
(*Даетъ полномочный листъ*).
Когда покончите, явитесь въ Кросби!
Но, сэры, будьте быстры въ исполненьи,
Не слушайте его плаксивыхъ просьбъ...
Краснорѣчивъ лукавый Кларенсъ; онъ
Какъ разъ растрогаетъ васъ, только волю
Дадите вы его устамъ медовымъ...

Первый убійца.—Хе-хе! милордъ, рѣчь наша коротка!
Говоруны—дѣльцы плохіе,—будьте
Увѣрены, не языкомъ, руками—
Пойдемъ работать мы.

Глостеръ.— Глаза глупцовъ
Льютъ слезы; ваши-жъ жерновами плачутъ...
Друзья! я вѣрю вамъ! Скорѣй за дѣло!
Въ путь!

Первый убійца.—Не замедлимъ, благородный лордъ. (*Уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Лондонъ. Комната въ Тоуэрѣ (Входятъ: Кларенсъ и Бракенбери).

Бракенбери.—Что такъ, милордъ, сегодня вы печальны?
Кларенсъ.—О! я провелъ убійственную ночь,—
Ночь, полную чудовищныхъ видѣній!
Какъ вѣрный христіанинъ, я клянусь,
Еще такую-жъ ночь я провести
Не согласился бы, хотя бъ она
Могла купить мнѣ міръ блаженныхъ дней!
Такъ страшными видѣніями полно
Казалось время.
Бракенбери.— Что-жъ такое снилось
Вамъ, свѣтлый лордъ? Молю васъ, разскажите!
Кларенсъ.—Мнѣ снилось, что изъ Тоуэра бѣжалъ я
Въ Бургундію на вольномъ кораблѣ...
Въ сообществѣ со мной былъ братъ мой Глостеръ,
И выманилъ меня онъ изъ каюты
На палубу; смотря со мной оттуда
На Англію, припоминая дни
Кровавыхъ войнъ Ланкастера и Іорка,
Бесѣдуя о нихъ, ходили мы
По шаткимъ доскамъ палубы,— и вдругъ
Приснилось мнѣ, что Глостеръ поскользнулся...
Я поддержать его хотѣлъ, но братъ
Упалъ и, падая, столкнулъ меня
За бортъ въ зіяющія бездны моря...
О, Боже! Какъ мучительно казалось
Тонуть! Какой ужасный шумъ въ ушахъ!
Какія страшныя картины смерти
Въ глазахъ! Мнѣ видѣлось, что предо мной
Лежатъ обломки тысячи судовъ,
И тысячи размокшихъ труповъ рыбы
Терзаютъ; слитки золота, каменья
Безцѣнные, брильянты, кучи перловъ,
Желѣзныя трезубья,—все по дну
Морскому колыхалося... Алмазы,
Попавъ въ очницы череповъ, оттуда
Сверкали, издѣваясь надъ глазами,
Тутъ бывшими когда-то,—въ блѣдномъ свѣтѣ

Любезничали съ тиною морскою—
И насмѣхались надъ костьми скелетовъ...
Бракенбери.—И вы могли въ предсмертный мигъ замѣтить
Всѣ тайны этой ненасытной бездны?
Кларенсъ.—Мнѣ грезилось, что все я это видѣлъ;
Душа рвалась изъ тѣла вонъ, но зависть
Воды ее держала, не давая
Ей улетѣть въ воздушныя пространства,
И въ стиснутой груди ее давила,—
Въ груди, которая рвалась изъ силъ
Ее извергнуть въ страшныя пучины.
Бракенбери.—И отъ тоски одной вы не очнулись?
Кларенсъ.—Нѣтъ, сонъ мой длился и за гранью смерти!..
Тутъ поднялась въ душѣ моей тревога.
Мнѣ видѣлось, черезъ потокъ печальный
Я былъ перевезенъ въ предѣлы вѣчной
Полуночи—пловцомъ, у всѣхъ поэтовъ
Воспѣтымъ. Тесть мой, славный Варвикъ, первый
Привѣтствовалъ испуганную душу...
Онъ громко закричалъ: „Какую-жъ пытку
Придумаетъ теперь отчизна ада—
Для Кларенса, за лживую измѣну?“
И такъ исчезъ. За нимъ передо мною
Скользнула тѣнь безплотнаго видѣнья,
Съ окровавленными, какъ свѣтлый лучъ
Блестящими, кудрями; и она
Воскликнула: „Коварный, лживый Кларенсъ,
Измѣнникъ Кларенсъ, въ Тьюксберійскомъ полѣ
Зарѣзавшій меня, пришелъ! Схватите
Его, терзайте, фуріи, убійцу!“
И мнѣ привидѣлось, что цѣлый полкъ
Свирѣпыхъ демоновъ вокругъ меня
Столпился, и надъ самыми ушами
Моими вой, такой безумно-громкій,
Былъ поднятъ, что, дрожа всѣмъ тѣломъ, я
Очнулся,—и надолго послѣ все
Казалось мнѣ, что я въ аду!.. Такъ страшно
Встревоженъ былъ мой умъ видѣньемъ этимъ.
Бракенбери.—Нѣтъ дива, лордъ, что сонъ васъ напугалъ...
Отъ словъ однихъ теперь мнѣ страшно стало.
Кларенсъ.—О, Бракенбери! все, въ чемъ нынѣ совѣсть
Меня терзаетъ, сдѣлалъ я для счастья,

Для блага Эдуарда! Посмотри же,
Какъ онъ меня достойно наградилъ...
О, Боже! если предъ тобой молитвы
Мои безсильны, если за мои
Грѣхи меня ты наказать желаешь,—
На одного меня излей свой гнѣвъ,
Мою жену, моихъ дѣтей невинныхъ
Избавь! Постой еще, мой добрый стражъ,
Изнемогла душа моя, заснуть
Желалъ бы я охотно...

БРАКЕНБЕРИ.— Я останусь
При васъ, милордъ. Богъ да пошлетъ вамъ миръ! —(*Кларенсъ садится на стулъ и засыпаетъ*).
Печаль—и сонъ, и время измѣняетъ,
Творя изъ ночи день, изъ полдня—ночь...
Владыки міра за свое величье
Нѣмыя титла получаютъ, внѣшній
Почетъ за внутреннее бремя, цѣлый
Міръ горестныхъ заботъ за легкій призракъ,
За пылъ мечты!... И что-жъ въ награду имъ
Ниспосылается?—минутный дымъ
Извѣстности, отличія земныя,—
Страданья ихъ незримыя, глухія!.. (*Входятъ двое убійцъ*).

1-й УБІЙЦА.—Эй, кто тутъ есть?

БРАКЕНБЕРИ.—Что тебѣ нужно, негодяй,—и какъ ты вошелъ сюда?

1-й УБІЙЦА.—Мнѣ нужно переговорить съ Кларенсомъ, а вошелъ я сюда—ногами.

БРАКЕНБЕРИ.—Какъ?!... это ужъ очень коротко!..

2-й УБІЙЦА.—Чѣмъ кратче, сэръ, тѣмъ лучше. Что тутъ долго болтать-то? Покажи ему приказъ (*Они подаютъ бумагу Бракенбери, который ее просматриваетъ*).

БРАКЕНБЕРИ.—Мнѣ здѣсь предписываютъ выдать вамъ
Милорда Кларенса. Я не хочу
Судить о томъ, что въ этомъ повелѣньи
Скрывается,—я умываю руки...
Вотъ—герцогъ сонный, вотъ—ключи. А я
Пойду къ его величеству съ докладомъ,
Что герцога, какъ велѣно, я сдалъ.

1-й УБІЙЦА.—Идите, сэръ! Умно вы говорите.
Прощайте... (*Бракенбери уходитъ*).

2-й УБІЙЦА.— Что-жъ? убить его во снѣ?

1-й УБІЙЦА.—Нѣтъ! онъ еще скажетъ, проснувшись, что мы струсили.

2-й убійца.—Когда проснется? Дуракъ! не проснуться ему вплоть до дня страшнаго суда.

1-й убійца.—Въ такомъ случаѣ на страшномъ судѣ онъ скажетъ, что мы убили его соннаго.

2-й убійца.--Слово--страшный судъ--бросило укоръ въ мою совѣсть.

1-й убійца.—Какъ? или ты испугался?

2-й убійца.—Я не трушу убить его, у насъ на то приказаніе; а быть проклятымъ за его убійство—тутъ не защититъ никакой приказъ.

1-й убійца.—Я думалъ, ты рѣшительнѣе.

2-й убійца.—Я и такъ рѣшился оставить ему жизнь.

1-й убійца.—Въ такомъ случаѣ, надо идти къ герцогу Глостеру и сказать ему о томъ.

2-й убійца.—Нѣтъ, прошу, погоди немного. Надѣюсь, это благое намѣреніе во мнѣ еще можетъ измѣниться; оно у меня обыкновенно непродолжительно.

1-й убійца.—Какъ же теперь себя чувствуешь?

2-й убійца.--Поправдѣ, кое-что изъ совѣсти еще шевелится во мнѣ.

1-й убійца.—Припомни нашъ могарычъ, по совершеніи дѣла.

2-й убійца.—Идемъ, онъ погибнетъ! я и забылъ про могарычъ.

1-й убійца.—Гдѣ твоя совѣсть теперь?

2-й убійца.—Въ Глостеровомъ кошелькѣ.

1-й убійца.—Слѣдовательно, если онъ откроетъ свой кошелекъ для уплаты намъ награды, твоя совѣсть улетитъ?

2-й убійца.—Ничего, пусть летитъ; никому она не нужна.

1-й убійца.—А что, если она къ тебѣ вернется?

2-й убійца.—Я не хочу съ нею возиться, это опасная вещь, она дѣлаетъ человѣка трусомъ. Человѣкъ не можетъ украсть, она его винитъ; человѣкъ не можетъ поклясться, она ему перечитъ; человѣкъ не можетъ согрѣшить съ женою ближняго, совѣсть его обличаетъ. Это краснѣющій, стыдливый дьяволенокъ, смущающій душу человѣка и наполняющій его препятствіями. Онъ однажды заставилъ меня возвратить полный золота кошелекъ, найденный на дорогѣ; изъ-за него многіе становятся голышами; его гонятъ изъ городовъ и селъ, какъ опасную тварь. И всякъ, кто хочетъ пожить пріятно, долженъ съ нимъ разстаться и жить безъ него.

1-й убійца.—И теперь онъ предо мною, убѣждая не убивать герцога.

2-й убійца.—Не забывай дьявола, иначе онъ въ тебя вцѣпится.

1-й убійца.—Я стоекъ, онъ не одолѣетъ меня.

2-й убійца.—Сказано ладно; ты, очевидно, уважаешь свою репутацію. Что-жъ, идемъ на работу?

1-й убійца.—Ткни его концомъ твоего меча и потомъ бросимъ его въ бочку съ мальвазіей въ сосѣдней комнатѣ.

2-й убійца.—Отличная мысль! выйдетъ недурная настойка.

1-й убійца.—Тсъ! онъ проснулся.

2-й убійца.—Коли его.

1-й убійца.—Нѣтъ, давай побесѣдуемъ съ нимъ.

Кларенсъ (*просыпаясь*).—Гдѣ моя стража? Дайте мнѣ кружку вина.

1-й убійца.—Будетъ вамъ, милордъ, вдоволь вина.

Кларенсъ.—Ради Бога, кто ты?

1-й убійца.—Человѣкъ, какъ и ты.

Кларенсъ.—Но не царскаго рода.

1-й убійца.—За то честнаго, не въ примѣръ тебѣ.

Кларенсъ.—Твой голосъ—громокъ, но взглядъ твой—ласковъ.

1-й убійца.—Мой голосъ теперь — голосъ короля, взглядъ — свой собственный.

Кларенсъ.—Какъ мраченъ и какъ золъ твой разговоръ!
Твой взоръ грозитъ мнѣ! что такъ блѣдно смотришь?
Кѣмъ присланъ ты? зачѣмъ сюда пришелъ?

Оба убійцы.—Чтобъ, чтобъ...

Кларенсъ.— Чтобы убить меня?

Оба убійцы.— Да, да!

Кларенсъ.—Въ васъ силы нѣтъ мнѣ возвѣстить о томъ,
И потому нѣтъ силы это сдѣлать.
Когда и чѣмъ я васъ, друзья, обидѣлъ?

1-й убійца.—Не насъ обидѣлъ ты, а короля.

Кларенсъ.—Я съ нимъ опять надѣюсь помириться.

1-й убійца.—Нѣтъ, никогда, милордъ; готовься къ смерти.

Кларенсъ.—Уже-ль изъ всей вселенной жребій выпалъ
Вамъ—умертвить невиннаго? Въ чемъ грѣхъ мой?
Въ улику мнѣ какое преступленіе?
Гдѣ судъ, мнѣ объявившій свой вердиктъ?
И гдѣ судья, нахмуренный и грозный,
Изрекшій Кларенсу-бѣднягѣ смерть?
Кто смѣлъ грозить мнѣ смертнымъ приговоромъ,
Коль выше я законнаго суда?
Васъ заклинаю кровію Христа,
Пролитою за наши злыя чувства,
Идите прочь, не налагайте рукъ,
Предпринятое дѣло васъ погубитъ.

1-й убійца.—Что сдѣлаемъ, на то намъ данъ приказъ.

2-й убійца.—А приказалъ то сдѣлать нашъ король.

Кларенсъ.—О, лживый рабъ! Король надъ королями,
Господь въ своихъ скрижаляхъ повелѣлъ—

Не убивать. Ужели ты нарушишь
Его законъ, по волѣ человѣка?
Въ Его десницѣ месть; остерегайся,
Казнитъ Онъ нарушителей завѣта.

2-й УБІЙЦА.—И та же казнь ждетъ нынѣ и тебя
За клятву ложную и за убійство.
Ты, пріобщась, открыто присягнулъ
Въ бояхъ за домъ Ланкастеровъ сражаться.

1-й УБІЙЦА.—И, какъ предатель имени Господня,
Присягу разорвалъ, заклавъ измѣной
Наслѣдника владыки твоего.

2-й УБІЙЦА.—Котораго клялся ты охранять.

1-й УБІЙЦА.—Тебѣ-ль грозить намъ заповѣдью Божьей,
Коль ты ее въ такой нарушилъ мѣрѣ?

КЛАРЕНСЪ.—О! для кого я это зло свершилъ?
Для Эдуарда, брата моего!
Онъ не пошлетъ васъ убивать меня,
Онъ въ этомъ дѣлѣ, какъ и я, преступникъ!
И коль Господь рѣшитъ за то отмстить,
Онъ, знайте, то исполнитъ предо всѣми.
Не отклоняйте-жъ полной силъ десницы,
Онъ чуждъ неправыхъ, беззаконныхъ каръ
Надъ тѣми, кѣмъ Онъ дерзко оскорбленъ.

1-й УБІЙЦА.—Кто-жъ въ палачи кровавые толкнулъ
Тебя, когда смѣльчакъ Плантагенетъ,
Вѣнчанный отпрыскъ, юноша державный,
Безъ жалости тобою былъ убитъ?

КЛАРЕНСЪ.—Расположенье брата, гнѣвъ и дьяволъ...

1-й УБІЙЦА.—Твой братъ, нашъ долгъ и твой поступокъ лживый
Призвали насъ сюда тебя убить.

КЛАРЕНСЪ.—Коль любите вы брата, и меня
Щадите,—я ему родной по крови.
Вы, можетъ быть, подкуплены? идите-жъ,
Васъ отсылаю къ Глостеру. Щедрѣй
Онъ дастъ награду вамъ за жизнь мою,
Чѣмъ Эдуардъ за смерть мою заплатитъ.

2-й УБІЙЦА.—Ты ошибаешься; братъ Глостеръ—врагъ твой.

КЛАРЕНСЪ.—О, нѣтъ, меня онъ любитъ; отъ меня
Къ нему идите.

1-й УБІЙЦА.— Такъ мы и поступимъ.

КЛАРЕНСЪ.—Напомните ему, когда державный
Отецъ нашъ Іоркъ трехъ сыновей своихъ

Благословлялъ побѣдною рукою
И отъ души внушалъ любить другъ друга,
Онъ врядъ-ли думалъ о такомъ разладѣ...
Пусть это вспомнитъ Глостеръ и заплачетъ!

1-й УБІЙЦА.—Каменьями!... какъ насъ училъ онъ плакать!

КЛАРЕНСЪ.—Не обижайте брата, онъ такъ нѣженъ.

1-й УБІЙЦА.—Какъ лѣтомъ снѣгъ; себя ты, другъ, морочишь;
Вѣдь насъ прислалъ онъ умертвить тебя.

КЛАРЕНСЪ.—Не можетъ быть, онъ обо мнѣ тужилъ такъ,
Меня сжималъ въ объятіяхъ и клялся,
Что похлопочетъ о моей свободѣ.

1-й УБІЙЦА.—Онъ такъ и дѣлаетъ, освобождая
Тебя на небо отъ житейскихъ бѣдствій.

2-й УБІЙЦА.—Молись, ты долженъ умереть, милордъ.

КЛАРЕНСЪ.—Ужели ты такъ набоженъ въ душѣ,
Что мнѣ совѣтуешь мириться съ Богомъ,
И самъ въ душѣ твоей такъ ослѣпленъ,
Что хочешь умертвить меня безбожно?
Ахъ, тотъ, друзья, кто васъ сюда въ убійцы
Прислалъ, васъ проклянетъ за это дѣло.

2-й УБІЙЦА.—Какъ быть же намъ?

КЛАРЕНСЪ.— Спасти, смягчившись, души.

2-й УБІЙЦА.—Смягчиться намъ?

1-й УБІЙЦА.— Какъ бабамъ и трусишкамъ?

КЛАРЕНСЪ.—Безжалостны лишь дьяволы, да звѣри.
И кто изъ васъ, будь сынъ онъ короля,
Лишенный воли, какъ и я, несчастный,
Увидя двухъ убійцъ, подобныхъ вамъ,
Не будетъ умолять о благахъ жизни?
Въ твоихъ глазахъ я, другъ, читаю жалость.
О, ежели глаза твои не льстятъ,
Стань ближе здѣсь и за меня проси,
Какъ бы просилъ о собственномъ несчастьи.
Молящій принцъ разжалобитъ и нищихъ.

2-й УБІЙЦА.—Назадъ, милордъ, прошу васъ, оглянитесь.

1-й УБІЙЦА. (*Колетъ Кларенса*).—Вотъ такъ, вотъ эдакъ! если жъ недовольно,
Я окуну въ мальвазію тебя! (*Удаляется съ трупомъ*).

2-й УБІЙЦА.—Кровавое, безумное злодѣйство!
Охотно-бъ, какъ Пилатъ, умылъ я руки
Въ безсовѣстномъ и зломъ убійствѣ этомъ! (*Возвращается 1-й убійца*).

1-й УБІЙЦА.—Ну, что? зачѣмъ стоишь, не помогаешь?
Клянусь, твою узнаетъ герцогъ слабость.
2-й УБІЙЦА.—О, если-бъ онъ узналъ, что я спасъ брата!
Бери на водку и ему скажи:
Я каюсь въ томъ, что герцогъ умерщвленъ. (*Уходитъ*).
1-й УБІЙЦА.—А я не каюсь. Оставайся трусомъ;
Иди. Мы-жъ гдѣ нибудь припрячемъ трупъ,
Пока похоронить прикажетъ герцогъ.
И, чуть свою награду получу,
Отъ этихъ дѣлъ нечистыхъ укачу! (*Уходитъ*).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

(Лондонъ. Комната во дворцѣ. Входятъ: КОРОЛЬ ЭДУАРДЪ, — больной, КОРОЛЕВА ЕЛИСАВЕТА, ДОРЗЕТЪ, РИВЕРСЪ, ГЭСТИНГСЪ, БОКИНГЭМЪ, ГРЕЙ и другіе).

КОРОЛЬ ЭДУАРДЪ.—Вотъ, наконецъ, мнѣ удалось окончить
Благое дѣло.—Пэры, васъ молю,
Храните честь воскресшаго союза;
Я каждый день отъ Спаса моего
Жду вѣстниковъ желаннаго спасенья...
Спокойно духъ мой полетитъ на небо,
Когда друзья мои примирены!
Лордъ Риверсъ и лордъ Гэстингсъ, дайте руки
Другъ другу; не таите черной злобы,
Клянитеся любить другъ друга...
РИВЕРСЪ.— Небомъ
Клянусь, моя душа забыла гнѣвъ, —
И этою рукой скрѣпляю я
Союзъ моей любви святой и дружбы.
ГЭСТИНГСЪ.—Богъ да пошлетъ мнѣ счастье, если нынѣ
Права моя торжественная клятва.
КОРОЛЬ ЭДУАРДЪ.—Смотрите, не шутите передъ вашимъ
Монархомъ, чтобъ могучій Царь царей
Не отомстилъ вамъ за притворство злое
И каждаго изъ васъ не погубилъ
Измѣною другаго...

Гэстингсъ.— Пусть же я
Погибну, если невѣрна любовь,
Въ которой я клянусь теперь.
Риверсъ.— И я
Клянуся—Гэстингса любить всѣмъ сердцемъ.
Король Эдуардъ.—Милэди, вы изъ этихъ заклинаній
Не исключаетесь, ни сынъ вашъ и Дорзетъ, —
Ни вы, лордъ Бокингэмъ; вы всѣ другъ съ другомъ
Вели вражду; жена, лордъ Гэстингсъ ждетъ
Твоей руки,—люби его, и миръ
Да низойдетъ на васъ невозмутимый.
Королева Елисавета.—Вотъ вамъ рука моя: навѣки, Гэстингсъ,
Я ненависть былую забываю
И въ этомъ вамъ клянусь моимъ блаженствомъ.
Король Эдуардъ.—Лордъ Дорзетъ, обойми его; лордъ Гэстингсъ,
Люби маркиза.
Дорзетъ.— Небомъ я клянусь—
Хранить обмѣнъ священной дружбы нашей.
Гэстингсъ.—И я клянусь служить ей всей душой (*Обнимаетъ Дорзета*).
Король Эдуардъ.—Достойный Бокингэмъ, запечатлѣй
И ты союзъ всеобщій, обойми
Родныхъ жены моей, порадуй сердце
Мое—согласіемъ, мнѣ столько милымъ!
Бокингэмъ (*Королевѣ*).—Едва на васъ ослушникъ Бокингэмъ
Осмѣлится возстать, едва лукавой
Любовью онъ обманетъ васъ и вашихъ
Друзей,—Господь да поразитъ его
Коварствомъ тѣхъ, кого любовь дороже
Ему всего!.. И если нуженъ станетъ
Мнѣ другъ, и я вполнѣ ему довѣрюсь,
Пусть онъ меня съ презрѣніемъ покинетъ,
Измѣнитъ мнѣ, продастъ меня врагамъ!..
Такъ небеса да отомстятъ мнѣ, если
Когда-нибудь въ душѣ моей остынетъ
Любовь къ монархинѣ моей и всѣмъ
Ея друзьямъ!..
Король Эдуардъ.— Достойный Бокингэмъ,
Обѣтъ твой моему больному сердцу
Отраднѣйшій бальзамъ!—Но гдѣ же Глостеръ,
Нашъ братъ! Его лишь одного здѣсь нѣтъ,
Чтобъ увѣнчать союзъ нашъ благодатный.
Бокингэмъ.—А вотъ, какъ-разъ, и благородный герцогъ. (*Входитъ Глостеръ*).

Глостеръ.—День добрый королю и вамъ, моя
Монархиня!—Милордамъ-пэрамъ счастья
Желаю всякаго...
Король Эдуардъ.— Мы въ самомъ дѣлѣ
Сегодня счастливы.—Намъ удалось
Исполнить истинно-благое дѣло!
Мы обратили ненависть—въ любовь,
Вражду друзей—мы замѣнили миромъ,
И обнялись, какъ обнимались встарь
По-братски—наши царственные пэры...
Глостеръ.—Да, повелитель, истинно-благое
Вы дѣло сдѣлали... Я самъ,—едва
Въ собраньи этомъ человѣкъ найдется,
Считающій меня своимъ врагомъ
По клеветѣ одной, по подозрѣнью-ль,
Иль, даже, если, въ самомъ дѣлѣ, я
Кому-нибудь—неволею иль волей—
Нанесъ обиду въ бѣшенствѣ моемъ,—
Я самъ желалъ бы примириться съ нимъ
Отъ всей души!.. Вражда мнѣ хуже смерти:
Я не терплю ея!.. Любовь людей—
Одна мое блаженство составляетъ.
И потому васъ первыхъ, королева,
Прошу объ этомъ я, въ залогъ любви
Вамъ обѣщаю вѣчныя услуги...
Васъ, благородный братъ мой, Бокингэмъ,
Прошу о томъ же, если между нами
Была хотя малѣйшая вражда...
И васъ, лордъ Риверсъ, также васъ, лордъ Дорзетъ,—
Мы безъ причины съ вами враждовали.
Васъ, Вудвиль, васъ, лордъ Скэльзъ, васъ, графы, лорды,
Васъ, герцоги и джентльмены,—всѣхъ
Я васъ прошу!.. Нѣтъ человѣка въ цѣлой
Британіи, къ которому-бъ я болѣ
Питалъ вражды, чѣмъ, напримѣръ, къ ребенку,
Который этой ночью родился...
Благодарю, благодарю, о Боже,
Тебя за даръ смиренья моего...
Королева Елисавета.—Днемъ празднества да будетъ намъ отнынѣ
День этотъ! Съ нимъ да кончится раздоръ
Въ семьѣ монаршей!—Государь, позволь

Тебя просить о милости достойной,—
Отдай намъ Кларенса, прости его...

ГЛОСТЕРЪ.—Какъ, королева? Я любовь и дружбу
Вамъ предлагалъ затѣмъ, чтобъ надо мной
Вы издѣвались—здѣсь, предъ королемъ?
Скажите, кто-жъ не вѣдаетъ, что герцогъ
Скончался?—Трупъ его такой насмѣшкой
Безбожно оскорблять!.. (*Всѣ изумляются*).

КОРОЛЬ ЭДУАРДЪ.— Какъ?.. Кто не знаетъ,
Что умеръ онъ?... Но кто-жъ, скажите, знаетъ
О томъ, что онъ скончался?..

КОРОЛЕВА ЕЛИСАВЕТА.— Небеса
Всевидящія! гдѣ же нашъ покой?!..

БОКИНГЭМЪ.—Лордъ Дорзетъ, неужель я также блѣденъ,
Какъ всѣ здѣсь?

ДОРЗЕТЪ.— Да, милордъ, здѣсь нѣтъ лица,
Съ котораго-бъ румянецъ не сбѣжалъ!..

КОРОЛЬ ЭДУАРДЪ.—Какъ? умеръ Кларенсъ? Но вѣдь повелѣнье
Мое я отмѣнилъ!..

ГЛОСТЕРЪ.— Бѣдняга умеръ
По первому приказу короля,—
Его къ нему съ Меркуріемъ крылатымъ
Послали... Со вторымъ же, вѣроятно,
Какой-нибудь калѣка потащился,—
Отсталъ немножко, и попалъ какъ разъ
На погребеніе!.. Дай Богъ, чтобъ люди,—
Настолько благородные и къ вамъ
По крови близкіе,—не по кровавой
Душѣ,—дай Богъ, чтобъ эти люди худшей
Не заслужили участи, чѣмъ Кларенсъ...
И чтобъ напрасно не касалось ихъ
Нѣмое подозрѣнье!.. (*Входитъ Стэнли*).

СТЭНЛИ.— Государь,
Молю тебя о милости за службу
Мою!

КОРОЛЬ ЭДУАРДЪ.—Молчи, прошу тебя: душа
Моя полна мученій!

СТЭНЛИ.— Я не встану,
Пока меня не захотите вы
Услышать.

КОРОЛЬ ЭДУАРДЪ.—Говори-жъ скорѣе, въ чемъ
Твое прошенье?

Стэнли.— Государь, молю
Тебя—простить, избавить моего
Слугу отъ казни: онъ убилъ сегодня
За дерзость джентльмена одного
Изъ сильной свиты герцога Норфолька.
Король Эдуардъ.—Языкъ мой осудилъ на гибель брата —
И рядомъ съ нимъ помилуетъ раба?
Мой братъ убійцей не былъ, мысль его
Одна виновна,—и мой братъ казненъ!
Просили-ль за него меня? Склоняли-ль
Колѣни предо мной, съ мольбой за жизнь
Несчастнаго, когда я бѣсновался?
Кто говорилъ о братской мнѣ любви?
Кто мнѣ припомнилъ, что бѣднякъ отрекся
Отъ Варвика и сталъ въ мои ряды?..
Кто мнѣ напомнилъ, какъ при Тьюксбери,
Когда Оксфордъ низвергъ меня на землю, —
Онъ спасъ меня, воскликнувъ: „вѣрный братъ,
„Живи и царствуй!..“ Кто напомнилъ мнѣ
О томъ, какъ онъ,—когда, до смерти мы
Иззябшіе, лежали средь пустыни, —
Меня своей одеждою окуталъ
И самъ, нагой, на холодѣ дрожалъ?..
Скотская месть изъ памяти моей
Безчувственно изгладила все это.
И ни одинъ изъ васъ мнѣ не напомнилъ
О томъ!—Вашъ конюхъ, вашъ послѣдній рабъ—
Свершилъ убійство гнусное,—святое
Подобье Бога погубилъ,—и вы
У ногъ моихъ взываете: „прощенье,
„Прощенье, государь!..“ И я обязанъ,
Кривя душой, исполнить вашу просьбу!
За брата-жъ моего никто и слова
Не вымолвилъ, ни я, неблагодарный,
Ни вы спасти не вздумали его...
Надменнѣйшимъ изъ васъ—при бѣдной жизни
Онъ помогалъ,—и что же? кто за жизнь
Его теперь просилъ?.. О, Боже правый,
Ты отомстишь за это имъ и мнѣ,
Друзьямъ моимъ и ихъ друзьямъ коварнымъ!
Пойдемте, Гэстингсъ, помогите мнѣ
Дойти въ мой кабинетъ. О, бѣдный, бѣдный,

Несчастный Кларенсъ!.. (*Уходятъ*: *Король*, *Королева*, *Гэстингсъ*, *Риверсъ*, *Дорсетъ* и *Грей*).

Глостеръ.— Вотъ вамъ и плоды
Поспѣшности!—Замѣтили-ль вы, лордъ,
Какъ поблѣднѣли вдругъ, при громкой вѣсти
О смерти Кларенса, родные нашей
Великой королевы?.. День и ночь
Они ожесточали короля! —
Но Богъ накажетъ ихъ!.. Пойдемте, лорды,
Утѣшимъ Эдуарда.

Бокингэмъ.— Свѣтлый лордъ,
Вы правы;—мы за вами всѣ идемъ! (*Уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Лондонъ (Входятъ: герцогиня Іоркъ съ сыномъ и дочерью Кларенса).

Сынъ.—Скажите, бабушка, уже-ль скончался
Нашъ папенька?

Герцогиня.— О! нѣтъ, дитя мое...

Дочь.—Зачѣмъ же такъ вы плачете и бьете
Такъ часто въ грудь себя, взывая: „Кларенсъ!
Несчастный сынъ мой!“

Сынъ.— Отчего всегда
Вы головой качаете, едва
На насъ глядите вы, и сиротами,
Изгнанниками насъ зовете,—если
Отецъ нашъ живъ?

Герцогиня.— Вы спутали совсѣмъ
Меня! Повѣрьте, немощь короля
Заставила меня рыдать; опасность
Одна разстаться съ нимъ меня печалитъ,
А не кончина вашего отца...
Напрасна скорбь о томъ, что безъ возврата
Утрачено...

Сынъ.— Итакъ,—онъ, значитъ, умеръ?!.
Король, мой дядя, виноватъ во всемъ, —
И Богъ его накажетъ,—и молить
Его о томъ я буду день и ночь!

Дочь.—И я.

Герцогиня.—Постойте, дѣти, перестаньте!

Король васъ любитъ, вы еще покуда
Такъ кротки и невинны, что рѣшить,
Кто былъ убійцей вашего отца,
Вамъ не подъ-силу.

Сынъ.— Бабушка, убійцу
Я отыщу! Мнѣ добрый дядя Глостеръ
Сказалъ, что королева королю
Совѣтовала папеньку въ темницу
Забросить; и когда мнѣ говорилъ
Объ этомъ дяденька, онъ такъ рыдалъ,
Молился обо мнѣ и цѣловалъ
Мои глаза, и жалобно просилъ
Меня—надѣяться, какъ на отца
Втораго, на него!.. и увѣрялъ,
Что онъ меня, какъ сына своего,
Какъ первенца, любить и нѣжить будетъ!..

Герцогиня.—И хитрость можетъ принимать такую
Волшебную наружность, прикрывать
Свое коварство добродушной маской!?
Онъ кровь моя, мой сынъ,—и мой позоръ!..
Но эту злобу онъ не изъ моей
Несчастной груди высосалъ.

Сынъ.— Такъ дядя,
По-вашему, лжетъ, бабушка?

Герцогиня.— Да, сынъ мой!

Сынъ.—Не можетъ быть!.. Но, слушай! что за шумъ? (*Выходитъ королева Елисавета, внѣ себя отъ отчаянья. За нею слѣдуютъ Риверсъ и Дорзетъ.*)

Королева Елисавета.—О! кто теперь осмѣлится сказать,
Чтобъ не рыдала я, чтобъ не стонала,
Чтобъ участи своей не проклинала?..
Да, я сольюсь съ отчаяньемъ своимъ,
Сама себѣ врагомъ теперь я буду!

Герцогиня.—На что, скажи, идетъ вся эта сцена?

Королева Елисавета.—На цѣлый актъ трагическаго горя: —
Мой лордъ, твой сынъ, король нашъ Эдуардъ
Скончался!—Для чего же вѣтви живы,
Когда нѣтъ корня болѣ? Почему
Не вянутъ листья жалкіе, безъ соку?
Хотите жить,—рыдайте! Умереть
Хотите,—поскорѣе умирайте!
Чтобъ быстрокрылыя, земныя души

Могли съ душой монарха снова слиться
И, какъ ея покорные рабы,—
Въ другое царство, въ царство вѣчной ночи—
За нимъ путемъ воздушнымъ полетѣли!..

Герцогиня.—Ахъ, и моя есть доля въ вашей скорби!
Она равна моимъ былымъ правамъ
На мужа вашего, моя сестра!
Оплакавъ смерть любимаго супруга,
Я созерцаніемъ его подобій
Жила. И вотъ, два зеркала его
Вѣнчанныхъ образовъ—ехидной смертью
Разбиты въ дребезги... Въ утѣху мнѣ
Теперь осталося одно—кривое,
И нѣтъ покоя мнѣ, затѣмъ, что въ немъ я
И день, и ночь позоръ свой созерцаю...
Вы, слабая вдова, но вмѣстѣ вы—
И мать: вамъ утѣшенье—ваши дѣти.
А смерть, сгубивъ супруга моего,
Изъ рукъ моихъ и костыли мои
Исторгла: Кларенса и Эдуарда!
О, ваша скорбь—лишь половина скорби
Моей, и вашъ безумно-громкій плачъ
Я заглушу стенаньями моими!..

Сынъ.—Ты, тетенька, не плакала о смерти
Бѣдняжки папеньки, и мы теперь
Тебѣ слезою нашей не поможемъ!

Дочь.—О сиротствѣ ты нашемъ не жалѣла,
И мы вдовства и горя твоего
Жалѣть не станемъ!...

Королева Елисавета.— Не въ рыданьяхъ помощь
Нужна мнѣ нынѣ. Я не такъ безплодна,
Чтобъ не могла въ избыткѣ ихъ родить...
Всѣ рѣки мнѣ въ глаза воды нашлютъ,
И я, живя подъ мѣсяцемъ дождливымъ,
Могу весь міръ залить потокомъ слезъ,
Слезъ о моемъ безцѣнномъ Эдуардѣ,
О мужѣ бѣдномъ!

Дѣти.— Объ отцѣ несчастномъ,
О Кларенсѣ, о нашемъ утѣшеньи.

Герцогиня.—О нихъ обоихъ! Эдуардъ и Кларенсъ—
Мнѣ оба дѣти!

Королева Елисавета.— Кто безъ Эдуарда
Мнѣ помогалъ? и я его лишилась!
Дѣти.—Кто, кромѣ Кларенса, намъ помогалъ?
И мы его лишились!
Герцогиня.— Кто безъ нихъ
Мнѣ былъ опорой? И я ихъ лишилась!
Королева Елисавета.—Вдова была-ль когда несчастна такъ?
Дѣти.—Вѣкъ сироты такъ много не теряли!
Герцогиня.—И никогда ужаснѣйшаго горя
Не знала мать.—Я мать всѣхъ этихъ скорбей.
Ихъ горе частное, моя-жъ судьба—
Всѣхъ ихъ касается!—Она о мужѣ
Рыдаетъ, я о немъ же убиваюсь.
О Кларенсѣ я плачу, но она
О немъ уже не плачетъ. Эти дѣти
О Кларенсѣ рыдаютъ,—и я съ ними;
Объ Эдуардѣ плачу я,—они
Молчатъ!.. Такъ выплачьте же ваши слезы
О мнѣ, несчастной, троекратнымъ горемъ.
Я выкормила вашу грусть и снова
Вскормлю ее рыданіемъ моимъ!
Дорзетъ.—Утѣшьтесь, матушка, Господь не терпитъ
Роптанія на промыселъ небесный;
И въ мірѣ жизни ропотный возвратъ
Займа тому, кто насъ радушно имъ
Ссудилъ,—неблагодарностью зовется...
Тѣмъ болѣе неблагодаренъ ропотъ
На Господа за то, что онъ назадъ
Потребовалъ Свой царственный заемъ,
Которымъ насъ ссудилъ Онъ такъ охотно.
Риверсъ.—Опомнитесь, милэди! вы такъ нѣжно
Заботитесь о принцѣ, вашемъ сынѣ.
Скорѣй за нимъ пошлите,—и его
Немедля коронуйте. Въ немъ вся ваша
Награда.—Схороните-жъ эту скорбь
Въ гробѣ Эдуарда мертваго, и радость
Свою на тронъ живаго возводите!..
(*Входятъ: Глостеръ, Бокингэмъ, Стэнли, Гэстингсъ, Ратклифъ и другіе*).
Глостеръ.—Сестра, утѣшься; всѣ мы здѣсь имѣемъ
Причину плакать—о затмѣньи нашей
Звѣзды. Но не помогъ еще никто

Рыданьемъ скорби нашей... Ахъ! простите!
Васъ, матушка, я не замѣтилъ здѣсь...
Смиренно, на колѣняхъ васъ молю я
О вашемъ праведномъ благословеньи...

Герцогиня.—Господь тебя да осѣнитъ и въ грудь
Твою да поселитъ—любовь, покорность,
Смиренье кроткое и вѣрность долгу!

Глостеръ.—И да пошлетъ мнѣ смерть въ преклонныхъ лѣтахъ,
Аминь! (*Въ сторону*). Таковъ конецъ благословеній
Всѣхъ матерей, а между тѣмъ ея
Высочество объ этомъ и забыла!..

Бокингэмъ.—Печальные и горестные принцы,
Печальные и горестные пэры,—
Одно несчастье убиваетъ насъ;
Утѣшимъ же взаимною любовью
Другъ друга. Нашу жатву смерть
Монарха уничтожила, но въ сынѣ
Его другая жатва созрѣваетъ...
Чувствительный и острый переломъ
Враждующихъ сердецъ, еще недавно
Соединенный, связанный и плотью
Покрывшійся, теперь мы всѣ должны
Щадить, беречь и зарощать незримо!..
По моему, сейчасъ, безъ замедленья,
Должны мы молодаго короля
Изъ Людлова въ его столичный Лондонъ
Перевезти, со свитой небольшой,
И здѣсь его короновать на царство...

Риверсъ.—Зачѣмъ же съ небольшою только свитой,
Лордъ Бокингэмъ?

Бокингэмъ.— Затѣмъ, милордъ, чтобъ шумомъ
Процессіи не растравить вражды,
Недавно такъ залѣченной; а это
Опаснѣй тѣмъ, что зелены еще
И не устроены законы наши:
Что каждый конь возжами правитъ здѣсь,
Бѣжитъ туда, куда ему угодно...
Я думаю, что устранить должны мы
Со зломъ и самую возможность зла!

Глостеръ.—Но вѣдь король насъ примирилъ!.. Не знаю,
Какъ вы,—а я мирился отъ души —
И навсегда...

Риверсъ.— Какъ я,—какъ всѣ, надѣюсь!
Но все-таки союзъ нашъ очень юнъ,
И подвергать его—хотя-бъ возможной
Опасности разрыва—не должно...
А при большомъ конвоѣ онъ возможенъ!
Поэтому, согласно съ благороднымъ
Милордомъ Бокингэмомъ, предложить
И я осмѣлюсь вамъ,—послать немногихъ
За принцемъ...

Гэстингсъ.— Это и мое рѣшенье!

Глостеръ.—И я согласенъ, если вы согласны.
Пойдемте же, назначимъ—кто изъ насъ
За королемъ поѣхать долженъ въ Людловъ?
Милэди,—королева,—я надѣюсь,
Вы не откажетесь въ подобномъ важномъ
Рѣшеніи свое намъ мнѣнье дать. *(Всѣ уходятъ, кромѣ Бокингэма и Глостера).*

Бокингэмъ.—Лордъ... Кто-бъ теперь за принцемъ ни поѣхалъ,
Молю васъ, не сидите дома; я
Дорогою отъ принца удалю
Надменныхъ родственниковъ королевы!

Глостеръ.—Мое второе *Я*, престолъ моихъ
Совѣтовъ, мой судья и мой оракулъ!
Любезный братъ, я, какъ дитя, пойду
Подъ вашимъ руководствомъ къ цѣли! Да,
Мы не останемся здѣсь!.. Въ Людловъ, въ Людловъ! (*Уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тамъ же. Улица. Два гражданина встрѣчаются.

Первый гражданинъ.—Здорово, другъ сосѣдъ! Куда спѣшишь такъ?

Второй гражданинъ.—А право, я и самъ не знаю... Слышалъ
Ты новость?

Первый гражданинъ.—О кончинѣ короля?..
Да, слышалъ.

Второй гражданинъ.—Богоматерью клянусь,
Плохая новость!—Радостныя вѣсти
И безъ того до насъ доходятъ рѣдко...
О-охъ! Боюсь, какъ разъ теперь вверхъ дномъ
Пойдетъ нашъ свѣтъ. (*Входитъ третій гражданинъ*).

Третій гражданинъ.— Богъ въ помощь вамъ, сосѣди!
Первый гражданинъ.—Спасибо! Добраго вамъ утра, сэръ!
Третій гражданинъ.—Что, подтвердилась новость о кончинѣ
Внезапной Эдуарда?
Второй гражданинъ.— Нѣтъ сомнѣнья
Ужъ болѣе! Господь, спаси насъ бѣдныхъ!
Третій гражданинъ.—Да, сэры, быть великимъ смутамъ!
Первый гражданинъ.—Какъ такъ?—Вѣдь Божьей милостью на тронъ
Сынъ короля взойдетъ!..
Третій гражданинъ.— Несчастье царству,
Въ которомъ править слабое дитя!
Второй гражданинъ.—На нашего надѣяться мы можемъ!
Въ немъ цвѣтъ престола нашего!.. Пока
Онъ малъ,—въ рукахъ достойнаго совѣта
Бразды правленья будутъ,—а когда
Онъ подростетъ и наберется силой,—
Самъ онъ возьметъ свой скипетръ золотой
И управлять на славу нами станетъ!!..
Первый гражданинъ.—Да, тронъ въ такомъ же положеньи былъ,
Когда короною, въ Парижѣ, Генрихъ
Шестой вѣнчался на родное царство...
Онъ девяти былъ мѣсяцевъ тогда.
Третій гражданинъ.—Въ такомъ же положеньи? Нѣтъ, друзья,—
Господь свидѣтель,—наше царство было
Тогда богато славными мужами,
Совѣтниками королей,—и дяди
Могучіе вкругъ юнаго орла
Могучею фалангою стояли!—
Первый гражданинъ.—Что-жъ, и у этого довольно дядей
По матери и по отцу его...
Третій гражданинъ.—Ужъ лучше, если-бъ по отцѣ всѣ были,
Иль не было ни одного по немъ.
Соперничествомъ въ томъ, кому быть ближе
Изъ всѣхъ ихъ къ королю, они и насъ
Задѣнутъ, если не спасетъ насъ Богъ.
О, герцогъ Глостеръ полонъ страшныхъ козней;
А сыновья и братья королевы
Высокомѣрны и горды; да, если-бъ
Имъ не владѣть, а быть самимъ подъ властью—
Нашъ бѣдный и больной и слабый край
Увидѣлъ бы опять свое блаженство.

Первый гражданинъ.—Ну, перестаньте, вамъ все въ черномъ видѣ
Является: все будетъ хорошо! —
Третій гражданинъ.—Когда ползутъ на небо тучи,—умный
Скорѣе надѣваетъ плащъ. Зима
Близка, когда большіе листья падать
Начнутъ; а закатилось солнце,—всякій
Ждетъ сумрака... Безвременныя бури
Дороговизну предвѣщаютъ... Впрочемъ,
Все будетъ хорошо,—но ужъ тогда
Господь къ намъ милостивъ гораздо болѣ,
Чѣмъ сто́имъ мы и чѣмъ я ожидаю.
Второй гражданинъ.—Да точно,—всѣ умы полны боязни;
И съ кѣмъ бы вы ни стали разсуждать,
Его лицо ужъ покрываетъ грусть,
И весь онъ дышетъ чернымъ опасеньемъ.
Третій гражданинъ.—Предъ смутами всегда бываетъ такъ!
Божественнымъ инстинктомъ человѣкъ
Разгадываетъ близкую опасность...
Такъ волны моря, передъ лютой бурей,
Какъ оживленныя, встаютъ надъ бездной —
Безъ вѣтра, сами... Но все это Богу
Оставимъ, граждане!—Куда вы?
Второй гражданинъ.— Насъ
Къ судьѣ обоихъ звали.
Третій гражданинъ.— И меня.
Въ дорогу-жъ, добрые друзья, въ дорогу. (*Уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тамъ же. Комната во дворцѣ. Входятъ: Архіепископъ Іоркскій, малолѣтній Герцогъ Іоркскій, Королева Елисавета и Герцогиня Іоркская.

Архіепископъ.—Прошедшей ночью,—слышалъ я,—они
Въ Стратфордѣ были, въ Норсгэмптонѣ нынѣ
Имъ ночевать, а завтра на зарѣ,—
Иль ужъ навѣрно послѣ-завтра,—здѣсь,
Межъ нами быть имъ.
Герцогиня.— Ото всей души
Мнѣ видѣть принца хочется. Съ тѣхъ поръ, какъ
Я видѣла его въ послѣдній разъ,
За это время онъ, конечно, выросъ.

Королева Елисавета.— Нѣтъ,
Мой Іоркъ его замѣтно переросъ,
Какъ говорили мнѣ!
Іоркъ.— А я совсѣмъ бы
Не пожелалъ такой завидной доли...
Герцогиня.—Какъ такъ, мой милый? Ростъ всегда хорошъ...
Іоркъ.—Да вотъ какъ, бабушка: однажды ночью,
За ужиномъ, мой дядя Риверсъ мнѣ
Сказалъ, что я перерастаю брата,—
А дядя Глостеръ и замѣтилъ намъ:
„Хорошая трава невысока,
„Дурная-жъ тянется всегда высоко“.—
Съ тѣхъ поръ и не желаю я расти...
Роскошный цвѣтъ ростетъ едва замѣтно,
А скоро выростаютъ лишь дурные,
Да хворые и слабые цвѣты!..
Герцогиня.—Однако-жъ, эта поговорка вовсе
На томъ, кто высказалъ ее тебѣ,
Не оправдалася: онъ въ дѣтствѣ былъ
Такъ малъ и росъ такъ медленно, такъ туго,
Что, будь права пословица его,
Онъ былъ бы украшеніемъ людей...
Архіепископъ.—Онъ, герцогиня, добръ и безъ того!
Герцогиня.—Быть можетъ,—но, какъ мать, я васъ прошу
На этотъ разъ позволить мнѣ немножко
Поусомниться...
Іоркъ.— Да! и если-бъ я
Тогда подумалъ хоть немного,—дядѣ
Сказалъ получше бы о бѣдномъ ростѣ
Его, чѣмъ о моемъ сказалъ онъ.
Герцогиня.— Что-жъ,
Мой милый Іоркъ, сказалъ бы ты ему?
Іоркъ.—Всѣ говорятъ, что дядя росъ такъ скоро,
Что ровно черезъ два часа съ рожденья
Легко могъ корки грызть,—а у меня
Мой первый зубъ явился черезъ два
Лишь года!.. Бабушка, вѣдь это будетъ
Повеселѣй и поострѣй!
Герцогиня.— Скажи,
Мой свѣтлый Іоркъ, кто разсказалъ тебѣ
Объ этомъ?

Іоркъ.— Я не помню.—Да! его
Кормилица...
Герцогиня.— Кормилица? Возможно-ль!
Она скончалась прежде твоего
Рожденья.
Іоркъ.— Ну, такъ значитъ не она,
И я не знаю, кто мнѣ разсказалъ.
Королева Елисавета.—Болтунъ, пошелъ!! Ты что-то слишкомъ дерзокъ!
Архіепископъ.—Монархиня, простите,—онъ ребенокъ...
Королева Елисавета.—Милордъ, ушей не лишены и стѣны! (*Входитъ гонецъ*).
Архіепископъ.—Вотъ и гонецъ: что̀ новаго?
Гонецъ.— Милордъ,
Такія новости, что тяжело
И говорить.
Королева Елисавета.—Что принцъ!?..
Гонецъ.— Здоровъ и веселъ,
Монархиня...
Герцогиня.— Такъ говори-жъ, въ чемъ дѣло?
Гонецъ.—Лордъ Риверсъ и лордъ Грей, а съ ними сэръ
Томасъ Вогэнъ, подъ сильной стражей въ Помфретъ
Отправлены.
Герцогиня.— Кто-жъ ихъ арестовалъ?
Гонецъ.—Лордъ Бокингэмъ и сильный герцогъ Глостеръ.
Королева Елисавета.—За что?
Гонецъ.— Я разсказалъ вамъ все, что знаю,
Но какъ и по какой причинѣ ихъ
Арестовали, королева, это—
Мнѣ не повѣдано.
Королева Елисавета.—О! горе, горе...
Я вижу гибель всей моей семьи.
Бездушный тигръ поймалъ бѣдняжку лань.
Неистовое самовластье вздулось
Надъ беззащитнымъ англійскимъ престоломъ:
Здорово-жъ, злобное опустошенье,
Кровь и убійства! Вижу, вижу васъ...
Какъ на живой картинѣ—предо мной
Конецъ всего—непризванный выходитъ!
Герцогиня.—Проклятое и гибельное время
Междоусобій,—сколько черныхъ дней
Надъ головой моею разразилось!
Мой мужъ погибъ, сражаясь за вѣнецъ;

Мои сыны—то шумно возвышались,
То падали,—и я то наслаждалась
При ихъ побѣдахъ, то надъ горемъ ихъ
Терзалася... И вотъ, вполнѣ побѣда
Вѣнчала ихъ, враги ихъ разбѣжались...
Что-жъ вышло?—Бой открылся между ними,
Межъ побѣдителями; братъ на брата
И кровь на кровь возстали!.. О! безумство
Неистовое, брось свою хандру
Проклятую,—иль умертви меня,
Чтобъ не видать мнѣ смерти близкихъ мнѣ!

Королева Елисавета.—Пойдемъ! пойдемъ! мой сынъ!.. Скорѣе въ церковь
Укроемся!.. Прощайте, герцогиня.

Герцогиня.—Постойте! и меня съ собой возьмите.

Королева Елисавета.—Вамъ не-зачѣмъ! Вы можете остаться...

Архіепископъ.—Да, королева, поспѣшите!—Всѣ
Свои сокровища, все достоянье
Свое берите также за собой...
А я передаю вамъ отъ себя
Печать, мнѣ ввѣренную... И дай Богъ
Мнѣ счастія такого же, какъ вамъ
Я отъ души желаю! Въ путь, идемте...
Я проведу васъ въ храмъ! Идемте съ Богомъ! (*Всѣ уходятъ*).

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Лондонъ. Улица. Звучатъ трубы. (Входятъ: Принцъ Валлійскій, Глостеръ, Бокингэмъ, Борчеръ и другіе).

Бокингэмъ.—Привѣтствую васъ, принцъ, въ палатѣ вашей,—
Въ великомъ Лондонѣ.

Глостеръ.— Племянникъ милый,
Властитель думъ моихъ, привѣтъ душевный
Вамъ отъ меня! Не отъ дороги-ль трудной
Вы такъ печальны?

Принцъ.— Нѣтъ, не отъ дороги,

Любезный дядя,—отъ досадныхъ смутъ,
Которыя нашъ путь такимъ несчастнымъ
И непріятнымъ сдѣлали: я ждалъ,
Что здѣсь меня еще другіе дяди
Привѣтствовать сойдутся.

Глостеръ.— Свѣтлый принцъ,
Безгрѣшная правдивость вашихъ лѣтъ
Мѣшаетъ вамъ проникнуть въ козни міра!
Понятна вамъ одна лишь внѣшность наша,
Которая,—свидѣтель Богъ,—почти
Всега противорѣчитъ нашимъ мыслямъ.
Опасны были вамъ всегда тѣ дяди,
Которыхъ здѣсь вы не нашли... Вамъ сладки
Казались рѣчи ихъ, но ядъ сердецъ
Своихъ они отъ васъ лукаво скрыли!
Да сохранитъ васъ Богъ отъ этихъ дядей
И ото всѣхъ друзей коварныхъ!..

Принцъ.— Богъ
Да сохранитъ меня отъ ложной дружбы.
Но ложны-ль были дяди, я не знаю...

Глостеръ.—Милордъ, мэръ Лондона спѣшитъ сюда
Поздравить васъ съ избраніемъ... (*Входитъ лордъ-мэръ со свитой*).

Мэръ.— Всевышній
Да ниспошлетъ вамъ счастье и здоровье,
Нашъ молодой монархъ!

Принцъ. Благодарю
Васъ, добрый лордъ; благодарю и васъ всѣхъ! (*Мэръ удаляется со свитой*).
Я полагалъ, что матушка и братъ,
Принцъ Іоркъ, меня еще въ дорогѣ встрѣтятъ;
Но—какъ же медлитъ этотъ скучный Гэстингсъ!
Какъ не узнать, пріѣдутъ ли они?
(*Входитъ Гэстингсъ*).

Бокингэмъ.—Да вотъ и Гэстингсъ! какъ усталъ, и весь
Въ поту!
Здорово, лордъ! Что-жъ, скоро будутъ
Сюда мой братъ и мать моя?

Гэстингсъ.— Богъ вѣсть,
Что за причина, только братъ вашъ Іоркъ
И королева удалились въ храмъ.
Принцъ думалъ къ вамъ со мною вмѣстѣ ѣхать,—

Но королева силой удержала
Его...

Бокингэмъ.—Какой безумный и упрямый
Капризъ!—Лордъ Борчеръ, не угодно-ль вамъ
Представить убѣжденья королевѣ,
Чтобы она сейчасъ же принца Іорка
Сюда, къ его властительному брату,
Отправила!—Когда-жъ она, лордъ Гэстингсъ,
Не согласится, вы пойдете съ нимъ,
И силой изъ ея ревнивыхъ рукъ
Возьмите герцога!..

Борчеръ.— Лордъ Бокингэмъ,
Пусть только не измѣнитъ мнѣ языкъ,—
Я вымолю у матери вамъ принца,
И вы увидите его; но если-жъ
Она не тронется моей мольбой,—
Избави Богъ меня нарушить святость
Ея убѣжища! За царство міра —
Не соглашусь дѣлить я этотъ грѣхъ!

Бокингэмъ.—Вы мелочны, милордъ, и суевѣрны;
Вамъ самый безтолковый подтвердитъ,
Что, принца захвативъ, не прегрѣшите;
Убѣжище даютъ тому охотно,
Кто борется за сохраненье жизни.
Принцъ ни о чемъ не плачетъ, не вздыхаетъ,
А потому не ищетъ онъ и скрыться.
Вы, взявъ его, не оскорбите тѣмъ
Ни привилегій, ни уставовъ храма.
Я слышалъ часто о правахъ людей,
Но никогда о хартіяхъ дѣтей!

Борчеръ.—Милордъ, меня вполнѣ вы убѣдили.
Идемъ. Лордъ Гэстингсъ, вы со мной?

Гэстингсъ.— Идемте.

Принцъ.—Идите, лорды добрые, спѣшите. (*Кардиналъ и Гэстингсъ уходятъ*).
Скажите, дядя Глостеръ,—если братъ мой
Пріѣдетъ, гдѣ мы съ нимъ должны пристать
До коронаціи?

Глостеръ.— Повсюду, лордъ,
Гдѣ вашему величеству угодно
Лишь будетъ.—Впрочемъ, я бы далъ совѣтъ вамъ—
Хоть на день или на два завернуть

Въ спокойный Тоуэръ; послѣ же, пожалуй, —
Гдѣ вы найдете болѣе пріятнымъ
И болѣе полезнымъ для здоровья.

Принцъ.—Противенъ мнѣ вашъ Тоуэръ; хуже всѣхъ
Другихъ мнѣ мѣстъ онъ.—Справедливо-ль, впрочемъ,
Что выстроилъ его Великій Цезарь?

Глостеръ.—Онъ, государь, лишь началъ строить Тоуэръ;
Докаччивало дальнее потомство.

Принцъ.—И это все по лѣтописямъ видно,
Или преданія изъ вѣка въ вѣкъ
Перенесли такую вѣсть?

Бокингэмъ.— Милордъ,
Лишь по преданьямъ.

Принцъ.— Но, положимъ, дядя,
Что это бы и не было въ столбцы
Пергамента записано,—не правда-ль,
Что истина должна изъ вѣка въ вѣкъ,
Изъ устъ въ уста идти и безъ того,—
Идти до дня *послѣдняго суда?..*

Глостеръ (*въ сторону*). — Разумникъ скороспѣлый, говорятъ,
Недолговѣченъ, впрочемъ!..

Принцъ.— Что̀ вы, дядя,
Сказали?..

Глостеръ.— Лордъ, я говорю, что слава
И безъ скрижалей долговѣчна. (*Въ сторону*). Вотъ—
И я, какъ Зло въ старинныхъ представленьяхъ,
Плету двусмысленныя остроты.

Принцъ.—Великій человѣкъ былъ Цезарь! То,
Что̀ доблести его уму внушали,
Умъ завѣщалъ потомству въ письменахъ,
И доблести его въ безсмертной жизни
Явились... Смерть его не побѣдила...
И умеръ онъ,—но духъ его живетъ! —
Лордъ Бокингэмъ, я что̀-то вамъ сказать
Хочу.

Бокингэмъ.—Что́ скажешь, принцъ?

Принцъ.— А вотъ что́: если
Я доживу до той поры, что мужемъ
Ужъ назовусь, я возвращу отчизнѣ
Завоеванья нашихъ королей—
Во Франціи... Иль на войнѣ солдатомъ
Паду, какъ жилъ на тронѣ королемъ!

Глостеръ (*въ сторону*). Несвоевременный приходъ весны,
Жаровъ и жизни—убавляетъ лѣто... (*Входятъ: Іоркъ, Гэстингсъ и Кардиналъ*).
Бокингэмъ.—А вотъ, какъ разъ, и герцогъ Іоркъ!
Принцъ.— Привѣтъ вамъ,
Любезный братъ нашъ, Ричардъ Іоркскій! Какъ
Вы поживаете?
Іоркъ.— Благодарю,
Мой августѣйшій повелитель!—Такъ ли
Теперь я долженъ называть тебя?
Принцъ (*Горестно*).—Да, братъ, и къ твоему, и къ моему
Несчастью!—Такъ еще недавно умеръ
Тотъ, кто бы могъ еще носить такое
Святое имя! Это имя много
Утратило величья своего
Со смерти короля!
Глостеръ.— Какъ поживаетъ
Племянникъ нашъ, достойный герцогъ Іоркъ?
Іоркъ.—Благодарю, любезный дядя... Да!!
Милордъ,—вы какъ-то говорили мнѣ,
Что быстро выростаетъ лишь дурная
Трава: смотрите же, какъ переросъ
Меня свѣтлѣйшій принцъ, мой братъ...
Глостеръ.— Да, лордъ,
И въ самомъ дѣлѣ!
Принцъ.— Значитъ, братъ твой—зелье
Плохое?
Глостеръ.— Нѣтъ, кузенъ мой, не скажу.
Іоркъ.—Такъ вы насъ любите любовью разной?
Глостеръ.—Онъ мнѣ король, я подданный ему;
А вы—родной намъ близкій.
Іоркъ.— Такъ прошу васъ,
Любезный дядя, дать мнѣ свой кинжалъ.
Глостеръ.—Кинжалъ мой? Отъ души, племянникъ милый.
Принцъ.—Ты, братецъ, просишь, точно нищій.
Іоркъ.— Да,—
Прошу у дяди: онъ мнѣ не откажетъ.
Притомъ—не жаль отдать такой бездѣлки
Кому угодно.
Глостеръ.— Дорогому принцу
Я никогда-бъ не отказалъ и въ большемъ...

Іоркъ.—И въ большемъ? Значитъ, вы мнѣ подарите
И мечъ еще?
Глостеръ.— Да, дорогой племянникъ,
Когда-бъ онъ былъ поменьше.
Іоркъ.— О! я вижу
Теперь, вы щедры лишь на небольшіе
Подарки: попроси же васъ бѣднякъ
О чемъ-нибудь побольше, вы ему
Сейчасъ откажете.
Глостеръ.— Мой мечъ тяжелъ
Вамъ будетъ.
Іоркъ.— Ничего, я слажу съ нимъ,
Будь онъ еще тяжелѣ.
Глостеръ.— Какъ? Малютка
Милордъ мое оружіе носить
Хотѣлъ бы?
Іоркъ.— Да, мнѣ очень бы хотѣлось
Вамъ отплатить, любезный дядя, тѣмъ же,
Чѣмъ вы меня сейчасъ назвали!
Глостеръ.— Какъ же,
Чѣмъ?
Іоркъ.— Маленькимъ!..
Принцъ.— Лордъ Іоркъ всегда до вздору
Дойдетъ въ своихъ словахъ... Но добрый дядя
Всегда умѣлъ переносить пустыя
Его обиды!
Іоркъ.— Вы сказать хотѣли—
Носить, а не переносить меня...
Братъ надо мной, да и надъ вами, дядя,
Смѣется; я не больше обезьяны,—
И на плечахъ вамъ не снести меня.
Бокингэмъ.—Какъ мѣтко и остро хитрецъ насъ шутитъ:
Какъ ловко и наивно онъ смѣется
Самъ надъ собой,—чтобы смягчить свои
Нападки на роднаго дядю!.. Чудно!
Такъ молодъ и ужъ такъ хитеръ.
Глостеръ.— Милордъ,
Угодно-ль вамъ идти въ дорогу далѣ?
А между тѣмъ, мы съ братомъ Бокингэмомъ
Къ родительницѣ вашей поспѣшимъ
И убѣдимъ ее явиться вслѣдъ
За вами въ Тоуэръ съ должнымъ поздравленьемъ.

Іоркъ.—Какъ, лорды, вы идете въ Тоуэръ?
Принцъ.— Лордъ
Протекторъ приказалъ намъ это, онъ
Желаетъ такъ...
Іоркъ.— Я въ Тоуэрѣ едва-ль
Спокойно буду спать!
Глостеръ.— Что это значитъ?
Чего бояться вамъ, милордъ?
Іоркъ.— Чего?
Кровавой тѣни Кларенса!—Вѣдь дядя
Былъ въ Тоуэрѣ убитъ?... Такъ говорила
Мнѣ бабушка!
Принцъ.— Я мертвыхъ дядей вовсе
Бояться не умѣю.
Глостеръ.— И живыхъ—
Надѣюсь?
Принцъ.— О! пока они еще
Не умерли, мнѣ нечего бояться!—
Однако-жъ, лордъ, идемте!—Вспоминая
О нихъ,—съ печалью и съ тоской въ душѣ,—
Я неохотно отправляюсь въ Тоуэръ. (*Уходятъ: Принцъ, Іоркъ, Гэстингсъ, Кардиналъ, свита и другіе*).
Бокингэмъ.—Какъ, лордъ, вы думаете, эти всѣ
Насмѣшки маленькаго болтуна—
Не наущенья матери его
Лукавой и мятежной?..
Глостеръ.— Безъ сомнѣнья!
О! это преопасный мальчикъ: смѣлъ,
Хитеръ, уменъ и гордъ,—и весь
Въ родную матушку—отъ головы
До пятокъ!
Бокингэмъ.— Хорошо!.. Оставимъ ихъ!.. (*Входитъ Кэтзби*).
Приблизься, вѣрный Кэтзби. Ты клялся намъ
Исполнить все, что̀-бъ мы ни замышляли,
Клялся хранить въ глубокой тайнѣ все,
Что̀-бъ мы тебѣ ни сообщили.—Ты
Дорогою узналъ уже не мало
Изъ нашихъ плановъ!—Какъ ты полагаешь,
Легко-ль на нашу сторону склонить
Вильяма Гэстингса въ великомъ дѣлѣ
Коронованья этого милорда
Вѣнцомъ Британіи, отчизны нашей?

Кэтзби.—Нѣтъ, изъ любви къ покойному монарху,
Не согласится онъ обидѣть сына
Его!
Бокингэмъ.—А что ты думаешь о Стэнли?
Не покорится-ль этотъ намъ?
Кэтзби.— Ни въ чемъ
Отъ Гэстингса онъ не отстанетъ.
Бокингэмъ.— Ну,—
Такъ вотъ что, добрый Кэтзби, ты ступай
Къ Вильяму Гэстингсу и передай
Ему, что онъ на-завтра долженъ въ Тоуэръ
Явиться на совѣтъ объ исполненьи
Вѣнчанія;—и тутъ, издалека,
Узнай, какихъ лордъ Гэстингсъ будетъ мыслей
Касательно задуманнаго нами
Намѣренья? И если ты замѣтишь,
Что онъ расположенъ къ намъ,—ободри
Его, повѣрь ему всѣ наши планы;
Когда-жъ онъ будетъ молчаливъ и мраченъ,
И холоденъ, и весь въ негодованье
Придетъ,—и ты ему потворствуй! Сбавь
Горячности своей, незримо кончи
Свой разговоръ и поскорѣй увѣдомь
Насъ о его расположеньи. Завтра
Еще другой совѣтъ составимъ мы:
А въ немъ и ты себѣ отыщешь дѣло.
Глостеръ.—Напомни Гэстингсу, любезный Кэтзби,
Что завтра, въ Помфретѣ,—опасной кучкѣ
Его враговъ беззубыхъ пустятъ кровь...
Пускай, дружокъ, на радости отъ этихъ
Вѣстей,—одинъ хоть лишній поцѣлуй
Дастъ мистриссъ Шоръ!
Бокингэмъ.— Надѣюсь, добрый Кэтзби,
Что порученья наши ты исполнишь
Со всею вѣрностью...
Кэтзби.— Со всею, лорды!—
Глостеръ.—Увидимъ ли тебя мы, Кэтзби, прежде,
Чѣмъ ляжемъ спать?..
Кэтзби.— Увидите, надѣюсь!
Глостеръ.—Итакъ—иди, ты въ Кросби насъ найдешь. (*Кэтзби уходитъ*).
Бокингэмъ.—Что-жъ, лордъ, мы станемъ дѣлать, если Гэстингсъ
Откажетъ намъ?

Глостеръ.— Мы голову ему
Сорвемъ!.. На всякій случай, вѣроятно,
Ужъ что-нибудь да станемъ дѣлать!—слушай:
Когда я буду королемъ, твое—
Герфордское блистательное графство
И все имѣнье движимое брата
Покойника!..
Бокингэмъ.— Я, лордъ, тогда сошлюсь
На ваше слово.
Глостеръ.—Да, и я сдержу
Его тебѣ, какъ другу моему!..
Пойдемъ, поужинаемъ поскорѣй,
Заранѣе, чтобъ было время намъ—
Переварить получше наши планы!—*(Уходятъ).*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Передъ домомъ лорда Гэстингса. Входитъ гонецъ.

Гонецъ. (*Стучитъ въ дверь*).—Милордъ, милордъ!
Гэстингсъ *(за сценой).*— Кто тамъ стучится,—эй?..
Гонецъ.—Посолъ отъ Стэнли.
Гэстингсъ.— А который часъ?
Гонецъ.—Четыре скоро станетъ бить. *(Входитъ Гэстингсъ).*
Гэстингсъ.— Навѣрно—
Лордъ Стэнли твой безсонницей страдаетъ?
Гонецъ.—Да, по тому судя, что мнѣ сказать
Поручено вамъ,—кажется, что такъ...
Во-первыхъ, онъ вамъ кланяется, лордъ!
Гэстингсъ.—Потомъ?
Гонецъ.— Потомъ велѣлъ вамъ сообщить,
Что въ нынѣшнюю ночь ему приснился
Кабанъ, и будто этотъ звѣрь съ него
Сорвалъ шишакъ; потомъ онъ говоритъ,
Что завтра соберутся два совѣта,
И что въ одномъ изъ нихъ рѣшиться можетъ
То, что въ другомъ надѣлаетъ заботъ
Вамъ и ему. Поэтому онъ мнѣ
Велѣлъ узнать, угодно-ль будетъ вашей
Свѣтлѣйшей милости, немедля, съ нимъ
Садиться на коней и, сколько можно

Быстрѣй, летѣть на сѣверъ и спасаться
Отъ бѣдъ, которыя предвидитъ онъ.
Гэстингсъ.—Иди, дружище, воротись къ милорду,
Скажи ему, чтобъ онъ не опасался
Двойнаго совѣщанья: на одномъ
Изъ нихъ мы будемъ оба, на другомъ же
Мой другъ, лордъ Кэтзби, непремѣнно будетъ;
И все, что-бъ на послѣднемъ противъ насъ
Ни порѣшили, тотчасъ намъ объявятъ.
Скажи ему, что страхъ его напрасенъ;
А что касается до сна, то я
Не надивлюся просто,—какъ въ такой
Онъ степени и простъ, и безразсуденъ,
Что вѣритъ шалостямъ своихъ же грёзъ!
Бѣжать отъ кабана, когда кабанъ
Еще не гонится за нами, значитъ—
Заставить броситься его за нами
И показать ему добычу тамъ,
Гдѣ онъ ее и видѣть не съумѣлъ бы!
Иди же къ господину твоему
И попроси его ко мнѣ; мы вмѣстѣ
Поѣдемъ въ Тоуэръ, и милордъ увидитъ,
Какъ тамъ его воинственный кабанъ
Насъ ласково и безобидно встрѣтитъ!
Гонецъ.—Лордъ, обо всемъ ему я передамъ. (*Уходитъ. Входитъ Кэтзби*).
Кэтзби.—День добрый, благородный лордъ!
Гэстингсъ.— А, Кэтзби,
Мое почтеніе: вы нынче рано
Вспорхнули! Ну, что̀ новаго у насъ,—
У насъ, въ несчастномъ государствѣ нашемъ?
Кэтзби.—И въ самомъ дѣлѣ, лордъ, въ немъ какъ-то все
Мятется и идетъ внѣ колеи.
Я думаю, что этому до той
Поры не перестать, пока вѣнецъ
На Ричардѣ не заблеститъ и земли
Регалій не войдутъ въ его доходы.
Гэстингсъ.—Вѣнецъ правленія? Корона?
Кэтзби.— Да,
Мой добрый лордъ.
Гэстингсъ.— Пусть голову мою
Снесутъ мнѣ прежде, чѣмъ увижу я
Такое страшное перемѣщенье

Короны! Неужель и въ самомъ дѣлѣ,
По-вашему, онъ мѣтитъ на нее?
Кэтзби.—Да, нѣтъ сомнѣнья. Онъ и васъ склонить
Надѣется на сторону свою:
И потому просилъ меня сказать вамъ,
Что нынче-жъ ваши кровные враги,
Родные королевы,—всѣ погибнутъ
Близъ Помфрета...
Гэстингсъ.— О! Ужъ, конечно, я
Не огорчусь извѣстіемъ подобнымъ,
Они всегда со мною враждовали!
Но, чтобъ за Ричарда мой голосъ дать
Рѣшился я,—чтобъ согласился тронъ
Отнять у сына моего монарха,—
Нѣтъ,—никогда! Свидѣтель Богъ, хоть жизни
Лишусь!
Кэтзби.— Дай Богъ, чтобъ вы всегда, милордъ,
Такихъ достойныхъ мыслей были!
Гэстингсъ.— Но—
И черезъ годъ я радоваться буду,—
Что видѣлъ смерть моихъ враговъ лукавыхъ...
Они меня поссорили съ моимъ
Монархомъ.—Да, любезный Кэтзби, прежде
Чѣмъ я двумя недѣлями еще
Состарѣюсь,—я положу отправить
Еще-кого нибудь изъ нихъ,—они
Объ этомъ и не думаютъ!..
Кэтзби.— Однако-жъ,
Милордъ,—прескверно умереть, когда
О смерти и не думаешь!
Гэстингсъ.— Да, гадко!
И такъ падутъ Вогэнъ, и Грей, и Риверсъ,—
И нѣсколько еще другихъ; межъ тѣмъ,
Они себя въ опасности нисколько
И не считаютъ, точно ты да я,—
Къ которымъ, какъ всему извѣстно свѣту,
Такъ благосклонны—и свѣтлѣйшій Ричардъ,
И другъ его,—достойный Бокингэмъ.
Кэтзби.—Они васъ оба ставятъ такъ высоко...
(*Въ сторону*). Что вашей головѣ, милордъ, какъ разъ
Стоять на мостовомъ столбу!
Гэстингсъ.— О, да,—

Я знаю самъ, что я достоинъ этой
Почетной дружбы! (*Входитъ Стэнли*).
А, здорово, лордъ!
Что-жъ безъ рогатины вы,—кабана
Боитеся,—а ходите одни,
Безъ всякаго оружія?

Стэнли.— Милорды,
День добрый вамъ!--Не смѣйтесь надо мной,
Клянусь крестомъ Спасителя,—совсѣмъ
Не по душѣ мнѣ двойственный совѣтъ вашъ.

Гестингсъ.—Милордъ, я дорожу не меньше васъ
Своею жизнью; и прибавлю вамъ,
Что никогда еще она мнѣ столько,
Какъ нынче, не казалася безцѣнна.
И неужель, когда бы въ безопасность
Свою не вѣрилъ я,—такъ безмятежно-бъ
Болталъ я съ вами?..

Стенли.— Помфретскіе лорды
Изъ Лондона спокойно выѣзжали
И вѣрили въ святую безопасность
Свою,—и въ самомъ дѣлѣ никакой
Причины не имѣли опасаться.
Однако-жъ, вамъ извѣстно, какъ нежданно
Затмился день ихъ?—Страшно я боюсь
Ударовъ этой безпощадной мести!..
Дай Богъ, чтобъ я остался только трусомъ!
Что-жъ, въ Тоуэръ, лорды, мы идемъ?.. Ужъ день
Давно на небѣ.

Гэстингсъ.— Полно, успокойтесь.
Извѣстно-ль вамъ, милордъ, что нынче будутъ
Казнить тѣхъ самыхъ лордовъ, о которыхъ
Вы только-что припоминали?..

Стэнли.— Да,
По вѣрности и чести ихъ, скорѣй—
Имъ можно-бъ было головы носить,
Чѣмъ нѣкоторымъ изъ судей ихъ шляпы.
Идемте-жъ, лордъ (*Входитъ Разсыльный*).

Гэстингсъ.— Ступайте вы впередъ;
А я вотъ съ этимъ перемолвить долженъ.
(*Стэнли и Кэтзби уходятъ*).
Ну что, дружище, какъ твои дѣла?

Разсыльный.—Идутъ чудесно,—если ваша свѣтлость
Меня своимъ уже почтили словомъ...
Гэстингсъ.—Скажу тебѣ, что и мои дѣлишки
Поправились завидно съ той поры,
Какъ мы съ тобою здѣсь же повстрѣчались:
Тогда я шелъ подъ стражей въ грозный Тоуэръ,
Благодаря стараніямъ друзей
И родственниковъ королевы; нынче-жъ,—
Храни лишь это въ тайнѣ,—нынче день
Кровавой казни всѣхъ моихъ враговъ...
Да, лучше, нежели когда-нибудь,
Теперь моя капризная судьба.
Разсыльный.—Дай Богъ, чтобъ все по вашему желанью
Свершилося!
Гэстингсъ.— Спасибо, вѣрный другъ! *(Бросая ему кошелекъ).*
Вотъ, выпей за мое здоровье!
Разсыльный.— Лордъ,
Благодарю васъ *(Уходитъ. Входитъ Патеръ).*
Патеръ.— Дорогая встрѣча,
Милордъ!—Отрадно вашу честь мнѣ видѣть!
Гэстингсъ.—Благодарю васъ отъ души, любезный
Сэръ Джонъ! Я передъ вами все еще
Въ долгу за вашу вѣрную услугу...
Въ субботу слѣдующую ко мнѣ
Зайдите,—я свой долгъ вамъ заплачу!
Патеръ.—Свѣтлѣйшій лордъ, я буду ожидать *(Входитъ Бокингэмъ).*
Бокингэмъ.—О чемъ вы это говорите здѣсь
Съ духовникомъ своимъ, лордъ камергеръ?
Въ немъ болѣе нуждаются друзья
Милорда,—Помфретскіе арестанты,
А вашей чести исповѣдь пока
Еще надолго ненужна.
Гэстингсъ.— Конечно!
Я встрѣтился съ духовникомъ, и мысль
Невольная о нашихъ заключенныхъ
Пришла мнѣ въ голову. Скажите, герцогъ,
Вы въ Тоуэръ отправитесь?
Бокингэмъ.— Да, лордъ;
Но я туда—на самый малый срокъ,
И прежде васъ оттуда возвращусь.
Гэстингсъ.—Быть можетъ, потому что я обѣдать
Останусь тамъ.

Бокингэмъ *(въ сторону)*.—И ужинать! Но этого еще
Не знаешь ты.—Итакъ, милордъ, идемте.
Гэстингсъ.—Идемте, я готовъ, свѣтлѣйшій герцогъ! (*Уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Помфретъ. Передъ замкомъ (Ратклифъ со стражею ведетъ на казнь Риверса, Грея и Вогэна).

Ратклифъ.—Ведите плѣнниковъ!
Риверсъ.— Сэръ Ричардъ Ратклифъ,—
Сегодня ты увидишь, какъ за вѣрность,
За честь свою и за святой свой долгъ—
Погибнетъ подданный!...
Грей.— Всевышній принца
Да сохранитъ отъ вашей братьи! Всѣ
Вы заклятые кровопійцы...
Вогэнъ.— Будетъ
Пора,—и вы начнете горевать,
Что жизнь васъ не покинула!..
Ратклифъ.— Спѣшите,—
Уже давно границы вашей жизни
Положены.
Риверсъ.— О, Помфретъ, Помфретъ! Ты—
Кровавая и страшная темница
Для благородныхъ пэровъ!... Подъ твоимъ
Преступнымъ сводомъ былъ изрубленъ Ричардъ
Второй,—и мы своей невинной кровью
Тебя забрызжемъ, чтобъ въ-конецъ усилить
Позоръ твоей отверженной судьбы.
Грей.—Свершаются проклятья Маргариты,
Ея желанья Гэстингсу, и мнѣ,
И вамъ, милордъ: мы видѣли, какъ Ричардъ
Убилъ ея любимое дитя!..
Риверсъ.—Тогда она проклятья расточала
И на другихъ: мятежный Бокингэмъ,
И Гэстингсъ, и коварный Ричардъ—также
Подверглись имъ!—О, Господи, внемли-жъ
Ея мольбамъ за нихъ, какъ внялъ ты нынѣ
Ея моленіямъ за насъ... Но, Боже,
Помилуй и спаси мою сестру!

И сохрани ея малютку-сына...
Пусть наша кровь невинная прольется
За нихъ и жизнь ихъ бѣдную искупитъ!
Ратклифъ.—Спѣшите: часъ кончины вашей пробилъ...
Риверсъ.—Богэнъ, другъ. Грей! обнимемся, прощайте!
До новой встрѣчи, тамъ—на небесахъ!..

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Лондонъ. Комната въ Тоуэрѣ. Бокингэмъ, Стэнли, Гэстингсъ, Епископъ Эли, Кэтзби, Ловель и другіе сидятъ за столомъ; чиновники совѣта стоятъ позади ихъ.

Гэстингсъ.—Итакъ, милорды-пэры, на совѣтъ
Мы собрались, чтобъ кончить наше дѣло
О коронаціи; рѣшите-жъ съ Богомъ
Его и назначайте день.
Бокингэмъ.— Но все-ль
Готово для такого торжества?
Стэнли.—Готово все; осталося назначить
Лишь день одинъ!
Эли.— По моему—такъ завтра
День самый выгодный!
Бокингэмъ.— Кому извѣстно,
Что думаетъ объ этомъ лордъ-протекторъ?
Кто посвященъ въ тайникъ его души?
Эли. —Мы думаемъ, что вамъ, достойный лордъ,
Скорѣй другихъ его извѣстно мнѣнье.
Бокингэмъ.—Какъ такъ? Мы только лишь по лицамъ знаемъ
Другъ друга. Что же до сердецъ, то, право,
Мое ему настолько же извѣстно,
Насколько мнѣ извѣстны ваши; сердце
Его открыто предо мною также,
Какъ вамъ мое открыто!.. Гэстингсъ, вы—
Съ нимъ дружны...
Гэстингсъ.— Я благодарю его
Высочество за добрую любовь
Его ко мнѣ, я въ ней вполнѣ увѣренъ.
Но что касается его сужденій
О коронаціи,—объ этомъ я
Его не спрашивалъ, а самъ онъ вовсе
Не думалъ мнѣ о нихъ сказать; когда-жъ

Вы, лорды благородные, рѣшите
Назначить день, я голосъ свой подамъ
За герцога,—и онъ, какъ я надѣюсь,
Не можетъ оскорбиться тѣмъ нисколько!..*(Входитъ Глостеръ).*

Эли.—А вотъ и герцогъ.

Глостеръ.— Добраго утра,
Милорды благородные и братья.
Я заспался... Надѣюся, однако-жъ,
Мое отсутствіе не помѣшало
Вамъ ни въ какомъ сужденьи: вы всегда
И безъ меня могли бы обойтись.

Бокингэмъ.—Когда-бъ по репликѣ вы не явились,
Лордъ Гэстингсъ произнесъ бы вашу часть:
То-есть—сказалъ бы всѣмъ намъ ваше мнѣнье
Насчетъ вѣнчанья короля...

Глостеръ.— Одинъ
Лордъ Гэстингсъ можетъ быть такъ смѣлъ.—Лордъ Гэстингсъ
Меня и знаетъ хорошо, и любитъ!
Лордъ Эли, я въ послѣдній разъ въ Гольборнѣ
Гулялъ у васъ въ саду,—и видѣлъ тамъ
Чудесную клубнику! потрудитесь
Послать за ней теперь же.

Эли.— Свѣтлый лордъ,
Отъ всей души!.. (*Уходитъ*)

Глостеръ— Любезный Бокингэмъ,
На пару словъ (*Отходитъ съ нимъ въ сторону*).
Другъ! Кэтзби говорилъ
Съ Вильямомъ Гэстингсомъ о нашемъ дѣлѣ.
Упрямый джентельменъ горячъ и такъ
Настойчивъ, что скорѣй готовъ погибнуть,
Чѣмъ согласиться, чтобъ прямой наслѣдникъ
Его монарха,—какъ достойно онъ
Его честитъ,—лишился царственнаго трона
Британіи!

Бокингэмъ. Уйдите на минуту
Отсюда. Я за вами тоже выйду *(Уходитъ съ Глостеромъ).*

Стэнли.—А мы еще не назначали дня...
По-моему, такъ завтра слишкомъ скоро
Ужъ будетъ,—я и самъ не такъ готовъ,
Какъ могъ бы,—если-бъ это торжество
Немного продолжили!.. (*Входитъ Эли).*

Эли.— Гдѣ же лордъ
Протекторъ? Я послалъ уже за клубникой.
Гэстингсъ.—Его высочество сегодня ласковъ
И веселъ: вѣроятно что-нибудь
Особенно пріятное его
Теперь и радуетъ, и занимаетъ:
Онъ добраго утра намъ пожелалъ
Отъ всей души!.. Нѣтъ человѣка въ мірѣ,
Который бы такъ худо могъ скрывать
Свою любовь и ненависть!..—Вы тотчасъ
Прочтете по лицу его—все сердце
Его...
Стэнли.— А именно, что̀ нынче вы
Прочли изъ сердца лорда по его
Лицу?..
Гэстингсъ.— Что у него въ душѣ нисколько
Нѣтъ непріязни къ намъ, милорды-пэры!..
О! если-бъ онъ питалъ къ кому досаду,—
Она-бъ въ глазахъ его сейчасъ сказалась. *(Глостеръ возвращается съ Бокингэмомъ).*
Глостеръ *(въ волненіи)*.—Прошу васъ всѣхъ сказать, какой награды
Достойны тѣ, которые меня
Задумали бѣсовскимъ колдовствомъ
Сгубить,—и въ самомъ дѣлѣ, наконецъ,
Осилили волшебствомъ адскихъ чаръ
Мое больное тѣло?..
Гэстингсъ.— Свѣтлый лордъ,
Любовь, которую я къ вамъ питаю,—
Меня невольно заставляетъ, прежде
Высокихъ пэровъ, осудить виновныхъ
Въ такомъ ужасномъ дѣлѣ: кто-бъ они,
Лордъ, ни были,—они достойны смерти.
Глостеръ.—Пускай же собственный вашъ взоръ увидитъ
Ихъ преступленіе! Смотрите, какъ
Испорченъ я!.. Рука моя изсохла,
Какъ сукъ порѣзанный... И все—по кознямъ
Супруги Эдуарда, этой страшной
Волшебницы, да непотребной Шоръ.
Вотъ какъ меня злодѣйски заклеймили!..
Гэстингсъ *(вкрадчиво)*.—Онѣ ли это,—благородный лордъ...
Глостеръ.—Онѣ-ль?.. И ты, ихъ гнусный покровитель,
Мнѣ говоришь еще—онѣ-ль?.. Ты, низкій

Измѣнникъ! — Голову ему долой!!..
Клянуся Павломъ, я не сяду ѣсть,
Покуда не увижу головы
Его!—Ловéль и Кэтзби, вамъ я это
Приказываю!.. Что-жъ до васъ, милорды,
Касается,—кто за меня, тотъ встанетъ—
И за своимъ протекторомъ пойдетъ! *(Весь совѣтъ встаетъ въ смущеніи и уходитъ съ Глостеромъ).*

Гэстингсъ.—О, горе, горе Англіи! но вовсе
Не за меня, затѣмъ, что я былъ глупъ
И не съумѣлъ предотвратить несчастья!—
Да!—Стэнли снилось, будто бы кабанъ
Сорвалъ съ него завѣтный шлемъ,—но я
Сномъ пренебрегъ и убѣжать не думалъ!..
Три раза спотыкался нынче мой
Парадный конь; завидѣвъ мрачный Тоуэръ,
Онъ вздрогнулъ весь и страшно на дыбы
Взвился,—какъ будто угадалъ заранѣ,
Что везъ меня въ предательскую бойню.
О! вотъ когда мнѣ нуженъ духовникъ,
Съ которымъ я сегодня повстрѣчался!..
Я каюсь, что съ кичливостью такой
Сказалъ разсыльному о томъ, что нынче
Погубятъ въ Помфретѣ моихъ враговъ—
И что я самъ—въ любви и даже въ дружбѣ
Властей!.. О, Маргарита, Маргарита!
Обрушилось твое проклятье нынче
На Гэстингса, на голову его
Несчастную.

Ратклифъ.— Идите, лордъ, идите.
Протектору угодно поскорѣй
Сѣсть за обѣдъ!.. Вы кайтесь покороче,
Онъ ждетъ давно ужъ вашей головы...

Гэстингсъ.—Кто утверждаетъ всѣ свои надежды
На льстивыхъ взорахъ милости людской,
Къ которой мы стремимся,—словно къ дару
Господню,—тотъ живетъ, какъ опьянѣлый
Бѣднякъ-матросъ на мачтѣ корабля,—
Готовый съ каждымъ роковымъ толчкомъ
Слетѣть стремглавъ въ пучины океана...

Ловель.—Идемте же, напрасны всѣ слова,
Всѣ ваши возгласы; милордъ, спѣшите!..

Гэстингсъ.—О, безпощадный и кровавый Ричардъ!
Несчастная Британія!.. Тебѣ
Я предвѣщаю страшную годину,—
Такое время, о которомъ ты
Еще во-вѣкъ и не слыхала.—Ну-те,
Ведите поскорѣй меня на плаху,
Снесите голову мою ему...
Недолго-жъ проживутъ и тѣ, которымъ
Пріятенъ мой безвременный конецъ! (*Уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тамъ же. Стѣны Тоуэра. Выходятъ на нихъ—Глостеръ и Бокингэмъ, въ ржавомъ и безпорядочно-надѣтомъ оружіи.

Глостеръ.—Скажи мнѣ, братъ, умѣешь ли дрожать ты
И измѣнять лицо свое, дыханье
Въ срединѣ слова убивать, потомъ
Его незримо обновлять и снова,
По волѣ, прерывать его, какъ будто
Ты весь отъ ужаса—и внѣ себя,
И обезумѣлъ?
Бокингэмъ.— О! я превзойду
И лучшихъ трагиковъ. За каждымъ словомъ
Я стану озираться, и назадъ
Глядѣть, и трепетать всѣмъ тѣломъ,—
И вздрагивать при шелестѣ малѣйшей
Соломенки, какъ будто нахожусь
Въ глубокомъ опасеніи. - Пугливость
И выраженье ужаса къ моимъ
Услугамъ, и настолько-жъ мнѣ легки,
Какъ и притворная улыбка; ими
Вы можете всегда распоряжаться,
Они на всякую минуту вамъ
И вашимъ планамъ отданы! —Однако-жъ,
Скажите, вы послали Кэтзби?
Глостеръ.— Какъ же.
Да вотъ и онъ, и съ мэромъ,—посмотри (*Входятъ лордъ-мэръ и Кэтзби*).
Бокингэмъ.—Позвольте мнѣ съ нимъ говорить!—Лордъ-мэръ...
Глостеръ.—Другъ, посмотри-ка на подъемный мостъ!

Бокингэмъ.—А! Барабаны!..
Глостеръ. Кэтзби, посмотри,
Что̀ за стѣнами—тамъ?
Бокингэмъ.— Лордъ-мэръ, причина,
Которая заставила милорда
Послать за вами...
Глостеръ. Обернись!.. Враги
Бѣгутъ сюда! Къ оружью, защищайся!
Бокингэмъ.—Да защититъ насъ Богъ и наше право! (*Входятъ— Ловель и Ратклифъ съ головой Гэстингса*).
Глостеръ.—Не безпокойся: это все друзья,—
Ловель и Ратклифъ.
Ловель.— Вотъ вамъ голова
Измѣнника коварнаго, никѣмъ
Неуличеннаго въ его измѣнѣ.
Глостеръ.— Да, Гэстингса я такъ любилъ и такъ
Цѣнилъ его, что не могу не плакать!
Я почиталъ его всегда честнѣйшимъ
И высоко́-разумнымъ человѣкомъ—
Въ великомъ христіанскомъ мірѣ. Онъ
Мнѣ книгой былъ и въ эту книгу вѣчно
Моя душа безтрепетно вносила
Всѣ помыслы мои: онъ такъ искусно
Наружностью достоинствъ прикрывалъ
Свои пороки, что, за исключеньемъ
Его открытой слабости,—я здѣсь
Считаю связь его съ женою Шоръ,—
Его нѣтъ силъ ни въ чемъ и упрекнуть.
Бокингэмъ.—Да, это былъ хитрѣйшій изо всѣхъ
Измѣнниковъ,—которые межъ насъ
Когда-либо существовали.—Лордъ,
Повѣрите-ль, когда-бъ мы не спаслись
Особеннымъ и непонятнымъ чудомъ,—
Вамъ никогда-бъ и въ мысли не пришло,
Что нынче-жъ, на совѣтѣ, хитрый Гэстингсъ
Меня и герцога хотѣлъ убить?..
Мэръ.—Какъ? Онъ замыслилъ это?..
Глостеръ. Неужель
Вы полагаете, что мы съ нимъ турки,
Или язычники? что мы-бъ рѣшились,
Противу всѣхъ законовъ, поспѣшить
Погибелью измѣнника, когда-бъ

Не вынудили насъ къ тому опасность
Такого дѣла, собственное наше
Спокойствіе и миръ святой отчизны?..

Мэръ.—Вы правы, лордъ, онъ казни былъ достоинъ.
Вы оба поступили превосходно:
Измѣнникамъ хорошій данъ примѣръ!
Съ тѣхъ поръ, какъ онъ съ женою Шоръ связался,
Я ничего ужъ отъ него не ждалъ.

Бокингэмъ.—Однако-жъ, лордъ, мы вовсе не хотѣли,
Чтобъ умеръ онъ безъ вашего суда;
Одна лишь ревность и покорство нашихъ
Друзей—все это совершили; намъ
Хотѣлось, чтобы сами вы, милордъ,
Пугливое измѣнника признанье
Услышали, чтобъ замыселъ его
Во всѣхъ частяхъ подробно вы узнали
И это все народу-бъ объяснили...
Быть можетъ, граждане невольно насъ
Подозрѣваютъ и превратно судятъ
О гибели измѣнника.

Мэръ.— Милордъ,
Рѣчь вашей свѣтлости—мнѣ замѣняетъ
Мои глаза и уши. Успокойтесь
И вѣрьте мнѣ, сіятельные лорды,
Смущеннымъ гражданамъ я объясню
Всю честность, всю правдивость вашу въ этомъ
Несчастномъ дѣлѣ!

Глостеръ.— Именно, затѣмъ,
Чтобъ избѣжать неправыхъ обвиненій
Народа, мы и попросили васъ
Сюда.

Бокингэмъ.— Но, къ сожалѣнью, опоздали
Вы нѣсколько! Идите-жъ, объявите
Хотя о томъ, что слышали отъ насъ.
Прощайте, благородный мэръ, прощайте! (*Лордъ-мэръ уходитъ*).

Глостеръ.— Скорѣй за нимъ, любезный Бокингэмъ!
Онъ въ гильдію спѣшитъ!.. На всякій случай—
Увѣрь ты судей, дѣти Эдуарда
Не по закону прижиты; скажи имъ,
Что въ старину былъ нѣкій гражданинъ:
Онъ въ шутку сыну завѣщалъ корону,
Предполагая въ томъ заѣзжій дворъ свой

Подъ вывѣской короны, и король
За-то велѣлъ того глупца казнить!
Скажи имъ о распутствѣ Эдуарда,
Какъ, что ни день, мѣнялъ онъ фаворитокъ,
Женъ честныхъ, дочерей чужихъ безчестилъ,
Вездѣ добычи алча, точно звѣрь,
Гдѣ только взоромъ замѣчалъ добычу.
Когда понадобится, не щади
И близкихъ мнѣ,—скажи имъ, не краснѣя,
Что мой отецъ, мой царственный отецъ,
Во Францію въ то время шелъ походомъ,
Когда моя родительница братомъ
Моимъ, бездушнымъ Эдуардомъ, стала
Беременна,—и что, расчисливъ время, —
Онъ убѣдился, что рожденный сынъ—
Не сынъ ему,—и это подтвердило
Еще печальное несходство съ нимъ
Несчастнаго малютки! Ты, однакожъ,
Объ этомъ намекни полегче, такъ,
Какъ будто мимоходомъ... Потому что
Еще жива моя родная мать.

Бокингэмъ.—Повѣрьте, лордъ, я буду остороженъ
И ловокъ въ этомъ такъ, какъ будто я
О золотой наградѣ хлопочу
Для самого себя; итакъ — прощайте!

Глостеръ.—Когда тебѣ удастся это, въ замокъ
Байнардъ ихъ приведи! Тамъ вы найдете
Меня среди монаховъ и ученыхъ.

Бокингэмъ.—Спѣшу, и вы изъ ратуши, надѣюсь,
Дождетесь вскорѣ важныхъ новостей. (*Уходитъ*).

Глостеръ.—Спѣши Ловель—здѣсь нуженъ докторъ Шау;
Ты къ брату Пенкеру скорѣе, Кэтзби, —
Чтобъ черезъ часъ въ Байнардѣ были оба (*Ловель и Кэтзби уходятъ*).

Теперь мнѣ остается устранить
Одно отродье Кларенса, —За дѣло-жъ!..
Распорядимся, чтобъ отнынѣ къ принцамъ
Живой души не смѣли допускать! (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Улица. Входитъ писецъ.

Писецъ.—Вотъ обвинительный и смертный приговоръ
Милорду Гэстингсу... Красно и четко
Перебѣленъ онъ для прочтенья въ церкви
Святаго Павла!—Какъ, однако-жъ, странно
Все это вяжется!—Вчера его
Прислалъ мнѣ Кэтзби вечеромъ, и я
Одиннадцать часовъ надъ нимъ трудился...
Для составленья черноваго столько-жъ,
И болѣе еще, необходимо...
А между тѣмъ, нѣтъ и пяти часовъ,
Какъ Гэстингсъ жилъ—внѣ всякихъ обвиненій,
Свободенъ, правъ душой и безопасенъ!..
Да, чуденъ свѣтъ!—И кто такъ глупъ и простъ,
Что не увидитъ здѣсь обмана? Кто
Осмѣлится и скажетъ, что не знаетъ
Обмана этого?.. Ужасенъ свѣтъ!
Конецъ его подходитъ!.. Какъ страдать—
И не искать защиты и молчать??.. *(Уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Тамъ же. Дворъ Байнардова замка. — Входятъ Глостеръ и Бокингэмъ: одинъ въ одну,—другой въ другую дверь.

Глостеръ.—Ну, какъ дѣла? что говоритъ народъ?
Бокингэмъ.—Клянуся Богоматерью,—народъ
Не говоритъ ни слова... Онъ совсѣмъ
Какъ онѣмѣлъ!
Глостеръ.— А говорилъ ли ты
О томъ, что дѣти Эдуарда вовсе—
Не дѣти Эдуарда?..
Бокингэмъ.— Какъ же, лордъ!
Я вспомнилъ и о брачномъ договорѣ
Его съ миледи Люси, и о томъ,
Который онъ во Франціи составилъ
Черезъ пословъ своихъ. Я говорилъ
О незаконности его рожденья,—
И какъ на герцога онъ непохожъ

Совсѣмъ... При этомъ я на васъ сослался,
Какъ на подобье вѣрное отца
И по лицу его, и по душѣ...
Я вычислилъ всѣ ваши торжества,
Шотландскія побѣды,—я представилъ
Воѣнскія познанья ваши, мудрость
И кротость вашу въ мирные года,
Смиреніе и вашу безкорыстность!..
Я не забылъ формально—ничего,
Что-бъ помогло вамъ дѣломъ или словомъ.
Когда-жъ къ концу склонилась рѣчь моя,
Я прямо предложилъ тѣмъ, кто желаетъ
Добра своей отчизнѣ,—закричать:
„Да здравствуетъ могучій Ричардъ, вѣрный
„И царственный король нашъ!..“

Глостеръ.— Что-жъ они,
Воскликнули?..

Бокингэмъ.— Нѣтъ, Богомъ я клянусь,
Они ни слова не сказали!.. Всѣ-жъ
Стояли молча, какъ нѣмые камни,
Какъ статуи бездушныя, и только—
Всѣ, блѣдные какъ смерть, въ глаза другъ другу
Глядѣли.—Видя это, упрекать
Я началъ ихъ и къ мэру обратился
Съ вопросомъ о такомъ молчаньи... Онъ
Отвѣтилъ мнѣ, что самъ народъ привыкъ
Глашатаевъ своихъ однихъ лишь слушать.
Тогда его я повторить заставилъ
Мои слова и онъ ихъ повторилъ...
„Такъ герцогъ говорилъ, такъ герцогъ думалъ“,
Ссылался безпрестанно онъ, ни слова
Не прибавляя отъ себя въ защиту
И пользу нашу.—Только что онъ кончилъ,
Немногіе изъ нашихъ, на концѣ
Парадной залы,—забросали шляпы
Свои на воздухъ,—имъ во-слѣдъ съ десятокъ
Отвѣтило охрипшихъ голосовъ,—
И крикъ: „Да здравствуетъ король нашъ Ричардъ!“
Раздался между ними... Я скорѣй
Воспользовался этимъ и сказалъ:
„Благодарю васъ, вѣрные друзья,
„Достойные сограждане и братья!

„Всеобщій кликъ вашъ ясно показалъ
„И мудрость вашу, и любовь святую
„Къ милорду Ричарду!..“ Сказалъ и вышелъ.
Глостеръ.—Чурбаны безъязычные! Совсѣмъ—
Не говорить?!—Поэтому и мэръ
Не явится сюда съ своею братьей?
Бокингэмъ.—Мэръ будетъ здѣсь сейчасъ. Вы покажите,
Что опасаетесь чего-то... Слушать
Рѣшитесь ихъ по долгимъ убѣжденьямъ...
Молитвенникъ держите вы въ рукахъ
И стойте между двухъ поповъ почтенныхъ,—
На эту святость я и налегаю!
Играйте роль застѣнчивой дѣвицы,
Твердите—„нѣтъ“ одно... и не противьтесь!
Глостеръ.—Согласенъ!—И когда просить за нихъ
Ты будешь такъ же хорошо, какъ я
Примуся этимъ „нѣтъ“ работать,—вѣренъ
И несомнѣненъ нашъ успѣхъ.
Бокингэмъ.— Милордъ,
Ступайте на балконъ... Лордъ-мэръ стучится (*Глостеръ уходитъ. Входитъ лордъ-мэръ съ альдермэнами и гражданами*).
Добро пожаловать, милордъ!.. А я
Все ожидаю допуску!..—Едва ли
Протекторъ вовсе не рѣшился насъ
Не принимать?.. (*Изъ комнатъ замка выходитъ Кэтзби*).
Ну что, любезный Кэтзби?
Что герцогъ на мою отвѣтилъ просьбу?—
Кэтзби.—Онъ проситъ васъ, милордъ, къ нему явиться
Пораньше завтра или послѣ завтра.
Онъ во дворцѣ и два попа съ нимъ рядомъ;
Ничѣмъ мірскимъ не хочетъ онъ заняться,
Всѣмъ сердцемъ, всей душою углубленный
Въ святое созерцанье божьей правды.
Бокингэмъ.—Вернися, Кэтзби, къ свѣтлому милорду,
Скажи ему, что я, лордъ-мэръ и всѣ
Достойные сограждане—покорно
Къ нему явилися по дѣлу крайней,
Великой важности; скажи, что это
Святое дѣло—нашихъ общихъ благъ
Касается.
Кэтзби.— Я доложу ему
Сейчасъ! (*Уходитъ*).

Бокингэмъ.— Да! этотъ принцъ - не Эдуардъ!
Онъ не лежитъ, не нѣжится въ постели...
Онъ на колѣняхъ молится о благѣ
Своей отчизны... Занятъ онъ не пьянымъ
Веселіемъ въ кругу своихъ прелестницъ,—
Не сномъ своимъ, не праздной лѣнью плоть
Свою онъ утучняетъ,—а мольбами
Обогащаетъ бодрствующій духъ!
Какъ счастлива была-бъ судьба печальной
Британіи, когда бы этотъ мудрый
И кроткій принцъ взялъ на себя труды
Великаго вѣнца!.. Но, нѣтъ надеждъ,
Чтобы склонился онъ на наши просьбы.

Мэръ. —Не дай Господь, чтобъ онъ намъ отказалъ *).

Бокингэмъ.—Боюсь, откажетъ.—Вотъ и вѣрный Кэтзби (*Входитъ Кэтзби*).
Ну что̀, милордъ, что̀ вамъ отвѣтилъ герцогъ?

Кэтзби.—Онъ удивляется, зачѣмъ къ нему
Вы привели толпу достойныхъ гражданъ,
Заблаговременно не давши знать
Ему о томъ: онъ здѣсь подозрѣваетъ
Недоброе намѣренье, милордъ.

Бокингэмъ.—Мнѣ очень больно, что свѣтлѣйшій братъ мой
Подумать могъ, что я противъ него
Замыслилъ злое дѣло: нѣтъ, клянусь,—
Мы изъ любви одной сюда явились.
Поди же и скажи ему объ этомъ!.. (*Кэтзби уходитъ*).
Когда святоши примутся за чотки,
Не жди ужъ толку. Сладко такъ молиться! (*Кэтзби возвращается. — Вслѣдъ за нимъ — Глостеръ показывается на галлереѣ между двухъ прелатовъ*).

Мэръ.—Вотъ и его высочество... съ нимъ два
Духовника.

Бокингэмъ.— Они святому—посохъ
Въ пути грѣховномъ, а въ рукахъ, смотри,
Молитвенникъ - краса и честь святая
Всѣхъ праведныхъ людей. Лордъ Глостеръ,
Свѣтлѣйшій герцогъ, принцъ Плантагенетъ!

---

*) Лордъ-мэромъ въ это время былъ Эдмондъ Шо, братъ доктора Шо, которому Ричардъ поручилъ сказать съ каѳедры собора Святаго Павла—о его притязаніяхъ на корону Англіи.

Склони свое безцѣнное вниманье
На наши просьбы—и прости, что мы
Нарушили твои мольбы святыя,
Твои христолюбивыя занятья.
Глостеръ.—Лордъ, вамъ не нужно извиняться!.. Я
Скорѣй просить васъ долженъ о прощеньи,
Затѣмъ, что, занятый бесѣдой съ небомъ,
Я пренебрегъ желаньями друзей...
Итакъ, что вамъ угодно? Объявите!
Бокингэмъ.—Мы просимъ васъ о томъ, чего желаетъ
Господь и эта бѣдная страна...
Глостеръ.—Мнѣ кажется, я сдѣлалъ что-нибудь
Обидное для васъ,—что оскорбляетъ
Достойныхъ гражданъ,—и пришли вы съ тѣмъ,
Чтобъ осудить мое незнанье...
Бокингэмъ.— Да,
Милордъ!.. Но если-бъ вамъ угодно было
Исправить вашъ проступокъ...
Глостеръ.— Я согласенъ!..
Къ чему же и дышу я въ христіанскомъ,
Смиренномъ мірѣ?
Бокингэмъ.— Знайте же, милордъ,
Что вы—вина тому, что власть правленья,
Величественный тронъ, корона вашихъ
Могучихъ предковъ, санъ вашъ по рожденью,—
И вашъ почетъ, и царственная слава,—
Все, все оставлено—негодной вѣтви
Испорченнаго пня; что отъ сонливой
Безпечности и лѣни вашихъ дѣйствій,
Которую теперь мы пробуждаемъ
Для блага общаго,—нашъ славный край
Лишается своихъ могучихъ членовъ;
Его лицо—морщинами позора
Покрылося, и къ дереву престола
Отверженныя вѣтви прирастаютъ,—
И все оно почти ужъ погрузилось
Въ бездонную и жадную пучину
Ничтожества, нѣмаго запустѣнья
И черной гибели!.. Чтобы спасти
Его, мы вашу свѣтлость умоляемъ
Принять бразды правленія родной
Вамъ Англіи: принять—не въ слабомъ званьи

Протектора, намѣстника иль просто
Повѣреннаго,—выгодамъ другаго
Покорнаго наемника... Нѣтъ! въ званьи—
Наслѣдника, принять, какъ вашу часть,
Какъ вашу собственность, какъ вашу славу,
Какъ вашу кровь,—родное государство!..
Вотъ для чего, по неотступной просьбѣ
Всѣхъ этихъ гражданъ, истинныхъ друзей
И вѣрныхъ вашихъ слугъ,—сюда пришелъ я!..
Вотъ почему я умоляю васъ—
Принять бразды покинутаго трона!..

Глостеръ.—Не знаю, какъ мнѣ быть: уйти-ль въ молчаньи,
Иль ѣдкими упреками осыпать
Всѣхъ васъ?.. И что скорѣй прилично будетъ—
И сану моему, и вашимъ добрымъ
Намѣреньямъ?!—Не отвѣчать, уйти,—
Вы можете подумать, что нѣмое
Отъ радости тщеславіе—охотно
Пріемлетъ золотое иго власти,
Которую вы предложили мнѣ!..
Негодовать на васъ—за ваши просьбы,
Исполненныя пламенной любви
Ко мнѣ,—не значитъ ли моихъ друзей
Обидѣть?—Потому, чтобъ избѣжать
Послѣдняго и первымъ въ искушенье
Васъ не ввести—я вотъ что вамъ отвѣчу:
Благодарю васъ за любовь ко мнѣ;—
Что-жъ до моихъ достоинствъ,—то они
Такъ блѣдны и такъ малы, что мѣшаютъ
Вполнѣ принять мнѣ ваше предложенье!..
Когда бы даже не было препятствій
И путь мой къ трону былъ бы чистъ и вѣренъ,
Какъ кровныя права мои по сану,—
То и тогда—я такъ ничтоженъ духомъ,
Такъ многочисленны мои пороки,
Что я,—какъ утлый и безсильный челнъ,
Бѣжалъ бы моря моего величія,
Чтобы оно меня не поглотило
И чадомъ славы собственной моей
Меня не задушило!—Но Господь
Еще хранитъ меня, и нѣтъ вамъ нужды
Пока во мнѣ... Когда-жъ она случится,

Вамъ помогу немного я!—Достойный
Остался плодъ отъ царственнаго корня...
Сѣдое время этому плоду
Придастъ красу и зрѣлость—и собою
Украситъ онъ нашъ царственный престолъ,—
И нѣтъ сомнѣнья, всѣхъ насъ осчастливитъ
Своимъ правленіемъ... Вотъ на кого
Я возлагаю то, что на меня
Вы возлагаете и что ему
Принадлежитъ по праву и по волѣ
Его звѣзды таинственно-счастливой!..
Избави Богъ, чтобъ я его лишить
Рѣшился этого наслѣдства!..

Бокингэмъ.— Лордъ,
Все это про одну лишь вашу совѣсть
Намъ говоритъ; но если разсмотрѣть
Получше обстоятельства, нетрудно
Увидѣть, какъ ничтожны и безсильны
Причины, на которыя она
Ссылается... Вы говорите намъ,
Что вашего роднаго брата сынъ,
Малютка Эдуардъ, и мы ни слова
Не скажемъ противъ этого!.. Но что
Заговоритъ супруга Эдуарда,
Его отца?.. Вашъ братъ былъ сговоренъ
Сперва съ милэди Люси—и объ этомъ
Вамъ засвидѣтельствуетъ ваша мать...
А послѣ онъ, черезъ своихъ пословъ,
Сосваталъ лэди Бону, молодую
Сестру французскаго монарха!—Ихъ
Обѣихъ удалила отъ него
Убогая и жалкая вдовица,
Измученная мать семьи голодной,
Переступившая за полдень жизни—
Поблекшая красавица... Она
Очаровала взоръ его, прельстила—
Поработила духъ его высокій
И наконецъ унизила его—
До двоебрачья... Съ ней-то Эдуардъ
На беззаконномъ ложѣ прижилъ сына,
Котораго изъ вѣжливости мы
Назвали принцемъ.—Не цѣни я чести

И славы нѣкоторыхъ изъ живыхъ
Свидѣтелей тому, что я повѣдалъ,—
Я-бъ разсказалъ вамъ болѣе еще...
Итакъ, примите же, свѣтлѣйшій лордъ,
Вамъ предлагаемый вѣнецъ,—когда
Не для спасенія отчизны вашей
Иль не для нашихъ просьбъ,—по крайней мѣрѣ,
Хоть для того, чтобы возстановить
Нарушенный насмѣшливой судьбой
Порядокъ въ вашемъ царственномъ наслѣдствѣ...

Мэръ.—Васъ граждане всѣ молятъ! Согласитесь,
Милордъ!..

Бокингэмъ.— Не отвергайте ихъ любви!

Кэтзби.—Исполните ихъ праведную просьбу,
Обрадуйте согражданъ!

Глостеръ.— Боже правый!
И для чего меня обременить
Хотите вы заботами правленья?
Златой вѣнецъ и королевскій скипетръ
Мнѣ не пристанутъ.—Умоляю васъ—
Моимъ словамъ не придавайте смысла
Превратнаго!—я не могу и даже
Желать не смѣю—вашихъ предложеній
Достойно выполнить...

Бокингэмъ.— Вы не хотите,
Вы отказались отрѣшить отъ трона
Дитя, наслѣдника роднаго брата.
Мы знаемъ кротость вашихъ добрыхъ чувствъ,
Любовь и вашу женственную нѣжность—
Къ роднымъ и не-роднымъ!—Такъ знайте-жъ, лордъ,
Уважите-ль, отвергнете ли вы
Горячія моленья наши, сынъ
Роднаго брата вашего—во вѣкъ
Не будетъ королемъ намъ!.. Мы другаго
Кого-нибудь на тронъ нашъ возведемъ...
И съ этою рѣшимостью—покорно
Васъ оставляемъ мы!—Друзья, идемте,
Намъ нечего здѣсь болѣе просить... (*Отходитъ со всѣми гражданами*).

Кэтзби.—Любезный принцъ, верните ихъ, склонитесь
На просьбы ихъ! Отказъ вашъ возмутитъ
Негодованіемъ все государство...

Глостеръ.—Вы, значитъ, положили непремѣнно
Меня сковать веригами вѣнца?
Знать, такъ и быть!.. Верни ихъ!.. Я не камень!.. (*Кэтзби идетъ къ гражданамъ*).
Я не могу не тронуться мольбами
Моихъ друзей, какъ ни противно это
И совѣсти моей, и сердцу!.. (*Бокингэмъ возвращается съ гражданами*).
Братъ,
Достойный Бокингэмъ, и вы, мои
Сограждане,—когда уже рѣшились
Вы королемъ своимъ меня назвать,
Не зная, будетъ-ли мнѣ это любо,
Иль нѣтъ,—я долженъ на себя невольно
Принять тяжелыя вериги власти!..
Но—если клевета иль порицанье
Бездушное послѣдуютъ за этимъ
Согласіемъ невольнымъ,—о! тогда
Вы сами смыть должны всѣ эти пятна
И оскорбленія... Господь свидѣтель,
И вы отчасти видѣли, какъ я
Далекъ былъ даже мысли о коронѣ!..
Мэръ.—Да наградитъ васъ Богъ! мы знаемъ это
И засвидѣтельствуемъ всѣмъ!..
Глостеръ.— И вы —
Объ истинѣ—свидѣтельство свое
Дадите, лордъ!..
Бокингэмъ.— Итакъ, я королемъ
Привѣтствую васъ, принцъ! Друзья милорды,—
„Да здравствуетъ король нашъ Ричардъ, вѣрный
„Властитель Англіи!!“
Всѣ.— Аминь!
Бокингэмъ.— Угодно-ль,
Милордъ, вамъ завтра-же короноваться?
Глостеръ.—Когда хотите, я на все согласенъ.
Бокингэмъ.—Мы къ вашему величеству поутру
Придемъ.—Затѣмъ—до свѣтлаго свиданья!..
Глостеръ (*епископамъ*). — Воротимся и мы къ святой бесѣдѣ.
(*Бокингэму*).
Прощайте, братъ! Друзья мои, прощайте!.. (*Уходятъ*).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Передъ Тоуэромъ. (Входятъ: съ одной стороны—Королева Елисавета, Герцогиня Іоркъ и Маркизъ Дорзетъ; съ другой—Анна, Герцогиня Глостеръ съ Лэди Маргаритою Плантагенетъ, маленькою дочерью Кларенса, которую ведетъ за руку).

Герцогиня.—Кто это къ намъ идетъ на встрѣчу?—Внучка
Плантагенетъ съ своею теткой Глостеръ!
Навѣрно, и онѣ стремятся въ Тоуэръ,
Чтобы поздравить принца вмѣстѣ съ нами!
Я очень рада нашей встрѣчѣ, дочь
Моя!
Анна.— Дай Богъ обѣимъ вамъ, милэди,
И счастія, и радостей.
Королева Елисавета.— Пошли
Господь и вамъ, сестра! Куда вы?
Въ Тоуэръ,
И, если я не ошибаюсь, мы
Идемъ къ одной и той-же цѣли съ вами:
Поздравить нашихъ свѣтлыхъ принцевъ...
Королева Елисавета. — Да,
Любезная сестра!—Благодарю!
Пойдемте вмѣстѣ... (*Входитъ Бракенбери*).
Вотъ и комендантъ!
Любезный комендантъ, прошу, скажите,
Здоровъ-ли принцъ и младшій сынъ мой Іоркъ?..
Бракенбери.—Здоровы оба, слава Богу!.. Только,
Простите, къ нимъ васъ допустить нельзя мнѣ:
Король строжайше это запретилъ.
Герцогиня.—Король? Какой король?
Бракенбери.— Нѣтъ! Я хотѣлъ
Сказать вамъ—лордъ-протекторъ.
Королева Елисавета.— Упаси
Его Господь отъ царственнаго титла!
Такъ это онъ преграды воздвигаетъ
Межъ насъ, между любовію дѣтей

И матерью?.. Я мать—и кто же смѣетъ
Не допустить меня къ моимъ же дѣтямъ?
Герцогиня.—Я мать отца ихъ,—я хочу ихъ видѣть.
Анна.—Я тетка по родству имъ, по любви
Я матерь ихъ... Скорѣе-жъ къ нимъ ведите
Меня, я принимаю на себя
Отвѣтственность; обязанность твою
Съ тебя передо всѣми я слагаю.
Бракенбери.—Нѣтъ, лэди, не могу; никакъ нельзя:
Я связанъ клятвою, и потому
Простите (*Уходитъ. Входитъ Стэнли*).
Стэнли.— Встрѣть я васъ хоть часомъ позже,
Я-бъ могъ поздравить герцогиню Іоркъ
И матерью, и спутницею двухъ
Прекрасныхъ королевъ (*Герцогинѣ Глостеръ*).
Но, лэди,—вы
Пожалуйте въ Вестминстеръ! Васъ тамъ ждетъ,
Какъ Ричарда достойную супругу,—
И тронъ, и честь, и лавры діадемы.
Королева Елисавета.—О! Поскорѣй разрѣжьте поясъ мой,
Пусть сердце бѣдное свободнѣй бьется!
Иль эта вѣсть ужасная совсѣмъ
Лишитъ меня сознанія и чувствъ!
Анна.—Проклятая, убійственная новость!
Дорзетъ.—Родная, ободритесь, успокойтесь.
Королева Елисавета.—Не говори со мною, милый Дорзетъ!
Смерть и страданья по твоимъ пятамъ
Несутся... Имя матери твоей
Зараза для ея дѣтей несчастныхъ...
Спасай скорѣе жизнь свою, бѣги
Немедля за море,—и вѣрный Ричмондъ
Тебя, вдали отъ этой адской бури,
Убережетъ... Бѣги, мой сынъ, бѣги
Изъ этой бойни страшной!.. Укрывайся,
Не увеличивай собой числа
Кровавыхъ мертвецовъ, чтобъ надо мной
Проклятье Маргариты не свершилось,
Чтобъ не пришлось мнѣ умереть, по слову
Ея, ни матерью, ни королевой
Британіи, ни счастливой женой!..
Стэнли.—Благоразуменъ вашъ совѣтъ, милэди (*Дорзету*)
Спѣшите, не теряйте ни минуты.

Вы отъ меня получите письмо,
Въ немъ сыну моему я также дамъ
Совѣтъ послѣдовать за вами въ бѣгство.
Не накликайте смерти безразсуднымъ
Упрямствомъ!

Герцогиня.— О! всесильный вихорь бѣдствій!
Проклятая моя утроба! Ложе
Коварной гибели!.. Ты василиска
Извергла въ этотъ міръ,—и смерть летитъ
Съ рѣсницъ его отравленнаго ока!..

Стэнли.—Идемте, лэди, поспѣшите: мнѣ
Приказано васъ привести, какъ можно
Скорѣй!

Анна.— Я не могу идти за вами...
О! если-бъ Господу угодно было,
Чтобъ обручъ золотой, который долженъ
Обнять мое грѣховное чело,
Сталъ раскаленнымъ до-красна желѣзомъ
И до мозгу прожегъ мой жалкій черепъ!
Пускай меня помажутъ страшнымъ ядомъ,
Чтобъ умерла я прежде, чѣмъ успѣютъ
Воскликнуть мнѣ: „да здравствуетъ супруга
Британскаго монарха!“

Королева Елисавета.— Въ путь, бѣдняжка,
Иди; я не завидую твоей
Блестящей славѣ... Я не стану даже
Тебѣ желать несчастій, чтобъ разсѣять,
Чтобъ утолить мое нѣмое горе!..

Анна.—Не станешь? Почему-жъ?—Когда недавно
Ко мнѣ явился тотъ, кого теперь
Я называю мужемъ, и увидѣлъ
Меня за трупомъ Генриха; когда
Явился онъ, еще не смывъ, какъ должно,
Съ злодѣйскихъ рукъ своихъ остылой крови
Супруга моего, невинной жертвы,
Втораго ангела, къ могилѣ тѣло
Котораго тогда я провожала,
Рыдая, какъ безумная; когда,
Вамъ говорю, я Ричарда лицо
Увидѣла, вотъ въ чемъ моя молитва
Была: „Будь проклятъ“, я сказала,
„За то, что ты меня вдовой-старухой

„Изъ молодой жены насильно сдѣлалъ!..
„Самъ женишься, пусть горе никогда
„Не покидаетъ ложа твоего...
„Жена твоя, когда ужъ ты найдешь
„Безумную, которая тебѣ
„Отдастъ на вѣкъ свою свободу,—пусть
„Несчастнѣе твоею жизнью будетъ,
„Чѣмъ я кончиной моего супруга!“
И что́ же? Черезъ мигъ, скорѣй, чѣмъ можно
Вновь повторить мое проклятье, лесть
Его рѣчей медовыхъ соблазнила
Мой слабый духъ и женственное сердце,
И на меня-жъ обрушились мои
Проклятія.—И съ той поры глаза
Мои не знаютъ сладкаго покоя,
На часъ одинъ не освѣжила ихъ
Росинка золотаго сновидѣнья
На ложѣ грѣшномъ... Призраки его
Ужасныхъ грезъ меня ежеминутно
Гнетутъ и пробуждаютъ!.. Онъ меня,
Какъ Варвикову дочь, со всѣмъ коварствомъ
Хранитъ... Но, я увѣрена, недолго
Мнѣ жить: онъ скоро и со мной покончитъ!

Королева Елисавета.—Прощай же, бѣдная, мнѣ жаль тебя!

Анна.—И о тебѣ жалѣю я душой.

Королева Елисавета.—Прощай! Какъ грустно ты встрѣчаешь славу!

Анна.—Прощай! Какъ грустно съ ней ты разстаешься!

Герцогиня (*Дорсету*).—Ты къ Ричмонду скорѣе поѣзжай,
И счастье да сопутствуетъ тебѣ!.. (*Аннѣ*).
Ты къ Ричарду спѣши, и да хранятъ
Тебя святые ангелы! (*Елисаветѣ*)
Спѣши
Во храмъ, и да даруетъ онъ тебѣ
Покой и миръ!.. А я сойду въ могилу
И тамъ свое спокойствіе найду!..
Я выстрадала восемьдесятъ лѣтъ,
Тяжелыхъ лѣтъ печали и рыданій,
И каждый часъ блаженства моего
Недѣлей слезъ и мукъ уничтожался!..

Королева Елисавета.—Нѣтъ, стойте! Обернемся на Тоуэръ!
Твердыня дряхлая, — въ твоихъ стѣнахъ
Заложены завистливымъ коварствомъ

Мои малютки, — сжалься надъ дѣтьми!
Ты, колыбель суровая для нѣжныхъ
Созданій!.. Грубая, сѣдая нянька!
Товарищъ устарѣлый и угрюмый
Ихъ рѣзвыхъ игръ! Не угнетай, храни
Моихъ дѣтей!—Такъ разстается съ вами,
Нѣмые камни, грустное безумье! (*Уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тронная комната во дворцѣ. (Звучатъ трубы. Ричардъ королемъ возсѣдаетъ на тронѣ. Бокингэмъ, Кэтзби, пажъ и другіе).

Король Ричардъ.—Оставьте насъ! — Братъ Бокингэмъ!
Бокингэмъ.— Милордъ!
Король Ричардъ.—Дай руку!—Помощи твоей, совѣтамъ
Твоимъ обязанъ Ричардъ королевствомъ!
Но неужель мы славой облеклись
На день одинъ?.. или она за нами
Останется и мы найдемъ въ ней счастье?
Бокингэмъ.—Да не кончается она во-вѣкъ
И навсегда да остается съ вами!
Король Ричардъ.—Братъ Бокингэмъ, теперь я разыграю
Роль оселка!.. Я испытаю, въ правду-ль
Ты золото? Наслѣдникъ Эдуардъ
Живетъ еще... Ты понялъ, что сказать
Хочу я?
Бокингэмъ.— Говорите, государь.
Король Ричардъ.—Какъ, Бокингэмъ? Я ужъ сказалъ тебѣ:
Мнѣ королемъ хотѣлось бы остаться!
Бокингэмъ.—Но вы король и безъ того, мой трижды
Великій властелинъ!..
Король Ричардъ.— А! Я король?!
Пусть такъ!—Но Эдуардъ, не живъ ли онъ?
Бокингэмъ.—Живъ, благородный лордъ.
Король Ричардъ.— Печальный выводъ,
Когда изъ словъ: „живъ, благородный лордъ!“ —
Выходитъ, что и послѣ жить онъ будетъ.
Братъ, ты сегодня страшно безтолковъ:
Неужели я долженъ все сказать?
Я требую немедленной кончины

Побочныхъ мальчиковъ. Ну! Что-жъ ты скажешь
На это? Говори скорѣй, будь точенъ!
Бокингэмъ.—Король, вы въ правѣ дѣлать, что хотите.
Король Ричардъ.—Такъ, такъ! Ты нынче совершенный ледъ!
Твоя услужливость совсѣмъ замерзла!
Скажи, согласенъ ты за дѣло взяться?
Бокингэмъ.—Позвольте мнѣ подумать, государь,
Сообразить хотя минуту прежде,
Чѣмъ отвѣчать мнѣ: я сейчасъ вернусь
И сообщу мое вамъ мнѣнье (*Уходитъ*).
Кэтзби (*въ сторону*).— Вспыхнулъ
Король и разсердился: посмотрите,
Онъ до крови кусаетъ губы...
Король Ричардъ.— Лучше
Имѣть дѣла съ чугунными башками
Глупцовъ или съ мальчишками слѣпыми!..
Тотъ, кто въ меня пытливый взоръ вперяетъ,—
Не для меня.—Кичливый Бокингэмъ
Ужъ не въ мѣру остороженъ! Пажъ!
Пажъ.—Король!
Король Ричардъ.—Не знаешь ли ты человѣка,
Котораго бы звонкіе червонцы
Могли склонить на тайное убійство?
Пажъ.—Я знаю джентельмена одного,
Желанія котораго всегда
Въ разладѣ съ кошелькомъ его печальнымъ:
Червонцы передъ нимъ сильнѣй фаланги
Ораторовъ, и золото какъ разъ
Его на что угодно соблазнитъ!
Король Ричардъ.—А кто онъ?
Пажъ.— Тиррль!...
Король Ричардъ.— Его я частью знаю!
Ступай и приведи его ко мнѣ! (*Пажъ уходитъ*).
Хитрецъ и плутъ — коварный Бокингэмъ
Не будетъ болѣе сосѣдомъ тайнъ
Моихъ... Безъ устали онъ все бѣжалъ...
Не дать ли духъ ему перевести
Теперь?—Пусть такъ! (*Входитъ Стэнли*).
Что новаго, лордъ Стэнли?
Стэнли.—Король, я слышалъ, что мятежный Дорсетъ
Бѣжалъ въ помѣстья Ричмонда и тамъ
На васъ съ нимъ замышляетъ ополченье.

Король Ричардъ.—Приближься, вѣрный Кэтзби: распусти
Скорѣе слухъ, что при-смерти больна
Моя супруга Анна; я-жъ отправлюсь
Распорядиться объ ея арестѣ.
Сыщи мнѣ джентельмена побѣднѣй, —
Я Кларенсову дочь съ нимъ обвѣнчаю;
А сынъ его и глупъ, и неопасенъ!
Что-жъ ты заснулъ?.. Я говорю тебѣ,
Скорѣе слухи распусти, что Анна,
Моя супруга, при-смерти больна.
За дѣло!.. Для меня необходимо
Въ началѣ самомъ разрушать ихъ планы;
Созрѣютъ, такъ не разочтешься съ ними!.. (*Кэтзби уходитъ*).
Во что̀ бы то ни стало, мнѣ должно̀
Жениться на племянницѣ; не то
Престолъ мой выстроенъ на хрупкихъ камняхъ.
Какъ?.. Умертвить ея любимыхъ братьевъ
И съ нею-жъ въ бракъ вступить?.. Невѣрный путь
Къ побѣдѣ!.. Но въ крови уже по горло
Погрязъ я такъ, что каждый грѣхъ рождаетъ
Во мнѣ другой и бо̀льшій грѣхъ... Моимъ
Глазамъ невѣдомы святыя слезы!
(*Входитъ пажъ съ Тиррлемъ*).
Ты Тиррль?

Тиррль.— Джемсъ Тиррль, покорнѣйшій слуга
Монарха моего!..

Король Ричардъ.— Какъ, въ самомъ дѣлѣ?

Тиррль.—Извольте испытать, свѣтлѣйшій лордъ.

Король Ричардъ.—Рѣшишься-ль ты убить кого-нибудь
Изъ приближенныхъ мнѣ, моихъ друзей?

Тиррль.—Когда угодно вашей чести!.. Только
Я-бъ умертвилъ охотнѣй двухъ враговъ
Монарха моего!

Король Ричардъ.— Что̀-жъ? Очень можешь!
Есть у меня два страшные врага,
Два демона моихъ несчастій, два
Гонителя покоя и отрады
Моей; займися ими, вѣрный Тиррль!
Я разумѣю здѣсь побочныхъ пташекъ,
Что въ Тоуэрѣ сидятъ.

Тиррль.— Доставьте мнѣ

Возможность къ нимъ пробраться, и я тотчасъ
Избавлю васъ отъ вашихъ опасеній.
Король Ричардъ.—Твои слова—гармонія!.. Мой милый,
Стань ближе: съ этимъ знакомъ ты заставишь
Себя впустить къ нимъ; а потомъ запомни
Вотъ это!.. (*Шепчетъ ему на ухо*).
И конецъ!—Скажи мнѣ только:
Успѣхъ! И я тебѣ любовь мою
Дарую, и ты будешь возвеличенъ!
Тирриль.—Я кончу все сейчасъ же! (*Уходитъ.—Входитъ Бокингэмъ*).
Бокингэмъ.— Государь,
Я, наконецъ, обдумалъ вашъ вопросъ
И вашу мысль послѣднюю.
Король Ричардъ.— Прекрасно!
Но это мы теперь оставимъ! Дорзетъ
Соединился съ Ричмондомъ, бѣжалъ...
Бокингэмъ.—Милордъ, я это слышалъ...
Король Ричардъ.— Стэнли, Ричмондъ—
Твоей супруги сынъ,—остерегайся!..
Бокингэмъ.—Милордъ, я васъ осмѣлюся просить
О должной, мнѣ обѣщанной наградѣ:
Вы поклялись, ручались честью дать мнѣ
„Герфордское блистательное графство
„И все имѣнье движимое брата!“
Король Ричардъ.—(*не замѣчая его*).—Лордъ Стэнли, за женой своей
смотри.
Ты мнѣ отвѣтишь за ея сношенья
И переписку съ Ричмондомъ!
Бокингэмъ.— Милордъ,
Угодно-ль вамъ принять мое прошенье?
Король Ричардъ.—Я помню, Ричмондъ былъ дряннымъ мальчишкой
Тогда, какъ Генрихъ предсказалъ ему
Корону... Онъ король?!. Быть можетъ!
Бокингэмъ.— Лордъ!
Король Ричардъ.—Но какъ же предсказатель позабылъ
Меня, тогда, какъ я былъ тутъ же, возлѣ,
И не сказалъ, что я его убью?..
Бокингэмъ.—Милордъ, обѣщанное вами графство...
Король Ричардъ.—А *Ричмондъ*?! Я недавно былъ въ Экстерѣ;
Мэръ изъ учтивости задумалъ мнѣ
Какой-то замокъ показать и назвалъ
Его *Ружмонтомъ*!.. Роковое имя

Заставило меня невольно вздрогнуть...
Одинъ ирландскій бардъ мнѣ предсказалъ
Кончину, чуть я Ричмонда увижу...

Бокингэмъ.—Милордъ!

Король Ричардъ.—Который часъ?..

Бокингэмъ.— Я вамъ осмѣлюсь
Напомнить объ обѣщанной наградѣ.

Король Ричардъ.—Прекрасно!—Но который часъ?..

Бокингэмъ.— Пробьетъ
Сію минуту десять.

Король Ричардъ.— Ну, такъ бей же!

Бокингэмъ.—Какъ—бей же?!

Король Ричардъ.— Такъ же! Ты вѣдь автоматъ
И съ молоткомъ стоишь между своими
Желаньями и мыслями моими.
Сегодня я, любезный Бокингэмъ,
Совсѣмъ не въ дарственномъ расположеньи!..

Бокингэмъ.—Рѣшите же, угодно-ль вамъ иль нѣтъ
Сдержать обѣщанное вами слово?..

Король Ричардъ.—Ты надоѣлъ мнѣ: я не въ духѣ нынѣ! (*Уходитъ со свитой*).

Бокингэмъ.—Такъ вотъ что?—Онъ презрѣньемъ платитъ мнѣ
За всѣ мои труды, за всѣ услуги?
На это королемъ его я сдѣлалъ?..
О! Вспомнимъ Гэстингса, и поскорѣй
Въ Брекнокъ, пока еще смиренъ злодѣй. (*Уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тамъ же. Входитъ Тиррль.

Тиррль.—Кровавое, насильственное дѣло
Исполнено!.. Ужасное убійство,
Убійство гнусное, какимъ во-вѣкъ
Еще не обагрялись эти земли!..
Дайтонъ и Форрестъ, палачи мои,
Мои сообщники въ убійствѣ этомъ,
Двѣ кровожадныя собаки, два
Отъявленныхъ, бездушныхъ негодяя,
Растаяли отъ жалости, рыдали,
Какъ дѣти малыя, передавая

Мнѣ повѣсть о кончинѣ ихъ...„ Вотъ такъ
„Лежали кроткія малютки!“ Дайтонъ
Разсказывалъ. „Вотъ такъ они лежали“—
Со вздохомъ Форрестъ говорилъ—„обнявши
„Другъ друга ручками, какъ алебастръ
„Прозрачными; ихъ губы цѣловались,
„Какъ на одномъ стеблѣ четыре розы,
„Четыре близнеца, во всей красѣ
„Ихъ лепестковъ пурпурно-ароматныхъ...
„Молитвенникъ лежалъ на ихъ подушкѣ...
„Тутъ отнялся вполнѣ мой дерзкій духъ...
„Но сатана!“... злодѣй на этомъ словѣ
Замолкъ... „Мы задушили“, говорилъ,
Рыдая, Дайтонъ: „свѣтлыя созданья
„Природы-матери, какихъ она
„Сначала міра намъ не создавала!..“
Въ тоскѣ, терзаемые состраданьемъ,
Они оттуда вышли; ихъ языкъ
Покинуло испуганное слово...
И такъ я, наконецъ, разстался съ ними,
Чтобъ обо всемъ повѣдать королю (*Входитъ король Ричардъ*).
Но вотъ и онъ.—Привѣтъ вамъ, мой властитель.

Король Ричардъ.—Что̀ скажетъ вѣсть твоя, любезный Тиррль?
Порадуешь ли ты меня?

Тиррль.— Когда
Исполнить ваше порученье—значитъ
Дать радость вамъ, вы счастливы вполнѣ:
Все кончено!..

Король Ричардъ.—И ты ихъ трупы видѣлъ?

Тиррль.—Да, государь!

Король Ричардъ.—И самъ ихъ схоронилъ,
Любезный Тиррль?

Тиррль.— Ихъ капѣланъ тюремный
Похоронилъ, но гдѣ, мнѣ неизвѣстно.

Король Ричардъ.—По окончаньи ужина, сейчасъ
Приди ко мнѣ, любезный Тиррль; подробно
Разскажешь мнѣ ты о кончинѣ ихъ,
А между тѣмъ, подумай хорошенько,
Чѣмъ могъ бы я тебя вознаградить.
Немедленно желаніе твое
Исполнится... За этимъ—до свиданья!

Тиррль.—Вашъ преданный слуга, достойный лордъ! (*Уходитъ*).

Король Ричардъ.—Сынъ Кларенса запрятанъ въ Тоуэръ, дочь
Обвѣнчана съ ничтожнымъ дворяниномъ,
Два сына Эдуарда мирно спятъ
На лонѣ Авраама, а моя
Супруга, Анна, пожелала свѣту
Спокойной ночи!—Я увѣренъ, Ричмондъ
Британскій на Елисавету мѣтилъ,
На маленькую дочку брата, мысля
Союзомъ этимъ до вѣнца добраться!..
Пойдемъ же къ ней, къ хорошенькой принцессѣ—
Достойнымъ и счастливымъ женихомъ (*Вбыгаетъ Кэтзби*).

Кэтзби.—Милордъ!

Король Ричардъ.—Какія новости, дурныя
Или хорошія, тебя сюда
Втолкнули дерзко такъ?

Кэтзби.— Дурныя, лордъ;
Мортонъ вчера за Ричмондомъ бѣжалъ,
А Бокингэмъ, съ безстрашною ватагой
Валлисцевъ, выступилъ походомъ въ поле,
И рать его ростетъ...

Король Ричардъ.— Отважный Ричмондъ
И Эли мнѣ опаснѣе, чѣмъ этотъ
Лукавый Бокингэмъ съ его полками!
Идемъ!—Трусливое раздумье—рабъ,
Свинцовый рабъ медлительности сонной!..
За неподвижностью идетъ безсилье
И нищенство съ походкою улитки!..
Нѣтъ! быстрота, огонь пускай меня
На грозныя свои подхватятъ крылья...
Меркуріемъ Юпитера, герольдомъ
Владыки пусть они мнѣ будутъ! Въ путь!
Сюда, ко мнѣ, воинственный народъ!
Мой щитъ совѣтомъ осѣнитъ мнѣ грудь.
Измѣнники бѣгутъ!.. Впередъ, впередъ! (*Уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тамъ же. Передъ дворцомъ. Входитъ королева Маргарита.

Королева Маргарита.—Такъ, наконецъ, ихъ счастье перезрѣло
И падаетъ въ истлѣвшій, смрадный зѣвъ
Холодной гибели! Я здѣсь скрывалась

И стерегла паденіе враговъ
Моихъ. И вотъ я дождалась сегодня
Прелюдіи великолѣпной сцены!
Теперь—во Францію, въ надеждѣ сладкой,
Что и послѣдствія все также будутъ
Трагичны, горестны и безпощадны...
Но кто-то здѣсь идетъ!.. Бѣдняжка, спрячься. (*Входятъ королева Елисавета и герцогиня Іоркъ*).

Королева Елисавета.—О! бѣдные, несчастные малютки!
Цвѣтки, не развернувшіе листочковъ,
Минутная краса!.. Когда еще
По воздуху летаютъ ваши души
И въ вѣчныя селенья вы не скрылись,
Носитесь надо мной на вашихъ крыльяхъ
Лазорево-воздушныхъ и внимайте
Рыданьямъ вашей матери!..

Королева Маргарита (*въ сторону*). — Носитесь
Надъ ней, шепчите ей, что право мести
Младенческое утро ваше въ полночь,
Въ сѣдую полночь, обратило...

Герцогиня.— Эти
Несчастія меня лишили слова,
И мой языкъ разбитый—нѣмъ и тихъ!
Плантагенетъ, достойный Эдуардъ,
Зачѣмъ скончался ты?..

Королева Маргарита.— Плантагенетъ
Плантагенету отплатилъ кончиной:
Принцъ Эдуардъ разсчелся съ Эдуардомъ.

Королева Елисавета.—Къ чему же, Господи, оставилъ Ты
Невинныхъ агнцевъ? Для чего Ты бросилъ
Ихъ въ волчью пасть?

Королева Маргарита.— Гдѣ Генрихъ, гдѣ мой сынъ?

Герцогиня.—Нѣмая жизнь, слѣпое зрѣнье, призракъ,
Живущій смертію, жилище горя,
Позоръ твореній, собственность могилы,
Похищенная жизнію, итогъ
И краткій перечень ужасныхъ дней,—
Смири свое глухое безпокойство
На праведной землѣ британской, такъ
Неправедно облитой нашей кровью!.. (*Садится на землю*).

Королева Елисавета.—О! Если-бъ ты могла мнѣ даровать
Могилу такъ же скоро, какъ пріютъ

Покоя грустнаго, я никогда бы
Не оставляла здѣсь моихъ костей,—
Я скрыла-бъ ихъ въ твоихъ тяжелыхъ нѣдрахъ!..
И кто же, кромѣ насъ, имѣетъ столько
Причинъ вздыхать и сѣтовать? (*Садится на землю*).

Королева Маргарита.— Когда
Старѣйшая печаль достойна болѣ
И почестей, и уваженій вашихъ,
Отдайте первенство моей! (*Выходитъ впередъ*).
И пусть
Она царитъ надъ вашею печалью!.. (*Садится подлъ нихъ*).
Когда-жъ тоскѣ товарищество любо,
Высказывайте мнѣ несчастья ваши,
Перебирая горести мои!
Былъ у меня достойный Эдуардъ,
Но Ричардъ умертвилъ его! Супругъ
Былъ у меня, но Ричардъ и его
Убилъ! (*Елисаветѣ*).
И у тебя былъ Эдуардъ,
Но Эдуарда Ричардъ умертвилъ!
Былъ у тебя и Ричардъ,—но его,
Какъ и другихъ, убилъ коварный Ричардъ!

Герцогиня.—И у меня былъ Ричардъ, но его
Ты умертвила! У меня былъ Рютландъ,
И ты его зарѣзать помогла.

Королева Маргарита.—И Кларенса имѣла ты, но Ричардъ
Его убилъ!.. Ты вывела на свѣтъ
Собаку адскую, и всѣхъ насъ гонитъ
Она къ кровавой гибели; у этой
Собаки прежде, чѣмъ глаза раскрылись,
Прорѣзался зубы, чтобъ терзать
Ягнятъ и кровь невинную сосать!
Чтобъ насъ загнать въ могилы, ты извергла
Губителя всѣхъ божескихъ созданій,
Тирана, страшнаго во всей вселенной,
Который царствуетъ слезами душъ
Рыдающихъ.—О, Боже правосудный!
Какъ я Тебя благодарю, что эта
Свирѣпая собака не щадитъ
Дѣтей у бѣдной матери своей
И дѣлаетъ ее подругой прочихъ
Страдалицъ...

Герцогиня.— Ты, супруга короля
Покойнаго, не радуйся несчастьямъ
Моимъ: свидѣтель Богъ, я о тебѣ
Жалѣла!
Королева Маргарита.—О, прости мнѣ! До сихъ поръ
Я голодала местью; но теперь
Я начинаю насыщаться ею!
Твой Эдуардъ, убившій моего
Роднаго Эдуарда,—умеръ! Скоро,
За моего же Эдуарда, умеръ
И твой послѣдній Эдуардъ! А Іоркъ
Малютка мнѣ пошелъ въ простой барышъ—
Затѣмъ, что мало будетъ и двоихъ
Великихъ Эдуардовъ, чтобъ сравнять
Твою печаль съ печалью Маргариты!..
Твой Кларенсъ, умертвившій Эдуарда,
Любимца моего, скончался; съ нимъ
Погибли и свидѣтели кончины
Несчастнаго: Вогэнъ, и Грей, и Риверсъ,
И развращенный Гэстингсъ; всѣ они
Задохлися въ довременныхъ могилахъ!..
И только Ричардъ, этотъ черный вѣстникъ
Пучины адской, живъ еще, оставленъ
Межъ нами факторомъ ея владыкъ,
Чтобъ вербовать и посылать туда
Земныя души!.. Но близка, близка
И жалкая безжалостнаго гибель!
Земля разверзлася, и пышетъ адъ,
И демоны ревутъ, и небо молитъ,
Чтобъ онъ скорѣй покинулъ этотъ міръ!..
Молю Тебя, о Боже милосердный!
Расторгни узы, съ жизнію его
Связавшія и этотъ бѣдный свѣтъ,
Чтобъ прежде, чѣмъ умру, сказать могла я:
„Издохни, гнусная собака!“
Королева Елисавета.— Ты
Мнѣ предсказала, что настанетъ время,
Когда придется мнѣ молить тебя,
Чтобъ ты мнѣ помогла въ проклятьяхъ этой
Горбатой, бѣшеной и гадкой жабѣ,
Пузатому тарантулу и змѣю!..
Королева Маргарита.—Тогда тебя я называла блескомъ

Пустымъ моихъ богатствъ; тогда тебя
Звала я жалкой тѣнью, королева,
Изображеніемъ того, чѣмъ я
Была когда-то, перечнемъ коварнымъ
Трагедіи ужасной!.. Высоко
Ты вознеслась лишь для того, чтобъ громче
И тяжелѣй тебѣ упасть; повѣрь,
Тебя дразнили только, ты не мать
Двухъ этихъ мальчиковъ!.. Ты—просто сонъ
Того, чѣмъ ты была, цвѣтное знамя,
Въ которое направлены всѣ ружья;
Ты водяной пузырь, ты дуновенье,
Ты вывѣска величья, королева
Несчастная, для пополненья сцены
Представленная только! Гдѣ твой мужъ
Теперь? Гдѣ сыновья твои? Гдѣ братья?
Гдѣ радости твои и наслажденья?
Кто преклоняется передъ тобой?
Кто восклицаетъ: „Боже! королеву
„Спаси!“... Гдѣ пэры, льстившіе тебѣ
Низкопоклонники? Гдѣ твой народъ,
Въ восторгѣ за тобой толпой бѣжавшій?
Перебери все это и представь
Себѣ, чѣмъ ты была и что теперь ты!
На мѣсто счастливой жены, теперь
Ты—скорбная вдова; была ты мать,
И радостная мать, теперь же плачешь
О томъ, что матерью была ты; вмѣсто
Того, чтобы тебя просили, ты
Сама теперь скитаешься и молишь...
На мѣсто королевы—ты раба,
Увѣнчанная терніемъ и горемъ!
Ты издѣвалась надо мной, теперь же
Я надъ тобою издѣваюсь!.. Вмѣсто
Того, чтобъ намъ тебя бояться, ты
Боишься насъ, и мы тобою правимъ,
Какъ нами ты когда-то помыкала!..
Такъ повернулось праведное счастье
И предало тебя въ добычу лѣтъ,
Оставивъ при однихъ воспоминаньяхъ
Мучительной, промчавшейся годины.
Ты завладѣла мѣстомъ Маргариты,

Прими же съ нимъ и часть моихъ утратъ!
Ты половину бремени несешь
На горделивой выѣ,—но стряхаю
И остальную я съ моей усталой
И дряхлой головы,—и всю ее
Слагаю на тебя!.. Прощай, вдова
Властительнаго Іорка, королева
Угрюмаго несчастія, прощай!
Меня во Франціи утѣшитъ горе
Британіи!..

Королева Елисавета.— О! подожди немного!
Ты такъ искусна въ огненныхъ проклятьяхъ,—
Дай силы мнѣ проклясть моихъ враговъ!

Королева Маргарита.—Не спи ты по ночамъ и бодрствуй днемъ;
Почаще сравнивай живое горе
Съ умершимъ счастіемъ; припоминай
Своихъ малютокъ—лучшими, чѣмъ были
Они на самомъ дѣлѣ, ихъ убійцу—
Гнуснѣй, чѣмъ онъ на самомъ дѣлѣ есть,
И украшай все то, чего лишилась
Ты, бѣдная! Тогда ты заклеймишь,
Какъ надобно, виновниковъ несчастій
Твоихъ, тогда съумѣешь ты сложить
Слова твоихъ проклятій безпощадныхъ!

Королева Елисавета.—Тупа моя измученная рѣчь;
Ты заостри ее своею рѣчью!

Королева Маргарита.—Ее твои страданья заострятъ,
И, какъ мое язвительное слово,
Она порхнетъ изъ ядовитыхъ устъ!.. (*Уходитъ*).

Герцогиня.—Къ чему несчастіямъ многорѣчивость?

Королева Елисавета.—Нѣтъ, дайте волю имъ, безмолвнымъ этимъ
Ходатаямъ страданія, воздушнымъ
Преемникамъ отрады беззавѣтной,
Ораторамъ несчастія убогимъ!
Пускай все то, что выскажутъ они,
Не поправляетъ ничего: отрадно
Уже и то, что сердцу съ ними легче!

Герцогиня.—О, если такъ, слагай свои проклятья!
Идемъ; дыханіемъ упрековъ злобныхъ
Задушимъ сына моего, какъ онъ
Вчера твоихъ малютокъ задушилъ! (*Барабанный бой*).
А!.. Барабаны Ричарда!.. Готовься-жъ

И собирай огонь твоихъ проклятій! (*Входитъ король Ричардъ и за нимъ его войско*).

Король Ричардъ.—Кто смѣетъ мнѣ дорогу преграждать?

Герцогиня.—Та бѣдная, которая жалѣетъ,
Что во-время тебѣ не преградила
Пути ко всѣмъ твоимъ убійствамъ, извергъ,
И что тебя тогда не задушила,
Когда еще на свѣтъ не выходилъ ты!

Королева Елисавета.—Ты золотой короною чело
Свое прикрылъ, когда на немъ должно,
По всѣмъ правамъ, горѣть убійство принца,
Которому она принадлежала,—
Убійство сыновей моихъ и братьевъ!..
Скажи мнѣ, гдѣ мои родныя дѣти,
Предатель?..

Герцогиня.— Жаба! жаба! гдѣ твой братъ,
Несчастный Кларенсъ твой? гдѣ сынъ его,
Малютка Нэдъ-Плантагенетъ?

Королева Елисавета.— Гдѣ Риверсъ?
Гдѣ добрый Грэй, Вогэнъ?

Герцогиня.— Гдѣ честный Гэстингсъ?

Король Ричардъ.—Гремите трубы!—Бейте барабаны!—
Чтобъ небеса не слышали, какъ эти
Безсмысленныя бабы здѣсь кричатъ!
Гремите, говорю я!.. (*Трубы и барабаны*).
Укротитесь.
Не забывайте должнаго приличья,—
Иль я пойду кричать, иль я васъ заглушу
И раздавлю раскатами тревоги!

Герцогиня.—Ты сынъ мой?

Король Ричардъ.— Кажется,—благодаря
Создателя, отца и васъ!

Герцогиня.— Сноси же
Съ терпѣніемъ мою нетерпѣливость!

Король Ричардъ.—Ахъ, герцогиня, духъ мой захватилъ
Частичку вашего,—а вашъ упрековъ
Не вынесетъ...

Герцогиня.— О! дай мнѣ досказать!

Король Ричардъ.—Извольте, только я не буду слушать!

Герцогиня.—Я ласково и кротко обѣщаю
Съ тобою говорить.

Король Ричардъ.— И покороче!
Мнѣ, матушка, нѣтъ времени совсѣмъ!
Герцогиня.—Какъ ты нетерпѣливъ! Извѣстно Богу,
Въ какой тоскѣ, въ какихъ смертельныхъ мукахъ,
Какъ долго я тебя ждала!..
Король Ричардъ.— Но развѣ
Я наконецъ не родился и васъ
Не успокоилъ, матушка?
Герцогиня.— Крестомъ
Спасителя клянусь, ты родился
На свѣтъ, чтобы его мнѣ адомъ сдѣлать!
Болѣзненно и тягостно мнѣ было
Рожденіе твое; младенцемъ ты
Капризенъ былъ и страшно своенравенъ;
Дитятей, отрокомъ—лукавъ, и дикъ,
И золъ, и безпощадно бѣшенъ; дерзокъ,
Свирѣпъ и буенъ—юношею; только-жъ
Ты возмужалъ,—въ тебѣ явилась гордость,
Коварство, хитрости и кровожадность;
Ты сталъ еще опаснѣе, запрятавъ
Подъ маску кротости свой алчный духъ!
Припомни мнѣ хотя единый часъ,
Въ который ты доставилъ бы собой
Мнѣ счастіе!
Король Ричардъ.—Ей-ей, ни одного
Не вспомню... кромѣ Гомфреева часа *),
Когда васъ пригласили безъ меня
Позавтракать!.. Но, впрочемъ, если я
Противенъ вамъ,—позвольте мнѣ избавить
Васъ отъ моей особы и отъ стрѣлъ
Моихъ нападковъ!.. Бейте барабаны!
Герцогиня.—Прошу тебя, дослушай рѣчь мою!..
Король Ричардъ.—Вы говорите черезъ-чуръ ужъ ѣдко!
Герцогиня.—Одно хоть слово!.. Я въ послѣдній разъ
Съ тобой, быть можетъ, говорю.
Король Ричардъ.— Ужели?
Герцогиня.—Кто знаетъ, что Господь намъ присудилъ?..
Тебѣ-ль назначено погибнуть прежде,
Чѣмъ выйти изъ сраженія съ побѣдой,

*) Humphrey's-hour происходитъ отъ выраженія Humphrey's dinner—обѣдъ надъ памятникомъ герцога Гомфри. На этотъ памятникъ стекалось тогда смотрѣть множество народа, и нѣкоторые здѣсь искали приглашенія на обѣдъ или завтракъ.

Иль я умру подъ бременемъ годовъ
И горя—и тебя ужъ не увижу?!
Такъ унеси-жъ съ собой мое проклятье,
Тяжелое проклятье!!.. И пускай
Оно тебя въ минуту роковой,
Послѣдней битвы, утомитъ сильнѣй,
Чѣмъ все твое желѣзное оружье!!..
Мои мольбы пускай на сторонѣ
Твоихъ враговъ сражаются,—а души
Малютокъ падшихъ да вселяютъ въ нихъ
Безстрашіе и мужество,—пророча
Имъ торжества, успѣхи и побѣду!
Ты кровью-жилъ и кровью захлебнешься!
Въ позорѣ жилъ ты — и умрешь въ позорѣ!.. (*Уходитъ*).

Королева Елисавета.—Я болѣе еще причинъ имѣю
Тебя, убійца, проклинать; но слабъ
Мой духъ,—и я скажу одинъ аминь
Къ проклятьямъ герцогини!.. (*Хочетъ идти*).

Король Ричардъ.— Погодите,
Мнѣ съ вами, королева, нужно слово
Замолвить!

Королева Елисавета.— Я ужъ не имѣю болѣе
Сыновъ вѣнчанной крови для твоей
Бездушной жажды, дочерей же бѣдныхъ
Я въ монастырь отдамъ; пускай онѣ
Спасаются отъ сана королевъ,
Рыдающихъ въ отчаяньи!.. Тебѣ
Нѣтъ нужды въ смерти ихъ, могучій Ричардъ!

Король Ричардъ.—У васъ есть дочь—Елисавета, чудо
Невинности и красоты и скромной,
Высокой царственности.

Королева Елисавета.— Неужель
Она должна за это умереть?
О, пощади ее!.. Я развращу
Ея невинность, я обезображу
Ея красу!.. Послушай! Я готова
Оклеветать сама себя,—сознаться
Въ измѣнѣ мнимой ложу Эдуарда!
Я на нее наброшу покрывало
Безчестія! Чтобы ее избавить
Отъ гибели насильственной, скажу,
Что Эдуардъ ей вовсе не отецъ!

Король Ричардъ.—Вы обезчестите ея рожденье;
Она вѣнчанной крови!..
Королева Елисавета.— Я-жъ скажу,
Что это ложь, и сохраню ей жизнь.
Король Ричардъ.—Высокій санъ—вѣрнѣйшая охрана
Ея спокойствія и жизни!
Королева Елисавета.— Но
Охрана эта умертвила братьевъ
Ея!
Король Ричардъ.—Ничуть! созвѣздія одни,
Которымъ ихъ рожденіе противно
Казалось, виноваты въ томъ!
Королева Елисавета.— Нѣтъ! люди,
Которыхъ ихъ рожденье тяготило.
Король Ричардъ.—Никто не избѣжитъ предначертаній
Судьбы!
Королева Елисавета.—Малютки лучшей бы кончины
Дождались, когда бы жизнь твою
Святая добродѣтель осѣнила.
Король Ричардъ.—Вы говорите, точно, будто я
Убилъ племянниковъ моихъ...
Королева Елисавета.— Конечно,
Ты, добрый дядюшка, лишилъ ихъ счастья,
Родныхъ, свободы, королевства, жизни!..
Чьи руки ни пронзили-бъ ихъ сердецъ,
Ударъ твоимъ неправеднымъ умомъ
Направленъ!.. Ножъ убійственный—и тупъ,
И робокъ былъ, до той поры, пока
Не наточилъ его ты на своемъ
Гранитномъ сердцѣ, и пока его
Во внутренность овечекъ беззащитныхъ
Ты не послалъ!.. О! еслибы привычка
Къ отчаянью не укрощала злобы,—
Языкъ мой при тебѣ не произнесъ бы
Именъ дѣтей моихъ, пока-бъ въ глаза
Твои, какъ звѣрь, я не впилась когтями,
Желѣзными трезубьями,—пока
Сама бы я въ щепы не раздробилась
О грудь твою скалистую, какъ челнъ,
Лишенный въ этой гибельной пучинѣ
И парусовъ, и мачты, и снастей!

Король Ричардъ.—Дай Богъ, чтобъ вѣренъ былъ завѣтный планъ мой,
Успѣхъ войны опасной и кровавой,—
Какъ вѣрно то, что я задумалъ сдѣлать
Для счастья вашего и вашихъ!.. Это
Искупитъ все, чѣмъ я обидѣлъ васъ!
Королева Елисавета.—Какая же еще отрада можетъ
Скрываться для меня подъ сводомъ неба?
Король Ричардъ.—А возвышенье вашихъ дочерей?
Королева Елисавета.—На эшафотъ, чтобъ обезглавить ихъ?
Король Ричардъ.—Нѣтъ! на вершину почестей и счастья,
На высшую ступень величья смертныхъ.
Королева Елисавета. —Льсти, льсти моей печали этой сказкой!
Все объясни, какимъ ты состояньемъ,
Какой достойной почестью надѣлишь
Мое дитя?
Король Ричардъ.—Всѣмъ, что имѣю я!
Да!—И себя, и все готовъ отдать
Я вашему дитяти, если въ Летѣ
Души обиженной вы потопить
Рѣшитеся воспоминанья зла,
Которое, по вашимъ заключеньямъ,
Я вамъ накликалъ!
Королева Елисавета.— Говори короче,
Чтобъ это краткое расположенье
Не миновалось прежде, чѣмъ успѣешь
Его ты высказать...
Король Ричардъ.— Такъ знайте-жъ, я
Отъ всей души влюбился въ вашу дочь!!...
Королева Елисавета.—Мать дочери отъ всей души,
Какъ ты, о томъ же думаетъ.
Король Ричардъ.— О чемъ же?
Королева Елисавета.—О томъ, что ты въ ея влюбился дочь
Отъ всей души!.. Вѣдь ты любилъ и братьевъ
Ея—отъ всей души?!—Благодарю
Тебя за это всей моей душою!
Король Ричардъ. Не объясняйте словъ моихъ неправо.
Я говорю вамъ ясно, что душевно
Влюбленъ я въ вашу дочь и что желаю
Доставить ей величье королевы!..
Королева Елисавета.—Прекрасно,—только кто-жъ при этомъ будетъ
Ей королемъ?
Король Ричардъ.—А тотъ, кто въ королеву

Ее преобразить! И кто же кромѣ
Его, милэди?
Королева Елисавета.—Какъ? Такъ это—ты?...
Король Ричардъ.—Да, я!.. А вы что думаете, лэди,
Объ этомъ?
Королева Елисавета.—Чѣмъ же ты ее склонить
Надѣешься на сторону свою?..
Король Ричардъ.—Объ этомъ посовѣтоваться съ вами
И думалъ я. Вы знаете ее
Получше всѣхъ...
Королева Елисавета.—И моего совѣта
Послушаешься ты?
Король Ричардъ.— Отъ всей души!
Королева Елисавета.—Пошли же къ ней, съ тѣмъ самымъ человѣкомъ,
Который былъ убійцею двухъ братьевъ
Ея, окровавленныя сердца
Несчастныхъ,—вырѣзавъ на нихъ заранѣ
Два имени завѣтныхъ: „Эдуардъ
„И Іоркъ!“—Увидѣвъ ихъ, она заплачетъ!
Ты помнишь, какъ когда-то Маргарита
Измученному твоему отцу
Дала платокъ, обмоченный въ крови
Страдальца Рютланда; и ты такой же
Ей предложи!.. Скажи, что онъ напитанъ
Пурпурной влагою, изъ труповъ братьевъ
Ея истекшею, и попроси,
Чтобы она имъ осушила слезы!
Когда и это не пробудитъ въ ней
Любви, пошли ей письменный реестръ
Твоихъ достойныхъ дѣлъ, и разскажи,
Какъ ты убилъ ея любимыхъ дядей,
Какъ Риверсъ и несчастный Кларенсъ пали,
И какъ ты не замедлилъ, для ея-жъ
Спокойствія, раздѣлаться и съ теткой
Ея, съ добрѣйшею милэди Анной!..
Король Ричардъ.—Вы надо мной смѣетесь, королева!
Ужель этимъ я пріобрѣту
Ея расположенье?..
Королева Елисавета.— Что же дѣлать?
Другой дороги нѣтъ, когда тебѣ
Нельзя другимъ явиться человѣкомъ

И вовсе Ричардомъ не быть, который
Все это сдѣлалъ!
Король Ричардъ.— Вы скажите ей,
Что дѣлалъ я все это—изъ любви,
Изъ дружбы къ ней одной.
Королева Елисавета. О, да! готова!..
Когда она узнаетъ покороче,
Какими жертвами она купила
Твою любовь, она ужъ не откажетъ...
Король Ричардъ.—Послушайте!—что сдѣлано, того
Ужь не воротишь! Человѣкъ порой
Недальновидно дѣйствуетъ и послѣ
Жалѣетъ самъ объ этомъ... Я лишилъ
Наслѣдья предковъ—вашихъ сыновей;
Но, чтобъ поправить это, свой вѣнецъ
Отдать я вашей дочери желаю!..
Я истребилъ потомство вашей крови
И воскрешу его потомствомъ новымъ,
Потомствомъ вашей дочери... Святое
Названье бабушки пріятно такъ же,
Какъ и названье матери... Внучата
Тѣ-жъ дѣти, разница въ одномъ колѣнѣ!..
Всѣ тѣ-жъ и кровь, и плоть,—и только ночи
Страданій подвергается здѣсь та,
Изъ-за которой вы когда-то горе
Переносили!.. Ваши дѣти были
Мученьемъ вашей юности; мои—
Вамъ будутъ утѣшеніемъ подъ старость!
Вы потеряли сына-короля...
Но ваша дочь вслѣдъ за утратой вашей
Восходитъ на престолъ!.. Я не могу
Вамъ возвратить всего, какъ ни желалъ бы
Я этого! А потому примите
Хоть то, что я могу... Несчастный Дорзетъ,
Вашъ сынъ, печально бродитъ по чужбинѣ,—
Но нашъ союзъ немедленно его
Отчизнѣ возвратитъ,—и я возвышу
Его и награжу... А вашу дочь
Назвавъ своей прекрасною женой,
Король и сына вашего отъ сердца
И за-просто наименуетъ братомъ...
Вы королевой-матерью опять

Предстанете, и раны нашихъ бѣдствій
Излѣчатся двойнымъ богатствомъ счастья!..
О! сколько радостей еще увидимъ
Мы въ будущемъ! святыя капли слезъ,
Пролитыхъ вами, возродятся снова,
Но превращенныя въ алмазы, перлы...
И цѣнность ихъ, процентами блаженства
Умноженная, возвратится къ вамъ...
Ступайте-жъ, матушка, ступайте къ вашей
Прекрасной дочери и ободрите
Ея застѣнчивость и робость вашей
Разумной опытностью; слухъ ея
Вы приготовьте къ говору блаженства
И къ сладконѣжной рѣчи жениха...
Въ пугливомъ сердцѣ возбудите пламя
Высокихъ почестей, откройте ей
Всѣ прелести безмолвныхъ наслажденій
Супружества!.. А я съ моимъ мечемъ
Пойду на этого бунтовщика,
Пигмея-Бокингэма!.. Накажу
Его и возвращусь въ тріумфѣ, въ лаврахъ...
Своей женѣ я передамъ трофеи...
И будетъ намъ она—вѣнцомъ побѣды,
И „цезарь-цезаря!“ ей имя будетъ!

Королева Елисавета.—Но какъ же ей я назову того,
Кто хочетъ быть ея супругомъ?!.. Братомъ
Ея отца?.. иль дядей?.. или тѣмъ,
Кто умертвилъ ея несчастныхъ братьевъ
И дядей?.. Дай ты мнѣ хотя одно
Названіе, съ которымъ бы тебя—
Господь, законъ, и честь моя, и эта
Любовь узнали, безъ того, чтобъ ты
Ея душѣ противнымъ не казался!

Король Ричардъ.—Скажите ей, что миръ отчизны нашей
Упрочится отъ этого союза.

Королева Елисавета.—И вѣчною борьбой она должна
Купить его?

Король Ричардъ.—Скажите ей, что самъ
Король ее объ этомъ умоляетъ.

Королева Елисавета.—Но царь царей согласенъ ли на то?

Король Ричардъ.—Скажите, что великой королевой
Я сдѣлаю ее.

Королева Елисавета.—Чтобы величье,
Какъ матери, оплакивать?
Король Ричардъ.— Скажите,
Что любить ее и нѣжить буду
Безъ умолку!
Королева Елисавета.—А долго-ль эта вѣчность
Продлится?
Король Ричардъ.—До поры, угодной небу
И матери природѣ.
Королева Елисавета.— До поры,
Которую ей предназначитъ адъ
И Ричардъ?
Король Ричардъ.—Объявите ей, что я,
Ея король, рабомъ ея покорнымъ
Желаю сдѣлаться!..
Королева Елисавета.— Повѣрь: она,
Раба твоя, гнушается подобнымъ
владычествомъ!..
Король Ричардъ.— Употребите всю
Краснорѣчивость вашу въ этомъ дѣлѣ!
Королева Елисавета.—Прямое и простое предложенье
Скорѣе принимается!
Король Ричардъ.— Такъ вы
Ей просто объявите о любви
Моей!
Королева Елисавета.—Но предложеніе безчестья
Еще ужаснѣе—въ простыхъ словахъ!..
Король Ричардъ.—Всѣ ваши возраженья слишкомъ ложны
И мелки!!
Королева Елисавета.—Нѣтъ! они ужъ слишкомъ вѣрны
И глубоки!—Въ сырыхъ могилахъ дѣти
Мои лежатъ и глубоко, и вѣрно!
Король Ричардъ.—Милэди, не касайтесь этой грустной
Струны: все это кончено давно ужъ!
Королева Елисавета.—Нѣтъ, я ея касаться вѣчно буду,
Пока всѣ струны сердца моего
Не лопнутъ!..
Король Ричардъ.—Если такъ—клянусь Георгомъ,
Короной и подвязкою *) клянусь...

---

*) *Подвязка*—орденъ.

Королева Елисавета.—Ты осрамилъ Георга и подвязку,
Корону-жъ ты похитилъ...
Король Ричардъ.— О, клянусь...
Королева Елисавета.—Молчи, совсѣмъ нѣтъ клятвы у тебя!
Ты осрамилъ угодника святаго;
Звѣзда подвязки помрачилась также.
Похищенная-жъ силою корона
Лишилась славы царственной своей!..
Когда ты хочешь, чтобъ сердечной клятвѣ
Твоей повѣрили, клянися тѣмъ,
Чему ты никогда не дѣлалъ зла!..
Король Ричардъ.—Клянуся этимъ міромъ.
Королева Елисавета.— Онъ исполненъ
Твоей неправды!
Король Ричардъ.— Смертью моего
Отца.
Королева Елисавета.—Ты осрамилъ ее твоею
Безчестной жизнію!
Король Ричардъ.— Самимъ собой!!..
Королева Елисавета.—Ты опозорилъ самого себя!..
Король Ричардъ.—Такъ небомъ!!!..
Королева Елисавета.— Передъ небомъ ты скорѣй
Всего виновенъ!.. Еслибъ ты боялся
Нарушить клятву, данную ему,
Союзъ, упроченный моимъ супругомъ,
Не нарушался бы и братъ мой жилъ!..
Когда бы ты боялся измѣнить
Священной клятвѣ,—царственный металлъ,
Объемлющій теперь твое чело,
Блисталъ бы на челѣ моихъ дѣтей,
И оба принца безмятежно-бъ жили...
Твое коварство не убило-бъ ихъ
И на одномъ печальномъ ложѣ въ землю
Не опустило бы на снѣдь червей!..
Ну, чѣмъ же ты еще мнѣ поклянешься?
Король Ричардъ.—Моею будущностью...
Королева Елисавета.— Ты въ прошедшемъ
Надъ нею надругался!.. у меня
Самой довольно слезъ, чтобы омыть
Грядущіе года отъ всѣхъ несчастій,
Которыя въ прошедшемъ ты свершилъ!

Малютки-дѣти, у которыхъ ты
Убилъ отцовъ, въ печальномъ сиротствѣ
Живутъ, чтобы на старости своей
Оплакать это все! Отцы, которыхъ
Дѣтей зарѣзалъ ты, живутъ страдая,
Какъ старыя, безплодныя растенья,--
Чтобъ это все на старости оплакать!
Нѣтъ, не клянись грядущимъ! Ты его
Еще до срока исказилъ въ прошедшемъ!

Король Ричардъ.—Пусть будетъ столько-жъ вѣренъ мой успѣхъ
Въ войнѣ грядущей, сколько вѣрно то,
Что я желаю счастья вамъ и каюсь!
Да истреблю я самъ себя! Судьба
И небо да лишатъ меня блаженства!
День—да не дастъ мнѣ свѣта, ночь—покоя!
И да возстанутъ всѣ созвѣздья противъ
Моихъ началъ, когда я не люблю
Любовью чистою и непорочной,
Святыми помыслами сердца—вашей
Прекрасной дочери!.. Въ ней все мое
И ваше счастье... Безъ нея—меня,
И васъ, и царство наше, и ее,
Несчастную, и много-много вѣрныхъ,
Невинныхъ душъ постигнетъ смерть и гибель,
И разореніе, и запустѣнье!..
Ничто не въ силахъ отвратить и вовсе
Не отвратитъ всѣхъ этихъ бѣдствій, кромѣ
Союза этого!.. И потому
Вы, матушка безцѣнная,—я долженъ
Такъ называть васъ,—будьте у нея
Ходатаемъ любви моей, скажите
Ей не о томъ, чѣмъ былъ я, но о томъ,
Чѣмъ быть хочу я; не о томъ, что я
Заслуживаю, но о томъ скажите,
Что заслужить желалъ бы я!.. Представьте
Ей нужду этого! Не увлекайтесь
Горячностью въ такомъ высокомъ дѣлѣ.

Королева Елисавета.—Неужели навѣтамъ сатаны
Я уступить должна?

Король Ричардъ.— Да, если онъ
Совѣтуетъ вамъ доброе.

Королева Елисавета.— И я
Сама себя обязана забыть,
Чтобъ только быть собою?..
Король Ричардъ.— Безъ сомнѣнья,
Когда воспоминаніе о васъ
Самимъ вамъ повредить, милэди, можетъ.
Королева Елисавета.—Но ты моихъ дѣтей убилъ?
Король Ричардъ.— Я ихъ
На лонѣ вашей дочери прекрасной
Похороню,—и вновь на этой почвѣ
Они родятся сами изъ себя,
На утѣшенье вамъ!..
Королева Елисавета.— И я должна
Склонить ее на это предложенье?
Король Ричардъ.—Васъ это матерью счастливой, лэди,
Навѣки сдѣлаетъ...
Королева Елисавета.— Изволь!—Пиши
Ко мнѣ немедленно; я обо всемъ
Тебя увѣдомлю!..
Король Ричардъ (*цѣлуетъ ее*).—Такъ передайте-жъ
Ей этотъ поцѣлуй!—Прощайте.(*Королева Елисавета уходитъ*).
Дура!
Безсильная и вѣтренная баба!—(*Входитъ Ратклифъ и за нимъ Кэтзби*).
Что новаго?..
Ратклифъ.— Могучій повелитель!
У западнаго берега явился
Безчисленный и сильный флотъ. На берегъ
Бѣгутъ толпы сомнительныхъ бродягъ,
Безъ всякаго оружія, и вовсе
Не думаютъ отбить врага... По слухамъ
Народнымъ, этимъ флотомъ правитъ Ричмондъ.
Они сложили паруса и ждутъ,
Что Бокингэмъ ихъ высадкѣ поможетъ.
Король Ричардъ.—Скорѣй посла надежнаго къ Норфольку!
Скачи ты самъ иль Кэтзби... Гдѣ же Кэтзби?
Кэтзби.—Здѣсь, государь.
Король Ричардъ.— Скорѣе поѣзжай
Къ Норфольку!..
Кэтзби.— Я не пощажу, милордъ,
Ни лошади, ни самого себя.
Король Ричардъ.—Ты, Ратклифъ, въ Сальсбёри скачи: когда

Пріѣдешь ты туда... (*Кэтзби*) Ну! что же ты,
Бездѣльникъ, негодяй лѣнивый, здѣсь
Стоишь... и къ герцогу не ѣдешь?
Кэтзби.— Ваше
Величество еще не объявили,
Что долженъ я ему сказать...
Король Ричардъ.— Прости,
Мой вѣрный, добрый Кэтзби!—Объяви
Ему, чтобъ онъ немедленно сбиралъ,
Какое только можетъ, ополченье
И съ нимъ ко мнѣ бы мчался въ Сальсбёри!
Кэтзби.—Лечу!.. (*Уходитъ*).
Ратклифъ.—Что же въ Сальсбёри я долженъ дѣлать,
Милордъ?—
Король Ричардъ.—Да, въ самомъ дѣлѣ, что̀ тебѣ
Тамъ дѣлать безъ меня?
Ратклифъ.— Вы тотчасъ мнѣ
Впередъ приказывали ѣхать.
Король Ричардъ.— Я
Раздумалъ!.. (*Входитъ Стэнли*).
Ну, что новаго, лордъ Стэнли?
Стэнли.—Нѣтъ ничего хорошаго, свѣтлѣйшій
Монархъ, чтобъ вы съ отрадой услыхали,
И ничего печальнаго, о чемъ бы
Не могъ я вашей чести доложить!
Король Ричардъ.—Вотъ-на́! загадки!!—Ничего дурнаго
И ничего хорошаго?.. Какая
Тебѣ необходимость столько миль
Скакать околицами, если ты
Ближайшею дорогою намъ можешь
Сказать свои таинственныя вѣсти?
Что новаго, опять я повторяю?
Стэнли.—Лордъ,—Ричмондъ на морѣ!
Король Ричардъ.— Пускай онъ въ немъ
Утопится, чтобы не онъ, а море
Надъ нимъ ходило! Ренегатъ бездушный!
И для чего пустился въ море онъ?
Стэнли.—Не знаю, но мнѣ кажется, милордъ...
Король Ричардъ.—Что-жъ кажется тебѣ?..
Стэнли.— Что, возбужденный
Мортономъ, Дорзетомъ и Бокингэмомъ,
Онъ въ Англію пустился за короной...

Король Ричардъ.—Но развѣ упразднился тронъ у насъ?
Рука, владѣвшая мечемъ, изсохла?
Король скончался? Въ королевствѣ нѣтъ
Властителя? И кто же, кромѣ насъ,
Живъ изъ наслѣдниковъ вѣнчанныхъ Іорка?
И кто законный Англіи король,
Какъ не наслѣдникъ Іорка?.. Говори же,
Зачѣмъ пустился въ море онъ?..
Стэнли.— Милордъ,
Я виноватъ,—ошибся,—и не знаю
Другой причины этому походу.
Король Ричардъ.—Ошибся ты, и ужъ не знаешь болѣ
Другой тому причины? Ты не знаешь,
Зачѣмъ пришелъ Валлисецъ?—Стэнли, ты
Къ нему бѣжать задумалъ, ты—измѣнникъ!
Стэнли.—Нѣтъ, государь! напрасно вы меня
Подозрѣваете въ измѣнѣ!
Король Ричардъ.— Гдѣ же
Твои войска, чтобъ отразить его?
Отвѣтствуй, гдѣ твои друзья, вассалы
На западныхъ, мятежныхъ берегахъ,
Для охраненья высадки враговъ?!
Стэнли.—Мои друзья на сѣверѣ, милордъ.
Король Ричардъ.—Холодные друзья мнѣ! Что имъ дѣлать
На сѣверѣ, когда ихъ государь
На западѣ нуждается въ ихъ силахъ?
Стэнли.—Имъ не было приказано, великій
Монархъ! Но, если вамъ угодно будетъ
Пустить меня, я соберу моихъ
Друзей и вашей чести ихъ представлю,
Когда и гдѣ прикажете вы мнѣ!..
Король Ричардъ. —Ты съ Ричмондомъ соединиться хочешь?
Нѣтъ, я тебѣ не довѣряю...
Стэнли.— Свѣтлый
Монархъ, вы не имѣете причины
Подозрѣвать меня! Я никогда
Измѣнникомъ вамъ не былъ и не буду!..
Король Ричардъ.—Пусть такъ!—Иди-жъ и собирай войска!
Но сынъ твой, Стэнли, здѣсь остаться долженъ.
Будь твердъ и вѣренъ мнѣ, когда не хочешь,
Чтобъ голова его слетѣла съ плечъ!

Стэнли.—Вы съ нимъ, милордъ, по вѣрности моей
Поступите... (*Уходитъ. Входитъ гонецъ*).
Гонецъ.— Свѣтлѣйшій государь,
Я получилъ извѣстье отъ моихъ
Друзей, что Кортни и его надменный братъ,
Владѣтель Экстерскій, съ толпой другихъ
Мятежниковъ, оружье въ Девонширѣ
Внезапно подняли!.. (*Входитъ другой гонецъ*).
2-й гонецъ.— Монархъ великій,
Герфорды въ Кентѣ подняли оружье!..
И съ каждымъ часомъ къ нимъ бѣгутъ другіе
Измѣнники, и силы ихъ ростутъ! (*Входитъ третій гонецъ*).
3-й гонецъ.—Милордъ, поутру войско Бокингэма...
Король Ричардъ.—Прочь! съ глазъ долой, зловѣщая сова!
Все пѣсни смерти! (*Бьетъ его*).
Вотъ тебѣ на память
До лучшей вѣсти!
3-й гонецъ.— Я хотѣлъ, милордъ,
Вамъ донести, что войско Бокингэма
Разсѣяно разливомъ водъ отъ сильныхъ
Дождей, поутру выпавшихъ нежданно!..
И что, покинутый, онъ убѣжалъ
Одинъ, невѣдомо куда...
Король Ричардъ.— Прости!..
Вотъ кошелекъ тебѣ мой... (*Бросаетъ ему кошелекъ*).
Залѣчи
Мои удары имъ!—А что, ты слышалъ,
За голову измѣнника награду
Мои друзья назначили?
3-й гонецъ.— Милордъ,
Она давно объявлена! (*Входитъ четвертый гонецъ*).
4-й гонецъ.— Свѣтлѣйшій
Монархъ, сэръ Томасъ Ловель и маркизъ
Лордъ Дорзетъ, говорятъ, знамена бунта
Въ Іоркширѣ подняли! Но вотъ другое
Извѣстіе,—оно васъ успокоитъ:
Бретанскій флотъ разсѣянъ бурей! Ричмондъ
На дорзетширскій берегъ выслалъ шлюпку,
Чтобъ разузнать, его ли ждутъ отряды,
Которые стояли тамъ?.. Ему
Отвѣтили, что Бокингэмомъ въ помощь
Они къ нему отправлены! Но онъ

Имъ не повѣрилъ, поднялъ паруса
И повернулъ назадъ, въ свою Бретань.
Король Ричардъ.—Впередъ, впередъ! Теперь ужъ мы готовы,
Когда не для сраженья съ иноземнымъ
Врагомъ, хоть для того, чтобъ усмирить
Бунтовщиковъ домашнихъ!.. *(Входитъ Кэтзби).*
Кэтзби.— Государь,
Мятежный Бокингэмъ подъ стражу взятъ...
И это—вѣсть хорошая! Но вы
Должны узнать и вѣсть дурную... Ричмондъ
Явился съ многочисленной толпой
Въ Мильфордѣ!..
Король Ричардъ.— Въ Сальсбёри! впередъ! Пока
Мы здѣсь болтали съ вами, можно-бъ было
Сраженье выиграть, иль проиграть!
Одинъ изъ васъ проводитъ Бокингэма,
А прочіе за мною!.. Въ Сальсбёри!! (*Уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Комната въ домѣ лорда Стэнли. (Входятъ: Стэнли и Сэръ Христофоръ-Орвикъ, капелланъ графини Ричмондъ, жены Стэнли).

Стэнли.—Сэръ Христофоръ, скажите отъ меня
Милорду Ричмонду, что сынъ мой запертъ
Въ хлѣвѣ извѣстнаго вамъ кабана.
Едва возстану я, мой юный сынъ
Лишится головы! И это только
Мѣшаетъ мнѣ соединиться съ нимъ!
Скажите, гдѣ-жъ теперь достойный Ричмондъ?
Христофоръ.—Близъ Пемброка или у Гарфордъ-веста,
Въ Валлисѣ.
Стэнли.— Кто-жъ при немъ изъ лицъ извѣстныхъ?
Христофоръ.—Воинственный сэръ Вальтеръ Гэрбертъ, сэръ
Джильбертъ Тальботъ, сэръ Вильямъ Стэнли, Оксфордъ,
Могучій Пемброкъ, Блентъ и Ричь-апъ-Томасъ,
Съ толпою храбрыхъ воиновъ,—а съ ними
И прочіе сподвижники!.. Они
Пойдутъ на Лондонъ прямо, если имъ
Не преградятъ дороги нападеньемъ.
Стэнли.—Прекрасно!—Такъ идите же къ милорду

И передайте мой ему привѣтъ!
Увѣдомьте его, что королева
Согласна дочь свою Елисавету
Отдать ему въ супруги!.. Эти письма
Подробно все ему передадутъ. (*Вручаетъ ему бумаги*).
Итакъ, милордъ, прощайте, до свиданья!.. (*Уходятъ*).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Сальсбёри.—Площадь.—(Входятъ: Шерифъ со стражей, ведущей на казнь Бокингэма).

Бокингэмъ.—Такъ Ричардъ не желаетъ говорить
Со мной?
Шерифъ.— Да, добрый герцогъ, покоритесь
Судьбѣ своей.
Бокингэмъ.— Несчастный Гэстингсъ, Грей,
Король благочестивый мой и всѣ,
Погибшіе отъ гнусной и коварной
Несправедливости,—внимайте мнѣ!
И если ваши пламенныя души,
Негодованья полныя и гнѣва,
Увидятъ съ облаковъ лазурныхъ то,
Что дѣлается здѣсь,—вы отмщены!..
Порадуйтеся гибели моей.—
Друзья, сегодня день поминовенья
Усопшихъ?
Шерифъ.— Точно такъ, свѣтлѣйшій лордъ.
Бокингэмъ.—И день поминовенія усопшихъ
Мнѣ будетъ днемъ позорной казни?.. Этотъ
Священный день, при жизни Эдуарда,
Я призывалъ на голову мою,
Когда-бъ я измѣнилъ роднымъ его
Жены, или его несчастнымъ дѣтямъ...
Я въ этотъ самый день желалъ погибнуть
Отъ вѣроломной зависти того,

Кому-бъ довѣрился я больше всѣхъ!..
И этотъ, этотъ самый день кончаетъ
Всѣ помыслы грѣховные моей
Испуганной души! Господь Всевидецъ,
Котораго я обмануть пытался,
На голову мою же обратилъ
Мои мольбы притворныя и клятвы...
Онъ даровалъ мнѣ въ самомъ дѣлѣ то,
Чего просилъ я въ шутку! Стрѣлы грѣшныхъ
На ихъ же груди направляетъ Онъ!
Всей тяжестью проклятье Маргариты
Обрушилось на голову мою:
„Припомни это въ день, когда печально
„Изранитъ сердце онъ твое“,—она
Мнѣ восклицала:—„и скажи—отъ сердца
„Тогда: пророчицею Маргарита
„Несчастная была!“... Друзья! впередъ!..
Ведите грѣшника къ позорной плахѣ!..
Неправдѣ, злу—и наказанье злое! (*Его уводятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Равнина близъ Тэмворза. (Входятъ съ барабаннымъ боемъ и съ распущенными знаменами: Ричмондъ, Блентъ, Гэрбертъ и другіе съ войскомъ).

Ричмондъ.—Товарищи и братья по оружью!
Мы съ вами безпрепятственно прошли
Въ средину самую роднаго царства:
И вотъ отъ Стэнли, тестя моего,
Я получилъ отраднѣйшія письма,
Которыми онъ ободряетъ насъ!
Свирѣпый, хищный, кровожадный вепрь,
Опустошающій поля и ваши
Сады, звѣрь дикій, вашей теплой кровью
Весь вѣкъ свой упивавшійся, теперь,
Какъ увѣряютъ насъ, лежитъ въ срединѣ
Британіи, близъ Лестера.—Отсюда
До Лестера одинъ лишь день пути...
Во имя Бога, храбрые друзья,
Впередъ!.. Пожнемъ одной кровавой пыткой
Теперь мы жатву вѣчнаго покоя!..
Оксфордъ.—Лордъ, совѣсть каждаго изъ насъ—фаланга

Безчисленныхъ мечей. Мы отразимъ,
Мы побѣдимъ бездушнаго злодѣя.
Гэрбертъ.—Его друзья подъ наши знамена
Сбѣгутся...
Блентъ.— Всѣ друзья его—друзья
Ему изъ страха одного; при первомъ
Удобномъ случаѣ они его
Покинутъ.
Ричмондъ.— Тѣмъ отраднѣе для насъ!
Итакъ, друзья, впередъ—во имя Бога!..
Надежда вѣрная—быстрѣе мысли,
Она летитъ на ласточкиныхъ крыльяхъ!
Владыки съ ней—подобье божества,
А бѣдные страдальцы—съ ней владыки!

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Босвортское поле. (Входятъ: Король Ричардъ, съ войскомъ; Герцогъ Норфолькъ, Графъ Серри и другіе).

Король Ричардъ.—Здѣсь, на Босвортскомъ полѣ этомъ, нынче
Мы разобьемъ палатки! Что такъ мрачны
Вы, свѣтлый Серри?..
Серри.— На сердцѣ моемъ,
По крайней мѣрѣ, въ десять разъ свѣтлѣе
Моей наружности.
Король Ричардъ.— Лордъ Норфолькъ!
Норфолькъ.— Здѣсь,
Мой повелитель!
Король Ричардъ.— Добрый Норфолькъ, намъ
Не миновать ударовъ! Вы какого
Объ этомъ мнѣнія?
Норфолькъ.— Довольно будетъ
Всего на ихъ и нашу долю!
Король Ричардъ.— Здѣсь
Разбить мою палатку. Эту ночь
Я проведу въ Босвортскомъ полѣ. Гдѣ-то
Придется завтра быть?.. (*Солдаты разбиваютъ королевскую палатку*).
Э! Все равно!
Кто разузналъ, какъ многочисленъ врагъ?
Норфолькъ. Въ его рядахъ не болѣе шести
Или семи вооруженныхъ тысячъ!..

Король Ричардъ.—Такъ мы сильнѣй его едва-ль не втрое!
Притомъ одно ужъ имя короля —
Бойница, башня силы, а у нихъ
Его-то именно и нѣтъ!—Готовьте-жъ
Палатку намъ! А вы со мной, милорды,
Идите. Мы изслѣдуемъ для битвы
Получше мѣстность и возьмемъ съ собой
Искусныхъ въ этомъ дѣлѣ.—Поскорѣе-жъ!
Откладывать намъ нечего, затѣмъ,
Что завтра всѣмъ и безъ того довольно
Отыщется работы и трудовъ... (*Уходитъ съ своей свитой. На другомъ концѣ поля показываются Ричмондъ, сэръ Вильямъ Брандонъ, Оксфордъ и другіе лорды. Нѣсколько солдатъ разбиваютъ палатку Ричмонда*).

Ричмондъ.—Усталое, таинственное солнце
Въ туманѣ золотистомъ потонуло...
И слѣдъ его блестящей колесницы
Намъ предвѣщаетъ радостное утро.
Сэръ Вильямъ Брандонъ, вамъ я поручаю
Штандартъ мой.—Принесите мнѣ въ палатку
Бумаги и чернилъ. Я начерчу
Планъ битвы завтрашней и всѣмъ назначу,
Кому какое мѣсто занимать;
Придумаю, какъ лучше-бъ размѣстить
Нашъ маленькій отрядъ.—Лордъ Оксфордъ, вы,
Сэръ Вильямъ Брандонъ, и сэръ Вальтеръ Гэрбертъ—
Останетесь со мною!—Графъ же Пемброкъ
Пойдетъ къ своимъ солдатамъ. Свѣтлый Блентъ,
Вы пожелайте доброй ночи лорду
И передайте отъ меня ему,
Что въ два часа утра, въ моей палаткѣ,
Его желаю видѣть я... Теперь,
Мой добрый капитанъ, другая просьба:
Извѣстно-ль вамъ, гдѣ Стэнли?

Блентъ.— Если я
Чужихъ полковъ не принялъ за его
Полки,—чего не думаю я вовсе, —
Такъ онъ находится, по крайней мѣрѣ,
Съ полъ-мили къ югу отъ могучихъ полчищъ
Монарха своего...

Ричмондъ.— Любезный Блентъ,
Найдите средство повидаться съ нимъ—

Едва возможно это безъ особой
Опасности—и передайте лорду
Вотъ эту важную бумагу!.. (*Передаетъ ему бумагу*).

БЛЕНТЪ.— Пусть
Лишуся жизни я,—а передамъ!
Покойной ночи, лордъ!.. (*Уходитъ*).

РИЧМОНДЪ.— Покойной ночи,
Безцѣнный капитанъ!—Пойдемте-жъ, лорды,
Подумаемъ о завтрашнихъ трудахъ
Въ моей палаткѣ!.. Я совсѣмъ озябъ!.. (*Уходятъ въ палатку*).

(*Въ палатку Ричарда входятъ: онъ самъ, Норфолькъ, Ратклифъ и Кэтзби*).

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.—Который часъ?

КЭТЗБИ.— Часъ ужина, милордъ:
Девятый...

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.—Ѣсть я не хочу!—Подайте
Мнѣ поскорѣй бумаги и чернилъ.
Исправили-ль мой шлемъ и легче-ль сталъ онъ?
Внесли-ль мое оружіе въ палатку?..

КЭТЗБИ.—Все внесено и все готово, лордъ.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.—Любезный Норфолькъ, ты иди на мѣсто,
Тебѣ назначенное. Не зѣвай
И выбери надежныхъ часовыхъ.

НОРФОЛЬКЪ.—Иду, милордъ.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.— Пораньше, на зарѣ,
Проснися съ ласточками, добрый Норфолькъ.

НОРФОЛЬКЪ.—Богъ да хранитъ васъ, мой властитель! (*Уходитъ*).

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.— Ратклифъ!

РАТКЛИФЪ.—Милордъ!

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.—Пошли гонца скорѣе къ Стэнли,
Вели сказать ему, чтобъ онъ явился
Съ своимъ отрядомъ до восхода солнца,—
Когда не хочетъ, чтобъ единый сынъ
Его сокрылся въ бездну вѣчной ночи! (*Кэтзби*).
Дай мнѣ вина, да принеси ночникъ.
А къ утру, къ битвѣ, осѣдлать мнѣ Сёрри *).
Да чтобъ древки моихъ завѣтныхъ копій
Не тяжелы и крѣпки были!—Ратклифъ!

РАТКЛИФЪ.—Милордъ!

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.—Угрюмаго Нортумберлэнда
Ты видѣлъ нынче?

---

*) *Surrey*—имя Ричардова *историческаго коня.*

Ратклифъ.— Около зари
Вечерней видѣлъ я, какъ онъ, а съ нимъ
И Томасъ Сэрри, обходилъ ряды
Всей арміи, одушевляя храбрыхъ
Солдатъ.
Король Ричардъ.—Я имъ доволенъ!—Дай мнѣ кубокъ
Вина.—Не знаю почему, но только
Я нынче какъ-то вялъ и несвободенъ
Душой... Поставь его... А гдѣ-жъ бумага
И перья?..
Ратклифъ.— Здѣсь, милордъ.
Король Ричардъ.— Вели же стражѣ
Моей не спать. Теперь оставь меня.—
Часу въ двѣнадцатомъ опять въ палатку
Мою приди: ты мнѣ тогда поможешь
Надѣть оружіе.—Иди же съ Богомъ.

(*Ратклифъ и Кэтзби уходятъ.—Палатка Ричарда закрывается.—Палатка Ричмонда открывается, и въ ней видны онъ и другіе лорды. Входитъ Стэнли*).

Стэнли.—Побѣда и покой да увѣнчаютъ
Твой шлемъ!
Ричмондъ.—Все доброе, что̀ принесетъ
Намъ эта ночь,—тебѣ, мой благородный
Отецъ!—Скажи, здорова ли моя
Старушка мать?
Стэнли.— Она мнѣ поручила
Тебя благословить; ея моленья
И день, и ночь на небо за тебя
Несутся... Но оставимъ это...—Время
Безмолвное летитъ, и непримѣтно
Уже рѣдѣетъ пасмурный востокъ.
Итакъ, чѣмъ кратче и скорѣй, тѣмъ лучше:
Веди войска, едва забрежжетъ день,
И пусть судьбу твою рѣшаетъ воля
Оружія и смертоносной битвы.
Я-жъ, если только будетъ можно мнѣ
(Затѣмъ что такъ, какъ я желаю, врядъ ли
Возможно будетъ), постараюсь всѣмъ
Воспользоваться и къ тебѣ на помощь
Явлюся въ мигъ рѣшительнаго боя!..
Я не могу спѣшить съ такимъ рѣшеньемъ:
Стань я до времени въ твои ряды,

И брата твоего казнятъ въ глазахъ
Отца!.. Прощай же!—Общая опасность
И краткость времени не позволяютъ
Намъ высказать священныхъ нашихъ чувствъ,
Мѣшаютъ нашей сладостной бесѣдѣ
И отравляютъ счастіе свиданья
Друзей, томившихся въ разлукѣ мрачной.
Да ниспошлетъ Господь намъ наконецъ
Досугъ для свѣтлыхъ изліяній дружбы!..
Еще—прощай, мой сынъ!—Будь храбръ и счастливъ.

Ричмондъ.—Милорды, потрудитесь проводить
Его... А я немного отдохну
И успокою легкою дремотой
Встревоженныя мысли, чтобъ назавтра,
Когда придется мнѣ летать на крыльяхъ
Побѣды,—сонъ меня не подавилъ
Своей свинцовой тяжестью!.. Милорды,
Еще желаю вамъ спокойной ночи! (*Лорды уходятъ вмѣстѣ съ Стэнли*).

О! Господи! Какъ полководецъ Твой,
Молю Тебя, взгляни могучимъ окомъ
На воинство мое... Вложи въ его
Десницу острое желѣзо гнѣва,
Чтобы подъ тяжестью его ударовъ
Распались шлемы хищниковъ-враговъ!..
Дай намъ свершить Твою святую кару,
Прославить на землѣ Твою побѣду!..
Тебѣ я поручаю бодрый духъ мой,
Пока мои рѣсницы не сомкнулись...
Своимъ покровомъ осѣни меня—
И спящаго, и въ битвѣ роковой!.. (*Засыпаетъ*).

(*Въ серединѣ, между открытыхъ палатокъ Ричарда и Ричмонда, является тѣнь принца Эдуарда, сына Генриха-Шестаго*).

Тѣнь Эдуарда (*Ричарду*).—Тяжелымъ гнетомъ на душу твою
Налягу завтра я! Припомни, ты
При Тьюксбери меня зарѣзалъ въ цвѣтѣ
Моей весны!—Отчайся-жъ и умри! (*Ричмонду*).
Мужайся, Ричмондъ! Души гнѣвныхъ принцевъ,
Убитыхъ, явятся тебѣ на помощь!
Тебя, достойный Ричмондъ, ободряетъ
Сынъ Генриха, покойнаго монарха! (*Является тѣнь Генриха-Шестаго*).

Тѣнь Генриха (*Ричарду*). — Когда я былъ въ числѣ печальныхъ смертныхъ,
Ты истерзалъ помазанное тѣло
Мое смертельными мечами! Вспомни
Ужасный Тоуэръ! Вспомни короля!
Отчайся и умри! Покойный Генрихъ
Передъ тобой; отчайся и умри! (*Ричмонду*).
Ты-жъ, добродѣтельный и кроткій, встань
И побѣждай! Король, тебѣ корону
Предсказывавшій, говоритъ во снѣ
Съ тобой теперь: живи и процвѣтай! (*Является тѣнь Кларенса*).

Тѣнь Кларенса (*Ричарду*). — Тяжелымъ гнетомъ на душу твою
Наляжетъ поутру несчастный Кларенсъ,
Замытый до-смерти твоимъ виномъ
Противнымъ, низостью твоей убитый!.. *)
Въ часъ битвы, завтра, вспомнишь ты его,
И мечъ иступленный покинетъ руку...
Отчайся и умри! — (*Ричмонду*).
А за тебя,
Ланкастерова отрасль, молятъ души
Убитаго потомства Іорка! Небо
И ангелы да поведутъ къ побѣдѣ
Твои ряды! — Живи и процвѣтай! (*Являются тѣни Риверса, Грея и Вогэна*).

Тѣнь Риверса (*Ричарду*). — Тяжелымъ гнетомъ на душу твою,
Близъ Помфрета, убитый Риверсъ ляжетъ...
Страдай, не спи! — Отчайся и умри!

Тѣнь Грея (*Ричарду*). — Припомни Грея, — и твой алчный духъ
Отчаянье пугливое задушитъ!..

Тѣнь Вогэна (*Ричарду*). — Вогэна вспомни и покинь отъ страха
Свое копье! — Отчайся и умри! — (*Всѣ три тѣни вмѣстѣ Ричмонду*).
Вставай! проснись! Сознанье нашей смерти
Уже впилось въ Ричардову грудь...
Внимай и пробуждайся для побѣды! — (*Является тѣнь Гэстингса*).

Тѣнь Гэстингса (*Ричарду*). — Кровавый и преступный, преступленья
Исполненный, просыпайся! Бой
Кровавый да окончитъ жизнь твою...
Припомни Гэстингса, умри, отчайся! (*Ричмонду*).

---

*) Здѣсь намекается на смерть Кларенса, утопившаго въ бочкѣ вина мальвазіи.

Ты-жъ, безмятежная душа, вставай,
Вооружись, кидайся въ бой могучій—
И побѣждай для благъ твоей отчизны!—*(Являются тѣни двухъ молодыхъ сыновей короля Эдуарда).*

Тѣни *(Ричарду)*.—Малютокъ, въ Тоуэрѣ тобой убитыхъ,
Припомни въ сновидѣньѣ, Ричардъ! Въ грудь
Твою заляжемъ мы свинцомъ тяжелымъ,
На твой позоръ, тоску и гибель!—Души
Племянниковъ взываютъ предъ тобой:
Отчайся и умри, коварный Ричардъ! *(Ричмонду)*.
Ты-жъ, Ричмондъ, спи спокойно! Ты проснешься
Для радостей! И ангелы святые
Тебя отъ вепря охранятъ!.. Живи—
И длинный рядъ царей твое потомство
Украситъ славою великихъ дѣйствій!
Несчастные малютки Эдуарда
Къ тебѣ взываютъ: царствуй и живи! — *(Является тѣнь королевы Анны)*.

Тѣнь Анны (*Ричарду*).—Твоя жена, бездушный Ричардъ, Анна
Несчастная твоя, на грѣшномъ ложѣ
Незнавшая съ тобой покоя,—сонъ твой
Теперь тревожитъ... Завтра, въ мигъ сраженья,
Припомни обо мнѣ и урони
Иступленный свой мечъ... Умри, отчайся! (*Ричмонду*).
Ты-жъ, мирная душа, спокойно спи,
Пусть грезится тебѣ успѣхъ, побѣда...
Жена врага тебѣ желаетъ счастья! (*Является тѣнь Бокингэма*).

Тѣнь Бокингэма (*Ричарду*).—Я первый помогалъ тебѣ добыть
Корону и послѣдній умерщвленъ
Твоимъ злодѣйствомъ! Но, въ кровавой сѣчѣ,
Ты вспомнишь Бокингэма и—умрешь
Отъ ужаса свершенныхъ преступленій!—
Спи, спи! пусть смерть и кровь тебѣ приснятся...
Измученный, отчаяньемъ терзайся
И подъ ярмомъ отчаянья задохнись!... (*Ричмонду*).
Меня сразила смерть, я не успѣлъ
Тебѣ помочь; но ободрися, Ричмондъ,
И веселись душой!—Господь и лики
Его архангеловъ на сторонѣ
Твоей сразятся, и надменный Ричардъ
Падетъ,—падетъ въ пылу своей гордыни!
(*Тѣни исчезаютъ. Ричардъ пробуждается въ ужасѣ*).

Король Ричардъ.—Коня другаго мнѣ!.. Перевяжите
Мнѣ раны!.. Господи, умилосердись!..
Что-жъ это?—Небо!..—Это только сонъ!!—
О, трусъ негодный, совѣсть, какъ ты мучишь
Меня?!—Ночникъ трепещетъ синимъ свѣтомъ...
Теперь глухая полночь... Капли пота
Бѣгутъ съ испуганнаго тѣла... Странно!
Чего боюся я?—Себя?—Здѣсь нѣтъ
Лица живаго, кромѣ самого
Меня... А Ричардъ Ричарда такъ любитъ!—
Все я, все тотъ же я!!—Здѣсь нѣтъ убійцы!—
Какъ нѣтъ?—А я?.. Бѣги же поскорѣй!..
Отъ самого себя?—Какая нужда?
Чтобъ я не отомстилъ!.. Кому? Еще бы!..
А самому себѣ?.. Нѣтъ, я люблю
Себя.—За что-жъ себя ты любишь?—Вѣрно,
За что-нибудь хорошее, что я
Доставилъ самому себѣ?—О! нѣтъ!
Нѣтъ, я себя скорѣе ненавижу
За преступленія мои!—Злодѣй ты!!
Нѣтъ, врешь! я вовсе не злодѣй!.. Глупецъ,
Ты самого себя чернить не смѣешь!
Глупецъ! не льсти себѣ!—Мое сознанье
Владѣетъ тысячами языковъ...
У каждаго изъ нихъ есть обвиненье,
И каждое изъ этихъ обвиненій
Клеймитъ меня злодѣемъ и убійцей!..
Да! Я клятвопреступникъ, страшный извергъ!
Убійца я, безжалостный убійца,
И въ высочайшей степени убійца!!
Злодѣйства безобразныя, грѣхи,
Свершенные въ безчисленныхъ оттѣнкахъ
Моей рукой, толпятся передъ тропомъ
Судьи небеснаго и восклицаютъ:
„Виновенъ ты! виновенъ!“—Какъ же мнѣ
Не потеряться?.. Нѣтъ созданья въ мірѣ,
Которое бы Ричарда любило!
Погибну я, и ни одна душа
Не станетъ обо мнѣ жалѣть и плакать.
Да и къ чему жалѣть имъ, если самъ я
Себя ни мало не жалѣю?—Мнѣ
Пригрезилось, что души всѣхъ убитыхъ

Моимъ стараніемъ къ моей палаткѣ
Слетался и каждая отмщенье
На голову убійцѣ призывала!.. (*Входитъ Ратклифъ*).

Ратклифъ.—Милордъ!

Король Ричардъ.—Кто тутъ?!

Ратклифъ.— Я, Ратклифъ!—Ранній сельскій
Пѣтухъ уже два раза прокричалъ,
Привѣтствуя зарю, и всѣ друзья
Монарха нашего вооружились...

Король Ричардъ.—О! Ратклифъ! я ужасный видѣлъ сонъ.
Какъ полагаешь ты, друзья мои
Намъ не измѣнятъ?

Ратклифъ.— Безъ сомнѣнья, нѣтъ,
Милордъ!

Король Ричардъ.—О! Ратклифъ! Я боюсь, боюсь...

Ратклифъ.—Возможно-ль призраковъ бояться, ваше
Величество?

Король Ричардъ.—Клянуся Павломъ, въ эту
Глухую полночь тѣни мертвецовъ
Такъ ужаснули Ричардову душу,
Какъ не удастся ужаснуть ее
И десяти полкамъ живыхъ солдатъ,
Закованныхъ въ желѣзо, предводимыхъ
Надменнымъ Ричмондомъ!.. Еще пока
Не разсвѣло.—Пойдемъ со мною, Ратклифъ. (*Уходитъ съ Ратклифомъ*).

(*Въ палатку Ричмонда входятъ: Оксфордъ и другіе лорды*).

Лорды.—Пріятнаго утра, лордъ Ричмондъ.

Ричмондъ (*просыпаясь*).— Лорды
И джентельмены, извините! Я,
Лѣнтяй, сегодня заспался совсѣмъ!..

Лорды.—Какъ почивали вы, милордъ?

Ричмондъ.— Чудесно!
Прекраснѣйшіе сны, какіе только
Когда-нибудь въ усталой головѣ
Являлись, съ той поры, какъ вы ушли,—
Меня не покидали! Мнѣ казалось,
Что души Ричардовыхъ бѣдныхъ жертвъ
Слетался къ моей палаткѣ, громко
Взывая: встань и побѣждай!—Клянусь,
Моя душа наполнена восторгомъ!..
Который часъ теперь, милорды?

Лорды.— Скоро
Четыре.
Ричмондъ.— Такъ пора вооружаться
И строить наши храбрые ряды (*Подходитъ къ войску*).
Друзья и земляки! Распространяться
О томъ, что̀ я уже повѣдалъ вамъ,
Не позволяютъ мнѣ ни время наше,
Ни наши нужды,—помните одно:
Господь сражается за наше дѣло,
И теплыя молитвы райскихъ душъ
Окопами предъ нашими рядами
Стоятъ!—Сердца озлобленныхъ враговъ,
За исключеньемъ Ричарда, желаютъ
Побѣды намъ, а не вождю дружинъ
Своихъ!.. И въ самомъ дѣлѣ, джентельмены,
Кто предводитель ихъ?.. Тиранъ, убійца,
Возвысившійся кровью и на тронъ
Въ крови взошедшій!.. Не щадилъ онъ средствъ
Для достиженья цѣли и губилъ
То самое, что̀ подавало средства
Его трудамъ!.. Простой, фальшивый камень,
Сверкающій алмазомъ потому,
Что вмѣсто фольги у него—корона
Британіи, похищенная имъ!..
Онъ—врагъ небесъ, и если вы пойдете
На Божьяго врага, Господь укроетъ
И защититъ поборниковъ своихъ!
Устанете, свергая супостата,—
Заснете мирно, побѣдивъ его...
Сразитеся съ врагомъ отчизны вашей —
И благо земляковъ вознаградитъ
Васъ за труды.—Возстаньте на защиту
Несчастныхъ женъ, и жены встрѣтятъ васъ,
Какъ побѣдителей, въ тріумфѣ мирномъ!..
Избавьте отъ меча дѣтей-малютокъ,
И ваши дѣти и родные внуки
Вознаградятъ васъ въ старости за это!..
Итакъ, во имя Бога и святыхъ
Его законовъ, распускайте ваши
Побѣдныя знамёна,—на-голо̀
Ретивые мечи!.. Когда, друзья,
Неправо дѣло наше, пусть мой трупъ

Холодный на холодную равнину
Падетъ наградою моихъ желаній!—
Когда-жъ удастся мнѣ, успѣхъ побѣды
Я раздѣлю съ послѣднимъ изъ моихъ
Сподвижниковъ!.. Гремите-жъ, барабаны,
И потрясайте воздухъ сонный, трубы,
Веселіемъ и храбростью!.. Святой
Георгій! Небо!—Ричмондъ и побѣда! *(Уходятъ).*

(Снова являются: Ричардъ, Ратклифъ, свита и войско Ричарда).

Король Ричардъ.—Что говоритъ о Ричмондѣ суровый
Нортумберлэндъ?

Ратклифъ.— Что онъ прямой невѣжда
Въ военномъ дѣлѣ.

Король Ричардъ.— Это правда. Что же
Ему сказалъ на это Сэрри?

Ратклифъ.— Онъ
Сказалъ съ улыбкою: „Тѣмъ лучше, лордъ,
Для насъ!“

Король Ричардъ.—И это правда! Безъ сомнѣнья! *(Бьютъ часы).*
Сочтите-ка часы, да календарь
Подайте мнѣ.—Кто видѣлъ нынче солнце?

Ратклифъ.—Я не видалъ...

Король Ричардъ.— Такъ, значитъ, намъ оно
Свѣтить не хочетъ нынче!.. Въ этой книгѣ
Написано, что цѣлый часъ уже
Оно должно блестѣть на горизонтѣ;
Кому-то нынче будетъ черный день!..
Лордъ Ратклифъ!..

Ратклифъ.— Государь!

Король Ричардъ.— Сегодня со́лнце
Совсѣмъ не хочетъ показаться... Мрачно
Нависло небо гнѣвное надъ нашимъ
Отрядомъ.—Мнѣ хотѣлось бы, чтобъ эта
Слезливая роса исчезла съ поля...
Не разсвѣтаетъ!.. Впрочемъ, что-жъ такое?
Не я одинъ, и Ричмондъ погруститъ!
Нахмуренное надо мною небо —
И надъ его померкло головой!.. *(Входитъ Норфолькъ).*

Норфолькъ.—Къ оружію, къ оружію, король!..
Враги уже несутся по равнинѣ...

Король Ричардъ.—Скорѣй—тревогу!.. Мнѣ коня взнуздать!
Сказать милорду Стэнли, чтобъ придвинулъ

Онъ свой отрядъ!—Я въ поле поведу
Войска и такъ устрою планъ сраженья:
Передовыя линіи, изъ равныхъ
Частей пѣхоты и отрядовъ конныхъ,
Подъ предводительствомъ милорда Сэрри
И Норфолька, растянутся фалангой.
Стрѣлки займутъ средину. Между тѣмъ,
Я съ главной силой выступлю за ними,
И сильный центръ пѣхоты окрылится
Блестящей конницей! —Святой Георгій
И это все—помогутъ намъ! Какъ ты
Объ этомъ думаешь, достойный Норфолькъ?

Норфолькъ.—Прекрасное распоряженье, храбрый
Король... Но вотъ что я нашелъ зарей
Сегодня около моей палатки. (*Подаетъ ему свитокъ*).

Король Ричардъ. (*Читаетъ*).—
... „Джонъ Норфолькъ, дружище, смотри, не храбрись!
„Твой Диконъ *) ужъ преданъ и проданъ, очнись“!..
Все это выдумки враговъ презрѣнныхъ!..
Впередъ же, джентльмены! По мѣстамъ!
Не позволяйте говорливымъ грезамъ
Тревожить воли... Смѣло же впередъ
И прямо въ схватку, на смертельный бой!..
Что вамъ сказать еще?!—Вы не забудьте,
Съ кѣмъ вы ведете бой!.. Съ толпой бродягъ,
Бездѣльниковъ, воровъ и бѣглецовъ,
Съ презрѣнной накипью Бретани, съ гнусной
Толпой рабовъ, которыхъ бѣдный край
Извергнулъ изъ себя искать по свѣту
Достойной гибели и приключеній!—
Вы спали мирно, но они явились
Лишить васъ сна! У васъ есть земли, вы
Имѣете прекрасныхъ женъ, и вотъ
Имъ хочется лишить васъ блага первыхъ
И честь послѣднихъ опозорить!.. Кто
Ведетъ ихъ полчища?—Дрянной мальчишка.
Откормленный въ Бретани нашимъ хлѣбомъ...
Молокососъ, котораго нога
Всю жизнь его не уходила въ снѣгъ
За щиколотку, выше башмака!..

*) *Диконъ*—старинное фамильярное искаженіе имени Ричарда.

Отбросимъ эту сволочь снова въ море...
Очистимъ родину отъ бѣглецовъ
Французскихъ, этихъ жадныхъ попрошаекъ,
Которымъ жизнь давно ужъ надоѣла...
Не соблазняй коварный ихъ успѣхъ,—
Давно бы ужъ повѣсилися крысы
Отъ недостатка средствъ къ существованью!
Ужъ если пасть и быть побѣждену,
Пускай, друзья, насъ побѣждаютъ мужи,
А не гнилые выродки Бретани,
Которыхъ наши дѣды, въ ихъ же бѣдной
Странѣ, такъ знатно колотили, били
И, въ завершенье радостнаго дѣла,
Еще такимъ потомствомъ наградили!..
Ужели эта сволочь завладѣетъ
Землями нашими, уже-ль отниметъ
Она у насъ супругъ и дочерей?.. (*Вдали раздается глухой барабанный бой*).
А!.. Слышите, милорды?.. Барабаны!
Ихъ барабаны!!—Джентльмены, въ битву!—
Впередъ, впередъ, безстрашные драбанты!..
Стрѣлки, прицѣливайтесь прямо въ лобъ!
Пришпоривайте вашихъ скакуновъ...
Въ крови купайтеся и ужасните
Небесный сводъ обломками мечей! (*Входитъ гонецъ*).
Что-жъ Стэнли? Гдѣ его отрядъ могучій?

Гонецъ.—Милордъ... Онъ отказался вамъ служить!..

Король Ричардъ.—Долой же голову родному сыну
Его! Долой немедленно!

Норфолькъ.— Милордъ,
Врагъ перешелъ уже болота наши...
Отсрочьте казнь до окончанья битвы!

Король Ричардъ.—О!.. Тысяча сердецъ теперь трепещетъ
Въ моей груди!—Знамена,—на врага,—
Впередъ!—Нашъ старый, громоносный возгласъ:
„Святой Георгій!“ да вдохнетъ въ сердца
Моихъ друзей огонь драконовъ лютыхъ...
Впередъ, и да вѣнчаетъ насъ побѣда!—(*Уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Другая часть поля.—Смятеніе.—Шумъ битвы. — Стычки. — Входятъ: съ одной стороны Норфолькъ съ войскомъ, съ другой Кэтзби.

Кэтзби.—Спасайтеся, лордъ Норфолькъ! Поскорѣй
Бѣгите!.. Ричардъ чудеса творитъ!
Кидается въ опаснѣйшія схватки...
Подъ нимъ убили лошадь,—онъ одинъ
Дерется, пѣшій... И въ объятьяхъ смерти
Повсюду ищетъ Ричмонда! Спѣшите,
Милордъ, иль этотъ день навѣкъ потерянъ!.. *(Смятеніе. — Вбѣгаетъ король Ричардъ).*

Король Ричардъ.—Коня!—Коня!!—Все царство за коня!—

Кэтзби.—Бѣгите, государь! Я тотчасъ вамъ
Добуду лошадь...

Король Ричардъ.— Рабъ!! Я жизнь мою
Поставилъ на игру судьбы—и смѣло
Взгляну въ глаза неумолимой смерти!
Въ сраженіи—шесть Ричмондовъ, навѣрно!!
Я пятерыхъ убилъ,—а онъ все живъ!!
Коня!—Коня!!—Все царство за коня!!—*(Уходитъ). (Шумъ битвы.—Король Ричардъ и Ричмондъ входятъ и уходятъ, сражаясь другъ съ другомъ.—Отступленіе.—Трубы.—Возвращаются: Ричмондъ, Стэнли съ короной, многіе другіе лорды и войско).*

Ричмондъ.—Хвала Творцу и вашему оружью,
Побѣдоносные мои друзья!..
День—вашъ!..

Стэнли.— Достойный Ричмондъ, ты раскрылъ
Намъ доблести души твоей! Внимай!
Вотъ тотъ вѣнецъ, которымъ долго такъ
Владѣли хищники... Я снялъ его
Съ безжизненной, кровавой головы,
Чтобы твое чело украсить имъ...
Носи-жъ его! Владѣй имъ по закону
И возвышай его твоею славой!

Ричмондъ.—Великій Богъ да скажетъ намъ на это:
Аминь!—Скажите, живъ ли вѣрный сынъ
Милорда Стэнли?—

Стэнли.— Живъ, но онъ теперь
Покуда въ Лестерѣ... Когда угодно
Вамъ, лордъ, и мы отправимся туда!..
Ричмондъ.—Кто изъ людей извѣстныхъ палъ въ сраженьи
У васъ и у враговъ?..
Стэнли.— Лордъ Вальтеръ Феррерсъ,
Сэръ Робертъ Бракенбери, Вильямъ Брандонъ
И герцогъ Норфолькъ!..
Ричмондъ.— Схоронить тѣла ихъ
Со всею почестью, приличной сану
И ихъ рожденью!—Объявить прощенье
Всѣмъ воинамъ бѣжавшимъ, если только
Они опять съ повинной головой
Вернутся къ намъ! Теперь соединимъ,
Какъ клятвенно и причастившись тайнъ
Святыхъ мы вамъ ужъ обѣщали, вмѣстѣ—
И *бѣлую*, и *пурпурную* розу!
Да улыбнутся небеса на ихъ
Союзъ; такъ долго хмурились они
На ихъ вражду!—И кто, услышавъ это,
Не скажетъ намъ: аминь,—того я прямо
Измѣнникомъ бездушнымъ назову! —
Да, долго Англія сама себя
Терзала и неистово бѣсилась!..
Въ безумномъ ослѣпленьи братъ на брата
Вставалъ и проливалъ родную кровь...
Отецъ тиранилъ сына, сынъ мятежный
Шелъ въ палачи родимаго отца...
Да прекратятся же раздоры Іорка
Съ Ланкастеромъ—въ святомъ соединеньи
Елисаветы съ Ричмондомъ, законныхъ
Наслѣдниковъ вѣнчаннаго семейства!—
Соедини ихъ, Боже милосердый!
И пусть потомство ихъ,—когда потомство
Ты имъ пошлешь,—грядущіе вѣка
Обиліемъ, отрадою, весельемъ
И благодатнымъ миромъ увѣнчаетъ!
Владыко всемогущій! Преломи
Оружіе измѣны, если ей
Захочется былое возвратить
И затопить потокомъ слезъ и крови
Родную Англію, отчизну нашу!..

Владыко праведный, не дай злодѣямъ,
Которые задумаютъ нарушить
Священный миръ, вкусить отраду мира!
Все обновится!.. Раны нашихъ смутъ
Закроются незримо, заживутъ!..
И Царь небесъ на нашъ святой восходъ
Спасительный аминь произнесетъ!..

Занавѣсъ опускается.

УКРАИНСКАЯ СТАРИНА.

I.

ХАРЬКОВСКІЯ НАРОДНЫЯ ШКОЛЫ.

(Съ 1732 по 1865 г.).

Школы временъ Петра I и Анны Іоанновны.—Завѣщаніе пращура. — Мандрованные, бродячіе дьяки. — Условіе помѣщика съ учителемъ. — Роммель. — Кантонисты.

Слободская Украйна, съ 1835 г. Харьковская губернія, населилась въ XVII столѣтіи бѣглыми днѣпровскими казаками и другими жителями западной Малороссіи, въ новыхъ колоніяхъ искавшими спасенія отъ тогдашнихъ польскихъ смутъ.

Въ качествѣ казацкой колоніи, Слободская Украйна несла съ остальною Малороссіей общую судьбу и въ отношеніи первыхъ попытокъ народнаго образованія.

„За полтораста и болѣе лѣтъ назадъ,—какъ говорилъ въ XVIII вѣкѣ Шафонскій („Топографическое описаніе Черниговскаго намѣстничества 1786 года“, изд. 1851 г.),—будучи Малая Россія подъ державою польскою, завела у себя въ монастыряхъ латинскія школы. Въ сихъ училищахъ прежде, кромѣ латинскаго и польскаго языка, да нѣсколько Аристотелевой древней философіи, краснорѣчія и богословія, никакихъ наукъ не обучали. Въ позднѣйшее время стали нѣсколько греческому, еврейскому, нѣмецкому и французскому языкамъ и новѣйшей Баумейстеровой философіи учить; но все сіе ученіе весьма слабое и недостаточное. Бѣдное содержаніе учителей, а оттого и недостатокъ въ хорошихъ учителяхъ и въ книгахъ, причиною, что наука и просвѣщеніе по сіе время въ семъ краѣ весьма въ худомъ и бѣдномъ состояніи находится. Должно малороссіянамъ ту справедливость отдать, что они охотно въ науки вступаютъ, такъ что не только достаточныхъ, но и самыя бѣдныя мѣщанскія и казачьи дѣти съ доброй воли въ вышеписанныя училища идутъ и мірскимъ подаяніемъ ежедневной пищи, списываніемъ для собственнаго и другихъ обученія печатныхъ книгъ живутъ и, терпя холодъ и голодъ и всю скудость и нужду, охотно и прилежно учатся, и многіе изъ нихъ, какъ въ ду-

ховномъ, такъ и въ свѣтскомъ званіи, достойные выходили люди. Лѣтъ за сорокъ назадъ (именно въ 1746 г.), когда малороссіяне, кромѣ самой Малой Россіи, нигдѣ не искали службы, дворянскія и самыхъ почтеннѣйшихъ дѣти, обучась дома русской грамоты, вступали въ латинскія школы и, обучась тамъ лѣтъ десять и больше латинскаго языка, затруднительнаго и темнаго стихотворства, краснорѣчія и философіи, будучи уже въ возмужалыхъ лѣтахъ, вступали въ гражданскую службу канцеляристами, не поставляя то себѣ ни мало за стыдъ и подлость. Нынѣ достаточные дворяне содержатъ учителями иноземцевъ, — такъ что уже въ малороссійскихъ латинскихъ школахъ одни почти поповскія и другія церковническія дѣти учатся".

Эти-то польско-латинскія школы при монастыряхъ въ Малороссіи были разсадниками грамотности въ тѣхъ сельскихъ и приходскихъ школахъ, которыя оказываются во многихъ деревняхъ и нынѣшней Харьковской губерніи, въ царствованіе Петра I и еще болѣе при Аннѣ Іоанновнѣ.

Авторъ „Историко-статистическаго описанія Харьковской епархіи", преосвященный Филаретъ, у котораго были подъ рукой документы мѣстныхъ церковныхъ архивовъ, говоритъ (изд. 1852 г., ст. 14—15): „При обозрѣніи церквей мы видимъ, что въ Слободской Украйнѣ при многихъ церквахъ—въ 1732 году—были приходскія школы. По ставленническимъ дѣламъ видимъ, что здѣсь учились почти всѣ тѣ, которые послѣ исправляли должность причетниковъ при церквахъ, а потомъ иные поступали и въ священники. Понятно, что въ этихъ школахъ учили немногому—читать и писать. Ставленники, согласно съ духовнымъ регламентомъ, обязывались подпискою выучить катехизисъ. Но каковы были священники въ приходахъ? Получивъ священный санъ, болѣе уже не заботились они знать догматовъ вѣры, и многіе не видали и въ рукахъ своихъ книжки послѣ священія своего.—Въ 1749 г. вмѣнено въ обязанность, дабы въ каждой протопопіи были проповѣдники для обученія народа истинамъ вѣры и благочестія, въ воскресные и праздничные дни. Но оказалось, что учительныхъ священниковъ, которые могли бы говорить проповѣди своего сочиненія, было мало; многіе изъ священниковъ были изъ неучившихся ничему, кромѣ часослова и псалтири". — Священникамъ поэтому разослали книгу о тайнахъ, съ объясненіемъ ихъ званія и обязанностей. Но въ 1752 году преосвященный Іосафъ Горленко нашелъ въ одномъ изъ уѣздовъ своей епархіи 10 такихъ священниковъ, которые „были до того грубы и нерадивы, что даже не прочли этой книжки", какъ не читали ничего на свѣтѣ...

Въ „Историко-статистическомъ описаніи Харьковской епархіи" перечисляются народно-церковныя школы начала XVIII вѣка въ Сло-

бодско-украинской губерніи.—По переписи 1732 года упоминается: близъ Харькова, въ г. Куражѣ, „при соборѣ шпиталь, гдѣ призрѣваются нищіе, и двѣ школы, изъ которыхъ въ одной три наставника, а въ другой одинъ дьячокъ“; въ г. Харьковѣ, при троицкомъ храмѣ, „кромѣ богадѣльни, школа съ 7-ю наставниками-дьячками“; въ 15 верстахъ отъ Харькова, въ селѣ Деркачахъ, „школа и шпиталь, богадѣльня“; въ 30 верстахъ отъ Харькова, „въ селѣ Должикѣ школа, а въ селѣ Рогозянкѣ школа и шпиталь“; въ городѣ Валкахъ „школа и шпиталь“; въ селѣ Новой-Водолагѣ, въ томъ-же 1732 г., показаны двѣ школы, на иждивеніи тамошнихъ жителей, съ 4-мя наставниками въ одной и съ однимъ въ другой; въ томъ же селѣ позднѣе заведено училище, въ которомъ „священническія дѣти обучаются латинскому языку до риторическаго класса, также ариѳметикѣ, россійской грамматикѣ, правописанію и катехизису, по способности“. Вотъ всѣ остальныя школы того времени: въ селѣ Водолажкѣ двѣ школы; въ г. Ахтыркѣ 1 школа (она же значится и по ахтырскимъ купчимъ № 911); въ городѣ Сумахъ 5 школъ, изъ коихъ при церкви Троицкой школа съ 2 учителями и богадѣльня для мѣщанъ; въ селѣ Нижней-Сыроваткѣ 1 школа, гдѣ учителей, т.-е. „школярей 7-мъ“; въ селѣ Бабрикѣ 1 школа (на 328 душъ муж. пола); въ селѣ Стецковкѣ 1 школа и „2 школяри-учителя“ (на 1124 души муж. пола); въ селѣ Хотѣнь 1 школа; въ селѣ Кровномъ 1 школа съ 4-мя дьячками; въ Бѣлопольѣ 1 школа съ двумя учителями и *братерскій* дворъ при соборѣ, а при Ильинской церкви еще 1 школа и 2 учителя; въ селѣ Ворожбѣ (Сумской) 1 школа съ 4 наставниками; въ дѣлахъ правленія 1754 г. есть просьба Даніила Чепиринцова, который пишетъ: „1741 г. имѣлъ я учительство Лебединскаго уѣзда въ селѣ Михайловкѣ, при церковной школѣ“; въ помѣщичьемъ имѣніи „подданныхъ подпрапорнаго Павла Штепенка“, въ селѣ Штеповкѣ, упоминается 1 школа съ 3 наставниками; въ селѣ Балаклеѣ 1 школа и проч.

Въ 1732 году въ Слободской Украйнѣ, нынѣшней Харьковской губерніи, было 45 приходскихъ школъ, гдѣ учителями были дьячки и священники. Слѣдовательно, одна школа приходилась на 3000 человѣкъ жителей.

Называя древнюю школу въ селѣ Боромлѣ, пр. Филаретъ говоритъ: При Боромлянскомъ храмѣ соборномъ, Ахтырскаго уѣзда, существуетъ школа съ древнихъ временъ. Одинъ изъ уроженцевъ Боромли, сумской іеродіаконъ, Маркъ Мушенко, передъ посвященіемъ своимъ въ іеромонахи 1744 г., давалъ такое показаніе о себѣ: „по смерти отца своего остался онъ 5-ти лѣтъ и въ 1709 г. пошелъ въ училище, въ городѣ Боромлѣ, церкви Рождество Богородицы въ школу, къ бывшему въ то время дьячку Ивану Ивченку, своею во-

лею".—Другой черкашенинъ (казакъ изъ-за Днѣпра), уроженецъ села Криничнаго, монахъ Сумскаго монастыря Дорофей, въ 1749 г. показывалъ: „отъ роду ему 30 лѣтъ; книжному чтенію и пѣнію обученъ онъ ахтырскаго (слободско-украинскаго) полку села Тростинца дьячкомъ Петромъ; а по изученіи русской грамоты *бывалъ онъ при церковныхъ школахъ дьячкомъ*". Эти два показанія очень важны, говоритъ пр. Филаретъ: они доказываютъ, что при церквахъ значительныхъ черкасскихъ (харьковскихъ) мѣстечекъ уже около 1700 года были школы и учителями школъ были дьячки. Отселѣ несомнѣнно, что выраженіе, такъ часто встрѣчающееся въ дѣлахъ о посвященіи дьяконовъ и священниковъ черкасскихъ стараго времени—„обученъ дьячкомъ", означаетъ то же, что „обученъ въ церковной школѣ". По справкѣ съ документами оказывается, что заведеніе школъ при церквахъ Слободской Украйны современно самому ея населенію, и что это учрежденіе принесено черкассами изъ-за Днѣпра, *гдѣ унія вынудила рано приняться за книги*, чтобъ быть въ состояніи бороться съ проповѣдниками уніи—іезуитами.

Въ тѣхъ же документахъ говорится: „обученъ чтенію и пѣнію по разнымъ школамъ дьячками, а по изученіи былъ въ маетности (имѣніи) г. полковника въ селѣ Жукахъ дьячкомъ *по черкасскому обыкновенію, въ школѣ, 9 лѣтъ.*"—„Въ селѣ Капустянцѣ былъ (другой) при Воздвиженской церкви, по черкасскому обыкновенію, дьячкомъ, а онъ, Алексѣй, жительство имѣетъ въ селѣ Грункѣ (Полтавской губерніи), при церкви святаго Михаила въ школѣ,"—и еще выраженіе: „онъ, Іоанникій, по изученіи славянской грамоты, ходилъ по разнымъ мѣстамъ лѣтъ съ 27 въ дьячковскомъ званіи; русскаго письма чтенію и пѣнію обученъ онъ *мандрованнымъ дьякомъ*, Павломъ".—Приводя свѣдѣніе о школѣ въ селѣ Кровномъ, пр. Филаретъ говоритъ: „Въ 1742 г. дьячокъ Иванъ Григорьевъ въ селѣ Кровномъ, поставлявшійся въ священники на мѣсто отца своего, показывалъ: русскаго письма чтенію и пѣнію обученъ онъ Иванъ той-же церкви дьячкомъ Василіемъ; а по изученіи русской грамоты отданъ былъ въ *харьковскія славено-латинскія школы* и трактовалъ до поэтики, подъ учителя Варлаама Тищинскаго, и изъ показанныхъ латинскихъ школъ опредѣленъ той-же церкви дѣйствительнымъ дьячкомъ".—Упоминая школу въ селѣ Семеренкахъ, пр. Филаретъ говоритъ: „дьяконъ Яковъ Ивановъ, которому велѣно было непремѣнно выучить наизустъ катехизисъ и тогда черезъ годъ явиться къ посвященію въ священники, показывалъ о себѣ въ декабрѣ 1737 года: „родомъ онъ, Яковъ, малороссіянинъ; чтенію и пѣнію изученъ въ селѣ Семеренкахъ, въ школѣ, дьячкомъ: взятъ былъ по указу въ славено-латинскія школы и ученъ въ аналогіи и нынѣ профессоромъ Петромъ Венсовичемъ, въ грамматикѣ Пелчинскимъ, въ синтаксисѣ и въ поэтикѣ Ко-

рабановичемъ, въ Харьковѣ, въ риторикѣ Тапольскимъ два года, и по окончаніи риторики данъ ему отпускной патентъ; въ ученіи былъ 7 лѣтъ". — Наконецъ, называя школу въ селѣ Балаклеѣ, Зміевскаго уѣзда, пр. Филаретъ говоритъ: „послушникъ Святогорскаго монастыря, онъ Изюмскаго полка въ городѣ Балаклеѣ; отецъ его при школѣ Василій Жутовскій въ консисторіи показалъ о себѣ: родился Успенской церкви города Балаклеи, обучалъ *школяровъ и крылосному пѣнію*, и жилъ при отцѣ своемъ въ школахъ въ томъ городѣ *Балаклеѣ* до возрасту своего и училъ; а по смерти отца своего живалъ въ томъ же Изюмскомъ полку по разнымъ мѣстамъ — въ школахъ".

Такимъ образомъ, въ Слободскую Украйну наука перешла изъза Днѣпра, вмѣстѣ съ жителями, въ началѣ XVIII вѣка. Сперва она носила чисто латинско-польскій, схоластическій характеръ, какъ произведеніе религіозныхъ смутъ и уніи. Тогдашнія школы далеко еще не были школами для народа, т.-е. для поселянъ-пахарей и мѣщанъ. Въ нихъ обучалось бѣдное и грубое сельское духовенство, изъ котораго вскорѣ вышли первые учители будущихъ народныхъ училищъ, возникшихъ при Екатеринѣ II, и даже учители помѣщичьихъ дѣтей, купцовъ и горожанъ. Украинскій дьякъ, такъ характерно обрисованный Квиткой-Основьяненкомъ въ его романѣ „Панъ-Халявскій", и бурсакъ, предокъ гоголевскаго Вія, были первыми сѣятелями науки на югѣ Россіи въ началѣ XVIII вѣка. Считаю полезнымъ, для обрисовки понятій того времени о наукѣ, привести въ точной копіи напечатанное въ газетѣ „Харьковъ" (1865 года № 1-й) *завѣщаніе моего прадура*, бывшаго Изюмскаго слободскаго полка андреевской сотни сотника. Данилы Данилевскаго. Это завѣщаніе писано послѣднимъ въ 1716 году, 24 декабря, засвидѣтельствовано въ бывшей тогда бѣлгородской конторѣ крѣпостныхъ дѣлъ въ 1719 г. и найдено мною, въ двухъ подлинныхъ копіяхъ, въ харьковскомъ архивѣ гражданской палаты, при одномъ тяжебномъ дѣлѣ прошлаго XVIII вѣка. Сотникъ Данило въ 1709 г. 31 іюля угощалъ у себя на хуторѣ, на Донцѣ, въ сотенной крѣпостцѣ *), царя Петра I, въ проѣздъ послѣдняго черезъ земли Изюмскаго полка къ полтавскому войску, передъ знаменитою баталіей съ Карломъ XII, а въ 1717 году былъ схваченъ, по ложному доносу Сербина-Чиркова, и увезенъ „въ-навечеріи Рождества Христова" въ Петербургъ, въ розыскную канцелярію кн. Юсупова, гдѣ и умеръ, оправданный впрочемъ за нѣсколько недѣль передъ своею смертью. Онъ тогда чуть не лишился всего своего громаднаго состоянія, пріобрѣтеннаго имъ по занимкѣ, по купчимъ и отъ царя

*) До 1800 года Великое Село, а теперь лѣсная пустошь, купленная Д. Д. Кузнецовымъ, нынѣ принадлежащая Я. И. Геeру.

Петра I въ подарокъ „за службу и за полонное его терпѣніе“,— ложно обвиненный въ мнимой измѣнѣ.—Онъ былъ Подолянинъ, выходецъ изъ заднѣпровской Украйны, и, какъ православный, на берегахъ Донца явился въ числѣ первыхъ осадчихъ или населителей земель Слободской Украйны, вмѣстѣ съ Донцами-Захаржевскими, Квитками, Шидловскими, Савичами и другими. Объ этомъ сотникѣ Данилѣ Данилевскомъ и о его сынѣ Евстафіѣ, потомъ извѣстномъ полковникѣ Изюмскаго полка, во времена царицы Анны Іоанновны осталось въ фамильныхъ бумагахъ гг. Данилевскихъ множество сказаній и оффиціальныхъ документовъ. Приводимое здѣсь завѣщаніе писано Данилою Данилевскимъ наскоро, передъ глазами присланнаго за нимъ грознаго „юсуповскаго посла“, и обращено къ полковнику Михайлѣ Донецъ-Захаржевскому, который, какъ оказывается изъ этого завѣщанія и изъ другихъ бумагъ, теперь находящихся въ моихъ рукахъ, былъ зятемъ завѣщателя, будучи женатъ на его дочери, Варварѣ Даниловнѣ Данилевской. Данило Даниловичъ, всего за 25-ть лѣтъ передъ тѣмъ, съ своими вѣрными товарищами-казаками и подпомощниками бѣжалъ отъ „ляшской справы“ изъ Подоліи, на берега новой своей родины, на Донцѣ, въ нынѣшній Зміевской уѣздъ, гдѣ его потомки до сихъ поръ владѣютъ его „купленнымъ, подареннымъ отъ царя и старозаимочнымъ, по его черкасской обыкности“, наслѣдствомъ, селомъ Пришибомъ, съ хуторами, лѣсами, озерами, рыболовнями и степями. Вотъ это завѣщаніе, замѣчательное тѣмъ взглядомъ на науку, какой внесли на берега Донца тогдашніе украинскіе православные выходцы изъ Подоліи:

„Пане полковнику, милый мой зятю!

„Объявляю вашей милости, такожъ всему дому, кому о семъ надлежитъ, ѣдучи въ назначенный мой путь, въ Санктпетербургскій, жадая (1) по васъ не оставить моего куреня (2), въ случаяхъ, аки вся Богу возможно. То помнить надлежитъ всѣмъ моимъ дѣтямъ по Бозѣ и по Пресвятой Богородицѣ; и нынѣ сродниковъ и родниковъ въ упеку всѣхъ вручаю полковникови Михаилу Захаржевскому, абы, прозираючи по годности дѣтей моихъ, что-бъ кому вдѣлить, по реестру моей кровавой працы (3), что нынѣ остается, якъ въ домѣ моемъ, такожъ и въ разныхъ маетностяхъ (4) и хуторахъ, такожъ въ мельницахъ. Первое, что ни есть въ скрынѣ (5) моей въ погребѣ запечатанныхъ денегъ, то все полковникови и все въ его разсмотрѣніе, серебро, такожъ иконы и сукманы (6). Нынѣ осталось по отъѣздѣ моемъ сто осьмдесятъ кухвъ (7) горѣлки; ту горѣлку попродавъ, роздать по монастырямъ и по церквамъ и убогихъ, за душу. Что ны-

(1) Желая.—(2) Домъ.—(3) Трудъ.—(4) Движимое имѣніе.—(5) Сундукъ.—(6) Суконныя платья.—(7) Бочка.

нѣшней зимы нароблятъ (8), то продавши, въ монастырѣ Зміевскомъ зробить каменную трапезу. Женѣ моей Аннѣ, зъ моей працы, строить обѣды, а въ домѣ моемъ жить ей до смерти и всѣмъ господарствовать, что ни есть на Андреевцѣ, мельницами, гутою (9), пасикою, винницею (10) маетностями и бидломъ (11). Что есть же на Балаклейкахъ (12) и въ Курбатовѣ, такожъ балаклейскими млинами; что надлежитъ Евстафію—по смерти моей, женѣ Аннѣ; да мельница купенская и левковская—два кола (13) Аннѣ; а въ возвратъ Евстафію купенская и левковская мельницы до смерти особо владѣть ей. А по смерти жены моей та купенская мельница внукови между Михайлови Захаржевскому (14); а левковскіе кола два Ташкѣ внуци (15). Зміевской грунтъ, если суденъ (16) будетъ Максимъ, сильно есть ему; если-жъ такъ, какъ нынѣ не вчится (17), то только едну мельницу ему, которая отъ Лиману; такожъ тогда и ольшанскій грунтъ, что есть нашева и что въ городѣ заводовъ нашихъ; а мельница полковникови Зміевская.—Печенѣжскій грунтъ Иванови, со всѣмъ бидломъ, и оба Бурлучки (18). Грицькови мужикови, простому валянцѣ (19), тысяча рублей, что въ ярми бывшаго ралечнаго (20). А что остался Прокопъ триста рублей виноватъ съ давнихъ долговъ, тими церковную работу въ Андреевцѣ сдѣлать. А что есть гдѣ долговъ въ записной книгѣ, и то доправивши чинить по разсмотрѣнію. Дѣтямъ моимъ сынамъ зъ грошей ничего не дать. За нихъ много грошей страчено, а иные и сами не стоятъ, за то, что не вчились (21). Нехай нынѣ за то страждутъ, въ юности не хотяще труждатися. А когда пожените, то въ томъ по своему разсмотрѣнію зробите, кому что дасте, памятуючи на смерть. Затѣмъ, вамъ предложивши зичливо (22) всего добра и вручая Господеви моему и Пресвятой Богородицѣ и всѣмъ святымъ, вашъ родичъ, зичливый на послушаніе — Данило Данилевскій.—Зміевскаго хутора въ навечеріи Рождества 1717 г.“

Найдя въ приведенномъ выше документѣ у пр. Филарета выраженіе „мандрованный дьякъ“, я обратился въ 1865 г. къ старожилу г. Харькова, Т. И. Селиванову, съ просьбой объяснить, что это значитъ?

— Очень хорошо знаю и понимаю, что это такое было,—отвѣ-

(8) Сдѣлаютъ.—(9) Стекляный заводъ.—(10) Винокурня.—(11) Скотъ.—(12) Рѣки, впадающія и теперь въ Донецъ.—(13) Колеса.—(14) Сынъ того полковника Михаила, кому писано завѣщаніе.—(15) Внукѣ Татьянѣ Захаржевской.—(16) Разсудителенъ.—(17) Не учится.—(18) Два огромныхъ имѣнія, Великій и Малый Бурлукъ, принадлежавшіе въ 1716 году Д. Д. Данилевскому, послѣ частью перешли въ руки гг. Задонскихъ.—(19) Сынъ сотника Григорій былъ, какъ видно, своему отцу непріятнѣе еще Максима; Максимъ только былъ не суденъ, а этого отецъ зоветъ и мужикомъ, и валянцей, т.-е. пьяницей; имѣніе ему не дано.—(20) Въ долгу у бывшаго „ларечнаго“ казначея. (21) Не учились.—(22) Отмѣнно.

тилъ г. Селивановъ: дьячки въ старину нанимались, по добровольнымъ сдѣлкамъ съ прихожанами, къ церквамъ для пѣнія, чтенія и для ученія въ церковныхъ школахъ. Учитель-дьякъ при школѣ, обучая будущаго такого же дьяка, обыкновенно говорилъ ему такую поговорку: „Какъ станешь самъ учителемъ, *учи такъ, чтобъ не отбилъ школы!*“ т.-е. не открывай своему ученику *всего*, чтобъ ученикъ у тебя не отбилъ въ приходѣ школы и не сѣлъ бы на твое мѣсто. Вотъ этого-то *всего*, всей сути школьнаго познанія и добивались узнать разными хитростями у своихъ учителей поступающіе въ школы дьячки... Для этого-то, между прочимъ, они переходили изъ школы въ школу, бродили по селамъ, „мандровали“—по-украински. Бродячій или *мандрованный дьякъ* являлся въ сельскую школу, притворялся ничего незнающимъ, узнавалъ часть нужныхъ свѣдѣній у одного учителя-дьяка, часть у другаго, шелъ дальше и вскорѣ становился самъ знающимъ все, перехитривши своихъ учителей, изъ которыхъ каждый, между тѣмъ, выросъ на пресловутой поговоркѣ: учи такъ, чтобъ не отбилъ школы...

— Въ чемъ же состояло это могучее всезнаніе тогдашнихъ церковныхъ школъ?

— Я самъ учился въ семинаріи,—отвѣтилъ Т. И. Селивановъ:—лѣтъ за 60 передъ этимъ. А у насъ были свои старожилы по 60 и по 80 лѣтъ. Отъ нихъ-то мы и узнали о былыхъ временахъ. Вотъ въ чемъ было знаніе мандрованныхъ дьяковъ. Первыя свѣдѣнія вездѣ въ сельскихъ школахъ, въ прошломъ вѣкѣ, состояли въ чтеніи псалтыря. Потомъ шло обученіе пѣнію 8 гласовъ: на „Господа воззвахъ къ тебѣ!“—потомъ 8 гласовъ на „Бо Господи явися намъ“; затѣмъ на ирмосы 8 гласовъ. Но были еще на тѣ же псалмы и ирмосы пѣніе самогласное, т.-е. на свой собственный голосъ, своего сочиненія, и подобное, т.-е. двойныя слова, двойной текстъ на одинъ мотивъ или голосъ. Въ тотъ отдаленный вѣкъ только и можно было щегольнуть, что этими мудростями пѣнія. Оттого-то и были у насъ тогда мандрованные дьяки, учившіеся ирмосамъ въ Водолагѣ у одного учителя, а самогласному пѣнію въ Боромлѣ, или подобному въ Балаклеѣ. И не одни дьяки знали такія премудрости. Крестьяне тонули въ невѣжествѣ; за-то нѣкоторые купцы знали всѣ эти тонкости и на домашнихъ бесѣдахъ и пирушкахъ распѣвали псалмы самогласные и подобные. Еще въ мое отрочество славились въ Харьковѣ екатерининцы-купцы такого рода: А. Д. Скрынникъ, И. Т. Ващенко и И. Г. Рѣшитько. Такъ что о такихъ людяхъ говорили въ городѣ: „они учились у мандрованныхъ дьяковъ, да и сами, кажется, изъ мандрованныхъ“, т.-е. разумнѣйшихъ.

Вскорѣ ученость дьяковъ въ губерніи вошла въ извѣстность. Ихъ

и семинаристовъ стали брать *„на кондиціи“*, т.-е. къ дѣтямъ своимъ въ домашніе учителя,—богатые помѣщики. Гоголь въ повѣсти „Вій“ приводитъ вѣрное изображеніе этихъ бурсаковъ, отправлявшихся на кондиціи изъ городовъ по деревнямъ. „Самое торжественное для семинаріи событіе было вакаціи. Тогда всю большую дорогу усѣявали грамматики, философы и богословы. Послѣдніе отправлялись на кондиціи, т.-е. брались учить или приготовлять дѣтей людей зажиточныхъ и получали за то въ годъ новые сапоги, а иногда и сюртукъ. Каждый тащилъ съ собою мѣшокъ, въ которомъ находилась одна рубашка и пара онучъ. Завидывали въ сторонѣ хуторъ, тотчасъ сворачивали съ дороги, приблизившись къ хатѣ, выстроенной поопрятнѣе другихъ, становились передъ окнами въ рядъ и во весь ротъ начинали пѣть кантъ. Хозяинъ долго ихъ слушалъ, подпершись обѣими руками, потомъ рыдалъ прегорько и говорилъ, обращаясь къ своей женѣ: „жинко! то, что̀ поютъ школяры, должно быть, очень разумное; вынести имъ сала и чего-нибудь такого, что̀ у насъ есть!“ Такъ поступали полтора вѣка назадъ безсмертные: богословъ Халява, философъ Хома Брутъ и риторъ Тиберій Горобецъ у Гоголя.

Я спросилъ Т. И. Селиванова, не помнитъ ли онъ, какъ въ старину приглашались такіе семинаристы на кондиціи?

— Какъ не знать! Обыкновенно зажиточный какой-нибудь харьковскій помѣщикъ писалъ къ архіерею или къ ректору семинаріи такое письмо съ дворецкимъ своимъ: „ваше преосвященство, мнѣ нуженъ учитель учить дѣтей грамматикѣ, риторикѣ, поэзіи; жалованье ему десять или пятнадцать рублей въ годъ и одежда“. Архіерей выберетъ семинариста и послѣдній, съ одною книгою „Письмовникомъ Курганова“, этою полнѣйшею энциклопедіею того времени, ѣдетъ учить, и имъ очень довольны. Бывали съ этими бѣдняками-учителями грустныя исторіи. Такъ, помѣщикъ сумскаго уѣзда, Хрущовъ, въ концѣ прошлаго XVIII вѣка, обратился къ архіерею Аггею съ просьбой объ учителѣ, прибавляя, чтобъ выслалъ такого, „который училъ бы дѣтей говорить *по-русски*, а не по-малороссійски“. „Мы, прибавилъ при этомъ Т. И. Селивановъ, застали уже въ 1807 году въ училищахъ самого Харькова учителей, что такъ и рѣзали по-украински съ учениками; да мы, т.-е. новоприбывшіе изъ семинарій учителя, по распоряженію начальства, сломили ихъ и пріучили говорить *по-русски*“. Въ статьѣ В. И. Каразина: „Взглядъ на украинскую старину“ мы нашли очень характерную замѣтку, по части украинскаго языка и его судебъ въ украинскихъ школахъ прошлаго вѣка: „города наши *прежде* заселились великороссіянами, преимущественно торговыми людьми; школы *прежде* ввели русскій языкъ (Молодикъ, 1843 г.). „Вотъ и поѣхалъ къ Хрущову на кондицію, изъ духовнаго

народнаго училища, семинаристъ Павловскій, — продолжалъ Селивановъ: — пріѣхалъ къ помѣщику учить его дѣтей. Дѣти выросли, оставили науку; Павловскій такъ сжился съ хозяевами, что сталъ учить его крестьянскихъ дѣтей. Пока былъ онъ учителемъ въ домѣ Хрущова, онъ съ хозяиномъ и обѣдалъ, а тутъ уже перевели его въ людскую. Прошло еще нѣсколько лѣтъ; сталъ онъ отъ скуки и конторой заниматься, а тутъ его уже почти и приказчикомъ дѣлаютъ. Потяготился онъ, сталъ проситься изъ деревни. — „Ты что?" — спрашиваетъ его Хрущовъ: — не слушаться? *ты вѣдь мой*!" — Одѣли Павловскаго по-мужицки, заставляютъ уже и жениться на крестьянкѣ. — „Нѣтъ, этого не будетъ!" — „Нѣтъ, будетъ!" — „Да почему же я вашъ?" — „*А потому, что я тебя, братецъ*, говоритъ Хрущовъ, *записалъ въ шутку за собою по ревизіи крестьяниномъ своимъ крѣпостнымъ*". Словомъ, свободный учитель изъ семинаристовъ, Павловскій, сталъ нежданно мужикомъ барина Хрущова. Заплакалъ онъ, сталъ тосковать; гонятъ его уже и на панщину, на работу. Искать, жаловаться? но кому? попалъ въ ревизію, и баста. Къ счастію его, явился по сосѣдству, за сборомъ, іеромонахъ изъ того же училища, гдѣ былъ когда-то и Павловскій. Разговорились. Павловскій умолилъ его навести справки, отыскали въ архивѣ семинаріи ордеръ архіерея объ отсылкѣ Павловскаго въ учителя и вызволили его, съ выговоромъ Хрущову: что-де онъ могъ записывать за собою крестьянъ переходныхъ, но не свободныхъ учителей. Этотъ Павловскій, бывшій на своемъ вѣку черезъ учительство въ крестьянахъ, жилъ 80 лѣтъ и умеръ въ 1848 году. По его словамъ, не онъ одинъ попадалъ въ крестьяне въ то время. Нѣкоторые такъ и не освободились и остались крѣпостными за помѣщиками, у которыхъ учили дѣтей или были послѣ приказчиками...

Т. И. Селивановъ передалъ мнѣ еще слѣдующій очеркъ учителя того времени.

„Былъ нѣкто дворянинъ Ѳедоръ Ивановичъ Кудрицкій. Учился онъ въ харьковскомъ коллегіумѣ и зналъ, хоть плоховато, французскій языкъ. Онъ поѣхалъ на кондиціи къ купянскому помѣщику Сошальскому. Сошальскіе тогда были „громкіе", а Кудрицкій былъ бойкій изъ бойкихъ. Бурсаки тогда еще „мірковали", т.-е. побирались подъ окнами, распѣвая канты. У Кудрицкаго всего имущества была вязаночка книгъ, да войлочекъ и подушка. Разсказываютъ, что когда онъ пріѣхалъ и легъ въ пуховую постель, приготовленную ему бѣлыми ручками изъ бѣлоснѣжныхъ простынь г-жею Сошальскою, такъ съ него снялся цѣликомъ отпечатокъ на бѣльѣ, точно чернилами... Барыня и вся семья сбѣжались въ ужасѣ, узнали, что у учителя, кромѣ халатика, нѣтъ никакого бѣлья, спили ему рубаху, чунарку и

прочее,—онъ сталъ учить хозяйскихъ дѣтей, и они, какъ передаютъ, послѣ недурно говорили по-французски".

Въ „исторіи Руссовъ", т.-е. Малороссіи, Георгія Конискаго, приводится слѣдующая черта о школахъ, или скорѣе украинскихъ школьникахъ конца XVIII вѣка. „Царствованіе Петра III, продолжавшееся только половину года, отличалось воинскими ополченіями, экзерциціями и приготовленіями къ нимъ. Столица его и окрестности ея наполнились звукомъ оружія. Въ Малороссію посланы отъ сего государя зазывы, самые лестные для молодыхъ людей, приглашающіе въ военную службу голштинскую. Юношество здѣшнее всѣхъ состояній и воспитаній, какъ бы волшебною силою, возмутилось и поднялось птичьимъ полетомъ на сѣверъ. Всѣ дороги были наполнены сими голштинцами. Одѣтые изъ нихъ въ тонкое шелковое платье, т.-е. панычи, текли вмѣстѣ съ ободранными и полунагими молодцами и равнялись съ ними гарусными галстучками, надѣтыми на подобіе оброчиковъ (ошейниковъ) на ихъ шеи. Студенты и ученики училищъ приняли на себя военные оброчики и тянулись вслѣдъ за первыми вербовщиками. — Но, какъ все скорое и порывистое имѣетъ и такой же конецъ, такъ и они, съ іюня мѣсяца 1762 года, по кончинѣ государя, бывъ уничтожены и распущены во-свояси, волоклись всѣми дорогами въ Малороссію и, подходя къ своимъ жилищамъ, прятались въ лѣсахъ и байракахъ до ночи, не показываясь отъ стыда своимъ знакомымъ". Этотъ школьный погромъ помнятъ еще многіе и въ здѣшней губерніи изъ разсказовъ старожиловъ.

Европейскія смуты въ концѣ XVIII вѣка снабдили Россію учителями изъ эмигрантовъ всѣхъ націй. Такъ и Слободская Украйна увидѣла многихъ изъ этихъ почтенныхъ лицъ, родомъ нѣмцевъ, венгровъ, чеховъ, французовъ, итальянцевъ и даже швейцарцевъ. Старожилы помнятъ южно-русскихъ учителей гг. Санбёфа, Ивана Вернета (этотъ швейцарецъ былъ потомъ любимымъ харьковскимъ журналистомъ) и многихъ изъ первыхъ харьковскихъ профессоровъ, о которыхъ, по отношенію ихъ къ тогдашнимъ народнымъ школамъ, скажется ниже. Но послѣдующіе гувернеры и сельскіе учители изъ иностранцевъ далеко не были тѣмъ, чѣмъ первые изъ иностранцевъ, явившихся въ концѣ XVIII вѣка просвѣщать южныя степи и то изъ ея сословій, которое тогда только и училось, рядомъ съ духовенствомъ, т.-е. дворянскихъ дѣтей.

Вотъ замѣчательное *„условіе помѣщика съ учителемъ"* за 63 года назадъ, которое можетъ легко обрисовать положеніе тогдашнихъ первостепенныхъ сельскихъ учителей, т.-е. иностранцевъ. Какъ же смотрѣли тогда на учителей изъ русскихъ! Выписываю это условіе, слово въ слово; оно озаглавлено въ „Молодикѣ" 1843 г. съ „черноваго, пи-

саннаго рукою г-на помѣщика": „1806 года, октября 7 дня, я ниже подъписавшейся Прусской нации Фридрихъ Лотъ обовязалъ ся сымъ контрактомъ отвступленія моего вдолжность жить годъ вдоме Харьковскаго уезда у г. помещика подполковника К. обучать зимніе мѣсяци дѣтей ево нѣмецкому язику граматическимъ правиламъ читать и писать и нижнихъ классовъ арифметики и за синомъ ево К. иметъ неусипное смотреніе за поведеніемъ ево и доставлять всякое ему благонъравие какъ воспитанию благородному дитяти принадлежитъ безъ малѣйшаго упущенія *вестъ себя всегда трезво* и добропорядочно, какъ честному человеку принадлежитъ быть для хорошово примеру, впротивномъ же случае за несмотрение мое или пянство и худыя поступки повиненъ я Лотъ отвечать по законамъ; *и по прохожденее зъмнихъ месяцей*, мне Лоту за ево синомъ уже болѣя не смотреть и дѣтей не учить, *а вступитъ мнѣ вдолжность садовничию* и старатца здѣлать два аглицкия сада завестъ теплици цветники и парники крытия алей ранжирею и огородни порасаживать деревья и делать прививки колеровки и отводи самимъ искуснимъ образомъ по сей должности старача не леностью делать приобретенія разныя размноженію фруктовыхъ деревьевъ, дабы неусыпнымъ рачениемъ моимъ и трудами заслужить могъ себѣ похвалу и награжденіе; мнѣ Лоту получить вгодъ отъ ево К. пшеницы пять и ржи 4, крупъ одну, пшена одну, гороху одну, овса двѣ четверти, всего четирнадцать четвертей, масла коровьево пудъ, масла постново ведро, сала свинова 2 пуда, соли 2 пуда, свѣчнова сала топленова пудъ, уксусу ведро, *наливки 2 ведра горячево вина 3 ведра*, солонины 4 пуда, вичины пудъ, свѣжаго мяса 6 пудъ и пристойное число крошева и свекли квашеной и годового жалованья 120 рублей. Буде же я хотя окажуся въ сихъ должностяхъ незнающъ и нерачителенъ, то вольно ему меня отпустить, заплатя за тотъ терменъ мнѣ жалованье, что я проживу въ ево, и всю провизію и прочее все то, что я заслужу".

Пока высшее сословіе въ губерніи, записывая въ шутку своихъ учителей въ крѣпостные, само еще не въ шутку смѣшивало званіе ихъ съ званіемъ садовника и не думало о просвѣщеніи своихъ и окрестныхъ простолюдиновъ, правительство приняло рядъ мѣръ, давшихъ образованіе пока духовенству и горожанамъ губерніи.

Въ рукописной замѣткѣ г. Кеппена, находящейся въ архивѣ харьковскаго университета, подъ названіемъ „*Училища въ Харьковѣ*", я нашелъ нѣкоторыя данныя касательно возникновенія народныхъ школъ въ краѣ. „Первоначальное заведеніе публичныхъ школъ въ Харьковѣ, кажется, говоритъ г. Кеппенъ, должно отнесть къ 1726 году, когда Епифаній, епископъ бѣлогородскій и обоянскій, перевелъ туда, основанное имъ въ 1722 году въ Бѣлгородѣ, училище. Заведеніе сіе,

обязанное существованіемъ духовному регламенту 1721 года и грамотѣ, дарованной императрицею Анною Іоанновною 16 марта 1731 года, именуется славено-греко-латинскою школою. Къ нему была приписана покровская церковь, почему и названо харьковскимъ училищемъ покровскимъ монастыремъ, съ тѣмъ, чтобы учить всякаго *народа* и *званія* дѣтей православныхъ не только піитикѣ, риторикѣ, но и философіи и богословіи, и языкамъ славено-греческому и латинскому. Князь М. М. Голицынъ, въ то время бывшій главнокомандующимъ на Украйнѣ, снабдилъ училище вотчинами (въ 50 верстахъ отъ Харькова, въ Валковскомъ уѣздѣ, с. Песочки съ хуторами), а генералъ-маіоръ Шидловскій подарилъ училищу каменный домъ. Такимъ образомъ, положено было основаніе харьковскому духовному коллегіуму, въ которомъ архіепископъ Петръ Смѣличъ (съ 1736 года) ввелъ языки французскій и нѣмецкій, исторію, географію, вызвалъ изъ европейскихъ училищъ потребное число учителей. По отлученіи его отъ епархіи въ 1741 г., эти науки тамъ прекратились, но введены снова Екатериною II, по инструкціи 1765 года, данной сенатомъ слободскому губернатору. О послѣднемъ просили царицу сенаторы: Шаховской, Панинъ и Олсуфьевъ, въ докладѣ 1765 г., по коммиссіи слободскихъ полковъ. Классы предоставлены вѣдѣнію губернскаго правленія, съ тѣмъ, чтобы ученики коллегіума обучались въ нихъ безъ всякаго платежа. Сироты и неимущіе обучались на казенномъ содержаніи, проживая въ такъ называемомъ сиропитательномъ домѣ (въ бурсѣ). Тутъ въ училищѣ обучались: языкамъ французскому и нѣмецкому, геометріи, геодезіи, фортификаціи, артиллеріи, рисованію, музыкѣ, танцованію и пр.“ Коллегіумъ, по словамъ статьи „Молодика“ 1843 г., „воспиталъ многихъ государственныхъ мужей, архіереевъ, губернаторовъ, отличнѣйшихъ врачей и даже отличныхъ воиновъ, ибо дворянство училось въ немъ совмѣстно съ духовенствомъ“.

Въ *Топографическомъ описаніи харьковскаго намѣстничества, съ историческимъ предувѣдомленіемъ о бывшихъ въ сей странѣ съ древнихъ временъ перемѣнахъ*“ и пр. 1788 г., приведена грамота императрицы Анны Іоанновны 1731 г. объ открытіи народной школы при харьковскомъ покровскомъ монастырѣ, гдѣ говорится: „Понеже дядя нашъ Петръ Великій особливое попеченіе имѣлъ о размноженіи училищъ и школъ, какъ духовныхъ, такъ и для свѣтскихъ наукъ, въ 1721 году объявлено, чтобы каждый архіерей въ своихъ епархіяхъ имѣлъ школы и семинаріи; а нынѣ—Епифаній епископъ въ г. Харьковѣ основалъ школы каменныя и учредилъ игумена надъ школами ректоромъ, да еще префекта и учителей, а именно всѣхъ 8 человѣкъ, отчего-де не токмо священству, *но и отечеству россійскому* не малый плодъ происходитъ; и чтобъ на подкрѣпленіе тѣхъ школъ

и свободнаго въ нихъ ученія, дабы и впредь были отъ его сукцессоровъ содержаны ненарушимо, дать нашу жалованную грамоту; такожде стараться, чтобъ науки вводить на собственномъ *россійскомъ языкѣ*; а неспокойныхъ и вражды творящихъ учителей и учениковъ унимать и смирять" и пр.

Въ *„Южномъ Сборникѣ"* (учено-литературный журналъ, изд. Н. Максимова, 1859 г., Одесса) напечатаны въ высшей степени любопытныя „воспоминанія профессора Роммеля о своемъ времени, Харьковѣ и харьковскомъ университетѣ" съ 1811 по 1815 г. въ переводѣ г. Я. Баляснаго съ подлинника, изданнаго въ 5-мъ томѣ извѣстнаго собранія Бюлау: „Geheime Geschichten und räthselhafte Märchen". Нельзя не пожалѣть, что наша литература представляетъ такъ мало подобныхъ мемуаровъ. Покойный Роммель († 1859 г.) приводитъ кучу анекдотовъ о профессорахъ, своихъ былыхъ товарищахъ, рисуетъ смѣло картину первыхъ насажденій науки въ краѣ. Въ Харьковѣ, между прочимъ, до того тогда грязномъ, что профессора были вынуждены учредить для студентовъ „грязныя каникулы" feriae luti— въ 1811 году, въ отношеніи къ наукѣ, былъ еще совершенный хаосъ. „Все это" (устройство школъ), говоритъ Роммель, „было въ какомъ-то хаотическомъ состояніи, напоминавшемъ времена св. Винфрида и его учениковъ, Штурма и Лулля. Отдѣльнымъ учрежденіемъ былъ *училищный* комитетъ, изъ шести ординарныхъ профессоровъ, по выбору; члены его отряжались для обозрѣнія гимназій и уѣздныхъ училищъ и, на время отсутствія, замѣнялись, при чтеніи лекцій, адъюнктами". Описывая научныя командировки профессоровъ, Роммель, при очеркѣ своей поѣздки въ Славянскъ, говоритъ (стр. 49): „Постоялыхъ дворовъ не существовало; ихъ замѣняло украинское гостепріимство; издержекъ на пищу почти не было; за-то всякая починка повозки или саней требовала много веревокъ; поэтому, не задумываясь, ставили на порванныя веревки страшно высокіе счеты". Уѣздныя училища тогда едва возникали, причемъ украинскіе помѣщики, финансовые основатели университета, показали много патріотизма; дворянство взяло на себя содержаніе училищныхъ зданій, а священники первое недалекое преподаваніе". Дворянская молодежь, по словамъ Роммеля, „смотрѣла на занятія, какъ на ступень къ высшимъ чинамъ по службѣ; студенты, уже не молодые, изъ окрестныхъ дворянъ, поступившіе съ тѣмъ, чтобы выдержать особенный экзаменъ для повышенія въ чинахъ, были подчинены нелѣпой, почти военной дисциплинѣ". Въ качествѣ члена училищнаго комитета, говоритъ Роммель, я открылъ два главные недостатка: нравственную порчу учениковъ, которые были въ постоянномъ заговорѣ противъ учителей, и чрезмѣрное самоуправство директоровъ гимназій, больше выслужившихся

и полуграмотныхъ офицеровъ военной и даже морской службы". Дѣлая намеки на „обкрадываніе казны" даже членами университета, Роммель съ горечью рисуетъ физіономіи профессоровъ, этихъ членовъ тогдашняго училищнаго комитета. „Успенскій былъ русскій крючокъ; по должности синдика, онъ умѣлъ толковать указы вкривь и вкось... Всѣ эти господа отличались большимъ притворствомъ и хитростью. Въ засѣданіяхъ, хладнокровно и зорко слѣдили они за ходомъ споровъ, ловили каждое слово иностранцевъ, не всегда разборчивыхъ на выраженія, и умѣли пользоваться минутою, когда кто-нибудь изъ нихъ, въ пылу спора, увлекался открытымъ выраженіемъ своего мнѣнія. Тотчасъ же изъ ихъ фаланги поднимался голосъ: „въ протоколъ записать!" — „*довести до свѣдѣнія начальства*!" „Всегдашнею ихъ тактикою было: представить неосторожнаго вольнодумцемъ, врагомъ порядка и правительства. И это они называли: служить вѣрою и правдою!" Отъ этого профессоръ Шадъ однажды въ совѣщаніи до того забылся, что сказалъ: „вы всѣ холопы!" На него впослѣдствіи былъ сдѣланъ доносъ; лекціи метафизики по Шеллингу выданы за атеизмъ. Его препроводили изъ Харькова до границы и онъ кончилъ несчастную жизнь въ Іенѣ, гдѣ Гёте и Шиллеръ приняли его и поручили вниманію русскаго посланника. Въ 1817 г. у него была мысль издать записки о всѣхъ пережитыхъ имъ на Руси несправедливостяхъ и скандалахъ, но *крайняя нищета* заставила его, незадолго до смерти, продать свою тайну.

Такимъ образомъ, хотя школы въ Слободской Украйнѣ были открыты еще въ началѣ XVIII-го вѣка, усиліями мѣстнаго духовенства, но въ нихъ приготовлялись только будущіе служители клиросовъ и алтарей. Грамотность черезъ нихъ въ народъ собственно не проникала, за то, готовя пѣвчихъ, пономарей, дьячковъ и дьяконовъ, эти петровскія школы въ то время въ этихъ лицахъ готовили будущихъ учителей. Народъ тогда искалъ въ наукѣ одного: узнанія немногихъ молитвъ, догматовъ вѣры и пѣнія церковныхъ кантовъ. Послѣдніе распѣвались даже на званыхъ частныхъ пирушкахъ. Спѣть кантъ значило тогда то-же, что теперь сыграть польку или вальсъ. Но если въ началѣ XVIII-го вѣка въ петровскихъ грекославянскихъ школахъ преобладала стихія церковная, внѣшне-обрядовая, вліявшая на народъ, въ концѣ XVIII-го вѣка въ полу-латинскихъ и также полу-духовныхъ народныхъ нашихъ школахъ было также народнаго одно названіе. Мало утѣшительнаго принесъ этимъ школамъ и XIX вѣкъ. Тутъ сельскія школы подавлены чиновничьимъ вліяніемъ въ обширнѣйшихъ размѣрахъ.

Въ 1860—61 годахъ на югѣ Россіи закрыты школы военныхъ кантонистовъ, одна память о которыхъ до сихъ поръ составляетъ пу́гало въ дѣлѣ развитія грамотности въ средѣ народа. Эти школы теперь уже принадлежатъ исторіи, вслѣдствіе уничтоженія самихъ военныхъ поселеній; слѣдующія данныя о нихъ извлечены мною изъ мѣстныхъ архивовъ. Въ 1835 году состоялось постановленіе, дабы солдатскіе сыновья, при родственникахъ до 20-ти лѣтъ оставляемые, отнюдь не проживали при нихъ долѣе сего возраста, подъ опасеніемъ штрафа. Въ весеннее время солдатскія дѣти (до 20 ти лѣтъ) *высылались* въ губернскіе города тѣхъ губерній, гдѣ они проживаютъ. Тутъ они поступали въ вѣдѣніе командировъ внутреннихъ гарнизоновъ, гдѣ сперва образовались въ выправкѣ и маршировкѣ, безъ оружія. Къ кантонистамъ причислились, по Своду Военныхъ Постановленій: „всѣ сыновья, прижитые военными нижними чинами не изъ дворянъ, во время нахожденія ихъ въ службѣ военной“; „сыновья, коими матери, при вступленіи мужей ихъ въ военную службу, остались *беременными*“; всѣ дѣти мужского пола, *незаконнорожденныя* солдатками, или *рекрутскими женами* при жизни мужей, и незаконнорожденныя отъ солдатскихъ *вдовъ*, отъ солдатскихъ *дѣвокъ* до брака и отъ дочерей *сихъ дѣвокъ* до брака же“; „*подкидыши* мужескаго пола къ нижнимъ военнымъ чинамъ или *служителямъ* регулярныхъ войскъ“; „сыновья кантонистовъ, поступившихъ въ межевое вѣдомство“; „сыновья солдатскихъ сыновей“, и пр. (статьи 64, 65 и 66 кн. 1 гл. 1 Свода Военныхъ Пост.). — По окончаніи срока ученія въ кантонистскихъ батальонахъ и полубатальонахъ, „кантонисты, менѣе способные къ фронту, поступали наиболѣе въ писаря, а также цейхшреберы, цейхдинеры, фельдшера, цирюльники и аптекарскіе ученики, а затѣмъ, мало-способные по понятіямъ въ наукѣ—въ вагенмейстеры, надзиратели больныхъ и служители при церквахъ военнаго вѣдомства“; „выпускаемые же на службу опредѣлялись рядовыми“; а иныхъ „черезъ три года, не ранѣе, производили при этомъ въ унтеръ-офицеры“ (статьи 161—168). — Въ архивѣ с. Андреевки мы видѣли старую книжку изданія 1826 года. Въ ней означено во множествѣ табелей: число стульевъ для учителей, табуретовъ для кантонистовъ, число бутылей для квасу, на нихъ воронокъ большихъ и среднихъ, и проч.; въ числѣ безсрочныхъ вещей поставлены: ведеръ 8, квашень 8, лоханей 12 и проч. до утиральниковъ, тюфяковъ, набитыхъ соломою, поставленныхъ также въ графу безсрочныхъ; тутъ же сказано, что въ классахъ учебнаго батальона столы должны быть длиною въ 5-ть аршинъ, шириною въ 1 аршинъ, высотою въ 1 аршинъ 8 вершковъ. Всѣ столы выкрашиваются черною краскою и въ каждомъ вдѣлывается 3 чернильницы. Столы сіи должны стоять противъ оконъ по

два вмѣстѣ, чтобы между стѣною и столами осталось еще мѣста на $1^1/_2$ аршина. Во время преподаванія наукъ ученики сидятъ спиною къ свѣту; въ каждомъ классѣ имѣется по одной доскѣ на каждые два стола; длина доски два аршина, ширина $1^1/_2$ аршина; каждая изъ 3 ножекъ стойки ея имѣетъ въ длину 3 аршина; сіи доски ставятся въ 2-хъ шагахъ отъ переднихъ столовъ и пр. Учебнымъ дивизіономъ завѣдывалъ *одинъ изъ штабсъ-ротмистровъ поселеннаго полка*, по назначенію полкового командира. Обученіе кантонистовъ состояло: въ военномъ ученьи, ученьи въ классахъ и ученьи въ мастерскихъ. Въ военномъ ученьи было: пѣшее и конное ученье, верховая ѣзда, рекрутская школа, эскадронное и полковое ученье, фехтованіе и фланкированіе. Для этого содержались казною лошади (до 139) и огромная прислуга, до 68-ми унтеръ-офицеровъ и вице-унтеръ-офицеровъ при дивизіонѣ. Въ классахъ преподавались: законъ божій, россійскій языкъ, ариѳметика, геометрія, судопроизводство, бухгалтерія, чтеніе воинскаго устава, рисованіе. Между прочимъ, здѣсь преподавалось и словосочиненіе, и составленіе бумагъ, употребительныхъ по службѣ. Верховая ѣзда, между тѣмъ, производилась ежедневно. Кантонисты встаютъ по-утру въ $5^1/_2$ часовъ; умывшись, они оправляютъ свои постели, одѣваются; по воскресеньямъ содержатъ караулы въ селеніяхъ и проч. Школы кантонистовъ, изобрѣтеніе прошлой нашей бюрократической жизни, стали плохо приниматься въ губерніи: неудачи въ нихъ вызвали карательныя мѣры мѣстныхъ начальствъ.

Строгости къ кантонистамъ были неимовѣрны. Я видѣлъ кучу „штрафныхъ журналовъ“ (рукописныхъ) въ андреевскомъ архивѣ зміевскаго уѣзда, по 1-й батареѣ кантонистовъ 1-й артиллерійской дивизіи. На каждомъ шагу вы встрѣчаете отмѣтки о розгахъ. Такъ въ журналѣ, съ 6-го ноября 1836 по 19-е іюня 1844 года, кантонисты Касьянъ Каверзневъ и Кирилло Грешечникъ, „за неопрятность въ одеждѣ и неоднократныя приказанія отдавать честь гг. штабъ и оберъ-офицерамъ“ наказаны: первый 25-тью и второй 50-тью ударами розогъ. Помѣтку скрѣпилъ поручикъ г. М—въ, котораго подпись въ такихъ случаяхъ повторяется въ тетради, имѣющей 22 страницы, 122 раза: сперва на 14 страницахъ подъ каждымъ случаемъ сѣченія, а съ 14 по 22-ю только внизу страницы, въ видѣ скрѣпы. Г. М—въ въ томъ числѣ наказалъ кантониста Андрона Пимонова (мальчика отъ 14 до 18-ти лѣтъ) „за слабое смотрѣніе ввѣреннаго ему взвода“, какъ говорится въ его отмѣткѣ, „по моему приказанію, 100 ударами розогъ“. Кантонистъ Тарасъ Ѳедосѣенко, „за картежную игру, мая 16 1839 года, наказанъ 100 ударами розогъ“; какой-то кантонистъ Шивцовъ — 100 ударами просто „за шалость“; Егоръ Гнучій—30 ударами „за несвоевременное прибытіе

въ школу"; Степанъ Гончаровъ „за неопрятность — 100 ударами". Полкниги занимаютъ отмѣтки неизвѣстной руки, вѣроятно, одного изъ солдатъ, такого рода: „по приказанію господина поручика М—ва, наказанъ фейерверкеръ Петръ Комисаренко за непорядки палками 25 ударами, въ 5-й разъ; палками 30 ударами Егоръ Ивановъ, въ 4-й разъ".

Несмотря на помѣтки ревизоровъ для *высшаго* начальства „о хорошемъ сбереженіи кантонистовъ и о здоровомъ видѣ ихъ", на инспекторскихъ смотрахъ, въ дѣлахъ архива, мы встрѣчаемъ другого свойства донесенія *низшихъ* ревизоровъ, такъ сказать, въ ихъ домашней перепискѣ съ ближайшимъ начальствомъ. Такъ, въ предписаніи одному штабсъ-ротмистру говорится: при *постоянномъ* посѣщеніи моемъ столовой залы кантонистскаго дивизіона, я находилъ въ оной большую нечистоту и безпорядки, а именно: на стѣнахъ во многихъ мѣстахъ цвѣль, полы въ столовой до такой степени нечисты, что грязи на нихъ на цѣлый вершокъ; почему предлагаю вашему благородію приказать столы счистить *желѣзными* лопатками и вымыть, а кантонистамъ велѣть, входя, вступать сапогами въ (приготовленный) песокъ, а потомъ уже входить въ залу".

Чтобы какъ нибудь обратить вниманіе высшаго начальства на школы кантонистовъ и увѣрить его, что онѣ представляютъ нѣчто въ родѣ художественно-гражданскихъ школъ, мѣстные ихъ командиры пускались на тысячи хитростей. О подобныхъ продѣлкахъ кантонистскихъ командировъ, иногда разгаданныхъ, но бо́льшею частью удававшихся въ пользу ихъ изобрѣтателей, села бывшихъ военныхъ поселеній въ губерніи полны многими легендами. Вспомнимъ, что по уставу о кантонистахъ (см. „Инвалидъ", статьи по поводу полемики о чугуевскомъ военномъ училищѣ 1863 г.), штатъ ихъ былъ на 10.000 человѣкъ въ Россіи, а въ натурѣ ихъ оказалось 40.009 чел., почему ихъ и размѣщали по деревнямъ, собирая партіями для мастерскихъ, шагистики и проч.

Что́ же выходило изъ этихъ кантонистскихъ школъ въ губерніи? Ими наполнялись военно-поселенскія и армейскія канцеляріи. Писаря изъ кантонистовъ донынѣ славятся отличнымъ почеркомъ и полнѣйшею безграмотностью. Попадавшихъ въ полки кантонистовъ скоро производили въ унтеръ-офицеры, фельдфебеля и вахмистры. О послѣднихъ изъ кантонистовъ и теперь вздыхаютъ многіе бойкіе эскадронные и полковые командиры.

1865 г.

II.

Григорій Саввичъ Сковорода.

(1722—1794 г.).

ГЛАВА I.

Значеніе Сковороды. — Слободская Украйна до конца прошлаго вѣка. — Харьковское намѣстничество. — Видъ сёлъ. — Харьковъ въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка.—Коллегіумъ.—Записки Тимковскаго.—Остатки вольницы

Въ старые годы Харьковъ имѣлъ нѣсколько значительно-распространенныхъ изданій. Въ первой четверти этого столѣтія въ немъ издавались журналы: *Украинскій Вѣстникъ* (Филомаѳитскаго и Гонорскаго), *Харьковскій Демокритъ* (Масловича), *Украинскій Журналъ* (Склабовскаго) и *Харьковскія Извѣстія*, газета политическая и литературная (Вербицкаго). Одновременно съ этими журналами и послѣ нихъ здѣсь издавался цѣлый рядъ альманаховъ и ученыхъ сборниковъ: *Записки филотехническаго общества* (Каразина), *Подарокъ городскимъ и сельскимъ жителямъ* (Вербицкаго), *Утренняя звѣзда*, *Украинскій альманахъ*, *Сочиненія и переводы студентовъ Харьковскаго университета*, *Труды общества наукъ при Харьковскомъ университетѣ*, *Акты филотехническаго общества*, сборникъ *Запорожская старина* (Срезневскаго), *Снипъ* (Корсуна), *Южно-русскій сборникъ* (Метлинскаго) и богатый матеріалами альманахъ *Молодикъ* (Бецкаго) — теперь справочная книга для каждаго, работающаго надъ малорусскою былою жизнью. Харьковская литература имѣла въ то время большой успѣхъ, вполнѣ заслуженный. Всѣ названныя здѣсь изданія составляютъ теперь библіографическую рѣдкость. Но если въ настоящее время большинство украинскихъ писателей перенесло свою дѣятельность въ столичные журналы, не надо забывать, что долгое время почти всѣ столичные журналы относились къ провинціальной жизни свысока и мимоходомъ, питая къ ней полное безучастіе. Эту долю въ особенности испытала наша, такъ называемая, украинская старина, которой Кіевъ

посвящалъ тоже когда-то и съ такимъ успѣхомъ свои сборники (Кіевлянинъ и др.), Черниговъ свой Черниговскій листокъ, а г. Бѣлозерскій почтенную „Основу“.

Изъ первыхъ, по времени, харьковскихъ писателей слѣдуетъ назвать Григорія Сковороду.

Личность Сковороды мало извѣстна въ русской литературѣ. О немъ существуютъ до сихъ поръ отдѣльныя небольшія замѣтки въ давнозабытыхъ сборникахъ и журналахъ; но никто еще не посвящалъ ему труда, гдѣ бы собраны были и провѣрены возможно-полныя свѣдѣнія о жизни этого писателя. Сковорода, какъ Квитка и другіе родственные ему украинскіе писатели, Котляревскій и Нарѣжный, имѣетъ чисто-народное, туземное значеніе.

Желая, въ возможной полнотѣ и цѣлости, представить читателю характеристику Сковороды, о которомъ донынѣ въ рѣдкомъ уголкѣ его родины не вспоминаютъ съ сочувствіемъ, мы коснемся и самихъ трудовъ его.

Сковорода былъ человѣкъ самостоятельный, вольнолюбивый, съ большою стойкостью нравственныхъ убѣжденій, смѣлый въ обличеніи тогдашнихъ мѣстныхъ злоупотребленій. Несмотря на свой мистицизмъ и семинарскій, топорный и нерѣдко неясный слогъ, Сковорода умѣлъ, на практикѣ, въ своей чисто-стоической жизни, стать совершенно-понятнымъ и вполнѣ-народнымъ человѣкомъ во всей Украйнѣ тогдашняго времени. Его хвалители тогда восхищались и его духовными умствованіями, называя его степнымъ Ломоносовымъ. Если уже гоняться за литературными кличками, то съ дѣятельностью Сковороды скорѣе можно найти сходство въ дѣятельности питомца другой мистической школы, Новикова.

Новиковъ работалъ въ типографіяхъ, въ журналахъ, на ораторскихъ каѳедрахъ литературныхъ обществъ и въ избранныхъ кружкахъ Москвы, уже обвѣянной тѣмъ, что тогда выработали наука и общество на западѣ Европы. У него было состояніе, много сильныхъ и самостоятельныхъ друзей. Сковорода былъ голышъ и бѣднякъ, но дѣйствовалъ въ томъ же смыслѣ. Видя все безсмысліе окружающей его среды, откуда, дѣйствительно, выходили схоластики и тупицы, онъ самовольно отказался отъ чести кончить курсъ въ кіевскомъ духовномъ коллегіумѣ, обошелъ, съ палкой и съ сумой за плечами, нѣкоторыя страны Европы и, возвратясь на тихую и пустынную родину тѣмъ же голоднымъ и бездольнымъ бѣднякомъ, сталъ дѣйствовать въ полѣ, на сходкахъ—въ деревняхъ, у куреней отдѣльныхъ пасѣкъ, въ домахъ богатыхъ предразсудками всякаго рода тогдашнихъ помѣщиковъ, на городскихъ площадяхъ и въ бѣдныхъ избахъ поселянъ. Въ

Сковородѣ олицетворилось умственное пробужденіе украинскаго общества конца XVIII столѣтія. Это общество, вслѣдъ за Сковородой (увидѣвшимъ, какъ его нравственно-сатирическія пѣсни стали достояніемъ народнымъ и распѣвались бродячими лирниками и кобзарями), стало выходить изъ нравственнаго усыпленія. Сковорода былъ сыномъ того времени на Украйнѣ, которое вскорѣ создало рядъ прочныхъ школъ, гимназій, университетъ и, наконецъ, вызвало къ жизни украинскую литературу.

Сковорода болѣе дѣйствовалъ въ Украйнѣ восточной, Слободской. Въ 1765 году, указомъ Императрицы Екатерины II, изъ вольныхъ Слободскихъ полковъ была учреждена *Слободская Украинская губернія*; ея губернскимъ городомъ назначенъ Харьковъ. Отдѣльные полковые города переименованы въ провинціальные. Въ каждой провинціи установлено, для гражданскаго управленія, по шести коммиссарствъ; казачьи полки переформированы въ гусарскіе. На войсковыхъ обывателей наложенъ *подушный окладъ*; на пользующихся правомъ винокуренія по 95 коп., а на лишенныхъ его—по 85 коп. съ казенной души. Но вотъ пришелъ 1780 годъ. Слободско-Украинская губернія переименована въ *Харьковское Намѣстничество*, которое 29 сентября въ томъ году и открыто. Страна еще недавно почти дикая и малообитаемая, населялась и принимала, наконецъ, видъ благоустроеннаго общества. Пустынныя, но плодородныя земли новаго Харьковскаго Намѣстничества стали привлекать богатыхъ переселенцевъ съ юга и съ запада Россіи. Еще въ 1654 году въ его границахъ было не болѣе 80 тысячъ жителей мужского пола; въ 1782 году, по словамъ новѣйшаго изыскателя *), въ Слободской Украйнѣ было уже до 600 церквей, при которыхъ заводились въ иныхъ мѣстахъ приходскія школы, обучавшія дѣтей поселянъ и помѣщиковъ читать и писать. И въ то время, какъ осѣдлые переселенцы съ „тогобочной“ заднѣпровской Украйны, убѣгая отъ притѣсненій поляковъ, заводились здѣсь хлопотливою, домашнею жизнію, вольными грунтáми и пасѣчными угодьями, лѣсами и прудами съ пышными „сѣножатями“, мельницами и винокурнями, — распадающееся Запорожье не переставало ихъ тревожить набѣгами отдѣльныхъ, отважныхъ шаекъ. Въ это время уважаемый нѣкогда запорожецъ, „рыцарь прадѣдовщины“ считался уже многими наравнѣ съ татарами, являвшимися изрѣдка, изъ Ногайской стороны, выжигать новоразсаженные, по берегамъ Донца и Ворсклы, ольховыя пристѣны и сосновыя пустоши. Чугуевъ, гдѣ новѣйшія изысканія указываютъ слѣды печальной судьбы Остряницы,

*) См. Историко-статистическое описаніе Харьковской епархіи, преосв. Филарета.

попавшаго сюда, по ихъ указаніямъ, около 1638 года, въ половинѣ XVIII столѣтія, уже обзаводился „садомъ большимъ регулярнымъ“ и другимъ, „за оградой, садомъ *виноградномъ*“.

Въ „*Топографическомъ описаніи Харьковскаго Намѣстничества, съ историческимъ предувѣдомленіемъ о бывшихъ въ сей странѣ, съ древнихъ временъ, перемѣнахъ*“ (Москва. Въ типографіи Компаніи Типографической, съ указнаго дозволенія, 1788 года), мы нашли много интересныхъ подробностей о частной жизни Украйны того времени, о ея нравахъ, производительности жителей и земли, и о состояніи ея высшихъ сословій. Любопытно видѣть смѣшеніе разнородныхъ началъ въ этомъ юномъ, еще неутвердившемся обществѣ. Съ одной стороны, наружное благоденствіе жителей деревень и мѣстечекъ; съ другой — извращеніе властей и всякаго рода насильства частныхъ лицъ, богачей и дерзкихъ проходимцевъ, чему мы приведемъ примѣры изъ другихъ источниковъ того времени. Названная нами топографія края, подъ 1788 годомъ, говоритъ о домашнемъ бытѣ Украинцевъ той поры: „Се есть характеръ, или начертаніе, домоводства Южныхъ Россіянъ, отличающій ихъ отъ Сѣверныхъ. Селеніе Украинское, при разныхъ земли выгодахъ состоящее, отмѣнной кажетъ видъ. Здѣсь между пахотнымъ полемъ видно нѣсколько запущенныхъ и долговременно неоранныхъ облоговъ; въ самомъ селеніи на гумнахъ только посредственное количество хлѣба; притомъ хворостяныя повѣти, коморы и всякая городьба; малаго иждивенія стоющія ворота—съ перваго взгляда влагаютъ намъ, великороссіянамъ, догадку о скудости селенія и о небреженіи жильцовъ. Но съ другой стороны, покрытыя сѣномъ луговыя сѣножати и облоги оправдаютъ предъ всякимъ родъ ихъ хозяйства; *обремененныя пастбища великорослымъ и играющимъ скотомъ* нарощаютъ цѣну къ имуществу жилища. Кладовыя коморы, скотинные сараи и городьба, дѣланные изъ хворосту, доказываютъ, что они строятся для защиты только отъ воздушныхъ перемѣнъ и звѣрей, а крѣпкая и дорогая городьба была бы въ семъ дѣлѣ для хозяевъ убыточна“. — „Липовые покои по сту лѣтъ слишкомъ пребываютъ невредимы, чисты, свѣтлы и здоровы“.— „Духъ европейской людскости, отчужденной азіатской дикости, питаетъ внутреннія чувства какимъ-то услажденіемъ: духъ любочестія, превратясь въ наслѣдное качество жителей, предупреждаетъ рабскія низриновенія и поползновенія, послушенъ гласу властей самопреклонно, безъ рабства. Духъ *общаго соревнованія* препинаетъ стези *деспотизма и монополіи*“.

Въ этихъ витіеватыхъ словахъ современнаго лѣтописца много истины. Описывая забавы и увеселенія старыхъ харьковцевъ, онъ говоритъ: „Самой скудной человѣкъ безъ скрипицъ свадьбы не

играетъ". — „Простой народъ употребляетъ горячее вино съ малолѣтства" *). — Половину праздничнаго дня просидятъ пятеро человѣкъ, пьючи между тѣмъ полъ-осьмухи вина; они пьютъ *медленно и малыми мѣрами, больше разговариваютъ*". Средоточіемъ образованія того времени былъ въ Слободской Украйнѣ Харьковскій духовный Коллегіумъ, единственный пріютъ науки, до открытія въ 1805 году Харьковскаго университета. Въ названномъ нами „Топографическомъ описаніи Харьковскаго Намѣстничества" сохранились и о немъ любопытныя данныя. Авторъ прежде говоритъ: „Въ Харьковѣ считается нынѣ, въ 1778 г., — партикулярныхъ домовъ 1532; въ нихъ жителей — купцовъ, мѣщанъ, цеховыхъ, отставныхъ нижнихъ чиновъ, *иностранцевъ*, войсковыхъ казенныхъ обывателей, однодворцевъ, помѣщичьихъ подданныхъ черкасъ, помѣщичьихъ крестьянъ, *цыганъ и нищихъ*, мужеска полу 5338 душъ".—Далѣе: „Послѣ состоявшагося въ 1721 году Духовнаго регламента, Бѣлгородскій епископъ Епифаній Тихорскій основалъ въ 1722 году епархіальную семинарію въ Бѣлгородѣ, откуда въ 1727 году перевелъ училище въ Харьковъ **). Къ сему главною помощію и основаніемъ было патріотическое усердіе покойнаго генералъ-фельдмаршала, князя М. М. Голицына, бывшаго тогда главнокомандующимъ на Украйнѣ. — Потомъ училищный домъ именованъ Харьковскимъ Покровскимъ училищнымъ монастыремъ".— Императрица Анна Іоанновна, въ 1731 году, даровала жалованную грамоту, гдѣ, „ревнуя дяди Петра Великаго намѣренію и опредѣленію, указала: учить всякаго народа и званія дѣтей православныхъ не только піитикѣ, риторикѣ, но и философіи, и богословіи, славенограческимъ и латинскимъ языки; такожде стараться, чтобъ такія науки вводить на собственномъ россійскомъ языкѣ". Въ заключеніе грамоты сказано: „Чего ради сею жалованною грамотою тотъ монастырь, *и въ немъ школы, и въ нихъ свободное ученіе утверждаемъ*". Вмѣстѣ съ этимъ повелѣно всѣ книги покойнаго митрополита муромскаго и рязанскаго, Стефана Яворскаго, передать на основаніе библіотеки Харьковскаго училища. „Въ ней книгъ разныхъ языкокъ, въ томъ 1788 г.", говоритъ авторъ, „болѣе 2000; но рукописей достопамятныхъ не имѣется, а только хранится собственноручная лѣтопись св. Димитрія

*) Что удивило русскаго, не составляетъ ничего вопіющаго для украинца. Здѣсь причина чисто медицинская. Вино на югѣ—единственно доступное и удобное средство для избавленія дѣтей отъ золотухи, лихорадокъ и другихъ болѣзней, убивающихъ дѣтей.

**) Подробная статья о Коллегіумѣ напечатана въ „Молодикѣ" 1843 г., стр. 7—32 неизвѣстнаго автора, подъ именемъ: „Основаніе Харьковскаго Коллегіума нынѣшней Харьковской духовной Академіи". О Харьковскомъ Коллегіумѣ помѣщена также статья въ „Харьков. Губ. Вѣд." за 1855 г.

Ростовскаго. Здѣсь же хранятся фамильныя бронзовыя медали, присланныя изъ Вѣны отъ князя Д. М. Голицына, для памяти, что покойный его родитель тому училищу основатель". — „Потомъ Бѣлгородскій архіепископъ *Петръ Смѣличъ* дополнилъ Харьковское училище классами французскаго и нѣмецкаго языковъ, математики, геометріи, архитектуры, исторіи и географіи, на что вызвалъ изъ европейскихъ училищъ учителей, выписавъ къ тѣмъ наукамъ потребныя книги и математическіе инструменты". — „Но, замѣчаетъ авторъ, по отлученіи его, 1741 года, отъ Бѣлгородской епархіи, классы французскаго языка, исторіи и математическихъ наукъ оставлены, а отъ инструментовъ только нѣкоторые поврежденные остатки до сихъ временъ дошли". — „Сіе оскудѣніе продолжалось до временъ Великія Екатерины". — Въ 1765 г. снова къ наукамъ здѣсь прибавлены французскій и нѣмецкій языки, даже инженерство, артиллерія и геодезія, каѳедры которыхъ въ 1768 году, въ февралѣ, и открыты безплатно. Бѣднымъ же дозволено обучаться и остальнымъ наукамъ даромъ. — „Въ 1773 году прибавленъ классъ вокальной и инструментальной музыки".

Другія записки о малороссійскомъ обществѣ того времени представляютъ не менѣе любопытныя черты переходнаго состоянія страны, медленно оставлявшей казачество, запорожскую воинственность и преданія гетманщины для новыхъ обычаевъ и стремленій. Эти записки принадлежатъ бывшему директору Новгородъ-Сѣверской гимназіи, *Ильѣ Ѳедоровичу Тимковскому*, и напечатаны въ отрывкѣ, въ „Москвитянинѣ" (1852 года, № 17), подъ заглавіемъ: *„Мое опредѣленіе въ службу"*. Авторъ представляетъ черты воспитанія дѣтей тогдашнихъ помѣщиковъ, для которыхъ еще не существовало ни гимназій, ни лицеевъ, ни университетовъ. Онъ говоритъ: „Первому чтенію церковно-славянской грамоты заучили меня въ селѣ Деньгахъ мать и, въ родѣ моего дядьки, служившій въ порученіяхъ изъ дѣдовскихъ людей, Андрей Кулидъ. Онъ носилъ и водилъ меня въ церковь, забавлялъ меня на бузиновой дудкѣ, или громко трубя въ сурму изъ толстаго бодяка, и набиралъ мнѣ пучки клубники на сѣнокосахъ. Не безъ того, что ученье мое, утомясь на складахъ и титлахъ, бывало въ бѣгахъ, и меня привязывали длиннымъ ручникомъ къ столу". „По общему совѣту семействъ, насъ четверыхъ съ весны отдали учиться, за десять верстъ, въ Золотоношскій женскій монастырь. У монахини Варсонофіи мы составили родъ пансіона. Съ нею жила другая монахиня, Ипполита, племянница ея, тоже грамотная, цвѣтная блондинка. Та ходила за нами и учила насъ". Потомъ автора, когда онъ подросъ, отдаютъ къ сельскому дьячку, осанистому пану Василію, съ длинною косою. Въ избѣ дьячка „столы сотсавили родъ классовъ, на букварь, часословъ и псалтирь; послѣдніе два съ письмомъ. Писали

начально разведеннымъ мѣломъ на опаленныхъ съ воскомъ черныхъ дощечкахъ неслоистаго дерева, съ простроченными линейками, а пріученные уже писали чернилами на бумагѣ. Изъ третьяго же отдѣленія набирались охотники въ особый ирмолойный классъ, для церковнаго пѣнія, что производилось раза три въ недѣлю: зимою—въ комнатѣ дьячка, а по веснѣ—подъ навѣсомъ. Шумно было въ школѣ отъ крику 30 или 40 головъ, гдѣ каждый во весь голосъ читаетъ, иной и поетъ свое. Отцы за науку платили дьяку, по условію, натурою и деньгами. Окончаніе класса школьникомъ было торжествомъ всей школы. Онъ приносилъ въ нее большой горшокъ сдобной каши, покрытый полотнянымъ платкомъ. Дьякъ съ своимъ обрядомъ снималъ платокъ себѣ, кашу разъѣдали школьники и разбивали горшокъ палками, на пустырѣ, издалека, въ мелкіе куски. Отецъ угощалъ дьячка. Къ праздникамъ онъ давалъ ученикамъ поздравительные вирши". Но вотъ еще одна перемѣна учителя. Ученіе у дьячка, описанное еще интереснѣе въ „Панѣ Халявскомъ" Квитки, становится уже недостаточнымъ. Авторъ воспоминаній изображаетъ это очень живописно. „Раннею весною явились на дворѣ двѣ голубыя *кирѣи*. Онѣ позваны въ свѣтлицы. То были переяславскіе семинаристы, отпущенные, какъ издавна велось, на испрошеніе пособій, съ именемъ эпетиціи. Такіе ходоки выслуживались болѣе пѣніемъ по домамъ и церквамъ, проживали по монастырямъ и пустынямъ, еще имѣвшимъ въ то время свои деревни; инымъ эпетентамъ счастливилось, что одно село разомъ ихъ обогащало; иные пробирались даже на Запорожье. Начавъ труды, они учреждали свои складки, разживались на лошадь и привозили запасы себѣ и братіи, привозили умъ и журналы, что видѣть, слышать и узнать досталось. Пришельцы наши, — одинъ рослый, смуглый, остриженъ въ кружокъ; другой бѣлокурый, коренастый, съ косою,—поднесли отцу на расписанномъ листѣ *орацію*. Онъ поговорилъ съ ними, посмотрѣлъ у нихъ бумаги и почерки; задалъ имъ прочитать изъ книги и пропѣть „Блаженъ мужъ": перваго принялъ моимъ наставникомъ, втораго надѣлилъ чѣмъ-то". — „Къ праздникамъ для своихъ поздравленій учитель готовилъ расписные листы съ особымъ мастерствомъ. Имѣя запасъ разныхъ узоровъ, наколотыхъ иглою, онъ набивалъ сквозь нихъ узоры на подложенную бумагу толченымъ углемъ, сквозь жидкое полотно, и по чернымъ отъ того точкамъ рисовалъ рашпилемъ, а по немъ отдѣлывалъ перомъ съ оттушевкою. Въ такія рамы онъ вписывалъ подносимыя своего сочиненія *орацiи* (9—10 стр.). Ученикъ скоро уже могъ щегольнуть ученостью и, на дворовой сходкѣ, на всеобщее удивленіе, неожиданно начать „по латинской Геллертовой грамматикѣ вычитывать и пророчить бабамъ всякій вздоръ, о чемъ хотѣли".

Если наука въ новомъ обществѣ туго принималась и приносила тощіе и скудные плоды — нравы и обычаи измѣнялись еще медленнѣе. Дѣти помѣщиковъ отъ дьячковъ переходили въ монастырскія школы и обратно; окончательно доучивали ихъ бродячіе эпетенты-семинаристы. Духовные высшіе коллегіумы, въ Харьковѣ и въ Кіевѣ, оставались для большинства высшаго общества чужды. Туда стекались обучаться только дѣти духовенства. И напрасно въ классахъ эпетентовъ раздавались особыя одобренія числомъ похвалъ на доскѣ, „laudes“, изъ которыхъ за вины положена была такса учетовъ, такъ что въ зимніе мѣсяцы ученики выслуживали до 500 похвалъ, а въ привольные весенніе съѣзжали на десятокъ и менѣе. Напрасно и на дверяхъ самихъ семинарій, по словамъ Тимковскаго, изображались символы степеней тогдашней науки: на первой двери символъ грамматиковъ—нарисованный „мудрецъ съ долотомъ и молоткомъ, обтесывающій пень въ пригожаго подпоясаннаго ученика, съ книгами подъ рукой“; на второй двери—символъ піитовъ и риторовъ — „колодезь съ воротомъ надъ нимъ о двухъ ушатахъ, изъ которыхъ одинъ опускается порожній, а другой выходитъ такъ полонъ воды, что она струями проливается“, и на третьей двери — символъ философовъ и богослововъ — „большой размахнувшійся орелъ, далеко оставившій землю и парящій прямо противъ солнца“. Грамматики тогдашніе были порядочными „пнями невѣдѣнія“, піиты и риторы мало почерпали знаній изъ колодезя черствой риторической науки, и философы далеко не походили на орловъ. Большинство народонаселенія оставалось въ полномъ невѣжествѣ. Поселяне работали и вели мирную жизнь, обуреваемую нерѣдко попойками отъ распространявшагося болѣе и болѣе свободнаго винокуренія. Г. Маркевичъ, въ своей „Исторіи Малороссіи“ (1842 г., т. 2, стр. 647), подъ 1761 годомъ, говоритъ: „Вскорѣ гетманъ (послѣдній гетманъ, графъ *К. Г. Разумовскій*) обнародовалъ универсалъ, въ которомъ говорилъ, что малороссіяне, *пренебрегая земледѣліемъ и скотоводствомъ*, вдаются въ *непомѣрное винокуреніе*, истребляютъ лѣса для винныхъ заводовъ, а нуждаются въ отопкѣ хатъ; покупаютъ дорого хлѣбъ и не богатѣютъ, а только пьютъ; во избѣжаніе этихъ безпорядковъ, онъ запретилъ винокуреніе всѣмъ, кромѣ помѣщиковъ и казаковъ, имѣющихъ грунты и лѣса“. Отъ А. М. Лазаревскаго, владѣющаго спискомъ названнаго универсала, я получилъ слѣдующую выдержку изъ этого документа:

„Его ясновельможности собственными примѣчаніями усмотрѣно, что въ народѣ малороссійскомъ винокуреніе въ такое усиліе пришло, что отъ великаго до наименьшаго хозяина всѣ, безъ разбору чина и достоинства своего природнаго, равно винокуреніе во всемъ малороссійскомъ краю производятъ, такъ что почти тотъ токмо вина не куритъ,

кто мѣста на винокурню не имѣетъ: отъ чего хлѣбу въ Малой Россіи рождающемуся столь великое повсягодное истребленіе бывае, что сія страна паче другихъ областей, въ случаѣ недороду, опасности голода подвержена быть должна". — Въ универсалѣ приводится нѣсколько частныхъ примѣровъ вредныхъ послѣдствій распространенія винокуренія, изъ которыхъ я выписываю два. „Полковникъ Лубенскій, Кулябка, донесъ ясновельможности, яко многіе казаки его полку, не имѣя собственнаго своего довольнаго хлѣба, покупаютъ оный по торгамъ дорогою цѣною и вино курятъ не для какой своей корысти, но ради одного пьянства, и лѣса свои вырубкою для винокуренія пустошатъ, такъ что и для отопленія въ хатахъ едва что остается. Да и неимѣющіе собственныхъ своихъ винокурень казаки, взимая у постороннихъ куфами и ведрами вино, вышенковуютъ убыточно и пьянствомъ истощеваютъ страну".

„Хмѣловскій сотникъ, Шкляровичъ, доноситъ ясновельможности, что казаки его сотни отъ винокуренія обнищали и къ службѣ казачьей несостоятельными учинились, ибо-де кои имѣли винокурни, тѣ прежде лѣса свои на винокуреніе пожгли, а послѣ у другихъ, своей братіи, покупая, или за вино вымѣнивая, тожъ учинили, и пристрастясь къ пьянству и разлѣнясь къ работамъ и не имѣя откуда себя снабдѣть лошадьми и амуниціею къ службѣ казачьей, принуждены, у можнѣйшихъ, своей братіи, занимая деньги, давать въ закладъ свои грунтà и за невыкупъ на сроки вѣчно терять ихъ должны".

Вслѣдствіе развитія винокуренія въ такихъ огромныхъ размѣрахъ, гетманъ Разумовскій былъ принужденъ ограничить его строгими положеніями.

Любопытны также слѣдующія строки г. Маркевича: „Около этого времени, 1763 года, появились въ Малороссіи *пикинерія* и *вербунки* (вербованія). Мельгуновъ ѣздилъ по Заднѣпровью и, описывая народъ полудикимъ, подалъ мысль вербовать. Явились вербовщики. Мельгуновъ останавливался въ шинкахъ, его шайка пѣла, плясала, пила до-нельзя, поила казаковъ и народъ; потомъ пьянымъ предлагала записаться на службу въ пикинеры, прибавляя, что пикинеры даже лучше, чѣмъ казаки, потому что начальства не боятся и шапки ни передъ кѣмъ не снимаютъ. Бѣднѣйшіе и „великіе опіяки" записывались съ радостью. Грамотные шинкари и церковники становились ротмистрами и поручиками. Но когда начали ихъ учить строевой службѣ, они, увидя бѣду, разбѣжались по запорожскимъ куренямъ и по хуторамъ новосербскимъ". Мелкое чиновничество грабило по мелочамъ и крупно простой народъ. Чиновничество покрупнѣе брало увѣсистыя взятки натурою и деньгами съ помѣщиковъ, на деревенской скукѣ поднимавшихъ безконечныя тяжбы другъ съ другомъ. Дворян-

ство лѣнилось и давило чернь. Опекуны грабили опекаемыхъ. „Похожденія Столбикова“, Квитки, въ этомъ отношеніи не простой вымыселъ, а истинная лѣтопись, подтвержденія которой разсыпаны во всѣхъ тогдашнихъ дѣлахъ. Кто изъ высшаго отляхеченнаго чиновнаго и помѣщичьяго люда тогда не тягался съ сосѣдомъ, или не тянулъ дома горькой чаши,—представлялъ образецъ Ивана Никифоровича, проводившаго время съ утра до вечера на коврѣ, въ натурѣ, утучняемаго снадобьями домашней кухни и мучимаго однимъ только горемъ житейскимъ, изрѣдка икотою, или нежданно завистливымъ помысломъ о какомъ-нибудь дрянномъ ружьѣ или бекетѣ своего сосѣда, Ивана Ивановича. Напрасно и Екатерина II вводила новые мѣры и законы: въ краѣ наставленія ея принимались медленно. Дворянству указано служить въ войскѣ и въ мѣстахъ правосудія. Въ 1782 году, послѣ ревизской переписи 1764 года, произведена новая народная перепись; тогда же учреждены малороссійскія губерніи. Изъ полковъ, назначенныхъ въ составъ губерній, войсковые чины бывшихъ правленій созваны въ губернскіе города. Самыхъ дѣловыхъ и достаточныхъ изъ нихъ положено тотчасъ опредѣлить на мѣста. Любопытно разсказываетъ объ этомъ роковомъ времени Тимковскій (13 стр.): „Переяславскій вельможный полковникъ, Иваненко, поступилъ предсѣдателемъ палаты. Оболонскій, владѣлецъ семи тысячъ душъ, сталъ совѣстнымъ судьею. Замѣтимъ, что онъ боялся льдовъ на рѣкахъ, и зимою, подъѣхавъ къ Днѣпру, выходилъ изъ кареты и переѣзжалъ длиннымъ цугомъ по льду, *въ лодкѣ*“. Въ разсказѣ Тимковскаго появляется и образъ его отца — олицетвореніе тогдашняго времени: „Малороссіи, скидающей кунтушъ и красные сапоги, для вицмундира и канцелярскаго зеленаго стола“.—„Тогда и отецъ мой,— говоритъ онъ, — отправясь въ Кіевъ, возвратился избранный засѣдателемъ уѣзднаго суда, въ Золотоношу. Онъ явился въ другой перемѣнѣ. Поѣхалъ въ черкескѣ, съ подбритымъ чубомъ, шапкою и саблею; пріѣхалъ въ сюртукѣ и въ камзолѣ, съ запущенною косою, мундиромъ, шляпою и шпагой. — „То-таки бувало выйде“, говорили межъ собой люди: „або на коня сяде, уже панъ, якъ панъ; а теперь—*або-що: німецъ не німецъ, а такъ собі підщипанный!*“—И я помню, помню эту крѣпкую, вольную героическую фигуру, въ черкескѣ, съ турецкой саблей по персидскому поясу, на зломъ конѣ, какихъ онъ до страсти любилъ...—Было слово и о моемъ благородствѣ: не переодѣть ли и меня? Отецъ разсудилъ оставить года на два въ черкескѣ, стриженнымъ въ кружокъ“. Новые носители камзоловъ и косъ служили плохо. Богатые только числились на службѣ и сидѣли по деревнямъ. Бѣдняки лѣзли плечомъ впередъ, протирая на засаленныхъ столахъ локти и совѣсть, ябедничали, кривили душой

и грабили. Имя коммиссара равнялось имени разбойника. Благотворный свѣтъ просвѣщенія и правосудія едва проникалъ въ далекій, глухой, непочатый край. Судъ и расправа были оцѣнены и продавались всякимъ щедрымъ даятелямъ. Этимъ пользовались охотники до всякой сумятицы и своеволія. Паденіе Запорожья напустило на Украйну цѣлую толпу разобиженныхъ выходцевъ, которые овладѣвали мелкими и большими дорогами, держали откупъ на проѣздъ по лѣсамъ и оврагамъ и всячески своевольничали. Но общество нуждалось въ болѣе честныхъ охранителяхъ правосудія. Послѣдніе, за извращеніемъ настоящихъ правителей и судей, являлись въ средѣ самихъ разбойниковъ. Преданія того времени представляютъ любопытный образецъ одного изъ подобныхъ „кулачныхъ судій“ на Украйнѣ. Я говорю объ извѣстномъ разбойникѣ *Гаркушѣ*, похожденія котораго составляютъ въ высшей степени интересныя и живописныя черты жизни того времени.

О немъ читатель найдетъ любопытныя подробности въ повѣсти А. П. Стороженка „Братья-близнецы“, въ статьѣ г. Маркевича, опубликовавшаго полное судебное дѣло о Гаркушѣ, а также въ моей статьѣ „Одесскаго Вѣстника“, 1859 года №№ 21 и 22: „Романтическіе типы старосвѣтской Украйны. 1. Разбойникъ Гаркуша“.

Въ такой-то разладъ и сумятицу украинскаго общества явился писатель, практическій философъ и поэтъ, Сковорода. Его сочиненія, встрѣченныя съ сочувствіемъ, были бо́льшею частью писаны подъ вліяніемъ школы мистиковъ. Для нашего времени они имѣютъ значеніе лишь со стороны его отношеній къ народу и обществу, на которое онъ дѣйствовалъ примѣромъ своей жизни, своими рѣчами и убѣжденіями.

ГЛАВА II.

Неизданныя записки Ковалѣнскаго. — Дѣтство Сковороды. — Опредѣленіе въ придворную капеллу. — Въѣздъ Имп. Елисаветы въ Кіевъ. — Сковорода ускользаетъ за границу.—Его путешествіе и возвращеніе въ Малороссію.—Уроки у помѣщика Тамары. — Москва и „Титъ Ливій“. — Жизнь у Ковалѣнскихъ, Сошальскихъ и Захаржевскихъ. — Странствованіе и первыя сочиненія. — Предложеніе Екатерины II. — Анекдоты о Сковородѣ. — Начало извѣстности.

Сообщаю жизнеописаніе Сковороды по *неизданнымъ* до сихъ поръ *запискамъ* Ковалѣнскаго, въ спискѣ, полученномъ мною отъ М. И. Алякринскаго, изъ Владиміра на Клязьмѣ. Подлинная рукопись Ковалѣнскаго изъ Кіева была передана М. П. Погодину.

Г. Ковалѣнскій говоритъ:

„Григорій Саввичъ Сковорода родился въ Малороссіи, Кіевскаго Намѣстничества, Лубенскаго округа, въ селѣ Чернухахъ, въ 1722 г. *). Родители его были простолюдины: отецъ — казакъ, мать — казачка. Мѣщане по состоянію, они были недостаточны; но ихъ честность, гостепріимство и миролюбіе были извѣстны въ околоткѣ.

„Григорій Сковорода, уже по седьмому году, получилъ наклонность къ музыкѣ и наукамъ. Въ церковь онъ ходилъ охотно, становился на клиросъ и отличался пѣніемъ. Любимою пѣснію его былъ стихъ Іоанна Дамаскина: „Образу златому на полѣ Деирѣ служиму, тріе твои отроцы небрегоша безбожнаго велѣнія“ **).

„По охотѣ сына къ ученію, отецъ отдалъ его въ кіевскую академію, славившуюся тогда науками. Мальчикъ скоро превзошелъ своихъ сверстниковъ. Митрополитъ кіевскій, Самуилъ Мисловскій, человѣкъ остраго ума и рѣдкихъ способностей, былъ тогда соученикомъ его и во всемъ оставался ниже его.

„Тогда царствовала императрица Елисавета, любительница музыки и Малороссіи. Способность къ музыкѣ и пріятный голосъ дали поводъ избрать Сковороду въ придворную пѣвческую капеллу, куда онъ и былъ отправленъ при вступленіи императрицы на престолъ“. Г. Аскоченскій, пересказывая жизнь Сковороды по рукописи Ковалѣнскаго, прибавляетъ еще отъ себя (Кіев. Губ. Вѣд. 1852 г. № 42): „Въ Кіевской Академіи юный пришелецъ съ перваго раза обратилъ на себя вниманіе *дерижера пѣвческой капеллы* и немедленно поступилъ въ хоръ; а отличными успѣхами въ наукахъ заслужилъ себѣ похвалу отъ всѣхъ наставниковъ. При восшествіи на престолъ императрицы Елисаветы Петровны, въ Малороссіи набирали мальчиковъ для придворной капелліи. Сковорода попалъ туда изъ первыхъ“.

В. В. Стасовъ доставилъ мнѣ любопытную выписку изъ дѣлъ архива придворной конторы, которую онъ сдѣлалъ для составляемой имъ „*Исторіи Церковнаго пѣнія въ Россіи*“. Извѣстно, что придворная капелла, еще со временъ царя Алексѣя Михаиловича, по-

*) *Гессъ-де-Кальве* („Украинскій Вѣстникъ“ 1817 г.) невѣрно сообщаетъ, что Сковорода родился въ Харьковской губерніи, и что его отецъ былъ бѣдный священникъ. Ковалѣнскій зналъ Сковороду короче и потому нельзя не отдать ему въ этомъ случаѣ предпочтенія передъ другими біографами. Такъ и И. И. Срезневскій неточно сказалъ („Утренняя Звѣзда“ 1834 г.), что Сковорода родился въ 1726 году.

**) *Г. Снѣгиревъ* („Отеч. Записки“ 1823 г.), почерпавшій свѣдѣнія о Сковородѣ изъ рукописи Ковалѣнскаго и еще „отъ двухъ почтенныхъ мужей, знавшихъ его лично“, прибавляетъ: „Сперва игралъ онъ на дудочкѣ, а потомъ на флейтѣ; одинъ ходилъ по рощамъ и лѣсамъ или, пріютившись дома, сидѣлъ въ уголкѣ и на память повторялъ читанное имъ или слышанное“.

стоянно пополнялась голосами изъ Малороссіи. Въ дѣлахъ придворной конторы постоянно встрѣчаются слова: „вновь привезеннымъ ко двору *изъ Малороссіи* пѣвчимъ выдавать жалованье“. Императрица Елисавета, по извѣстной своей набожности и по любви къ духовному пѣнію, еще до восшествія на престолъ, имѣла своихъ пѣвчихъ. Имена: Иванъ Доля, Григорій Берло, Максимъ Бокушъ, Панокъ Григорій, Гаврило Головня и другіе, ясно говорятъ объ ихъ происхожденіи. Мѣста, откуда изъ Украйны брались пѣвчіе, слѣдующія. Въ указѣ *1784 года, октября 16-го*, сказано: *Дисканты*: города Лохвицы, войсковаго товарища, Максима Афонасьева, сынъ, 6 лѣтъ, г. Кролевца, войсковаго товарища, Дойголевскаго, сынъ, 8 лѣтъ; г. Ромны, священника Клименка, сынъ, 6 лѣтъ; Стародубскаго словеснаго судьи сынъ; Роменскаго казака, Обухова, сынъ, 7 лѣтъ; Стародубскаго мѣщанина, Бокурина, сынъ, 6 лѣтъ; Новгорода-Сѣверскаго, мѣщанина Кушнерева, сынъ; Роменскаго уѣзда, села Галки, казака Галайницкаго сынъ, 8 лѣтъ. *Альты*: Прилуцкаго уѣзда, села Дѣдовѣцъ, священника Тройницкаго сынъ, 7 лѣтъ; Знобовскаго жителя Стожка сынъ, 6 лѣтъ, Стародубскаго значкова товарища Горлича, племянникъ, 8 лѣтъ. *Подписано*: Новгородъ-Сѣверскаго Намѣстничества верхней расправы предсѣдатель, бунчуковый товарищъ Рачинскій“.

При отставкѣ за потерю голоса, они обыкновенно снова возвращались на родину. Такъ, *подъ 1734 годомъ*, читаемъ: „Пять человѣкъ, которые спали съ голоса, отъ двора уволить въ ихъ отечество, въ малую Россію, и дать имъ абшиты, а для пропитанія ихъ въ пути дать имъ за службу по 25 рублей, отъ камеръ-цалмейстера Кайсарова“. При капеллѣ они получали столько же: „а жалованья давать въ годъ по 25 р., вычтя на госпиталь“. Иногда давалась и особая винная порція: „Пѣвчему Кириллѣ Степанову выдать вина простого пять ведеръ“ (1731 года, собственная подпись: *Елисавета*). Пѣвчіе набирались изъ Украйны, изъ дворянъ и простаго званія. Подъ *1746 годомъ* стоитъ: „Указали мы двора нашего пѣвчимъ, *дворянамъ и прочимъ*, жалованье и за порціи деньгами и хлѣбомъ производить“.—Нарядъ носили такой: „1741 г., декабря 15-го. Императрица изволила указать двора своего пѣвчимъ, уставщику Ивану Петрову съ товарищи, сдѣлать вновь: мундиръ изъ зеленыхъ суконъ, а именно, нѣмецкое: кафтаны, камзолы и штаны, и на кафтанахъ обшлага изъ зеленаго сукна; малымъ черкасское, долгое платье, кафтаны и штаны изъ зеленаго сукна, полукафтаны и штаны изъ шелковой матеріи, пунсовыя или алыя“. — Подъ *1745 г., февраля 14*, читаемъ: „Новопривезеннымъ изъ Малороссіи пѣвчимъ, всего 34 человѣкамъ, по новости ихъ, до учиненія имъ жалованья, сдѣлать на каждаго рубахъ и порты по пяти паръ, полотен-

цевъ по три, изъ средняго полотна, сапоговъ, и башмаковъ, и чулковъ по двѣ пары, хапокъ по одной, рукавицъ по одной парѣ, и раздать имъ съ росписко̀ю".—Подъ *1747 г.*, февраля 18-го, стоитъ: „Изустный указъ. Тенористу Ивану Иванову сдѣлать платье нѣмецкимъ манеромъ, суконное, кофейнаго цвѣта, подбить стамедомъ, или камлотомъ, и пугвицы гарусныя". Заботливость императрицы Елисаветы простиралась до того, что на росписи *1748 г., марта 26*, она собственною рукою приписала: „Четыремъ на верхніе кафтаны широкаго позументу положить и взять у Дмитрея Александровича". (Вотъ любопытный указъ о благочиніи во время службы и церковнаго пѣнія: 1649 года, января 5-го повелѣно: „Во время службы, ежели кто какого бы чина и достоинства ни былъ, будетъ съ кѣмъ разговаривать, на тѣхъ надѣвать цѣпи съ ящикомъ, какія обыкновенно бываютъ въ приходскихъ церквахъ, которыя для того нарочно заказать сдѣлать вновь, для знатныхъ чиновъ мѣдныя вызолоченныя, для посредственныхъ бѣлыя луженыя, а для прочихъ простыя желѣзныя"). Съ 1751 года, для обученія пѣвчихъ, былъ принятъ „французской націи учитель Пажъ Ришадръ". Что касается до Сковороды, то его прозвища мы нигдѣ въ бумагахъ конторы не нашли. Это, быть можетъ, оттого, что пѣвчихъ знали только по имени, обращая отчества въ фамиліи. Въ указѣ *1740 г., января 8-го*, при выдачѣ наградъ „за славленіе и поздравленіе въ Рождество", въ числѣ другихъ стоитъ „робятамъ" такимъ-то: „Каленику, Екиму, Павлу и *Григорью* по 6 рублей каждому". Въ числѣ старшихъ, получившихъ по 10 рублей, тутъ же названъ еще *„Григорій Сыновоеничъ"* (не Саввичъ ли?). Въ указѣ же *1741 г., декабря 21-го*, стоитъ: *„Вновь привезеннымъ изъ Малороссіи пѣвчимъ сдѣлать мундиръ. А каковы имена большихъ и малыхъ пѣвчихъ, о томъ взять за рукою уставщика, іеромонаха Илларіона, реестръ"*. Можно съ большимъ вѣроятіемъ полагать, что въ числѣ послѣднихъ былъ именно и Григорій Сковорода, потому что въ этомъ случаѣ слова указа, по времени, совпадаютъ съ разсказомъ Ковалѣнскаго, переданнаго имъ со словъ самого Сковороды.

Въ „Отрывкахъ изъ записокъ о старцѣ Сковородѣ" И. И. Срезневскаго („Утренняя Звѣзда" 1834 г.) читаемъ дополненіе къ разсказу Ковалѣнскаго: „Находясь тамъ около двухъ лѣтъ, онъ сложилъ голосъ духовной пѣсни *Иже херувимы*, который и доселѣ употребляется во многихъ сельскихъ церквахъ на Украйнѣ". Къ этимъ словамъ г. Срезневскаго тутъ же сдѣлано примѣчаніе Г. Ѳ. Квитки: „Напѣвъ сей духовной пѣсни, подъ именемъ *придворнаго*, помѣщенъ въ обѣднѣ, по высочайшему повелѣнію напечатанной и разосланной по всѣмъ церквамъ, для единообразія въ церковномъ пѣніи. Кромѣ сего, Ско-

ворода сложилъ веселый и торжественный напѣвъ: „Христосъ воскресе“ и канонъ Пасхи: „Воскресенія день“, нынѣ употребляемый въ церквахъ по всей Россіи, вмѣсто прежняго унылаго, ирмолойнаго напѣва, и вездѣ именуемый: „*Сковородинъ*“. Квитка зналъ Сковороду лично и былъ самъ нѣсколько лѣтъ монахомъ. Его слова должны быть здѣсь авторитетомъ. Но, къ сожалѣнію, тутъ есть неточности. Изысканія г. Стасова въ архивѣ придворной конторы, равно какъ и справки инспектора придворной пѣвческой капеллы, П. Е. Бѣликова, которые благосклонно отвѣчали на мои сомнѣнія, не могли вполнѣ подтвердить словъ Квитки и И. И. Срезневскаго. Сковорода не сочинялъ, въ бытность въ Петербургѣ, духовной пѣсни „Иже Херувимы“, которая введена въ Россіи, и подобный напѣвъ, подъ именемъ придворнаго, напечатанный въ обѣднѣ, изданной подъ руководствомъ Бортнянскаго въ 1804 году, не принадлежитъ Сковородѣ. Если же Квитка приписываетъ ему, по памяти, нѣкоторые, принятые въ церквахъ, духовные напѣвы, изъ которыхъ одинъ именовали даже прямо „Сковородиннымъ“, то это могло легко случиться, потому что даровитый мальчикъ Сковорода, возвратясь изъ Петербурга, училъ желающихъ придворнымъ напѣвамъ тогдашнихъ знаменитостей, въ родѣ его земляка Головни, и эти пѣсни сохранились въ памяти потомства вмѣстѣ съ его именемъ.

Впрочемъ, Сковорода сочинялъ духовные канты. Профессоръ петербургской духовной академіи, В. Н. Карповъ, къ которому я также обращался съ вопросомъ по этому случаю, отвѣчалъ мнѣ письменно: „живя въ Кіевѣ, я имѣлъ случай слышать напѣвы, приписываемые Сковородѣ. Но эти напѣвы не введены въ церковное употребленіе, а употребляются келейно, въ частныхъ, обычныхъ собраніяхъ кіевскаго духовенства, любящаго завѣтную старину“.

Въ бытность Сковороды въ Петербургѣ, придворнымъ пѣвчимъ было неслыханно-привольное житье. Въ то время были въ зенитѣ славы Разумовскіе, украинцы по происхожденію и по душѣ. Мальчиковъ, взятыхъ ко Двору за голоса, лелѣяли, ласкали. Въ числѣ пѣвчихъ были дѣти и значительныхъ малороссійскихъ пановъ, каковы Стоцкіе, Головачевскіе. Старѣя, если ихъ не возвращали на родину, они сохраняли важный, сановитый видъ, и гордились, нося названіе пѣвчихъ Двора любимой императрицы. Но Сковорода оставался при Дворѣ недолго,—около двухъ лѣтъ.

„Императрица,—продолжаетъ Ковалѣнскій, — скоро предприняла путешествіе въ Кіевъ, и съ нею весь кругъ Двора. Сковорода прибылъ туда вмѣстѣ съ другими пѣвчими“.

Это было въ августѣ 1744 года.

Въ „Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ 1846 года*) (августа 23, въ неоффиціальной части, стр. 327—328) мы нашли статью: *„О посѣщеніи Императрицею Елисаветою Петровною Кіева“*, гдѣ говорится слѣдующее объ этомъ любопытномъ событіи: „Елисавета здѣсь прожила нѣсколько недѣль; пѣшкомъ посѣщала пещеры и храмы, раздавала дары священству и неимущимъ. Ее встрѣчали и конвоировали войска малороссійскія **). Войска были одѣты на-ново, въ синихъ черкескахъ, съ вылетами, и въ широкихъ шальварахъ, съ разноцвѣтными по полкамъ шапками. Изъ кіевской академіи были выписаны вертепы: пѣвчіе пѣли, семинаристы представляли зрѣлища божественныя въ лицахъ и пѣли канты поздравительные. А въ Кіевѣ молодой студентъ, въ коронѣ и съ жезломъ, въ видѣ древняго старца, выѣхалъ за городъ въ колесницѣ, названной „фаэтонъ божественный“, на двухъ коняхъ крылатыхъ, которыхъ студенты назвали пегасами и которые были ни что иное, какъ пара студентовъ. Этотъ странникъ представлялъ кіевскаго князя Владиміра Великаго, на концѣ моста встрѣтилъ онъ государыню и произнесъ длинную рѣчь, въ которой называлъ себя княземъ Кіевскимъ, ее—своею наслѣдницею, приглашалъ ее въ городъ и поручалъ весь русскій народъ во власть ея и въ милостивое покровительство“.

„При возвратномъ отбытіи Двора въ Петербургъ, продолжаетъ Ковалѣнскій, Сковорода получилъ увольненіе, съ чиномъ придворнаго уставщика, и остался въ Кіевѣ продолжать ученіе“ ***).

Гессъ-де-Кальве прибавляетъ: „Тамъ молодой Сковорода занялся ревностно еврейскимъ, греческимъ и латинскимъ языками, упражняясь притомъ въ краснорѣчіи, философіи, метафизикѣ, математикѣ, естественной исторіи и богословіи. Но онъ совершенно не имѣлъ расположенія къ духовному званію, для котораго, впрочемъ, преимущественно отецъ назначалъ его. И его нерасположенность возросла до такой степени, что онъ, замѣчая желаніе кіевскаго архіерея посвятить

---

*) Подробности о путешествіи императрицы Елисаветы по Малороссіи помѣщены въ „Черниговскихъ Губерн. Вѣдом.“ 1852 г. №№ 29 и 45 (Разсказъ современника, изъ дневника подскарбія, Андрея Марковича).

**) Въ *„Запискахъ о слободскихъ полкахъ“* съ начала ихъ поселенія до 1766 года (Харьковъ 1812 г.), при описаніи встрѣчи императрицы у города Сѣвска, говорится: „При этомъ бригадиръ Лесевицкій, по старости и слабости, а харьковскій полковникъ Тевяшевъ, по неизвѣстной причинѣ, отказались быть при отряженныхъ командахъ, и полку харьковскаго отрядомъ командовалъ полковой обозный Ив. Вас. Ковалевскій“. Оба послѣднія лица впослѣдствіи играли роль въ жизни Сковороды.

***) Этотъ чинъ давался обыкновенно всѣмъ лучшимъ придворнымъ пѣвчимъ, при оставленіи ими капеллы, и означалъ запѣвалу въ хорѣ, смѣлаго и одареннаго острымъ слухомъ. Уставщикъ же при дворѣ носилъ особое платье и въ хорѣ былъ съ булавой (Со словъ П. Е. Бѣликова).

его въ священники, прибѣгнулъ къ хитрости и притворился сумасброднымъ, перемѣнилъ голосъ, сталъ заикаться. Почему обманутый архіерей выключилъ его изъ бурсы, какъ непонятнаго, и, признавъ неспособнымъ къ духовному званію, позволилъ ему жить гдѣ угодно. Этого-то и хотѣлъ Сковорода; будучи на свободѣ, онъ почиталъ себя уже довольно награжденнымъ за несносныя для него шесть лѣтъ, которыя, впрочемъ, онъ совсѣмъ иначе употребилъ, нежели какъ думали всѣ его окружавшіе. Онъ пріобрѣлъ большія свѣдѣнія въ разныхъ наукахъ" („Украинскій Вѣстникъ" 1817 г.).

„Кругъ наукъ, преподаваемыхъ въ Кіевѣ, продолжаетъ Ковалѣнскій, показался ему недостаточнымъ. Сковорода пожелалъ видѣть чужіе края. Скоро представился къ этому поводъ, и онъ имъ воспользовался охотно.

„Отъ Двора былъ отправленъ въ Венгрію, къ Токайскимъ садамъ, генералъ-маіоръ Вишневскій, который, для находившейся тамъ грекороссійской церкви, хотѣлъ имѣть церковниковъ, способныхъ къ службѣ и пѣнію. Сковорода, извѣстный уже знаніемъ музыки, голосомъ и желаніемъ своимъ быть въ чужихъ краяхъ, также знаніемъ нѣкоторыхъ языковъ, былъ представленъ Вишневскому и взятъ имъ подъ покровительство. Путешествуя съ генераломъ Вишневскимъ, онъ получилъ его позволеніе и помощь къ обозрѣнію Венгріи, Вѣны, Офена, Пресбурга и другихъ мѣстъ Австріи, гдѣ изъ любопытства старался знакомиться болѣе съ людьми учеными. Онъ говорилъ чисто и хорошо по-латыни и по-нѣмецки и порядочно понималъ греческій языкъ, почему легко могъ пріобрѣтать знакомство и расположеніе ученыхъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и новыя познанія, какихъ не имѣлъ и не могъ имѣть на родинѣ".

Гессъ-де-Кальве, также коротко знавшій Сковороду, сообщаетъ объ этомъ еще нѣсколько любопытныхъ подробностей: „Онъ взялъ посохъ въ руку и отправился истинно-философски, т.-е. пѣшимъ и съ крайне тощимъ кошелькомъ. Онъ странствовалъ въ Польшѣ, Пруссіи, Германіи и Италіи, куда сопровождала его нужда и отреченіе отъ всякихъ выгодъ. Римъ любопытству его открылъ обширное поле. Съ благоговѣніемъ шествовалъ онъ по сей классической землѣ, которая нѣкогда носила на себѣ Цицерона, Сенеку и Катона. Тріумфальныя врата Траяна, обелиски на площади св. Петра, развалины Каракальскихъ бань, словомъ—всѣ остатки сего владыки свѣта, столь противоположные нынѣшнимъ постройкамъ тамошнихъ монаховъ, шутовъ, шарлатановъ, макаронныхъ и сырныхъ фабрикантовъ, произвели въ нашемъ циникѣ сильное впечатлѣніе. Онъ замѣтилъ, что не у насъ только, но и вездѣ, богатому поклоняются, а бѣднаго презираютъ; видѣлъ, какъ глупость предпочитаютъ разуму, какъ шутовъ награждаютъ,

а заслуга питается подаяніемъ; какъ развратъ нѣжится на мягкихъ пуховикахъ, а невинность томится въ мрачныхъ темницахъ". Гессъ-де-Кальве здѣсь нѣсколько фантазируетъ, но легко могло быть, что это отступленіе отъ рѣчи строгаго историка навѣяно ему разсказами самого Сковороды. Далѣе онъ говоритъ: „Наконецъ, обогатившись нужными познаніями, Сковорода желалъ непремѣнно возвратиться въ свое отечество. Надѣясь всегда на проворство ногъ, онъ пустился назадъ. Какъ забилось сердце его, когда онъ издали увидѣлъ деревянную колокольню родимой своей деревушки! Вербы, посаженныя въ отеческомъ дворѣ тогда, какъ онъ былъ еще дитятею, распростирали свои вѣтви по крышѣ хижины. Онъ шелъ мимо кладбища; тутъ большое число новыхъ крестовъ бросало длинныя тѣни. „Можетъ быть, многихъ, думалъ онъ, теперь заключаетъ въ себѣ мракъ могилы!" Онъ перескочилъ черезъ ограду, переходилъ съ могилы на могилу, пока, наконецъ, поставленный въ углу камень показалъ ему, что уже нѣтъ у него отца.—Онъ узналъ, что всѣ его родные переселились въ царство мертвыхъ, кромѣ одного брата, коего пребываніе было ему неизвѣстно. Побывавши въ родимой деревушкѣ, онъ взялъ опять свой страннический посохъ и, многими обходами, пошелъ въ Харьковъ" (110—112 стр.) *).

Но еще до посѣщенія Харькова, Сковорода испыталъ одну любопытную превратность судьбы. Объ этомъ говоритъ Ковалѣнскій.

Возвратясь изъ чужихъ краевъ, полный учености, но съ весьма скуднымъ состояніемъ, въ крайнемъ недостаткѣ всего нужнѣйшаго, проживалъ онъ у своихъ прежнихъ пріятелей и знакомыхъ. Состояніе послѣднихъ было также невелико; потому они изыскивали случай, какъ бы употребить его труды съ пользою для него и для общества. Скоро открылось мѣсто учителя поэзіи въ Переяславлѣ, куда онъ и отправился, по приглашенію тамошняго епископа, Никодима Сребницкаго **).

Сковорода, имѣя уже обширныя, по тогдашнему времени, познанія, написалъ для училища „Руководство о поэзіи", въ такомъ новомъ видѣ, что епископъ счелъ нужнымъ приказать ему измѣнить

*) О мѣстѣ родины Сковороды, селѣ *Чернухахъ*, я нашелъ въ „Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ", 1853 г. № 4, свѣдѣніе, что это село издавна представляетъ людное и торговое мѣсто. Въ этой статьѣ о старинѣ села Чернухъ сказано: „Въ Чернухахъ, Лубенскаго полка, бываетъ въ годъ четыре ярмарки. Изъ Кіева, Лубенъ, Прилукъ и Лохвицы сюда пріѣзжаютъ торговцы съ сукнами, кожами и мелочными товарами,—а изъ околицъ—хлѣбомъ, лошадьми и питейными товарами".

**) По словамъ О. М. Бодянскаго, въ Переяславлѣ существуетъ преданіе, что въ ту пору сотоварищами по переяславской семинаріи у Сковороды были двѣ другія знаменитости: протоіерей Гречка и извѣстный впослѣдствіи проповѣдникъ Леванда, —оба не менѣе Сковороды богатые разнообразными приключеніями.

его и преподавать предметъ по старинѣ, предпочитавшей силлабическіе стихи Полоцкаго ямбамъ Ломоносова. Сковорода не согласился. Епископъ требовалъ отъ него письменнаго отвѣта, черезъ консисторію, какъ онъ смѣлъ ослушаться его предписанія. Сковорода отвѣчалъ, что онъ полагается на судъ всѣхъ знатоковъ, и прибавилъ, къ объясненію своему, латинскую пословицу: „Alia res sceptrum, alia plectrum“ (Иное дѣло пастырскій жезлъ, а иное — пастушья свирѣль). Епископъ, на докладѣ консисторіи, сдѣлалъ собственноручное распоряженіе: „Не живяше посредѣ дому моего творяй гордыню“. Вслѣдъ затѣмъ Сковорода изгнанъ былъ изъ переяславскаго училища.

Бѣдность крайне его стѣсняла, но нелюбостяжательный нравъ поддерживалъ въ немъ веселость и бодрость духа.

Онъ перешелъ жить къ своему пріятелю, который зналъ цѣну его достоинствъ, но не зналъ его бѣдности. Сковорода не смѣлъ просить помощи и жилъ молчаливо и терпѣливо, имѣя только двѣ худыя рубашки, камлотный кафтанъ, одни башмаки и черные гарусные чулки. Нужда сѣяла въ сердцѣ его, по словамъ Ковалѣнскаго, сѣмена, которыхъ плодами обильно украсилась впослѣдствіи его жизнь. Невдалекѣ жилъ малороссійскій помѣщикъ, Степанъ Тамара, которому нуженъ былъ учитель для сына. Сковороду представили ему знакомые, и онъ принялъ его въ село Каврай.

Здѣсь Ковалѣнскій останавливается со Сковородою нѣсколько долѣе. Старикъ Тамара отъ природы былъ большаго ума, а на службѣ пріобрѣлъ хорошія познанія отъ иностранцевъ; но придерживался застарѣлыхъ предразсудковъ и съ презрѣніемъ смотрѣлъ на все, что не одѣто въ гербы и не украшено родословными. Сковорода принялся воздѣлывать сердце молодаго человѣка, не обременяя его излишними свѣдѣніями. Воспитанникъ привязался къ нему. Цѣлый годъ шло ученіе, но отецъ не удостоивалъ учителя взглядомъ, хотя онъ всякій день сидѣлъ у него за столомъ съ своимъ воспитанникомъ. Тяжело было такое униженіе; но Сковорода желалъ выдержать условіе: договоръ былъ сдѣланъ на годъ. Тутъ случилась одна непріятность. Какъ-то разговаривалъ онъ съ своимъ ученикомъ и за-просто спросилъ его, какъ онъ думаетъ о томъ, что говорили? Ученикъ отвѣтилъ неприлично. Сковорода возразилъ, что, значитъ, онъ мыслитъ, „какъ свиная голова!“ Слуги подхватили слово, передали его барынѣ, барыня мужу. Старикъ Тамара, цѣня все-таки учителя, но уступая женѣ, которая требовала мести „за родовитаго шляхетскаго сына“, названнаго свиною головою, отказалъ Сковородѣ отъ дому и отъ должности. При прощаньѣ, однако, онъ съ нимъ впервые заговорилъ и прибавилъ: „Прости, государь мой: мнѣ жаль тебя!“

И вотъ за „свиную голову“ Сковорода опять остался безъ мѣста,

безъ пищи, безъ одежды, но не безъ надежды, — заключаетъ Ковалѣнскій.

Въ крайней нуждѣ зашелъ онъ къ своему пріятелю, переяславскому сотнику. Тутъ ему представился случай ѣхать въ Москву, съ каллиграфомъ, получившимъ мѣсто проповѣдника въ московской академіи. Съ нимъ и поѣхалъ. Изъ Москвы они проѣхали въ Троицко-Сергіевскую Лавру, гдѣ былъ тогда намѣстникомъ Кириллъ Флоринскій, большихъ познаній человѣкъ, бывшій впослѣдствіи епископомъ черниговскимъ. Кириллъ сталъ уговаривать Сковороду, уже знакомаго ему по слухамъ, остаться въ Лаврѣ для пользы училища; но любовь къ родинѣ влекла его въ Малороссію. Сковорода возвратился снова въ Переяславль, „оставя по себѣ въ Лаврѣ имя ученаго и дружбу Кирилла“ *). Сковорода уже отдалялся отъ всякихъ привязанностей и становился странникомъ, безъ родства, стяжаній и домашняго угла.

Не успѣлъ онъ пріѣхать въ Переяславль, какъ Тамара поручилъ знакомымъ отыскивать его и просить снова къ себѣ. Сковорода отказался. Тогда одинъ знакомый обманомъ привезъ его, соннаго, въ домъ Тамары ночью, гдѣ его и успѣли уговорить остаться. Онъ остался безъ срока и безъ условій.

Поселясь въ деревнѣ и обезпеча свои первыя нужды, онъ сталъ предаваться уединенію и размышленіямъ, удаляясь въ поля, рощи и аллеи сада. „Рано утромъ заря была ему спутницею, а дубравы собесѣдниками“. Это не осталось безъ послѣдствій. Ковалѣнскій сохраняетъ въ своемъ разсказѣ выдержку изъ оставшихся у него „Записокъ“ Сковороды. Изъ этой выдержки видно, что Сковорода жилъ у Тамары въ 1758 году. Значитъ, со времени его петербургской жизни уже прошло четырнадцать лѣтъ, и онъ поступалъ въ тридцать-шестой годъ жизни. Учителю Тамары стали видѣться чудные, знаменательные сны.

„Въ полночь, ноября 24 числа, 1758 года, въ селѣ Кавраѣ, говоритъ Сковорода, казалось во снѣ, будто разсматриваю различныя охоты житія человѣческаго, по разнымъ мѣстамъ. Въ одномъ мѣстѣ я былъ, гдѣ царскіе чертоги, наряды, музыка, плясанія; гдѣ любящіяся то пѣли, то въ зеркала смотрѣлись, то бѣгали изъ покоя въ

*) Вѣроятно къ этому времени относится черта, сохраненная въ статьѣ г. Снѣгирева: „*О старинномъ русскомъ переводѣ Тита Ливія*“ (Ученыя записки Импер. Моск. Университета 1833 г., ч. 1, стр. 694 — 695). Вотъ слова г. Снѣгирева: „Переводъ Тита Ливія хранится въ патріаршей библіотекѣ, подъ № 292, въ четырехъ большихъ томахъ, писанъ скорописью; на заглавіи IV-го тома надписано: Переведена з латинскаго дналекта на славенскій трудами учителя Коллегіума Чернѣговскаго, року 1716. — На бумажной закладкѣ, вложенной въ одинъ томъ, подписано *рукою Григорія Сковороды*, извѣстнаго подъ именемъ украинскаго философа „*196 году, мьсяца Маи, въ 29 день, купилъ Сковорода, далъ восемь алтынъ*“.

покой, снимали маски, садились на богатыя постели. Оттуда повела меня сила къ простому народу. Люди шли по улицамъ, съ скляницами въ рукахъ, шумя, веселясь, шатаясь, также и любовныя дѣла сроднымъ себѣ образомъ происходили у нихъ". Сонъ заключается картиною сребролюбія, которое съ „кошелькомъ таскается" всюду, и видомъ сластолюбія, попирающаго смиренную бѣдность, „имѣющую голыя колѣна и убогія сандаліи". Сковорода кончаетъ словами: „Я, не стерпя свирѣпства, отвратилъ очи и вышелъ".

Болѣе и болѣе влюблялся онъ въ свободу и уединеніе. Мысли просились къ перу. Онъ писалъ стихи. Прочтя одно изъ нихъ, старый Тамара сказалъ: „Другъ мой! Богъ благословилъ тебя даромъ духа и слова!" *).

Сковорода продолжалъ учить сына Тамары языкамъ и первымъ свѣдѣніямъ. Вскорѣ ученику выпало на долю перейти въ другой кругъ; Сковорода также вступилъ на новое поприще. Въ Бѣлгородъ прибылъ епископъ Іосафъ Миткевичъ. Онъ вызвалъ изъ Переяславля своего друга, игумена Гервасія Якубовича. Послѣдній заговорилъ о Сковородѣ; епископъ вызвалъ къ себѣ бывшаго учителя Тамары и доставилъ ему мѣсто учителя поэзіи въ харьковскомъ коллегіумѣ, въ 1759 году **).

Отрадно остановиться здѣсь надъ Сковородою. Жизнь ему на время улыбнулась. Онъ явился уже въ простомъ, но приличномъ нарядѣ. Чудакъ начинаетъ въ немъ пробиваться по поводу пищи, которую онъ принималъ только вечеромъ, по захожденіи солнца, и ѣлъ только овощи, плоды и молочныя блюда, не употребляя ни мяса, ни рыбы. Спитъ въ сутки только четыре часа. Встаетъ до зари и пѣшкомъ отправляется за городъ гулять; какъ замѣчаетъ Ковалѣнскій, предъ всѣми „веселъ, бодръ, подвиженъ, воздержанъ, благодушенствующъ, словоохотенъ, изъ всего выводящій нравоученіе и почтителенъ". Годъ прошелъ и онъ, окончa срочное время, пріѣхалъ въ Бѣлгородъ къ Іосафу отдохнуть отъ трудовъ. Епископъ, желая удержать его долѣе при училищѣ, поручилъ Гервасію уговаривать его, какъ пріятеля, вступить въ монашеское званіе, обѣщая при этомъ скоро довести его до высокаго сана. Сковорода отказался. Гервасій сталъ съ нимъ холоденъ. Тогда Сковорода, на третій же день по прибытіи въ Бѣлгородъ, дождавшись въ передней выхода Гервасія, подошелъ къ нему и попросилъ себѣ „напутственнаго благословенія". Гервасій понялъ

*) Эти стихи написаны на тему: „Ходя по землѣ, обращайся на небесахъ", и помѣщены въ рукописномъ сборникѣ „Садъ пѣсней", подъ № 2.

**) Въ это время ректоромъ коллегіума былъ архимандритъ *Константинъ Бродскій*, изъ префектовъ московской академіи, а префектомъ—Лаврентій Кордетъ, игуменъ (См. статью о коллегіумѣ въ „Молодикѣ" 1843 г., стр. 30).

его намѣреніе и благословилъ его, скрѣпя сердце. Сковорода отправился къ новому своему пріятелю, въ деревню Старицу, въ окрестности Бѣлгорода. Это было хорошенькое мѣсто, богатое лѣсами, водоточинами и уютными „удольями", по словамъ Ковалѣнскаго, „благопріятствующими глубокому уединенію". Здѣсь Сковорода принялся изучать себя и на эту тему написалъ нѣсколько сочиненій. Гервасій донесъ епископу о поступкѣ Сковороды. Іосафъ не досадовалъ, а только пожалѣлъ о немъ. Пустынножительство Сковороды продолжалось въ Старицѣ. Сосѣди, заслышавъ о его нравѣ, съѣзжались съ нимъ знакомиться. Онъ также посѣщалъ нѣкоторыхъ по деревнямъ, и, между прочимъ, вздумалъ снова посѣтить Харьковъ. „Нѣкто, говоритъ Ковалѣнскій, изъ познакомившихся съ нимъ, сдѣлавшись пріятелемъ его, просилъ, чтобъ, будучи въ Харьковѣ, познакомился онъ съ племянникомъ его, молодымъ человѣкомъ, находившимся тамъ для наукъ, и не оставилъ бы его добрымъ словомъ". Здѣсь Ковалѣнскій, подъ именемъ племянника, говоритъ о себѣ самомъ. Съ этой поры онъ познакомился съ Сковородою, и ему мы обязаны достовѣрнымъ жизнеописаніемъ Сковороды. Встрѣтившись съ нимъ въ Харьковѣ, Сковорода, смотря на него, полюбилъ его, и полюбилъ до самой смерти.

Іосафъ, между тѣмъ, не теряя Сковороды изъ виду и желая привлечь его снова въ харьковское училище, предложилъ ему должность учителя, какую онъ захочетъ. Полюбивъ новаго своего знакомаго, Сковорода принялъ предложеніе епископа и остался въ Харьковѣ преподавать въ коллегіумѣ синтаксисъ и греческій языкъ.

Покинувъ Бѣлгородъ для Харькова, Сковорода, кромѣ коллегіума, занялся съ новымъ своимъ другомъ, М. И. Ковалѣнскимъ. Онъ сталъ чаще и чаще навѣщать его, занималъ его музыкою, чтеніемъ книгъ,— словомъ, невольно сталъ его руководителемъ. Молодой человѣкъ, воспитываемый до той поры полуучеными школьными риторами и частью монахами, съ жадностью сталъ вслушиваться въ слова новаго учителя. Одни говорили ему, что счастіе состоитъ въ довольствѣ, нарядахъ и въ праздномъ веселіи. Сковорода говорилъ, что счастіе — ограниченіе желаній, обузданіе воли и трудолюбивое исправленіе долга. Вдобавокъ къ этому, словамъ Сковороды отвѣчала и жизнь его, и его дѣла. Ученикъ проходилъ съ нимъ любимыхъ древнихъ авторовъ: Плутарха, Филона, Цицерона, Горація, Лукіяна, Климента, Оригена, Діонисія Ареопагита, Нила и Максима-Исповѣдника. Новые писатели шли съ ними рядомъ. Предпринявъ перевоспитать своего ученика совершенно, Сковорода почти ежедневно писалъ къ нему письма, чтобы отвѣтами на нихъ вкратцѣ пріучить его мыслить писать. Вскорѣ, именно въ *1763 году*, какъ самъ Ковалѣнскій приводитъ въ выдержкѣ изъ своихъ тогдашнихъ „Поденныхъ Записокъ", онъ увидѣлъ сонъ, въ

которомъ на ясномъ небѣ представились ему золотыя очертанія именъ трехъ отроковъ, ввержениыхъ въ печь огненную: Ананія, Азарія и Мисаила. Отъ этихъ трехъ словъ на Сковороду сыпались искры, а нѣкоторыя попадали и на Ковалѣнскаго, производя въ немъ легкость, спокойствіе и довольство духа. „Поутру,—говоритъ онъ,—вставъ рано, пересказалъ я сіе видѣніе старику, троицкому священнику, Бор., у котораго я имѣлъ квартиру. Старикъ сказалъ: молодой человѣкъ! слушайтесь вы сего мужа; онъ поставленъ вамъ отъ Бога руководителемъ и наставникомъ. Съ того часа молодой сей человѣкъ предался вседушно дружбѣ Григорія Сковороды". Три отрока, говорилъ ему Сковорода,—это три способности человѣка: умъ, воля и дѣяніе, непокоряющіяся злому духу міра, несгорающія отъ огня любострастія. Это объяснилъ ему Сковорода уже черезъ тридцать лѣтъ самой тѣсной дружбы съ своимъ ученикомъ, за два мѣсяца до своей кончины, потому что послѣдній не рѣшался ему разсказать прежде своего сна.

Въ бесѣдахъ съ своимъ ученикомъ, раздѣляя человѣка надвое, на внутренняго и внѣшняго, Сковорода этого внутренняго человѣка называлъ Минервою, по сказкѣ о происхожденіи Минервы изъ головы Юпитера. „Такимъ образомъ, часто,—говоритъ ученикъ,—видя робкаго военачальника, грабителя судью, хвастуна ритора, роскошнаго монаха, онъ съ досадою замѣчалъ: вотъ люди безъ Минервы! Взглянувъ на изображеніе Екатерины II, бывшее въ гостиной у друга его, сказалъ онъ съ движеніемъ: вотъ голова съ Минервою!"

Въ своихъ бесѣдахъ онъ приглашалъ ученика въ поздніе лѣтніе вечера за городъ и незамѣтно доводилъ его до кладбища. Тутъ онъ, при видѣ песчаныхъ могилъ, разрытыхъ вѣтромъ, толковалъ о безумной боязливости людской при видѣ мертвыхъ. „Иногда же, замѣчаетъ Ковалѣнскій, онъ пѣлъ тамъ что-либо, приличное благодушеству; иногда же, удаляясь въ близъ-лежащую рощу, игралъ на флейттраверсѣ, оставя ученика своего между могилъ одного, чтобъ издали ему пріятнѣе было слушать музыку". Такъ онъ укрѣплялъ бодрость мысли и чувствъ своего ученика.

Въ 1764 году Ковалѣнскій поѣхалъ въ Кіевъ изъ любопытства. Сковорода рѣшился ѣхать съ нимъ, и они отправились въ августѣ. Тамъ они осматривали древности, а Сковорода былъ ихъ истолкователемъ. „Многіе изъ соучениковъ его и родственниковъ,—замѣчаетъ Ковалѣнскій,—будучи тогда монахами въ Печерской Лаврѣ, напали на него неотступно, говоря: „полно бродить по свѣту! Пора пристать къ гавани! намъ извѣстны твои таланты! ты будешь столпъ и украшеніе обители!" — „Ахъ, — возразилъ въ горячности Сковорода: — довольно и васъ, столбовъ неотесанныхъ!" Черезъ нѣсколько дней Ковалѣнскій возвратился домой, а Сковорода остался погостить у

своего родственника, печерскаго типографа, Іустина. Спустя два мѣсяца, онъ снова пріѣхалъ изъ Кіева въ Харьковъ. Украйну онъ предпочиталъ Малороссіи за воздухъ и воды. „Онъ обыкновенно,—замѣчаетъ его ученикъ,—называлъ Малороссію матерью, потому что родился тамъ, а Украйну теткою, по жительству въ ней и по любви къ ней".

Въ Харьковѣ былъ тогда губернаторомъ Евдокимъ Алексѣевичъ Щербининъ, человѣкъ стараго вѣка, но поклонникъ искусствъ и наукъ, а въ особенности музыки, въ которой и самъ былъ искусенъ. Онъ много наслышался о Сковородѣ. Одинъ старожилъ передалъ мнѣ о первой встрѣчѣ его съ Сковородою. Щербининъ ѣхалъ по улицѣ, въ пышномъ рыдванѣ и съ гайдуками, и увидѣлъ Сковороду, сидѣвшаго у гостинаго двора, на тротуарѣ. Губернаторъ послалъ къ нему адъютанта.—«Васъ требуетъ къ себѣ его превосходительство!"—„Какое превосходительство?"—„Господинъ губернаторъ!"—«Скажите ему, что мы незнакомы!"—Адъютантъ, заикаясь, передалъ отвѣтъ Сковороды. Губернаторъ послалъ вторично. „Васъ *проситъ* къ себѣ *Евдокимъ Алексѣевичъ Щербининъ*!"—„А!—отвѣтилъ Сковорода: — объ этомъ слыхалъ; говорятъ, добрый человѣкъ и музыкантъ!" И, снявши шапку, подошелъ къ рыдвану. Съ той минуты они сошлись. Ковалѣнскій сохраняетъ черты ихъ дальнѣйшихъ отношеній. „Честный человѣкъ, для чего не возьмешь ты себѣ извѣстнаго состоянія?"—спросилъ его Щербининъ въ первые дни знакомства.—„Милостивый государь,—отвѣчалъ Сковорода:—свѣтъ подобенъ театру. Чтобъ представить на немъ игру съ успѣхомъ и похвалою, берутъ роли по способностямъ. Дѣйствующее лицо не по знатности роли, но за удачность игры похваляется. Я увидѣлъ, что не могу представить на театрѣ свѣта никакого лица удачно, кромѣ простаго, безпечнаго и уединительнаго; я сію роль выбралъ, и доволенъ".—„Но, другъ мой!—продолжалъ Щербининъ, отведя его особенно изъ круга:—можетъ быть, ты имѣешь способности къ другимъ состояніямъ, да привычка, мнѣнія, предубѣжденіе"... („мѣшаютъ" — хотѣлъ онъ сказать). „Еслибы я почувствовалъ,—перебилъ Сковорода:—сегодня же, что могу рубить турокъ, то привязалъ бы гусарскую саблю и, надѣвъ киверъ, пошелъ бы служить въ войско. А ни конь, ни свинья не сдѣлаютъ этого, потому что не имѣютъ природы къ тому!.."

Любимымъ занятіемъ Сковороды въ это время была музыка. Онъ сочинялъ духовные концерты, положа нѣкоторые псалмы на музыку, также и стихиры, пѣваемые на литургіи. Эти вещи были, по словамъ Ковалѣнскаго, исполнены гармоніи, простой, но важной и проникающей душу. Особую склонность питалъ онъ къ ахроматическому роду музыки. Сверхъ того, онъ игралъ на скрипкѣ, флейттраверсѣ, бандурѣ и гусляхъ. По словамъ г. Срезневскаго („Утренняя Звѣзда",

1834 г., к. 1), „онъ началъ музыкальное поприще въ домѣ своего отца - *сопилкою*, свирѣлью. Тамъ, одѣвшись въ юфтовое платье, онъ отправлялся отъ ранняго утра въ рощу и наигрывалъ на сопилкѣ священные гимны. Мало-по-малу онъ усовершенствовалъ свой инструментъ до того, что могъ на немъ передавать переливы голоса птицъ пѣвчихъ. Съ тѣхъ поръ музыка и пѣніе сдѣлались постояннымъ занятіемъ Сковороды. Онъ не оставлялъ ихъ въ старости. За нѣсколько лѣтъ до смерти, живя въ Харьковѣ, онъ любилъ посѣщать домъ одного старичка, гдѣ собирались бесѣды добрыхъ, подобныхъ хозяину, стариковъ. Бывали вечера и музыкальные, и Сковорода занималъ въ такихъ случаяхъ всегда первое мѣсто, пѣлъ prima и за слабостью голоса вытягивалъ трудныя solo на своей флейтѣ, какъ называлъ онъ свою сопилку, имъ усовершенствованную. Впрочемъ, онъ игралъ и пѣлъ, всегда наблюдая важность, задумчивость и суровость. Флейта была неразлучною его спутницей; переходя изъ города въ городъ, изъ села въ село, по дорогѣ онъ всегда или пѣлъ, или, вынувъ изъ-за пояса любимицу свою, наигрывалъ на ней свои печальныя фантазіи и симфоніи".

Въ 1766 г., по повелѣнію Екатерины II харьковскимъ училищамъ, по предстательству Щербинина, прибавлены нѣкоторыя науки подъ именемъ „прибавочныхъ классовъ". Между прочимъ, благородному юношеству было назначено преподавать правила благонравія. Начальство для этого избрало Сковороду, которому было уже сорокъ-четыре года, и онъ принялъ вызовъ охотно, даже безъ опредѣленнаго оклада жалованья, ссылаясь, что это доставитъ ему одно удовольствіе. Въ руководство ученикамъ написалъ онъ тогда извѣстное свое сочиненіе: „*Начальная дверь къ христіанскому добронравію для молодого шляхетства Харьковской губерніи*" *). Всѣ просвѣщенные люди, замѣчаетъ при этомъ Ковалѣнскій, отдали Сковородѣ полную справедливость. Но нашлись при этомъ завистники и гонители. Г. Срезневскій, въ своей статьѣ: „Отрывки изъ записокъ о старцѣ Сковородѣ" („Утренняя Звѣзда", кн. I), сохранилъ объ этомъ нѣсколько любопытныхъ подробностей. Воротившись изъ-за-границы, Сковорода былъ полонъ новаго ученія, новыхъ животворныхъ истинъ, добытыхъ на пользу человѣчества, любящій все доброе и честное и ненавидящій ложь и невѣжество. „Бѣдный странникъ, — говоритъ г. Срезневскій: — въ рубищѣ явился онъ въ Харьковъ. Скоро распростра-

*) Напечатана вполнѣ въ „*Сіонскомъ Вѣстникѣ*" Осипенита Мисаилова, 1806 г., ч. III, и въ „*Утренней Звѣздѣ*", 1834 г., кн. I, въ отрывкахъ, въ статьѣ И. И. Срезневскаго. Начало этого сочиненія, подъ именемъ „*Преддверія Сковороды*", напечатано еще въ „*Москвитянинѣ*", 1842 г., ч. I, съ замѣткою: доставлено г. Срезневскимъ.

нилась молва о его учености и краснорѣчіи". Въ предварительной лекціи, по полученіи каѳедры правилъ благонравія въ училищѣ, онъ высказалъ нѣкоторыя свои мысли и напугалъ непросвѣщенныхъ своихъ товарищей. И въ самомъ дѣлѣ, могли ли они не быть поражены такимъ громкимъ вступленіемъ! Выписываю оное слово въ слово: „Весь міръ спитъ! Да еще не такъ спитъ, какъ сказано: аще упадетъ, не разбіется; спитъ глубоко, протянувшись, будто ушибенъ! А наставники не только не пробуживаютъ, но еще поглаживаютъ, глаголюще: спи, не бойся, мѣсто хорошее... чего опасаться!" Волненіе было готово. Но это только начало, и скоро все затихло. Сковорода началъ свои уроки, написалъ вышеупомянутое сочиненіе, какъ сокращеніе оныхъ, отдалъ рукопись, и тогда-то буря возстала на него всею силой. Рукопись пошла по рукамъ. Съ жадностью читали ее. Но какъ нѣкоторыя мѣста въ ней найдены сомнительными, то Сковороду осудили на отрѣшеніе отъ должности. Конечно, тутъ дѣйствовала болѣе зависть; но невѣжество было для нея достаточною подпорою, и оно-то всего болѣе оскорбило Сковороду. Назначены были диспуты. Сочиненіе разобрано на нихъ съ самой дурной стороны, все истолковано въ превратномъ смыслѣ. Сковороду обвинили въ такихъ мысляхъ, какихъ онъ и имѣть не могъ. Сковорода опровергалъ противниковъ умно; но рѣшеніе осталось прежнее, Сковорода былъ принужденъ удалиться изъ Харькова".

Ковалѣнскій продолжаетъ разсказъ. Близъ Харькова есть мѣсто, называемое *Гужвинское*. Это—помѣстье Земборгскихъ, покрытое угрюмымъ лѣсомъ, въ глуши котораго была устроена тогда пасѣка, съ хижиною пчельника. На этой пасѣкѣ, у любимыхъ имъ помѣщиковъ, поселился Сковорода, укрываясь отъ молвы и враговъ. Здѣсь написалъ онъ сочиненіе „*Наркизъ, познай себя*"; вслѣдъ за тѣмъ, тутъ же онъ написалъ разсужденіе: „*Книга Асхань, о познаніи себя*" *). Это были первыя полныя сочиненія Сковороды; прежде, говоритъ Ковалѣнскій, онъ написалъ только „малыя отрывочныя сочиненія, въ стихахъ и въ прозѣ". „Лжемудрое высокоуміе, не въ силахъ будучи уже вредить ему, употребило другое орудіе—клевету. Оно разглашало повсюду, что Сковорода возстаетъ противъ употребленія мяса и вина, противъ золота и цѣнныхъ вещей, и что, удаляясь въ лѣса, не имѣетъ любви къ ближнему, а потому называли его манихейцемъ, мизантропомъ, человѣконенавистникомъ". Сковорода, узнавши объ этомъ, явился

*) Первая не напечатана. Второй также я нигдѣ не нашелъ въ печати. Но въ спискѣ сочиненій Сковороды, переданномъ мнѣ отъ преосвященнаго Иннокентія, сказано: „Асхань, о познаніи себя" напечатана въ Петербургѣ, въ 1798 году. Это, вѣроятно, книга подъ другимъ именемъ: „*Библіотека духовная, дружеская бесѣда о познаніи себя*", о которой я скажу ниже, въ перечнѣ сочиненій Сковороды.

въ городъ и въ первомъ же обществѣ нашелъ случай разгромить очень діалектически своихъ враговъ. „Было время,—говорилъ онъ, по словамъ Ковалѣнскаго,—когда онъ воздерживался, для внутренней экономіи своей, отъ мяса и вина. Не потому ли и лѣкарь охуждаетъ, напримѣръ, чеснокъ тому, къ которому вредный жаръ вступилъ въ глаза?“ И стрѣлы его противъ „оглагольниковъ его“ сыпались безъ числа. Слушавшіе его только робко переглядывались и не возражали. Онъ раскланялся и вышелъ. Новое уединеніе влекло его къ себѣ.

Въ Изюмскомъ округѣ, Харьковской губерніи, продолжаетъ Ковалѣнскій, жили тогда дворяне *Сошальскіе*, младшій братъ которыхъ приглашалъ Сковороду раздѣлить его жилище и дружбу. Сковорода поѣхалъ съ нимъ въ деревню его, Гусинку, полюбилъ снова и мѣсто, и хозяевъ и поселился у нихъ, по обычаю своему, на пасѣкѣ. Тишина, безмятежность и свобода снова возбудили въ немъ чувство несказаннаго удовольствія. „Многіе говорятъ,—писалъ онъ при этомъ къ Ковалѣнскому:—что дѣлаетъ въ жизни Сковорода, чѣмъ забавляется?—Я радуюсь, а радованіе есть цвѣтъ человѣческой жизни!“ Въ это время бывшій ученикъ его поѣхалъ на службу въ Петербургъ. Это было въ ноябрѣ 1769 года. Тамъ прожилъ онъ три года, превознося своего учителя. Сковорода, между тѣмъ, въ 1770 году съ Сошальскими уѣхалъ въ Кіевъ. Тамъ поселился онъ у своего родственника Іустина въ Китаевской пустыни, близъ Кіева, и прожилъ тутъ три мѣсяца. „Но вдругъ“, по словамъ Ковалѣнскаго, „примѣтилъ онъ однажды въ себѣ внутреннее движеніе духа, побуждавшее его ѣхать изъ Кіева. Онъ сталъ просить Іустина отпустить его въ Харьковъ. Родственникъ началъ его уговаривать остаться. Сковорода обратился къ другимъ пріятелямъ, съ просьбою отправить его на Украйну. Между тѣмъ, пошелъ онъ на Подолъ—нижній Кіевъ. Сходя туда по горѣ, онъ, по словамъ его, вдругъ остановился, почувствовавши сильный запахъ труповъ. На другой же день онъ уѣхалъ изъ Кіева. Пріѣхавши черезъ двѣ недѣли въ Ахтырку, онъ остановился въ монастырѣ, у своего пріятеля, архимандрита Венедикта, и успокоился. Неожиданно получается извѣстіе, что въ Кіевѣ чума и городъ уже запертъ“. Поживя нѣсколько у Венедикта, онъ обратно отправился въ Гусинку, къ Сошальскимъ, гдѣ и обратился къ своимъ любимымъ занятіямъ. Здѣсь Ковалѣнскій дѣлаетъ маленькое отступленіе, въ объясненіе того, почему Сковорода при жизни подписывался, въ письмахъ и сочиненіяхъ, еще иногда такъ: *Григорій Варсава Сковорода*, а иногда *Данилъ Мейнардъ*.

Въ 1772 году, въ февралѣ, Ковалѣнскій поѣхалъ за-границу и, объѣхавши Францію, въ 1773 году прибылъ въ швейцарскій городъ Лозанну. Между многими учеными въ Лозаннѣ сошелся онъ съ Да-

ніиломъ Мейнгардомъ. Этотъ Мейнгардъ былъ до того похожъ на Сковороду — образомъ мыслей, даромъ слова и чертами лица, что его можно было признать ближайшимъ родственникомъ его. Ковалѣнскому Мейнгардъ пришелся поэтому еще болѣе по-сердцу, и они такъ сблизились, что швейцарецъ предложилъ русскому страннику свой загородный домъ подъ Лозанною, съ садомъ и обширною библіотекой, чѣмъ тотъ и пользовался въ свое пребываніе въ Швейцаріи. Возвратясь, въ 1775 году, изъ-за границы, Ковалѣнскій передалъ о своей встрѣчѣ Сковородѣ. И послѣдній до того полюбилъ заочно своего двойника, что съ той поры сталъ подписываться въ письмахъ и въ своихъ сочиненіяхъ: *Григорій Варсава* (по еврейски: варъ—сынъ Савы) и *Даніилъ Мейнгардъ*. Это были его псевдонимы.

Въ 1775 году Сковородѣ было уже пятьдесятъ-три года, а онъ по-прежнему былъ такой же безпечный, старый ребенокъ, такой же чудакъ и охотникъ до уединенія, такой же мыслитель и непосѣда. Съ этого времени его жизнь уже принимаетъ видъ постоянныхъ переходовъ, странствованій пѣшкомъ за сотни верстъ и краткихъ отдыховъ у немногихъ, которыхъ онъ любилъ и которые гордились его посѣщеніями.

Здѣсь разсказъ Ковалѣнскаго я прерву воспоминаніями другихъ лицъ, писавшихъ о Сковородѣ. Ковалѣнскій говоритъ: „И добрая, и худая слава распространилась о немъ по всей Украйнѣ. Многіе хулили его, нѣкоторые хвалили, и всѣ хотѣли видѣть его. Онъ живалъ у многихъ. Иногда мѣстоположеніе—по вкусу его, иногда же люди привлекали его. Непремѣннаго же жилища не имѣлъ онъ нигдѣ. Болѣе другихъ онъ въ это время любилъ дворянъ Сошальскихъ и ихъ деревню Гусинку“ *).

---

*) Въ объясненіе словъ Ковалѣнскаго, Гессъ-де-Кальве и Ивана Вернета, потомокъ этихъ Сошальскихъ, *Е. Е. Сошальскій*, доставилъ мнѣ, отъ 15 января 1856 г., слѣдующія замѣтки своего отца: „Другъ Сковороды, Алексѣй Юрьевичъ Сошальскій жилъ въ *Гусинкѣ*, возлѣ церкви, гдѣ теперь живетъ В. Ѳ. Земборгскій. Онъ былъ старый холостякъ, оригиналъ, упрямаго характера и, будучи бездѣтенъ, все имѣніе хотѣлъ передать своему племяннику, моему отцу. Но разсердился на него за то, что тотъ приказалъ выбросить изъ пруда конопли, которыя онъ велѣлъ мочить, и конопли были причиною того, что имѣніе перешло въ разныя руки. Отецъ мой послѣ выкупилъ небольшую часть. Это — то мѣсто, гдѣ теперь я живу, т.-е. хуторъ Селище, близъ лѣса, называемаго Васильковъ. Я помню и самого Алексѣя Юрьевича, и домъ его, особой архитектуры. Это было очень высокое зданіе въ три этажа. Верхній, по имени лѣтнякъ, былъ безъ печей. Тутъ съ весны проживалъ хозяинъ, другъ Сковороды. У него были еще два брата, Осипъ и Георгій—мой дѣдъ. Первый жилъ также въ Гусинкѣ, а второй въ *Манчиновкѣ*. Недалеко отъ Гусинки есть лѣсъ. Тамъ въ то время была хижина и пасѣка, гдѣ Сковорода проживалъ иногда вмѣстѣ съ Алексѣемъ Юрьевичемъ. Мѣсто называлось Скрынники и получило имя „Скрынницкой пустыни“. Друзья ходили оттуда въ церковь въ Гусинку, гдѣ и теперь въ алтарѣ хранится зеркало

Гессъ-де-Кальве говоритъ объ этой порѣ („Украинскій Вѣстникъ“ 1817 г., IV кн.): „Въ крайней бѣдности переходилъ Сковорода по Украйнѣ изъ одного дома въ другой, училъ дѣтей примѣромъ непорочной жизни и зрѣлымъ наставленіемъ. Одежду его составляла сѣрая свита, пищу—самое грубое кушанье. Къ женскому полу не имѣлъ склонности; всякую непріятность сносилъ съ великимъ равнодушіемъ.—Проживши нѣсколько времени въ одномъ домѣ, гдѣ всегда ночевалъ — лѣтомъ въ саду подъ кустарникомъ, а зимой въ конюшнѣ,—бралъ онъ свою еврейскую Библію, въ карманъ флейту и пускался далѣе, пока попадалъ на другой предметъ. Никто, во всякое время года, не видалъ его иначе, какъ пѣшимъ; также малѣйшій видъ награжденія огорчалъ его душу. Въ зрѣлыхъ лѣтахъ, по большей части, жилъ онъ въ Купянскомъ уѣздѣ, въ большомъ лѣсу, принадлежавшемъ дворянину О. Ю. Шекому (Ос. Юр. Сошальскому). Онъ обыкновенно приставалъ въ убогой хижинѣ пасѣчника. Нѣсколько книгъ составляли все его имущество. Онъ любилъ быть также у помѣщика И. И. Меч—кова (И. И. Мечникова). Простой и благородный образъ жизни въ сихъ домахъ ему нравился. Тамъ онъ воспитывалъ дѣтей и развеселялъ разговорами сихъ честныхъ стариковъ“.

Г. Срезневскій говоритъ о его характерѣ („Утренняя Звѣзда“, 1834 г., кн. I): „Уваженіе къ Сковородѣ простиралось до того, что почитали за особенное благословеніе Божіе дому тому, въ которомъ поселился онъ хоть на нѣсколько дней. Онъ могъ бы составить себѣ подарками порядочное состояніе. Но, что̀ ему ни предлагали, сколько ни просили, онъ всегда отказывался, говоря: „дайте неимущему!“ и самъ довольствовался только сѣрой свитой. Эта сѣрая свита, чоботы про запасъ и нѣсколько свитковъ сочиненій,—вотъ въ чемъ состояло все его имущество. Задумавши странствовать или переселиться въ другой домъ, онъ складывалъ въ мѣшокъ эту жалкую свою худобу и, перекинувши его черезъ плечо, отправлялся въ путь съ двумя неразлучными: *палкой-журавлемъ и флейтой* *). И то, и другое было собственнаго его рукодѣлья“.—Въ тѣхъ же „запискахъ о старцѣ Григоріѣ Сковородѣ“ г. Срезневскій говоритъ (стр. 68—71): „Сково-

Сковороды, взятое по смерти его изъ домика Скрынницкой пустыни. Еще слово. Въ родѣ Сошальскихъ было также монашеское званіе. Одинъ изъ предковъ нашихъ потерялъ жену отъ чумы, занесенной въ Украйну. Возлѣ матери найденъ былъ живымъ ребенкомъ сынъ ея. Въ зрѣлыхъ лѣтахъ онъ часть имѣнія, именно хуторъ Чернячій, впослѣдствіи взятый въ казну, пожертвовалъ на Куряжскій монастырь, близъ Харькова, и самъ пошелъ въ монахи“.

*) По словамъ Хиждеу, въ статьѣ „*Три пѣсни Сковороды*“,—пѣсни Сковороды малороссійскіе слѣпцы поютъ подъ именемъ „*Сковородинскихъ вспянокъ*“.

рода отъ природы былъ добръ, имѣлъ сердце чувствительное. Но, рослій сиротою, онъ долженъ былъ привыкнуть по-неволѣ къ состоянію одиночества, и сердце его должно было подпасть подъ иго меланхоліи и загрубѣть, и судьба наконецъ взяла свое: съ лѣтами созрѣло въ немъ это ледяное чувство отчужденія отъ людей и свѣта. Умъ Сковороды шелъ тою же дорогой: сначала добрый, игривый, онъ мало-по-малу тяжелѣлъ, дѣлался своенравнѣе, независимѣе, дичалъ все болѣе и, наконецъ, погрузился въ бездну мистицизма. Притомъ вспомнимъ время, когда жилъ Сковорода: мистики или квіетисты разыгрывались тогда повсюду въ Германіи. Сковорода побывалъ въ этой странѣ и навсегда сохранилъ предпочтеніе къ ней передъ всѣми прочими, исключая родины своей. Легко понять, отчего Сковорода заслуживалъ часто имя чудака, если даже и не юродиваго. Съ сердцемъ охладѣлымъ, съ умомъ, подавленнымъ мистицизмомъ, вѣчно пасмурный, вѣчно одинокій, себялюбивый, гордый, въ простомъ крестьянскомъ платьѣ, съ причудами,—Сковорода могъ по справедливости заслужить это названіе. Сковорода жилъ самъ собою, удаляясь отъ людей и изучая ихъ, какъ изучаетъ естествоиспытатель хищныхъ звѣрей. Этотъ духъ сатиризма — самая разительная черта его характра.—Вотъ что̀ говоритъ Сковорода самъ о своей жизни: „что жизнь? *То сонъ Турка, упоеннаго опіумомъ,—сонъ страшный*: и голова болитъ отъ него, сердце стынетъ. *Что жизнь? То странствіе.* Прокладываю и себѣ дорогу, не зная, куда идти, зачѣмъ идти. И всегда блуждаю между несчастными степями, колючими кустарниками, горными утесами,—а буря надъ головою, и негдѣ укрыться отъ нея. Но—бодрствуй!“...—Впрочемъ, Сковорода не искалъ ни славы, ни уваженія. Онъ жилъ самъ собою. Онъ не могъ равнодушно сносить, чтобъ унижали его мысли. Любилъ иногда похвастаться своими познаніями, особенно въ языкахъ. Кромѣ славянскаго церковнаго, русскаго и украинскаго, онъ зналъ нѣмецкій, греческій и латинскій и на всѣхъ прекрасно говорилъ и писалъ. Сказавъ, что Сковорода вообще отличался особенною умѣренностью, какъ въ пищѣ, такъ и въ питіи, что онъ былъ настоящій постникъ, и „по сказанію всѣхъ, знавшихъ лично его, почти вовсе не употреблялъ горячихъ напитковъ“—г. Срезневскій старается защитить Сковороду противъ замѣчаній къ статьѣ Гессъ-де-Кальве издателей „Украинскаго Вѣстника“, гдѣ указывается на письмо Сковороды, приложенное къ статьѣ „Вѣстника“. Письмо писано къ харьковскому купцу Урюпину, изъ Бурлука, отъ 1790 года, 2 іюля; въ концѣ посланія „старецъ Григорій Варсава Сковорода“ выражается такъ: „Пришлите мнѣ ножикъ съ печаткою. Великою печатью не кстати и не люблю моихъ писемъ печатать. Люблю печататься еленемъ. Уворовано моего еленя

тогда, *когда я у васъ въ Харьковѣ пировалъ и буянилъ*. Достойно!— *Боченочки оба отсылаются*, вашъ и Дубровина; и сей двоицѣ отдайте отъ меня низенькій поклонъ и господину Прокопію Семеновичу". Къ словамъ г. Срезневскаго, въ статьѣ „Утренней Звѣзды", сдѣлалъ примѣчаніе Квитка-Основьяненко, подписавшись буквами: *Г. Ѳ. К—а*. Онъ рѣшаетъ вопросъ такъ: „хотя Сковорода и не былъ пьяница, но не былъ и врагъ существовавшему въ его время здѣсь обыкновенію, въ дружескихъ и пріятельскихъ собраніяхъ поддерживать и одушевлять бесѣды употребленіемъ не вина, котораго въ то время здѣсь, кромѣ крымскихъ и волошскихъ, и слыхомъ не было слышно, а разнаго рода наливокъ въ домахъ пріятельскихъ".

Г. Срезневскій сохраняетъ еще одну черту изъ жизни и нрава Сковороды, которую должно упомянуть прежде, нежели я перейду къ дальнѣйшему развитію разсказа Ковалѣнскаго.

Въ „Московскомъ Наблюдателѣ" 1836 г., ч. VI, г. Срезневскій помѣстилъ повѣсть „*Майоръ-майоръ*", гдѣ разсказываетъ, какъ судьба испытала-было Сковороду въ сердечныхъ стремленіяхъ его, какъ онъ чуть было не женился, и остался все-таки холостякомъ. Среди вымысла разговоровъ и обыкновенныхъ повѣствовательныхъ отступленій, авторъ сберегаетъ любопытныя черты, взятыя имъ изъ преданій старожиловъ, знавшихъ Сковороду. Послѣ того, какъ Сковорода „съ восторгомъ надѣлъ стихарь дьячка грекороссійской церкви въ Офенѣ, только для того, чтобъ убѣжать изъ Офена и, пространствовавъ на свободѣ по Европѣ", бѣглымъ дьячкомъ исходилъ онъ Венгрію, Австрію, сѣверную Италію и Грецію; странствовалъ потомъ по Украйнѣ и „*въ 1765 г. зашелъ въ наши Валковскіе хутора*". Значитъ, ему было тогда уже сорокъ три года. Свернувъ съ какой-то тропинки на проселокъ, а изъ проселка на огороды, онъ наткнулся на садикъ, близъ пасѣки, гдѣ видитъ дѣвушку, распѣвавшую пѣсни. Онъ знакомится съ отцомъ ея, оригинальнымъ хуторяниномъ, носившимъ прозвище „Майоръ", часто бесѣдуетъ съ нимъ, учитъ его дочку; дочка заболѣваетъ горячкой, онъ ее лѣчитъ. Тутъ дочка Маойра и Сковорода влюбляются другъ въ друга. Сковорода, по словамъ біографовъ, „вовсе несклонный къ женскому полу", увлекается сильнѣе; его помолвили, ставятъ подъ вѣнецъ. Но тутъ преданіе, въ разсказѣ г. Срезневскаго, сберегаетъ любопытную черту. Природа чудака беретъ верхъ — и онъ убѣгаетъ изъ церкви изъ-подъ вѣнца... Или Сковорода объ этомъ не разсказывалъ своему другу, Ковалѣнскому, или Ковалѣнскій умолчалъ объ этомъ изъ деликатности: только въ его разсказѣ этого эпизода не находится.

Продолжаю записки Ковалѣнскаго.

Полюбя *Тевяшева*, воронежскаго помѣщика, Сковорода жилъ у

него въ деревнѣ и написалъ тутъ сочиненіе: „Икона Алкивіадская“ *). Потомъ онъ имѣлъ пребываніе въ Бурлукахъ, у *Захаржевскаго*, гдѣ помѣстье отличалось красивымъ видомъ. Жилъ также у *Щербинина*, въ селѣ Бабаяхъ, въ монастыряхъ Старо-Харьковскомъ, Харьковскомъ училищномъ, Ахтырскомъ, Сумскомъ, Святогорскомъ, Сеннянскомъ, у своего друга, Ковалѣнскаго, въ селѣ Хатетовѣ, близъ Орла, и въ селѣ Ивановкѣ, у *Ковальнскаго*, гдѣ потомъ и скончался. „Иногда жилъ онъ у кого-либо“, замѣчаетъ Ковалѣнскій, „совершенно не любя пороковъ своихъ хозяевъ, но для того только, дабы черезъ продолженіе времени, обращаясь съ ними, бесѣдуя, нечувствительно привлечь ихъ *въ познаніе себя, въ любовь къ истинѣ и въ отвращеніе отъ зла*“.— „Впрочемъ, во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ жилъ, онъ избиралъ всегда уединенный уголъ, жилъ просто, одинъ, безъ услуги. — Харьковъ любилъ онъ и часто посѣщалъ его. Новый начальникъ тамошній, услыша о немъ, желалъ видѣть его“. Губернаторъ съ перваго же знакомства спросилъ, о чемъ учитъ его любимая книга, „книга изъ книгъ“, священная Библія? Сковорода отвѣтилъ: „Поваренныя книги ваши учатъ, какъ удовольствовать желудокъ; псовыя — какъ звѣрей ловить; модныя—какъ наряжаться; а она учитъ, какъ облагородствовать человѣческое сердце“. Тутъ онъ толковалъ и спорилъ съ учеными, говорилъ о философіи. И во всѣхъ его рѣчахъ была одна завѣтная цѣль: побужденіе людей къ жизни духа, къ благородству сердца и „къ свѣтлости мыслей, яко главѣ всего“. Изъ Харькова онъ надолго отправился въ Гусинку, къ Сошальскимъ, въ „любимое свое пустыножительство“. Онъ былъ счастливъ по-своему и повторялъ завѣтную свою поговорку: „*благодареніе всеблаженному Богу, что нужное сдѣлалъ нетруднымъ, а трудное ненужнымъ!*“ — Усталый, говоритъ Ковалѣнскій, приходилъ онъ къ престарѣлому пчелинцу, недалеко жившему на пасѣкѣ, „бралъ съ собою въ сотоварищество любимаго пса своего, и трое, составя общество, раздѣляли они между собою свечерю“. „Можно жизнь его было назвать жизнью; не таково было тогда состояніе друга его!“—заключаетъ Ковалѣнскій и переходитъ къ описанію собственнаго положенія, когда онъ почти на двадцать лѣтъ разстался съ Сковородою и, увлеченный вихремъ свѣта и

*) По случаю жизни Сковороды въ Воронежской губерніи уцѣлѣло нѣсколько строкъ въ „*Москвитянинѣ*“, 1849 г., XXIV ч., подъ именемъ „*Анекдотъ о Г. С. Сковородѣ. Свиданіе Сковороды съ епископомъ Тихономъ III въ Острогожскѣ*“. Подпись: „Сообщено Н. Б. Баталинымъ изъ Воронежа“. Это извѣстіе начинается словами: „Нѣкогда Г. С. Сковорода жилъ въ Острогожскѣ“. Въ это время епископу разсказывали о немъ, какъ о дивѣ. Епископъ, между прочимъ, въ разговорѣ съ нимъ, спросилъ: „Почему не ходите никогда въ церковь?“ — „Если вамъ угодно, я завтра же пойду“.—И онъ кротко повиновался желанію епископа.

столичной жизни, свидѣлся съ нимъ опять уже въ годъ смерти бывшаго своего учителя. Здѣсь и я на время разстанусь съ разсказомъ Ковалѣнскаго и пополню его слова изъ другихъ источниковъ о Сковородѣ, а именно нѣсколькими анекдотами о странствующемъ философѣ, записанными харьковскими старожилами, безъ означенія времени.

По словамъ Ѳ. Н. Глинки, Екатерина II знала о Сковородѣ, дивилась его жизни, уважала его славу и однажды, чрезъ Потемкина, послала ему приглашеніе изъ Украйны переселиться въ столицу. Посланный гонецъ отъ Потемкина, съ юга Малороссіи, засталъ Сковороду съ флейтою, на закраинѣ дороги, близъ которой ходила овца хозяина, пріютившаго на время философа. Сковорода, выслушавъ приглашеніе, отвѣтилъ: „скажите матушкѣ-царицѣ, что я не покину родины...

Мнѣ моя свирѣль и овца
Дороже царскаго вѣнца!“

Въ „Украинскомъ Вѣстникѣ“ (1817 г., кн. IV) сохранили о Сковородѣ нѣсколько любопытныхъ чертъ Гессъ-де-Кальве и Иванъ Вернетъ.

Гессъ-де-Кальве говоритъ: „Чтобы дать понятіе объ остроуміи и скромности Сковороды, приведу два случая.—При странномъ поведеніи его, неудивительно, что нѣкоторые забавники шутили надъ нимъ. Г**, умный и ученый человѣкъ, но атеистъ и сатирикъ (онъ былъ воспитанъ по-французски), хотѣлъ однажды осмѣять его. „Жаль,—говорилъ онъ,—что ты, обучившись такъ хорошо, живешь какъ сумасшедшій, безъ цѣли и пользы для отечества!“—„Ваша правда,—отвѣчалъ философъ:—я до сихъ поръ еще не сдѣлалъ пользы; но надобно сказать—и никакого вреда! Но вы, сударь, безбожіемъ вашимъ уже много сдѣлали зла. Человѣкъ безъ вѣры есть ядовитое насѣкомое въ природѣ. Но байбакъ (сусликъ), живя уединенно подъ землею, временемъ, съ своего бугорка, смотря на прекрасную натуру, отъ радости свищетъ и притомъ никого не колетъ!“ Г** проглотилъ пилюлю; однако, она не подѣйствовала: онъ остался, какъ и былъ, безбожникомъ до послѣдняго издыханія“.—„Другой анекдотъ,—говоритъ Гессъ-де-Кальве:—показываетъ скромность Сковороды.—Многіе желали познакомиться съ нимъ. Иные, будучи водимы благороднымъ чувствомъ, а другіе, чтобы надъ нимъ почудиться, какъ надъ рѣдкимъ человѣкомъ, полагая, что философъ есть родъ орангутанговъ, которыхъ показываютъ за деньги.—Въ Таганрогѣ жилъ Г. И. Ковалѣнскій, воспитанникъ Сковороды (это, вѣроятно, братъ Ковалѣнскаго, автора записокъ о Сковородѣ). Чтобы навѣстить его, пустился нашъ мудрецъ въ дорогу, на которой, какъ онъ самъ говорилъ, помѣшкалъ болѣе года. Когда же онъ прибылъ въ Таганрогъ, то ученикъ его созвалъ множество гостей, между ко-

торыми были весьма знатные люди, хотѣвшіе познакомиться съ Сковородою. Но сей, будучи врагъ пышности и многолюдства, лишь только примѣтилъ, что такая толпа милостивцевъ собралась единственно по случаю его прибытія туда, тотчасъ ушелъ изъ комнаты, и, къ общей досадѣ, никто не могъ его найти. Онъ спрятался въ сарай, гдѣ до тѣхъ поръ лежалъ въ закрытой кибиткѣ, пока въ домѣ стало тихо". Гессъ-де-Кальве заключаетъ свои воспоминанія словами: „Вотъ нѣсколько довольно странныхъ его изреченій: „Старайся манить собаку, но палки изъ рукъ не выпускай".—„Курица кудахчетъ на одномъ мѣстѣ, а яйца кладетъ на другомъ".—„Рыба начинаетъ отъ головы портиться".

Вотъ нѣсколько чертъ, переданныхъ во всей наивности Иваномъ Вернетомъ, еще любопытнѣе.— „Подлѣ Лопанскаго моста, въ Харьковѣ, въ домѣ почтеннаго моего пріятеля, *П. Ѳ. Пискуновскаго*, досталось мнѣ видѣть въ послѣдній разъ Григорія Саввича Сковороду. Онъ былъ мужъ умный и ученый. Но своенравіе, излишнее самолюбіе, нетерпящее никакого противорѣчія, слѣпое повиновеніе, котораго онъ требовалъ отъ слушавшихъ его—magister dixit—затмѣвали сіяніе дарованія его и уменьшали пользу, которую общество могло ожидать отъ его способностей. Ему надлежало бы, по совѣту Платона, который относилъ слова свои къ Ксенократу, *почаще приносить жертву граціямъ. Истина въ устахъ его, не будучи прикрыта пріятною завѣсою скромности и ласковости, оскорбляла исправляемаго.* Всѣхъ болѣе удивлялись ему достопочтенные Я. М. Донецъ-Захаржевскій и А. Ю. Сошальскій. Сковорода преимущественно любилъ малороссіянъ и нѣмцевъ. Сія исключительная любовь была причиною моего съ нимъ пренія и несогласія при первомъ свиданіи. Сковорода былъ музыкантомъ. Его духовные канты мнѣ нравятся. Но стихи его вообще противны моему слуху, можетъ быть, отъ того, что я худой знатокъ и цѣнитель красотъ русской поэзіи. При всемъ томъ, я чувствую въ себѣ склонность подражать ему въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. И вмѣсто того, чтобы чувствительно оскорбиться тѣмъ, *что онъ меня назвалъ мужчиною съ бабьимъ умомъ и дамскимъ секретаремъ*, я еще былъ ему весьма обязанъ за сіи титла. Это было въ тѣ счастливыя лѣта, когда человѣкъ, у *коего не тыква на мѣстѣ головы и не кусокъ дерева вмѣсто сердца*, поставляетъ все свое благополучіе въ томъ, чтобы любить и быть любиму; когда чувствительное сердце ищетъ себѣ подобнаго, и когда милая улыбка любимаго предмета такъ восхищаетъ сердце и душу, какъ послѣ суровой зимы солнечная теплота, пѣніе птицъ и природа во всемъ ея убранствѣ" („Украин. Вѣстн.", 1817 г. кн. IV). Модное нѣкогда, какъ впослѣдствіи—разочарованность, „чувствительное сердце" Ивана Вернета заставило его сказать

въ концѣ отъ души: „я нарочно ѣздилъ изъ Мерчика (имѣніе Шидловскихъ) въ деревню Ивановку, Богодуховскаго уѣзда, для посѣщенія могилы, въ коей почиваютъ бренные останки незабвеннаго Сковороды. И. Вернетъ. *Софійское, Валковскаго уѣзда. Въ мартѣ 1817 года*".

Г. Срезневскій сообщаетъ также любопытный анекдотъ о Сковородѣ („Утренняя Звѣзда", 1834 г. кн. I): „Рѣдко, очень рѣдко Сковорода измѣнялъ своей важности, а если и измѣнялъ, то въ такихъ только случаяхъ, когда дѣйствительно было трудно сохранить оную. Суровый старецъ, онъ былъ, однако, застѣнчивъ и не могъ терпѣть, когда предъ нимъ величали его достоинства. Онъ становился самъ не свой, онъ терялся, когда предъ нимъ внезапно являлся кто-нибудь изъ давно желавшихъ видѣть его и разливался въ привѣтствіяхъ. Такъ случилось однажды въ домѣ *Пискуновскаго*, старика, любимаго Сковородою. Это было вечеромъ, во время ихъ обыкновенной стариковской бесѣды. Молча, съ глубочайшимъ вниманіемъ слушали старики разсказы и нравоученія старца, который, выпивши на этотъ разъ лишнюю чарку вина, среди розыгра своего воображенія, говорилъ хотя и медленно и важно, но съ необыкновеннымъ жаромъ и краснорѣчіемъ. Прошелъ часъ и другой, и ничто не мѣшало восторгу разсказчика и слушателей. Сковорода началъ говорить о своемъ сочиненіи: „Лотова жена", сочиненіи, въ коемъ положилъ онъ главныя основанія своей мистической философіи. Сковорода разсказалъ уже очеркъ. Начинаются подробности. Вдругъ дверь съ шумомъ растворяется, половинки хлопаютъ, и молодой Х—ъ, франтъ, недавно изъ столицы, вбѣгаетъ въ комнату. Сковорода, при появленіи незнакомаго, умолкъ внезапно.—„Итакъ,—восклицаетъ Х—ъ, я наконецъ достигъ того счастія, котораго столь долго и напрасно жаждалъ. Я вижу наконецъ великаго соотечественника моего, Григорія Саввича Сковороду! Позвольте"... и подходитъ къ Сковородѣ. Старецъ вскакиваетъ; сами собою складываются крестомъ на груди его костлявыя руки; горькой улыбкой искривляется тощее лицо его, черные впалые глаза скрываются за сѣдыми нависшими бровями, самъ онъ невольно изгибается, будто желая поклониться, и вдругъ прыжокъ, и трепетнымъ голосомъ: „*позвольте! тоже позвольте!*"—и исчезъ изъ комнаты. Хозяинъ за нимъ; проситъ, умоляетъ—нѣтъ. „Съ меня смѣяться!" говоритъ Сковорода и убѣжалъ. И съ тѣхъ поръ не хотѣлъ видѣть Х—а".

Выписываемъ еще нѣсколько строкъ изъ повѣсти г. Срезневскаго „*Майоръ-майоръ*" („Московскій Наблюдатель", 1836 г. IV ч.), гдѣ онъ сохранилъ, по разсказамъ старожиловъ, портретъ Сковороды, относящійся къ его поздней жизни въ Харьковѣ и окрестностяхъ. „Сухой, блѣдный, длинный", говорилъ онъ, „губы изжелкли, будто

истерлись; глаза блестятъ то гордостью академика, то глупостью нищаго, то невиннымъ простодушіемъ дитяти; поступь и осанка важная, размѣренная". Въ это время слава Сковороды шла уже далеко, и украинскіе бродячіе пѣвцы, называемые „бандуристами" и слѣпцами", подхватывали его стихи и духовные канты и распѣвали ихъ на большихъ дорогахъ, именуя ихъ „псалмами".

ГЛАВА III.

Переписка Сковороды.—Письма Ковалѣнскаго.—Свиданіе съ другомъ черезъ двадцать лѣтъ разлуки.—Болѣзнь, старческая суровость и смерть.—Надгробная и вызовъ черезъ „Московскія Вѣдомости" читать его сочиненія. Письмо Н. С. Мягкаго.—Заключеніе.

Начиная съ 1775 года, когда Сковородѣ исполнилось уже за пятьдесятъ лѣтъ, его біографы оставляютъ въ его жизни пробѣлъ, вплоть до самой его смерти. Ковалѣнскій, выразившись, что около 1775 года разстался съ нимъ, „увлеченный великимъ свѣтомъ, возбудившимъ въ немъ разумъ внѣшній", на двадцать лѣтъ,—прямо уже переходитъ къ разсказу о Сковородѣ въ 1794 году, когда снова столкнулся съ нимъ и навѣки оплакалъ своего друга. Г. Срезневскій, послѣ всего взятаго мною изъ его „Записокъ о старцѣ Григоріи Сковородѣ", также кончаетъ свою статью коротенькимъ описаніемъ его смерти. Этотъ пробѣлъ почти въ двадцать лѣтъ, кромѣ приведенныхъ мною анекдотовъ, хотя нѣсколько могутъ освѣтить выдержки изъ немногихъ уцѣлѣвшихъ писемъ Сковороды. Эти письма приложены частію къ нѣсколькимъ изданнымъ его сочиненіямъ, частію же сопровождаютъ его рукописныя сочиненія, съ которыми постоянно и списываются, какъ необходимое предисловіе къ его разсужденіямъ, обращавшимся постоянно къ тѣмъ, къ кому онъ писалъ письма. Кромѣ того, два письма Сковороды помѣщены отдѣльно въ „*Украинскомъ Вѣстникѣ*", при статьѣ Гессъ-де-Кальве и Ивана Вернета, и нѣсколько отрывковъ ихъ напечатано въ статьѣ В. Н. Каразина и И. И. Срезневскаго въ „*Молодикѣ*", 1843 года. Нельзя не упомянуть при этомъ и нѣсколькихъ намёковъ на письма, именно на подписи ихъ года и числа и мѣста жительства Сковороды, въ подстрочныхъ выноскахъ при статьѣ Хиждеу, въ „*Телескопѣ*" 1835 года. Въ тѣхъ письмахъ сохранена исторія появленія сочиненій Сковороды, изрѣдка прерываясь краткими и скупыми намеками на собственную жизнь автора. Пособіемъ въ сведеніи этой переписки послужилъ мнѣ присланный отъ преосвященнаго *Иннокентія*, изъ Одессы, и неизданный еще нигдѣ списокъ нѣсколькихъ писемъ Ковалѣнскаго къ Ско-

вородѣ, отъ 1779 до 1788 года, сдѣланный вскорѣ послѣ смерти Сковороды, въ концѣ прошлаго вѣка.

„Самое старое изъ писемъ Сковороды, говоритъ г. Срезневскій въ отдѣльной своей статьѣ „Выписки изъ писемъ Г. С. Сковороды". („Молодикъ", 1843 г.) есть то, которое помѣщено передъ его книжкой (неизданной) „О древнемъ змѣѣ или Библіи". Оно писано къ какому-то высокородію, и во всякомъ случаѣ до 1763 года, когда это сочиненіе было списано С. Ѳ. Залѣсскимъ".

Вотъ отрывокъ этого письма: „Училъ своихъ друзей Епикуръ, что жизнь зависитъ отъ сладости и что веселіе сердца есть животъ человѣку. Силу слова сего люди не раскусивъ во всѣхъ вѣкахъ и народахъ, обезславили Епикура за сладость и почти самого его величали пастыремъ стада свиного, а каждаго изъ друзей его величали Epicuri de grege porcus. *Всякая мысль подло, какъ змія, по земли ползетъ; но есть въ ней око голубицы, взирающее выше потопныхъ водъ на прекрасную ипостась истины*" („Молодикъ", 1743 г., стр. 241—242).

При изданной книгѣ Сковороды „*Басни Харьковскія*" (Москва, 1837 года), въ видѣ предисловія, напечатано, съ помѣткою: „*1774 года, въ селѣ Вабаяхъ; наканунѣ пятидесятницы*", слѣдующе письмо Сковороды. Вотъ это письмо:

„Любезному другу, Аѳанасію Кондратовичу Панкову.

„Любезный пріятель! Въ седьмомъ десяткѣ нынѣшняго вѣка, отставъ отъ учительской должности и уединяясь въ лежащихъ около Харькова лѣсахъ, поляхъ, садахъ, селахъ, деревняхъ и пчельникахъ, обучалъ я себя добродѣтели и поучался въ Библіи; притомъ, благопристойными игрушками забавляясь, написалъ полтора десятка басенъ, не имѣя съ тобою знаемости. А сего года, въ селѣ *Вабаяхъ*, умножилъ оныя до половины. Между тѣмъ, какъ писалъ прибавочныя, казалось, будто ты всегда притомъ присутствуешь, одобряя мои мысли и вмѣстѣ о нихъ со мною причащаясь. Дарую же тебѣ три десятка басенъ: тебѣ и подобнымъ тебѣ!

„Отческое наказаніе заключаетъ въ горести своей сладость, а мудрая игрушка утаеваетъ въ себѣ силу.

„Глупую важность встрѣчаютъ по виду, выпровожаютъ по смѣху, а разумную шутку важный печатлѣетъ конецъ. Нѣтъ смѣшнѣе, какъ умный видъ съ пустымъ потрохомъ, и нѣтъ веселѣе, какъ смѣшное лицо съ утаенною дѣльностію; вспомните пословицу: *красна хата не углами, но пирогами*. Я и самъ не люблю поддѣльной маски тѣхъ людей и дѣлъ, о коихъ можно сказать малороссійскую пословицу: *стучитъ, шумитъ, гремитъ. А что тамъ? Кобылья мертва голова бѣжитъ*. Говорятъ и великороссійцы: *летала высоко, а сѣла недалеко,*

о тѣхъ, что богато и красно говорятъ, а нечего слушать. Не люба мнѣ сія пустая надменность и пышная пустошь; а люблю тое, что сверху ничто, но въ середкѣ чтось: снаружи ложь, но внутрь истина. Картинка сверху смѣшна, но внутрь боголѣпна. Другъ мой! Не презирай баснословія. Басня и притча есть тоже. „Не по кошельку суди сокровище“. Праведенъ судъ судитъ! Басня тогда бываетъ скверная и бабія, когда въ подлой и смѣшной своей шелухѣ не заключаетъ зерна истины: похожа на орѣхъ свищъ Отъ такихъ-то басенъ отводитъ Павелъ своего Тимоѳея; и Петръ не просто отвергаетъ басни, но басни ухищренныя, кромѣ украшенной наружности, силы Христовой неимущія. Иногда во вретищѣ дражайшій кроется камень. Какъ обрядъ есть, безъ силы Божіей, пустошь, такъ и басня безъ истины. Если-жъ съ истиною: кто дерзнетъ назвать лживою?

„*Все, убо, чисто чистымъ, осквернѣннымъ же и не вѣрнымъ ничтоже чисто, но осквернися ихъ умъ и совѣсть.*

„Симъ больнымъ, лишеннымъ страха Божія, а съ нимъ и добраго вкуса, всякая пища кажется гнусною. Не пища гнусна, „*но осквернился ихъ умъ и совѣсть*“.

„Сей забавный и фигурный родъ писаній былъ домашній самымъ лучшимъ древнимъ любомудрцамъ. Лавръ и зимою зеленъ. Такъ мудрые и въ игрушкахъ умны, и во лжѣ истинны. Истинна острому взору ихъ не издали мелькала, такъ, какъ низкимъ умамъ, но ясно, какъ въ зеркалѣ, представлялась; а они, увидѣвъ живо живый ея образъ, уподобили оную различнымъ тлѣннымъ фигурамъ.

„Ни однѣ краски не изъясняютъ розу, лилію, нарцисса столько живо, сколько благолѣпно у нихъ образуетъ невидимою Божію истину тѣнь небесныхъ и земныхъ образовъ. Отсюду родились символы, притчи, басни, подобія, пословицы...

„И не дивно, что Сократъ, когда ему внутренній геній, предводитель во всѣхъ его дѣлахъ, велѣлъ писать ему стихи, тогда избралъ Езоповы басни. И какъ самая хитрѣйшая картина неученымъ очамъ кажется враками, такъ и здѣсь дѣлается.

„Пріими-жъ, любезный пріятель, дружескимъ сердцемъ сію не безвкусную отъ твоего друга мыслей воду. Не мои сіи мысли, и не я оныя вымыслилъ: истина есть безначальна! Но люблю!.. Тѣшь мои *люби*—и будутъ твои. Знаю, что твой тѣлесный болванъ далеко разнится отъ моего чучела, но два разноличные сосуды однимъ да наполнятся елеемъ; да будетъ едина душа и едино сердце! Сія-то есть истинная дружба—мыслей единство. Все не наше, все погибнетъ. И самые болваны наши. Однѣ только мысли наши всегда съ нами; одна только истина вѣчна! А мы въ ней, какъ яблокъ въ своемъ зернѣ, сокрыемся.

„Питаймо-жъ дружбу! Пріими и кушай съ Петромъ четвероногая, звѣри, гади и птицы. Богъ тебя да благословляетъ! Съ нимъ не вредитъ и самый ядъ языческій. Они ничто суть, какъ образы, прикрывающіе какъ полотномъ истину. Кушай, поколь вкусишь съ Богомъ лучшее! Любезный пріятель, твой вѣрный слуга, любитель Священныя Библіи, Григорій Сковорода".

Вслѣдъ за этимъ идутъ письма Ковалѣнскаго къ Сковородѣ, по рукописи преосвященнаго Иннокентія. Ничего наивнѣе и трогательнѣе этихъ писемъ нельзя себѣ представить. Въ нихъ сохранились любопытныя черты, дорисовывающія окончательно образъ Сковороды и показывающія всю степень любви, которую питали къ нему современники и друзья его.

Привожу слѣдующее, помѣченное 1779 г., нигдѣ неизданное, замѣчательное письмо Сковороды къ лицу неизвѣстной фамиліи, найденное мною въ рукописяхъ библіотеки харьковскаго университета въ 1865 году, въ сборникѣ рукописей Сковороды, подаренныхъ университету И. Т. Лисенковымъ въ 1861 году.

Вотъ оно:

Изъ Гусинской пустыни, 1779 г., февраля 19.

„Любезный государь, Артемъ Дорофеевичъ, радуйтесь и веселитесь! Ангелъ мой хранитель нынѣ со мною веселится пустынею. Я къ ней рожденъ. Старость, нищета, смиреніе, безпечность, незлобіе суть мои въ ней сожительницы. Я ихъ люблю и онѣ мене. А что ли дѣлаю въ пустынѣ? Не спрашивайте. Недавно нѣкто о мнѣ спрашивалъ: скажите мнѣ, что̀ онъ тамъ дѣлаетъ? Если бы я въ пустынѣ отъ тѣлесныхъ болѣзней лѣчился, или оберегалъ пчелы, или портняжилъ, или ловилъ звѣрь, тогда бы Сковорода казался имъ занятъ дѣломъ. А безъ сего думаютъ, что я праздненъ, и не безъ причины удивляются. Правда, что праздность тяжелѣе горъ кавказскихъ. Такъ только ли развѣ всего дѣла для человѣка: продавать, покупать, жениться, посягать, воеваться, тягаться, портняжить, строиться, ловить звѣрь? Здѣсь ли наше сердце неисходно всегда? Такъ вотъ же сейчасъ видна бѣдности нашей причина: что мы, погрузивъ все наше сердце въ пріобрѣтеніе міра и въ море тѣлесныхъ надобностей, не имѣемъ времени вникнуть внутрь себе, очистить и поврачевать самую госпожу тѣла нашего, душу нашу. Забыли мы себе за неключимымъ рабомъ нашимъ, невѣрнымъ тѣлишкомъ, день и ночь о немъ одномъ пекущесь. Похожи на щеголя, пекущагося о сапогѣ, не о ногѣ, о красныхъ углахъ, не о пирогахъ, о золотыхъ кошелькахъ, не о деньгахъ. Коликая-жъ намъ отсюду тщета и трата? Не всѣмъ ли мы изобильны? Точно, всѣмъ и всякимъ добромъ тѣлеснымъ; совсѣмъ телѣга, по пословицѣ, кромѣ колесъ — одной только души нашей не имѣемъ. Есть, правда, въ насъ и душа, но такова, каковыя у шкорбутика

или подагрика ноги, или матрозскій алтына не стоящій козырекъ. Она въ насъ разслаблена, грустна, нравна, боязлива, завистлива, жадная, ничѣмъ не довольна, сама на себя гнѣвна, тощая, блѣдна, точно такая, какъ паціентъ изъ лазарета, каковыхъ часто живыхъ погребаютъ по указу. Такая душа, если въ бархатъ одѣлась, не гробъ ли ей бархатный? Если въ свѣтлыхъ чертогахъ пируетъ, не адъ ли ей? Если весь міръ ее превозноситъ портретами и пѣснями, сирѣчь одами величаетъ, не жалобныя ли для нея оныя пророческія сонаты:

„Въ тайнѣ восплачется душа моя! (Іеремія)
„Взволнуются... и почти не возмогутъ! (Исаія)

„Если самая тайна, сирѣчь самый центръ души изныетъ и болитъ, кто или что́ увеселитъ ее? Ахъ, государь мой и любезный пріятель! плывите по морю и возводьте очи къ гавани. Не забудьте себе среди изобилій вашихъ. Одинъ у васъ хлѣбъ уже довольный есть, а втораго много-ль? Рабъ вашъ сытъ, а Ревекка довольна-ль? Сіе-то есть?

„Не о единомъ хлѣбѣ живъ будетъ человѣкъ!“

„О семъ послѣднемъ ангельскомъ хлѣбѣ день и ночь печется Сковорода. Онъ любитъ сей родъ блиновъ паче всего. Далъ бы по одному блину и всему Израилю, еслибъ былъ Давыдомъ. Какъ пишется въ книгахъ Царствъ: но и для себе скудно. Вотъ что онъ дѣлаетъ въ пустынѣ, пребывая, любезный государь, вамъ всегда покорнѣйшимъ слугою—и любезному нашему Степану Никитичу г-ну Курдюмову, отцу и его сынови поклонъ, если можно, и Ивану Акимовичу“. На письмѣ адресъ: „М. гос. г-ну Артему Дорофеевичу—въ Харьковѣ“.

Въ рукописяхъ преосвященнаго Иннокентія найдено мною слѣдующее письмо отъ М. Ковалѣнскаго къ Сковородѣ: „1788 г., февраля 13, Сант-Петербургъ.—Возлюбленныймой Мейнгардъ! Такъ ты уже и не пишешь ко мнѣ оригинально, а только чрезъ копію говоришь со мною? Вчера я получилъ отъ Якова Михайловича Захаржевскаго письмо, въ которомъ ты препоручаешь ему цѣловать меня. За дружеское сіе цѣлованіе душевно благодарю тебя, другъ мой; но желалъ бы я имѣть цѣлованіе твоею рукою Мейнгардовою! Видъ начертанныхъ твоихъ писемъ возбуждаетъ во мнѣ огнь, пепломъ покрываемый, не получая ни движенія, ни вѣтра; ибо я живу въ такой странѣ, гдѣ хотя водъ и непогодъ весьма много, но движенія и вѣтровъ весьма мало,—а безъ сихъ огонь совершенно потухаетъ. Ты говоришь въ письмѣ, что все мое получилъ, но меня самого не получаешь. Сего-то и я сердечно желаю. Давно уже направляю я ладію

мою къ пристани тихаго уединенія!—Тогда-то я бы утѣшился тобою, другомъ моимъ, услаждая жизнь собесѣдованіемъ твоимъ!—Прости! Не знаю, что послать тебѣ. *Да ты ни въ чемъ не имѣешь надобности, что прислать можно: все въ тебѣ и съ тобою!* Я слышалъ о твоихъ писаніяхъ. По любви твоей ко мнѣ, пришли мнѣ оныя. Я привыкъ любить мысли твои. Ты много оживотворишь меня бесѣдою твоею. Впрочемъ, не безпокойся, чтобы я оныя сообщилъ кому другому. Можетъ быть, Богъ велитъ мнѣ увидѣть тебя скоро. Я покупаю у Шидловскаго, Николая Романовича, село *Кунее*, въ Изюмской округѣ. Сказуютъ, что мѣста хорошія тамъ; а ты бы еще собою мнѣ сдѣлалъ оныя прекрасными. Другъ твой и слуга вѣрный, Михайло Ковалѣнской. Надежда моя посылаетъ тебѣ *пармазану*, съ дѣтьми Якова Михайловича, *и шесть платочковъ*. Прійми ихъ отъ дружбы".

Тамъ-же найдено мною письмо отъ 1788 г. 6 марта за подписью: „*Василій Тамара*". „Любезный мой учитель Григорій Савичъ! Письмо ваше черезъ корнета *Кислаго* получилъ я, съ равною любви и сердца привязанностію моею къ вамъ. Вспомнишь ты, почтенный другъ мой, твоего Василія, по наружности, можетъ быть, и не-несчастнаго, но внутренно болѣе имѣющаго нужду въ совѣтѣ, нежели когда былъ съ тобою. О, еслибы внушилъ тебѣ Господь пожить со мною! Если-бы ты меня одинъ разъ выслушалъ, узналъ, то-бъ не порадовался своимъ воспитанникомъ. Напрасно ли я тебя желалъ? Если нѣтъ, то одолжи и отпиши ко мнѣ, какимъ образомъ могъ бы я тебя увидѣть, страстно любимый мой Сковорода? Прощай и не пожалѣй еще одинъ разъ въ жизни удѣлить частицу твоего времени и покоя старому ученику твоему—Василію Тамарѣ".

Во всѣхъ этихъ письмахъ, сильнѣе всякой біографической похвалы, говоритъ за Сковороду страстная любовь, которою его встрѣчали и провожали всѣ знавшіе его. За отсутствіемъ другаго, высшаго нравственнаго интереса въ украинскомъ обществѣ того времени, за отсутствіемъ литературы и науки въ главномъ городѣ Слободскаго намѣстничества, къ Сковородѣ стремились всѣ тогдашніе живые умы и сердца. О немъ писали въ письмахъ другъ къ другу, толковали, спорили, разбирали его, хвалили и злословили на него. Можно сказать, что по степени уваженія, которымъ онъ пользовался, его можно было назвать странствующимъ университетомъ и академіею тогдашнихъ украинскихъ помѣщиковъ, пока, наконецъ, чрезъ десять лѣтъ послѣ смерти Сковороды, Василій Каразинъ послужилъ къ открытію въ Харьковѣ университета.

Рукопись неизданнаго сочиненія Сковороды „Книжечка, называемая Silenus Alcibiadis" (1776 года, марта 28), сопровождается неизданнымъ письмомъ Сковороды къ „Высокомилостивому Государю,

Степану Ивановичу, Господину Полковнику, *Тевяшову*". Письмо кончается слѣдующими словами:

„Я въ сей книжечкѣ представляю опыты, коимъ образомъ входить можно въ точный сихъ книгъ разумъ. Писалъ я ее, забавляя праздность и прогоняя скуку; а вашему высокородію подношу, не столько для любопытства, сколько ради засвидѣтельствованія благодарнаго моего сердца за многія милости ваши, на подобіе частыхъ древесныхъ вѣтвей, прохладною тѣнію праздность мою вспокоивающія. Такъ что и мнѣ можно сказать съ Мароновымъ пастухомъ: Deus nobis haec otia fecit!—Вашего высокородія всепокорнѣйшій и многодолженъ слуга, *студентъ*, *Григорій Сковорода*".

Въ письмѣ къ бабаевскому священнику, Іакову Правицкому, отъ *1785 г. окт. 3*, Сковорода, пересылая ему новое свое сочиненіе „*Марко препростый*", изъ села Маначиновки, изъясняется по-латыни. Вотъ отрывокъ изъ этого письма, приведенный И. И. Срезневскимъ:

„*1785, окт. 3.* Изъ Маначиновки. Въ „Postscriptum": Si descripsisti novos meos jam libellos: remitte ad me Archetypa. Etiam illum meum Dialogum, quem per alios laudare soles: simul cum Archetipis mitte. Descriptus, ad te remittet iter Deo volente. Dicat ille Dialogus: „*Марко препростый*".

Тутъ же образецъ его латинскихъ стиховъ:

„Omnia praetereunt: sed Amor post omnia durat.
Omnia praetereunt: haud Deus haud et Amor.
Omnia sunt aqua; cur in aqua speratis, Amici?
Omnia sunt aqua; sed Portus Amicus erit.
Hac Kephâ tota est fundata Ecclesia Christi.
Istbace et nobis Kepha sit atque Petra", etc.

1787 годъ былъ годомъ проѣзда императрицы Екатерины II чрезъ Харьковъ, въ ея полное дивъ странствованіе по Югу. Сковорода все это время, какъ видно изъ его писемъ, прожилъ въ деревнѣ Гусинкѣ у Сошальскихъ и ничѣмъ не откликнулся царственной гостьѣ.

Впрочемъ, я получилъ, изъ Константинограда, отъ г. Неговскаго письмо, гдѣ онъ пишетъ слѣдующее: Императрица Екатерина, проѣздомъ чрезъ Украйну, наслышавшись о Сковородѣ, увидала его и спросила: „Отчего ты такой черный?"—„Э! вельможная мати,—отвѣтилъ Сковорода:—развѣ же ты гдѣ видѣла, чтобъ сковорода была бѣлая, коли на ней пекутъ да жарятъ, и она все въ огнѣ?"

Изданная въ 1837 г., въ Москвѣ, книжка Сковороды „Убогій жаворонокъ" сопровождается, въ видѣ предисловія, письмомъ автора къ Ѳ. И. Дискому отъ 1787 года. Ѳ. И. Дискій—одинъ изъ бывшихъ друзей Сковороды. Отъ него досталъ М. И. Алякринскій присланную мнѣ рукопись Ковалѣнскаго „Житіе Сковороды". Полагаю, что читателю

любопытно будетъ узнать объ этомъ Дискомъ подробнѣе, и потому сообщаю о немъ письмо г. Алякринскаго: „О Ѳ. И. Дискомъ извѣстно мнѣ, что онъ былъ изъ малороссійскихъ дворянъ, проживалъ въ Москвѣ, имѣлъ небольшой домикъ на Дѣвичьемъ Полѣ, недалеко отъ Дѣвичьяго монастыря. По ограниченному ли состоянію, или по усвоенному имъ ученію Сковороды, образъ жизни велъ очень простой и скромный. Несмотря на то, пользовался пріязнію людей весьма почтенныхъ; изъ нихъ памятны мнѣ: профессоръ московскаго университета Мудровъ и директоръ коммерческаго училища Калайдовичъ.— Ѳ. И. Дискій къ памяти Сковороды имѣлъ какое-то благоговѣйное почтеніе, а сочиненія Сковороды были самымъ любимымъ его чтеніемъ. Мое знакомство продолжалось съ нимъ отъ 1826 по 1828. Впослѣдствіи я узналъ о несчастной смерти Дискаго: 3-го іюля 1833 года работавшій въ его домѣ плотникъ разрубилъ ему топоромъ голову; вмѣстѣ съ нимъ убита еще бывшая у него въ услуженіи женщина“.

Вотъ письмо къ Дискому: „Григорій Варсава Сковорода любезному другу, *Ѳеодору Ивановичу Дискому*, желаетъ истиннаго мира. Жизнь наша есть вѣдь путь непрерывный. Міръ сей естъ великое море всѣмъ намъ пловущимъ. Онъ есть Окіанъ. О! вельми немногими щастливцами безбѣдно преплываемый! На пути семъ встрѣчаютъ каменныя скалы и скалки. На островахъ сирены; во глубинахъ киты; по воздуху вѣтры; волненія повсюду; отъ камней претыканіе; отъ сиренъ прельщеніе; отъ китовъ поглощеніе; отъ вѣтровъ противленіе; отъ волнъ погруженіе. Каменные, вѣдь, соблазны суть неудачи. Сирены суть то льстивые други, киты суть то запазушные страстей нашихъ зміи! Вѣтры разумѣй напасти. Волненіе—мода и суета житейская. Непремѣнно поглотила бы рыба младшаго Товію, еслибы въ пути его не былъ наставникомъ Рафаиль! (Рафа—по-еврейски значитъ медицину; Илъ или Элъ—значитъ Богъ). Сего путеводника промыслилъ ему отецъ его. А сынъ нашелъ въ немъ Божію медицину, врачующую не тѣло, но сердце. По сердцу же и тѣло. Іоаннъ, отецъ твой, въ седьмомъ десяткѣ вѣка сего (*въ 62 году*), въ городѣ *Купянскѣ*, первый разъ взглянувъ на меня, возлюбилъ меня. *Услышавъ же имя, выскочилъ и, достигши на улицу, молча въ лицо смотрѣлъ на мене* и проникалъ, будто познавая мене, толь милымъ взоромъ, яко до днесь, въ зеркалѣ моей памяти, живо мнѣ онъ зрится. Воистину прозрѣлъ духъ его, прежде рожденія твоего, что я тебѣ, друже, буду полезнымъ. Видишь, *коль далече прозираетъ симпатія*! Пріими, друже, отъ меня маленькое сіе наставленіе. Дарую тебѣ „*Убогого моего Жайворонка*“. Онъ тебѣ заспѣваетъ и зимою, не въ клѣткѣ, но въ сердцѣ твоемъ, и нѣсколько поможетъ спасатися *отъ ловца и хитреца, отъ лукаваго міра сего*. О, Боже! Коликое число сей волкъ, день и нощь, незлобныхъ жретъ агнцовъ! Ахъ! Блюди, друже, да

опасно ходиши! Не спитъ ловецъ! Бодрствуй и ты. Оплошность есть мать несчастія! Впрочемъ, да не соблазнитъ тебѣ, друже, то, что тетервакъ (тетеревъ) названъ *Фридрикомъ*. Если же досадно, вспомни, что мы всѣ таковы. *Всю вѣдь Малороссію Великороссія нарицаетъ тетерваками*. Чего же стыдиться? Тетервакъ вѣдь есть птица глупа, но незлоблива! *Не тотъ есть глупъ, кто не знаетъ* (еще все перезнавшій не родился), *но тотъ, кто знать не хочетъ*! Возненавидь глупость: тогда хоть глупъ, обаче будеши въ числѣ блаженныхъ оныхъ тетерваковъ! обличай премудраго и возлюбитъ тя. Яко глупъ есть, какъ же онъ есть премудръ? яко не любитъ глупости! Почему? Потому что пріемлетъ и любитъ обличеніе отъ друговъ своихъ. О! да сохранитъ юность твою Христосъ отъ умащающихъ елеемъ главу твою, отъ домашнихъ сихъ тигровъ и сиренъ! Аминь. 1787-го лѣта; въ полнолуніе послѣднія луны осеннія".

Въ „Молодикѣ" (1843 г.), при „Письмѣ къ издателю" Василія Каразина, приложено письмо Сковороды къ Ковалѣнскому отъ 1790 года. Каразинъ пишетъ: „Посылаю къ вамъ то самое письмо украинскаго нашего философа, которое вы имѣть желали. Только оно не подлинное, а писанное мною съ подлинника, предъ самымъ его отправленіемъ на почту въ Орелъ, къ тайному совѣтнику Михайлу Ивановичу Ковалѣнскому. Я тогда, т.-е. за полстолѣтія слишкомъ, сохранилъ не только правописаніе почтеннаго Сковороды, но, сколько могъ, даже и почеркъ его. Вотъ почему нѣкоторые ошибались, почитая этотъ списокъ за подлинникъ. Такъ я о немъ и слышалъ, потерявъ, за давностію времени, изъ виду и памяти все это обстоятельство. Почему вы вообразите мое удивленіе, когда я увидѣлъ мой списокъ въ рукахъ нашего архипастыря пр. Иннокентія, который столь благосклонно предложилъ его для насъ. Сковорода жилъ тогда въ деревнѣ давно-умершаго моего отчима, кол. совѣтн. *Андрея Ив. Ковалевскаго*, въ Ивановкѣ, которая теперь принадлежитъ г. Кузину. Тамъ его и могила. Она украсится достойнымъ памятникомъ, какъ обѣщалъ мнѣ Козьма Никитичъ Кузинъ. Тогда, можетъ быть, напишу я біографію нашего мудреца. Мы подъ чубомъ и въ украинской свиткѣ имѣли своего Пиѳагора, Оригена, Лейбница. Подобно, какъ Москва, за полтораста лѣтъ, въ *Посошковѣ*, своего Филанджери, а Харьковъ нынѣ имѣетъ своего Іоанна Златоуста".

Вотъ отрывокъ изъ письма Сковороды, отъ 1790 г., къ Ковалѣнскому: „До „Дщери" случайно привязалася „*Ода Сидронія—Езуиты*". Благо же! На ловца звѣрь, по пословицѣ. Послѣ годовой болѣзни, перевелъ я ее въ Харьковѣ, отлетая къ матери моей, пустынѣ. Люблю сію Дѣвочку. Ей достойно быть въ числѣ согрѣвающихъ блаженну Давидову и Лотову старость оныхъ.—Прилагаю тутъ же, какъ хвостикъ,

и *закосньвшее мое къ вамъ письмишко Гусинковское.* Нынѣ скитаюся у моего Андрея Ивановича Ковалевскаго. Имамъ моему монашеству полное упокоеніе, лучше *Бурлука.* Земелька его есть нагорная. Лѣсами, садами, холмами, источниками распещрена. На томъ мѣстѣ я родился *возлѣ Лубенъ.* Но ничто мнѣ не нужно, какъ спокойна келія; да наслаждаюся моею невѣстою оною: сію возлюбихъ отъ юности моея... О, сладчайшій органе! Едина голубице моя, Библія! О, дабы собылося на мнѣ оное! Давидъ мелодивно выграваетъ дивно. На всѣ струны ударяетъ! Бога выхваляетъ! *На сіе я родился.* Для сего ѣмъ и пію; да съ нею поживу и умру съ нею! Аминь! Твой другъ и братъ, слуга и рабъ, *Григорій Варсава Сковорода, Данилъ Меіниардъ*".

Въ публичной библіотекѣ, въ Петербургѣ, находится рукопись Сковороды: „*Книжечка Плутархова о спокойствіи души*". Здѣсь приложено письмо Сковороды: „Высокомилостивому Государю, Якову Михаиловичу Донцу-Захаржевскому", отъ 1790 года, апрѣля 13. Въ началѣ онъ говоритъ: „Пріимите милостиво отъ человѣка, осыпаннаго вашими милостями и ласками, маленькій сей, аки лепту, дарикъ; уклонившись къ Плутарху, перевелъ я книжчонку его".

Г. Ковалѣнскій такъ описываетъ свое послѣднее свиданіе со Сковородой.

„Удрученъ, изможденъ, истощенъ волненіями свѣта, обратился я въ себя самого, собралъ я разсѣянныя по свѣту мысли въ малый кругъ желаній и, заключа оныя въ природное свое добродушіе, прибылъ изъ столицы въ *деревню,* надѣясь тамо найти брегъ и пристань житейскому своему обуреванію. Хотя свѣтъ и тамъ исказилъ все и я въ глубокомъ уединеніи остался одинъ, безъ семейства, безъ друзей, безъ знакомыхъ, въ печаляхъ, безъ всякаго участія, совѣта, помощи и соболѣзнованія,—но былъ, наконецъ, утѣшенъ. Сковорода, семидесяти-трехъ-лѣтній, по девятнадцати-лѣтнемъ несвиданіи, одержимъ болѣзнями старости, несмотря на дальность пути, на чрезвычайно ненастливую погоду и на всегдашнее отвращеніе къ краю сему, пріѣхалъ въ деревню къ другу своему, село *Хотетово,* въ двадцати-пяти верстахъ отъ Орла, раздѣлить съ нимъ ничтожество его." Это было, значитъ, въ годъ смерти Сковороды, въ *1794 году.* —„Сковорода привезъ къ нему свои сочиненія, изъ которыхъ многія приписалъ (посвятилъ) ему. Читывалъ оныя самъ съ нимъ ежедневно и, между чтеніемъ, занималъ его разсужденіями и правилами, каковыхъ ожидать должно отъ человѣка, искавшаго истины во всю жизнь не умствованіемъ, но дѣломъ, и возлюбившаго добродѣтель ради собственной красоты ея". Они толковали о сектахъ. „Я не знаю мартинистовъ", говоритъ Сковорода. „Но всякая секта пахнетъ собственностію! А гдѣ собственность, тутъ нѣтъ главной цѣли или

главной мудрости". Доходя до толковъ о „философскомъ камнѣ" и о „содѣланіи состава для продленія человѣческой жизни до нѣсколькихъ тысячъ лѣтъ", Сковорода говорилъ: „Это остатки Египетскаго плотолюбія, которое, не могши продлить жизни тѣлесной, нашло способъ продолжать существованіе труповъ, мумій. Сія секта, мѣряя жизнь аршиномъ лѣтъ, а не дѣлъ, несообразна тѣмъ правиламъ мудраго, о которомъ пишется: „*поживъ въ малѣ, исполнь лѣта долги*".

Иногда, говоритъ Ковалѣнскій, разговоръ Сковороды касался смерти. „Страхъ смерти", замѣчалъ онъ: „нападаетъ на человѣка всего сильнѣе въ старости его. Потребно благовременно заготовить себя вооруженіемъ противу врага сего не умствованіями, но мирнымъ расположеніемъ воли своей. Такой душевный миръ пріуготовляется издали, тихо, въ тайнѣ сердца ростетъ и усиливается чувствомъ сдѣланнаго добра. Это чувство вѣнецъ жизни". И, наконецъ, говорилъ: „Другъ мой! величайшее наказаніе за зло есть сдѣлать зло, какъ и величайшее воздаяніе за добро есть дѣлать добро!"

Услыша въ окружности о прибытіи Сковороды къ другу своему, „многіе желали видѣть его, и для того нѣкоторые пріѣхали туда. Изъ начальства правленія окружнаго, *губернскій прокуроръ*, молодой человѣкъ, подошелъ къ нему и привѣтственно сказалъ: — Григорій Саввичъ! прошу любить меня! — „Могу ли любить васъ, отвѣчалъ Сковорода: я еще не знаю васъ!" — Другой изъ числа таковыхъ же, *директоръ экономіи*, желая свести съ нимъ знакомство, говорилъ ему: я давно знаю васъ по сочиненіямъ вашимъ; прошу доставить мнѣ и личное знакомство ваше. Сковорода спросилъ: какъ зовутъ васъ? — Я называюсь такъ-то! — Сковорода, остановясь и подумавъ, отвѣтилъ: „имя ваше не скоро ложится на мое сердце!"

Простота жизни, замѣчаетъ Ковалѣнскій, высокость познаній и долголѣтній подвигъ Сковороды „въ любомудріи опытномъ" раздиралъ ризу „высокомудрствующихъ". Они отъ зависти говорили: „Жаль, что Сковорода ходитъ около истины и не находитъ ея!" Въ это же время онъ „увѣнчеваемъ былъ уже знаменами истины".

Вотъ послѣднія строки Ковалѣнскаго.

„Старость, осеннее время, безпрерывно мокрая погода умножали разстройку въ здоровьѣ его, усилили кашель и разслабленіе. Онъ, проживая у друга своего *около трехъ недѣль*, проситъ отпуститъ его въ любимую имъ Украйну, гдѣ онъ жилъ до того и желалъ умереть, что и сбылось. Другъ упрашивалъ его остаться у него зиму провести и вѣкъ свой скончать, современемъ, у него въ домѣ. Сковорода отвѣтилъ, что духъ его велитъ ему ѣхать, и другъ отправилъ его немедленно. — Напутствуя его всѣмъ потребнымъ, давъ ему полную волю, по нраву его, выбрать, какъ и куда, съ кѣмъ и въ чемъ хо-

четъ онъ ѣхать, предоставилъ ему для дороги нужный запасъ, говоря: возьмите сіе; можетъ быть, въ пути болѣзнь усилится и заставитъ остановиться, то нужно будетъ заплатить! — Ахъ, другъ мой! сказалъ онъ: неужели я не пріобрѣлъ еще довѣрія къ Богу; Промыслъ его вѣрно печется о насъ и даетъ все потребное за благовременность! — Другъ его не безпокоилъ уже съ своимъ приношеніемъ. — 1794 года, августа 26, отправился онъ въ путь изъ Хотетова въ Украйну. При разставаніи, обнимая друга, Сковорода сказалъ: „можетъ быть, больше уже не увижу тебя! Прости! помни всегда, во всѣхъ приключеніяхъ твоихъ въ жизни то, что мы часто говорили: — свѣтъ и тьма, глава и хвостъ, добро и зло, вѣчность и время“... Пріѣхавши въ Курскъ, присталъ онъ къ тамошнему архимандриту Амвросію, мужу благочестивому. Проживая нѣсколько тутъ, ради безпрерывныхъ дождей, и улуча вёдро, отправился онъ далѣе, но не туда, куда намѣревался. Въ концѣ пути, онъ почувствовалъ побужденіе ѣхать въ то мѣсто, откуда поѣхалъ къ другу, хотя совершенно не былъ расположенъ. Это была слобода *Ивановка*, помѣщика Ковалевскаго. Болѣзни, — старостью, погодою, усталостью отъ пути, — приближали его къ концу его. Проживя тутъ больше мѣсяца, всегда почти на ногахъ еще, часто говорилъ онъ съ благодушіемъ: „духъ бодръ, но тѣло немощно“. Далѣе Ковалѣнскій замѣчаетъ, что предъ смертію онъ было отказался совершать нѣкоторые обряды, положенные церковью, но потомъ, „представляя себѣ совѣсть слабыхъ“, исполнилъ все по уставу и скончался *октября 29, по утру на разсвѣтѣ, 1794 года.*

Подобное же рѣзкое уклоненіе отъ общепринятыхъ обрядовъ, при всемъ своемъ благочестіи, Сковорода оказывалъ и въ другихъ случаяхъ. *К. С. Аксаковъ* передалъ мнѣ слѣдующее преданіе о Сковородѣ. Однажды, въ церкви, въ ту минуту, какъ священникъ, выйдя изъ алтаря съ дарами, произнесъ: „Со страхомъ Божіимъ и вѣрою приступите“, — Сковорода отдѣлился отъ толпы и подошелъ къ священнику. Послѣдній, зная причудливый нравъ Сковороды и боясь пріобщить нераскаявшагося, спросилъ его: „Знаешь ли ты, какой великій грѣхъ ты можешь совершить, не приготовившись? И готовъ ли ты къ сему великому таинству?“ — „Знаю и готовъ!“ — отвѣчалъ суровый отшельникъ, и духовникъ, вѣря его непреложнымъ словамъ, пріобщилъ его охотно.

Здѣсь я пополню очеркъ послѣднихъ минутъ Сковороды слѣдующими любопытными строками изъ статьи г. Срезневскаго: „Отрывки изъ записокъ о старцѣ Григоріѣ Сковородѣ“ („Утрен. Звѣзда“ 1833 г.): „Въ деревнѣ у помѣщика К—го (Ковалевскаго), небольшая „кимнатка“, окнами въ садъ, отдѣльная, уютная, была его послѣднимъ жилищемъ. Впрочемъ, онъ бывалъ въ ней очень рѣдко; обыкновенно или бесѣдовалъ съ хозяиномъ, также старикомъ, добрымъ, благоче-

стивымъ, или ходилъ по саду и по полямъ. Сковорода до смерти не переставалъ любить жизнь уединенную и бродячую.— Былъ прекрасный день. Къ помѣщику собралось много сосѣдей погулять и повеселиться. Послушать Сковороду было также въ предметѣ. Его всѣ любили слушать. За обѣдомъ Сковорода былъ необыкновенно веселъ и разговорчивъ, даже шутилъ, разсказывалъ про свое былое, про свои странствія, испытанія. Изъ-за обѣда встали, будучи всѣ обворожены его краснорѣчіемъ. Сковорода скрылся. Онъ пошелъ въ садъ. Долго ходилъ онъ по излучистымъ тропинкамъ, рвалъ плоды и раздавалъ ихъ работавшимъ мальчикамъ. Такъ прошелъ день. Подъ вечеръ хозяинъ самъ пошелъ искать Сковороду и нашелъ подъ развѣсистой липой. Солнце уже заходило; послѣдніе лучи его пробивались сквозь чащу листьевъ. Сковорода, съ заступомъ въ рукѣ, рылъ яму—узкую длинную могилу.—„Что это, другъ Григорій, чѣмъ это ты занятъ?“ сказалъ хозяинъ, подошедши къ старцу. — „Пора, другъ, кончить странствіе!“—отвѣтилъ Сковорода:—„и такъ всѣ волосы слетѣли съ бѣдной головы отъ истязаній! пора успокоиться!“—„И, братъ, пустое! Полно шутить! Пойдемъ!“—„Иду! но я буду просить тебя прежде, мой благодѣтель, пусть здѣсь будетъ моя послѣдняя могила“... И пошли въ домъ. Сковорода не долго въ немъ остался. Онъ пошелъ въ „кимнатку“, перемѣнилъ бѣлье, помолился Богу и, подложивши подъ голову свитки своихъ сочиненій и сѣрую „свитку“,—легъ, сложивши на-крестъ руки. Долго его ждали къ ужину. Сковорода не явился. На другой день утромъ къ чаю тоже, къ обѣду тоже. Это изумило хозяина. Онъ рѣшился войти въ его комнату, чтобъ разбудить его; но Сковорода лежалъ уже холодный, окостенѣлый“.

Ковалѣнскій замѣчаетъ: „Предъ кончиною завѣщалъ онъ предать его погребенію на возвышенномъ мѣстѣ близъ рощи и гумна, и слѣдующую, сдѣланную имъ себѣ, надпись написать:

„Міръ ловилъ меня, но не поймалъ“.

Ковалѣнскій кончаетъ свое „Житіе Сковороды Григорія Саввича, описанное другомъ его“, словами: „Другъ написалъ сіе въ память добродѣтелей его, благодарность сердцу его, въ честь отечества, въ славу Бога“.

1795 года, февраля 9, въ селѣ Хотетовѣ. Надгробная надпись Григорію Саввичу Сковородѣ, въ Бозѣ скончавшемуся, 1794 года, октября 29 дня.

„Ревнитель истины, духовный Богочтецъ,
„И словомъ, и умомъ, и жизнію мудрецъ.
„Любитель простоты и отъ суетъ свободы,
„Безъ лести, другъ прямой, доволенъ всѣмъ всегда,—

„Достигъ на верхъ наукъ познаній духъ природы,
„Достойный для сердецъ примѣръ *Сковорода*".

„Сочиненіе друга его М. К."—

Это стихотвореніе помѣщено подъ единственнымъ, повтореннымъ въ нѣсколькихъ изданіяхъ, портретомъ Сковороды, по словамъ Снѣгирева (Отеч. Зап. 1823 г., ч. XIV, стр. 263), „*гравированнымъ П. Мещеряковымъ*". Послѣ отдѣльнаго изданія, этотъ портретъ перепечатанъ въ „*Утренней Звѣздѣ*" 1834 г., при статьѣ Срезневскаго, безъ стиховъ; въ „*Картинахъ Свѣта*" Вельтмана 1836 г. при статьѣ о Сковородѣ, со стихами,—и безъ стиховъ, при статьѣ о Сковородѣ, въ дурной копіи, въ „*Иллюстраціи*" 1847 г.

Замѣчу кстати, что рукописныя сочиненія и переписка Сковороды, оставшіяся послѣ его смерти, находились долгое время въ рукахъ П. А. Ковалевскаго, отъ него переданы преосвященному Иннокентію, и благосклонностью послѣдняго были сообщены для этой статьи мнѣ, изъ Одессы, куда я въ свое время ихъ возвратилъ.

Пересказавши въ отрывкахъ рукопись Ковалѣнскаго, Снѣгиревъ дѣлаетъ слѣдующее любопытное замѣчаніе съ своей стороны: „*Одинъ его почитатель вызывалъ къ себѣ чрезъ Московскія Вѣдомости желающихъ читать сочиненія Украинскаго мудреца*".

Такова была, въ свое время, дань любви къ Сковородѣ и громадная извѣстность этого „Украинскаго мудреца".

Хиждеу, въ примѣчаніяхъ къ своей статьѣ, въ „Телескопѣ", 1835 г. (XXVI ч.), говоритъ: „Магистръ кіевской духовной академіи, Симеонъ Рудзинскій, сообщалъ мнѣ описаніе и рисунокъ *Сковородиной сумы*, оставленной у его отца; но она не принадлежитъ къ роду „бесагъ" (двойная сума, раздѣленная на двѣ ноши, соединенная вмѣстѣ швомъ). Это просто „торба" или обыкновенная „котомка". Это также показываетъ всю силу уваженія, какимъ пользовался нѣкогда Сковорода на родинѣ...

Собирая свѣдѣнія о Сковородѣ, я снесся съ помѣщикомъ Харьковской губерніи, *Н. С. Мякимъ*, живущимъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ имѣніемъ Иваповкою, гдѣ послѣдніе дни жилъ и умеръ Сковорода. Вотъ письмо, которое я получилъ отъ *Н. С. Мякаго*, отъ 10 января 1856 года:

„Г. С. Сковорода жилъ послѣднее время у моего тестя, коллежскаго совѣтника Андрея Ивановича Ковалевскаго, въ селѣ Иваповкѣ, въ сорока верстахъ отъ Харькова. Онъ имѣлъ большое вліяніе на хозяина, укрощая его крайне вспыльчивый нравъ, разражавшійся грозою

надъ домашними и дворнею, и уважая отъ души его жену, умную и благочестивую женщину. Отъ прочихъ же женщинъ Сковорода удалялся. Похороненъ онъ былъ въ Ивановкѣ на возвышенномъ берегу пруда, близъ рощи, на любимомъ своемъ мѣстѣ, гдѣ по зарямъ игрывалъ онъ на своемъ завѣтномъ флейттраверсѣ псалмы. Чрезъ двадцать лѣтъ тѣло его было перенесено оттуда и похоронено въ саду священника, близъ памятника владѣльцевъ, по старанію одного изъ его учениковъ, который прибылъ, послѣ смерти его, изъ Петербурга и издалъ впослѣдствіи его портретъ.—Отъ тестя моего имѣніе перешло къ его сыну, коллежскому совѣтнику Петру Андреевичу Ковалевскому, отъ него къ Александру Кузьмичу Кузину, и теперь принадлежитъ малолѣтней дочери послѣдняго.—По времени, имя Сковороды въ Ивановкѣ было почти совсѣмъ забыто, и къ могилѣ его не имѣли никакого уваженія. Отъ этого, по мнѣнію тамошнихъ жителей, происходили нерѣдко странныя событія и, бо̀льшею частію, съ семействами тѣхъ, къ кому переходилъ садикъ съ могилою „философа“: или умирали неожиданно сами владѣльцы этого мѣста, или лишались своихъ женъ. Чаще же этого, въ продолженіе пятидесяти лѣтъ, кончалось тѣмъ, что или владѣльцы, или ихъ жены спивались съ кругу. Въ былые годы этотъ порокъ не былъ диковинкой. Предпослѣдній владѣлецъ сада и хижины обратилъ особое вниманіе на мѣсто покоя Сковороды, и дожилъ дни спокойно. Нынѣшній же даже обложилъ могилу дерномъ, а вблизи устроилъ свою пасѣку — мѣсто, свято чтимое у насъ искони. Еще любопытная черта дѣйствій памяти о Сковородѣ на впечатлѣніе потомковъ. По другую сторону рва, гдѣ была хижина Сковороды, садовникъ построилъ себѣ избу и мнѣ разсказывалъ о странномъ событіи, бывшемъ съ нимъ. Однажды, вслѣдъ за его переселеніемъ, откуда ни взялся вихрь, влетѣлъ съ визгомъ и громомъ въ окно, растворилъ настежъ двери, чуть не сорвалъ крыши и перепугалъ до-смерти его жену. Бѣдный садовникъ не зналъ, что на томъ мѣстѣ жилъ необыкновенный старикъ, Сковорода.—Наконецъ, когда Ивановка принадлежала П. А. Ковалевскому, женѣ послѣдняго одна юродивая сказала: „У тебя, матушка, въ имѣніи есть кладъ!“—Увы, эти слова были приняты за чистую монету; но клада не нашли, какъ ни старались“.

Заключу описаніе жизни Григорія Саввича Сковороды сожалѣніемъ, что слова В. Н. Каразина, въ письмѣ его къ издателю „Молодика“ (1843 г.) о Сковородѣ—не сбылись. Каразинъ писалъ: „Ивановка принадлежитъ теперь господину Кузину. Тамъ могила Сковороды. Она украсится достойнымъ памятникомъ, какъ обѣщалъ мнѣ Козьма Никитичъ Кузинъ, этотъ рѣдкій гражданинъ и чрезвычайный человѣкъ добра общественнаго“. Теперь село Ивановка или „Панъ-

Ивановка“ (на Украйнѣ села часто называются именами владѣтелей— „Панъ-Васильевка“ — „Панъ-Лукьяновка“) — принадлежитъ сыну Козьмы, Павлу Кузьмичу Кузину. Никакого памятника на могилѣ Сковороды не существуетъ.

ГЛАВА IV.

Извѣстность Сковороды. — Характеръ и особенности его философскаго ученія. — Отрывки его „басенъ“ и „стихотвореній“. — I. Перечень печатныхъ сочиненій Сковороды. — II. Перечень неизданныхъ сочиненій Сковороды. — III. Перечень печатныхъ статей о Сковородѣ, съ 1806 по 1862 годъ.

Увлеченіе личностью Сковороды у его современниковъ было такъ сильно, что даже позднѣйшія статьи о немъ называли его украинскимъ Сократомъ, сравнивали его съ великими иностранцами и съ Ломоносовымъ, отъ чего, впрочемъ, самъ Сковорода благоразумно отрекался, и наконецъ, какъ Хиждеу въ „Телескопѣ“, подступали къ разбору его философскихъ началъ, какъ современная наука подступаетъ къ Гегелю или къ Канту.

И вотъ что̀ замѣчательно: *Сковорода при жизни не печаталъ ничего*. По моимъ усиленнымъ розысканіямъ оказалось, что только черезъ два года послѣ его смерти, въ Петербургѣ, безъ его имени, издана какимъ-то М. Антоновскимъ крошечная его книжечка: „*Бесѣда о познаніи себя*“. Потомъ, въ 1806 году, въ мистическомъ „*Сіонскомъ Вѣстникѣ*“ помѣщено нѣсколько страничекъ изъ его „Преддверія“. Наконецъ, уже только въ 1837 г., заботами Московскаго Человѣколюбиваго Общества, издано нѣсколько его брошюръ, о которыхъ теперь знаетъ рѣдко кто даже изъ библіографовъ. Для печатнаго міра и публики, читающей книги, Сковорода съ своими произведеніями, можно сказать, вовсе не существовалъ и не существуетъ.

Но, быть можетъ, его произведенія нашли къ публикѣ доступъ другою дорогою, въ области, такъ-называемой, нашей *письменной литературы?* Быть можетъ, они удостоились, въ свое время, судьбы такихъ сочиненій, каковы: „Ябеда“ Капниста, „Горе отъ ума“ Грибоѣдова и второй томъ „Мертвыхъ душъ“ Гоголя, которыя задолго до печати ходили по рукамъ въ сотняхъ и тысячахъ списковъ? — Вопросъ рѣшается иначе, нежели можно было бы ожидать. Сковорода писалъ для тѣхъ горячихъ и безкорыстныхъ поклонниковъ всего, что̀ живо говоритъ сердцу и мысли, которые умѣютъ служить любимому писателю и составляютъ его громкую славу помимо печатнаго міра и типографій. Сковорода дѣйствительно имѣлъ такихъ безвѣстныхъ,

услужливыхъ поклонниковъ; это были люди серьёзные и не легко увлекающіеся. Да и было это въ тѣ времена, когда наука у насъ шла черепашьими шагами, а литература не расплодила еще переписчиковъ, не имѣвши еще ни автора „Кавказскаго плѣнника", ни авторовъ „Демона" и „Горе отъ ума". Сковорода писалъ тяжело, темнымъ и страннымъ языкомъ, о предметахъ отвлеченныхъ, туманныхъ, способныхъ заинтересовать кругъ слишкомъ ограниченный, почти незамѣтный. Значитъ, его сочиненія списывали только люди одного съ нимъ направленія и жизни, профессоры и ученики духовныхъ академій, старики-помѣщики и тѣ немногіе досужіе люди, которые списывали произведенія Сковороды, иногда сами ихъ не вполнѣ понимая, въ чемъ я убѣдился, сличая нѣкоторые списки прошлаго вѣка,—списывали и держали ихъ просто, какъ произведенія человѣка страннаго, причудливаго, непонятнаго, о которомъ ходило столько споровъ и толковъ и котораго, со всѣми его странностями, имъ удавалось видѣть лично.

Нѣсколько полудуховныхъ, полусатирическихъ стихотвореній Сковороды, какъ, напримѣръ, извѣстное стихотвореніе: *„Всякому городу нравъ и права"*, тогда же были переложены на музыку и распѣвались бродячими слѣпцами-бандуристами на торгахъ и перекресткахъ дорогъ. Нѣкоторыя пѣсни, какъ и вышеназванныя, даже попали въ кругъ любимѣйшихъ простонародныхъ произведеній, то-есть въ кругъ такихъ, которыя народъ считаетъ своею собственностію, дополняетъ ихъ, передѣлываетъ и сокращаетъ, по собственному своему произволу, по врожденному поэтическому чутью и вкусу. Образчикъ этого г. Срезневскій привелъ въ своей статьѣ, въ „Утренней Звѣздѣ" 1834 года, напечатавъ пѣсню Сковороды „Всякому городу" и ея варіантъ — произведеніе уже народное. Подобной участи достигли въ наше время нѣкоторыя стихотворенія Пушкина и Кольцова и извѣстная пѣсня Ѳ. Н. Глинки: *„Вотъ мчится тройка удалая"*,—авторъ которой до сихъ поръ многими считается за лицо спорное, неизвѣстное, причемъ существуетъ множество варіантовъ этой пѣсни.

Собирая въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ свѣдѣнія о жизни Сковороды, я, по непреложному опыту, пришелъ къ тому убѣжденію, что списковъ даже самыхъ любимыхъ сочиненій Сковороды могло существовать при его жизни много-много два-три десятка. И у кого же встрѣчаются эти списки? Или у помѣщиковъ, почти безвыѣздно жившихъ въ своихъ деревняхъ, людей несообщительныхъ по характеру и полныхъ мистическаго, суроваго настроенія, или въ тишинѣ ученыхъ, строгихъ кабинетовъ нашего академическаго духовенства. Самые, наконецъ, любимые стихотворные канты Сковороды проникали въ читающій, печатный и письменный міръ украинской и русской очень недалеко. Между списками прозаическихъ сочиненій

Сковороды, стихотворныхъ я почти нигдѣ не встрѣчалъ, за исключеніемъ одного. Въ печати же только появились, въ началѣ тридцатыхъ годовъ, три стихотворныя пѣсни его въ „Телескопѣ“ и въ „Утренней Звѣздѣ“.

Значитъ, безошибочно можно сказать, что печатною славою сочиненія Сковороды на Украйнѣ вовсе не пользовались. Письменную ихъ извѣстность на родинѣ Сковороды и внѣ ея поддерживалъ ограниченный кружокъ людей несообщительныхъ, полузатворниковъ, несоставлявшихъ живой и особенно-плодотворной стихіи современнаго ему общества. А распѣваемые его сатирическіе канты слушались не высшимъ обществомъ; имъ внимали на торгахъ и перекресткахъ простой народъ, жители украинскихъ селъ и мѣстечекъ, поселяне и казачество, чумаки, бурлаки и далеко неграмотные еще тогда мѣщане, среди которыхъ Сковорода жилъ и, сильнѣе всякихъ прозаическихъ и риѳмованныхъ своихъ произведеній, дѣйствовалъ на народъ собственною личностію. Съ этой точки зрѣнія на него должно смотрѣть. Съ этой точки зрѣнія и вытекаетъ тотъ несомнѣнный, по моему мнѣнію, выводъ, что если сочиненія Сковороды и удостоились вращаться вмѣстѣ съ его именемъ въ устахъ его современниковъ, то эти современники, бо̀льшею частію, говорили объ этихъ сочиненіяхъ со словъ другихъ, безкорыстно смѣшивая ихъ значеніе съ значеніемъ и личнымъ характеромъ самого Сковороды. Дѣйствительно, если прослѣдить бо̀льшую часть его разсужденій, что̀, впрочемъ, теперь, по странному, тяжелому и вычурному ихъ языку, добровольно сдѣлаетъ развѣ записной библіоманъ,—окажется, что, пожалуй, Сковорода былъ и замѣчательно начитанъ по-своему, и отлично зналъ греческихъ и римскихъ авторовъ, прочитавъ ихъ въ подлинникѣ, и вообще былъ цѣлою головою выше своихъ сверстниковъ по воспитанію и украинскихъ ученыхъ по наукѣ. Историкъ духовно-философскаго ученія въ Россіи отведетъ ему почетныя страницы въ своемъ трудѣ и скажетъ, быть можетъ, много похвалъ Сковородѣ, какъ благородному, честному и горячему поборнику науки, которая до него шла путемъ ребяческихъ, школьныхъ, никому ненужныхъ риторическихъ умствованій и отъ которой онъ такъ смѣло сталъ требовать смысла и силы, самоотверженія и службы общественнымъ пользамъ и нуждамъ. Авторъ статьи о Сковородѣ, А. К., въ „Воронежскомъ Сборникѣ“ 1861 года, говоритъ, что Сковорода имѣлъ ясныя понятія о значеніи народа и о народномъ воспитаніи. Вотъ, между прочимъ, собственныя слова Сковороды: „*Учителю подобаетъ быть изъ среды народа русскаго, а не нѣмцу и не французу. Не чужое воспитаніе должно быть привито къ русскому человѣку, а свое, роднее.* Нужно его умѣть

силой найти, выработать его изъ нашей же жизни, чтобы снова осмысленнымъ образомъ его обратить въ нашу же жизнь".

Итакъ, еще разъ скажу, я смотрю на Сковороду—преимущественно какъ на „человѣка общественнаго", дѣльца и бойца своего вѣка, который бесѣдами и примѣромъ своей жизни, горячею, почти суевѣрною любовью къ наукѣ и какимъ-то вдохновеннымъ, отшельническимъ убійствомъ своей плоти во имя духа и мысли, во имя божественныхъ цѣлей высшей правды и разума, добра и свободы, пробуждалъ дремавшіе умы своихъ соотечественниковъ, зажигалъ ихъ на добрыя дѣла и чего ни касался, все просвѣтлялъ какимъ-то новымъ, яснымъ свѣтомъ. Не тетрадки его сочиненій, пересылавшихся отъ автора къ мирнымъ, приходскимъ духовникамъ и его друзьямъ, помѣщикамъ, а жизнь и устное слово Сковороды сильно дѣйствовали. Помимо украинскихъ коллегіумовъ, въ Харьковѣ и въ Кіевѣ, онъ былъ любимѣйшій, ходячій коллегіумъ. То, что̀ теперь молодежь выноситъ изъ университетовъ, жажду познаній и жажду добра и дѣлъ, пользы и чести, все это выносилось тогда изъ бесѣдъ странника и чудака, украинскаго философа Сковороды. Примѣры этому я представилъ въ его жизнеописаніи. Но лучшее доказательство общественнаго значенія Сковороды то, что безъ него, въ извѣстной степени, не было бы долго основано перваго университета на Украйнѣ. Дѣло Каразина, открытіе харьковскаго университета, кончилось такъ легко потому, что въ 1803 году первые изъ подписавшихся помѣщиковъ на безпримѣрную сумму въ *618 тысячъ руб. сер.*, для основанія этого университета, были, большею частію, все или *ученики*, или *короткіе знакомые* и друзья Сковороды.

Вотъ почему Сковорода долженъ занять почетное мѣсто въ исторіи украинскаго общества, рядомъ съ *Каразинымъ*, *Квиткою-Основьяненкомъ* и *Котляревскимъ*, первыми, настоящими умственными двигателями малороссійскаго общества. Сковорода составляетъ переходъ отъ міра былой казацкой вольницы, на его глазахъ уничтоженной однимъ взмахомъ пера Екатерины II-ой, къ міру государственному, къ міру науки, литературы и искусствъ. Сынъ приходскаго священника, онъ бросаетъ схоластическую академію для странствованія за границей, Голышъ и бѣднякъ, бросаетъ онъ потомъ въ Переяславлѣ, въ Харьковѣ и въ Москвѣ удобства профессорства, для свободной и бродячей жизни независимаго мыслителя. Съ этой точки зрѣнія, онъ, современникъ Сѣчи и хаоса новаго степнаго общества, современникъ Гаркуши и былой неурядицы на Украйнѣ, достоинъ полной признательности.

Опредѣленіе философскаго ученія Сковороды изложено въ „*Исторіи философіи въ Россіи*" (1840 г., ч. IV) *А. Гавріила*. Разбирая исторію русской философской мысли отъ временъ древнихъ, онъ вслѣдъ

за первыми ея представителями: *Никифоромъ, Кіев. митрополитомъ, Владиміромъ Мономахомъ, Даніиломъ Заточникомъ, Ниломъ Сорскимъ, Θеофаномъ Прокоповичемъ и Георіемъ Конисскимъ*, разбираетъ и сочиненія Сковороды. Въ простонародной свиткѣ, съ „видлогою“ и „торбою“ за плечами, съ дудкою за поясомъ и съ палицею въ рукахъ, говоритъ Гавріилъ, Сковорода ходилъ по селеніямъ, просвѣщалъ народъ стариннымъ малороссійскимъ слогомъ, не льстилъ временщикамъ, и при богатствѣ внутренняго самодовольствія, почитая всякую почесть мышеловкою для души своей, часто говаривалъ: „я все пока ничто; какъ стану что̀, то съ меня ничто. Добрый человѣкъ вездѣ найдетъ насущный хлѣбъ и людей, а воду даетъ ему земля безъ платы; лишнее не нужно. Меня хотятъ мѣрить Ломоносовымъ, замѣчалъ Сковорода: какъ будто бы Ломоносовъ есть казенная сажень, которою также всякаго должно мѣрить, какъ портной однимъ аршиномъ мѣритъ и парчу, и шелковую матерію, и ряднину. Прошу господъ не заказывать мнѣ своихъ вощяныхъ чучелъ, я ваяю не изъ воску, а изъ мѣди и камня. Мнѣ не нужны подорожныя: я отважно вступаю въ море не для прогулки, чтобы вилять изъ губы въ губу, но чтобы объѣхать землю, и для открытія новаго свѣта. Какъ Сократъ, не ограничиваясь ни мѣстомъ, ни временемъ, онъ училъ на распутіяхъ, на торжищахъ, у кладбища, на папертяхъ церковныхъ, на праздникахъ, когда по его острому словцу, скачетъ пьяная воля и во дни страды, когда въ бездождіи потъ поливаетъ землю. „Какъ мы слѣпы въ томъ, что̀ нужно намъ есть... На Руси многіе хотятъ быть Платонами, Аристотелями, Зенонами, Эпикурами, а о томъ не разсуждаютъ, что Академія, Лицей и Портикъ произошли изъ науки Сократовой, какъ изъ яичнаго желтка вывертывается цыпленокъ. Пока не будемъ имѣть своего Сократа, дотолѣ не быть ни своему Платону, ни другому философу...“ Энтузіазмъ Сковороды часто простирался до такой степени, что по нѣкоторымъ частнымъ явленіямъ его жизни можно бы почесть его за теоманта, испытавшаго всѣ переходы вдохновенія.

„Сковородѣ, въ энтузіазмѣ, казалось, что его духъ, носимый въ океанѣ безпредѣльныхъ идей, какъ бы осязаетъ вселенную въ ея безконечности“, какъ говоритъ А. Гавріилъ, видитъ въ соединеніи обѣихъ: но вселенною для него была Русь, человѣчествомъ — народъ Русскій. Энтузіазмъ Сковороды преимущественно отразился въ его драмахъ, или, по его надписанію, видѣніяхъ, въ коихъ онъ представилъ борьбу стараго и новаго образованія, какъ про благихъ и злыхъ духовъ, о человѣчествѣ и народности. Видѣнія эти можно называть тьмосвѣтомъ неподдѣльнаго русскаго патоса, и они достойны особаго историко-критическаго изученія, въ сравненіи съ Прометеемъ

Эсхила, съ Аяксомъ Софокла, съ Бакхами Эврипида, кои всѣ были извѣстны Сковородѣ въ подлинникѣ, и съ чуждыми для него: съ Благоговѣніемъ ко кресту, и съ чудодѣйнымъ Магомъ, Кальдерона, съ Фаустомъ, Клингера и Гёте, съ Каиномъ и Манфредомъ, Байрона. Иронія Сковороды была, бо́льшею частію, прикрытіемъ его энтузіазма; ея игривая молнія всего чаще тогда отражалась, когда преломляла высшую степень восторга. Иронія Сковороды до того роскошествовала, что онъ обращалъ даже въ шутку свое собственное имя, называя мысли свои блиномъ бѣлымъ, спеченымъ на черной сковородѣ. О самопознаніи, какъ объ основномъ началѣ своего ученія, Сковорода, кромѣ Наркиза и Асканія, написалъ 6 разговоровъ о внутреннемъ человѣкѣ, съ коими соединена Симфонія о природѣ. Съ раскрытіемъ въ Сковородѣ внутренняго побужденія, какъ народнаго мыслителя и наставника, раскрылась вмѣстѣ и потребность пріобрѣсть сознаніе простонародности. Потому Сковорода, оставивъ учительство въ школѣ, проводилъ жизнь, какъ старецъ, преимущественно въ селеніяхъ, кои онъ называлъ пустынями, въ тихой и смиренной долѣ и, обращаясь въ кругу простого народа, старался изучить его природу, его волю, его языкъ и обычаи: ибо, по его мысли, учитель—не учитель, а только служитель природы. Мысль эту относилъ Сковорода и къ званію законодателя, и она прекрасно развита имъ чрезъ уподобленія. Таково было педагогическое искусство Сковороды въ образованіи простого народа, и оттого жизнь и всѣ созданія Сковороды цѣломудренны и свободны, какъ Библія и наши предки. Сковорода самъ называлъ ученіе свое тканкою и плеткою простонародною, а себя называлъ другомъ поселянъ, чужимъ для тѣхъ ученыхъ, кои такъ горды, что не хотятъ и говорить съ поселяниномъ, и онъ гордился именемъ народоучителя, презирая кривые толки и насмѣшки педантовъ своего времени. „Надо мною позоруются,—говорилъ онъ:— пускай позоруются; о мнѣ баютъ, что я ношу свѣчу предъ слѣпцами, а безъ очей не узрѣть свѣточа: пускай баютъ; на меня острятъ, что я звонарь для глухихъ, а глухому не до гулу: пускай острятъ, они знаютъ свое, я знаю мое, и дѣлаю мое, какъ я знаю, и моя тяга мнѣ упокоеніе“. „Барская умность, — пишетъ Сковорода: — будто простой народъ есть черный, видится мнѣ смѣшная, какъ и умность тѣхъ названныхъ философовъ, что земля есть мертвая. Какъ мертвой матери рождать живыхъ дѣтей? И какъ изъ утробы чернаго народа вылупились бѣлые господа? Смѣхотворно и мудрованіе, якобы сонъ есть остановка и перерывъ жизни человѣка: я право не вижу толку въ междужитіи и междусмертіи: ибо что̀ такое живая смерть и мертвая жизнь? О, докторы и философы! Сонъ есть часть жизни, т-е. живая смѣна въ явленіи жизни, въ которой замыкаются прелести внѣшняго

міра и отворачиваются духовныя мечты, чтобы свергнуть познаніе свыше, изъ внутренняго міра. Мудрствуютъ: простой народъ спитъ,— пускай спитъ, и сномъ крѣпкимъ, богатырскимъ; но всякъ сонъ есть пробудный, и кто спитъ, тотъ не мертвечина и не трупище околѣвшее. Когда выспится, такъ проснется; когда намечтается, такъ очутится, и забодрствуетъ". Такое сознаніе было первое, новое, образцовое на Руси; оно не было ни подражаніе инородному, ни продолженіе своему прежде данному, и потому Сковорода называлъ свое ученіе, изъ его самороднаго сознанія построившееся, новою славою. Въ одномъ видѣніи, въ коемъ его душа извергалась кипучею лавою энтузіазма и ироніи, онъ представилъ свое состязаніе съ бѣсомъ, враждовавшимъ его новой славѣ. „Даймонъ: Слышь, Варсава!—Младенькій умъ, сердце безобразное, душа, исполненная паучины, не поучающая, но научающая! Ты ли творецъ новыя славы? — Варсава: Мы то, Божіею милостію, рабы Господни, и дерзаемъ благовѣстить новую славу.—Даймонъ: О, странность въ словѣ, стропотность въ пути, трудность въ дѣлѣ: вотъ троеродный и источникъ пустыни новыя. — Варсава: И лжешь и темнорѣчишь! Кто можетъ поднять на пути злато или бисеръ, мнящій быти нѣчто безполезное? Не виню міра, не вини и славы новыя!.. Кто же виненъ? Ты, враже! ты, украшенная гробница!"

Здѣсь приводятся отрывки изъ лучшихъ произведеній Сковороды, по слогу, болѣе доступные для современнаго читателя. Его богословскихъ сочиненій, очерченныхъ Гавріиломъ, я не касаюсь. Изъ этихъ выдержекъ легко видѣть, чѣмъ питалась въ то время украинская муза, вскорѣ нашедшая художественное развитіе въ позднѣйшихъ произведеніяхъ Квитки-Основьяненка и Гулака-Артемовскаго.

Лучшимъ, для нашего времени, произведеніемъ Сковороды въ этомъ родѣ можно считать его „*Басни Харьковскія*", изданныя въ 1837 году, въ Москвѣ.

Вотъ ихъ образчики:

„*Чижъ и Щеголь*". Чижъ, вылетѣвъ на волю, слетѣлся съ давнимъ своимъ товарищемъ-Щегломъ, который его спросилъ: „какъ ты, другъ мой, освободился?.. Разскажи мнѣ".—„Чуднымъ случаемъ", — отвѣчалъ плѣнникъ.—„Богатый турка пріѣхалъ съ посланникомъ въ нашъ городъ и, прохаживаясь, для любопытства, по рынку, зашелъ въ нашъ птичій рядъ, въ которомъ насъ около четырехъ-сотъ у одного хозяина висѣло въ клѣткахъ. Турка долго на насъ, какъ мы одинъ передъ другимъ воспѣвали, смотрѣлъ съ сожалѣніемъ; наконецъ молвилъ: „а сколько просишь денегъ за всѣхъ?" —„25 рублевъ", —отвѣчалъ хозяинъ. Турка, не говоря ни слова, выкинулъ деньги, и велѣлъ себѣ пода-

вать по одной клѣткѣ, съ которыхъ каждаго съ насъ выпущая на волю въ разныя стороны, утѣшался, смотря куда мы разлетались". — „А что-жъ тебя, спросилъ товарищъ, заманило въ неволю?" — „Сладкая пища, да красная клѣтка",—отвѣчалъ счастливецъ. — „А теперь поколь умру, буду благодарить Бога этою пѣсенькою!

„Лучше мнѣ сухарь съ водою,
Нежели сахаръ съ бѣдою!"

Сила: Кто не любитъ хлопотъ, долженъ научиться просто и убого жить.

„*Старуха и Горшечникъ*". Старуха покупала горшки. Амуры молодыхъ лѣтъ еще и тогда ей отрыгалися. — „А что за сей хорошенькій...?" — „За того возьму хоть три полушки",— отвѣчалъ горшечникъ. — „А за того гнуснаго (вотъ онъ), конечно, полушка?" — За того ниже двухъ копѣекъ не возьму...— „Что за чудо?" — „У насъ, бабка, сказалъ мастеръ,— не глазами выбираютъ: мы испытуемъ, чисто ли звонитъ?" —Баба, хотя была не подлаго вкуса, однако, не могла больше говорить, а только сказала, что и сама она давно сіе знала, да вздумать не могла.

Изрядная великороссійская пословица сія: *не красна хата углами, красна пирогами!* Довелось мнѣ въ Харьковѣ, между премудрыми эмблемтами, на стѣнѣ залы видѣть слѣдующій написанъ, схожій на черепаху, гадъ съ долговатымъ хвостомъ: средѣ черепа сіяетъ большая золотая звѣзда, украшая оной. Но подъ нимъ толкъ подписанъ слѣдующій: „подъ сіяніемъ язва!" Сюда принадлежитъ пословица, находящаяся въ Евангеліи: „гробы повапленныи".

Въ книгѣ Сковороды „*Дружескій разговоръ*" приводится басня объ Индіи:

„Я мальчикомъ слыхалъ, отъ знакомаго персіянина, слѣдующую *басеньку*: Нѣсколько чужестранцевъ путешествовали въ Индіи. Рано вставши, спрашивали хозяина о дорогѣ.— „Двѣ дороги,—говорилъ имъ человѣколюбивый старикъ:—вотъ вамъ двѣ дороги, служащія вашему намѣренію! Одна напрямикъ, а другая съ обинякомъ, совѣтую держаться обиняка. Не спѣшите, и далѣе пройдете. Будьте осторожны. Помните, что вы въ Индіи".— „Батюшка! мы не трусы, вскричалъ одинъ востякъ, мы европейцы! Мы ѣздимъ по всѣмъ морямъ, а земля намъ не страшна вооруженнымъ". — И, шовъ нѣсколько часовъ, нашли кожаной мѣхъ съ хлѣбомъ, и такое же судно съ виномъ. Наѣлись и напились довольно. Отдыхая подъ камнемъ, сказалъ одинъ: „не дастъ ли намъ Богъ другой находки? Кажется, нѣчтось вижу впередѣ по дорогѣ. Взгляньте, по ту сторону бездны чернѣетъ что-то"... Одинъ говорилъ: кожаной мѣшище. Другой угадалъ, что огорѣлый пнище. Иному казался камень, иному — городъ, иному—село.

—Послѣдній угадалъ точно. Они всѣ тамъ посѣли: нашедши на индѣйскаго дракона, всѣ погибли. Спасся одинъ, находясь глупѣе, но осторожнѣе. Сей, по нѣкіимъ примѣчаніямъ и по внутреннему предвѣщающему ужасу, притворился остаться за нуждою на сей сторонѣ глубочайшей яруги и, услышавъ страшной умерщвляемыхъ вой, спѣшно воротился къ старику, одобривъ старинныхъ вѣковъ пословицу: „боязливаго сына матери плакать нечево“.

Изъ стихотвореній Сковороды болѣе извѣстна его пѣсня: *„Всякому городу нравъ и права“*. Привожу ее въ заключеніе моей статьи изъ сборника Сковороды: *„Садъ божественныхъ пѣсней“*, присланнаго мнѣ Е. Д. Розальонъ-Сошальскимъ. Списокъ сдѣланъ въ 1792 году сосѣдомъ г. Сошальскаго, Дятловымъ. Вотъ она:

Пѣснь X-я «Всякому Городу».

Всякому городу нравъ и права,
Всяка имѣетъ свой умъ голова.
Всякому сердцу своя есть любовь,
Всякому горлу свой есть вкусъ каковъ.
А мнѣ одна только въ свѣтѣ дума,
А мнѣ одно только не идетъ съ ума.

***

Петръ для чиновъ углы панскіе третъ,
Ѳедька купецъ при аршинѣ все лжетъ.
Тотъ строитъ домъ свой на новый манеръ,
Тотъ все въ процентахъ: пожалуй, повѣрь!
А мнѣ одна только въ свѣтѣ дума,
А мнѣ одно только не идетъ съ ума!

***

Тотъ непрестанно стягаетъ грунта,
Сей иностранны заводитъ скота.
Тѣ формируютъ на ловлю собакъ,
Сихъ шумитъ домъ отъ гостей, какъ кабакъ.
А мнѣ одна только въ свѣтѣ дума,
А мнѣ одно только не идетъ съ ума!

***

Строить на свой тонъ юриста права.
Съ диспутъ студенту трещитъ голова.
Тѣхъ безпокоитъ Венеринъ амуръ,
Всякому голову мучитъ свой дуръ,

А мнѣ одна только въ свѣтѣ думà,
Какъ бы умерти мнѣ не безъ ума!

* *
*

Смерте страшна, замашная косò!
Ты не щадишь и царскихъ волосовъ!
Ты не глядишь, гдѣ мужикъ, а гдѣ царь!
Все жерешь такъ, какъ солому пожаръ?
Кго-жъ на ея плюетъ острую сталь?..
Тотъ, чія совѣсть, какъ чистый хрусталь!

III.

Василій Назарьевичъ Каразинъ.

(1773—1842 г.).

I.

Предки.—Дѣтство В. Н. Каразина.—Отъѣздъ въ Петербургъ и бѣгство за границу.—Резолюція Императора Павла.—Записка, поданная Императору Александру I-му.—Близость ко Двору.—Отрывки изъ формуляра В. Н. Каразина.—Его характеръ.—Статья В. Анастасевича.

Василій Назарьевичъ Каразинъ, основатель харьковскаго университета, первый эманципаторъ изъ украинскихъ помѣщиковъ и долгіе годы неутомимый, рѣдкій дѣятель въ молодомъ еще тогда, слободско-украинскомъ обществѣ, до сихъ поръ не имѣлъ у насъ біографіи. Въ нашей литературѣ вы тщетно стали бы искать даже списка его сочиненій, или хотя двадцати строкъ послѣдовательнаго, въ общепринятыхъ словахъ, перечня годовъ его жизни и служебнаго формуляра. Съ большимъ трудомъ, при помощи его семейныхъ бумагъ, благосклонно ввѣренныхъ мнѣ сыномъ его, Ф. В. Каразинымъ, и при нѣкоторыхъ любопытныхъ библіографическихъ указаніяхъ Г. Н. Геннади, мнѣ удалось, наконецъ, открыть цѣлый рядъ неизвѣстныхъ и разбросанныхъ въ кучѣ нашихъ журналовъ (съ 1807 по 1842 годъ) сочиненій В. Н. Каразина. Одна забытая статья покойнаго вызывала находку другой и такимъ образомъ, впервые, составился у меня, по годамъ, списокъ сочиненій В. Н. Каразина, съ подробнымъ указаніемъ ихъ появленія и, гдѣ нужно, краткаго ихъ содержанія, прилагаемый здѣсь въ концѣ статьи. По нимъ лучше всего опредѣляются черты этой замѣчательной личности. Затѣмъ, прося

знающихъ дополнить то, что здѣсь могло быть пропущено, спѣшу оговорить, что въ разсказѣ о жизни В. Н. Каразина я ограничивался, для первой попытки, подлинными выписками, собранными изъ разныхъ мѣстъ его печатныхъ статей, приводя вездѣ ссылки на страницы ихъ (по подробному списку этихъ статей въ концѣ моего очерка), прибавилъ къ этимъ выпискамъ отрывки изъ неизданнаго, письменнаго, подлиннаго разсказа о жизни отца, составленнаго для адмирала Лазарева сыномъ В. Н. Каразина, Ф. В. Каразинымъ, отрывки изъ сохраненнаго, въ семействѣ покойнаго, его послужного списка, и только въ нѣсколькихъ мѣстахъ, для соединенія разрозненныхъ чертъ, я позволилъ себѣ привести отзывы о немъ постороннихъ лицъ, съ ссылкою на послѣднихъ. Отъ души желаю, чтобы мой очеркъ вызвалъ, наконецъ, полные разсказы другихъ, особенно петербургскихъ современниковъ покойнаго, и съ радостью спѣшу прибавить, что вскорѣ можетъ осуществиться предпріятіе изданія подлинныхъ „*Записокъ и писемъ В. Н. Каразина*“, хранимыхъ въ его семьѣ. Повторяю: мой очеркъ есть сводъ указаній, основанныхъ на несомнѣнныхъ данныхъ для полной біографіи В. Н. Каразина, о которомъ въ наше время носится еще столько разнорѣчивыхъ толковъ.

Василій Назарьевичъ Каразинъ родился 30-го января 1773 года *). Отецъ его былъ происхожденіемъ грекъ, изъ дворянскаго семейства *Караджи*. Въ собственноручныхъ замѣткахъ „Дневника“ В. Н. Каразина, сохраненнаго въ его бумагахъ, находится такое извѣстіе: „Я родился 1773 г., на разсвѣтѣ января 30-го, въ селѣ Кручикѣ, Слободско-Украинской губерніи, Краснокутскаго коммиссаріатства, впослѣдствіи Богодуховскаго уѣзда, въ простой хатѣ крестьянина нашего, Минченка, по случаю того, что домъ отца моего еще не былъ конченъ, родился замертво и былъ названъ Богданомъ, а при крещеніи это имя замѣнено Василіемъ“.

Отецъ его матери, Як. Ив. Ковалевскій, былъ сотникъ харьковскаго полка, женатый на М. В. Магденко, по первому мужу своему бывшей Логачевой.

Родоначальникъ семейства Караджи, переселившагося въ Россію при Петрѣ I, Григорій Караджи былъ софійскимъ архіепископомъ въ Болгаріи. Сынъ его, Александръ, былъ уже капитаномъ русской гвардіи и умеръ въ 1753 г., въ селѣ Рублевкѣ, близъ украинскаго мѣстечка Мурафы. Сынъ Александра и отецъ виновника этой статьи, Назаръ, былъ уже, однако, извѣстнымъ человѣкомъ. Говоря по-гречески

*) Весь этотъ начальный разсказъ заимствую изъ „*Записки о жизни отца*“, составленной Ф. В. Каразинымъ, кромѣ указаній, найденныхъ мною самимъ въ другихъ мѣстахъ.

и по-турецки, онъ получилъ отъ Императрицы Екатерины II-й порученіе отправиться секретно въ Турцію для осмотра и снятія плановъ крѣпостей. Это было передъ началомъ нашей войны съ Турціею. Назаръ Каразинъ былъ представленъ Императрицѣ, какъ хорошій инженерный офицеръ. Переодѣтый монахомъ, съ отрощенною бородой, съ просительною книгой въ рукахъ и съ боченкомъ воды за плечами (въ боченкѣ было четыре дна, между средними были спрятаны бумаги и чертежные инструменты), онъ отправился въ путь пѣшкомъ, проникъ въ глубь Турціи, все осмотрѣлъ, вывѣдалъ и снялъ на бумагѣ. Въ Адріанополѣ его схватили, на разсвѣтѣ утра, за работою надъ съемкою какого-то бастіона. Онъ успѣлъ бросить боченокъ въ кусты. Но его чуть, по приказанію паши, не посадили на колъ. Онъ убѣжалъ изъ заключенія, доставилъ въ Россію свои замѣтки и планы и привелъ еще съ собою 3,000 арнаутовъ, вслѣдъ за нимъ бросившихъ Турцію. Его сдѣлали ихъ начальникомъ, и съ этимъ отрядомъ онъ пошелъ передъ нашей арміей, открывшей войну съ невѣрными.— В. Н. Каразинъ, въ примѣчаніи къ одной изъ своихъ печатныхъ статей, говоритъ: „Маіоръ, а впослѣдствіи полковникъ Назаръ Каразинъ, былъ употребленъ, въ 1768 и слѣдующихъ годахъ, до открытія турецкой войны, въ секретныя посылки и негоціаціи въ Молдавію, Валахію и Морею. Великій графъ Румянцевъ-Задунайскій жаловалъ его лично, удостаивалъ своими письмами даже послѣ его отставки, а Екатерина II-я наградила недвижимымъ имѣніемъ“ („Рѣчь о люб. къ от.“). Въ печатныхъ *„реляціяхъ“* о Екатерининскихъ войнахъ, объ этомъ человѣкѣ сохранено нѣсколько извѣстій. Такъ, подъ 1770 годомъ, говорится: „7,000 турокъ напали на полковника Каразина, бывшаго въ монастырѣ Комитѣ, въ тридцати верстахъ отъ Букареста. Всѣ почти, предводимые Каразинымъ, пали“... Спасся самъ предводитель, съ немногими арнаутами. За-то, по словамъ реляціи 1768 года: „Подполковникъ Каразинъ, со ввѣренными ему арнаутами, приблизясь къ Букаресту, столицѣ Княжества Валахскаго, выгналъ изъ него турецкое войско и взялъ въ полонъ валахскаго господаря, Григорія Гику, съ братомъ его, сыномъ и всѣми придворными, коихъ и привелъ въ городъ Яссы“.—Въ отставкѣ онъ подвергался зависти и интригамъ, но Императрица Екатерина II-я наградила его помѣстьемъ *) въ 500 душъ крестьянъ, въ шестидесяти верстахъ отъ Харькова. О немъ также есть свѣдѣнія въ „Русской Исторіи“ Глинки (т. IX). Этимъ ограничиваются мои источники о родѣ Каразиныхъ.

*) Формуляръ В. Н. Каразина отъ 1830 года говоритъ: „Имѣніе Богодуховскаго уѣзда, село Кручикъ, 340 душъ крестьянъ мужеска пола, на 2,660 десятинахъ земли“.

В. Н. Каразинъ, по словамъ его сына, Ф. В. Каразина („Записка о жизни отца"), начальное свое воспитаніе получилъ сперва въ кременчугскомъ, а потомъ въ харьковскомъ частныхъ пансіонахъ. Далѣе, въ отрывкахъ изъ статей В. Н. Каразина („Рѣчь о любви къ от."), я привожу найденный мною отзывъ его о содержателяхъ этихъ пансіоновъ. Теперь скажу, что имена этихъ замѣчательныхъ людей были: Хр. Ив. Фирлингъ и Ив. Пет. Шульцъ. „Записка" его сына говоритъ, что на одиннадцатомъ году В. Н. Каразинъ самъ лично, придя изъ пансіона, подалъ прошеніе графу Румянцеву-Задунайскому, проѣзжавшему тогда черезъ Харьковъ, о желаніи своемъ поступить въ военную службу. Я уже сказалъ, что графъ жаловалъ его отца, умершаго между тѣмъ въ томъ самомъ 1783 году.

Я упомянулъ уже, что въ числѣ моихъ источниковъ находится „*Формулярный списокъ о службѣ Василія Назарьевича Каразина отъ 1830 года*" (когда онъ уже былъ пятидесяти лѣтъ отъ роду и въ чинѣ статскаго совѣтника), выданный ему, за подписью „губернскаго предводителя дворянства Слободско-Украинской губерніи, статскаго совѣтника Времева". Здѣсь говорится: „Бывъ записанъ, на одиннадцатомъ году, по собственному прошенію въ кирасирскій орденскій полкъ (шефомъ онаго, фельдмаршаломъ графомъ Румянцевымъ-Задунайскимъ) въ 1783 году, на дѣйствительную службу вступилъ лейбъ-гвардіи въ семеновскій полкъ сержантомъ, 1791 г. января 22-го", на осьмнадцатомъ году.

„Записка" его сына говоритъ: „Но между тѣмъ онъ продолжалъ учиться. Служба не помѣшала ему предаваться любимымъ его занятіямъ: теоретическому и практическому изученію человѣка и природы. Горный корпусъ, лучшее изъ тогдашнихъ казенныхъ заведеній, былъ посѣщаемъ имъ постоянно, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, и тутъ-то пріобрѣлъ онъ тѣ познанія въ точныхъ наукахъ, которыми впослѣдствіи изумлялъ гораздо уже образованнѣйшее поколѣніе. Между прочимъ, проф. Кнорре не хотѣлъ вѣрить, чтобы астрономія не была исключительнымъ предметомъ его занятій. Съ математикою, химіею, физикою, ботаникою, медициною и вообще естествословіемъ ознакомился онъ такъ, что могъ бы съ честію занять каѳедру каждой изъ сихъ наукъ въ любомъ заграничномъ университетѣ. Французскій, нѣмецкій и латинскій языки были имъ также изучены въ совершенствѣ. Съ этимъ-то запасомъ свѣдѣній онъ, по внушенію своего сердца, началъ дѣйствовать на пользу отечества. Прежде всего онъ захотѣлъ ознакомиться въ подробности съ нуждами обширной Россіи. Для этого онъ, пользуясь свободою, которая предоставлялась тогда молодымъ гвардейцамъ отлучаться изъ столицы, объѣздилъ многія губерніи. Военное поприще представляло ему мало пищи. Онъ

рѣшился перейти къ дѣламъ гражданскимъ; но чуть было не испортилъ навсегда всей своей дороги. Какъ пылкій энтузіастъ, у котораго еще мало было почвы подъ ногами, онъ рѣшился прежде всего бѣжать изъ Россіи, чтобы воспитаться за границею. При трудности тогдашнихъ отлучекъ въ чужіе края, онъ ушелъ тайно безъ паспорта, но былъ задержанъ объѣздомъ екатеринославскихъ гренадеръ въ Ковнѣ, ночью, 3-го августа 1798 г., при переправѣ чрезъ Нѣманъ..." Я видѣлъ въ бумагахъ В. Н. Каразина собственноручное ветхое письмо его къ Императору Павлу, набросанное имъ впослѣдствіи по памяти. Будучи арестованъ и видя свою гибель, этотъ бѣглецъ въ жертву науки, этотъ восторженный молодой человѣкъ рѣшился все чистосердечно передать великодушію Императора и послалъ изъ Ковно на имя его эстафету, чтобы предупредить донесеніе о немъ мѣстнаго, озадаченнаго начальства. Вотъ что онъ писалъ тогда (1798 г., 14-го августа): „Великій монархъ! Я не имѣлъ нужды спасаться бѣгствомъ; оно будетъ загадкою для моихъ слѣдователей. Я бѣжалъ учиться!.." Прочтя простосердечное покаяніе молодого бѣглеца, Императоръ Павелъ, какъ приписываетъ въ концѣ этой копіи В. Н. Каразинъ, простилъ его. — „Слѣдствіемъ онаго была немедленная посылка за мною курьера, съ весьма милостивымъ принятіемъ на службу. Я былъ рекомендованъ, отъ имени Его Величества, начальнику, котораго позволено было мнѣ самому выбрать". Записка его сына прибавляетъ: „Вмѣсто того, чтобы строго наказать дерзкаго подданнаго, который признавался ему прямо, что намѣренъ былъ бѣжать изъ его имперіи, Императоръ сказалъ ему, при личномъ представленіи моего отца: „Я докажу тебѣ, молодой человѣкъ, что ты ошибаешься! Скажи, при комъ ты хочешь находиться?" Смущенный мой отецъ назвалъ на-угадъ одно изъ правительственныхъ лицъ, къ которому и былъ немедленно опредѣленъ секретаремъ". Формуляръ его говоритъ: „Произведенъ при опредѣленіи, по Высочайшему повелѣнію, къ статскимъ дѣламъ, въ канцелярію государственнаго казначейства и главнаго медицинской коллегіи директора (барона Васильева), коллежскимъ переводчикомъ 1800 г. февраля 3-го". Въ слѣдующемъ, 1801 году, января 22-го, по словамъ „Формула", онъ: „За собраніе матеріаловъ къ исторіи медицины въ Россіи, также и къ исторіи финансовъ, награжденъ чиномъ коллежскаго ассессора".

Но вотъ взошелъ на престолъ Императоръ Александръ I. Это было 1801 года, 12-го марта. Черезъ десять дней, именно 22-го марта, того же 1801 года, В. Н. Каразинъ уже сталъ извѣстенъ молодому Императору и заставилъ говорить о себѣ цѣлый Петербургъ. О любопытномъ поступкѣ его знаютъ теперь многіе; всѣ собственные устные разсказы В. Н. Каразина при его жизни были полны этимъ

событіемъ, положившимъ яркій слѣдъ во всей его остальной жизни. Такъ объ этомъ замѣчательномъ случаѣ передаетъ „Записка“ его сына: „Воспользовавшись однимъ изъ дворцовыхъ церемоніаловъ, онъ нашелъ случай пробраться въ царскіе покои, и тамъ оставилъ на столѣ запечатанный пакетъ, съ надписью на имя Императора. Въ пакетѣ томъ заключалась, безъ подписи автора, бумага, въ которой изложены были надежды русскаго на юнаго своего царя. Императоръ Александръ, прочтя эту бумагу, велѣлъ непремѣнно отыскать сочинителя. Это нетрудно было исполнить: приказаніе отдано было случайно тому самому вельможѣ, при которомъ отецъ мой тогда служилъ, и которому слогъ и почеркъ его очень были знакомы. На другой же день отецъ мой былъ представленъ Императору.—„Ты написалъ эту бумагу?“—„Я, Государь!“—„Дай обнять тебя и благодарить за благія твои пожеланія мнѣ и чувства истиннаго сына отечества! Продолжай всегда такъ чувствовать и дѣйствовать сообразно съ этими чувствами. Продолжай всегда говорить мнѣ правду! Я желалъ бы имѣть побольше такихъ подданныхъ!“—Внѣ себя отъ восторга, В. Н. Каразинъ бросился къ ногамъ Императора и, заливаясь слезами, долго не могъ вымолвить ни слова... Наконецъ, вырвалась изъ стѣсненной груди его клятва—исполнять волю Монарха...“

Эта любопытная бумага, отрывокъ изъ которой напечатанъ въ „Вѣстникѣ Европы“ 1843 г. (№ 1-й), съ помѣткою: Мѣсто, взятое изъ бумаги автора, въ концѣ марта 1801 года, препровожденной къ одной великой особѣ, содержитъ собственно похвальное, горячее и полное страстной любви слово о Россіи, съ указаніями, что̀ можетъ сдѣлать съ нею „юный монархъ, отдающій всего себя въ жертву за ея благоденствіе“. Эта записка входитъ въ „Собраніе писемъ и записокъ В. Н. Каразина“, предпринятое къ изданію, и потому я не имѣю права помѣстить ее здѣсь цѣликомъ. Авторъ говоритъ въ ней, между прочимъ: „Время теперь возвести Россію на верхъ славы, по обѣту Твоему! Ночью, проходя мимо чертоговъ Твоихъ, я размышлялъ, представлялъ себѣ картину благословеннаго Твоего политическаго положенія, каковы будутъ пути Твои! — Я думалъ, говоритъ авторъ: Онъ доставитъ намъ непреложные законы! Клятвою многочисленныхъ племенъ своихъ Онъ утвердитъ ихъ въ роды родовъ! Въ семъ будетъ Онъ дѣйствовать медленно, какъ дѣйствуетъ природа въ таинственныхъ путяхъ, ей уготованныхъ. Съ довѣренностью къ правительству, на одной степени поставитъ Онъ вѣру къ правосудію! Онъ презритъ новыхъ лже-политиковъ, утверждающихъ, будто для государства все равно, какъ ни переходитъ собственность изъ рукъ въ руки! Онъ предоставитъ весь судъ избраннымъ отъ народа; удалитъ ихъ отъ соблазна не законами, безгласными

по необходимости, а доставленіемъ судьямъ избыточнаго содержанія, —напримѣръ, сборомъ съ отыскиваемыхъ дѣлъ въ одну кассу со всѣхъ губерній! На сей конецъ, подниметъ Онъ судій общественнымъ мнѣніемъ! Судъ при дверяхъ открытыхъ; право тяжущимся публиковать опредѣленія! Онъ обезпечитъ право человѣчества помѣщичьимъ крестьянамъ; онъ введетъ у нихъ собственность; поставитъ предѣлы ихъ зависимости—постепенностью обычая, который бы укрѣпилъ болѣе общественныя связи сословій!" (Въ примѣчаніи, подъ строкой: „Это для опыта ввелъ я въ имѣніи моемъ съ давняго времени, и, какъ хозяинъ, не имѣю причины раскаиваться!").—Въ концѣ записки онъ указываетъ молодому, его выслушавшему Монарху: „Просвѣщеніе, заботы о мануфактурахъ, свободу торговли, миръ съ державами и улучшеніе путей сообщенія!". Онъ кончаетъ словами: „Слышалъ я, что юный нашъ владѣтель съ равнодушіемъ принимаетъ затверженныя восклицанія поэзіи, которая безстыдно приноровляла ихъ ко всѣмъ царствованіямъ, увѣряя каждое, что оно лучше своихъ предшественниковъ! Я смѣлъ начертать сіи мысли: о, Ты, котораго обожаетъ мое сердце, не отвергни сію дань его!"

Въ отысканіи автора и въ представленіи его Императору помогли гр. Паленъ и Дм. Прок. Трощинскій („Записка" сына).

Нашъ исторіографъ, носившій созвучное имя съ В. Н. Карамзинымъ, въ 1808 году вновь вспоминая съ Императоромъ объ этой запискѣ, назвалъ ее въ разговорѣ „pia desideria".

Кстати: В. Н. Каразинъ былъ въ перепискѣ съ Н. М. Карамзинымъ (я видѣлъ письма послѣдняго въ семействѣ В. Н. Каразина), любилъ его, и въ шутку иногда, отдавая должную честь стойкости и благоразумію своего великаго сверстника, говаривалъ при случаѣ: „Э! господа, вы, кажется, смѣшиваете меня съ Карамзинымъ?! Между нами одна маленькая разница въ буквѣ *мыслете!*"

„Записка" его сына продолжаетъ: „Сдѣлавшись такимъ образомъ извѣстенъ Императору Александру, отецъ мой нѣкоторое время продолжалъ быть въ необыкновенныхъ для подданнаго сношеніяхъ съ Царемъ. Нерѣдко удостоивался частной съ Нимъ бесѣды въ Его кабинетѣ и собственноручныхъ Его, совершенно приватныхъ писемъ. Бесѣды эти имѣли всегда цѣлію какое-нибудь новое, ко благу Россіи, учрежденіе. Прежде всего онъ обратилъ вниманіе Императора на необходимость образованія народнаго. Онъ предлагалъ для этого: искоренить рабство, исподоволь, давая крестьянамъ голосъ въ ихъ дѣлахъ, право выбора представителей въ сельскую думу: подать въ пользу помѣщика онъ полагалъ только за землю послѣдняго, по ежегодно собираемымъ справочнымъ цѣнамъ, гдѣ бы шелъ процентъ и на священника. И это не одна его идея. О необходимости присоединенія

уніатовъ къ православной церкви хлопоталъ онъ съ 1804 по 1806 годъ, возбудивши на себя гоненія, какъ, напримѣръ отъ князя Чарторишскаго,—что̀ и состоялось тридцать-восемь лѣтъ спустя. Онъ предполагалъ—умножить приходскія училища, основанныя Екатериною II, примѣнивъ ихъ къ потребностямъ поселянъ и написалъ для этого катехизисы—религіозный и гражданскій *). Считалъ нужнымъ составить особое министерство народнаго просвѣщенія, обработавши для этого и самый проектъ.—Министерство состоялось.—Положивши основаніе ему, онъ сталъ хлопотать о распространеніи учебныхъ заведеній въ Россіи. Любимая его Малороссія пришла ему прежде всего на мысль, какъ край, гдѣ до того времени не было ни одного высшаго училища. Онъ отпросился въ отпускъ, и плодомъ этого отпуска былъ сборъ громадной суммы 618,000 руб. сер., которую онъ и представилъ Государю отъ дворянъ и купцовъ харьковскихъ, прося Его о дозволеніи открыть въ Харьковѣ университетъ"...

На этомъ я остановлюсь. Слова „Записки" его сына подтверждаются слѣдующими мѣстами формуляра В. Н. Каразина:

„За труды, кои были лично извѣстны блаженной памяти Государю Императору Александру Благословенному, пожалованъ *(черезъ чинъ)* въ коллежскіе совѣтники, 1801 года апрѣля 11-го".—„И въ тотъ же день награжденъ богатымъ перстнемъ".—„За продолженіе оныхъ удостоенъ въ разное время нѣсколькихъ весьма милостивыхъ собственноручныхъ рескриптовъ Его Величества".—„Избранъ отъ слободско-украинскаго дворянства депутатомъ для испрошенія у престола подтвержденія привилегій сей губерніи 1801 года 7 мая".—„При образованіи министерства народнаго просвѣщенія Высочайше опредѣленъ правителемъ дѣлъ главнаго правленія училищъ, 1802 года сентября 8-го".—„Въ обоихъ сихъ званіяхъ подалъ мысль слободско-украинскому дворянству къ основанію въ Харьковѣ университета (который Высочайше и утвержденъ въ 1803 году), *послужилъ орудіемъ къ пожертвованію на оный изъ двухъ губерній 618,000 руб. сер.*—Уклонился отъ Всемилостивѣйшей награды за оный подвигъ.—Но между тѣмъ, за особливые труды по *„комитету составленія ученымъ въ Россійской Имперіи заведеніямъ новыхъ уставовъ"* награжденъ орденомъ св. Владиміра четвертой степени, 1802 года сентября 22-го".—„Продолжая дѣятельно участвовать въ устроеніи всего, принадлежащаго къ упомянутому университету, по необходимости въ художникахъ въ г. Харьковѣ, доставилъ туда *тридцать-два семейства иностранныхъ мастеровъ на собственномъ иждивеніи*, хотя впослѣдствіи, по особенной

*) Они, къ сожалѣнію, утрачены.

Высочайшей милости, употребленная имъ на то сумма, 12,200 рублей, была ему возвращена въ 1803 году".

Такъ какъ весь въ точности приведенный мною любопытный формуляръ В. Н. Каразина оканчивается еще немногими только строками, то привожу и ихъ здѣсь цѣликомъ, для дальнѣйшаго разсказа о его жизни. Формуляръ говоритъ:

„Въ 1814 году былъ учредителемъ Высочайше потомъ одобреннаго филотехническаго общества". — „Получилъ въ благодарность изъявляющіе отзывы министровъ: *внутреннихъ дѣлъ*—за учрежденіе и успѣшный ходъ филотехническаго общества, 1815 года, апрѣля 15-го; *военныхъ силъ*—за представленіе объ облегченіи заграничнаго продовольствія войскъ и флота, которое одобрено учрежденнымъ нарочно для разсмотрѣнія сего комитетомъ, и о умноженіи въ государствѣ селитры, 1815 года, августа 20-го; *полиціи*—за представленіе особливой идеи о хлѣбныхъ магазинахъ, 1818 года, октября 3-го". — „Вторично былъ избранъ депутатомъ слободско-украинскаго дворянства, для всеподданнѣйшаго ходатайства о ненарушимости привилегій губерній, 1819 года въ февралѣ". — „Пользовался Высочайше дарованнымъ ему въ 1801 году правомъ безпосредственной переписки съ Государемъ". — „Отставленъ, съ награжденіемъ чина статскаго совѣтника, 27-го августа 1804 года". — „Имѣетъ дѣтей: дочь Пелагею и шестерыхъ сыновей: Василія, Егора, Фильдельфа, Александра, Николая и Валеріана". — „Подъ судомъ никогда не былъ".

Довольно любопытный очеркъ этого характера я нашелъ въ двухъ слѣдующихъ изданіяхъ.

Неизвѣстный авторъ статьи „Иванъ Филипповичъ Вернетъ" въ „Современникѣ" 1847 года за подписью Л. *), говоритъ о В. Н. Каразинѣ слѣдующее: „Помню еще другую лѣтнюю поѣздку въ Богодуховскій уѣздъ, къ человѣку, во многихъ отношеніяхъ замѣчательному. В. Н. Каразинъ былъ происхожденія греческаго. Жизнь его была исполнена самыхъ разительныхъ превратностей; и что бы о немъ ни говорили, съ какой бы точки ни разсматривали его общественный характеръ, но одно не подлежитъ сомнѣнію, рано или поздно Харьковъ, да и вся Украйна, отдадутъ ему должное и открыто признаютъ въ немъ одного изъ своихъ благотворителей. Его когда-то сильному вліянію Харьковъ обязанъ своимъ университетомъ. Имъ было созвано въ этотъ городъ множество иностранныхъ ремесленниковъ. Черезъ его посредство призваны туда и нѣкоторые отличные европейскіе ученые. Каразинъ былъ человѣкомъ всемірнымъ: ни одна отрасль наукъ или ис-

*) По мнѣнію С. П. Ковалько, подпись Л. означаетъ Лесли, итальянскаго выходца, знавшаго хорошо Вернета и Каразина.

кусствъ не ускользала отъ его прозорливаго вниманія. Отъ плуга и химической лабораторіи до самыхъ коренныхъ вопросовъ науки или общественной жизни,—онъ вездѣ былъ дома, по-крайней-мѣрѣ, теоретически. Его *библіотека* обнимала, какъ и онъ самъ, всѣ отрасли человѣческихъ знаній. Это былъ умъ, жадный къ познаніямъ, душа пылкая, сжигаемая жаждой дѣятельности. Живя поочередно, то въ деревнѣ, то въ городѣ, онъ, несмотря на ихъ отдаленность отъ центровъ просвѣщенія, слѣдилъ за всѣми движеніями вѣка, получалъ множество журналовъ и книгъ и, дѣятельно занимаясь самъ всѣмъ понемногу, поощрялъ и другихъ къ самобытнымъ занятіямъ, къ живому труду. Къ сожалѣнію, самъ онъ не всегда обнаруживалъ тотъ практическій смыслъ, какого требовалъ отъ другихъ. Его попытки, дорого ему стоившія, ввести въ свою деревню особенное, черезъ-чуръ искусственное устройство, сельскую думу, судъ и расправу,—а вмѣстѣ съ тѣмъ сложную отчетность, иностранное земледѣліе и различныя ремесла,—не могли уже и потому увѣнчаться успѣхомъ, что они не сопровождались достаточнымъ практическимъ знаніемъ и слишкомъ отражали на себѣ характеръ самого владѣльца... *Нетерпѣливый и отвлеченно-теоретическій, Василій Назарьичъ оставался теоретикомъ и въ практикѣ. Страсть къ проектамъ по всѣмъ отраслямъ наукъ и гражданскаго устройства, безпокойное стремленіе къ преобразованіямъ всякаго рода—дѣлали его неспособнымъ къ холодному, настойчивому исполненію предначертаннаго.* Онъ весь, и самыми недостатками, принадлежитъ къ исторіи русской общественной жизни... Кто его зналъ, кто зналъ пламенную любовь къ успѣхамъ отечества, одушевлявшую его во всю жизнь съ неизмѣннымъ жаромъ и ревностью, тотъ согласится, что Каразинъ принадлежитъ къ знаменательнымъ, поучительнымъ явленіямъ нашего современнаго общества, и не откажетъ ему въ уваженіи и признательности".

Мнѣ попалось также любопытное письмо извѣстнаго въ Украйнѣ *А. А. Палицына* къ В. Н. Каразину, отъ 1799 года 4-го іюля, изъ с. Поповки („Молодикъ на 1844 г."), гдѣ говорится о юности В. Н. Каразина: „Прелюбезный другъ мой, Василій Назарьевичъ. Слѣдуйте всегда *вашимъ здравымъ правиламъ*: избирайте и любите людей по себѣ; знакомьте ихъ, сближайте тѣмъ, чтобъ сказать вашимъ словомъ все доброе, но притомъ терпите и прощайте прочихъ, не требуйте никогда великодушія отъ душъ малыхъ, ума отъ дураковъ, терпимости отъ фанатиковъ, безкорыстія отъ алтынниковъ; вы вѣрно также предохраните себя отъ ненависти къ людямъ, какія бы несправедливости отъ нихъ ни испытали!" Въ этихъ словахъ къ будущему учредителю харьковскаго университета я вижу затаенную иронію холоднаго практическаго старика. В. Н. Каразинъ самъ испортилъ свою блистательную небы-

валую дорогу. Онъ сталъ вскорѣ за первыми успѣхами такъ заносчивъ, такъ далекъ отъ почвы, на которой стоялъ, что самой небольшой интриги его враговъ было достаточно, чтобы смять его и выставить, передъ довѣрчивымъ къ нему Государемъ, въ самомъ черномъ видѣ. Я не берусь ни защищать, ни строго судить В. Н. Каразина. У меня нѣтъ на это права потому, что нѣтъ для этого достаточнаго числа источниковъ. Другимъ остается пополнить этотъ пробѣлъ. Я скажу одно, что подъ конецъ и самъ В. Н. Каразинъ смирился и, вполнѣ сознавши свое положеніе, съ грустною улыбкою, подъ старость говаривалъ: „Да! я былъ неопытно-самонадѣянъ. Я былъ бабочкой, опалившей себѣ крылья и зрѣніе въ сферѣ, куда мнѣ, скромному труженику науки, не слѣдовало залетать!“

За приведеніе этой фразы на меня заявилъ претензію его сынъ, Фил. Вас. Каразинъ, но эту же фразу читатель найдетъ въ статьѣ В. Анастасевича.

Въ „Чтеніяхъ общества исторіи и древностей рос. при московск. университетѣ“ 1861 г. напечатана въ высшей степени любопытная „Записка о В. Н. Каразинѣ“ В. Анастасевича. Вотъ она цѣликомъ; привожу ее въ надеждѣ, что живутъ еще на свѣтѣ люди, знавшіе В. Н. Каразина, которые, быть можетъ, снабдятъ ее нужными разъясненіями. Въ нѣкоторыхъ данныхъ она расходится съ другими приводимыми мною матеріалами, а нѣкоторые дополняетъ и подтверждаетъ.

„Каразинъ, Василій Назарьевичъ, отставной статскій совѣтникъ, помѣщикъ Харьковской губерніи, Богодуховскаго уѣзда, села Кручика, умеръ въ г. Николаевѣ, 4-го ноября 1842 года. Первое мое личное съ нимъ знакомство началось въ концѣ января 1802 года, черезъ покойнаго родственника моего (стат. сов., умершаго въ г. Кременчугѣ), Николая Николаевича Новицкаго, служившаго тогда въ канцеляріи Д. П. Трощинскаго, знакомаго съ Каразинымъ до того за нѣсколько времени и имѣвшаго съ нимъ дружескія сношенія въ бытность свою при флигель-адъютантѣ графѣ Иванѣ Петровичѣ Салтыковѣ, въ Москвѣ. Василій Назарьевичъ, будучи тогда знакомъ съ княземъ А. А. Чарторыжскимъ, искалъ чиновника, могущаго занять мѣсто старшаго письмоводителя при семъ князѣ, какъ попечителѣ виленскаго университета, и я, по Высочайшему повелѣнію, на докладъ министра народнаго просвѣщенія, графа Петра Васильевича Заводовскаго, изъ бывшей военной коллегіи былъ опредѣленъ 14-го февраля 1803 года, занимавшись уже до того нѣсколько времени вмѣстѣ съ Василіемъ Назарьевичемъ и съ вывезеннымъ имъ тогда съ собою изъ харьковскаго коллегіума студентомъ Александромъ Степановичемъ Бируковымъ, поступившимъ потомъ въ штатъ министерства народнаго просвѣщенія (о семъ указѣ было особое дѣло, конченное сенатскимъ

указомъ). Занятія мои тогда съ Василіемъ Назарьевичемъ особенно состояли въ начертаніи предварительныхъ правилъ министерства народнаго просвѣщенія, Высочайше утвержденныхъ 24 января того же года, въ нѣкоторыхъ проектахъ для образованія харьковскаго университета и, въ особенности, по канцеляріи князя Чарторыскаго, также въ приготовленіи диплома и общихъ уставовъ для преобразованія виленскаго университета и его округа, по прежнимъ уставамъ бывшей училищной (едукаціонной) коллегіи, существовавшей въ послѣдніе годы (до 1794 г.) прежняго польскаго правительства, съ примѣненіемъ ихъ къ настоящему времени, и когда образовалась сія часть виленскаго округа, то мои служебныя сношенія съ Василіемъ Назарьевичемъ продолжались, какъ съ правителемъ дѣлъ главнаго правленія училищъ, и по случаю основаннаго имъ изданія отъ того же правленія: „Ежемѣсячное сочиненіе объ успѣхахъ народнаго просвѣщенія“, также во все время, пока В. Н. оставилъ сіе мѣсто и уволенъ вовсе отъ службы. Съ тѣхъ поръ началось уже частное мое съ нимъ дружеское сношеніе, когда онъ, послѣ неудачи въ женитьбѣ на Надаржинской, женился на Александрѣ Васильевнѣ Мухиной (падчерицѣ Г. М. Бланкеннагеля) и пріѣзжалъ сюда по временамъ, а послѣ отъѣздовъ его велъ я съ нимъ довольно частую переписку. Послѣднее мое личное съ нимъ свиданіе было въ тотъ день, когда онъ изъ квартиры въ домѣ N, угольномъ отъ Литейной въ Бассейную, потребованъ къ военному генералъ-губернатору, графу М. А. Милорадовичу, и отъ него отправленъ въ Шлиссельбургъ, о чемъ на другой день увѣдомила меня жена его и просила сперва узнать, гдѣ ея мужъ, а потомъ найти средство доставить ея письмо Государю, бывшему тогда за границею, съ прошеніемъ о помилованіи, въ чемъ я и успѣлъ, чрезъ общаго нашего знакомаго въ главномъ штабѣ, покойнаго генерала Павла Осиповича Дейріарда, вслѣдствіе чего позволено было ему, по освобожденію изъ Шлиссельбурга, жить въ его селѣ, Кручикѣ. О причинѣ прежней къ нему милости, а потомъ немилости Государя Александра I разсказывали мнѣ различно разныя лица, знавшія его, а отчасти я слышалъ отъ него самого, но всегда сбивчиво. В. И. Языковъ говорилъ, что В. Н. въ Спб. Петропавловской крѣпости находился до вступленія на престолъ Государя Александра I-го, который, будучи великимъ княземъ и наслѣдникомъ, и въ званіи генералъ-губернатора столицы, часто посѣщая Петропавловскую крѣпость, замѣтилъ въ числѣ узниковъ В. Н. и, послѣ бесѣды съ нимъ, полюбилъ его, оказывалъ ему возможныя, по тогдашнему времени, благоволеніе и пособіе. Согласно съ симъ окончаніемъ слышалъ я и отъ Д. Н. Б.-Каменскаго, но иначе разсказывалъ мнѣ самъ В. Н., въ началѣ моего съ нимъ знакомства, а именно: что отецъ его,

у коего былъ еще и другой сынъ, Иванъ (неизвѣстно мнѣ, были ли у нихъ двухъ и другіе братья и сестры), въ одну турецкую войну, будучи изъ сербовъ, или болгаръ, оказалъ Россіи важныя услуги и, переселясь въ Россію, получилъ отъ Императрицы Екатерины II, въ Харьковской губерніи, 2 тысячи душъ крестьянъ, которые по смерти его и достались пополамъ симъ двумъ его сыновьямъ. Иванъ, получа увольненіе отъ военной службы, съ чиномъ поручика, занялся сельскимъ хозяйствомъ и долго велъ мирную жизнь, потомъ былъ училищнымъ смотрителемъ, имѣлъ непріятности по сей части отъ письмоводителя при попечителѣ харьковскаго университета, Корниловѣ, о чемъ В. Н., будучи въ С.-Петербургѣ, незадолго передъ отосланіемъ его въ Шлиссельбургъ, жаловался тогдашнему министру народнаго просвѣщенія, князю А. Н. Голицыну, но въ такихъ выраженіяхъ, что болѣе его разсердилъ, чѣмъ доставилъ справедливость обиженному своему брату, потомъ женившемуся несчастно, и, послѣ разныхъ семейныхъ раздоровъ, умершему въ чаду (о чемъ мнѣ разсказывалъ Н. К. Мавроди, женившійся на воспитанницѣ Василья Назарьевича и, помнится, служившій въ департаментѣ внутреннихъ дѣлъ по медицинской части). Василій Назарьевичъ, заложивъ свое имѣніе, намѣренъ былъ тайно уѣхать въ чужіе края, но схваченъ на границѣ нашей и, по повелѣнію Павла I, посаженный въ крѣпость, содержался во все время царствованія сего Государя. Александръ I-й, узнавъ его тамъ, какъ выше сказано, по вступленіи своемъ на престолъ, тотчасъ освободилъ его, приблизилъ къ себѣ такъ, что онъ могъ запросто входить въ кабинетъ Государя, безъ доклада, какъ самъ В. Н. мнѣ сказывалъ, получалъ часто отъ Государя своеручныя самыя дружескія записки: „Mon cher Kar...“ etc. Такое благоволеніе къ нему Государя особенно обнаружилось въ бытность Александра I-го въ Москвѣ, для коронаціи, о чемъ также разсказывали разнообразно. Д. Н. Баптышъ-Каменскій:—что Василій Назарьевичъ незванный явился на балъ къ главнокомандующему, графу И. П. Салтыкову, когда ожидали Государя; хозяинъ, замѣтивъ его и по особенно рѣзкимъ чертамъ лица, и по поступи, не весьма свѣтской и ловкой въ такомъ блистательномъ собраніи, послалъ одного изъ своихъ чиновниковъ спросить, кто онъ и зачѣмъ? В. Н. отвѣчалъ, что онъ самъ доложитъ его сіятельству и, подойдя, подалъ ему письмо: оно было отъ Государя, съ выраженіемъ принять его благосклонно. Едва лишь публика имѣла время изъявить удивленіе свое внезапно оказанному отъ графа сему гостю отличному пріему, какъ объявлено о прибытіи Государя. Всѣ бросились на-встрѣчу. Государь, вошедши, замѣтилъ Василія Назарьевича, изъявилъ ему рукою знакъ благосклонности и тотчасъ самъ рекомендовалъ его графу; этимъ

еще болѣе увеличилось удивленіе собранія. Но Д. И. Языковъ слышалъ отъ бывшаго тогда въ Москвѣ оберъ-полиціймейстера Каверина такъ: Императоръ Александръ I-й предварилъ графа П. П. Салтыкова, что будетъ къ нему на вечеръ, но чтобы не было постороннихъ, кромѣ близкихъ и родныхъ графу. Не успѣлъ графъ спросить Василія Назарьевича, какъ онъ тутъ явился къ нему, въ то самое время, когда сказано, что Государь прибылъ, и хозяинъ съ гостями своими поспѣшилъ на-встрѣчу высокому гостю, который, вошедши и увидѣвъ здѣсь Василія Назарьевича, сказалъ графу, чтобы онъ извинилъ его за непредвареніе о семъ гостѣ, коего ему рекомендуетъ, и всѣ не могли понять тогда сего отличія. Василій Назарьевичъ, пользуясь тогда такою милостью Государя, нашелъ случай сказать ему, что онъ намѣренъ жениться на Надаржинской (немогшей получить значительнаго наслѣдства по причинѣ иска). Приготовя о семъ записку чрезъ оберъ-прокурора синодскаго, Пукалова, своего друга, онъ, единственно по сему уваженію, получилъ отъ Государя утвержденіе правъ законной наслѣдницы и, какъ невѣстѣ своей, богатыя серьги, или фермуаръ, а для протопопа харьковскаго, Прокоповича, орденъ св. Анны. В. Н., прибывъ въ Харьковъ, публично самъ возложилъ этотъ орденъ на сего протопопа, для показанія, что онъ значитъ у Государя. Притомъ же, чтобъ еще болѣе угодить мнимой невѣстѣ своей, о коей не могъ и подумать, чтобъ она не оцѣнила по достоинству такихъ для нея благодѣяній, привезъ ей ея родственника изъ пажескаго кадетскаго корпуса (не спрося дозволенія начальства). По прибытіи къ Надаржинской съ царскимъ подаркомъ и имѣя уже готоваго, преданнаго себѣ Прокоповича, лишь только попросилъ руки ея, какъ она наотрѣзъ ему отказала, сказавъ, что уже отдала свое сердце другому (за котораго тогда же и вышла, т.-е. Корсакову), а его вѣчно будетъ считать своимъ другомъ и благодѣтелемъ. Говорятъ, что она тутъ же подала 50 тысячъ руб., или выкупленные ею векселя его на эту сумму, но онъ ихъ бросилъ ей и пѣшкомъ, не опомнясь, вышелъ изъ ея дома. Иные же говорятъ, что онъ принялъ тѣ деньги, и Государь, узнавъ о томъ, положилъ на него свой гнѣвъ. Но вѣроятнѣе, что Государь, получа отъ начальства рапортъ объ увозѣ самоправно кадета, или пажа, прогнѣвался и въ слѣдъ послалъ повелѣніе: лишь прибудетъ Василій Назарьевичъ въ Харьковъ, посадить его на гауптвахту, а кадета прислать въ корпусъ. Какъ бы то ни было, но такъ рушилось намѣреніе В. Н. жениться на богатой невѣстѣ, воспользовавшейся опрометчивостью, свойственною ему и въ разныхъ другихъ случаяхъ его жизни обнаруженною, а враги В. Н. могли внушить Государю, что, въ самомъ дѣлѣ, какъ казалось, повидимому, цѣль его была корысть,

а не страсть душевная къ сей, чрезъ него выигравшей свое дѣло, дѣвицѣ. Къ причинамъ гнѣва на В. Н. отъ Государя относятъ и то, что онъ выражался о своемъ министрѣ, графѣ Заводовскомъ, обидными словами, что онъ лишь возитъ Государю портфель, наполненный бумагами, обработанными имъ, В. Н.

Рѣчи сіи или подобныя могли быть съ прибавленіемъ переданы графу Заводовскому бывшимъ сперва домашнимъ учителемъ дѣтей у Заводовскаго, а тогда директоромъ его канцеляріи, Ив. Ив. Мартыновымъ, жалкимъ педантомъ, желавшимъ къ своему жалованью, 2.500 р. (по сему званію), присоединить такую же сумму, какую получалъ тогда В. Н. по званію правителя дѣлъ главнаго правленія училищъ, въ чемъ и успѣлъ совершенно и чрезъ то избавился даже зависимости своей отъ сего, далеко превосходившаго его, сверстника. Къ сему должно присовокупить еще одно обстоятельство. По новомъ образованіи, вмѣсто бывшей коммиссіи народныхъ училищъ, главнаго правленія училищъ, коего, какъ мѣста, сохранившаго еще прежній коллегіальный видъ, всѣ попечители учебныхъ округовъ были членами и собирались подъ предсѣдательствомъ своего министра народнаго просвѣщенія (Заводовскаго), какъ президента, В. Н. все сохранялъ къ себѣ благорасположеніе, въ особенности князя Чарторыжскаго и его друга, графа Северина Осиповича Потоцкаго, назначеннаго попечителемъ новоучрежденнаго тогда харьковскаго университета, который обязанъ своимъ существованіемъ Василію Назарьевичу, склонившему дворянъ къ знатнымъ пожертвованіямъ для сего высшаго въ томъ краѣ училища. Но когда графъ С. О. Потоцкій, получа отпускъ за границу, оставилъ В. Н-чу нѣкоторыя суммы въ распоряженіе, съ тѣмъ, чтобы объ ихъ употребленіи относился онъ къ пему, графу Потоцкому, то В. Н. нѣкоторыми распорядился самъ, на выдачу нѣкоторымъ профессорамъ и т. п. издержки, чѣмъ навлекъ на себя неудовольствіе отъ графа Потоцкаго, и тѣмъ болѣе уже неблаговолившаго къ нему по вышеупомянутымъ наговорамъ, министра графа Заводовскаго, а потому дѣло Надаржинской и увозъ ея родственника, кадета, могло быть представлено Государю въ гораздо худшемъ видѣ, нежели какъ оно было въ самой сущности. Здѣсь сбылась пословица: „на бѣднаго Макара и шишки валятся“, или: „гдѣ тонко, тутъ и рвется“. Женитьба его на А. В. Мухиной *) не только не вознаграждала ему потери Надаржинской, но вслѣдъ затѣмъ начинается длинная цѣпь его горестей. Финансы его были довольно разстроены прежними неудачами. Въ селѣ своемъ, Кручикѣ, бросался опъ на разные опыты хозяй-

*) Скончавшейся только 24-го мая 1861 г., на 79-мъ году, и погребенной въ подмосковной. См. „Московск. Вѣдомости“ № 114, стр. 914. О. Б.

ственные, по своимъ новымъ теоріямъ, коихъ впредь ему не было довольно времени и терпѣливости повѣрить съ должностнымъ вниманіемъ на самомъ дѣлѣ; издержки давно уже превосходили его состояніе. Требованія семейства возрастали, и нужно было удобство жизни, къ коей изъ дѣтства привыкла жена его. Учрежденіе филотехническаго общества, кажется мнѣ, было мѣрою отчаянною, которая, судя по степени средствъ и понятій членовъ, вошедшихъ въ составъ онаго, едва ли могла быть удачною и при лучшихъ обстоятельствахъ, вещественныхъ и невещественныхъ, самого учредителя. Возгласы его въ собраніяхъ были гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, а слободско-украинскія степи дѣйствительно были слишкомъ обширны для сего полезнаго, даже самаго благонамѣреннаго, дѣла. Кому неизвѣстно, что если нелюбъ дѣлатель, нелюбо и дѣло его? Выданныя имъ акціи, съ тайнымъ знакомъ въ одной изъ клѣтокъ, написанныя химическимъ составомъ, съ условіемъ, что акція теряетъ свою данность, если сей знакъ обнаружится (который въ самомъ дѣлѣ самъ собою обнаружился зеленаго цвѣта отъ теплоты записной карманной книжки), еще болѣе умножили колебавшуюся къ нему довѣренность. Имѣніе его, коимъ онъ обезпечилъ акціи, подверглось тяжбѣ съ подписчиками, вѣрителями и прочими. Жалобы самого зятя его, Н. К. Мавроди, долго неудовлетворяемаго по векселямъ (даннымъ ему по случаю женитьбы на дочери В. Н-ча), опала отъ Двора, назначеніе за нимъ присмотра, запрещеніе переписки, литературныя его ссоры съ Карамзинымъ и съ нѣкоторыми другими, раздраженіе кн. А. Н. Голицына, сомнительное покровительство графа В. П. Кочубея, въ кабинетѣ коего онъ писалъ разныя смѣлыя бумаги, передаваемыя, безъ его вѣдома, Государю, потомъ, тяжебныя дѣла по имѣнію, умножившія число недруговъ, несчастіе, постигшее сына его Василія въ школѣ подпрапорщиковъ, откуда онъ пошелъ въ Свеаборгъ, вооруженіе противъ себя Общества соревнователей (рушившагося 14 декабря 1825 года), въ которомъ былъ почти общій на него заговоръ за статью объ ученыхъ обществахъ (самой непріятной сцены я самъ былъ свидѣтелемъ въ бурномъ онаго же общества засѣданіи, изъ коего и я тогда вышелъ съ Василіемъ Назарьевичемъ, давно замѣтивъ, что тамъ многіе члены таились отъ непричастныхъ съ чѣмъ-то недобрымъ): всѣ сіи обстоятельства и случаи, и, вѣроятно, многіе мнѣ неизвѣстные или неприходящіе теперь на память, при бѣгломъ семъ воспоминаніи столь давнихъ событій, все это могло сильно потрясти пылкій духъ, горячую голову и раздражительное сердце Василія Назарьевича, какъ бы обреченнаго на борьбу съ самою непріязненною ему судьбою, сперва такъ злобно, такъ предательски ласкавшею и возводившею его выше и выше, чтобъ потомъ сдѣлать ему чувствительнѣе паденіе. Во всѣхъ отно-

шеніяхъ, во всякихъ случаяхъ и обстоятельствахъ, есть, конечно, Наполеоны, шагающіе, какъ бы однимъ скачкомъ, изъ Бріеннской школы, чрезъ престолъ имперіи, за экваторъ, на островъ Св. Елены! И нашъ добрый, умный и даже глубокомысленный Василій Назарьевичъ, если бы ограничилъ себя или на литературномъ, или на ученомъ, или даже на хозяйственномъ полѣ, могъ бы благополучно воздѣлать оное, пожать обильные плоды и подѣлиться ими съ своими соотчичами и съ потомствомъ; но онъ, какъ бабочка, слишкомъ приблизился къ пламени... и опалилъ себѣ крылья, слишкомъ довѣрилъ Двору и забылъ, что тамъ не все говорится, что на душѣ. Когда Александръ, воспитанный Лагарпомъ, въ началѣ царствованія своего, задолго до событій 1812 и 1814 гг., въ юной душѣ своей еще упивался идеями конца XVIII вѣка, Василій Назарьевичъ, самъ не будучи главнымъ, примѣрнымъ помѣщикомъ, вооружился противъ эманципаціи крестьянства и дразнилъ молодое поколѣніе, обожавшее въ своемъ Государѣ сочувствіе съ своими идеями, дразнилъ даже финансовую систему, которая возвращеніе въ казну дворянскихъ имѣній, за каждымъ послѣднимъ стукомъ молотка, неуслышаннымъ помѣщиками, можетъ быть, считала своимъ барышемъ. Говорятъ, что В. Н., будучи сначала близкимъ Государю, огорчилъ его своею альфою и омегою (родъ наставленія, какъ царствовать), вѣроятно, въ тѣхъ же правилахъ, какія В. Н. писалъ для себя и для своего села Анашкина (если не ошибаюсь). Не хотѣлось бы мнѣ такъ заключать, но я зналъ въ Вас. Наз. много подобныхъ симъ аберрацій *). Говорятъ, что Василій Назарьевичъ также что-то непріятное писалъ Государю за границу, по случаю безпокойствъ, вспыхнувшихъ и тотчасъ потухшихъ, въ казармахъ гвардейскаго Семеновскаго полка, за полковника Шварца. Въ этомъ онъ мнѣ никогда не признавался, хотя часто любилъ спорить со мною, если я его хладнокровно убѣждалъ, и иногда заставлялъ соглашаться со мною въ такихъ предметахъ, которые непремѣнно требуютъ долговременной опытности, наипаче въ государственной администраціи, и которыхъ никакъ нельзя рѣшительно судить по одной теоріи, можетъ быть, не у насъ однихъ

*) Д. И. Языковъ разсказывалъ мнѣ еще одну прежнюю нескромность В. Н., бывшую также одною изъ главныхъ причинъ, навлекшихъ на него неблагосклонность Государя. Императоръ Александръ поручилъ ему написать статью по части законодательства, съ тѣмъ, чтобъ до времени не говорилъ объ оной: но В. Н. не утерпѣлъ, прочелъ ее бывшему министру юстиціи, Г. Р. Державину, не предваривъ его, однако, о запрещеніи отъ Государя открыть ее. Державинъ былъ потомъ съ докладомъ у Государя, который завелъ рѣчь о семъ предметѣ и показалъ ему ту статью. Державинъ лишь взглянулъ, то сказалъ, что онъ ее уже читалъ. Удивленный государь спросилъ, когда и у кого? Державинъ отвѣчалъ: „Карамзинъ мнѣ прочелъ ее". Нѣсколько примѣровъ мнѣ извѣстно, какъ строгъ былъ Государь сей за подобную нескромность.

еще долго немогущей явно развиться, когда вся административная практика, не говоря о правительственной, заключена въ кабинетахъ, не только министровъ, но даже въ ихъ департаментахъ. Моя переписка съ Василіемъ Назарьевичемъ, по мѣрѣ сжатія круга отъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, также болѣе и болѣе сжималась и рѣдѣла. Сперва она вознаграждалась частыми нашими бесѣдами при свиданіяхъ, когда онъ, послѣ оставленной имъ службы, раза два пріѣзжалъ сюда, до послѣдняго отъѣзда въ Шлиссельбургъ и потомъ въ Кручикъ. При посѣщеніи имъ Москвы, было еще нѣсколько его отзывовъ; но это уже не въ томъ духѣ и не съ прежними сердечными изліяніями. Сердце его могло, конечно, черствѣть и отъ того въ отношеніи ко мнѣ, что нечѣмъ было болѣе отогрѣвать оное; я также, оставивъ службу, отставалъ даже отъ здѣшнихъ многихъ прежнихъ сверстниковъ и знакомыхъ, оставшихся въ службѣ и далеко меня опередившихъ".

II.

Отрывокъ изъ записокъ Державина.—Открытіе университета въ Харьковѣ.—Попытки эмансипаціи собственныхъ крестьянъ.—Филотехническое общество въ Харьковѣ.

Пѣвецъ Фелицы оставилъ любопытныя сужденія и извѣстія о В. Н. Каразинѣ, въ изданныхъ въ минувшемъ 1859 году въ „Русской Бесѣдѣ" (ч. V), собственноручныхъ „Запискахъ Державина". Подъ отдѣленіемъ VII „Царствованіе Императора Александра" Державинъ говоритъ, вездѣ называя себя въ третьемъ лицѣ. „Едва же пріѣхавъ изъ Москвы, а именно 23-го ноября (1801 г.) ввечеру, Державинъ былъ позванъ чрезъ ѣздоваго къ Государю. Онъ предложилъ ему множество извѣтовъ, отъ разныхъ людей къ нему дошедшихъ, о безпорядкахъ, происходящихъ въ Калужской губерніи, чинимыхъ губернаторомъ Лопухинымъ, приказывая, чтобъ ѣхалъ въ Калугу и открылъ злоупотребленія сіи формально, какъ сенаторъ, сказывая, что нарочно посланными отъ него подъ рукою уже ощупаны всѣ слѣды. Державинъ, прочетши сіи бумаги и увидѣвъ въ нихъ знатныхъ особъ замѣшанными, просилъ Императора, чтобъ онъ избавилъ его отъ сей коммиссіи, что изъ слѣдствія его ничего не выйдетъ и онъ только вновь прибавитъ враговъ. Императоръ съ неудовольствіемъ возразилъ: „Какъ, развѣ ты мнѣ повиноваться не хочешь?" — „Нѣтъ, Ваше Величество, хотя бы мнѣ жизни стоило, правда передъ вами на столѣ семъ будетъ! Только благоволите умѣть ее защищать!" — „Я тебѣ клянусь поступать какъ должно!" — Тогда отдалъ онъ ему извѣты и примолвилъ: „*Еще получишь въ Москвѣ отъ коллежскаго совѣтника*

Каразина. А между тѣмъ, заготовь и принеси ко мнѣ завтра указъ къ себѣ и къ кому должно"...—Державинъ безъ огласки сіе на другой день исполнилъ. 5-го января 1802 г. отправился опъ безъ огласки въ Калугу. Прибылъ въ Москву, гдѣ получилъ отъ упомянутаго Каразина нарочито важныя бумаги, между прочимъ, и подписку, секретно именемъ Государя истребованную отъ калужскаго помѣщика и фабриканта Гончарова, въ томъ, что губернаторъ Лопухинъ у него, Гончарова, выпросилъ сперва заимообразно 30,000 рублей на годъ, далъ ему вексель и послѣ, поѣхавъ будто осматривать губернію, заѣхавъ къ нему въ деревню и придравшись къ слухамъ, что будто у него въ домѣ происходитъ запрещенная карточная игра, грозилъ ему ссылкою въ Сибирь, велѣлъ для допросовъ явиться къ себѣ въ Мосальскъ, а между тѣмъ, черезъ приверженнаго къ себѣ секретаря Гужова, велѣлъ ему сказать, что ежели онъ упомянутый вексель уничтожитъ, онъ слѣдствія производить не прикажетъ. Бѣдный Гончаровъ согласился и отослалъ вексель съ приказчикомъ своимъ въ Калугу. Гончаровъ все сіе, въ помянутой секретной подпискѣ, писанной его собственною рукою, подъ присягой объявилъ Каразину; а сей отдалъ оную въ Москвѣ Державину, какъ равно и другія бумаги, доказывающія преступленія губернатора. Снабженный таковыми отъ Императора и Каразина, пріѣхавъ въ Калугу, остановился въ квартирѣ, Каразинымъ пріисканной, въ домѣ у купца Бородина, градскаго головы".—Началось сперва развѣдываніе городскихъ слуховъ, потомъ слѣдствіе. Открыто тридцать-четыре важныхъ и двѣнадцать неважныхъ дѣлъ. Державинъ послалъ курьера къ Императору, губернаторъ къ друзьямъ-вельможамъ, жалуясь на Державина, будто онъ завелъ у себя тайную канцелярію и въ ней мучитъ людей, въ томъ числѣ самого Гончарова, который въ самомъ дѣлѣ, по непонятному случаю, скоропостижно, отъ апоплексическаго удара, въ кабинетѣ Державина заболѣлъ и, едва вышелъ въ сѣни, умеръ. Онъ испугался, когда Державинъ, показавши ему „секретную его подписку, взятую отъ него Каразинымъ", объявилъ, что желательно было бы, „чтобъ подалъ ему формальное прошеніе съ доказательствами"—„ибо подписка взята у него по секрету, то и непріятно ему такимъ инквизиціоннымъ средствомъ безславить кроткое царствованіе владѣющаго Государя".—Послѣ разныхъ столкновеній, черезъ 6 недѣль Державинъ оставилъ Калугу; пробылъ въ Москвѣ двѣ или три недѣли, и, оставя тамъ доклады Государю, поѣхалъ въ Петербургъ.—Новыя огорченія встрѣтили его тамъ. Но, наконецъ, составленъ независимый комитетъ, и Лопухинъ, преданный суду, обвиненъ во всемъ"...

Оставя извѣстіе о такой близости Каразина къ Императору, Державинъ, коснувшись еще разъ этого человѣка, набрасываетъ на него

тѣнь значительно-темную. По принятому мною способу передачи извѣстій о Каразинѣ, заношу въ точности и этотъ разсказъ Державина, не имѣя возможности ни подтвердить его, ни опровергнуть. Предоставляю это другимъ. Суровый царедворецъ трехъ царствованій, жесткимъ и шероховатымъ своимъ слогомъ безпрестанно жалуясь въ „Запискахъ“ на своихъ враговъ и соперниковъ по службѣ, говоритъ: „Державинъ получилъ довольно небезважное порученіе отъ Императора. Вышеупомянутый Каразинъ, будучи человѣкъ умный и расторопный, хотя, впрочемъ, не весьма завидной честности *), имѣлъ доступъ къ Государю. Онъ показывалъ, въ Москвѣ, къ нему писанные такіе благосклонные или, лучше сказать, дружескіе рескрипты, что могли привести всякаго въ удивленіе довѣренностью къ нему Монарха. Пріобрѣлъ онъ сіе, живучи въ Москвѣ, увѣдомляя его о московскихъ всякаго рода происшествіяхъ, какъ выше явствуетъ, по извѣту безъименныхъ лицъ, къ свѣдѣнію Императора дошедшихъ. Между тѣмъ, какъ производилъ Державинъ, по его развѣдываніямъ, въ Калугѣ слѣдствіе, успѣлъ онъ изъ Москвы, прежде его, пріѣхать въ Петербургъ и тутъ узнать о тяжебномъ важномъ дѣлѣ, находящемся уже въ государственномъ совѣтѣ, между нѣкоторою госпожею *Надаржинскою и Кондратьевымъ*. Сей послѣдній опровергалъ ея бракъ и дочь, внѣ брака зачатую, чѣмъ онъ пріобрѣталъ, послѣ ея мужа, а своего дяди, великое недвижимое и движимое имѣніе, въ Малороссіи находящееся. Разныя были мнѣнія на той и на другой сторонѣ, а сильнѣйшая партія тогдашняго времени, то-есть г. Зубова, была на сторонѣ Кондратьева. Каразинъ, свѣдавъ о семъ дѣлѣ, и хотя онъ прежде былъ на сторонѣ *племянника*, но узнавъ, что вдова имѣетъ дочь, лѣтъ тринадцати, которая, по утвержденіи законности ея рожденія, могла быть богатая невѣста, имѣющая въ приданое болѣе 5,000 душъ, то и вознамѣрился ходатайствовать за нее, съ тѣмъ, чтобы получить ее себѣ въ замужество **). Онъ подольстился къ матери, и хотя черезъ переписку, весьма ласкательную, не получилъ точнаго обѣщанія о полученіи руки ея, но весьма великую надежду, съ тѣмъ, что ежели онъ дѣло ея исходатайствуетъ,—пріобрѣтетъ ея склонность. Въ такомъ намѣреніи успѣлъ онъ внушить Государю, чтобы, ежели дѣло Надаржинской, въ которой онъ, какъ

*) Слухъ, по которому Державинъ такъ рѣзко выразился о Каразинѣ, „Русская Бесѣда“ назвала „неосновательнымъ“. Этотъ упрекъ и мнѣ непонятенъ, тѣмъ болѣе, что въ этихъ дѣлахъ Доржавинъ самъ подалъ голосъ за Каразина.

**) „Русская Бесѣда“ къ этому мѣсту дѣлаетъ примѣчаніе: „Это предположеніе Державина не исполнилось, да и врядъ ли было основательно. Василій Назарьевичъ Каразинъ женатъ былъ на дѣвицѣ Бланкеннагель, родной внукѣ Голикова, собирателя извѣстій о Петрѣ Великомъ“.

въ своей сговоренной невѣстѣ, беретъ участіе, по запутанности и пристрастію членовъ совѣта, поручитъ разсмотрѣнію *г. Лагарпа*, учителя Государя, который былъ тогда въ Петербургѣ, и Державина, какъ людей совѣстныхъ и знающихъ юриспруденцію, то они ему удобнѣе представятъ наилучшее мнѣніе. Императоръ на сіе соизволилъ, и гр. В. А. Зубовъ привезъ Державину, когда онъ совсѣмъ не ожидалъ, сіе дѣло, при запискѣ Каразина, съ высочайшимъ повелѣніемъ, чтобъ онъ представилъ свое мнѣніе хотя одинъ, для того, что Лагарпъ уже уѣхалъ во Францію. Державинъ далъ свое мнѣніе въ пользу сей несчастной сироты. Гр. В. А. Зубовъ, котораго Государь очень любилъ и уважалъ, принесъ-было къ нему заготовленный уже указъ въ пользу Кондратьева, что́ и хотѣлъ Государь подписать и взялъ уже перо; но сей молодой вельможа, хотя интересовался за Кондратьева, но столько былъ благороденъ и *честенъ* *), что, остановя руку его, совѣтовалъ ему потребовать прежде отъ Державина письменнаго заключенія. По поднесеніи Державинымъ подробныхъ объясненій и доказательствъ правости дѣвицы, состоялся указъ въ ея пользу"...

„Записка" сына Каразина прибавляетъ, въ поясненіе важныхъ порученій, возлагавшихся въ первые годы царствованія Императора Александра на В. Н. Каразина: „Разскажу одинъ примѣръ изъ множества слышанныхъ мною. Представлено было однажды на высочайшую конфирмацію одно уголовное дѣло. Братъ убилъ брата, оба были богатые владѣльцы; слѣдствіе длилось очень долго, наконецъ прошло всѣ инстанціи, и результатъ былъ тотъ, что братоубійцу оправдали. Государь, читавшій всегда со вниманіемъ подобнаго рода дѣла, замѣтилъ какое-то обстоятельство, которое показалось ему сомнительнымъ. Онъ призываетъ моего отца и говоритъ: „Поѣзжай на мѣсто и развѣдай все обстоятельно!"—Отецъ мой ѣдетъ и черезъ короткое время привозитъ неоспоримыя доказательства, что преступленіе было вопіющее и покрыто кучею денегъ. Между прочимъ, губернатору дано было 100,000 рублей... Провѣрили факты, и все открылось ясно, какъ день"...

Державинъ почти вполнѣ подтверждаетъ это извѣстіе, слышанное Ф. В. Каразинымъ отъ своего отца. Онъ прямо относитъ его къ событіямъ калужской поѣздки и говоритъ: „Открылись злоупотребленія губернатора въ покровительствѣ смертоубійства, за взятки, помѣщикомъ Хитровымъ брата своего роднаго, за что́ онъ въ подарокъ давалъ губернатору на 75,000 ломбардныхъ билетовъ".—Губернаторъ Лопухинъ, какъ сказано выше, за все это осужденъ и наказанъ.

*) Явное противорѣчіе Державина своему мнѣнію о Каразинѣ.

Заслуги Каразина на пользу Украйны останутся навсегда памятными. И если онъ послѣ навлекъ на себя опрометчивыми письмами и представленіями гнѣвъ правительства, это самое правительство всегда чтило его достойные труды.

Возвращаюсь къ блистательной порѣ, когда тридцатилѣтній пылкій молодой человѣкъ, В. Н. Каразинъ, взялся за основаніе университета въ Харьковѣ.

„Записка“ его сына говоритъ: „Чего стоило ему собрать деньги отъ людей, большая часть которыхъ коснѣла еще въ невѣжествѣ и бѣгала отъ одного имени просвѣщенія! За-то надобно было видѣть, какъ онъ принялся за это дѣло, какъ воспользовался даромъ своимъ говорить и убѣждать людей! Надобно было слышать произнесенную имъ рѣчь въ дворянскомъ собраніи! 25 лѣтъ спустя, одинъ изъ бывшихъ тогда въ собраніи вспомнилъ какъ-то объ этой рѣчи при мнѣ и не могъ безъ слезъ говорить о восторгѣ, произведенномъ юнымъ ораторомъ... Просьбы на колѣняхъ, мольбы со слезами, обѣщанія разныхъ наградъ у правительства,—все было имъ употреблено! Другой, на мѣстѣ его, поѣхалъ бы послѣ этого съ торжествомъ въ столицу, выставилъ бы себя, прокричалъ бы о подвигѣ своемъ во всѣхъ концахъ вселенной, и на него посыпались бы почести, награды! Но онъ скрылъ себя совершенно, выставилъ только другихъ... А участія съ его стороны было столько, что оно положило начало разоренію его имѣнія, которое теперь почти все распродано по частямъ за долги!..“

Наша литература сохранила вѣрныя данныя объ этомъ подвигѣ В. Н. Каразина.

Вотъ они:

Въ напечатанной въ „Молодикѣ на 1844 г.“ любопытной „Копіи съ протоколовъ дворянства и купечества, предъ основаніемъ Имп. харьковскаго университета, 1802 г., сентября 1-го“, за подписью губернскаго предводителя дворянства, слободскихъ-украинскихъ дворянъ и харьковскихъ купцовъ и гражданъ, говорится: „Дворянство, обративъ вниманіе на положеніе своего края, предметомъ своимъ избрало просвѣщеніе и полагаетъ учредить въ губернскомъ городѣ своемъ университетъ. Онъ долженъ имѣть подъ вѣдѣніемъ своимъ двѣ школы для людей низшихъ состояній: школу сельскаго домоводства и ремеслъ, и рукодѣлій. Для положенія основанія сему университету, *слободское украинское дворянство* полагаетъ внести *отъ дворянскихъ имѣній* сей губерніи *400,000 рублей*. Упомянутою суммою признаютъ украинскіе дворяне себя должными государству отъ сего дня, по тѣмъ не ограничатъ ревность свою. Слободское дворянство полагаетъ пригласить къ усугубленію капитала губерніи: Курскую, Орловскую,

Воронежскую, Новороссійскую, Полтавскую и Черниговскую, и къ сему же гражданъ другихъ состояній въ Слободской Украйнѣ, испросивъ на все сіе позволеніе Всемилостивѣйшаго Государя Императора. *На сей конецъ* поручаетъ оно депутату своему, коллежскому совѣтнику Василію Назарьевичу Каразину, въ сходство настоящаго положенія, отъ имени дворянъ, сдѣлать всеподданнѣйшее представленіе". — Въ отдѣльномъ протоколѣ отъ харьковскаго купечества, того же 1802 г., 1-го сентября, говорится: „Видя въ учрежденіи семъ явное благотвореніе городу, яко то: умноженіе его населенности, распространеніе торговъ и промысловъ, необыкновенное приращеніе въ оборотѣ денегъ, гражданство полагаетъ и съ своей стороны: 1) взносить въ пользу университета, въ теченіе десяти лѣтъ, съ капиталомъ по $1^1/_4{}^0/_0$ ежегодно; 2) достаточнѣйшіе отъ купцовъ готовы на частные взносы; 3) просить Его Величество о соизволеніи, чтобъ половина откупной суммы на все послѣдующее время (пожалованная 1783 г. въ пользу горожанъ) предоставлена была въ пользу университета; для того и уполномочиваетъ г. коллежскаго совѣтника Василія Назарьевича Каразина" и т. д. Всего же собрано 618,000 руб. сер.

Эти оба протокола были вызваны пылкою рѣчью В. Н. Каразина, отъ 11-го августа, того же 1802 г., въ собраніи харьковскаго дворянства (тамъ же, стр. 245—250), которую Каразинъ начинаетъ словами: „Благодарность! Она будетъ предметомъ, которымъ я васъ занять осмѣливаюсь, благородное и высокопочтенное собраніе! Она наполняетъ мое сердце! — Таковы мои чувствованія бываютъ каждый разъ, когда удается мнѣ павѣщать благословенные небомъ и землею наши предѣлы. Но сколь возвышены они обстоятельствами нашего времени! Я имѣю счастіе быть возвѣстителемъ воли благодѣтельнѣйшаго изъ Монарховъ... *Мнѣ позволено сказать Его устами, что подвигъ, предпринимаемый нашимъ обществомъ, пріятенъ Ему!* Что Онъ ожидаетъ исполненія нашихъ, донесенныхъ Ему обѣтовъ... Сіе чувствованіе радости и надежды, упоявшее меня уже при посѣщеніи края моего рожденія, угодно было вамъ усугубить благосклоннѣйшимъ пріемомъ, въ первое собраніе, когда представилъ я вамъ *предначертаніе того учрежденія*, коимъ вы хотите украсить свою страну, отличить ее въ пространной Россіи... Вся жизнь моя посвящена будетъ на доказательства въ томъ! Она принадлежитъ моему отечеству, но въ особенности — краю, который былъ отечествомъ для понятій моей юности! Блаженъ уже стократно, ежели случай поставилъ меня въ возможность дѣлать малѣйшее добро любезной моей Украйнѣ. Такъ я смѣю думать, что губернія наша предназначена разлить вокругъ себя чувство изящности и просвѣщенія. Она можетъ быть для Россіи то, что̀ древнія Аѳины для Греціи. Благотворенъ нашъ воз-

духъ; удобенъ прельстить иностранцевъ, которыхъ мы пригласимъ къ себѣ... Я полагалъ, что мы посадимъ мудрость въ судахъ, что купцы прійдутъ почерпать у насъ познанія; что отъ насъ изыдутъ витіи, стихотворцы; что мы умножимъ число врачей... Я смѣлъ еще мечтать, что необыкновенное стеченіе украситъ, распространитъ сей городъ... Простите дерзновеніе мое! Самыя сіи мысли обнаружилъ я и предъ августѣйшимъ Монархомъ! Исполнители его велѣній увѣрили меня, что пріятно ему было назначить Украйну средоточіемъ просвѣщенія... Высокопочтенное собраніе! Неужели обвините вы меня за высокія мысли, которыя отъ юности моей питалъ я о странѣ нашей?.. Представлю ли вамъ, что не столько низокъ въ душѣ, судя по моимъ понятіямъ, по самому политическому моему положенію, чтобъ питать намѣренія личности, внѣ которой я рѣшительно себя поставилъ, при вступленіи моемъ въ общество?.. Отъ васъ зависитъ теперь—оправдать меня, или предать стыду и отчаянію! Здѣсь предстою предъ вами, въ лицѣ вашего друга или преступника!“

„Записка“ сына В. Н. Каразина говоритъ: „Дворянство и купечество поддержали отца моего. Дѣло было сдѣлано по его мыслямъ и мольбамъ. Щедро наградивши дворянъ и купцовъ, Государь захотѣлъ наградить и главнаго виновника всего дѣла. Находился тогда отецъ мой въ Харьковѣ, въ отпуску. Вдругъ его призываетъ губернаторъ и спрашиваетъ: „Какой награды онъ желаетъ?“ „Позвольте подумать!“—отвѣчалъ мой отецъ — и вслѣдъ затѣмъ беретъ тройку, скачетъ въ Петербургъ, тамъ бросается къ ногамъ Государя и умоляетъ не давать ему никакой награды: „да не будетъ сказано, что я дѣлалъ все изъ желанія получить награду!“ Государь его обнялъ... Ф. В. Каразинъ заключаетъ: „Подробности эти отецъ мнѣ передавалъ однажды самъ, тридцать пять лѣтъ спустя, въ минуту особенной откровенности... Лгать ему было не для чего, особенно передъ сыномъ и въ то время!“

В. Н. Каразинъ всегда стремился привить прочное, здравое и практическое воспитаніе къ обществу своей родины.

Я нашелъ слѣдующую любопытную, позднѣйшую его замѣтку о воспитаніи.

Насмѣхаясь надъ французскими гуверперами и домашними учителями своего времени („*Чистая правда*“, стр. 286—288), В. Н. Каразинъ говоритъ, 24-го сентября 1819 года: „Продолжая и здѣсь, въ С.-Петербургѣ, спорить съ женою о преимуществахъ общественнаго воспитанія надъ домашнимъ, я такъ же, какъ и въ деревнѣ, принужденъ сдаться. Скрѣпя сердце, пріискалъ я дѣтямъ учителя француза изъ *лучшихъ*, по часамъ. Является m-r Chevalier de **, и приноситъ son cahier d'Histoire. Вотъ ея начало: „L'Histoire est

le récit des évènements, qui se sont passés dans le monde" (Парижанинъ живъ не хочетъ быть безъ происшествія!) Бѣдный мой Вася, который уже проходилъ г. Кайданова, долженъ былъ его оставить. Со вздохомъ и глубокимъ поклономъ заплатилъ я десять рублей за часъ и отпустилъ m-r Chevalier"...

Представивши, въ 1806 году, въ совѣтъ московскаго университета мысли о новомъ способѣ винокуренія, при которомъ болѣе „сберегалось дровъ" („Описаніе снаряда для гонки вина", стр. 73—74), В. Н. Каразинъ говоритъ: „Съ прошедшаго, 1805 года, основавъ постоянное мое жилище въ краю моего рожденія, Слободско-Украинской губерніи, должно мнѣ было начать съ того, чтобы *пріобрѣсть о ней познанія сколько-нибудь полнѣе тѣхъ, которыя могли мнѣ доставить одни первые годы мои, въ ней проведенные.* При начальномъ взглядѣ на недвижимыя тамошнія имѣнія, мое собственное и другихъ помѣщиковъ, нельзя было не поразиться опустошеніемъ лѣсовъ. Изъ вычисленія оказывается, что болѣе 200 квадратныхъ верстъ лѣса истребляется въ Россіи ежегодно на одно винокуреніе. Эта мысль, съ желаніемъ сберечь мою собственность, заставила меня вникнуть въ сей предметъ".

Извѣстный украинскій писатель Основьяненко, сверстникъ В. Н. Каразина, также свидѣтельствуетъ о его подвигѣ въ основаніи университета.

Въ статьѣ „*Городъ Харьковъ*", безъ подписи автора, въ „Современникѣ" 1840 г. (т. XX), говорится (эта статья напечатана также въ сокращеніи въ „Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ" 1838 года, съ подписью *Квитки*).

„Въ 1802 году, при общемъ собраніи всего дворянства Слободско-Украинской губерніи, по случаю припятія Высочайшей грамоты, пожалованной въ подтвержденіе правъ и привилегій сей губерніи, когда нельзя было не чувствовать общей готовности во всемъ сословіи на патріотическое пожертвованіе, бывшій въ собраніи статскій совѣтникъ и кавалеръ Василій Назаровичъ Каразинъ, помѣщикъ сей губерніи, предложилъ на разсужденіе дворянства *мысль объ учрежденіи университета.* Мысль сія была всѣмъ собраніемъ единодушно принята, и по соображеніи способовъ и надобностей при такомъ учрежденіи, положено: отъ имѣній каждаго помѣщика внести назначаемую часть въ опредѣленный срокъ, что составляло всей суммы „четыреста тысячъ рублей". Дворянство уполномочило Каразина повергнуть къ подножію престола назначеніе свое и испросить утвержденіе на учрежденіе въ Харьковѣ сего высшаго училища. Императоръ Александръ I, „въ уваженіе патріотическаго приношенія слободско-украинскаго дворянства", повелѣлъ учредить въ Харьковѣ университетъ, который и

открытъ 17-го января 1805 года. В. Н. Каразинъ изъ первыхъ признанъ почетнымъ членомъ университета".

А между тѣмъ, какое общество на своей родинѣ засталъ тогда В. Н. Каразинъ? Я опять могу привести по этому соображенію любопытную замѣтку его самого.

Въ своей статьѣ *„Взглядъ на украинскую старину"* („Молодикъ на 1844 г.") В. Н. Каразинъ говоритъ: „Между учителями коллегіума замѣтимъ *Сковороду* и протоіерея *Шванскаго*. Я имѣлъ честь въ моей молодости видѣть сихъ почтенныхъ мужей, которые въ свое время могли бы занять мѣсто между германскими учеными, наиболѣе уважаемыми. *Палицынъ* имѣлъ вкусъ къ архитектурѣ, украсилъ нѣсколько нашихъ городовъ и множество селъ зданіями. Дѣйствуя на богатыхъ помѣщиковъ, въ числѣ которыхъ Шидловскіе и Надаржинскіе были его друзьями, онъ заохотилъ ихъ къ строеніямъ, лучшему расположенію домовъ, украшенію ихъ приличными мебелями, къ заведенію библіотекъ. Ему обязаны мы большею частью началами европейскаго быта на Украйнѣ. Я помню еще, что дома помѣщиковъ, имѣвшихъ отъ 500 до 1,000 душъ, были покрыты тростникомъ; что въ гостиныхъ стояли лавки, покрытыя коврами; что за столомъ служили дѣвки, въ бѣлыхъ сорочкахъ, пестрыхъ исподницахъ и червонныхъ черевичкахъ; что главные паны въ губернскомъ городѣ хаживали по улицамъ, съ музыкой, надвесель... До открытія университета, кто бы подумалъ, что въ Харьковѣ будетъ каменный, весьма благообразный театръ, пять аптекъ, четыре литографіи, двѣ типографіи, могли бы существовать еще двѣ"... Говоря здѣсь, какъ въ старые годы было на Украйнѣ изобиліе во всемъ, онъ прибавляетъ: „Не одинъ подобный примѣръ цитировалъ мнѣ, еще юношѣ, стодвадцатилѣтній однодворецъ *Масалитиновъ*".

Великая была радость В. Н. Каразина, когда, въ 1838 г. (см. его статью: „О цѣлебной водѣ надъ Орелью"), онъ привѣтствовалъ практическіе труды университета, по изученію окреснаго края. Онъ говоритъ такъ: „Grâce à l'Université, рано или поздно мы познакомимся со всѣми природными дарами нашей Украйны, будемъ имѣть и Фавну, и Флору, и полное описаніе минераловъ и водъ полуденныхъ губерній. Я долгомъ почитаю указать гг. ученымъ цѣлебную воду въ имѣніи Константина Константиновича Ковалевскаго. Какъ благодаренъ я приглашенію А. С. Лашкарева, сосѣда этой дачи, осмотрѣть вмѣстѣ любопытныя воды—8-го сентября 1838 года".

Въ самой мысли объ университетѣ онъ шелъ не вровень съ другими. По словамъ „Записки" его сына, сохранившаго всѣ его устные разсказы, „университетъ его былъ не школа, по нѣмецкому образцу устроенная, а всеобъемлющее училище. Съ нимъ соединена была его

давнишняя, любимая мечта освобожденія Греціи; сюда послѣдняя, по его мнѣнію, должна была прислать своихъ сыновъ въ науку. И такимъ образомъ Россія воздала бы наконецъ Греціи за то, что получила отъ нея, за 1,000 лѣтъ назадъ, свѣтъ христіанства и наукъ!". Заношу этотъ отрывокъ изъ разсказа сына, какъ намекъ на юношескія мысли по этому поводу самого В. Н. Каразина.

Вслѣдъ за основаніемъ университета въ родномъ городѣ, куда онъ тутъ же вызвалъ 23 семейства лучшихъ иностранныхъ мастеровъ, типографщиковъ, переплетчиковъ, часовщиковъ, столяровъ, рѣзчиковъ, слесарей, каретниковъ, кузнецовъ и проч. („Записка" сына), В. Н. Каразинъ увлекся другою блистательною мыслію. Онъ составилъ планъ постепеннаго освобожденія двухъ своихъ имѣній *села Кручика*, Харьковской, и *села Анашкина*, Московской губерніи, написалъ уставы эмансипаціи обоихъ имѣній, подписалъ ихъ и ввелъ тутъ же лично въ дѣйствіе на мѣстѣ. Устава перваго имѣнія я нигдѣ не могъ найти, уставъ же второго я нашелъ въ печати; привожу его здѣсь.

Издавая *временный уставъ сельца Анашкина*, съ деревнями („Опытъ сельскаго устава", стр. 1 и 16), В. Н. Каразинъ говоритъ: „Беру смѣлость издать подобный опытъ; поелику я увѣренъ, что взаимное и публичное сообщеніе другъ другу, моей собратіи помѣщиковъ, таковыхъ идей—можетъ наилучшимъ образомъ содѣйствовать къ усугубленію благосостоянія поселянъ, слѣдовательно—и помѣщиковъ самихъ. Сіе маленькое постановленіе исполняется, на самомъ дѣлѣ, Московской губерніи, въ Звенигородскомъ уѣздѣ, въ пятидесяти верстахъ отъ Москвы, гдѣ оно введено для испытанія прежде, нежели можетъ быть данъ поселянамъ уставъ постоянный и подробный, *сеществующій* съ пользою четырнадцать лѣтъ (отъ 1805 года), въ другомъ моемъ имѣніи, которое находится въ Слободско-Украинской губерніи. Издаваемый теперь опытъ есть какъ бы первый шагъ, или вступленіе къ слободско-украинскому уставу, содержащему вполнѣ мои начала. На изданіе сего послѣдняго испрашиваю я особое позволеніе и не умедлю представить его просвѣщенной публикѣ, когда сіи первоначальныя черты вниманія ея удостоены будутъ".

Вотъ главныя черты этого оригинальнаго *устава сельца Анашкина*: Статья I: „Съ поселянъ прежде всего взыскивается, чтобъ они были христіане и вѣрные подданные Царя своего, не по имени только, но самымъ дѣломъ, т.-е. исполняли бы законы Божій и Царскій, любили бы ближнихъ, почитали бы всякое установленное начальство и вносили исправно подати". Ст. 2: „По жительству господъ въ другой губерніи учреждается въ селѣ Анашкинѣ начальникомъ сельскій *староста*. Для совѣта ему назначаются два *выборные*. Послѣдній будетъ завѣдывать все, что̀ принадлежитъ до сельской полиціи, и по сей при-

чинѣ назовется *полицейскимъ*. Всѣ трое вмѣстѣ составляютъ *сельскую думу*". Эти лица, какъ и видно, назначались самимъ владѣльцемъ. Въ примѣчаніи къ ст. 6 устава говорится: „Предполагается, что со временемъ *выборъ* членовъ думы предоставится *самимъ поселянамъ*, отцамъ семействъ". Ст. 3: „На каждаго изъ выборныхъ поселяне могутъ жаловаться въ думѣ; но на старосту или на рѣшенія думы господамъ". Ст. 4: „Сельская анашкинская дума собирается каждую субботу, послѣ обѣда, для учрежденія общественныхъ дѣлъ; можетъ собирать мірскую сходку, подъ предсѣданіемъ приходскаго священника". Ст. 5 „Мірская сходка, безъ повѣщенія думы не можетъ собираться. Она составляется изъ отцовъ семействъ, не обезславленныхъ явно". Ст. 6: „Сельская дума вѣдаетъ всѣ общественныя дѣла, ведетъ о нихъ самую краткую записку и посылаетъ донесеніе (ежемѣсячное) господамъ, кои священникъ мѣтитъ словомъ: вѣрно". Ст. 8: „Дума въ сборахъ дѣлаетъ раскладки". Ст. 9: „На содержаніе думы положено 800 руб." Ст. 11: „Дума должна заниматься исправленіемъ нравовъ поселянъ, т.-е. чтобъ они были благочестивые и честные люди. Для чего она имѣетъ право наказывать, обращая къ исправленію: пьяницъ, непочтительныхъ къ родителямъ, нерадивыхъ о своемъ хозяйствѣ. Наказанія могутъ быть: денежныя пени, работа на общество и тѣлесныя". Ст. 12; „*Тѣлесныя наказанія имѣютъ производиться лозою, а не палкою.* Они даются только за непокорство и лживый поступокъ предъ начальствомъ, отъ одного и до сорока ударовъ, разумѣется, что послѣднее можетъ имѣть мѣсто въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ. На десять ударовъ дѣлается приговоръ думы". Примѣчаніе: „Простой народъ—вездѣ народъ, и воображать руководить его чувствомъ одной чести или страхомъ наказаній, единственно на ней основанныхъ, есть жестоко заблуждаться. А въ тѣхъ земляхъ, гдѣ испытали отмѣнить отеческое наказаніе лозою, видятъ себя принужденными гораздо чаще наказывать лишеніемъ жизни, или продолжительнымъ заключеніемъ въ темницы и желѣзы". Ст. 13: „Кража наказывается взысканіемъ цѣны украденой вещи вдесятеро. Пять долей изъ сего поступаютъ въ общественную сумму, три хозяину, а двѣ доносителю или открывшему кражу". Ст. 15: „Староста есть начальникъ, представляющій господъ". Ст. 18: „На мірской сходкѣ собираются голоса положеніемъ въ двѣ шапки маленькихъ жеребейковъ изъ бѣлыхъ и черныхъ прутиковъ". Ст. 19: „Со стороны господъ отпускается ежегодно въ общественную сумму 500 руб., обязывая думу: учредить *оспопрививаніе* и содержать *надзирателя за больными*, также *училище для малолѣтнихъ поселянъ*, по данному ей наставленію". Ст. 20; „Остатки отъ общественной суммы поручается сельской думѣ раздавать въ заемъ поселянамъ, на годъ, два, четыре и восемь лѣтъ, съ надежными поруками и со взысканіемъ ежегодныхъ

процентовъ въ пользу сей суммы. Сиротскія деньги въ ней же должны быть хранимы и раздачею въ заемъ умножаемы". Ст. 21: „*поселянамъ сельца Анашкина съ деревнями дается слово на всегдашнія времена*: I. Предоставить во владѣніе ихъ всѣ угодья, каковыя въ семъ имѣніи числятся по документамъ, исключая только господскую усадьбу и заповѣдные лѣса. II. За владѣніе сими угодьями взимать съ нихъ оброкъ не выше шести процентовъ съ истинной цѣны имѣнія ежегодно. III. Не продавать изъ нихъ, не отдавать въ рекруты и не брать въ дворовое услуженіе ни одного лица мужескаго или женскаго пола, также не смѣнять членовъ сельской думы, безъ особеннаго на то или другое приговора мірской сходки. IV. Почитать и заставлять почитать собственность всякаго поселянина неприкосновенною. V. Всякій поселянинъ мужескаго пола, желающій быть отъ господъ уволенъ въ казенное званіе, получаетъ отпускную немедленно, когда онъ взнесетъ за себя и за движимую свою собственность цѣну 2,000 дней земледѣльческой работы. А сіи деньги, равно какъ получаемыя при продажѣ, по приговору мірской сходки, и плата за выводъ невѣстъ, поступаютъ не въ число господскихъ доходовъ, но въ общественную сумму сельца Анашкина съ деревнями". Примѣчаніе; „Подлинный подписали помѣщикъ и помѣщица—за себя и за малолѣтнихъ ихъ дѣтей". Еще примѣчаніе, подъ строкой: „Различеніе *собственности* помѣщика отъ *полицейской его власти*, безъ всякаго ослабленія сей послѣдней и именно: въ намѣреніи охранить моральную ея чистоту, составляетъ главнѣйшее въ обоихъ моихъ уставахъ". (*В. Каразинъ*),

Современные практики не разъ улыбнутся, читая эти строки. Но вспомните, господа, что это писалъ человѣкъ молодой, безъ образцовъ и товарищей, по убѣжденію одной своей пылкой головы и любящаго сердца.

Не будучи никогда особенно склоненъ къ изящнымъ искусствамъ, В. Н. Каразинъ, съ 1805 г. сталъ болѣе и болѣе склоняться къ примѣненію естественныхъ наукъ и въ 1811 году приступилъ къ основанію *филотехническаго общества домоводства* въ Харьковѣ.

„Сколько россійскихъ милліоновъ разсыпано, въ суетномъ намѣреніи удивить Парижъ или Лондонъ! Сколько употреблено ихъ на вывозъ изъ Италіи такъ называемыхъ антиковъ или другихъ художественныхъ произведеній!" (Рѣчь въ Обществѣ „Испытателей природы" 1807 г.)—такъ онъ выражался, тоскуя о малопрактичности своихъ сосѣдей и сверстниковъ.

„Помѣщика я разумѣю, говорилъ онъ, наслѣдственнымъ чиновникомъ, которому, или предкамъ его, верховная власть, давъ землю для населенія, чрезъ то ввѣрила попеченіе о людяхъ-поселянахъ. Онъ есть природный покровитель, ихъ гражданскій судья, посредникъ между

ними и высшимъ правительствомъ, ходатай за нихъ, наставникъ во всемъ.

Однимъ словомъ, въ отношеніи къ государству, онъ есть ихъ *генералъ-губернаторъ въ маломъ видѣ*" („О необходимости усилить домоводство", 1813 г.).

III.

Заботы о домоводствѣ и хозяйствѣ Украйны.—Остальная жизнь въ деревнѣ.—Пожаръ дома и библіотеки.—Признательность общества въ 1833 году.—Участіе въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ.—Отъѣздъ въ Крымъ и смерть.

В. Н. Каразинъ продолжалъ свои сношенія съ дѣльными практиками всякаго рода.

„Авторъ съ удовольствіемъ признается, говорилъ онъ, что онъ бо́льшую часть познанія о мѣстныхъ обстоятельствахъ россійской торговли и промышленности почерпнулъ изъ прилежныхъ бесѣдъ съ умными доброжелателями своему отечеству. Особливо долгомъ поставляетъ упомянуть имя калужскаго гражданина, *Дм. Ив. Подкованцева*" („О необходимости усилить домоводство").

Въ деревнѣ онъ не оставлялъ своихъ опытовъ.

„Продолжая, въ 1809 году и далѣе, говоритъ онъ, мои испытанія средствъ облегчить произведеніе селитры, которой умноженіе въ государствѣ было тогда не послѣднимъ предметомъ, я уклонился отъ составленія селитряныхъ буртъ или стѣнъ, вздумалъ употребить пары отъ гнилой винокуренной барды, кои, отъ пропущенія электрическихъ искръ, обращались въ селитряную кислоту. — Я непосредственно за тѣмъ началъ метеорологическія наблюденія, по ночамъ, одинъ, въ моей деревнѣ" („Выписка изъ письма къ В. Г. Муратову").—Эту страсть къ пользамъ отчизны онъ поясняетъ въ другомъ мѣстѣ: „Да будетъ мнѣ позволено въ благодарномъ сердца изліяніи помѣстить имена Ивана Петровича Шульца и Христіана Ивановича Фирлинга, одного германца, другого родомъ изъ Страсбурга, но прямого римлянина по чувствамъ, которые оба, не родившись въ Россіи, любили ее чистосердечно, и меня научили *прежде всего* любить ее. Ихъ давно уже нѣтъ на свѣтѣ!.. Они были содержателями пансіоновъ: первый въ Харьковѣ, другой въ Кременчугѣ между 1780—1790 годами" („Рѣчь о любви къ отечеству").—Враги, между прочимъ, не покидали его и въ деревнѣ.

„Легко доказать", говоритъ В. Н. Каразинъ, при одномъ случаѣ, въ оправданіе себя отъ упрековъ, что въ нѣкоторыхъ своихъ статьяхъ и онъ, по духу времени, употребляетъ тексты св. писанія, „что въ

1801, 1802 и 1811 годахъ я употреблялъ тексты, гораздо прежде многихъ, ибо я люблю прекрасный славянскій языкъ, и какъ литераторъ, и какъ добрый христіанинъ" („Рѣчь о любви къ отечеству").

Привожу письмо Каразина, писанное 1802 года, мая 2-го, въ Харьковъ къ одному духовному лицу *). Оно въ высшей степени интересно, какъ отголосокъ той минуты, когда въ умахъ здѣшняго общества зарождалась первая мысль о созданіи того университета, которымъ Харьковская губернія и ея общество теперь такъ сознательно гордятся:

Мая 2 д. 1802 г. „Здравствуйте душевно-чтимый, любезнѣйшій отецъ Василій!

„Совѣщуся, что не бесѣдовалъ съ вами такъ давно; въ полной мѣрѣ чувствую мою вину, но въ то же время я за нее и наказанъ вашимъ безмолвіемъ.

„Прекращая оное съ моей стороны, при случаѣ представленія вамъ искренняго пріятеля моего, Моисея Григорьевича Ушинскаго, скажу вамъ, моему почтенному другу, что я ему далъ важное порученіе. Будьте ему подпорою и совѣтомъ; вы, по самымъ свойствамъ вашимъ, которыя напослѣдокъ имѣютъ должную цѣну свою, можете много. Признаюсь охотно, что на васъ у меня величайшая надежда. Не представляю вамъ далѣе никакихъ побужденій, вы другъ добра и о добрѣ идетъ дѣло.

„Не знаю, въ какомъ положеніи у васъ теперь важный предметъ общественнаго воспитанія. Что значатъ, напримѣръ, по существу своему казенныя училища и народное? соединены-ли они съ первымъ и на какомъ основаніи хотятъ располагать кадетскій предварительный корпусъ? Сдѣлано ли уже съ сей стороны представленіе, куда слѣдуетъ, что получено въ отвѣтъ, какой составленъ планъ, какая предположена собраться сумма, и сколько ея собрано?—все это мнѣ несовершенно извѣстно. Но, бывъ удостоенъ, вскорѣ по возвращеніи своемъ въ Петербургъ, бесѣды добраго Государя, осмѣлился я сказать ему идею о заведеніи въ Харьковѣ университета, который былъ бы образованъ лучше московскаго и достоинъ бы называться средоточіемъ просвѣщенія полуденной Россіи. Идея моя принята съ благоволѣніемъ, и я принялся уже было за начертанія плана къ нему, въ которомъ величайшее пособіе могу я здѣсь заимствовать отъ нѣсколькихъ любящихъ меня добрыхъ людей, какъ другія упражненія отвлекли меня. Я сто разъ собирался писать къ вамъ, но ожидалъ свѣдѣній о но-

*) По мнѣнію В. М. Черняева — извѣстный по одной исторіи священникъ Оотіевъ. Это письмо передано въ харьковскую университетскую библіотеку профессоромъ И. Ф Ловаковскимъ.

выхъ кадетскихъ корпусахъ, которыя мнѣ обѣщали доставить, ожидалъ также и рѣшительнаго случая, который я предвидѣлъ.

„Теперь настигъ сей случай, занимающій меня самымъ пріятнымъ образомъ, именно: угодно было Всемилостивѣйшему Государю учредить особый комитетъ для разсмотрѣнія уставовъ двухъ академій и московскаго университета; въ семъ комитетѣ съ членами, тайными совѣтниками Муравьевымъ и графомъ Потоцкимъ, и академикомъ Фусомъ, разсудилъ Его И—е Величество поручить мнѣ письмоводство. Къ намъ вступило множество бумагъ, содержащихъ планы и соображенія разнаго рода по симъ заведеніямъ. Между прочимъ, нашли мы, что еще въ 1786 году покойная Государыня Императрица имѣла намѣреніе учредить въ Россіи на первый случай три университета, и на сей конецъ поднесенъ ей былъ превосходный и сообразный мѣстнымъ свѣдѣніямъ государства и народному характеру прожектъ. Можно воспользоваться имъ и еще усовершить со стороны, о которой тогдашнія обстоятельства думать не позволяли. Сія мысль заняла всю мою душу, и я ожидаю только согласія общества дворянъ, чтобъ дѣйствовать. Не для чего распространяться описывать пользу сего учрежденія и славу, которая отъ сего для нашей отчизны Украйны проистекти имѣетъ. Вы далѣе моего все сіе видите, и можете другимъ представить съ тою убѣдительностію, которая вамъ свойственна. Скажу только, что издержекъ—была-бъ на самое дѣло благая воля – бояться нечего. Онѣ будутъ весьма непримѣтны. Ежели дворянство, положивъ собрать 200 тысячъ рублей, то-есть по одному рублю съ души помѣщичьей, пригласитъ къ тому городскихъ жителей разныхъ состояній, хотя по малому количеству, или если часть винныхъ городскихъ доходовъ и другихъ общественныхъ суммъ на сіе обратится, то составится съ избыткомъ сумма на ежегодное содержаніе университета процентами. Я говорю *положивъ* собрать, ибо скапливать вдругъ никакой суммы не надобно. Довольно, если каждый обяжется пристойнымъ залогомъ взносить ежегодные проценты съ причитающейся ему на часть суммы. Сіе будетъ весьма легко. На предварительныя-жъ издержки и заведеніе обязываюсь я испросить должныя дворянству казною 70 тысячъ рублей, а можетъ быть, и сверхъ того, какъ удостовѣренъ я въ участіи, какое Геній Россіи беретъ во всемъ, что до блага его подданныхъ касается. При университетѣ можно учредить и богословскій факультетъ по примѣру иностранныхъ, котораго вамъ первымъ богословомъ быть прилично. Сердце радуется, представляя вліяніе, какое произведетъ сіе учрежденіе на край нашъ во всѣхъ отношеніяхъ,—моральныхъ, физическихъ и политическихъ. Харьковъ процвѣтетъ въ самое короткое время и будетъ имѣть честь доставлять просвѣщеннѣйшихъ сыновъ отечеству, которые во всѣ состоянія

разольютъ пользу, счастіе и ту дѣятельность духа, которая творитъ прямыхъ гражданъ.

„Прежде нежели доставлю вамъ подробный планъ, скажу вамъ нѣкоторыя черты онаго, сколько позволяетъ короткое время и мои нынѣшнія занятія, сверхъ чаянія собственными дѣлами умножившіяся на сихъ дняхъ.

„1) Народное училище полагаю я оставить совершенно на томъ основаніи, какое въ уставѣ 1786 года положено, прибавивъ только классъ латинскаго языка для тѣхъ, которые готовить себя будутъ въ университетъ изъ дворянъ и разночинцевъ. Другой не надобно гимназіи.

„2) Въ университетѣ должны быть четыре факультета: философскій, юридическій, медицинскій и богословскій.

„3) Потребные профессора должны быть выписаны, не жалѣя издержекъ, изъ лучшихъ краевъ, чрезъ посредство одного извѣстнаго мнѣ профессора здѣшняго, который возьметъ на себя поѣздку въ Германію.

„4) Полное число студентовъ будемъ мы всегда имѣть изъ нашей и другихъ сосѣдственныхъ губернскихъ семинарій. Латинскій языкъ послужитъ способомъ преподаванія, и онъ самъ собою усовершится отъ частаго употребленія и возвышенной словесности, которой классъ ввести надобно.

„5) Въ новыхъ и обширныхъ зданіяхъ ни малѣйшей нѣтъ нужды. Можно изобрѣсть средства размѣстить университетъ со всѣми къ нему принадлежащими людьми за двадцать или тридцать тысячъ рублей.

„6) Иностранцевъ, полагаю я, приманитъ къ намъ сколько климатъ и изобиліе, подобіе представляющее ихъ отечества, столько жизненныя выгоды и обезпечиваніе ихъ состоянія, по прошествіи извѣстнаго числа лѣтъ и ихъ семействъ, по смерти ихъ посвятившихъ себя сему званію. Уваженіе доставитъ имъ чины, которые по новому уставу присвояются каждому члену университета и прочихъ училищъ, безъ всякаго посторонняго представленія.

„7) Въ семъ учрежденіи не будетъ никакихъ раздѣленій, отъ состояній или богатства зависящихъ. Каждый студентъ будетъ равенъ другому, кто бы ни былъ его отецъ. Одни таланты и прилежаніе доставятъ преимущество; сіи только свойства, при выпускѣ въ аттестатахъ обнаруженныя, доставятъ чинъ, по мѣрѣ достоинства, но не менѣе 14 класса и до 12-го. Сіе равенство родитъ соревнованіе и произведетъ рано или поздно въ общемъ понятіи равенство состоянія, недостатокъ котораго есть причиною, что духовенство ни мало неуважено (какъ вы въ прекрасныхъ своихъ бумагахъ примѣтили). Однако, вы сами видите необходимость сохранить сіе въ тайнѣ до произведенія въ дѣйство. Такимъ образомъ, видя одинакое уваженіе, присвоенное тому или другому классу людей, одинакія выгоды по

мѣрѣ лишь услугъ, оказанныхъ обществу, дворяне безъ разбору будутъ поступать въ духовенство и бѣдные изъ нихъ не возгнушаются принять на себя почтеннаго званія наставника, или прославлять край рожденія своего изящными художествами.

„Вотъ главныя черты сего плана, который я готовлю, и если увижу, что дворянство уполномочитъ меня сдѣлать формальное представленіе Монарху, постараюсь, чтобы онъ былъ Высочайше конфирмованъ, и пріѣду для личныхъ и мѣстныхъ распоряженій въ теченіе настоящаго же лѣта.

„Обнимите патріотическимъ вашимъ духомъ все, что я пропустилъ въ семъ бѣгломъ начертаніи, и согрѣйте мои идеи жаромъ вашего сердца. Вы можете прежде всего побесѣдовать съ Василіемъ Михайловичемъ и Григоріемъ Романовичемъ *). Я буду писать къ нимъ съ первою почтою, а можетъ быть, еще и теперь успѣю.

„Ваши мысли сообщены моему Благотворителю, который будетъ (Богъ свидѣтель глубокой моей въ томъ увѣренности!) Благотворителемъ своего отечества; вы, кажется мнѣ, получите Его собственный отзывъ.

„Продолжайте мыслить такъ ангельски, какъ вы мыслите, и будьте дѣятельны и тверды, лучшіе люди въ государствѣ почтутъ за честь быть съ вами въ связи: камергеръ Витовтовъ получилъ-было порученіе отъ Г. **) вызвать васъ для своей части, которая, чаю по газетамъ, вамъ извѣстна, но я удержалъ это до свиданія нашего.

„Простите! съ живѣйшими чувствованіями преданности и почитанія обнимаетъ васъ вѣрно-усердный слуга, В. Каразинъ“. — Описаніе открытія харьковскаго университета найдено мною въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, въ особомъ Прибавленіи, № 13, 1805 года, во вторникъ, въ статьѣ: „Порядокъ, какимъ образомъ происходило открытіе Имп. харьковскаго университета, послѣдовавшее сего 1805 г. генваря 17 дня“, стр. 128—130, 8 столбцовъ. Открытіе произошло при губернаторѣ Ив. Ив. Бахтинѣ; преосвященный Христофоръ Сулима говорилъ слово, равно какъ и соборный протоіерей Андрей Прокоповичъ. Ихъ рѣчи и рѣчь и латинская попечителя С. О. Потоцкаго приложены къ этой статьѣ 1805 г. Объ открытіи университета важнѣйшихъ особъ въ городѣ повѣщали церемоніймейстеры изъ адъюнктовъ, а разныя части города—особый чиновникъ отъ городской полиціи, съ пристойнымъ сопровожденіемъ.

Сѣтуя впослѣдствіи на М. П. Погодина за непомѣщеніе одной статьи его объ углѣ, до того времени помѣщенной уже въ другомъ

*) Г. Р. Шидловскій.

**) Т.-е. Государя Александра I.

мѣстѣ, В. Н. Каразинъ, 24-го мая 1842 г., писалъ къ нему: „Кто знаетъ, напримѣръ, скажу вамъ, что живущій нынѣ, хотя уже въ гробъ заглядывающій старикъ, далъ идею и выполнилъ ее на полустопѣ бумаги, своею рукою *объ отдѣльномъ министерствѣ народнаго просвѣщенія*, которое нигдѣ въ Европѣ не существовало? Насилу проговорили гдѣ-то въ журналѣ, что онъ-де подалъ мысль къ основанію такого-то университета. И только-то! Кто знаетъ, что тотъ же старикъ бился, какъ рыба объ ледъ, домогаясь возсоединенiи уніатовъ, которое совершилось, спустя больше тридцати лѣтъ?—Кто знаетъ, что онъ же, въ 1805 году еще, учредилъ у себя постановленіе, точь-въ-точь такое, на каковое вызываетъ теперь указъ 1842 года 2-го апрѣля? Что онъ изобрѣлъ давно и въ началѣ 1838 года напечаталъ о карболеинѣ, присвоенномъ другимъ въ 1839 или 40 годахъ? Что онъ для царскаго дворца предлагалъ отапливаніе или, справедливѣе сказать, нагрѣваніе водяными парами, заключенными въ трубкахъ, которое теперь произведено въ Берлинѣ, въ тамошней библіотекѣ?.. Право, скучно и писать, не только жить въ этомъ мірѣ! Да и листокъ къ концу. Сберегаете ли вы письма друзей вашихъ? Такъ хоть для потомства? Прощайте!“—Къ этому письму, посмертному, М. П. Погодинъ сдѣлалъ примѣчаніе: Думалъ ли Каразинъ, что это письмо такъ скоро сдѣлается матеріаломъ для его біографіи?“—(„Москвитянинъ“, 1843 г. № 2-й).—Съ 1811 года, какъ я сказалъ, онъ занялся новымъ дѣломъ.

Издавая „*Предначертаніе правилъ филотехническаго общества*“, В. Н. Каразинъ говоритъ о бѣдности домоводства и хозяйства нашихъ южныхъ губерній, гдѣ—„поля обрабатываются скудно, хижины напоминаютъ времена первобытныя, куда съ сѣвера выписываются прививки и садовники, гдѣ грязныя винокурни, дымомъ ослѣпляющія глаза работниковъ и пожравшія немилостиво большую часть прекрасныхъ лѣсовъ нашихъ, подобныя же имъ селитроварни сутъ единственныя наши фабрики“—и прибавляетъ: *Пора нарушить нашу сладкую дремоту!! Очевидно уже становится, что доходы, основанные на хозяйствѣ нашихъ предковъ, недостаточны для удовлетворенія день ото дня возрастающихъ нашихъ издержекъ!*“ И далѣе: „Уже о-сю пору есть селенія (въ Украйнѣ), имѣющія не болѣе двухъ десятинъ пахати на каждую душу мужескаго пола“. Онъ заключаетъ: „Почтите меня вниманіемъ такъ, какъ вѣрнаго сочлена, который *въ свое время*, ознаменовалъ себя приверженностью къ вашей славѣ и вашимъ пользамъ, не взирая на то, что самое событіе не во всѣхъ частяхъ согласовалось съ его предположеніями“.—Самый уставъ новаго общества говоритъ такъ: Въ § 1: „Филотехническое общество будетъ имѣть предметомъ—распространять и усовершать всѣ вѣтви досужества и

домоводства въ полуденномъ краѣ Россійской Имперіи. Кругъ дѣйствія его составятъ губерніи: Екатеринославская, Харьковская, Таврическая, Полтавская, Черниговская, Слободско-Украинская и Воронежская. А средоточіе и мѣсто собраній общества—городъ Харьковъ". § 2: „Для вступленія въ (неопредѣленное) число членовъ не требуется ничего болѣе, какъ помѣстье въ показанной выше окружности и отзывъ о желаніи". § 3: „Предметомъ его будутъ не умозрѣнія и разсужденія, *но дѣйствіе:* то оно можетъ обойтись безъ президента. Никто не будетъ носитъ сего имени. Однако, во время съѣзда членовъ, они изберутъ предсѣдающаго на то время". § 4: „Съѣздовъ можетъ быть два каждый годъ, именно—въ крещенскую и успенскую ярмарки". § 5: „Общество будетъ стараться имѣть образцовыя заведенія". § 6: „Заведенія должны приносить очевидный доходъ". § 9: „Членъ, распоряжающійся образцовыми заведеніями, имѣетъ называться *правителемъ дѣлъ филотехническаго общества*". § 12: „Всякій изъ членовъ, прибывъ въ помѣстье правителя дѣлъ, имѣетъ право требовать отъ него сообщенія книгъ (для исторической записки происходящвго въ образцовыхъ заведеніяхъ и для веденія счетовъ, составленныхъ имъ)". § 14: „Общество, въ первые годы, не издаетъ никакихъ журналовъ, такъ какъ цѣль его—не умствованіе о сихъ заведеніяхъ, но усовершеніе ихъ". § 15: „Сумма для заведеній составится отъ взносовъ членовъ. Сей взносъ, при вступленіи, не можетъ быть менѣе ста рублей ассигнаціями. Правитель дѣлъ, при полученіи ихъ, за своимъ подписаніемъ выдастъ росписку въ видѣ акціи". § 16: „Каждая акція филотехническаго общества приноситъ въ годъ шесть процентовъ *по крайней мѣрѣ*, которые и выдаются въ Харьковѣ, въ теченіе успенской ярмарки". § 19: „Въ обезпеченіе всей вступающей отъ членовъ суммы и платежа съ оной процентовъ, правитель дѣлъ общества обязанъ ему представить изъ имѣнія своего достаточный залогъ, на первый случай не менѣе 10,000 руб. асс. Залогъ сдѣлается оффиціальною выдачею закладной въ слободско-украинской палатѣ гражданскихъ дѣлъ на имя трехъ членовъ, по выбору первоначальныхъ членовъ". § 21: „Всякій членъ имѣетъ право избирать изъ заведеній то, которое наиболѣе прилично его мнѣнію и ему угодно. Правитель дѣлъ обязанъ пещись, чтобы таковое заведеніе было устроено въ помѣстьѣ того члена". § 23: „Въ случаѣ смерти правителя дѣлъ, наслѣдники его обязаны выплатить обществу всѣ акціи, съ приходящими на нихъ процентами" („Мысли объ учрежденіи филотехническаго общества", стр. 3—25).

Въ письмѣ Григор. Ром. Шидловскаго къ А. Ѳ. Квиткѣ, отъ 27-го ноября 1810 г., напечатанномъ при брошюрѣ В. Н. Каразина, „Мысли о учрежд. филот. общества" сказано: „Василій Назарьевичъ Каразинъ, конечно, говорилъ съ вами о намѣреніи своемъ—сообщить селитря-

нымъ заводчикамъ изъ слободско-украинскаго дворянства новый способъ готовить селитру. Желая въ семъ удостовѣриться, его превосходительство Осипъ Ив. Хорватъ и я просили Василія Назарьевича сдѣлать хотя маленькій опытъ въ нашихъ глазахъ, напримѣръ, у меня, *въ селѣ Мерчикѣ*, какъ въ мѣстѣ, сосѣдственномъ съ его жилищемъ. Г. изобрѣтатель сначала находилъ свои затрудненія, говоря, что опытъ таковой немедленно откроетъ всю его тайну, съ которою сопряжены его выгоды, *но напослѣдокъ рѣшился, оставя въ сторонѣ предполагаемое имъ производство селитры...* Сего 1810 года, іюля 28-го дня, при селитряныхъ моихъ буртахъ въ Мерчикѣ, въ присутствіи моемъ были сдѣланы опыты. Въ первыхъ числахъ сего ноября выщелочена вторая пробная куча. „Лугъ“ (щелочь селитряная) всего двѣнадцать ушатовъ, въ запечатанной бочкѣ, при нарочно отряженномъ отъ меня человѣкѣ, отправленъ въ село Кручикъ (Каразина), дабы оный тамъ выварить въ лабораторіи Василія Назарьевича, на его снарядѣ“. — Письмо кончается полнымъ торжествомъ для изобрѣтателя. Г. Шидловскій вполнѣ подтверждаетъ истину и пользу его изобрѣтенія (стр. 26—32).

Въ 1811 году, какъ видно изъ „Извѣстія о фил. общ.“ отъ 16-го августа 1811 г., В. Н. Каразинъ продолжалъ заниматься улучшеніемъ и упрощеніемъ селитроваренія, винокуренія, кожевеннаго производства, сушенія плодовъ по новому имъ придуманному способу „теплотою водяныхъ паровъ“, сушенія „червца“, т.-е. кошенили, приготовленія плодовыхъ наливокъ и водянокъ, вишневаго спирта (киршвассеръ), опытами надъ красильными травами („матерника“) и минералами.

Въ 1818 году, В. Н. Каразинъ, какъ говоритъ его „Отчетъ фил. общества за 1818 годъ“ — занимался: выращиваніемъ у себя иностранныхъ „житъ“ — „китайской пшеницы“ — „испанскаго ячменя“, — опытами унавоженія своихъ полей (небывалаго въ степяхъ), причемъ за свидѣтельствомъ богодуховскаго исправника, г. Ковальчинскаго, представилъ доказательства, что унавоженныя полосы степной земли дали пшеницы *двумя третями* болѣе противъ неунавоженныхъ. Также занимался проектами новыхъ „хлѣбныхъ хранилищъ“, „поваго изобрѣтеннаго имъ *украинскаго овина*, для сушки сноповъ“, „клуни къ овину“, „усовершеннаго имъ китайскаго молотильнаго катка“ и опытомъ, въ собраніи общества, надъ приготовленными въ Англіи, обошедшими вкругъ свѣта и сваренными въ Харьковѣ „*мясными консервами*“. В. Н. Каразинъ тогда же горячо взялся за дѣло, которому въ 1857 году было суждено осуществиться въ обществѣ „*Сельскій хозяинъ*“ въ Ростовѣ и Таганрогѣ. Вотъ любопытный отчетъ Каразина объ этомъ опытѣ, помѣщенный подъ строкой, въ примѣчаніи, къ „Отчету фил. общ. за 1818 годъ“ на стр. 18—20-й: — „Оба

ящика были открыты передъ собраніемъ, которое прежде ихъ осмотрѣло по наружности. Оба они сдѣланы изъ англійской жести, на подобіе прежнихъ пудряныхъ жестянокъ, и не только совершеннѣйше запаяны, но, сверхъ того, покрыты лакомъ. На меньшемъ была наклеена надпись по-англійски: 14. Febr. 1815. Boiled Beef, from Messer Donkin Hall et Cambeefort Place, Bermondsey lane № 30 Lombard-Street. London.—Бо́льшій ящикъ, съ телятиною, чрезвычайно пострадалъ на почтѣ; но, къ счастію, и въ измятыхъ мѣстахъ не оказалось никакихъ скважинъ: рѣшительный опытъ и торжество англійскаго мастерства надъ небрежностью русскихъ почталіоновъ! Признаюсь, что я ему еще болѣе удивлялся, нежели самому сохраненію мяса. Когда присутствующіе увѣрились, что ящики не въ Харьковѣ приготовлены,—жестяникъ Торшинскій (единственный въ здѣшнемъ краѣ) вскрылъ ящикъ съ говядиною. Она была выложена на блюдо, и, къ общему удивленію, найдена совершенно свѣжею, вареною, сытною, жирною и вкусною, частью мяса, которому подобное рѣдко встрѣчается на столахъ, снабжаемыхъ отъ нашихъ мясниковъ. Всѣ, въ томъ числѣ дамы весьма разборчиваго вкуса, кушали сію *четырехгодовалую говядину* съ удовольствіемъ. — И въ самомъ дѣлѣ, куски говядины этой совершили два пути вокругъ земного шара, т.-е. изъ Кронштадскаго въ Камчатскій Петропавловскій портъ и обратно; два раза пересѣкли экваторъ, прошли почти всѣ климаты и, побывавъ близъ острововъ Канарскихъ, на берегахъ Бразиліи, въ моряхъ Китая, Японіи и Камчатки, между Азіею и Америкою, возвратились въ Европу; наконецъ, изъ С.-Петербурга, на перекладныхъ телѣгахъ, достигли Харькова и села Кручика". — Его мысли находили отголосокъ въ другихъ, и осуществлялись. Онъ считалъ себя ограбленнымъ и негодовалъ...

Говоря, что англичане въ 1842 г. 9-го апрѣля объявили, какъ о новомъ изобрѣтеніи, о движеніи, непосредственно, парами судна, безъ машинъ, и что онъ это зналъ уже въ 1809 г., В. Н. Каразинъ, между прочимъ, прибавляетъ („О новомъ открытіи въ Англіи"):—„Когда въ первые годы моей сельской жизни, *начиная съ 1805 года*, я занялся опытами парового винокуренія,—какъ первый воспитанникъ химіи и естественныхъ наукъ, попавшихъ въ нашу Украйну, по страсти къ нимъ изъ дѣтства, я былъ и остался весьма плохимъ хозяиномъ. Переходя отъ одного предмета къ другому, я любилъ изслѣдовать причины явленій, дѣлать опыты, не имѣя въ виду экономическихъ результатовъ: они бы отвлекли меня отъ науки. Мысль, что пары, при внезапномъ охлажденіи, могутъ служить движущею силою, занимала меня долго. Я велѣлъ строить лодку. Лодка не была еще кончена, какъ я, по обстоятельствамъ, долженъ былъ оставить сельскія занятія,

ѣхать въ Москву и въ Петербургъ. Мысль моя затмилась тысячею другихъ и, наконецъ, изгладилась изъ памяти.—Я же столько лѣтъ указываю на воздушное электричество. Это было изложено въ 1817 г. въ „Сынѣ Отечества“, и предложено въ 1818 г. одному знаменитому ученому обществу. Оно осталось до сихъ поръ безъ всякаго отзыва“.

Домоводство и сельское хозяйство, въ обширномъ смыслѣ, не оставляли его силъ и стремленій ни на минуту.

Говоря о необходимости лѣсоразведенія въ Украйнѣ, В. Н. Каразинъ упоминаетъ („О лѣсоводствѣ“), что это нетрудно: „Умершій зміевскій помѣщикъ, Иванъ Яковлевичъ Данилевскій, оставилъ своимъ дѣтямъ до семи сотъ десятинъ бора, которымъ онъ покрылъ сыпучіе нѣкогда пески, и многія изъ сосенъ уже строевыя деревья о сю пору. Данилевскій, по ходатайству гражданскаго губернатора Бахтина, былъ награжденъ за это орденомъ св. Владиміра“. Говоря объ англійской конторѣ Буза, изъ которой можно было выписывать всякія сѣмена черезъ харьковскую контору, онъ прибавляетъ: „Я лично берусь за труды выписки, если угодно, равно какъ и за доставку прутьевъ канадской тополи“...

Снова затѣявши мысль о торгѣ съ чужими краями нашимъ спиртомъ, В. Н. Каразинъ объявляетъ („О торгѣ спиртомъ“): „Большой тутъ премудрости не надо! скажу я съ Дмитріевымъ. Слишкомъ за годъ началась уже переписка съ чужестранными негоціантами по сему предмету. Заводъ почти готовъ. Составимъ общество для опыта, назначивъ акцію во сто рублей асс.—Есть на-лицо четыре члена, которые будутъ ожидать извѣщенія отъ желающихъ въ харьковскую справочную контору“.

До послѣднихъ дней жизни онъ былъ вѣренъ своимъ мыслямъ первой молодости. Въ 1840 г. В. Н. Каразинъ предлагалъ устроить общество на двадцати акціяхъ, по 25 р. асс. каждая, для опытовъ въ харьковскихъ лабораторіяхъ надъ „превращеніями древесныхъ веществъ въ питательныя“.

Тогда же, въ 1840 г., въ статьѣ „О значеніи Харькова для полуденной Россіи“ онъ предлагалъ „возстановить филотехническое общество“, закрывшееся съ 1818 года, и говорилъ: „Тогда пойдутъ изъ южныхъ губерній въ чужіе края: крупичатая мука, крахмалъ, солодило или діастазъ, алкоголь-спиртъ, сухіе бульоны, макароны, коровье масло, масло постное, свѣчи, эссенціи травъ, ягодъ, лѣкарственныхъ растеній, масло шпанскихъ мухъ, мыла, кожи, красильныя вещества, цикорный кофе, нашатырь, сода, деготь, скипидаръ и прочее“, „все въ концентратахъ“.

Говоря о бальзамированіи „пирогономъ“ животныхъ тѣлъ, В. Н. Каразинъ (въ статьѣ „О жженіи угля“) въ 1841 г. говоритъ: „Я

подарилъ знаменитому г. Гумбольдту, въ его проѣздъ чрезъ Москву, огромную жабу, приготовленную симъ образомъ, которую съ перваго взгляда можно было почесть за живую". И прибавляетъ: „Случилось мнѣ добыть вещество въ кристаллахъ, которое профессоръ Сухомлиновъ почелъ подходящимъ еще ближе къ алмазу. Я имѣю о семъ его собственноручную записку, представленную имъ г. попечителю Е. В. К. Это было въ январѣ или февралѣ 1823 года, слѣдовательно, нѣсколькими годами ранѣе опытовъ алмазотворенія гг. Каніаръ-Латура и Гапналя („1829 г."). Надобно кончить благодарностью г. верховажскому купцу Александру Ивановичу Персикову, котораго любопытству и вызову „Коммерческой Газеты" я обязанъ за поводъ написать эту статью. Но вмѣстѣ съ тѣмъ я публично принесу ему и просьбу о сдѣланіи хотя небольшого опыта *дегтярнаго заведенія*".

Каждая бойкая мысль о приложеніи научныхъ открытій къ дѣлу тотчасъ у В. Н. Каразина находила самое исполненіе. Онъ ни на минуту не задумывался, хлопоталъ, суетился, предлагалъ затѣянное дѣло обществу, тратилъ на него, между тѣмъ, собственныя деньги, не видѣлъ этому сочувствія, огорчался и хандрилъ...

Очень часто В. Н. Каразинъ, какъ я уже и выше говорилъ, въ самые первые годы своей дѣятельности, терпѣлъ замѣчательныя неудачи и, со всею простотою труженника, объявлялъ о нихъ печатно. Такъ, въ „Отчетѣ" за 1813 г. филотехническаго общества онъ говоритъ: „Я въ январѣ, вслѣдствіе отчета моего за 1812 годъ, избравъ коммиссіонеромъ общества помѣщика Полтавской губерніи, Зѣньковскаго повѣта, г. воинскаго товарища *Жадька*, отправилъ съ нимъ въ армію образцы питательной вытяжки (родъ сухого бульона), алкоголя (наикрѣпчайшій очищенный спиртъ) и другихъ подобныхъ припасовъ, которые бы могли съ выгодою быть доставляемы на самыя отдаленныя разстоянія. Сколько поставки *въ натурѣ* затруднительны, доказываетъ, что четверть сухарей въ декабрѣ 1812 года изъ нѣкоторыхъ губерній до Вильны обошлась въ 200 рублей. Сей коммиссіонеръ былъ адресованъ къ его свѣтлости князю М. Л. Кутузову-Смоленскому. Безчисленныя затрудненія, встрѣченныя имъ на пути, и между тѣмъ побѣдоносное движеніе россійскихъ войскъ во внутренности Германіи сдѣлали то, что онъ могъ представиться полководцу лишь въ первыхъ числахъ апрѣля. 16-го числа трудная болѣзнь пресѣкла его жизнь. Но и въ разслабленіи, сей истинный сынъ отечества обратилъ вниманіе на нашу посылку, удостоилъ нашего коммиссіонера приглашеніемъ къ столу штата своего, на все то время, которое нужно-бъ было прожить ему до полученія рѣшительнаго отвѣта, и наконецъ, примѣтя, что силы его вмѣстѣ съ жизнію погасаютъ, препроводилъ г. Жадька къ начальнику генеральнаго штаба

арміи, *кн. П. М. Волконскому*, при своемъ отношеніи. Между тѣмъ, достопочтенный нашъ сочленъ, графъ А. А. Аракчеевъ и П. П. Коновницынъ сдѣлали все возможное для успѣха его порученія, послѣдній—даже не взирая на мучительную рану, которая удерживала его въ постели неподвижно... *Но... по необъяснимому стеченію обстоятельствъ, которое я долженъ приписать единственно несчастію г. Жадька, онъ, въ продолженіи шестинедѣльнаго труднаго слѣдованія за арміею, по Саксоніи, не получилъ отъ начальника генеральнаго штаба никакого отвѣта.* И напослѣдокъ, единственно щедротами вышепоименованнаго нашего сочлена, одолженный способами къ возвращенію изъ столь дальняго пути, привезъ мнѣ *обратно*... записки о предметѣ его посылки.—Въ сей запискѣ было представлено пособіе къ продовольствію войскъ за-границею доставленіемъ имъ изъ Россіи, въ видѣ вытяжекъ, сухихъ экстрактовъ, не только хлѣба, мяса, вина, но даже и отечественныхъ *щей*, всего за такія цѣны, за которыя ихъ въ Германіи отнюдь не можно имѣть! Это былъ не проектъ, но рѣшительное предложеніе... Мы увѣрены, что всякое сердце, любящее русскаго солдата, раздѣлитъ съ нимъ безмолвныя чувствованія о худомъ нашемъ успѣхѣ!“ - (Это онъ издалъ, бывши, по его словамъ, „довольно времени въ Москвѣ“ по дѣламъ своего семейства).

Почти безвыѣздно живя въ деревнѣ, с. Кручикѣ, близъ Богодухова, В. Н. Каразинъ продолжалъ заниматься химіею и опытами всякаго рода; много читалъ, выписывалъ-кучу журналовъ и слѣдилъ за погодой, стараясь найти законы метеорологіи.

Онъ въ это время развелъ обширный садъ; пересадилъ въ свои поля, для тѣни на межахъ, множество дикихъ деревъ изъ лѣса и продолжалъ улучшать свое хозяйство, которое, впрочемъ, отъ большихъ затратъ на опыты всякаго рода не давало достаточныхъ доходовъ для его жизни... Между прочимъ, онъ усердно занимался личнымъ наблюденіемъ за воспитаніемъ собственныхъ дѣтей и самъ ихъ училъ. *Въ 1824 году* онъ былъ избранъ заочно въ совѣстные судьи въ Харьковъ, но не былъ утвержденъ въ этомъ званіи, такъ же какъ въ *1828 г. 27-го сентября*—въ предсѣдатели палаты уголовнаго суда, въ полномъ собраніи дворянства губерніи.

По словамъ „Записки“ сына, В. Н. Каразинъ удостоился счастія составлять и особаго рода *журналъ* для императрицы Маріи Ѳеодоровны, писанный весь его рукою и небывшій въ печати, „въ которомъ помѣщались, въ видѣ разныхъ аллегорическихъ разсказовъ, мысли его о воспитаніи дѣтей“.

Думая о воспитаніи другихъ, онъ заботился о воспитаніи собственнаго своего семейства. Г. Н. Геннади передалъ мнѣ неизданное

слѣдующее письмо его отъ *1825 года 18-го мая*, изъ села Кручика, къ неизвѣстному журналисту.

„Милостивый государь мой! Простительно отцу ходатайствовать въ пользу сына, даже и въ такомъ случаѣ и отношеніи, когда о самомъ себѣ ходатайство было неприлично. Любители просвѣщенія, кто бы они ни были, какъ бы ни раздѣляли ихъ мѣстное разстояніе и другія земныя обстоятельства, хотя бы они другъ другу совсѣмъ незнакомы были, должны быть готовы на взаимныя услуги. Имѣя одну цѣль и бывъ великой монархіи свѣта и истины сограждане, житель Новой Голландіи можетъ относиться о содѣйствіи смѣло въ Москву или въ Парижъ... На сихъ основаніяхъ прошу я васъ, въ журналѣ вашемъ, обратить вниманіе публики на издаваемый теперь трудъ моего старшаго и любезнѣйшаго сына, который слушаетъ лекціи въ харьковскомъ университетѣ. Дабы вы могли надлежащимъ образомъ судить о семъ сочиненіи, беру я смѣлость приложить первые отпечатанные уже листы и корректурный листъ таблицъ, за неимѣненіемъ другаго здѣсь въ деревнѣ. Вы можете сказать свои о „*Иліодометрѣ*“ мысли. Пишущій къ вамъ любилъ всегда святую истину, и за все никогда не сердился. „Иліодометръ“ составитъ книжку въ 300—350 стр. Иные думали, что это кіевскій календарчикъ“...

Здѣсь идетъ дѣло о книгѣ его сына, Василія, подъ именемъ: „*Иліодометръ. для повѣрки часовъ, или показатель времени восхожденія и захожденія солнца во всѣ дни года*, подъ 48 параллелями, отъ 40 до 69 степени сѣверной широты. *Издалъ Василій Каразинъ.* 2 части. Харьковъ, въ унив. типогр. 1825 г. въ 8 д. л.“—Въ смирдинскомъ каталогѣ подъ № 4095 эта книга ошибочно приписана В. Н. Каразину. Этого же его сына въ „*Украинскомъ журналѣ*“ 1824 года, №№ 23 и 24, стр. 238 - 253, помѣщена статья „*О лунѣ*“. Въ примѣчаніи къ ней сказано: Изъ Astronomie de l'amateur, par G. Hirzel, 1820 г. Переводъ студента физико-математическаго отдѣленія, Василія Каразина“.

Въ 1836 году В. Н. Каразинъ зимовалъ въ Харьковѣ. Его зять, докторъ И. Севцилло, поѣхалъ изъ города къ нему въ деревню, нашелъ деревенскій домъ нетопленнымъ и велѣлъ его протопить. Неловкіе слуги, по словамъ Ф. В. Каразина, затопили разомъ во всѣхъ печахъ. Зять хозяина деревни пошелъ по хозяйству, воротился, увидѣлъ домъ, объятый пламенемъ, и такъ потерялся, что вмѣсто того, чтобы спасать его, велѣлъ запрягать лошадей, сѣлъ и уѣхалъ...“ *).

*) Село Кручикъ досталось теперь по покупкѣ отца, по наслѣдству, двумъ дочерямъ этого зятя В. Н. Каразина, Ол. Ив., П. Ив. Севцило, въ замужествѣ г-жѣ Мягкиной и г-жѣ Зимборской.—Село Анашкино, близъ Москвы, досталось сыну владѣльца

Въ этомъ роковомъ пожарѣ сгорѣла вся замѣчательная библіотека В. Н. Каразина, всѣ автографы и рѣдкія рукописи, и до 5,000 томовъ книгъ разнаго названія. Потеря замѣчательная, которую онъ тщетно оплакивалъ остальную свою жизнь *).

Отъ пожара библіотеки и дома уцѣлѣли, однако, семь томовъ собственноручныхъ записокъ и копій съ *„Писемъ В. Н. Каразина“ —съ 1821 по 1842 годъ*. Это число показываетъ, какъ обширны были мемуары за остальные годы жизни В. Н. Каразина!

Живя въ деревнѣ, онъ велъ громадную переписку, писалъ въ годъ до 1,200 писемъ. У него остались письма С. О. Потоцкаго, М. М. Сперанскаго, В. П. Кочубея и др., съ 1802 по 1825 г. И что замѣчательно, въ то время, какъ онъ писалъ, рядомъ съ нимъ сидѣлъ его грамотный слуга и тутъ же копировалъ его письма. Одно время списывалъ слуга его Яковъ Котенко. Послѣднимъ списывателемъ его писемъ былъ его крѣпостной человѣкъ *Ѳедоръ Минжеренко*, послѣ приказчикъ с. Кручика (со словъ Ф. В. Каразина).

Хозяйственныя дѣла В. Н. Каразина шли, между тѣмъ, хуже и хуже. Я досталъ любопытныя копіи съ оффиціальныхъ писемъ университетскаго и городскаго харьковскихъ обществъ, по случаю помощи, оказанной ими въ 1833 году В. Н. Каразину, когда послѣдняго готовили объявить несостоятельнымъ. Вотъ онѣ:

1) Письмо *Вл. Филатьева*, попечителя харьковскаго учебнаго округа, къ предсѣдателю гражданской палаты, *Я. И. Кашинцеву, отъ 1833 г., 12-го января*.

„Милостивый государь, Яковъ Ивановичъ! Господа профессоры и преподаватели въ Императорскомъ харьковскомъ университетѣ, узнавъ, что Василію Назарьевичу Каразину слѣдуетъ внести въ харьковскую гражданскую палату, въ возвратъ графу Подгоричани, пошлинныхъ 2,384 рубля, коихъ онъ, по стѣсненному своему положенію, въ назначенный срокъ представить не можетъ,—не могли остаться въ равнодушномъ бездѣйствіи при семъ столь близкомъ для насъ обстоятельствѣ; но, движимые сердечною благодарностью и уваженіемъ къ г. Каразину, какъ первому, единственному виновнику основанія здѣсь университета, въ которомъ большая часть изъ нихъ получили образованіе свое, въ которомъ вмѣстѣ съ симъ открыто имъ завидное поприще передавать образованіе молодымъ людямъ и тѣмъ принести

Ник. В. Каразину, дочь котораго, внука В. Н. Каразина, Нат. Николаевна, была въ замужествѣ за князь. Назаровымъ, нынѣ за г. Гундіусъ.

*) Въ это время мнѣ было шесть лѣтъ, и я помню, въ зимній бурный вечеръ, худаго сѣдаго старичка, который заѣхалъ на хуторъ моего отца и плакалъ, разсказывая о пожарѣ... Это былъ В. Н. Каразинъ.

усердную дань благоговѣнія согражданамъ своимъ и отечеству, просятъ меня взнесть въ помощь г. Каразину собранную ими сумму.

„Съ полнымъ чувствомъ сердечнаго удовольствія раздѣляя стремленіе душевной признательности гг. членовъ университета къ г. Каразину, я честь имѣю препроводить при семъ, чрезъ г. проректора Кронеберга, 1,280 р. къ вамъ, какъ къ предсѣдателю палаты, для взнесенія оной куда слѣдуетъ.—*Вл. Филатьевъ*“.

2) Письмо харьковскаго городскаго головы *Антона Матузка, отъ 1833 года, 17-го января*, къ тому же лицу:

„М. г. Яковъ Ивановичъ! Увѣдомился я, — статскій совѣтникъ Василій Назарьевичъ Каразинъ имѣетъ въ слободско-украинской гражданской палатѣ дѣло; по окончанію онаго потребна сумма 1,200 руб. Желая предупредить его въ доставленіи сей суммы, по желанію моему и гражданъ, кои въ полной мѣрѣ чувствуютъ труды и предстательства г. В. Н. Каразина предъ престоломъ блаженной и вѣчнодостойной памяти покойнаго всеавгустѣйшаго Монарха Александра I, объ учрежденіи въ г. Харьковѣ университета, который распространилъ свои учебныя отрасли; чрезъ сіе самое г. Харьковъ улучшилъ свое положеніе, а торговый классъ возвысилъ свое состояніе; сей малый знакъ истинной признательности покорнѣйше васъ, м. г., прошу оную сумму 1,200 р. асс. принять и употребить по дѣлу вышеписанному.—*Антонъ Матузокъ*“.

Съ 1838 года основались въ Харьковѣ „Губернскія Вѣдомости“. В. Н. Каразинъ принялъ въ нихъ участіе и, съ 1838 по 1842 годъ, помѣстилъ въ нихъ рядъ статей о нуждахъ края и о своихъ любимыхъ занятіяхъ.

Въ 1842 году В. Н. Каразинъ уѣхалъ въ Крымъ, гдѣ задумалъ указать нѣсколько улучшеній въ принятомъ тамъ, довольно грубомъ, способѣ винодѣлія. Онъ ѣздилъ тамъ на перекладной, простудился въ туманную, дождливую погоду и, пробывши на заводахъ въ Никитскомъ саду, близъ Ялты, съ сентября по октябрь, прибылъ уже больной въ Николаевъ, гдѣ служилъ при знаменитомъ Лазаревѣ сынъ его, Ф. В. Каразинъ.

Въ концѣ ноября въ Одессѣ получено было печальное извѣстіе изъ *Николаева*, что тамъ, 4-го ноября 1842 г., въ восемь часовъ пополудни, въ домѣ генерала Кумани, отъ горячки, скончался *Василій Назарьевичъ Каразинъ*...

17-го января 1865 г. исполнилось 60-ти-лѣтіе со времени открытія харьковскаго университета. На обѣдѣ у ректора университета, В. А. Кочетова, между присутствовавшими возникла рѣчь о постановкѣ памятника В. Н. Каразину въ Харьковѣ, на площадкѣ университетской горки, на подобіе того, какъ Одесса имѣетъ у себя памятникъ

Дюку де-Ришельё, основателю ея лицея, и объ объявленіи преміи за біографію В. Н. Каразина, со стороны харьковскаго университета. Въ 1873 году въ Харьковѣ праздновалось столѣтіе дня рожденія В. Н. Каразина и послѣдовало Высочайшее соизволеніе на общую подписку для постановки ему въ Харьковѣ памятника.

1860 г.

IV.

Григорій Ѳедоровичъ Квитка-Основьяненко.

(1778—1843 г.).

Родословная Г. Ѳ. Квитки. — Его дѣтство. — Служба военная и гражданская. — Поступленіе въ монастырь.—Возвращеніе къ свѣтской жизни.—Литературные труды.—Музыкальныя и театральныя занятія.—Милиція.—Танцовальный клубъ.—Харьковскій театръ.—М. С. Щепкинъ.—Женитьба и семейная жизнь.—Харьковскіе журналы.—Участіе въ „Вѣстникѣ Европы“.—Литературная извѣстность.—Успѣхъ „Малороссійскихъ повѣстей“.—Участіе въ „Современникѣ“ и „Отечественныхъ Запискахъ“.—Знакомство съ Жуковскимъ и Гребенкой.—Болѣзнь и смерть Основьяненка.

I.

Григорій Ѳедоровичъ Квитка родился въ 1778 году, 18-го ноября. Мѣсторожденіе его—подгородное харьковское село *Основа*, принадлежавшее издавна фамиліи Донецъ-Захаржевскихъ, а потомъ перешедшее во владѣніе фамиліи Квитокъ. Отъ имени этого села, о которомъ я скажу подробнѣе въ своемъ мѣстѣ, произошелъ (въ 1834 году, впервые) псевдонимъ *Основьяненко*.

Родъ Квитокъ—одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ въ исторіи Слободской Украйны. Основьяненко, въ своей статьѣ о Харьковѣ и его исторіи, выводитъ его нѣсколько романтически изъ Приднѣпровской Украйны, заставляя маленькаго героя-сироту, красиваго, какъ цвѣточекъ, по-малороссійски *квитка*, послѣ долгихъ похожденій, попасть на берега трехъ степныхъ рѣчекъ, гдѣ въ то время возникалъ городокъ Харьковъ.

Въ лѣтописяхъ слободскихъ полковъ имя Квитокъ встрѣчается впервые около 1666 года. Въ 1703 году полковникомъ Харьковскаго полка былъ *Григорій Семеновичъ Квитка*, прадѣдъ нашего писателя, который неусыпно заботился объ укрѣпленіи Харькова отъ набѣговъ татаръ, строилъ въ немъ новыя зданія, помѣщалъ толпы переселенцевъ, которые тогда стекались подъ знамена слободскихъ полковъ.

Сынъ этого харьковскаго полковника, *Иванъ Григорьевичъ Квитка*, дѣдъ писателя, въ 1743 году, 22-го ноября, граматою Императрицы

Елисаветы Петровны, посланною на его имя въ Изюмскій Слободскій полкъ, пожалованъ въ званіе полковника этого полка.

Изюмскій полковникъ Иванъ Григорьевичъ Квитка скончался въ 1751 году, 14-го февраля. Сынъ его, *Ѳедоръ Ивановичъ Квитка*, былъ отцомъ Григорія Ѳедоровича Квитки-Основьяненко.

У Ѳедора Ивановича Квитки и жены его, Марьи Васильевны Шидловской, очень образованной, но гордой, самолюбивой и суровой женщины, были еще другія дѣти. Старшій сынъ, *Андрей Ѳедоровичъ*, былъ до конца жизни, въ теченіе двухъ царствованій, Александра I и Николая, въ числѣ первыхъ харьковскихъ общественныхъ дѣятелей, такъ какъ около двадцати-пяти лѣтъ сряду онъ былъ по выбору губернскимъ предводителемъ харьковскаго дворянства. Въ окрестностяхъ и въ городѣ иначе его не называли, какъ „Андрей Ѳедоровичъ“, и всякъ уже зналъ при этомъ имени, о комъ идетъ рѣчь. Онъ принималъ въ Основѣ Императора Александра; смоляныя бочки горѣли на всемъ разстояніи дороги отъ Харькова до Основы. Императоръ, войдя въ великолѣпный домъ Основы, съ оранжереями, богатою мебелью, огромными зеркалами и мраморными статуями, спросилъ съ улыбкой: *Не во дворцѣ ли я?* Три сестры Квитки, по замужествѣ, были: *Марья Ѳедоровна Зарудная*, въ домѣ которой, на Екатеринославской улицѣ, противъ Дмитріевской церкви, невдалекѣ отъ нынѣшней станціи Азовской, Полтавской и Курской желѣзныхъ дорогъ, впослѣдствіи жилъ Квитка-Основьяненко, *Елизавета Ѳедоровна Смирницкая* и *Прасковья Ѳедоровна Булавинская*. Отецъ Основьяненка скоро умеръ; мать еще жила въ началѣ двадцатыхъ годовъ. Братъ его, Андрей Ѳедоровичъ, скончался вскорѣ по смерти Григорія Ѳедоровича (1843 года). Послѣдній съ первыхъ дней жизни оказался ребенкомъ тощимъ и слабымъ. Скоро показались въ немъ признаки сильной золотухи. Эта болѣзнь такъ развилась въ малюткѣ, что онъ потерялъ зрѣніе и до пятилѣтняго возраста оставался слѣпымъ. Исцѣленіе его произошло во время поѣздки его съ матерью въ сосѣдній Озерянскій монастырь на богомолье. Этотъ случай оставилъ глубокіе слѣды въ душѣ ребенка и впослѣдствіи, вмѣстѣ съ другими событіями, въ особенности же вслѣдствіе семейныхъ примѣровъ, вызвалъ довольно замѣчательное событіе въ жизни Основьяненка, именно, поступленіе его, на двадцать-третьемъ году, въ монастырь.

Харьковъ, обстроенный при Императрицѣ Екатеринѣ II-й, представлялъ общество совершенно-патріархальное, въ духѣ старосвѣтскихъ украинскихъ преданій. Университетъ еще не былъ открытъ. О литературѣ не было и помину. Помѣщики сосѣднихъ и дальнихъ деревень пріѣзжали въ губернскій городъ на торги и на ярмарки запасаться привозными съ сѣвера и юга товарами; другіе ѣздили по дѣламъ

службы, или по тяжебнымъ дѣламъ, которыхъ было въ то время, по словамъ Нарѣжнаго, *безъ числа.* Высшее ученое мѣсто въ Харьковѣ былъ „Духовный Коллегіумъ“, имѣвшій очень ограниченный кругъ дѣйствія. Въ Харьковѣ и окрестныхъ уѣздахъ, незадолго до рожденія Г. Ѳ. Квитки, появилось лицо, которому было суждено оставить глубокій слѣдъ въ умахъ современниковъ. Это былъ оригинальный и причудливый философъ, которому я посвятилъ отдѣльную статью. По его духовнымъ наставленіямъ, многіе возлагали на себя монастырскій обѣтъ.

Сковорода появлялся во многихъ домахъ въ Харьковѣ. Онъ бывалъ, между прочимъ, и въ домѣ *Квитокъ.* Молва о Сковородѣ затронула мысли ребенка. Двѣнадцати лѣтъ уже онъ открыто пожелалъ оставить свѣтъ для монастырскихъ стѣнъ. Въ семейной жизни Квитокъ были также преданія, способствовавшія этому направленію. Въ книгѣ: *Историко-статистическое описаніе харьковской епархіи, Москва, 1852 года* (на стр. 11-й), сдѣлана выписка изъ „Фамильной лѣтописи Квитокъ“, гдѣ говорится, что сестра извѣстнаго *Іосафа Горленкова,* бѣлгородскаго епископа, въ прошломъ вѣкѣ, была замужемъ за дѣдомъ Основьяненка, изюмскимъ полковникомъ Иваномъ Григорьевичемъ Квиткою. Изъ этой же выписки, между прочимъ, видно, какъ горячо любилъ своихъ родственниковъ этотъ высоко-чтимый окрестными жителями епископъ. Здѣсь упоминается, что онъ *стоялъ на Основѣ,* съ іюня по августъ 1851 года. На Основьяненко имѣлъ сильное вліяніе еще другой примѣръ: посвященіе въ монашескій санъ друга его отца, артиллеріи поручика *Бѣлевцова,* бывшаго, подъ именемъ Палладія, настоятелемъ Курскаго монастыря. Но главный примѣръ былъ пребываніе въ монастырѣ роднаго его дяди, іеродіакона Наркиза, бывшаго потомъ настоятелемъ Куряжскаго монастыря, куда поступилъ и Основьяненко.

Такіе преданія и примѣры наполняли жизнь тихой семьи въ Основѣ, когда ребенокъ, исцѣленный отъ разстройства зрѣнія, на пятилѣтнемъ возрастѣ сталъ присматриваться и прислушиваться къ окружающему. Жизнь его текла невесело. Учился онъ кое-какъ, или почти совсѣмъ не учился. Объ этомъ онъ говоритъ въ любопытномъ, неизданномъ письмѣ къ П. А. Плетневу, отъ 15-го марта 1839 года, изъ Основы, слѣдующее: „Я и родился въ то время, когда образованіе не шло далеко, да и мѣсто не доставляло къ тому удобствъ; притомъ же, болѣзни съ дѣтства, желаніе не быть въ свѣтѣ, а быть можетъ, и безпечность, и лѣность, свойственныя тогдашнему возрасту, — все это было причиною, что я не радѣлъ о будущемъ и уклонился даже отъ того, что̀ было подъ рукою и чему могъ бы научиться. Выучась ставить каракульки, я положилъ, что умѣя и такъ писать, для меня довольно; въ дальнѣйшія премудрости

не пускался и о именительныхъ, родительныхъ и прочихъ, какъ-то: о глаголахъ, междометіяхъ,—не могъ слышать терпѣливо! Съ таковыми познаніями писатели „не бываютъ“. Молодость, страсти, обстоятельства, служба заставляли писать; но какъ? Я въ это не входилъ. *Еже писахъ, писахъ!..*“

Склонный къ молитвѣ и уединенію, Основьяненко на двѣнадцатомъ году изъявилъ непремѣнное желаніе поступить въ монастырь. Однакожъ, до четырнадцатилѣтняго возраста, по неотступной просьбѣ отца и матери, оставался въ домѣ родителей, въ Основѣ. По совѣту врачей, для укрѣпленія здоровья и разсѣянія, онъ былъ опредѣленъ, въ 1794 году, 11-го декабря, вахмистромъ въ лейбъ-гвардіи конный полкъ, но уже черезъ годъ, 1795 года, по слабости здоровья (а можетъ быть, и по особымъ соображеніямъ родныхъ малороссійскаго барченка, выросшаго подъ теплымъ родительскимъ кровомъ), онъ перечислился въ гражданскую службу, гдѣ и состоялъ, по 13 октября 1796 года, *не у дѣлъ*, при департаментѣ герольдіи. Надъ этимъ онъ впослѣдствіи самъ трунилъ, придумавъ для одного изъ своихъ псевдонимовъ подпись: *Аверьянъ Любопытный, состоящій не у дѣлъ коллежскій протоколистъ, имѣющій хожденіе по тяжебнымъ дѣламъ и по денежнымъ взысканіямъ.* Шестнадцати лѣтъ онъ снова перешелъ въ военную службу и опредѣлился ротмистромъ въ сѣверскій карабинерный полкъ. Указомъ императора Павла I, отъ 5 января 1795 года, онъ опредѣленъ въ харьковскій кирасирскій полкъ, уже въ чинѣ ротмистра, причемъ также велѣно ему явиться въ этотъ полкъ къ сроку. Это было въ 1797 году. Жизнь дома, среди воспоминаній печальнаго и болѣзненнаго дѣтства, опять возъимѣла на него сильное вліяніе. Примѣры семейства и тогдашняго времени увлекли его душу, и безъ того настроенную къ уединенію. Онъ достигъ желанной цѣли и на двадцать-третьемъ году, послѣ женитьбы старшаго брата, поступилъ въ *Куряжскій монастырь* послушникомъ, гдѣ и оставался, съ промежутками (когда переселялся гостить въ Основу), около четырехъ лѣтъ.

Старожилы харьковскіе до сихъ поръ помнятъ, какъ Основьяненко, въ черномъ, смиренномъ нарядѣ, ѣздилъ, стоя на запяткахъ, за каретою преосвященнаго. Срокъ испытанія прошелъ; но какъ ни желалъ молодой послушникъ остаться въ монастырѣ, какъ онъ ни боролся съ просьбами отца и матери, здоровье не позволяло ему принять постриженіе, и онъ возвратился въ домъ родителей. Основьяненко, стянувшій грудь свою ремнемъ послушника и отростившій бороду, въ самомъ разгарѣ юности и страстей, не могъ долго противиться просьбамъ отца. Отецъ его началъ видимо ослабѣвать и близиться къ гробу. Основьяненко, слѣдуя его убѣжденіямъ, снова отдалъ свои силы свѣту, трудамъ и заботамъ на пользу ближнихъ, на пользу родины и родной литературы.

Подъ конецъ своего пребыванія въ монастырѣ, онъ бралъ на себя самыя трудныя работы: ходилъ, между прочимъ, за монастырскими лошадьми, а лошадей онъ боялся всю жизнь. Силы постоянно измѣняли ему. Однажды онъ повезъ на парѣ воловъ продавать въ Харьковъ сдѣланныя на монастырскомъ рабочемъ дворѣ бочки. Была осень, и страшная грязь наполняла харьковскія улицы. На рыночной площади возъ покачнулся и засѣлъ по оси въ грязь. Напрасно Основьяненко хлопоталъ надъ нимъ; мальчишки сбѣжались кругомъ, узнали молодаго человѣка и стали кричать: „Квитка, Квитка!..“ Онъ махнулъ рукою, бросилъ возъ на улицѣ и возвратился на Основу. Съ той поры онъ уже не думалъ объ удаленіи отъ свѣта. Но впечатлѣнія долгой жизни въ монастырѣ, въ прекрасной, живописной мѣстности, въ уединеніи и молитвѣ, остались надолго въ душѣ Основьяненка и всю жизнь отзывались въ лучшихъ его сочиненіяхъ. Сюда относятся бо̀льшая часть элегическихъ повѣстей Основьяненка, гдѣ добрыя, свѣжія, полныя любви личности его простонародныхъ героевъ и героинь согрѣты этою простодушною, прямою религіозностью,—каковы его знаменитыя повѣсти: *Маруся, Божія дѣти, Сердечная Оксана и Ганнуся*. Кромѣ отдѣльныхъ мѣстъ въ повѣстяхъ, у него есть и статьи чисто церковно-историческаго содержанія, каковы: *Краткое содержаніе жизни преосвященнаго Іосафа Бѣлгородскаго*, и разсказъ: *О святой мученицѣ Александрѣ-царицѣ*.

По выходѣ изъ монастыря, Основьяненко мало-по-малу опять приглядѣлся къ свѣту. Сперва, впрочемъ, онъ собою во многомъ напоминалъ отшельника: ходилъ въ Основѣ съ церковными ключами, благовѣстилъ къ обѣднѣ по праздникамъ и бо̀льшую часть времени проводилъ въ молитвѣ. До конца жизни въ его комнатѣ стоялъ аналой съ молитвенникомъ и постоянно теплилась лампадка. Здоровье его совершенно поправилось. Онъ окрѣпъ и,—хотя вскорѣ, приготовляя домашній фейерверкъ, отъ взрыва пороха, опалилъ себѣ лицо и глаза, отчего остался на всю жизнь съ синеватыми пятнами на лбу и потерялъ лѣвый глазъ,—началъ появляться въ обществѣ, котораго въ началѣ, по возвращеніи въ свѣтъ, дичился. Играя на флейтѣ, онъ просиживалъ тогда по цѣлымъ ночамъ въ тѣни сада, въ Основѣ.

Наконецъ молодость взяла свое. Врожденная его землякамъ веселость явилась и въ немъ. Это двойственное направленіе образовало въ немъ смѣсь наивнаго и веселаго комизма съ строгою, высокорелигіозною нравственностью. Онъ недолго оставался праздным. Въ промежуткахъ 1804 и 1806 года, онъ занимался музыкою и игралъ у себя на домашнемъ театрѣ, причемъ обыкновенно выбиралъ себѣ роли самыя веселыя и трудныя. Раздавшаяся вѣсть о народномъ ополченіи окончательно вызвала его изъ бездѣйствія; онъ тогда уже

подвергся сатирѣ одного бойкаго пересмѣшника, кольнувшаго его за непостоянство характера довольно злою эпиграммою. Въ 1806 году онъ снова, и уже въ послѣдній разъ, опредѣлился въ военную службу, по провіантской коммиссіи, въ милицію Харьковской губерніи, и оставался здѣсь годъ. Въ 1807 году онъ вышелъ въ отставку.

II.

Харьковъ въ это время совершенно преобразился. Причиною тому было основаніе высшаго учебнаго заведенія, которое оживило и освѣтило цѣлый край. Въ 1805 году, 18-го января, въ Харьковѣ открытъ университетъ. Были въ Харьковѣ еще частные пансіоны. Всѣ они были заведены прусскими или французскими эмигрантами и только доставляли способъ наживаться учредителямъ. А теперь сыновья помѣщиковъ, послѣ долгихъ домашнихъ проводовъ и домашнихъ слезъ, стали снаряжаться въ дорогу и наполнили мало-по-малу харьковскія аудиторіи. Какъ студенты, такъ и профессора надѣвали мундиры только въ большіе праздники. На лекціи являлись въ чемъ попало. Желтые фраки и синія брюки, голубые сюртуки и чудовищные жилеты, фуражки необыкновенныхъ цвѣтовъ и размѣровъ, палки и трубки въ карманахъ,—все это являлось въ аудиторіи.

Съ первыхъ же годовъ университетъ обогатился замѣчательными профессорами, которые положили основаніе литературной дѣятельности въ Харьковѣ изданіемъ разомъ нѣсколькихъ журналовъ и газеты, при университетской типографіи, заведеннной Каразинымъ, гдѣ потомъ печатались почти всѣ малороссійскія книги. Въ этихъ журналахъ участвовали всѣ писавшіе тогда профессора. Тутъ же явился впервые и Основьяненко, подъ собственнымъ именемъ Квитки.

Харьковское начальство старалось исподволь доставить городу развлеченія. Былъ заведенъ „дворянскій клубъ“ въ домѣ Черкесова, потомъ въ домѣ Заруднаго. Его содержатель, бывшій фехтовальный учитель при университетѣ, Ле-Дюкъ, одинъ изъ наполеоновскихъ гвардейцевъ 1812 года, бился изъ всѣхъ силъ о поддержаніи веселостей этого собранія. Танцовали тутъ до упаду, и главную роль въ экоссезахъ, полонезахъ и à la grecque играла студенческая молодежь. Здѣсь же началъ появляться, уже какъ свѣтскій человѣкъ, и Основьяненко. Сперва онъ былъ простымъ гостемъ, потомъ однимъ изъ членовъ-распорядителей и, наконецъ, *директоромъ танцовальнаго клуба*. Вообще, гдѣ возникало что-нибудь новое и нужно было дать толчокъ, являлся Основьяненко. Такъ, вскорѣ онъ далъ прочное значеніе харьковскому театру, позднѣе основалъ *институтъ для дѣвицъ*, а въ промежут-

кахъ своихъ хлопотъ о театрѣ и объ институтѣ сталъ издавать первый харьковскій журналъ.

Выйдя въ отставку, въ 1807 году, онъ оставался въ бездѣйствіи до 1812 года, когда въ Харьковѣ возникъ правильный и постоянный городской театръ. Онъ помѣщался тогда на площади, противъ нынѣшняго дворянскаго собранія; директоромъ театра вскорѣ явился Основьяненко. Имѣя обыкновеніе горячо и страстно браться за всякое дѣло, онъ до того увлекся театромъ, что чуть даже не женился на одной изъ его актрисъ, извѣстной тогдашней красавицѣ и львицѣ Преженковской, но былъ остановленъ своею матерью. Въ 1841 году онъ напечаталъ любопытную „Исторію харьковскаго театра отъ старинныхъ временъ". Еще въ 1780 году въ Харьковѣ давались представленія, нѣчто въ родѣ балетовъ, отставнымъ петербургскаго театра дансёромъ Иваницкимъ. Потомъ, на временныхъ подмосткахъ, красовалась какая-то „маляривна" и „Лизка". Здѣсь, у антрепренёра Штейна, явился впервые робкій, застѣнчивый дебютантъ изъ Курской губерніи, игравшій до того времени въ Полтавѣ, имя котораго было Щепкинъ... Онъ появлялся въ драмахъ и трагедіяхъ, гдѣ игралъ роли принцевъ и графовъ. Основьяненко однажды за кулисами поймалъ его и сказалъ ему: „Эхъ, братъ, Щепкинъ! играй въ комедіяхъ: изъ твоихъ фижмъ и министерства постоянно выглядываютъ мольеровскіе Жокрисы!" Эти слова были многозначительны для будущности великаго комика. М. С. Щепкинъ мнѣ говорилъ, между прочимъ, что въ драмѣ „Желѣзная маска" онъ исподволь въ Харьковѣ съигралъ всѣ роли, отъ часоваго, лакея, офицера и до герцоговъ. По словамъ знаменитаго артиста, Квитка способствовалъ тому, что опера Котляревскаго „Наталка-Полтавка" поставлена впервые въ Харьковѣ. Она, безъ цензуры, сперва была дана въ Полтавѣ, по личному разрѣшенію Г. Г. Репнина. Щепкинъ хотѣлъ ее дать въ свой бенефисъ въ Харьковѣ. Квитка сказалъ ему: „Назначьте какую-нибудь старинную пьесу, а передъ самымъ днемъ бенефиса сошлитесь на нездоровье какого-нибудь актера и просите оффиціально дать, за поспѣшностью, Наталку-Полтавку, — пьесу, уже разрѣшенную для Полтавы". Пьеса была дана...

Основьяненко бросилъ званіе директора театра, по случаю занятій по институту, но любовь къ сценѣ осталась въ немъ навсегда и выказалась впослѣдствіи не одинъ разъ въ его трудахъ для сцены. Штейнъ содержалъ театръ съ 1816 по 1827 годъ, когда передалъ его Млатковскому. Млатковскій былъ послѣднею знаменитостью въ числѣ старинныхъ харьковскихъ антрепренёровъ.

Въ 1811 году Каразинъ учредилъ „Филотехническое Общество". Успѣхъ этого общества вызвалъ мысль основать „Благотворительное

Общество", нѣчто въ родѣ петербургскаго „Общества Посѣщенія Бѣдныхъ". Какъ успѣшны были занятія этого общества, видно изъ того, что уже на первыхъ порахъ оно положило основать и основало на свой счетъ „Институтъ для образованія бѣднѣйшихъ благородныхъ дѣвицъ". Первая мысль объ учрежденіи этого института принадлежала Основьяненкѣ, который былъ въ то же время ревностнѣйшимъ членомъ и правителемъ дѣлъ „Благотворительнаго Общества" и даже свое литературное или печатное поприще началъ статьею въ „Украинскомъ Вѣстникѣ" 1816 года объ этомъ институтѣ. Общество Благотворенія, направляемое въ своихъ дѣйствіяхъ вліяніемъ Основьяненка, собрало значительную сумму общихъ приношеній,—и институтъ для дѣвицъ былъ открытъ въ 1812 году, черезъ семь лѣтъ послѣ открытія университета и черезъ годъ по открытіи Филотехническаго Общества. Актъ на открытіе института подписанъ въ одинъ день съ актомъ объ ополченіи, 27-го іюля 1812 года. На Квитку было возложено открыть институтъ 10-го сентября, что̀ онъ и исполнилъ въ то время, какъ непріятель занималъ Москву... Основьяненкѣ было ввѣрено главное управленіе дѣлами института, на который онъ „принесъ въ жертву почти все достояніе свое". Вскорѣ, по ходатайству Основьяненка, императрица Марія Ѳеодоровна приняла Харьковскій институтъ подъ свое покровительство. Это было въ 1818 г.

Оставаясь въ званіи правителя дѣлъ Общества Благотворенія, Г. Ѳ. Квитка оказалъ краю услугу, которой одной достаточно было бы для сохраненія памяти о немъ. Однимъ изъ попеченій общества было доставленіе воспитанія юношеству бѣдныхъ семействъ...

Дѣти мужскаго пола были опредѣляемы на иждивеніе общества, въ пансіонъ при губернской гимназіи; для воспитанія же дѣвицъ ни въ Харьковской, ни въ сосѣднихъ губерніяхъ не существовало еще тогда общественныхъ учебныхъ заведеній. Квиткѣ принадлежитъ первая мысль объ учрежденіи такого заведенія въ Харьковѣ; его же заботливости, трудамъ и жертвамъ принадлежитъ и осуществленіе этой мысли. По его старанію открытъ институтъ, гдѣ должны были получать воспитаніе изъ каждаго уѣзда Харьковской губерніи по двѣ дѣвицы благороднаго происхожденія, изъ бѣднѣйшихъ семействъ, чтобы потомъ, въ свою очередь, быть наставницами и учительницами дочерей достаточныхъ помѣщиковъ. Скоро туда были помѣщаемы и дочери помѣщиковъ, на ихъ собственномъ иждивеніи и на счетъ казны императрицы Маріи Ѳеодоровны.

Когда институтъ, по представленію Квитки, уже избраннаго въ 1817 году предводителемъ дворянства Харьковскаго уѣзда, поступилъ въ число казенныхъ заведеній, учредителю его поручено составить „Совѣтъ" для управленія институтомъ. Въ январѣ 1818 года Основья-

ненко, по выборамъ, учрежденъ членомъ институтскаго совѣта и оставался въ этой должности до мая 1821 года. Въ 1816 году Основьяненко сочинилъ „Кадриль“ для встрѣчи возвращавшихся въ Харьковъ изъ Парижа войскъ.

Позже, его же стараніями открыты въ Харьковѣ: кадетскій корпусъ, переведенный потомъ въ Полтаву, и публичная библіотека при университетѣ. Основьяненко въ нѣкоторыхъ изъ своихъ неизданныхъ писемъ, въ 1839 году, съ восторгомъ вспоминаетъ объ этомъ времени и о заслуженномъ своемъ торжествѣ. Харьковскій институтъ имѣлъ еще особенно благое значеніе для Квитки. Черезъ институтъ онъ узналъ одну изъ достойнѣшихъ его классныхъ дамъ, на которой вскорѣ и женился. Свадьбѣ предшествовала самая страстная любовь. Въ 1818 году, изъ Петербурга пріѣхала въ Харьковъ на мѣсто классной дамы одна изъ пепиньерокъ екатерининскаго института. Тогда Основьяненкѣ было уже *подъ сорокъ лѣтъ*. Черезъ два года по пріѣздѣ въ Харьковъ, около 1821 года, классная дама вышла замужъ за Основьяненко и осчастливила его, по собственнымъ его словамъ, на всю жизнь. Это была почтенная Анна Григорьевна, которой имя такъ часто встрѣчается въ „посвященіяхъ повѣстей“ ея мужа, которая принимала участіе во всѣхъ заботахъ и трудахъ Квитки, лелѣяла его жизнь, выслушивала и поправляла его сочиненія, смотрѣла на его литературную судьбу, какъ на свою собственную, на его сочиненія, какъ на что-то сверхъестественное, и когда не стало на свѣтѣ ея стараго друга, она бросила свѣтъ и „съ нетерпѣніемъ ждала минуты, когда могла за нимъ сойти въ могилу“.

Анна Григорьевна, въ письмахъ къ П. А. Плетневу, 1839 года, между прочимъ, пишетъ: „Я — Вульфъ, первая, выпущенная въ 1817 году и на другой же годъ изъ пепиньерокъ отправленная, по волѣ императрицы Маріи Ѳеодоровны, въ Харьковскій институтъ, гдѣ, находясь два года, вышла замужъ за основателя и члена сего же заведенія, нынѣ извѣстнаго Грицька Основьяненка... Вы справедливо сказали, что я счастлива, ибо какое благо въ мірѣ можетъ сравниться съ тѣмъ неоцѣненнымъ сокровищемъ, которое я имѣю въ моемъ мужѣ-другѣ! О, какъ вы хорошо разгадали эту рѣдкую душу! Вышедши замужъ, я не переставала мечтать о Петербургѣ и часто просила моего мужа найти какую-нибудь должность и переѣхать туда; но онъ, *любя свою родину* и привязанъ будучи къ своимъ роднымъ, никакъ на то не рѣшался!“

Во время женитьбы, Квитка жилъ у своей матери, въ ея домѣ на Екатеринославской улицѣ, невдалекѣ отъ Холодной горы, противъ Дмитріевской церкви. Институтъ былъ тогда тоже близко, тотчасъ за церковью, и Основьяненко со службы шелъ къ матери прямо черезъ

калитку институтскаго сада. Его помѣщеніе заключалось въ двухъ комнатахъ: большой, въ три окна, во дворъ, и маленькой спальнѣ, въ одно окно, выходившее въ садъ.

Домъ, гдѣ онъ жилъ, принадлежалъ Кундиной. Въ этой квартирѣ три первые мѣсяца онъ провелъ и женатый; туда ему носили, между прочимъ, отъ матери, жившей по сосѣдству, въ домѣ своей дочери, чай, а обѣдалъ онъ съ матерью. Мать Квитки была въ числѣ директрисъ института. Основьяненко во время обѣда шутилъ, разсказывалъ объ институтѣ и шалуньяхъ-институткахъ; онъ тогда носилъ темный сюртукъ, съ многочисленными, мелкими складками на тальѣ, *чунарку*, какъ ее называли.

III.

Въ домѣ жены губернскаго прокурора Любовниковой, которую до сихъ поръ съ почтеніемъ вспоминаютъ бывшіе тогда харьковскіе студенты, стали собираться по вечерамъ *для чтенія*. Эти первые „литературные вечера“ собирали цвѣтъ тогдашняго харьковскаго ученаго и литературнаго свѣта, профессоровъ, студентовъ и всякихъ дилетантовъ,—словомъ, все мыслящее общество маленькаго городка, гдѣ было тогда не болѣе двѣнадцати тысячъ жителей. Здѣсь сталъ появляться, со своими малороссійскими анекдотами, игрою на флейтѣ и пьесами для фортепьяно, своего сочиненія, и Квитка.

За вечерами Любовниковой открылись литературныя чтенія у Гонорскаго, молодаго адъюнкта русской словесности. Основьяненко, появляясь здѣсь, уже не сидѣлъ молча, а позволялъ себѣ разсуждать о тогдашней русской литературѣ. Читалось, однако, тогда мало. Книги привозились въ Харьковъ, до 1805 года, московскими книгопродавцами, во время ярмарокъ. Павловскій, въ 1818 году, издалъ: „Грамматику малороссійскаго нарѣчія“, гдѣ помѣстилъ цѣлый разсказъ по-украински, отрывокъ изъ исторіи нѣкоего малороссіянина. Въ это же почти время раздались въ печати и первые звуки художественно-литературнаго украинскаго языка: то былъ извѣстный авторъ „Энеиды, вывороченной на изнанку“, Котляревскій. Въ „перелицованной Энеидѣ“, писанной въ 1798, 1808 и 1809 годахъ и изданной вполнѣ уже въ 1842 году, господствуетъ чистый малороссійскій языкъ „puritatis legitimae“, какимъ впослѣдствіи писалъ рѣдкій изъ южно-русскихъ писателей, не исключая и Квитки, писавшаго на смѣшанномъ харьковскомъ нарѣчіи. Вслѣдъ за „Энеидою“ Котляревскій написалъ двѣ оперетки: „Наталка-Полтавка“ и „Москаль-Чаривникъ“, обѣ изданныя только въ 1838—1841 годахъ. Между Котляревскимъ и собирате-

лями украинской старины является въ одно время съ Основьяненкомъ Гулакъ-Артемовскій, авторъ пьесъ: „Твардовскій“, „Тюхтій та Чванько“, „Солопій та Хивря, або горохъ при дорози“, и переводъ изъ Горація, названнаго имъ „Гараською“...

Украинскія сочиненія печатать было негдѣ. При всемъ желаніи посѣтителей вечеровъ у Любовниковой и Гонорскаго, изданіе собственно харьковскаго журнала долго не осуществлялось. Наконецъ, журналъ—гордость маленькаго городка—въ началѣ 1816 года вышелъ, и Основьяненко въ немъ, съ первыхъ же нумеровъ, является прямо *однимъ изъ издателей.*

Журналъ, который сталъ выходить при харьковской типографіи, назывался „Украинскій Вѣстникъ“. Онъ выходилъ въ шестнадцатую долю листа, въ 1816, 1817 и 1818 годахъ, и составляетъ теперь для самихъ библіомановъ *библіографическую рѣдкость.* Редакторами его были Ѳиломаѳитскій и Гонорскій. Въ концѣ четвертой и послѣдней части этого журнала за первый годъ, при извѣстіи объ изданіи его въ слѣдующемъ году, во главѣ этихъ двухъ издателей подписался и Основьяненко настоящимъ своимъ именемъ: *Григорій Квитка.*

Подъ редакціею Основьяненка и двухъ другихъ издателей „Украинскій Вѣстникъ“ тотчасъ сталъ на твердую ногу.

Основьяненко печаталъ здѣсь, за подписью *Григорія Квитки*, отчеты о благотворительномъ обществѣ и объ институтѣ и статьи юмористическія, производившія въ Харьковѣ фуроръ, подъ псевдонимомъ *Ѳалалея Повинухина.* Но недолго блаженствовали издатели на лаврахъ... Въ Харьковѣ основался другой журналъ—совершенная противоположность „Украинскому Вѣстнику“, журналъ, подъ названіемъ „Харьковскій Демокритъ, тысяча первый журналъ“, издаваемый Масловичемъ. Издатели „Украинскаго Вѣстника“, преклонивъ оружіе, сами стали въ ряды сотрудниковъ веселаго „Демокрита“ и его редактора. Между прочимъ, Основьяненко появился здѣсь съ стихотвореніями, подъ которыми вездѣ стоитъ полная его подпись *Григорій Квитка.* Эти стихотворенія „Воззваніе къ женщинамъ“ и искусные „Двойные акростихи“ любопытны тѣмъ болѣе, что ихъ писалъ будущій веселый авторъ украинскихъ повѣстей и писалъ почти на сороковомъ году жизни.

„Харьковскій Демокритъ“ прекратился въ началѣ своемъ (въ 1816 году); „Украинскій Вѣстникъ“ пересталъ выходить въ началѣ 1820 года. Въ промежутокъ же этого времени выходили, при той же университетской типографіи (1817 по 1823 г.): „Харьковскія извѣстія, листы въ четырехъ отдѣленіяхъ“. Это былъ родъ газеты, гдѣ помѣщались внутреннія происшествія, заграничныя новости, смѣсь и объявленія. Въ 1824, 1825 и 1826 годахъ выходилъ еще въ Харь-

ковѣ, при университетѣ: „Украинскій Журналъ“, изданіе А. Склабовскаго. Здѣсь уже господствовала строгая наука, въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Основьяненко здѣсь не участвовалъ.

IV.

Женившись, по прекращеніи „Украинскаго Вѣстника“, Квитка перенесъ свои труды въ „Вѣстникъ Европы“, журналъ, издававшійся въ Москвѣ Каченовскимъ. Здѣсь онъ участвовалъ съ 1820 по 1824 годъ, продолжая печатать юмористическія письма, подъ псевдонимомъ *Ѳалалея Повинухина* и подъ другими псевдонимами; главное лицо, къ которому обращались эти письма, былъ *Лужницкій Старецъ*.

Въ № 5-мъ „Вѣстника Европы“, за мартъ, явился Основьяненко съ статьей „Письма къ Лужницкому Старцу“, за подписью „Аверьянъ Любопытный, состоящій не у дѣлъ коллежскій протоколистъ, имѣющій хожденіе по тяжебнымъ дѣламъ и по денежнымъ взысканіямъ“. Въ 1822 г. въ „Вѣстникѣ Европы“ „Письма къ Лужницкому Старцу“ наконецъ являются прямо уже съ подписью Ѳалалея Повинухина. Здѣсь, между прочимъ, болтливый авторъ описываетъ свою судьбу съ *Евдокіей Григорьевной*, въ имени которой нельзя не узнать Анны Григорьевны, а обитаемый имъ городъ называетъ *Хар...* Наконецъ, въ томъ же году, въ „Вѣстникѣ Европы“ помѣщены пять „Малороссійскихъ анекдотовъ“, перемѣшанныхъ съ малороссійскими фразами, анекдотовъ безъ подписи.

Съ той поры начинается новая эра въ жизни Основьяненка, вызвавшая появленіе его комедій и повѣстей около 1830 года. Въ это время Квитка достигаетъ литературной извѣстности, которая вызываетъ противъ него на родинѣ рядъ сплетень, перешедшихъ въ стихотворные пасквили. Даже основатель харьковскаго университета Каразинъ не удержался отъ написанія на Квитку сатиры, которая начиналась словами:

Былъ монахомъ, былъ актеромъ,
Былъ поэтомъ, былъ танцоромъ!

Другое четверостишіе неизвѣстнаго автора говорило слѣдующее:

Не надивлюся я, Создатель,
Какой у насъ мудреный вѣкъ;
Актеръ, поэтъ и засѣдатель —
Одинъ и тотъ же человѣкъ!

Эти эпиграммы сильно дѣйствовали на Квитку, особенно въ глухой, провинціальной средѣ.

Въ 1832 году Квитка напечаталъ впервые подъ псевдонимомъ Основьяненки повѣсть „Харьковская Ганнуся“ — въ „Телескопѣ“, въ переводѣ на русскій языкъ М. П. Погодина.

Въ 1827 году онъ написалъ комедію „Пріѣзжій изъ столицы, или суматоха въ уѣздномъ городѣ“ (напечатанную въ 1840 году). Эта комедія впослѣдствіи оказалась очень близкою, по внѣшности, съ „Ревизоромъ“ Гоголя, опубликованнымъ ранѣе, но написаннымъ позднѣе комедіи Квитки. Я въ свое время прослѣдилъ это сходство по рукописи Квитки, процензированной московскимъ цензоромъ, извѣстнымъ С. Т. Аксаковымъ, въ 1828 году. Ознакомясь съ „Ревизоромъ“ и зная близость С. Т. Аксакова къ Гоголю, Квитка пришелъ въ неописанное смущеніе. Дѣйствіе въ „Пріѣзжемъ изъ столицы“ Квитки происходитъ, какъ и въ „Ревизорѣ“, въ уѣздномъ городѣ, въ домѣ городничаго, куда тотчасъ переводятъ мнимаго ревизора; послѣдній, какъ и Хлестаковъ, мальчишка, неокончившій ученія и ненадежный по службѣ. Другія лица — по внѣшности — тоже напоминаютъ героевъ „Ревизора“ — судья Спалкинъ, отъ слова *спать*, и почтовый экспедиторъ (Печаталкинъ), который, какъ и у Гоголя, въ концѣ развязываетъ всю пьесу, и смотритель уѣздныхъ училищъ (Ученосвѣтовъ), и частный приставъ (Шаринъ), напоминающій Держиморду, и, наконецъ, *двѣ пріятныя дамы*, сестра городничаго Трусилкина, и племянница его, которыя также влюбляются въ „милашку ревизора“. Здѣсь также вся кутерьма происходитъ отъ темнаго и сбивчиваго извѣстія изъ губернскаго города; чиновники также представляются ревизору, и тотъ у нихъ занимаетъ деньги, отъ 27 р. 80 к. асс. до 500 р. асс., куша, взятаго у городничаго. Здѣсь также, какъ и у Гоголя, дамы толкуютъ о *храмѣ изящества* и о томъ, *какъ печально изъ столицы вкуса быть брошену въ такую уединенную даль!* Наконецъ, при развязкѣ, также происходитъ *нѣмая сцена*, причемъ всѣхъ, какъ громомъ, поражаютъ слова частнаго пристава о новомъ, настоящемъ, какъ видно, ревизорѣ: *Вотъ бумага отъ губернатора, съ жандармомъ присланная*!

Хотя покойный С. Т. Аксаковъ, на мой вопросъ, писалъ мнѣ, что „Ревизоръ“ не могъ быть созданъ подъ вліяніемъ комедіи Квитки, такъ какъ Гоголь писалъ его, не зная о существованіи „Пріѣзжаго“, — но нельзя не придти къ мысли, что внѣшній планъ, рамки „Ревизора“ могли быть даны Гоголю его другомъ, С. Т. Аксаковымъ, который, въ качествѣ цензора, прочелъ пьесу Квитки еще въ 1828 году. Это не умаляетъ крупныхъ достоинствъ „Ревизора“.

Съ 1817 года Квитка былъ избранъ въ дворянскіе предводители Харьковскаго уѣзда и пробылъ въ этомъ званіи четыре трехлѣтія, по 1829 г. Въ это время онъ написалъ другую комедію „Дворянскіе выборы“, затѣмъ „Шельменко — волостной писарь“, которая имѣла

на Украйнѣ колоссальный успѣхъ. Въ 1832 году Квитка былъ избранъ совѣстнымъ судьею въ Харьковѣ и оставался въ этой должности девять лѣтъ, до 1840 года.

Въ 1834 году явились два тома извѣстныхъ „*Малороссійскихъ повѣстей, разсказанныхъ Грицько Основьяненкомъ*“. Успѣхъ этихъ повѣстей превзошелъ ожиданія издателей и сразу упрочилъ въ Россіи знаменитость украинскаго писателя. Петербургскіе и московскіе журналы стали наперерывъ искать его сотрудничества. Жуковскій, въ проѣздъ черезъ Харьковъ, отыскалъ Основьяненка, ободрилъ его и совѣтовалъ—писать и писать болѣе, выбирая сюжеты изъ мѣстной украинской жизни, и привезъ переводъ нѣсколькихъ его повѣстей въ подарокъ „Современнику“, издававшемуся тогда П. А. Плетневымъ. По поводу этого завязалась у Основьяненка обширная переписка съ Плетневымъ, которая длилась до смерти Квитки (до 1843 года). Основьяненко напечаталъ въ „Современникѣ“ рядъ повѣстей, отрывковъ изъ романовъ, разсказовъ, очерковъ и воспоминаній и переводы на русскій языкъ почти всѣхъ своихъ малороссійскихъ повѣстей. Съ 1839 года онъ сотрудничалъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“, гдѣ напечаталъ половину извѣстнаго своего (и лучшаго) романа „Панъ Халявскій“ и историческую монографію „Головатый“, „Преданія о Гаркушѣ“, „Татарскіе набѣги на Харьковъ“, „Двѣнадцатый годъ въ провинціи“ и пр.

V.

Въ 1840 г. Квитка былъ избранъ въ предсѣдатели Харьковской палаты уголовнаго суда; на третьемъ году исполненія этой послѣдней должности онъ умеръ.

Послѣдніе годы жизни Квитка провелъ въ той же тихой, семейной средѣ, гдѣ за нимъ, какъ за ребенкомъ, ухаживала его Анна Григорьевна. Это была безспорно умная, образованная, хотя и некрасивая женщина, малообщительная съ посторонними и правомъ строгая пуританка. Отправивъ утромъ мужа на службу, она чопорно одѣвалась и въ уединеніи домика Основы ожидала его къ обѣду. Основьяненко любилъ покушать, особенно своихъ національныхъ блюдъ, кислыхъ пироговъ, галушекъ, блиновъ, варениковъ. Хозяйствомъ заниматься онъ не любилъ. Послѣ обѣда обыкновенно отправлялся въ свой кабинетъ, и тогда наставали для него лучшіе часы въ жизни. Онъ писалъ, нетревожимый никѣмъ, писалъ на своемъ родномъ, украинскомъ нарѣчіи, или хоть и по-русски—но о своей родной, дорогой, ничѣмъ незамѣнимой Украйнѣ...

Свои произведенія онъ обыкновенно прежде всего прочитывалъ

своей женѣ, довѣряя ей слѣпо во всемъ, даже въ своихъ литературныхъ дѣлахъ.

Къ Квиткѣ изрѣдка заѣзжали городскіе гости, пріѣзжіе изъ столицъ. Его особенно порадовало знакомство съ молодымъ тогда писателемъ, тоже украинцемъ, Гребенкой.

Въ городѣ онъ дружбы ни съ кѣмъ не велъ. Чтеніе столичныхъ книгъ и газетъ замѣняло ему живыхъ людей. Тяжелый на подъемъ, онъ не любилъ движенія и мало гулялъ. Въ поѣздки на службу онъ обыкновенно бесѣдовалъ съ старымъ кучеромъ *Лукьяномъ*, отъ котораго заимствовалъ сюжеты большинства своихъ разсказовъ.

Основьяненко страстно любилъ дѣтей, любилъ имъ разсказывать сказки, вмѣшивался въ ихъ игры и былъ кумиромъ дѣтей. Отъ монашества же осталась въ немъ любовь къ церкви, духовная ученость, почему онъ любилъ бывать въ обществѣ духовныхъ, самъ пѣлъ на клиросѣ и руководилъ сельскимъ хоромъ своего брата. Неимѣніе собственныхъ дѣтей набрасывало грустный оттѣнокъ на тихую супружескую жизнь кроткихъ и уединенныхъ „Филемона и Бавкиды“.

Покойный Погодинъ говорилъ мнѣ, что Гоголь перенесъ нѣкоторыя ихъ черты въ своихъ „Старосвѣтскихъ помѣщиковъ“, слыша о Квиткахъ въ свои проѣзды черезъ Харьковъ, — а кто тогда не зналъ не только въ Харьковѣ, но и въ родной Гоголя Полтавѣ о славномъ, гремѣвшемъ на Украйнѣ авторѣ „Маруси“, „Пана Халявскаго“ и „Шельменко, волостнаго писаря“.

Основьяненко во всю жизнь далѣе Харькова и его окрестностей ничего не видѣлъ. Въ раннемъ дѣтствѣ его возили почему-то въ Москву; этого онъ самъ не помнилъ.

Встрѣча съ Гребенкой произошла такъ. Гребенка, проѣздомъ черезъ Харьковъ, нанялъ извозчика и велѣлъ ему его везти въ Основу. Тащась по невылазному песку, онъ разговорился съ извозчикомъ и былъ плѣненъ тѣмъ, что извозчикъ былъ знакомъ не только съ Квиткой, но и съ произведеніями послѣдняго.

Подъ окномъ домика, гдѣ жилъ Основьяненко, Гребенка увидѣлъ старика за книгой и спросилъ:

— А чи дома панъ Основьяненко?

— А чи не Гребiночка? — спросилъ прерывающимся голосомъ изъ окна Квитка, узнавши Гребенку по портрету.

Съ той поры Гребенка сталъ ревностнымъ ходатаемъ Квитки въ его литературныхъ дѣлахъ въ Петербургѣ, гдѣ въ 1841 году вышелъ большой романъ Квитки „Похожденія Столбикова“. Вскорѣ нѣкто Фишеръ затѣялъ въ Петербургѣ изданіе „Полнаго собранія сочиненій Основьяненко“. Это изданіе остановилось и принесло старику-автору одни огорченія. Квитка разсчитывалъ изъ первыхъ доходовъ отъ

изданія сдѣлать женѣ сюрпризъ: выписать ей изъ Петербурга новую лисью, крытую бархатомъ, шубу. Сюрпризъ разлетѣлся мыльнымъ пузыремъ, и Квитка потомъ самъ съ горечью трунилъ надъ своею попыткой — продать кожу съ неубитаго медвѣдя.

Огорченія болѣе и болѣе скоплялись въ душѣ старика. Окружающее мѣстное общество съ недовѣріемъ и даже съ ненавистью смотрѣло на писателя-земляка, котораго произведеніями наполнялись журналы. Всякъ узнавалъ себя въ его забавныхъ очеркахъ. А тутъ поднялъ войну противъ Квитки извѣстный тогдашній критикъ, ненавистникъ украинской литературы, польскій писатель баронъ Брамбеусъ (Сенковскій). Его язвительныя выходки противъ украинскаго „жарта“ (юмора) Основьяненка имѣли вліяніе на позднѣйшіе отзывы русской критики. Послѣдняя справедливо преклонялась предъ геніемъ Гоголя, но несправедливо игнорировала поэтическое, скромное дарованіе его земляка Квитки. Извѣстному профессору петербургскаго университета, академику Изм. Ив. Срезневскому, почитатели Квитки обязаны тѣмъ, что И. И. Срезневскій, перейдя изъ харьковскаго университета въ петербургскій, первый возвысилъ голосъ съ каѳедры за Основьяненка и первый указалъ на его несомнѣнное, крупное дарованіе и на воспитательное, для цѣлаго поколѣнія южно-русскихъ современниковъ Квитки, вліяніе его произведеній.

Въ 1842 году, за годъ до смерти, Квитка, издавъ замѣчательную брошюру по-украински „Листы до любезныхъ земляковъ“, написалъ на малороссійскомъ языкѣ „Краткую священную исторію“ и „Краткій (для простонародья) сводъ уголовныхъ законовъ“.

Къ нравственнымъ огорченіямъ вскорѣ присоединилась серьезная болѣзнь. Г. Ѳ. Квитка простудился, получилъ воспаленіе легкихъ и 8-го августа 1843 года скончался на рукахъ любимой жены, въ Харьковѣ, въ домѣ Краснокутскаго, за Лопанью, на базарѣ, противъ церкви Благовѣщенія и нынѣшней харьковской 2-й гимназіи.

Основьяненко жилъ *шестьдесятъ-четыре года* безъ трехъ мѣсяцевъ. Черезъ девять лѣтъ послѣ него умерла его жена, Анна Григорьевна (31-го января 1852 г.). Оба они похоронены въ Харьковѣ, на кладбищѣ Холодной горы, подъ которой нынѣ расположена станція трехъ здѣсь сходящихся желѣзныхъ дорогъ. Могила Г. Ѳ. Квитки находится на краю обрыва, съ котораго виденъ весь Харьковъ. На его могилѣ стоитъ бѣлый мраморный памятникъ.

Черезъ два года послѣ смерти Квитки, Копенгагенское общество сѣверныхъ антикваріевъ прислало на его имя дипломъ, не зная, что Квитки давно нѣтъ на свѣтѣ.

Болѣе извѣстны и считаются въ Украйнѣ въ числѣ любимыхъ произведеній Квитки его повѣсти: „Солдатскій портретъ“, „Маруся“, „Божьи дѣти“, „Конотопская вѣдьма“, „Козырь Дивка“, „Харьковская Ганнуся“, „Мертвецкій великъ-день (Пасха)“, „Перекати поле“, „Сердечная Оксана“, „Подбрѣхачъ“ и „Щира любовь“; романъ „Панъ Халявскій“; комедіи: „Сватанье на Гончаровкѣ“ и „Шельменко—волостной писарь“. Его историческія монографіи также имѣютъ немало достоинствъ. Сюда относятся: „Основаніе Слободскихъ полковъ“, „Головатый“, „О Харьковѣ и уѣздныхъ городахъ Харьковской губерніи“, „Украинцы“, „Исторія театра въ Харьковѣ“, „Преданія о Гаркушѣ“, „Татарскіе набѣги“, „Двѣнадцатый годъ въ провинціи“, и проч.

Кружокъ почитателей Г. Ѳ. Квитки, празднуя въ 1878 году, въ Харьковѣ, память о столѣтіи со дня его рожденія, предпринялъ изданіе полнаго собранія его сочиненій и собралъ по подпискѣ сумму, необходимую для устройства Квиткинской школы, въ память любимѣйшаго и достойнѣйшаго изъ украинскихъ писателей.

1855 г.

СЛОБОЖАНЕ.

МАЛОРОССІЙСКІЕ РАЗСКАЗЫ.

ВВЕДЕНІЕ.

«Лучше быть первымъ въ мѣстечкѣ,
чѣмъ вторымъ въ Римѣ!»
Юлій Цезарь.

Малороссія историческимъ путемъ образовала три отдѣльныя страны. Запорожье, это славянское рыцарство, единственное въ мірѣ братство, жившее войной за родину и вѣру, представляетъ шумную, живописную вольницу днѣпровскихъ островитянъ, летавшихъ въ легкихъ лодкахъ, съ выборными атамàнами, изъ бревенчатыхъ куреней за шелками, коврами и золотомъ Турецкой Анатоліи. Гетманщина, старая степная гетманщина, гдѣ на кровавомъ поединкѣ рѣшенъ споръ между туземнымъ населеніемъ и польскими старостами, между православіемъ и іезуитами, гдѣ вращались тѣни „Тараса Бульбы“ и „гайдамаковъ“ — представляется съ своими сожженными городами, съ гетманами и бунчуками, слѣпцами-бандуристами и отважнымъ казачествомъ... Третья часть Малороссіи, молодая, свѣтлая страна, степная Слобожанщина, представляетъ тихій, благодатный, живописный край, зеленые сады и пàжити, широкія рѣки и торговые широкіе проселки, лѣса и города, молодые и богатые, какъ самъ край, старину, у которой нѣтъ ни одного воинственнаго, громкаго имени, ни одного воинственнаго, громкаго событія, много счастливыхъ хуторовъ и слободокъ, мирныхъ добряковъ, лелѣющихъ мечтательную лѣнь, среди зеленыхъ весей и полей, героевъ домашняго очага, картинъ пустынныхъ гладей, усѣянныхъ душистыми цвѣтами, и этой благодатной старости и привольнаго дѣтства, среди тысячи предметовъ, питающихъ чудесность и страстную любовь къ родному пріюту... Что же это такое Слобожанщина и откуда она взялась? За двѣсти лѣтъ страна, именуемая Слободскою, представляла пустыню безлюдныхъ степей и дикихъ лѣсовъ, по которымъ носились одни дикіе татары и гдѣ возвышались одни дозорныя мѣста пограничныхъ обывателей. Четыреста лѣтъ сряду эта

богатая область была безлюдна и пустынна, съ той самой поры, какъ набѣгъ ордынцевъ опустошилъ ее вмѣстѣ съ сосѣдними русскими княжествами. И вотъ, потомки ея владѣльцевъ вспомнили о покинутой отчизнѣ... Донецъ, на триста верстъ протянувши логовище своихъ водъ, лѣса и сѣнныя раздолья, родной Донецъ принялъ забытыхъ родичей, какъ нѣкогда онъ же, по словамъ пѣвца стараго времени, принялъ издалека князя Игоря. Золотая, туманная старина встала изъ мрака. Донецъ, по словамъ вѣщаго Слова, сказалъ Игорю: „Княже Игорю! Не мало-ль тебѣ нынѣ величія, а врагу нелюбія, а Русской землѣ веселія?“—И отвѣчалъ родной рѣкѣ князь Игорь: „О, Донче! Великъ ты, лелѣющій князя на волнахъ своихъ; великъ ты, стелющій ему зеленую траву на серебряныхъ прибрежіяхъ; великъ ты, одѣвшій его темными мглами, подъ сѣнію зеленаго полѣсья!“ Прошли многія столѣтія, и описанное пѣвцомъ стараго времени снова возникло... За двѣсти лѣтъ назадъ близъ береговъ Донца, верхомъ на изнуренномъ конѣ, показался чубатый гетманецъ, съ пищалью и котомкой за плечами, въ изношенной черкесскѣ и синей шапкѣ, подбитой смушками. Онъ окинулъ взоромъ безмолвную пустыню лѣсовъ и полей, гдѣ жили нѣкогда его мирные дѣды, страну, четыреста лѣтъ не видавшую своихъ родныхъ изгнанниковъ, и слѣзъ съ усталаго коня... На дикомъ, глухомъ мѣстѣ скоро поднялся уединенный курень; на зарѣ дымъ легкою струей всталъ надъ куренемъ; черезъ годъ въ сосѣдствѣ раскинулась пасѣка, въ прибрежномъ тростникѣ заколыхался подъ рыболовною сѣтью челнъ... Немного лѣтъ спустя, вокругъ куреня поднялись, какъ изъ земли, другіе бревенчатые курени. Изъ куреней возникъ хуторокъ, хуторокъ съ садами, бакшею, колодцами и хлѣбными кладями... Пять-шесть хуторковъ соединились внизъ по рѣкѣ въ одинъ, и возникла слободка. Слободка пустила въ степь, какъ корни, свои хутора и курени, свои сады и огороды; народъ засновалъ по перелѣскамъ и луговинамъ; стадо вышло на тучное пастбище; надъ оврагомъ заскрипѣлъ тяжелый возъ, запряженный парою круторогихъ воловъ; вечеромъ, сѣвши на порогѣ хатки, чернобровая слобожанка затянула пѣсню громкую и звучную; въ праздникъ изъ слободки понеслись звуки церковнаго колокола... Прошло еще нѣсколько лѣтъ. На вершинѣ кургана показались усы и рысья шапка татарина... Слободка засуетилась, окружилась палисадникомъ; изъ ея воротъ вышелъ съ распущенными значками легкій, летучій, безстрашный отрядъ; быстрый натискъ сломилъ и разметалъ враговъ; слободка стала крѣпостцей, откликнулась другимъ городкамъ-слободкамъ, и пошла по свѣту вѣсть о новой странѣ, о молодой, богатой Слобожанщинѣ! Великій царь Алексѣй Михайловичъ объявилъ во всеуслышанье, что даритъ русскому шляхетству и

казакамъ Гетманщины и Запорожья земли по Донцу и сосѣднимъ рѣкамъ, и бросили русское шляхетство и вольные казаки землю смутную и обагренную кровью, бросили Гетманщину и Запорожье для тихой, новой страны, для страны хуторовъ и слободокъ!—Богатый край, подъ одной широтою съ сѣвернымъ Китаемъ и сѣверной Франціей, край, почти съ тремя милліонами десятинъ черноземной, нетронутой плугомъ, степи и полумилліономъ десятинъ лѣсовъ, край, гдѣ рѣки замерзаютъ въ началѣ декабря, а вскрываются въ началѣ марта, гдѣ морозъ постоянно не болѣе десяти, а зной на солнцѣ превышаетъ тридцать градусовъ; гдѣ, наконецъ, уже въ апрѣлѣ все дышетъ весною, летятъ птицы, цвѣтутъ деревья и кустарники, а въ концѣ іюня поспѣваетъ озимь,—этотъ край скоро возродился и закипѣлъ жизнью... Сперва отдѣльно, потомъ съ семьями, наконецъ, цѣлыми сотнями и тысячами семействъ стали бѣжать и переселяться въ Слобожанщину гетманскіе и запорожскіе казаки и русское шляхетство. Лучшія дворянскія фамиліи переселились въ окрестности полковыхъ сотенныхъ городковъ. Выборные полковники продолжали раздавать, безоброчно и безпошлинно, лѣса и водяныя мельницы, вольные грунты и сѣнныя угодья, ольховые пристѣны, озера и пасѣки. Тамъ, гдѣ четыреста лѣтъ сряду носились дикіе татары, гдѣ шла уединенная и рѣдко оживляемая пустынными обозами, по гребню возвышенности, пересѣкающей слободскую котловину, дорога въ Крымъ, именуемая Муравскимъ шляхомъ, тамъ къ началу нашего столѣтія было уже до шестисотъ церквей и до милліона жителей. Рѣки усѣялись винокурнями и мельницами. Луга и лѣсныя раздолья наполнились косарями. Плугъ пошелъ по косогорамъ и тучнымъ прибрежьямъ. Амбары и степныя одонья стали ломиться отъ хлѣба. Богатства полились въ руки землевладѣльцевъ!—Скоро на земли слободскія явились пришельцы чужеземные, сербскіе и болгарскіе переселенцы, румыно-валахи и, наконецъ, молдавскіе аристократическіе роды, положившіе начало новымъ туземнымъ фамиліямъ. Молодой университетъ поддержалъ литературныя начинанія, и въ пятьдесятъ лѣтъ слобожане встрѣтили сряду три громкія имени: Сковороды, Каразина и Основьяненка! Слобожане вошли въ пословицу своимъ богатствомъ, и когда ихъ живописная родина получила имя Русской губерніи, на гербѣ новой губерніи изобразили рогъ изобилія... Здѣсь сѣверъ и югъ отдаютъ другъ другу свои достоянія. Сюда изъ Крыма прилетаютъ аисты и пеликаны, съ Кавказа заходятъ дикія козы! Рѣки и озера, полныя рыбъ, здѣсь не замерзаютъ цѣлыя двѣ трети года. Лѣнивый плугъ царапаетъ землю, и посѣянное зерно родитъ самъ-шестьдесятъ. Это—не запорожская луговина, обнаженная и палимая солнцемъ! Здѣсь каждый оврагъ, каждый байракъ заросъ кустарни-

комъ, а широкія рѣки съ обоихъ боковъ тянутъ стѣны дремучаго лѣса, на который взглянуть, такъ шапка валится! Трехпольное хозяйство не тяготитъ пахаря. Онъ запряжетъ въ тяжелый плугъ три пары воловъ, съ погонычемъ-мальчишкою распашетъ въ три дня двѣ десятины и надолго спокоенъ... А сады его?—Поѣзжайте-ка въ Валковскій уѣздъ, такъ такія сливы и бергамоты, что не зубами, а губами ихъ ѣшь, раскусишь, а онѣ душистыя и сочны, и янтарны, и прозрачны, какъ липовый сотъ, и ни съ чѣмъ въ мірѣ не сравнятся! Въ окрестностяхъ Волчанска и Богодухова удивительные пчеловоды. А въ Изюмскомъ уѣздѣ найдете и сахароваровъ... Съ виду какъ будто и ничего эти слободки!—А поѣзжайте къ нимъ поближе: дикая смѣсь соломы и глины, стоговъ и садиковъ, эти изгороди, перегородки и обгородки, эти клѣти, клѣточки и подклѣтки васъ ошеломятъ сразу! Зато какъ присмотритесь, что не даромъ слободжанинъ строитъ свои улья и свои хаты изъ чистаго липоваго теса, какъ присмотритесь и увидите, вокругъ этихъ свѣтлыхъ, бѣлыхъ мазанокъ, пышныя нивы пахатей и раздольныя сѣножати, какъ увидите, что всѣ эти клѣти и подклѣтки, всѣ эти перегородки и загородки полны домашней утвари, нарядовъ и хлѣба, а вѣтви садиковъ гнутся и ломятся отъ яхонта сливъ и багрянца вишень, вы не то скажете. Вы скажете: чуденъ край этой благодатной слобожанщины! И какъ ему не быть чуднымъ! А прошу покорно усидѣть охотнику на мѣстѣ, когда зимою вышелъ въ садъ, а зайцы такъ и шныряютъ между кустами щепами!.. А кто хочетъ пожить весело? Что вы скажете о Харьковѣ? Гдѣ вы видѣли такой городъ? На Руси не мало городовъ, о которыхъ мягкосердые проѣзжіе и услужливые обыватели постоянно говорятъ: „Да помилуйте-съ! Да это уголокъ Петербурга-съ“. Но ни одинъ русскій городъ не заслуживаетъ подобнаго отзыва, какъ Харьковъ, если только авторъ не будетъ также обвиненъ въ излишнемъ мягкосердіи и тайномъ покровительствѣ всѣхъ безпечныхъ, чернобровыхъ, добродушныхъ и счастливыхъ! Давно ли возникъ этотъ Харьковъ! Давно ли возникъ онъ на берегахъ Лопани и Нетечи, на берегахъ великолѣпныхъ рѣкъ, которыя могутъ поспорить красотою съ Мансаресомъ потому, что и въ нихъ, подобно ему, лѣтомъ едва хватаетъ воды для гусей и утокъ! Не одинъ изъ современниковъ можетъ примѣнить къ этому городу слова Августа: „Я засталъ Римъ кирпичнымъ, а оставляю мраморнымъ!..“ Что же представляетъ нашъ Слободской край въ нынѣшнее время? Роскошная, нетронутая почва ждала только свѣжихъ рукъ и здоровыхъ, свѣжихъ силъ. Руки явились, сѣмя брошено, и стройное дерево, не найдя на матерней почвѣ враждебныхъ, закоренѣлыхъ, старыхъ плевелъ, дало здоровый, свѣжій плодъ. Молодое общество созрѣло. Его могутъ упрекнуть только въ

молодости его; но это—порокъ, отъ котораго мы исправляемся каждый день! Развитіе деревенской жизни, какъ главное выраженіе края, уклонившееся-было отъ своихъ началъ подъ общимъ моднымъ повѣтріемъ вѣка, стало снова перерождаться. Брошенная родная нива стала снова дорога владѣльцу. Забытые дѣдовскіе дома, стоявшіе безъ мебели и оконъ, обновляются... И вотъ, мы снова живемъ въ своихъ хуторахъ. Лѣто всюду упоительно; не радуетъ сердце одна жестокая, неумолимая зима! Но, быть можетъ, и съ нею мы сладимъ! Вечеромъ, когда метель кружится и вѣтеръ воетъ въ трубѣ, когда новая книга усыпляетъ, а болтливая газета, описывающая дебютъ новаго дарованія на берегахъ ликующей въ снѣжномъ покровѣ Невы, валится изъ рукъ,—неожиданный колокольчикъ звякаетъ по слободкѣ, въ темныя ворота влетаютъ тройки, тройки, въ намётахъ и бубнахъ, и толпа сосѣдей и сосѣдокъ врывается въ дремлющія комнаты... Шубы и шапки сброшены; рояль гремитъ подъ иззябшими пальчиками хорошенькихъ хуторянокъ! Шумъ, бѣготня... Старая ключница Аграфена, фрейлина бабушки и няня маменьки, дочекъ и внучекъ одной и той же семьи,—едва успѣваетъ отвѣчать на вопросы гостей, заказывающихъ ужинъ! Хозяинъ, съ сіяющей улыбкой, несетъ свѣчи въ гостиную; гувернантка двухъ капельныхъ крошекъ, строгая Евгенія Ивановна, ученая дѣвица съ добрымъ сердцемъ и прекрасными, темными глазами, улыбается и складываетъ тетрадки и книги... И въ мгновеніе ока тихій домъ превращается въ бальный залъ, и цѣлыя недѣли гостятъ сосѣди у сосѣдей! И выводится, наконецъ, въ новомъ обществѣ дикое понятіе, что одна скука рождаетъ такое гостепріимство! Скука рождаетъ зеленое море карточныхъ столовъ, а не гостепріимство. Скука рождаетъ все въ этомъ мірѣ, все, кромѣ гостепріимства. И плохо знаютъ наши отдаленныя области тѣ, которые находятъ такое начало русскому областному гостепріимству! Нѣтъ, господа! Не медвѣди-степовики тѣ, которые, извѣдавъ свѣтъ, хозяйничаютъ и трудятся на клочкахъ родной земли! Не медвѣди-степовики тѣ, которые, выучившись, сами учатъ и, просвѣтясь, идутъ въ работѣ наравнѣ съ своими послѣдними работниками! Эти медвѣди, господа, прежде васъ выгнали плутовъ-приказчиковъ и сами воздѣлываютъ данную Богомъ ниву! Они, господа, прежде васъ стали выкупать имѣнія изъ долговъ, снятіе недоимокъ стали считать семейными праздниками и, входя въ нужды крестьянъ, наполнять тишиною и счастьемъ свой домашній уголъ!.. Разумѣется, вездѣ есть исключенія. На почву бросается сто зеренъ, а между тѣмъ девяносто девять не всходятъ, и всходитъ только одно зерно, которое за то возвращаетъ посѣвъ сторицею! Эти-то исключенія и любопытны, привлекательны потому, что ими еще рѣзче обозначаются красоты цѣлаго, привлекательны и лю-

бопытны потому, что въ наше время, болѣе чѣмъ когда-либо, интересуются знать, какъ живется русскому человѣку всюду, въ Костромскихъ и въ Орловскихъ лѣсахъ, на взморьяхъ и въ Оренбургскихъ равнинахъ, въ городахъ и по великимъ русскимъ рѣкамъ, вездѣ, гдѣ русскій духъ и Русью пахнетъ...

Не всѣ одинакаго понятія о Малороссіи, объ этой житницѣ южной отчизны нашей! Для однихъ это—страна, гдѣ проживаютъ лѣнивѣйшіе въ мірѣ пожиратели варениковъ, о которыхъ ходитъ по свѣту столько уморительныхъ анекдотовъ,—анекдотовъ, съ которыми сравняются одни анекдоты объ англичанахъ. Для другихъ это—что-то до сихъ поръ еще дикое, отсталое, гдѣ говорятъ на тарабарскомъ нарѣчьи, носятъ чубы и ѣздятъ на волахъ. Для третьихъ веселонравная и простодушная хохландія—мѣсто, гдѣ винокурни держать очень выгодно, народъ глуповатъ, хотя подчасъ лукавъ, арбузы ни почемъ, въ деревнѣ скука страшная, сосѣди неучи и женщины довольно, однако, красивы... Для четвертыхъ, наконецъ, Малороссія — что-то такое, какъ бы вамъ сказать, такое странное, надъ чѣмъ иные восхищаются, какъ надъ Италіей, и чего, впрочемъ, они никогда не узнаютъ потому, что туда ѣхать страшно долго и непріятно, а они лучше поѣдутъ на Крестовскій или въ Новую Деревню,—тамъ, по крайней мѣрѣ, весело, нѣмецъ ходитъ по канату и музыка играетъ!.. Жители-туземцы тоже не одного понятія о Малороссіи. Одни ее любятъ, другіе совсѣмъ не любятъ; одни ею восхищаются, другіе ею ничуть не восхищаются! Объяснимся примѣромъ... Былъ нѣкоторое время сосѣдомъ моимъ помѣщикъ, по фамиліи Ганчйрка. Наливки онъ предпочиталъ всякимъ на свѣтѣ заморскимъ винамъ, никогда не брился, съ утра до вечера ругался съ смазливой ключницей и знать не хотѣлъ ни о чемъ, кромѣ своего хутора! Въ числѣ другихъ странностей, было у него, между прочимъ, одно довольно любопытное убѣжденіе.—„Да помилуйте“,—говорилъ онъ, улыбаясь такъ радушно и искренно, что и слушающіе его при этомъ невольно улыбались:—„да это подлецы французы все выдумываютъ! Ну, повѣрьте мнѣ, что нѣтъ на свѣтѣ ни Парижа, ни Лондона, ни Америки! Ну, ей-Богу же, нѣтъ! А это все черти-французы выдумали!“ Господинъ этотъ, какъ видите, весьма любопытный господинъ! Но рядомъ съ нимъ существуютъ между нашими и такіе, которые рѣшительно не имѣютъ понятія о томъ, что дѣлается у нихъ въ деревнѣ, такіе, которые очень спокойно курятъ трубку гдѣ-нибудь въ Гороховой, носятъ свои бобры на показъ мирнымъ сослуживцамъ на Невскій проспектъ, очень довольны картофельнымъ супомъ варвара-кухмистера, гдѣ нибудь на Васильевскомъ Островѣ, и въ частой безсонницѣ, послѣ карточной перепалки, мечтаютъ о томъ, что вотъ, современемъ, заведется у нихъ этакая славная карета, на лежачихъ

этакихъ рессорахъ и съ этакимъ, чортъ возьми, жокеемъ въ ботфортахъ! Но и подобные не выдержатъ! Попадись имъ инвалидъ-старикъ, храбрый русскій воинъ изъ степи, для котораго до смерти не существуетъ слова „слушаю“, а существуетъ слово „чую“, услышь они въ частномъ домѣ, занесенную Богъ-вѣсть откуда, степную пѣсню, пѣсню чудную, простую, отъ которой весело становится на душѣ, хоть бы ничего веселаго на душѣ не было,—воскресшее сердце подхватывается на крылья воображенія, подхватывается и уносится въ далекія степи, въ широкія степи, на тихій, сбѣжавшій къ рѣчкѣ хуторокъ, въ маленькій домикъ, гдѣ странникъ далекаго края родился, гдѣ прижимала его къ теплой груди стройная, черноглазая, добрая матушка, гдѣ онъ ползалъ и бѣгалъ, росъ и проказничалъ, гдѣ пролетѣли незамѣтно его далекіе, невозвратные младенческіе годы! И радъ онъ, и плачетъ тогда, и стремится всею душою вдаль. вдаль, прочь изъ душнаго города, и выходитъ въ его мысляхъ клочокъ земли, нѣсколько знакомыхъ десятинъ родной земли!.. И радъ онъ этой землѣ, радъ этимъ десятинамъ, радъ болѣе всего въ мірѣ уголку,—уголку, незнаемому свѣтомъ, деревушкѣ, съ доброю дворнею, съ доброю старою няней, съ темною большою залой, съ гостиной, увѣшанными портретами предковъ, съ отцовскимъ кабинетомъ, гдѣ щегольской подборъ ружей и охотничьихъ снарядовъ виситъ и сверкаетъ за стеклами, и съ этою перспективою тихихъ, раздольныхъ окрестностей, тонущихъ въ сумеркахъ лѣтней зари! И гордъ онъ, бѣдный степнякъ, тѣмъ, что когда наступитъ время силамъ отойти на покой,—найдетъ онъ на родинѣ пріютъ, гдѣ спокойно склонитъ усталую голову, найдетъ рядъ дѣтскихъ воспоминаній, связанныхъ съ каждымъ кустикомъ, съ каждою травкой, съ бѣднымъ, источеннымъ молью, стуломъ и ветхимъ дѣдовскимъ диваномъ... О, господа, ничто въ мірѣ не сравнится съ счастьемъ бѣдняка, мечтающаго о счастьи!.. И вотъ, въ долгій зимній вечеръ, когда уже ничто не влечетъ разсѣяться, когда театры полны радостной толпы и быстрокрылые экипажи гремятъ и несутся по улицамъ, — въ такой вечеръ невольно мечтается о другихъ мѣстахъ и о другихъ картинахъ! О, какъ бы хотѣлось тогда распахнуть промерзлое окно и встрѣтить не пасмурное, холодное небо, не громады каменныхъ, безмолвныхъ домовъ, не театры и улицы, не гранитныя и деревянныя мостовыя, а волшебнымъ маніемъ представшую степь, — степь съ панорамою луговъ и пашень, съ пестрою панорамою широкой рѣки, медленно идущей среди высокострѣльчатыхъ, темныхъ стѣнъ лѣса, уединеннаго кургана съ каменною, вросшею въ него бабою, островерхій дозорный курень бакшевника, рядъ красивыхъ, нанизанныхъ вдоль тощаго ручья, холмовъ и овраговъ, лѣнивый, скрипучій обозъ чумаковъ, хуторянскую ярмарку

съ криками, топотомъ и гамомъ хуторянскаго веселья, бѣлѣющійся вдали домъ помѣщика, домъ старика-хлѣбосола, готовящаго отчизнѣ пятерыхъ молодцовъ-сыновей и красавицу дочку, ужинъ косарей въ полѣ, бѣгъ степнаго дикаго табуна, распѣваемую на зарѣ долгую, чудную украинскую пѣсню, и всю эту дивную картину, которой имя — родина...

I.

СТЕПНОЙ ГОРОДОКЪ.

I.

СТЕПНОЙ ГОРОДОКЪ.

Никто такъ не гордится своимъ положеніемъ, какъ житель тихаго, степнаго городка,—городка и съ улицами, и съ домами, и съ аптекою, и съ лавками, городка настоящаго, среди пустынь да полей, и полей, полей безъ конца и оглядки. Это правда, мѣстоположеніе городка не завидно; посмотрите на него: онъ непремѣнно надъ рѣкою, широкою, но мелководною, степною рѣкою, и потому у него справа песокъ, слѣва песокъ, спереди песокъ, вездѣ песокъ! Такъ что зимою онъ похожъ на чернильницу, а лѣтомъ на песочницу, и молодые подсудки его, вообще большіе охотники до игры въ мячикъ и въ скрагли, въ вѣтренную погоду не употребляютъ песочницъ, а написанный листъ бумаги просто выставляютъ за окно... Эти подсудки въ слякоть употребляютъ особый родъ калошъ непомѣрной величины, чудовищной величины, въ которыя стоитъ только впрыгнуть, и дѣло съ концомъ. Оно конечно, молодые подсудки иногда дерутъ другъ друга за чубы; но вообще они—люди хорошіе, и нигдѣ въ свѣтѣ нѣтъ такихъ голубей, какъ у нихъ. Что̀ за голуби, что̀ за голуби! И гдѣ они ихъ только достаютъ? Есть тутъ и турмана, и мохначи, и голуби припетни, и обыкновенные голуби: двуплёкіе, сѣроплёкіе, полвопѣгіе съ подпалиной, и просто полвопѣгіе; синехлупые, подъ парусомъ, дымножарые, панцырники и хвостари! И весело смотрѣть, какъ въ праздники гоняютъ ихъ съ соломенныхъ крышъ молодые подсудки, и самому хотѣлось бы пожить въ маленькомъ степномъ городкѣ! Маленькій степной городокъ былъ когда-то городкомъ богатымъ и населеннымъ; во времена давно прошедшія, въ немъ помѣщалась даже резиденція одного изъ старѣйшихъ слобожанскихъ полковъ; но пора настала другая; сперва набѣги татаръ, потомъ пожары разорили его, и городокъ обезлюдѣлъ. Вирочемъ, по его улицамъ пасутся куры и гуси, а по городской площади разгуливаетъ постоянно журавль сѣрый и

старый, и разгуливаетъ съ такимъ гономъ, какъ будто ему принадлежатъ и улицы, и подсудки, и голуби, и весь городокъ со всѣмъ, что въ немъ ни на есть!—Городская рѣка, уже, разумѣется, милый сердцу Донецъ, издавна представляетъ, особенно съ горы, подъ которой легъ городокъ, занимательные виды отъ песчаныхъ отмелей и наносовъ. На одномъ берегу его купаются мущины, на другомъ женщины; и между двумя берегами, при этомъ, всегда начинается такой разговоръ. Мущины, войдя въ рѣку, говорятъ: „можно ли нырять? Мы подъ водою къ вамъ не подплывемъ!“ А женщины отвѣчаютъ: „нѣтъ, нырять нельзя, потому что мы уже васъ знаемъ, и вы какъ разъ подплывете подъ водою!“ И вслѣдъ за тѣмъ онѣ начинаютъ барахтаться, подмахивая спиною кверху, что, какъ уже извѣстно, означаетъ женское плаванье. На той же рѣкѣ толстая купчиха, гордость бакалейнаго торговца, у котораго, подъ-стать ей, есть хриплый перепелъ, широкозадый битюгъ, бархатный чай, пятиведерный самоваръ и всегдашняя одышка, тутъ же бережно входитъ въ воду и говоритъ про себя, глядя подслѣповатыми глазками на другой берегъ, а на другомъ берегу купается крошечный человѣчекъ: „и зачѣмъ это дѣтей пускаютъ въ воду? Еще неравно утонетъ!“ На эти слова, съ другаго берега, раздается сердитый голосъ: „вѣрно, матушка, глаза-то подъ мышки, или въ другое мѣсто спрятала, что не видишь? Я секретарь, а не дитя!“ Говорящій это, непомѣрно маленькаго роста, но тѣмъ не менѣе не то, что сказала купчиха, а секретарь, выказывается изъ воды, и бакалейница видитъ, что онъ точно секретарь, а не дитя. Тутъ же, на берегу, въ платьѣ адама, моетъ снятую съ себя рубашенку дѣвочка и потомъ, въ томъ же платьѣ, идетъ разостлать ее на берегу просохнуть, пока она сама выкупается. Въ самый солнцепекъ, когда городскія плотины, пожирательницы сапогъ и постоловъ, не гнутся отъ проѣзжающихъ обозовъ, и торговки на базарѣ не перестрѣливаются мелкою бранью, именуемою бекасинникомъ, въ полдневный зной, городокъ совершенно стихаетъ, и все въ немъ остается до вечера въ горизонтальномъ положеніи въ домахъ, съ заколоченными на глухо ставнями. Въ горизонтальномъ положеніи, впрочемъ, появляются прежде всего почтенные старожилы, которые въ это время уже пообѣдали и поспѣшили, какъ говорится, завернуть на село боковеньку! Не спятъ въ это время одни модники: они дѣлаютъ визиты почтенія и визиты уваженія. Кто съ кѣмъ давно знакомъ, то еще ничего и не выходитъ дурнаго; но съ новичкомъ при этомъ случаются странныя исторіи. Проговоривъ не малое время съ авантажною дамочкой, хозяйкою дома, проговоривъ въ пріятной темнотѣ, съ закрытыми ставнями, модникъ переходитъ изъ царства мрака въ царство свѣта, встрѣчается съ нею,

иногда въ тотъ же самый вечеръ, на улицѣ и остается въ остолбенѣніи: авантажная дамочка, хозяйка дома, не узнаетъ его! Но, вотъ, визиты кончаются. Въ горизонтальномъ положеніи всѣ отъ мала до велика. Тогда мертвая тишина городка не нарушается ничѣмъ; она нарушается только звонкимъ храпомъ Бориса Борисовича, или, какъ его называютъ въ городкѣ, Барбариса Барбарисовича Плинфы, отставнаго судьи; этотъ храпъ, въ самомъ дѣлѣ, такъ звонокъ, что внимающимъ ему все кажется, будто къ порогу Плинфы пришли съ поздравленіемъ трубачи. Наконецъ, уже не слышно и трубачей! Жара въ полномъ разгарѣ. Тутъ скрытый глазъ наблюдателя можетъ подмѣтить, какъ запоздавшая въ болтовнѣ съ кумою, загорѣлая мѣщанка, въ красной юбкѣ и голубомъ шушунѣ, идетъ, изнемогая отъ зноя, и, полусонная, вяжетъ на ходу чулокъ; а рыжій поповичъ, въ набойчатомъ балахонѣ, тащитъ за рога келейно-похищенную у сосѣда козу, и коза упирается и шагаетъ, пошатываясь, какъ марширующій рекрутъ. Но никогда такъ не шуменъ городокъ, какъ во время ярмарокъ. Главныя ярмарки въ немъ бываютъ подъ Варвару, на Преполовенье и подъ Трехъ сестеръ и ихъ матери.

Въ обыкновенное время тутъ не достанешь даже донскаго, зато на ярмаркахъ чего только не достанешь! Окружные помѣщики, съѣхавшись, прежде всего заводятся новыми картузами. Помѣщицы, съѣхавшись, прежде всего летятъ туда, гдѣ продаются чепчики, чепчики, чепчики прелесть и очарованіе! Ремонтеры торгуются съ цыганами и пьютъ го и просто сотернъ, а также шато-марго, который они зовутъ шатай-моргàй. На городскихъ франтахъ появляются розовыя кисейныя накидки и брюки такихъ цвѣтовъ, что на нихъ постоянно лаютъ собаки! Изъ невѣдомыхъ странъ возникаетъ, среди улицъ, извозчикъ, извозчикъ — чуда, извозчикъ—привидѣнія, на пролеткахъ, обитыхъ полинялою панкою, и на парѣ лошадей, изъ которыхъ за одной слѣдуетъ годовалый жеребенокъ. Каждый молоденькій панычъ тутъ на перечетъ, жениховъ ловятъ, какъ перепеловъ на дудочку! При видѣ молоденькаго паныча, обитательницы городка стараются тотчасъ обратить на себя вниманіе или костюмомъ, или словомъ, или чѣмъ-нибудь, чѣмъ-нибудь! Онѣ возвышаютъ голосъ громче обыкновеннаго. Одна говоритъ: „ахъ, душенька, кумушка, вы не повѣрите, что это за бондарй! Макйтры и товкачи еще дороже стали!“ На это другая отвѣчаетъ: „ахъ, крошечка моя, это еще что, макйтры и товкачики! А вотъ, я борова пріобрѣла за свое старое букмуслиновое платье, и что же? Еще приплатилась, матушка! Кочеты по полтинѣ, рыжики по полтинѣ, а къ яйцамъ, съ позволенія замѣтить, и приступа нѣтъ!“ Крикъ сластенницы заглушаетъ голоса дамъ. Усѣвшись на дорогѣ съ желѣзною печкою и спрятавъ подъ юбку, отъ мухъ и пыли, горшокъ

съ тѣстомъ, она кричитъ: „панычи, голубчики! У меня возьмите! Панычи, душечки! У меня!“ Или: „господа-служба! вотъ у меня хорошія сластёны!“ Желающему она тотчасъ производитъ самую свѣжую сластёну: для этого послюнитъ только пальцы, ухватитъ изъподъ завѣса тѣсто и броситъ его прямо въ масло!—Да, ярмарки городка—любопытныя ярмарки! Спозаранку около пестрыхъ ятокъ уже идетъ гулъ и толкотня. Рыжій захожій суздалецъ, съ книжками и коврижками, имѣющій обычай, какъ говорится, спрятать въ карманы по денежкѣ и къ вечеру въ каждомъ спрашивать барыша, имѣющій обычай, какъ тоже говорится, тереть полушку о полушку, въ надеждѣ, не выпадетъ ли третья, остановился и слушаетъ, какъ отставной шевронистъ, побывавшій за моремъ и дальше, толкуетъ о томъ и о семъ, и о томъ, какъ солдатъ солдата въ Туречинѣ изъ глины лѣпитъ.—„Э! Да ты, другъ, уже слишкомъ!“ замѣчаетъ суздалецъ: „этого, братъ, быть не можетъ!“—„Не можетъ быть?“ спрашиваетъ шевронистъ: „не мѣшай по пустому; не твоя череда; безъ смазки сказки, что безъ полозьевъ салазки! Сѣсть сядешь, только все изгадишь!“ Громкій хохотъ сопровождаетъ прибаутку шеврониста.—Но вотъ, близокъ обѣдъ. Толпа возрастаетъ. Цыганъ съ утра еще началъ торговаться и для этого, по своему цыганскому обычаю, хлопать рукою въ руку слобожанина и до обѣда все еще хлопаетъ, не сходясь съ нимъ на цѣлковомъ.—„Ну, дашь за коня цѣлковый?“ кричитъ, хлопаетъ цыганъ. „Не дамъ цѣлковаго!“—отвѣчаетъ оглушенный слобожанинъ. „Ну, обернись на сходъ солнца; обернись, красота!“—говоритъ цыганъ и самъ обертывается.—„Ну, молись, красота! конь твой!“ Красота оборачивается и молится, но коня не беретъ за цѣлковый, потому что, кромѣ цѣлковаго, онъ долженъ еще дать и своего коня и сапоги и куль привезеннаго гороха! Цыганъ въ отчаяніи; а уже когда цыганъ въ отчаяніи, то торгу недолго длиться, онъ присѣдаетъ къ землѣ и кричитъ, срывая горсть травы: „чтобы такъ у меня животы оборвало, и еще родимецъ убилъ бы мою тетку, если конь не годится!“ — Слобожанинъ при этомъ чешетъ за ухомъ и соглашается потому, что цыганъ уже такъ побожился, что уже, кажется, и соврать никакъ не можетъ. „Пидчеревей, шобъ бахтировала!“ кричитъ пестрая мѣднолицая толпа, прыгая и подчуя коня пинками и тычками, и сколько осторожный слобожанинъ ни машетъ шапкою, то въ правый, то въ лѣвый глазъ коня, слѣпая, разбитая кляча идетъ за зрячею! Но, вотъ, еще шумнѣе, еще пестрѣе! Торгъ въ полномъ разгарѣ.—Индѣйки кавкаютъ на голоса школяровъ; дѣти, покинутыя засуетившимися матерями, хныкаютъ, а налетѣвшій вѣтеръ заворачиваетъ имъ рубашенки на головы; заводскій, караковый въ сливахъ жеребецъ бьется и ржетъ, на желѣзной цѣпи, косясь на

проходящій табунъ; торговки на мосту говорятъ всѣ разомъ и ни одна не хочетъ слушать! Ряды палатокъ съ красными товарами разстилаются длинною, пестрою панорамою. Тамъ еще шумнѣе! Одинъ споритъ, другой божится на весь базаръ отцомъ и матерью, дядею и теткой; третій наскоро подставилъ сосѣду тавлинку и самъ собирается пропустить въ ноздрю порядочный фейерверкъ, между тѣмъ какъ увѣряетъ покупщика, что его ситецъ не ситецъ, а просто, такъ сказать, предводительская оранжерея; подъ яткою, гдѣ играютъ кóбзы и цимбалы, кто-то растрогался и плачетъ и обѣщаетъ брата изъ тюрьмы выкупить, и говоритъ, что брата онъ такъ любитъ, какъ никого не любитъ; а вотъ несется за плетнемъ отрывистая брань и чей-то басъ иронически замѣчаетъ: „да ужъ гдѣ же тебѣ, Ѳедя, спорить, когда у тебя весь ротъ на бекрень!“ Красноносая перéкупка показываетъ уходящей бабѣ дулю.—А около ставки, гдѣ выскакиваетъ деревянная кукла, такой гамъ, что еще никогда и не слыхано; одинъ хохочетъ, ухватившись за бока, причемъ шапка его съѣхала на самый затылокъ; другой жену громко кличетъ посмотрѣть; а третій, въ оцѣпенѣніи, объявляетъ, что у него разомъ изъ обоихъ кармановъ украли и трубку, и кисетъ! Но и это еще не все. Идите скорѣе въ ветошный рядъ; тамъ продается всякая пестрая рухлядь. Старая лохмотница, обмотанная лентами, кусками распоротаго желтаго и краснаго сукна, несетъ на головѣ гору шляпокъ, а на рукахъ гору брюкъ. Къ ней подходятъ безъ церемоніи, берутъ ея шляпки и ея брюки, переворачиваютъ ихъ во всѣ стороны, тутъ же примѣряютъ, хлопаютъ руками по сомнительнымъ мѣстамъ и снова отдаютъ ей шляпки и брюки. Въ ветóшномъ ряду продаютъ также грушевый квасъ и соловьевъ!—О, ярмарки въ городкѣ—очень любопытныя ярмарки!—Но никогда такъ не скученъ городокъ, какъ послѣ ярмарокъ. Тогда онъ совершенно пустѣетъ, и ничто уже не въ силахъ его развеселить. Одинъ острякъ сравнилъ городокъ послѣ ярмарокъ съ сусликомъ, который спитъ, а городокъ во время ярмарокъ съ сусликомъ, который радостно кричитъ на своей норкѣ.—На что только не пускаются горожане по обычаю всякаго русскаго человѣка, который гнетъ — не паритъ, переломитъ — не тужитъ! И книги начинаютъ читать, и другъ другу стараются всучить кума или куму, сватаютъ другъ друга, и въ гости къ румяному Ефиму Трофимовичу ѣздятъ, къ которому до той поры, по одной причинѣ, никогда не ѣздили, и принимаются, наконецъ, особенно пожилыя и плотныя дамы, верхомъ ѣздить, причемъ выписанныя изъ губерніи амазонки пышно обрисовываютъ ихъ полныя округлости. Вообще, надо замѣтить, туземныя дамы изъ породы булокъ, что не мало удивляетъ мужей, потому что невѣстами дамы вовсе не были булками, а были

вообще барышни нѣжненькія, какъ говорится, барышни-хрящики, питавшіяся мѣломъ и грифелями! Иногда, впрочемъ, невѣдомое перо вдругъ пуститъ неожиданный, словесный брандскугель. Тутъ все оживаетъ и поднимается. Въ ловкихъ стишкахъ говорится про особу, побывавшую въ столицѣ, что она: „съ чухной лично говорила и въ кунсткамерѣ была!“ Про красавицу, предметъ общихъ толковъ, говорится: „и какъ не веселиться тутъ землѣ и небеси, когда ты именинница, Эмилія, еси!“ И долго шумятъ и волнуются, по поводу словеснаго брандскугеля, горожане, и долго городокъ не утихаетъ, какъ присутствіе послѣ какого-нибудь билье-ду ревизіонной коммиссіи. Но, наконецъ, и это умолкаетъ. Тогда маленькій городокъ—царство неисходной скуки! Одинъ учитель пѣнья тогда еще заходитъ изрѣдка потолковать съ аптекаремъ о томъ, что, вотъ, нѣтъ совсѣмъ ни уроковъ, ни больныхъ; но и это бываетъ не надолго. Дверь въ аптеку скоро заплетается паутиною, и аптекарскіе ученики пускаютъ изъ оконъ на опустѣлую улицу мыльные пузыри, а учитель пѣнія открываетъ табачную лавочку и съ улыбкой встрѣчаетъ каждаго покупателя, рѣдкаго и счастливаго покупателя!.. Въ одинъ изъ такихъ-то послѣярмарочныхъ вечеровъ, именно, когда маленькій степной городокъ походилъ на суслика, который спитъ, къ городской чертѣ подъѣзжалъ на рысяхъ дорожный дормёзъ, запряженный шестерикомъ почтовыхъ. Лакей, толстый господинъ изъ разряда крупночубыхъ бакенбардистовъ, качаясь, дремалъ сзади, усѣвшись въ подушки рессорнаго человѣколюбія. Заставы въ городкѣ никогда не водилось, на мосту собирали деньги за переправу черезъ рѣчку. Подслѣповатый инвалидъ, починявшій какое-то женское платье, принимая отъ лакея деньги, спросилъ: „а кто ѣдетъ?“ И получилъ въ отвѣтъ: „ѣдетъ подполковникъ!“ Хотя подполковникъ впослѣдствіи оказался просто надворнымъ совѣтникомъ. Дормёзъ, въѣхавъ на пески, поплелся шагомъ. Приближаясь къ городку, проѣзжій поминутно высовывался изъ оконъ. Въ улицѣ пригороднаго села онъ разъѣхался съ бричкой, изъ-подъ будочки которой выглянули два дѣвическія лица, въ мелкихъ рыжихъ тирбушонахъ и голубыхъ полинялыхъ шляпкахъ. Проѣзжій, бросивъ на нихъ бѣглый взглядъ, тихо вздохнулъ. Казалось, онъ жалѣлъ и о тирбушонахъ, и о голубыхъ шляпкахъ! Далѣе, почти уже на городскомъ мосту, онъ разминулся съ толстою шестимѣстною, хуторянскою колымагой, набитой биткомъ, какъ арбузъ съ сѣмячками, молоденькими, веселыми барышнями. Сердитая особа престарѣлаго возраста, очевидно маменька, жалась въ глубинѣ экипажа, завинченная и сжатая со всѣхъ сторонъ. Кругленькія и бѣленькія, какъ гладенькое яичко, личики на стукъ дормёза выглянули изъ оконъ, выглянули съ задержанными рѣчами и изумленными взгля-

дами, выглянули чуть не помирая со смѣху, и проѣзжій слышалъ, какъ дружный хохотъ градомъ раздался за его спиною, едва дормёзъ разъѣхался съ колымагой. Проѣзжій тоже улыбнулся; казалось, онъ былъ доволенъ и кругленькими личиками, и звонкимъ дѣвическимъ хохотомъ. Скоро дормёзъ поднялъ облака песку въ городскихъ улицахъ и остановился подъ крыльцомъ единственной гостиницы иногороднаго еврея, Сруля Мошки, у котораго дѣти были Юдка и Мордка, вѣчно бѣгавшія нагишомъ, и полная, бѣлолицая жена Хаюня. Сруль Мошка держалъ гостиницу безъ вывѣски; но зато эта гостиница была съ бильярдомъ и маркёромъ. Проѣзжій вышелъ изъ дормёза. Едва его лысина, такъ-называемая ранняя лысина, съ волосами, зачесанными въ видѣ артишоковъ, съ затылка на виски, показалась въ сѣняхъ, съ лавки вскочилъ растрепанный маркёръ, вставившій на одно мѣсто въ брюкахъ заплату голубаго цвѣта. Проѣзжій, проходя по корридору, заглянулъ въ залъ. На бильярдѣ, по обыкновенію, сидѣла курица. Этотъ бильярдъ имѣлъ то похвальное обыкновеніе, что куда бы шаръ по немъ ни катился, онъ непремѣнно попадалъ въ лѣвую среднюю лузу и, поставленный на навощенный шаростав, качался нѣсколько минутъ, какъ акробатъ на канатѣ. Окна въ залѣ, поднимаемыя въ видѣ силкòвъ на подставкѣ, имѣли тоже похвальное обыкновеніе иногда, совершенно неожиданно, хватить по просунутой въ нихъ шеѣ. Войдя въ номеръ, проѣзжій замѣтилъ маркёру, что не мѣшало бы выпить съ дороги чаю. Суровый маркёръ на это ничего не сказалъ, но скоро загремѣлъ блюдечками и чашками; лакей-бакенбардистъ, между тѣмъ, раскинувъ умомъ, что отъ хозяина скорѣе поживешься и съѣстнымъ, и питьемъ, пустился на поиски Сруля Мошки. Пройдя черезъ дворъ, онъ остановился передъ погребомъ, гдѣ, по справкамъ, долженъ былъ находиться жидъ. На дворѣ, между тѣмъ, уже окончательно стемнѣло. Подъ широкимъ навѣсомъ, въ мерцающемъ полусвѣтѣ онъ разсмотрѣлъ пейсы и черную бороду. И только что онъ, прокашлявшись и потеревъ для бодрости бока нанковой куртки, сказалъ: „подполковникъ пріѣхалъ, и потребуется сарай для кареты!“—какъ откачнулся назадъ и въ ужасѣ раскрылъ глаза... Рука его коснулась чего-то мягкаго и теплаго, и изъ глубины подвала выдвинулась, вмѣсто жида, узкая морда стараго конюшеннаго козла. Изумленіе лакея было неописанное; оглянувшись во всѣ стороны, онъ пошелъ, какъ обкаченный водою пудель, и въ то же время услыхалъ за заборомъ чьи-то торопливые шаги. Впослѣдствіи оказалось, кому принадлежали эти шаги. Стягивая съ барина сапоги и чулки, причемъ тотъ подергивалъ пятками потому, что боялся щекотки, онъ не выдержалъ и въ волненіи, почти умирающимъ голосомъ, разсказалъ свое приключеніе съ козломъ. Баринъ

покачалъ головою и, стукнувъ лакея по красному затылку, весело замѣтилъ: „это, Вася, счастье; это, Вася, пророчитъ большое счастье!“ Едва проѣзжій разоблачился и надѣлъ ночную кофту, едва самоваръ, подпертый съ одной стороны, за отсутствіемъ ножки, замкомъ, а съ другой стороны ножницами, запыхтѣлъ и зарумянился на столѣ,—дверь комнаты отворилась, и на порогѣ явился господинъ, какъ говорится, изъ породы недоростковъ недостатковскихъ. Склонивъ голову на подобіе подстрѣленной дичи и прикладывая руку къ груди, точно держалъ въ ней прошеніе на погребеніе жены или дочери, вошедшій началъ говорить вдохновенно: „И возможно ли, и вижу мужа такого сана, и взоры меня не обманываютъ!“ Думая, что это затѣмъ, чтобы точно просить на погребеніе жены или дочери, проѣзжій снялъ со стола кошелекъ и протянулъ вынутый изъ него четвертакъ къ двери. Посѣтитель встрепенулся, посинѣлъ и, закинувъ голову, отступилъ...

— Не понимаю, не понимаю!—произнесъ онъ, запальчиво и заикаясь:—что это можетъ значить?—Проѣзжій тоже переконфузился.

— Вотъ, милый мой, возьмите, не церемоньтесь!—произнесъ онъ довольно неровно. Посѣтитель засмѣялся, какъ человѣкъ, соболѣзнующій объ ошибкѣ ближняго, и замѣтилъ: „извините, тутъ вышло кипрокò, и не одно, а цѣлыхъ два кипрокà: во-первыхъ, я не то, что вы думали; во-вторыхъ, я—Борисъ Борисовичъ Плинфа, здѣшній обыватель; и не стыдно ли вамъ подчивать меня четвертаками?“ Читатель уже вѣроятно привелъ въ памяти, что это былъ тотъ самый Плинфа, къ которому въ полдень обыкновенно приходили съ поздравленіемъ трубачи, и вѣроятно также догадался, что появленіе его произошло вслѣдствіе подслушаннаго разговора лакея съ козломъ. Проѣзжій согласился, что подчивать четвертаками, дѣйствительно, стыдно, и произнесъ: „Извините, я ошибся, прошу садиться, и не желаете ли стаканъ чаю?“—„Много благодаренъ!“—подхватилъ Плинфа, утирая носъ, кончикъ котораго начала безпокоить выступившая изъ него капля:—„только ужь позвольте въ прикуску и пожиже; крѣпкій чай, говорятъ, раздражаетъ нервы и заставляетъ думать о томъ, о чемъ иногда и не хочешь думать!“ Проѣзжій... но, прежде, нежели мы скажемъ, согласился ли проѣзжій съ тѣмъ, что чай раздражаетъ нервы и заставляетъ иногда думать о томъ, о чемъ бы и не хотѣлъ думать,—скажемъ, что за человѣкъ былъ этотъ проѣзжій.—Проѣзжій, мужчина лѣтъ сорока, былъ человѣкъ добрый, добрый, какъ говорится, необидѣвшій на своемъ вѣку мухи. И это, сколько намъ кажется, происходило отъ его домашняго воспитанія. Вслѣдствіе этого домашняго воспитанія, выйдя въ отставку и поселясь въ деревнѣ, онъ старую ключницу, мошенницу изъ мошенницъ, звалъ Михѣевной, а иногда тетенькой, атáману на всѣ распоряженія

его говорилъ: „хорошо, хорошо, братецъ, Силентій; это очень хорошо!“ — и отъ скуки игралъ въ карты съ двумя горничными, которымъ имена были Гопка и Галька. На службѣ, ходя постоянно въ широкомъ фракѣ на ватѣ и получая къ столу всѣ деревенскіе припасы, онъ слылъ у молодыхъ сослуживцевъ подъ именемъ зайца въ мѣшкѣ и сахарнаго тихони, а у пожилыхъ—подъ именемъ прекраснаго молодаго человѣка. Эти пожилые только находили его нѣсколько разсѣяннымъ. Разсѣянность въ самомъ дѣлѣ была любопытная... Бывало, поймаетъ въ присутствіи кого-нибудь за пуговицу и начинаетъ съ нимъ говорить, да говоритъ до того, что слушающій готовъ въ обморокъ упасть и не имѣетъ силъ вырваться. Одинъ шутникъ въ такомъ положеніи вынулъ изъ кармана ножикъ, отрѣзалъ пуговицу, за которую разскащикъ держался, и улизнулъ. На службѣ же, бывало, остановитъ кого-нибудь въ экипажѣ на улицѣ, деликатно стащитъ его за пуговицу на мостовую, спроситъ, какъ ваше здоровье, и, получивши должный отвѣтъ, скажетъ: „А, хорошо!“ и,сказавши: „А, хорошо!“ сядетъ спокойно въ чужой экипажъ и укатитъ, прежде чѣмъ владѣлецъ его успѣетъ опомниться. Въ деревнѣ онъ жилъ довольно порядочно; сосѣди ѣзжали къ нему на именины и поиграть въ карты. Только вдругъ однажды онъ задумался, думалъ-думалъ, и рѣшился произвести важный переворотъ въ своемъ существованіи. Каковъ былъ этотъ переворотъ, читатель увидитъ дальше... Проѣзжій, дѣйствительно, согласился, что чай разстраиваетъ нервы и вселяетъ иногда предосудительные помыслы; гость на это помолчалъ и спросилъ съ улыбкой: „Имя и отечество ваше?“ — „Надворный Совѣтникъ Ѳока Пятизябенко!“—отвѣтилъ хозяинъ, также съ улыбкой.

— Ѳока Лукичъ? — подхватилъ гость, покачнувшись и съ улыбкой.

— Ѳока Ильичъ! — отвѣтилъ хозяинъ, также покачнувшись и также съ улыбкой.

Чай снова былъ розлитъ по стаканомъ.

— Отъ васъ, Ѳока Ильичъ,—началъ гость:—вѣроятно не укрылось, какъ бѣденъ и скученъ нашъ городъ?

— Не укрылось!—отвѣтилъ хозяинъ, расправляя и обсмактывая замоченные въ чаю усы, которые онъ носилъ для нѣкоторой прикрасы ранней лысины:—только я не думаю, чтобъ городъ вашъ былъ точно скученъ и бѣденъ.

— Скученъ и бѣденъ!—подхватилъ гость:—скученъ и бѣденъ! И вы не повѣрите, какіе странные случаи бываютъ въ немъ! Вотъ, напримѣръ, у меня на свадьбѣ, на первой еще свадьбѣ, потому что я вдовецъ, изъ самой, такъ сказать, брачной комнаты украли сапоги и брюки!

— Быть не можетъ!—подхватилъ удивленный хозяинъ.

— Точно такъ, прошу не сомнѣваться!—подхватилъ гость, кланяясь:—и утащили въ то время, какъ кромѣ меня и жены никого не было въ комнатѣ!—Послѣдовало деликатное съ обѣихъ сторонъ молчаніе; хозяинъ налилъ гостю еще стаканъ чаю, помолчалъ и началъ говорить... И то, что услышалъ Плинфа, поразило его неописаннымъ удивленіемъ; блюдечко зазвенѣло въ его рукахъ, когда Пятизябенко произнесъ послѣднія слова и завершилъ: „Вотъ, Борисъ Борисычъ, вотъ мое задушевное и неизмѣнное желанье!“ Плинфа помолчалъ и спросилъ: „Да на комъ же это вы думаете жениться?“ — спросилъ, все еще не понимая вполнѣ страннаго намѣренія помѣщика и мысля про себя: „какая же это наша фефела наградитъ собою такого жениха?“

— Да я же вамъ говорю, на комъ, — отвѣтилъ Пятизябенко и еще разъ повторилъ въ малѣйшихъ подробностяхъ сказанное Плинфѣ.—Далеко за полночь огонь погасъ въ окнѣ вновь занятаго номера гостиницы. Какъ обухомъ оглушенный, вышелъ Плинфа на улицу и почти опрометью побѣжалъ, повторяя про себя: „Ахъ ты, батюшки, батюшки, вотъ разодолжилъ!“—И цѣлый рой предположеній заходилъ и завертѣлся въ головѣ Плинфы. — А надо сказать, что Плинфа былъ большой поклонникъ всякаго рода новостей. Живя уже давно въ отставкѣ, онъ постоянно, по привычкѣ, каждый день приходилъ, какъ будто по дѣлу, въ присутствіе и весело здоровался съ чиновниками, которые всѣ знали и любили отставнаго судью и всякій разъ говорили: „А! вотъ и вы, Барбарисъ Барбарисовичъ! Ну, что? есть ли теперь что-нибудь новенькое?“ На это Барбарисъ Барбарисовичъ молча скрипѣлъ табакеркою, на которой была изображена таблица съ разсчетомъ для бостона, и отвѣчалъ: „Какъ же, есть!“—„Да что же такое есть?“ допрашивали любопытные чиновники.—„А вотъ и есть!“ отвѣчалъ Плинфа, смотря себѣ на сапоги: „вотъ, Вакулищенко мнѣ новые сапоги сдѣлалъ!“—„Да какъ же новые?“ замѣчали на это пытливые чиновники: „вы, Барбарисъ Барбарисовичъ, еще на той недѣлѣ ихъ показывали!“ На это Плинфа качалъ головою и говорилъ: „Э! то не тѣ сапоги, то были совсѣмъ другіе сапоги, а эти совсѣмъ новые сапоги!“ Еще Пятизябенко спалъ на кровати, о которой выражалась одна надпись на стѣнѣ номера: „Горе и мука тому, кто будетъ осужденъ судьбою лежать на сей кровати!“ и которая точно представляла горе и муку потому, что поминутно двигалась и скрипѣла, издавая какіе-то насмѣшливые звуки, точно говорила: „А что, братъ, а-га! посмотримъ, какъ ты заснешь, посмотримъ! что, братъ, взялъ?“ Еще маркеръ, въ ожиданіи пробужденія гостя, поминутно смотря на вновь запла-

танныя брюки, вытиралъ кіи и чистилъ бильярдъ, на которомъ шары, какъ извѣстно, непремѣнно падали въ лѣвую среднюю лузу,—а уже городокъ шумѣлъ, и цѣлое море толковъ, споровъ и догадокъ колебало спокойствіе низенькихъ домиковъ. Слово „женихъ“ молніей облетѣло всѣ дѣвственныя сердца и закоулки. Разнеслась вѣсть, что пріѣзжій помѣщикъ, Надворный Совѣтникъ Пятизябенко, рѣшился жениться на той, которую первую увидитъ въ городкѣ, разумѣется, если эта первая согласится отдать ему свою руку, и ужь также разумѣется, что какая же не согласится отдать ему своей руки! Главную роль въ этихъ городскихъ толкахъ играла высокоуважаемая дѣвица-акушерка, Анна Ванна Гонорарій, какъ ее называли горожане, и которая на ванну впрочемъ нисколько не походила, а походила на бекаса, котораго прозвище къ ней и было навсегда припечатано. Надо замѣтить, что на эту птицу акушерка походила вслѣдствіе носа, который, какъ кранъ у самовара, торчалъ на ея миніатюрномъ личикѣ. Еще до разсвѣта, по неисповѣдимымъ судьбамъ, эта особа узнала всю подноготную отъ Плинфы и до утра не могла сомкнуть глазъ. Съ зарей она уже порхнула въ телѣжечку, именуемую нетечанкою, и полетѣла съ визитами къ нуждающимся и ненуждающимся въ ея искусствѣ, изъ которыхъ первыхъ впрочемъ постоянно было болѣе въ благословенномъ городкѣ. Благословенный городокъ, скажемъ мимоходомъ, особенно пришелся по вкусу акушеркѣ. Она прилетѣла сюда, по окончаніи курса, на почтовыхъ и съ той поры сдѣлалась душою его общества. Увидѣвъ, какъ на одной станціи она подкатила къ крыльцу, на перекладной, въ чепчикѣ безъ вуали и съ книжкою въ рукахъ, громко скомандовала запрягать и, выпивъ стаканъ молока, снова умчалась впередъ, какъ добрый фельдъегерь, одинъ проѣзжій, заслуженный генералъ, замѣтилъ: „Ну, матушка, такая не сробѣетъ!“ И точно, Анна Ванна Гонорарій никогда еще не сробѣла. Разъѣзжая по городу въ уютной нетечанкѣ и служа первымъ привѣтствіемъ всякому новому гостю міра, Анна Ванна въ то же время слыла и модницей, и затѣйницею веселиться, и затѣйницею устраивать сговоры и свадьбы, а слѣдовательно и нужныя подготовленія будущихъ привѣтствій новыхъ гостей міра. Выходя утромъ за ворота, она не пропускала ни одного хуторянина, идущаго изъ окрестностей на базаръ, и всѣхъ почти знала по имени.—„Ты это пѣтуха, Онисимъ, несешь?“ спрашивала она.—„Пѣтуха, барышня!“ отвѣчалъ Онисимъ, держа перевернутаго вверхъ ногами, съ отекшею головою, пѣтуха.—„Продай мнѣ пѣтуха, Онисимъ“, говорила она, ощупывая хлупь и бока пѣтуха.—„Берите, барышня!“ говорилъ на это Онисимъ: „только позвольте прежде вашу ручку поцѣловать!“—Съ акушеркой жилъ еще маленькій племянникъ Вава, который иногда сопровож-

далъ ее въ поѣздкахъ по городу.—„Это что, тётя, какое слово написано на заборѣ?“ спрашивалъ онъ, подпрыгивая на нетечанкѣ и разсматривая тѣ надписи мѣломъ, которыя иногда производятся на стѣнахъ и заборахъ въ отдаленныхъ городскихъ улицахъ.—„Это, душечка, ничего! это неконченное слово!“ говорила на это тетенька, оборачивая лице Вавы въ другую сторону: „ты этого не поймешь!“ И точно, Вава этого не понималъ.—Не мѣшаетъ также замѣтить, что, по туземному обычаю, помолвившись за Плинфу, о чемъ мы забыли сказать, Анна Ванна Гонорарій позволяла своему жениху, при людяхъ, иногда нѣкоторыя золотыя вольности. Она... цѣловалась съ своимъ женихомъ. И надо было видѣть, какъ она съ нимъ цѣловалась! Такъ уже теперь не цѣлуются на свѣтѣ! Тонко намекая на румянецъ щекъ Анны Ванны, почтмейстерша, едва видѣла ихъ вмѣстѣ, обыкновенно говорила: „Барбарисъ Барбарисовичъ! посмотрите, какая она хорошенькая! ужь поцѣлуйте ее, душечку, въ стыдливое мѣсто!“ На это душечка краснѣла и, подставляя щеку, говорила: „Ахъ, право, ужъ вы мнѣ съ вашими просьбами!“ И Плинфа, также зардѣвшись, исполнялъ желаніе почтмейстерши, то-есть, цѣловалъ невѣсту въ стыдливое мѣсто... Совершивъ болѣе десяти наѣздовъ на дома и домики, акушерка подлетѣла къ крыльцу Плинфы и въ волненіи, сказавъ племяннику: „Ну, Валя, поставь лошадь подъ сарай, а самъ побѣгай въ саду; я зайду къ дядѣ!—“быстро порхнула въ сѣни. Вава поставилъ коня подъ сарай и пошелъ въ садъ. Пижонъ, собака акушерки, тоже подошелъ въ садъ, но прежде его настигли дворняги Плинфы и, составивъ около него кружокъ, стали по своему обыкновенію, какъ говорится, читать его дипломъ.— „Ну! поздравляю васъ!“ вскрикнула акушерка, сталкиваясь въ передней лицомъ къ лицу съ Плинфою: „гость-то вашъ оказался обманщикомъ, гнуснымъ обманщикомъ! онъ вамъ все, должно быть, налгалъ, и больше ничего!“

— Да помилуйте, — проговорилъ робкій Плинфа, подходя къ ручкѣ невѣсты:—чѣмъ же онъ могъ налгать?

— Отстаньте! —вскрикнула акушерка, отдергивая ручку, одѣтую въ перчаточку цвѣта майскаго жука, съ отливомъ:—что̀ мокрой-то курицей такой смотрите! Страмъ, да и только! Объѣхала всѣхъ, была у всѣхъ, спрашивала всѣхъ, никто и не слыхалъ такой фамиліи,—Пятизябенко! И развѣ могутъ быть такіе женихи на свѣтѣ!

— Да что-жъ тутъ такого въ этой фамиліи?—спрашивалъ озадаченный Плинфа:—и чѣмъ же она худая фамилія?

— Была даже у буфетчика, у маркера Букана въ гостиницѣ! — продолжала гостья:—заѣзжаю по дорогѣ и спрашиваю: что, говорю, Букаша, пріѣзжій женихъ уже посватался?—Какой, говоритъ, посватался. Онъ еще спитъ, говоритъ! — Спитъ! И это женихъ! Ну, та-

кіе ли бываютъ на свѣтѣ женихи? Да что же вы такой нюней стоите? Отвѣчайте!—почти сквозь слезы спрашивала акушерка... Но не успѣла она произнести послѣднихъ словъ, какъ посреди улицы показался красивый господинъ въ соломенной шляпѣ, не молодой, это правда, но еще румяный и съ вожделѣннымъ запасомъ здоровья. Онъ остановился передъ окнами дома, противъ Плинфы. Сердце ёкнуло подъ лифомъ акушерки, и въ глазахъ ея заходилъ сладкій туманъ. Ей показалось, въ первое мгновеніе, что прохожій замѣтилъ ее. Но скоро предположеніе это оказалось ошибочнымъ: прохожій ступилъ на крыльцо и вошелъ въ сѣни противуположнаго дома. Акушерка нервически оттолкнула Плинфу и, вскрикнувъ: „Ахъ-ти, матушка, опростоволосилась!“—кинулась въ ближній залъ. Тамъ, изъ-за горшковъ герани и занавѣсокъ, стала она въ кулакъ наблюдать, что будетъ происходить въ сосѣднемъ домѣ. Вотъ, опредѣлите послѣ этого сердце женщины; вѣдь, кажется, женихъ у нея стоялъ за плечами, а между тѣмъ... Нѣтъ, странное сердце женщины! На воротахъ дома, куда вошелъ прохожій, была надпись, еще шесть лѣтъ назадъ прибитая вверхъ ногами и до сихъ поръ остающаяся въ такомъ же положеніи: „Неслужащаго дворянина Обапалки“. Пятизябенко между тѣмъ,—это былъ онъ,—пройдя не безъ волненія двѣ улицы, гдѣ, къ удивленію своему, вмѣсто ожидаемыхъ дѣвицъ, видѣлъ все прифрантившихся на этотъ разъ маменекъ и папенекъ, встрѣчавшихъ его даже съ улыбками, точно давно знакомаго и точно говоря: „А, здравствуйте, Ѳока Ильичъ, съ пріѣздомъ!“ или: „А, вотъ и вы! какъ провели ночь?“ Пятизябенко очень обрадовался потому, что въ окнѣ дома, куда вошелъ, мелькнуло, какъ ему показалось, весьма смазливенькое лицо блондинки... Войдя, не безъ волненія, въ переднюю, гдѣ не было ни души, и потомъ въ залъ, гость остановился на порогѣ. Хозяинъ и хозяйка, Обапалки, которые о немъ уже, какъ и всѣ горожане, знали всю подноготную, но никакъ не ожидали его появленія, крайне изумились и остались безмолвны. Обапалка-мужъ, изъ породы кубариковъ, раскладывалъ въ это время въ залѣ перепелиныя сѣти, собираясь починить ихъ новыми нитками и думая про себя: „А это, однакоже, любопытно: къ кому зайдетъ пріѣзжій помѣщикъ?“ Обапалка-жена, также не далекая отъ породы кубариковъ, сортировала въ залѣ-же ягоды для настойки и тоже думала: „А это, впрочемъ, вещь любопытная: куда завернетъ пріѣзжій помѣщикъ?“ И вдругъ, этотъ помѣщикъ явился въ ихъ собственномъ залѣ. Нѣтъ! Перо опускается, и недостаетъ силъ изобразить изумленіе почтенныхъ супруговъ! Едва гость очутился на порогѣ и замеръ въ невольномъ, понятномъ трепетѣ, оторопѣлый хозяинъ бросилъ сѣти, взглянулъ на него съ улыбкой и шарикомъ укатился изъ залы въ

корридоръ. Тамъ супруги пожали плечами и молча взглянули другъ на друга.—„Ну, ничего, мамаша!“—произнесъ, помолчавъ, въ одно мгновеніе все сообразившій мужъ:—„ничего, это очень выгодно!“—„Что выгодно?“—спросила супруга, смотря на него во всѣ глаза и не понимая его:—„развѣ ты забылъ, папаша, что у насъ нѣтъ дѣтей?“—„Ничего, дуся, ничего! это очень выгодно, и не надо упускать случая, а ужь мы ему достанемъ!“—„Какъ достанемъ, кого достанемъ?“—спросила, внезапно проникнутая припадкомъ ревности, супруга:—„ты съума сошелъ!“—„Ну, съ ума не съ ума, котикъ, а ужь ты не безпокойся; когда человѣкъ въ такомъ аппетитѣ жениться, не надо упускать случая!“—И мужъ поцѣловалъ въ обѣ полныя щеки взволнованную жену. Поцѣлуй произошелъ въ тишинѣ, такъ же какъ и разговоръ, и черезъ нѣсколько минутъ супруги явились въ залѣ, одинъ уже во фракѣ и бѣломъ галстухѣ, а другая въ новомъ, шеколадномъ кисейномъ платьѣ. Нѣсколько минутъ и гость, и хозяинъ молча смотрѣли другъ на друга. Наконецъ хозяинъ кашлянулъ и началъ:

— Весьма осчастливленъ! Чему обязанъ этимъ посѣщеніемъ? Гость отвѣтилъ:

— Мнѣ сказали, что у васъ есть продажныя дрожки!

— Дрожекъ продажныхъ у меня нѣтъ!—ловко вклеилъ хозяинъ:—но садиться милости просимъ!—Всѣ сѣли. Разговоръ начался о городскихъ новостяхъ. Пятизябенко не хотѣлъ ударить лицомъ въ грязь и обратился къ прекрасному полу. Оглянувъ кисейное платье и въ то же время шерстяныя ботинки прекраснаго пола, онъ съ деликатною ловкостью спросилъ: „А отчего это, сударыня, въ такое теплое время на вашихъ милыхъ ножкахъ такія вовсе не милыя ботинки?“ Хозяинъ нагнулся къ уху гостя и шепнулъ ему одно слово, которое совершенно удовлетворило любопытство гостя, но бросило его въ порядочную краску. Не мало также смутился гость, когда слуга внесъ подносъ съ закускою, и хозяинъ спросилъ: „не угодно ли водочки и рѣдечки?“ Гость отвѣдалъ и водочки, и рѣдечки... Во время закуски, хозяйка взглянула на мужа и произнесла: „Шерчикъ! фуршетъ!“ Гость предупредилъ желаніе дамы. Но, черезъ секунду, дама, потребовавши по-французски вилку, лежавшую передъ ея носомъ, за хлѣбомъ пошла сама, въ то время, какъ этотъ хлѣбъ лежалъ на другомъ концѣ стола. Гость изумился и долго не могъ прійти въ себя потому, что не смѣлъ ничего предполагать на счетъ познаній почтенной дамы.—Для одобренія себя, пробуя какіе-то маринованные въ уксусѣ грибки, Пятизябенко спросилъ:

— А какъ фамилія, не знаете ли, той пожилой дамы съ до-

черьми, которую я встрѣтилъ вчера на городскомъ мосту? Еще у нея голубая карета?

— А! это та, Мàкортытъ, помѣщица изъ Пупàвокъ; еще сама, говорятъ, съ дочерьми въ пруду бреднемъ рыбу ловитъ! — отвѣтилъ добродушный Обàпалка.

— Ну, а тѣ барышни, кто-такія, рыженькія и въ голубыхъ шляпкахъ? — спросилъ кашлявшій въ салфетку гость: — я ихъ вчера тоже встрѣтилъ за городомъ!

— Это, — подхватилъ добродушный хозяинъ, смотря на жену: — это Завалишинскіе однодворки! У насъ зимою, на балу, шутники-офицеры наименовали одну Кирпàша, а другую Мордáта! — Фамилія же у нихъ, право, такая мудреная, на М, и, кажется, нѣмецкая!

— Хóха! — подхватила супруга.

— Да, точно Хòха, я и забылъ! — прибавилъ супругъ: — точно Хòха, и не на М!

Разговоръ въ этомъ тонѣ длился еще нѣсколько минутъ. Наконецъ догадливая хозяйка вышла. Гость высморкался, сложилъ платокъ втрое, спряталъ его въ боковой карманъ фрака и началъ:

— А вы, я думаю, уже догадались, зачѣмъ я явился къ вамъ?

— Хи, хи! Какъ же не догадаться! Хи, хи! — подхватилъ, улыбаясь, хозяинъ, склоняя на бокъ голову и въ то же время смотря гостю въ глаза.

— Такъ, значитъ, вы соглашаетесь! — спросилъ, приподнимаясь, гость.

— Соглашаюсь ли?..

— Да!

Обàпалка потеръ переносицу. Потъ градомъ катился съ него. „Была не была!“ подумалъ онъ: „подставимъ ему Акулину Саввишну!“ И еще разъ сообразивъ, какъ полезно будетъ, для его отношеній къ супругѣ, подставить гостю Акулину Саввишну, онъ сдѣлалъ изъ лица своего лицо важное и сказалъ:

— Я согласенъ на все, только съ однимъ условіемъ: оставимъ все это до сегодняшняго вечера; вечеромъ мы все покончимъ! Да притомъ же надо и ей дать опомниться! — прибавилъ Обàпалка уже съ располагающей улыбкой. При словѣ ей Пятизябенко совершенно оживился, сталъ болтать о разныхъ веселыхъ вещахъ и вышелъ отъ Обàпалки, чуть не подпрыгивая отъ радости...

— Такъ до вечера? — спросилъ онъ уже на улицѣ, раскланиваясь съ Обàпалкою.

— До вечера! до вечера! — отвѣтилъ, также раскланиваясь, Обàпалка.

Въ окнѣ противуположнаго дома между тѣмъ сильно заколыхалась розовая штора.

„Что бы это значило?“—думала акушерка, слѣдя изъ-за окна за уходящимъ гостемъ:—„не задумалъ ли мерзавецъ Обàпалка надуть гостя?“—Какъ надуть, акушерка еще недоумѣвала, но видѣлъ ея копотливый умъ какія-то сѣти, разставленныя противъ интереснаго проѣзжаго, и этого уже было для нея довольно. Никогда не питая къ Обàпалкамъ особеннаго сочувствія, она задумала и рѣшилась разрушить ихъ ковы. Такъ какъ окончаніе дѣла должно было произойти вечеромъ, то акушерка предположила напустить къ Обàпалкамъ весь городъ: пусть тогда выборъ незнакомца произойдетъ при всѣхъ, и судьба, одна судьба рѣшитъ, кому изъ дѣвицъ торжествовать. Созвать же весь городъ къ Обàпалкамъ было очень не трудно: для этого стоило только пустить въ городѣ вѣсть, что у нихъ будетъ пить чай новый гость, и городъ полетитъ туда, гдѣ будетъ пить чай новый гость! Акушерка рѣшилась, и нетечанка ея загремѣла и запрыгала по улицамъ. Насталъ роковой вечеръ. Городокъ превратился въ муравейникъ, на который мальчишка-пастухъ крикнулъ извѣстную примолвку:—„комашки, комашки, прячьте подушки, татары идутъ!“—И еще скорѣе онъ походилъ на тотъ же городокъ, въ старину, когда произошла эта примолвка. Крикъ со степи: „татары идутъ!“ поднималъ и стараго и малаго, и женщину и больнаго, и все по улицамъ степнаго слободскаго городка суетилось, кричало, металось и бѣжало опрометью куда глаза глядятъ. Такъ было и теперь; только горожане нынѣче знали, куда бѣгутъ. Киръ Кирычъ спѣшилъ къ стряпчему; Пудъ Пудычъ спѣшилъ тоже къ стряпчему. Секретарь Панмутьевъ летѣлъ къ секретарю Панкутьеву, а секретарь Панкутьевъ къ секретарю Панмутьеву, и оба на дорогѣ, въ пріятномъ изумленіи, сталкивались! Обыватель Андрей Андреичъ Крути-Верти кричалъ своей супругѣ: „Замолчи ты, Гавриловна, замолчи, или я тебѣ всю рожу разобью!“ А толстенькій ходатай по дѣламъ, тоже обыватель, Заткни-Перцу, брился передъ миской съ водой, вмѣсто зеркала, и полоскалъ ротъ апельсинною водичкою, по случаю сытнаго обѣда у сосѣда съ непристойнымъ чеснокомъ. Двѣ застарѣлыя, уже извѣстныя дѣвицы въ тирбушонахъ ѣхали въ бричкѣ, напудренныя по самыя рѣсницы, потупя глаза и въ то же время говоря шопотомъ:

„А посмотри, посмотри, копочка, у поповны опять угорь вскочилъ на носу, а она все-таки ѣдетъ!“ Веселыя барышни съ сердитою маменькою тоже ѣхали. И ѣхалъ весь городокъ въ гости къ Обàпалкамъ. Улица передъ домомъ Обàпаловъ совершенно запрудилась экипажами. Какихъ тутъ экипажей не было! И колымаги, и брички,

и фаэтоны лиловаго цвѣта, и желтыя дрожки, и краковскія брички, и нетечанки, и чертапханы, и слобожанскія таратайки, именуемыя „бѣда“ и на которыхъ точно бѣда ѣздить! На нѣкоторыхъ козлахъ сидѣли обыкновенные кучера; на другихъ—мальчики въ непомѣрныхъ шерстяныхъ капотахъ, а на третьихъ—дворовыя дѣвки въ рукавицахъ и шапкахъ, очевидно занявшія мѣста кучеровъ, ушедшихъ на косовицу. Словомъ, съѣздъ былъ хоть куда. Внутри дома также было пестро и шумно. Между собравшимися пролетѣлъ слухъ, что самихъ хозяевъ нѣтъ въ домѣ. Всѣ недоумѣвали, куда они могли скрыться; недоумѣвала и акушерка. Чтобы какъ-нибудь пока замять дѣло, она распорядилась съ чаемъ, и скоро казачки стали разносить уставленные подносы. „И куда улетѣли?“—думала акушерка, обѣгая глазами шумное собраніе:—„неужели догадались и рѣшились дать тягу?“—Но не успѣла она подумать этого, какъ на улицѣ послышался стукъ колесъ, и дормёзъ давноожидаемаго гостя подкатилъ къ крыльцу. Принявъ шумный съѣздъ за особое расположеніе къ себѣ новыхъ родныхъ, Пятизябенко, съ чувствомъ удовольствія, вступилъ въ двери залы. На первыхъ же порахъ, однако, онъ былъ удивленъ, что хозяева не встрѣтили его. Поклонившись съ улыбкой и пригласивъ взглядомъ вставшее при его входѣ собраніе сѣсть, Пятизябенко опустился въ кресло и спросилъ:

— „А хозяевъ, господа, еще нѣтъ?“—„Да, хозяевъ нѣтъ еще!“—отозвались робко нѣкоторые голоса, и вслѣдъ за тѣмъ въ залѣ воцарилась мертвая тишина. Пятизябенко началъ ощущать признаки робости и неловкости. Въ самомъ дѣлѣ, положеніе его, среди кучи незнакомыхъ и невиданныхъ лицъ, становилось затруднительнымъ. Побарабанивъ пальцами по ручкамъ креселъ, причемъ въ лицѣ его не было ни кровинки, онъ поднялъ голову и рѣшился прибѣгнуть ко всегдашнему своему спасенію, къ краснорѣчію.

— Вотъ, господа,—началъ онъ, покашливая и стараясь попасть на веселый тонъ:—дожилъ я до горькаго разочарованія въ жизни; думалъ испить, какъ говорится, до дна чашу блаженства и остался холостякомъ; выходитъ,—ладилъ человѣкъ челнокъ, а свелъ на уховертку! Такова-то наша жизнь! Такова-то наша печальная и поучительная жизнь!—Гость остановился; отвѣта на его слова не послѣдовало... За спиною его только раздался прерывистый шопотъ и даже сдержанный смѣхъ; Пятизябенко не имѣлъ силъ обернуться, да и хорошо онъ сдѣлалъ, что не обернулся! Собраніе, очевидно, начинало потѣшаться на его счетъ. Одинъ только Борисъ Борисычъ, проскользнувшій въ это время въ залъ и стоявшій у двери, задумчиво склонивъ голову, съ пальцемъ въ петлицѣ жилета, помолчалъ-помолчалъ, да вдругъ выступилъ и отвѣтилъ:—„Точно такъ, Ѳока Ильичъ! точно

такъ!“ — „А, это вы!“ — произнесъ, не безъ ощущенія внутренней радости, гость и ободрился: — „а у насъ тутъ шелъ очень интересный разговоръ о поучительности человѣческой жизни!“ — „Ну!“ — подумали при этомъ нѣкоторые изъ собравшихся: — поучительность поучительностью, только, братъ, это все еще не дѣло и порядочная-таки чепуха; пора бы, наконецъ, перейти и къ главному!“ Гость терялся окончательно...

— А гдѣ же милые наши хозяева? — началъ онъ снова: — я что-то не вижу между вами нашихъ милыхъ хозяевъ! — Деликатный Плинфа, желавшій всегда, какъ о немъ говорили, смягчить дѣло, или, какъ онъ самъ выражался, подмазать сахарцемъ скипидарную пилюлю, хотѣлъ уже произнести: „А вѣрно они тутъ же, и только чѣмъ-нибудь вѣрно заняты!“ — какъ слова его замерли на устахъ...

— Удрали куда-нибудь! — хватилъ напрямикъ и какъ будто про себя кривошей-подлѣкарь, прокладывавшій, по общему мнѣнію, понтоны черезъ самыя неприступныя рѣки. — „Какъ удрали?“ — спросилъ Пятизябенко и заикнулся; ему показалось, словно какая струна при этомъ лопнула и зазвенѣла передъ его ухомъ: — „я васъ что-то не разслышалъ!“

— Какой тутъ не разслышалъ! — замѣтилъ весело и опять-таки какъ будто про себя кривошей-подлѣкарь: — онъ вамъ навралъ, собачій сынъ, если сказалъ, что у него есть дочка! Ну, у какого бѣса онъ возьметъ дочку, и на комъ васъ женитъ? Развѣ на своей кàчкѣ женитъ?

Тутъ строго внимавшее собраніе не выдержало и прыснуло со смѣху; веселыя барышни звенѣли, какъ колокольчики. Однѣ дѣвицы съ тирбушонами долго крѣпились-крѣпились, но, наконецъ, не вытерпѣли и расхохотались, утирая обильныя слезы. Пятизябенко былъ, какъ на угольяхъ; онъ теперь ясно видѣлъ, что его водили за носъ.

— Ну, — началъ онъ разбитымъ голосомъ: — вы, милостивый государь, произнесли недостойное слово...

— А, когда недостойное, — замѣтилъ еще болѣе въ духѣ подлѣкарь: — такъ и значитъ, что онъ васъ женитъ на своей кàчкѣ!

Взрывъ потрясающаго хохота перешелъ всякія границы. Окна въ залѣ дрожали, какъ на балу послѣ выборовъ. Уже обиженный гость хотѣлъ встать и выйти, уже Плинфа порядочно трухнулъ и также намѣревался выйти, какъ вдругъ, изъ-за ряда городскихъ дамъ, выступила акушерка и, поклонившись гостю, начала:

— Я дѣвица не богатая и, смѣю сказать, даже неопытная, но позвольте, милостивый государь, замѣтить: смѣю ли я спасти васъ отъ соблазну, да, спасти васъ отъ соблазну? Ссылаясь на весь городъ, я, Анна Ивановна Гонорарій, акушерка, увѣряю, что у Обàпаловъ дѣтей — ни мальчиковъ, ни дѣвочекъ — никогда не было и быть не могло! И если они васъ увѣряли въ противномъ, то не доживи

я до свѣтлаго дня свадьбы, — потому что выхожу замужъ и даже скоро, и даже выгодно, и даже очень счастливо, и притомъ за человѣка, которому дорого одно мое вниманіе (пять шпилекъ разомъ вонзились и укололи сердце Плинфы!), — не доживи я до свѣтлаго дня свадьбы, если слова мои неправы!

Пятизябенко не помнилъ себя отъ смущенія; въ глазахъ его ходилъ туманъ! Тутъ еще, къ довершенію общаго смятенія, не успѣла акушерка вынуть платочекъ и, плюнувъ въ него, положить его обратно въ ридикюль,—что она изъ деликатности дѣлала всякій разъ, когда нужно было плюнуть,—какъ въ дверяхъ гостиной появились сами хозяева— Обапалки, блѣдные и неподвижные, какъ смерть. Никто не зналъ теперь, не зналъ и впослѣдствіи, откуда они явились, потому что акушерка, по собственнымъ ея словамъ, обѣгала не только всѣ комнаты и чердакъ, но и всѣ прочія мѣста.

— А, и вы здѣсь! — произнесъ уже какъ съ того свѣта Пятизябенко: — ну, не грѣхъ ли, не стыдно ли вамъ? Надули, надули, какъ послѣдняго школьника!

Тутъ подняла снова голосъ Гонорарій.

— Послушайте, милостивый государь!—начала она, покашливая:— не обижайтесь еще, не обижайтесь! Смиритесь! Дѣло ваше еще не потеряно, потому что выборъ вашъ сію же минуту можетъ пасть на достойнѣйшую изъ дѣвицъ нашихъ!

Пятизябенко потеръ лысину, откачнулся въ кресло и засмѣялся... Смѣхъ его сталъ неожиданно возрастать, возрастать, перешелъ въ неописанный, неудержимый хохотъ и, какъ пламя, вдругъ обнялъ и всколебалъ все собраніе! Хохоталъ и Плинфа, хохотала и акушерка, хохотали и барышни, все хохотало самымъ неудержимымъ, самымъ неподдѣльнымъ хохотомъ, хохотало, утирая слезы, охая и сморкаясь, сморкаясь и охая... Первый остановился гость.

— Ну, не умора ли, господа, — началъ онъ, останавливаясь и задыхаясь отъ смѣха: —ну, не умора ли все это событіе? Ну, откуда мнѣ показалось, ну, откуда мнѣ это вздумалось, право? Нѣтъ, господа, это событіе — невѣроятное событіе. И какъ это такъ, вдругъ пріѣхалъ, увидѣлъ, и что такое увидѣлъ—и самъ не знаю!.. Чортъ знаетъ, какая исторія! А впрочемъ, такъ какъ, господа, всякая исторія чѣмъ-нибудь кончается, то ужь не откажите мнѣ и отужинайте сегодня у меня, въ саду гостиницы! Вѣдь, я думаю, тамъ готовятъ хорошій ужинъ? А?..

Собраніе отвѣтило, что точно ужинъ готовятъ хорошій, и разошлось, шумно разбирая случившееся. И вотъ, далеко за-полночь, въ гостиницѣ загремѣла полковая музыка, зазвенѣла посуда, захлопали пробки, и цѣлый городъ сталъ веселиться на-скоро, общими силами

слѣпленнымъ весельемъ! И что же? При послѣднемъ тостѣ, когда извѣстный уже подлѣкарь проигралъ на принесенной гитарѣ „Черничку“, любимую пѣсенку горожанъ, и Плинфа, по общему желанію, поцѣловалъ свою невѣсту въ стыдливое мѣсто, Пятизябенко всталъ и обнялъ Обàпалку. Собраніе открыло глаза и въ пріятномъ изумленіи стало смотрѣть на достойный поступокъ гостя.

— Ну, скажите мнѣ,—началъ Пятизябенко, цѣлуя Обàпалку то въ одну, то въ другую щеку:—ну, скажите мнѣ, за что вы меня хотѣли такъ общипать?

— Не хотѣлъ общипать, по совѣсти не хотѣлъ!—отвѣтилъ, едва держась на ногахъ, Обàпалка:—въ окнѣ у меня никакой барышни не было, а было что-нибудь другое (при этомъ Обàпалка робко взглянулъ на жену),—и вамъ это показалось; а впрочемъ, господа, подкачнемъ нашего гостя!“ Гостя подкачнули, подкачнули, подкачнули дружно, весело и стали цѣловаться; и когда стали горожане цѣловаться, стали бесѣдовать, и что говорили при этомъ веселые горожане, того рѣшительно никто не могъ уже разобрать!—Веселые горожане еще крѣпко спали, когда дормёзъ заѣзжаго гостя снова покатилъ по пыльной дорогѣ! Гость уже не выглядывалъ изъ оконъ на встрѣчные экипажи; ему, повидимому, было не до того! И жаль: въ одномъ изъ этихъ экипажей сидѣла, полулежа на бѣлой, какъ снѣгъ, подушкѣ, обшитой кружевами, дѣвушка—лѣтъ двадцати-трехъ, брюнетка, въ маленькомъ чепчикѣ, съ большими темными глазками, и блѣдная, какъ мраморная Геба! Она окинула орлинымъ взглядомъ проѣзжаго и подумала: „Вотъ бы муженекъ, и старъ, и не бѣденъ, и порядочный, кажется, колпакъ!“—Дѣвица была дочь одной современной маменьки, гдѣ-то проживавшей домоправительницей, слыла у сверстницъ подъ именемъ Тамерлана и теперь уѣзжала изъ одного семейства, гдѣ была, безъ году недѣлю, гувернанткой и гдѣ ей только что торжественно отказали.

Хорошенькій Тамерланъ въ тотъ же день подъѣхалъ въ чужой каретѣ къ лавкамъ, подъѣхалъ съ цѣлью блеснуть въ послѣдній разъ интересною обстановкой и столкнулся тамъ съ акушеркою, у которой еще живо въ памяти было вчерашнее событіе. Когда услышала отставная гувернантка разсказъ о гостѣ, когда она услышала этотъ разсказъ,—лицо ея поблѣднѣло, слезы выступили изъ глазъ, и батистовый платокъ вмигъ превратился въ клочки. Она тутъ же, какъ есть, передъ подругою вызывалась садиться въ перекладную и догонять гостя! И насилу ее уговорила и утѣшила „шерчикъ“ акушерка, или, собственно, не утѣшила—потому, что хорошенькая гувернантка долго не могла забыть этого событія и долго была главною повѣствовательницею пассажа, нарушившаго покой тихаго степнаго городка.

II.

СЛОБОДКА.

II.

СЛОБОДКА.

Вахрамѣны — старинная малороссійская слободка. Вахрамѣны — слободка на рѣчкѣ Балаклейкѣ. Что же это за слободка и гдѣ лежитъ она? Лежитъ ли она среди дубоваго лѣса; сбѣгаетъ ли зелеными садами къ морю; бѣлымъ ли стадомъ, среди колодцевъ и тополей, раскинулась по влажной луговинѣ; или сидитъ себѣ бочкомъ, брошенная въ разсыпку на маковкѣ изрытаго дождями песчанаго косогора, сидитъ себѣ, свѣсившись въ одну сторону надъ синѣющими равнинами болотъ и залежей, а въ другую — надъ шахматными коврами черныхъ пахатей и пышныхъ озимей, клубящихъ по вѣтру свои перлово-оранжевыя волны? Гдѣ она, эта слободка? И куда лежитъ къ ней пустынная, малопроѣзжая дорожка?.. Слободка лежитъ далеко-далеко, тамъ, гдѣ надъ степью возвышается курганъ, курганъ уединенный и зеленый, вокругъ котораго на привольи гуляетъ вѣтеръ! Съ него глядѣли, съ этого кургана, и сторожевые дикари, поджидая издали родныя полчища, съ гикомъ несущихся на степь, ордынцевъ; глядѣли нѣкогда и суровые жрецы, въ бѣлыхъ одеждахъ, съ поднятыми къ небу руками, дымившіе передъ суровыми истуканами кровавыя жертвы, жертвы во славу и спасеніе склонившихся вокругъ холма суровыхъ легіоновъ! Все измѣнилось! Не видно болѣе на курганѣ косматыхъ сторожей; нѣтъ болѣе на немъ и жрецовъ въ бѣлотканныхъ одеждахъ. Съ пустыннаго кургана глядитъ дикій коршунъ, недвижно сидя въ ожиданіи новой добычи, да глядитъ съ него еще, забытая временемъ и отошедшими безъ вѣсти народами и обычаями, вросшая по поясъ въ землю, каменная баба. Эта каменная баба съ величайшею флегмою упираетъ косые, сѣрые глаза въ пустынный воздухъ, и все равно ей, темно или свѣтло на небѣ, покрыта ли земля цвѣтомъ и зеленью, или сувоями непроходимаго снѣга, и скучно или весело жить на свѣтѣ людямъ! Стоитъ каменная баба и смотритъ. А между тѣмъ, вокругъ нея, времена бѣгутъ и смѣняются временами, солнце катится и перекатывается, совершается торжественное шествіе пустынной

жизни, и каждый мигъ уступаетъ мѣсто идущему за нимъ преемнику, безъ грусти и сожалѣнія, уступаетъ охотно и радушно, тихо и безъ-заботно, точно какъ будто его никогда и не было на свѣтѣ! Что же видитъ каменная баба? Какія картины встаютъ и вращаются, вспыхиваютъ и гаснутъ передъ ея недвижными взорами?..

Огромный, исхудалый грачъ съ шумомъ пролетѣлъ, каркая надъ степью. Въ воздухѣ повѣяло робкимъ, чуть слышнымъ тепломъ. Подъ косвеннымъ лучемъ затаяли пàточины и родники; звучно падаютъ первыя брызги кàпели. Сомнѣнья нѣтъ: зима гдѣ-то близко, гдѣ-то не за горою, гдѣ-то встрѣтилась съ лѣтомъ! Сомнѣнья нѣтъ, блескъ и веселье на порогѣ!..

Весна!..

Рыжій байбакъ вскидывается отъ спячки, становится у подмытой норки на заднія лапки и пускаетъ по степи пронзительный, оглушающій, долгій свистъ. Сквозь кору гололедицы пробивается душистая коронка синички. Ранняя цапля летитъ, согнувъ длинную шею, на оттаявшее болото. Байбакъ, синичка и цапля несутъ весну. Весна идетъ радостно и привольно, идетъ, захватывая врасплохъ, идетъ, все будя и зажигая, все наполняя силами и жизнью! Вездѣ вода, вездѣ сверкающія водныя стекла, по которымъ стелется и бѣжитъ голубая паутина, едва пахнетъ и пронесется свѣжій, душистый весенній вѣтеръ! Проточины чернѣютъ и зеленѣютъ. Степь отливается, поочередно, то желтыми, то лиловыми, то ярко-пламенными красками. Взошла поводь, налетѣли туманы... Дикіе гуси плывутъ въ недосягаемой вышинѣ, плывутъ тупымъ угломъ, и вожатый, волнуя свой живоподвижной косякъ, оглядываетъ изъ-подъ бѣгущихъ, тонкихъ облаковъ поля и прибрежья, и окостенѣлый въ дуплѣ лѣсной груши ястребъ, отряхивая иней съ замерзшихъ крыльевъ, встаетъ и летитъ на добычу. Гдѣ же люди? Встрѣчаютъ ли они также радостно весеннее ликованіе?—За лугами и пахотью, надъ косогоромъ, едва черкнула румяная заря, тамъ и сямъ, тихо поднялись въ воздухъ кудрявыя полосы дыма. Жилья не видно. Виденъ съ кургана только просторъ всюду оживающей степи. Но еслибы каменная баба встала съ кургана, освободила изъ-подъ земли свои неподвижные члены и пошла по направленію къ сверкнувшему раннему дыму, она увидѣла бы сбѣжавшій къ рѣчкѣ хуторокъ, увидѣла бы уютную слободку Вахраманы. Иногда усталый, изнуренный зноемъ путникъ раздвигаетъ руками чащу дикаго кустарника, тщетно пролагая въ дубравѣ тяжелый свой путь, и вдругъ въ лицо его повѣетъ влагою, тѣнь осѣнитъ его, и побѣгъ чистой, холодной струи затрепещетъ въ легкомъ сумракѣ тишины и свѣжести лѣсной чащи. Также неожиданно, словно изъ-подъ травы, является путнику уединенная слободка, слободка на

рѣчкѣ Балаклейкѣ, слободка старинная, не новая, притаившаяся въ глубинѣ байрака, съ своими обычаями и нравами, притаившаяся, какъ забытый лѣтнимъ зноемъ снѣгъ запоздалой зимы, какъ отнесенная съ равнины успокоившагося моря щепка разбитаго бурею корабля.— О, весна еще радостнѣе встрѣчается на слободкѣ! Авдотья-кузнечиха пришла и стала надъ рѣками и озерами; Хіона-урви-берега пришла за нею. Щука хвостомъ разбила ледъ, и воды двинулись среди потопленныхъ луговъ. Егорій-съ-водой былъ не долго; Никола-съ-травой близится и замѣняетъ его; жаворонки рѣютъ, и слобожане поютъ: „прилетѣлъ куликъ изъ заморья, вывелъ весну изъ затворья!“ Весна идетъ по слободкѣ. Пѣтухи заливаются криками съ утра до вечера, заливаются на крышахъ и воротахъ соломенныхъ хатокъ; волы жмурятъ глаза, грѣя у заборовъ свои плотныя спины. Корова шумно дохнула и лижетъ оттаявшее окно; а съ вошедшимъ въ хату ребенкомъ влетаетъ свѣжесть и какое-то обхватывающее душу благоуханье воздуха. Летятъ травники и поручейники; летятъ кряквы и тудаки. Ласточки снуютъ, какъ мухи; далекій рѣзкій крикъ гуся оглашаетъ пустынные тростники; въ ближней гущинѣ кленовъ звучитъ и перезванивается золотая флейта иволги; а слобожанинъ, покинувъ объятія теплой печки, гдѣ лежалъ всю зиму въ просѣ, куря трубку, уничтожая горячіе блины и любуясь молодою женой, вышелъ подъ навѣсъ хаты въ одной рубашкѣ и не безъ основанія полагаетъ, что иволга кричитъ: „Брось сани, возьми возъ!“ Пчелы засуетились, загудѣли и одна за другой вылетаютъ изъ улья вялыя и сонныя, вылетаютъ на луга и степи. Темнымъ вечеромъ, сѣвши на заваленкѣ, полновидая и чернобровая дивчина затянула пѣсню, ей вторятъ другія, и слободка зазвучала! — Пѣсни-веснянки идутъ по слободкѣ, сосѣднимъ луговинамъ и рощамъ. Пѣсни-веснянки поются шумными толпами слобожанской молодежи. Чернобровыя дивчата, въ лентахъ и монистахъ, поютъ: „по три гроша молодецъ, какъ печеный горобецъ“; лихачи-парубки, въ шапкахъ, заломленныхъ чертомъ, поютъ: „по копѣйкѣ баба, по полушкѣ дѣвка!“ Пестрая, дѣтская толпа прыгаетъ и, хлопая въ ладоши, кличетъ дождь: „дождь-дождемъ, поливай ковшемъ!“ — прыгаетъ и поетъ: „иди, иди, дождикъ, сварю тебѣ борщикъ, и съ петрушкою, и съ капусткою, и съ желтыми печеричками!“ Дождь шумитъ и падаетъ, и благодатный солнцегрѣвъ словно тянетъ изъ земли пышныя травы и овощи. При первомъ ливнѣ дѣвушки подставляютъ подъ холодныя брызги свои пышныя плечи и нѣжныя щеки, а парубки свои густыя кудри. При первомъ громѣ слобожанинъ считаетъ долгомъ стать подъ заборомъ и подпереть его своею спиной. По улицамъ несутъ хлѣбъ, обложенный первой зеленью, несутъ деревянныхъ ласточекъ. Чтобы явилась сорока, кладутъ на до-

рогѣ къ колодцу сорокъ палочекъ, а школяры несутъ дьяку сорокъ бубликовъ; впрочемъ, веснянки еще не несутъ теплоты, будетъ еще сорокъ морозовъ! Сорока является, и дивчата и парубки идутъ въ лѣсъ—закликать кукушекъ. На зеленой просѣкѣ ждутъ перваго крика птицы-предвозвѣстницы, бесѣдуютъ съ нею, ѣдятъ и пьютъ, и шумно открывается пора цвѣтныхъ игръ... Чеканчики, свинка, вдовья-лоза, горѝ-цвѣтъ, скрагли, хрещикъ и рябецъ идутъ и смѣняются другъ другомъ. Пастухъ выбранъ; съ каждой головы скотины обѣщано ему по грошу или по гривнѣ за лѣто; стадо двинулось въ поле, и дудка зазвучала. Мартовская брага ставится въ глубокіе подвалы, на случай близкихъ сватаній и обмѣна ручниковъ. Но прежде выбора пастуха и обмѣна ручниковъ, наступаетъ Ѳоминъ понедѣльникъ; идутъ на дѣдовскія и отчія могилы, идутъ, прежде воздѣланья нивъ земныхъ, на нивы божьи, гдѣ почіютъ сномъ безмятежнымъ отошедшіе работники земли, почіютъ давшіе жизнь племенамъ новымъ, племенамъ новымъ и счастливымъ. Слобожанинъ остается безъ шапки на родимомъ погостѣ; онъ молчитъ и трижды кладетъ земные поклоны... Но вотъ, просохшія пахати зовутъ въ поле. Еремей-запрягальникъ несетъ плугъ и борону; Ирина-разсадница копаетъ огороды и бакши; а вотъ, не за горами и Аграфена-купальница и Ѳедосья-колосница. Духовникъ ближняго мѣстечка совершаетъ крестный ходъ на нивы и озими. Полевыя работы начинаются: подсѣвки, засѣвки и досѣвки идутъ другъ за другомъ. За первыми всходами, на засѣянной нивѣ, послѣ общаго обѣда въ полѣ, на плугу, увитомъ цвѣтами, атаманъ съ слобожанами возятъ на себѣ панъ-отца. Но вотъ, летитъ уже изъ лѣсу стонъ и звонъ воздушныхъ пѣсенъ. Появляется желтоногенькая, вѣчно тиликающая птичка: это—мучимая жаждой, это—птичка, по словамъ слобожанъ, вѣчно просящая пить Зной на порогѣ, лѣто не за горами.—А вотъ оно и настало!..

Лѣто!..

Какъ ярко и зелено кругомъ! Какъ кипитъ заботливая жизнь! На Зилота собраны быстро-отцвѣтающія цѣлебныя травы. Настаетъ зеленая недѣля. Свѣжесть и влага весны еще не закатились за синѣющіе холмы окрестностей. Пояса плетутся изъ травъ, шапки плетутся изъ травъ, вѣнки и черевики плетутся изъ травъ! Въ косяки хатъ втыкаются красные васильки, голубыя сокирки, панскій-макъ, нагидки, лилово-сизые колокольчики, павлиньи глазки. Всюду зелень, всюду травы, всюду радость! Дѣтвора дудитъ въ осиновыя дудки. Суровый чабанъ ладитъ лады и сердце на грубо-отесанной очеретяной свирѣли. На каждой русой головкѣ вѣнокъ, на каждой русой головкѣ любимый выборъ стебельковъ руты, волошковъ, любистка, мяты, крученыхъ-панычей, гвоздики, чернобривцевъ, зинзивера и черевичковъ.

Ковалева-Катря, у которой густыя брови, какъ черные жуки, сошлись и не расходятся, нацѣпила во всю косу, косу—шириною съ ея собственную ладонь, цѣлую лавку лентъ и увѣнчала ихъ огромнымъ пучкомъ калины. Сирота Хрѝстя, у которой никто еще не видѣлъ улыбки, воткнула въ волосы вѣтку божьяго-листу и человѣчьяго-вѣку. Чабанова Хитка украсилась нечосой-панночкой; а полногрудыя и рослыя дочки зажиточнаго атàмана,—атàмана Самойлика, никогда не покидающаго своей палки, обвили положенныя вѣнцомъ надъ русыми головками русыя косы свои нитями вѣчно-зеленаго и вѣчно-любимаго барвинка, этого завѣтнаго, перваго друга степной дѣвической юности и послѣдняго украшенія старческой, одинокой, степной могилы. И все это поетъ, и веселится, и ждетъ въ опьяняющемъ туманѣ радостей праздника завѣтнаго, праздника Ивана-Купала. Иванъ-Купало сходитъ на холмы и долины. Красный пѣтухъ зажаренъ; клей съ девяти деревъ собранъ; на перекресткѣ трехъ дорогъ подняты соломенки и сплетенъ вѣнокъ изъ девяти травъ, сорванныхъ на девяти холмахъ. Сглаженныя злымъ глазомъ выкупались въ ранней росѣ, и деревянный огонь, или царь-огонь, пріобрѣтенный отъ тренія двухъ вѣтвей лѣсной ивы, не слыхавшей ни шума воды, ни крика пѣтуха, ивы, изъ которой свирѣль способна даже мертваго заставить плясать, уносится съ торжествомъ въ поле изъ тихой слободки. Въ темную, безлунную ночь пространства степей, на цѣлыя сотни верстъ, мгновенно вспыхиваютъ и освѣщаются живыми огнями. Въ темную, безлунную ночь съ холма къ рѣкѣ, по отлогому берегу, кладутся вереницей десятки костровъ, и посмотрите, какъ обливаются блескомъ эти ленты и дукаты, широколистые вѣнки и груди, обнаженныя ноги и ярко вышитые подолы стройныхъ слобожанокъ, прыгающихъ подъ заунывныя купальскія пѣсни черезъ соломенные и посконные костры! А чучело марены изъ вѣщихъ травъ, изъ былицы, богатѐньки, òдоленя и адамовой-головы, въ длинной бѣлой рубахѣ, въ желтой плахтѣ и въ монистѣ, въ вѣнкѣ изъ алыхъ махровыхъ маковъ и чернобыльника, стоитъ себѣ на холмѣ, среди тихоподвижнаго, громкаго хоровода. И чуденъ издали видъ быстро бѣгущихъ и волнующихся въ дыму и пламени слобожанокъ! И поютъ слобожанки про Ивашка и Оленку, про Петрочка и Парасю, про Василька и Оксану, про Павлочка и Пидорку. И поютъ онѣ, какъ ходили дѣвочки около мареночки, около того Вудала-Купала, и какъ играло солнышко на Ивана. Съ шумомъ топятъ накопецъ въ рѣкѣ нарядную марену. И далеко разносится по темной долинѣ надъ рѣкою пѣсня: „Купался Иванъ и въ воду упалъ!“—И откликаетъ тонущая въ сумракѣ окрестность: „Иване, Иване, подъ гору зеленько, на мѣсяцѣ видненько, серденько!“—И катятся съ холма, обнявшись по-

парно, молодыя подружки, и катятся съ другой стороны, также съ холма, парубки; пары разрываются, и кто къ кому докатится, того и считаютъ за назначеннаго судьбой жениха. А между тѣмъ, головы болѣе безстрашныя собираются тайкомъ проскользнуть, до первыхъ пѣтуховъ, въ лѣсъ или на болото, гдѣ скоро зацвѣтетъ сатанинская трава папоротникъ, и не боятся они встрѣтить качающихся на вѣтвяхъ зеленыхъ русалокъ и синихъ, въ косую сажень величиною, ящерицъ, и не боятся они увидѣть сотни разсыпанныхъ по травѣ, огненныхъ ивановскихъ человѣчковъ! И самые хороводы завиваются и гремятъ надъ долиною, пока, наконецъ, страшнымъ голосомъ изъ лѣсу не станетъ ихъ разгонять. Купало проходитъ, недалеко Петровка, недалеко задумчивыя, уныло-тихія пѣсни—петровочка, еще печальнѣе и еще элегичнѣе пѣсенъ купальскихъ. Слобожанинъ, между тѣмъ, не плошаетъ. Онъ уже надѣлъ на лицо волосяную сѣтку и ловитъ рои, съ шумомъ вылетающіе изъ пасѣки,—пасѣки въ уютномъ грушевомъ садикѣ. Онъ помнитъ, что завѣщала людямъ царица-пчела, отъ которой вышли всѣ на свѣтѣ пчелы: „Корми меня до Купала, сдѣлаю изъ тебя пана“. Приходитъ, наконецъ, Петровка, хлопотуньи хозяйки пекутъ вкусныя мандрыки. Замолкла кукушка, замолкла лѣсная провозвѣстница. „Отчего же это она замолкла?“ — „Подавилась мандрыкою“,—замѣчаетъ сѣдой, старый дѣдъ, обтесывая кривымъ рубанкомъ рукоятку для серпа своей внучки. Веснянки, купальскіе огни, петровскія пѣсни и кукушки прошли; царство зноя, царство жаровъ и засухи вступаетъ въ свои права. Утреннія росы кропятъ еще едва остывающую за ночь, жаркую грудь земли; колосъ зрѣетъ и наливается, и пышно волнуется червонно-золотая, сквозящая огнемъ нива новаго хлѣба. Немного печалятъ людъ Божій заломы колосьевъ: ночью чья-то невидимая рука надламываетъ тяжелые колосья; ну, да ничего! авось умолотъ будетъ хорошій. И вотъ, руки ломятся отъ размаховъ косы; спина ломится отъ сверканья кривымъ серпомъ; ноги ломятся отъ ходьбы по необозримой пажити. Работа идетъ живо и скоро. Обжинки, праздникъ новаго хлѣба, встрѣчаются съ сулеею вина и новыми пѣснями,—пѣснями косовицкими и гребовицкими; золотой вѣнокъ изъ колосьевъ, увитыхъ васильками, надѣвается на голову лучшей жницы. Священникъ опять является съ крестомъ и водою, среди разбросанныхъ кучами сноповъ и копенъ. Кутья изъ первыхъ зеренъ ячменя на мискѣ, убранной цвѣтами и листьями, отсылается въ церковь. А вотъ толпа, радостная случаю повеселиться, убрала послѣдній снопъ изъ послѣднихъ брошенныхъ колосьевъ на нивѣ, убрала его въ видѣ человѣка съ руками и ногами и несетъ его съ торжествомъ на слободку, и слободка снова не умолкаетъ до зари. Покосы, запашки, засѣтки, пòмочи, за-

молоты, умолоты и перемолоты—идутъ вслѣдъ за обжинками. Спиридонъ-солнцеворотъ недалеко. На Маккавеевъ производится макотрусъ, и пекутся шулики изъ маку и сдобныхъ коржиковъ. Наступилъ Спасъ медовый и Спасъ яблочный. Бьютъ пчелъ и выбираютъ медъ; тутъ пчела очень зла, и не одинъ является на косовицу съ дулею подъ глазами или цѣлымъ огурцомъ подъ губою. Ягоды зрѣютъ, бакши зрѣютъ, ленъ и конопля зрѣютъ. Потрепунки, колотушки, супрялки, порѣпицы, капустницы и дынекрадницы настаютъ на слободкѣ. Но что это? Куда стремится разряженная толпа? Возы скрипятъ, сапоги звенятъ подковами, алые черевики какъ жаръ горятъ. Въ сосѣднемъ мѣстечкѣ, въ Лиманѣ, соборный праздникъ и ярмарка. Что же это за ярмарка? Продаются ли тутъ кони и полотна, сукна и посуда? Стоятъ ли тутъ гордымъ строемъ разноцвѣтныя палатки и самовары, наставляемые по тринадцати разъ въ сутки? Нѣтъ тутъ ни коней, ни полотенъ, ни суконъ, ни самоваровъ! Продается тутъ рыба-чехонь и птица-курица, торгуетъ тутъ нашъ братъ, слобожанинъ, торгуетъ чѣмъ попало, и хлѣбомъ, и дегтемъ, и солью, и всячиною, и чѣмъ только онъ задумаетъ. И поетъ тутъ свои безконечныя пѣсни, подъ звуки кобзаря, слѣпой кобзарь Гарбузъ, или знаменитый Петро Колибаба, или, наконецъ, и самъ Тростинецкій кобзарь,—Залавскій. Цыгане замолкли, крики торгашей замолкли, щебетухи-перекупки замолкли. Стоятъ слобожане кружкомъ, подперши головы руками и свѣсивъ чубы, стоятъ и слушаютъ кобзаря; и звучатъ потрясающіе, унылые переливы украинскаго речитатива, и звучатъ торжественныя думы о Голотѣ, о смерти атамана Ѳедора Безроднаго, о Самойлѣ Кумкѣ, о Барабашѣ, о Морозенкѣ и о вѣчно любимомъ гетманѣ, о гетманѣ Хмельницкомъ—Богданѣ.—А не хотите ли пѣсни другой, будничной, пѣсни соромницкой? Кобза загремѣла, мѣхоноша-повадырь дудитъ въ дудку, и пошла гремѣть! „Ой бисъ мини раду давъ, що я соби бабу взявъ! Бабу, бабу, бабу, бабу, бабу взявъ!“ И внимающая толпа не выдерживаетъ, пускается въ плясъ и подхватываетъ съ громомъ: „Ой, сорока скрегоче, никто бабы не хоче! Бабы, бабы, бабы, бабы не хоче!“ И площадь мѣстечка долго гудитъ подъ сапогами веселыхъ слобожанъ. И далеко наконецъ разносятся слова пѣсни: „Ой, кто до кого, а я до Параськи!“ И громко льется слободское веселье.—Но вотъ, послѣдняя лѣтняя гроза ползетъ и застилаетъ половину неба. Укрывшись подъ развѣшенною на косѣ свиткою, лежитъ навзничь истомившійся косарь, лежитъ и не видитъ, какъ зловѣщая тѣнь перебѣгаетъ по копнамъ и сѣннымъ покосамъ, спавшее стадо поднимаетъ тревожно головы, и стая дикихъ утокъ летитъ, спѣша укрыться въ тростникѣ, котораго верхушки уже срѣзались и переклонились отъ набѣгающаго быстраго

степнаго вихря. И вотъ, подулъ бурей вѣтеръ отъ солнца, несущій бури; звучно падаютъ первыя металлическія капли ливня, и цѣлое море дождя разомъ проливаетъ на жадную землю послѣдняя лѣтняя туча. Быстро падаетъ и быстро высыхаетъ этотъ дождь. Черезъ мигъ, кругомъ уже свѣтло, и въ лучахъ солнца купаются послѣдніе клочки летящихъ безъ вѣсти, влажныхъ облаковъ, а веселуха-радуга, переклонившись коромысломъ, тянетъ изъ ближней рѣки воду. Только на дальней, синѣющей луговинѣ поднялся дымокъ, подъ нимъ зардѣлась алая точка, и стогъ сѣна, подожженный молніей, клубитъ летущее пламя. Но вотъ, Спиридонъ-солнцеворотъ наступилъ, солнце поворотило съ лѣта, а лѣто на холодъ... Заяцъ выкунѣлъ и сталъ, какъ въ мѣховыхъ штанахъ. Алое сукно клубники застилаетъ холмы и луговины. Въ байракѣ, за Балаклейкою, открыта волчья выводка. Поросята, что день, исчезаютъ въ ближнемъ стадѣ, и корепастый кабанъ, не безъ тревоги, посматриваетъ съ косогора на стада барановъ, тонущія въ густой, сквозящей головатыми маковками, полянѣ цвѣтовъ и травъ. — Осень!..

Семенъ-лѣтопроводецъ обходитъ сады, пашни и огороды: край неба на зарѣ багровѣетъ! Она радуетъ и не радуетъ, грѣетъ и не грѣетъ, эта чудно-суровая степная осень. На Воздвиженье уже сдвинулась свита и подвинулся кожухъ. Слобожанинъ выходитъ изъ хаты, становится противъ солнца и пристально смотритъ, блуждая взорами по опустѣлой окрестности... Сколько потрачено на эту землю силъ и трудовъ, заботъ и здоровья! Давно ли шумѣли по ней лезвія быстрыхъ косъ, и косари, какъ паруса кораблей, рядами шли и расходились по луговинѣ? Давно ли огни позднихъ ужиновъ усыпали звѣздами темнѣющее море степи, и за казанкомъ водки батраки ѣли пшенную кашу съ таранью, галушки съ перепелками? Дымъ, какъ саванъ блѣднаго привидѣнія, шелъ по полю и исчезалъ въ мерцаніи ночи, а багровый, гигантскій шаръ запоздалаго мѣсяца, какъ голова сказочнаго богатыря, тихо высовывался изъ-за двухъ кургановъ, посылая прежде себя пожаръ далекаго лѣса, или подобно раскаленному серпу, воткнутому въ далекій стогъ сѣна, алѣлъ на небосклонѣ... Давно ли скрипѣли по проселку возы, нагруженные снопами, и на подвижной громадѣ ихъ круглилась русая головка въ вѣнкѣ изъ яркоголубыхъ васильковъ? Давно ли?—А теперь въ полѣ скучно и пусто, скучно и бѣдно! Задумывается слобожанинъ и рѣшаетъ, что близко паутинье лѣто и похороны мухъ. Паутинье лѣто и похороны мухъ наступаютъ; летятъ по воздуху бѣлыя пити паутинокъ, сорванныя вѣтромъ. Вѣдьмы ломятъ на помелахъ эти нити и свиваютъ ихъ въ мотки на зиму. Въ арбузныхъ коркахъ строятъ могилки мухамъ; а день становится все менѣе и менѣе. Терпъ собранъ; арбузы на зиму

насолены; сливянки, барбарисовки, смородиновки, черешневки, грушевки, клубниковки и всякія водянки настоены, слиты и укупорены въ завѣтныхъ дѣдовскихъ подвалахъ. Знахарки, навьюченныя травами и кореньями, десять разъ уже посѣтили сосѣднія балки и рощи. Дикіе журавли стадами бродятъ около копенъ сѣна и по курганамъ, выплясывая на солнцѣ другъ передъ другомъ неистовыя пляски. Молодой заяцъ мячемъ выкатывается изъ-подъ ногъ охотника. Рогъ звенитъ, и свора несется, чуть касаясь верхушекъ легкой травы. На тусклѣ небесъ снуютъ и чернѣютъ неподвижно распластанные кресты плавающихъ подъ облаками коршуновъ. Хлѣборобы, гречкосѣи, просомяты и домонтари жарче берутся за работу; одни чумаки, въ ожиданіи умолота пшеницы и обычнаго похода въ Крымъ за солью, лежатъ и грѣются подъ вишнями. Въ бондаркѣ звенитъ подъ новымъ обручемъ бочка. Волъ чешется о поднятую оглоблю воза, раскрашеннаго прохожимъ изъ Яковенковыхъ хуторовъ маляромъ. Молодица, вся подоткнутая и подвязанная, только-что выполоскала новую крашенину и опрокидываетъ ушатъ съ водою, смѣшанною съ синькой, а румяный мельникъ, съ напудренною бородой и висками, остановился у своихъ воротъ и, изъ-подъ мѣшковъ съ горохомъ и просомъ, кричитъ проходящему кузнецу, чтобъ не забылъ подковать его новые желтые, козловые сапоги. На длинныхъ кольяхъ изгороди, перевернутые вверхъ дномъ, торчатъ зеленыя кубышки и миски, и локоны хмѣля, выглядывая изъ-подъ морщинистыхъ желтыхъ тыквъ, выросшихъ на заборѣ, взбѣгаютъ на жерди и вьются на воздухѣ махровыми кружевами. Среди слободки появляются навьюченные мѣшками и связками покупщики щетины, пеньки, перьевъ, полотна, воску и меду; товаръ мѣняется на гребни и иголки, на ленты и бусы. А вотъ и вирій начался. Въ теплыя страны, въ страны приморскія улетаетъ всякая птица. Плывутъ въ небѣ нити дикихъ гусей и стрепетовъ, мелкая дробь перепеловъ и скворцовъ, плывутъ снова косяки курликающихъ журавлей и огари, съ ярко-малиновыми ногами и носомъ, точно обмокнутые въ ярко-пламенную киноварь. Волосяные кулички, и тѣ летятъ. Длинныя перья на ихъ шеѣ и хребтѣ заворачиваются отъ вѣтра, и кажется, будто распукленные хлопки шерсти летятъ по воздуху. Дѣти пускаютъ въ это время, изъ луковъ, въ перелетную птицу камышевыя стрѣлы, облѣпленныя на концѣ смолою. Большею частью эти стрѣлы упосятся подъ крыльями дюжей птицы; но иногда жирный, упитанный гусь, догнанный ловко-пущенною стрѣлою, падаетъ изъ недосягаемой высоты и разбивается тутъ же о твердую землю. Въ воздухѣ свѣжѣетъ. Пахнули первые утренники. Значитъ, зацвѣла гдѣ-то, вовѣки незримая, трава глодъ. На Покрова́ толпа дѣвушекъ идетъ молиться о Покровѣ

женихамъ. Рослый, плечистый ата́манъ, неподкупный ата́манъ Самойликъ, ведетъ съ послѣдней полевой работы, съ опашки и засѣвковъ подъ озимь, своихъ слобожанъ и, остановясь среди улицы, угощаетъ ихъ водкою. Палка, усѣянная бирками, отставлена въ сторону, и веселье идетъ разливанною рѣкой; самъ атаманъ расправляетъ усы и осушаетъ муравленый шкаликъ. Въ кружкѣ пьющихъ и поющихъ молодицъ прохаживается здоровая, полноикрая бабенка; носъ ея ужь озарился лучами подступающаго веселья, и, прохаживаясь мелкимъ топотомъ, бренчитъ она подковами и припѣваетъ: „Вотъ, бабы, какая я хорошая! Вотъ, бабы, какая у меня плахта! Гуляй, бабко!.. Эхъ, но-ожъ гуляй, бабусю!“—Бабуся, однако, гуляетъ не долго!—Сине-водная весна, зелено-благоуханное лѣто и золото-багряная осень прошли; краски полей измѣнились: бѣлая зима недалеко. Морозъ неожиданно перекидывается изъ-за цѣпи призе́мистыхъ косогоровъ, грянетъ стужа, и достанется тогда на славу всѣмъ лысымъ и плѣшивымъ. Иззябшія галки снуютъ по небу и каркаютъ, пророча близкую зиму. Снѣгъ виситъ въ каждой тучкѣ, виситъ надъ омертвѣлою, опустѣвшею степью.

Зима! Долгая, скучная зима!

Вы хотите знать, какъ живется на слободкѣ зимою?—Какъ живется? Живется скучно!—Нѣтъ на слободкѣ ни каминовъ, ни газетъ, ни театровъ; нѣтъ на ней ни баловъ съ ослѣпительнымъ освѣщеніемъ, зеркальными полами, яркою зеленью и сверкающими, обнаженными плечами. Скучно живется зимою на слободкѣ!—Слобожане, однако, стараются разогнать эту скуку. Чуть пришла пора рѣкостава и подступили Егорій-съ-гвоздемъ и Никола-съ-мостомъ, окна законопатились, и земля съ водой сплотилась однимъ непрерывнымъ мостомъ. Время работъ внутри двора настало. — Эти, напримѣръ, бѣлыя, чистенькія хатки разукрашиваются и убираются весьма затѣйливо. Стѣны подъ образами разрисовываются розовыми, голубыми и зелеными полосками, какъ цвѣтутъ розы и васильки; тутъ же втыкаются пучки любистка, гвоздики и полыни, и послѣдняя трава считается травой очистительной. Вымѣненныя у Цареборисовскихъ и Салтовскихъ маляровъ иконы, между которыми особенно уважается икона Межигорской Богоматери, освѣщаются передъ каждымъ праздникомъ восковыми свѣчами. Страстная свѣча припасается на случай грозы. Тутъ же, въ мѣшкѣ, виситъ артосъ и ладанъ и для неизлѣчимыхъ болѣзней полотенце, которымъ священникъ отиралъ съ престола пыль. Надъ дверью, въ пузырькѣ, виситъ крещенская вода; ею кропятъ перепуганныхъ дѣтей. Ткацкій станъ стучитъ и хлопаетъ съ утра до ночи, и гребень, съ начатою мочкою пряжи, уже не пускаетъ Ковалеву-Катрю, щеголиху и пѣвунью, взглянуть

лишній разъ въ обломокъ зеркальца, вмазанный между окнами. Начинается долгая пора домашнихъ работъ; работы коротаютъ время и скуку.—Хлопотуньи-хозяйки встаютъ, или, какъ говорятъ слобожане, ру́шатся первыя; задолго до разсвѣта, почти въ полночь, зажигаются жировые каганцы, и пряжа прядется до самой зари. Усталые глаза липнутъ отъ дремоты, но веретено жужжитъ и прыгаетъ по глиняному полу. Чуть заря, начинается стряпня обѣдовъ. Полностаная, полногрудая дивчина, взявши круглое коромысло съ двумя ведрами на плечи, идетъ за водой, и пышно колышется на ней бѣлая новая свитка съ двумя черными сердечками на спинѣ, у пояса. Время обѣда, о вы, отдаленные читатели столичные, на слободкѣ—десять часовъ утра. Послѣ обѣда—кто садится опять за пряжу, кто за ткацкій станокъ, а кто и за шитье людямъ на сторону. Съ сумерками настаетъ топка печей къ ужину. Ужинаютъ въ пять часовъ, и вслѣдъ затѣмъ на слободкѣ уже не слышно человѣческаго голоса. Мужики, впрочемъ, какъ и слѣдуетъ, лѣнивѣе бабъ. Мужикъ, отработавшись осенью, до первой новой теплыни лежитъ себѣ на печи и знать ничего не хочетъ. Онъ и за золотыя горы не пойдетъ зимой на заработки: чего ему еще надо? Хлѣба у него полны закрома, въ хатѣ молодая жена, на ногахъ одни сапоги, а другіе сапоги еще въ дегтѣ такъ и мокнутъ: только задумалъ, надѣлъ и щеголяй по слободкѣ!—„Жинко, найди трубку!“—говоритъ хозяинъ съ печи.—„Да гдѣ-жъ она?“—говоритъ жинка, шаря по угламъ.—„Да ты ужъ знаешь, гдѣ она“,—говоритъ мужъ, потягиваясь и зѣвая на печи.—„Гдѣ—знаешь!—не знаю!“—говоритъ робко жинка, теряясь въ тщетныхъ поискахъ.—„Да ужъ найдешь!“—говоритъ непропѣтый лѣнтяй:—„ты только ищи тамъ, гдѣ пахнетъ!“ И терпѣливая жинка ищетъ тамъ, гдѣ пахнетъ, и точно—находитъ трубку.—Но печелюбы и лѣнтяи—не главный народъ слободки. Расторопный хозяинъ съ зари уже за работою. Онъ идетъ на загонъ, задаетъ кормъ воламъ и атавѣ, молотитъ, вѣетъ, толчетъ, мелетъ крупу, мелетъ муку, мелетъ табакъ, возитъ дрова, или садится за какое ремесло—бочарное, столярное, кожевенное, кузнечное или малярное. Не замѣтишь, какъ Варвара уже ночи украла и дня притачала,—и смотритъ слобожанинъ: не идетъ ли уже весна съ поля? Нѣтъ! далеко еще, не идетъ! Будутъ и сильныя вьюги, и сильные морозы; будетъ еще семь долгихъ морозовъ,—морозы: михайловскіе, введенскіе, екатерининскіе, никольскіе, рождественскіе, аѳанасьевскіе и срѣтенскіе. Въ ясную оттепель гурьба ребятишекъ бѣжитъ за околицу—катать снѣжные шары. Изъ шаровъ возникаетъ огромный, головатый человѣкъ—и съ руками, и съ ногами, и съ носомъ, и съ усами; его обкачиваютъ водою, и ледяной великанъ остается до перваго дождя, служа непомѣрною потѣхой слободскимъ

ребятишкамъ. Но, наконецъ, пряжа и молотьба, всякія ремесла и снѣжный великанъ, и все надоѣло! Зима тянется нескончаемо. Настаетъ пора сказокъ... Старухи гадаютъ внучатамъ и внучкамъ на угли, на воду и красныхъ пѣтуховъ. Онѣ говорятъ краснощекимъ внучкамъ: „Ты не бойся, кубышка моя, ты не бойся, муравленая; ты, кубышка, на счастье шла, макйтру пироговъ несла, еще курицу жареную, еще утицу перепареную, будь здорова, кубышка моя!“ Скопидомка-знахарка, старая старица, всегдашняя дѣвица, сбрызгиваетъ сглаженныхъ недобрымъ глазомъ, выливываетъ переполохъ, заваривaетъ сояшницы, лѣчитъ дѣтскую чахлость и старческую вялость, шепчетъ на зубы, сводитъ куриную слѣпоту, сшептываетъ бѣльма, находитъ вѣдьмины горы и даритъ охаяннымъ хозяевамъ неразмѣнный рубль. Приди только бѣдственное сердце, она утѣшитъ; приди сердце покинутое, она дастъ зелье на слѣдъ; приди человѣкъ испорченный, она дастъ зелье на вѣтеръ; по пѣтуху откроетъ вора и по пчельному соту исправитъ пчелиное дѣло. Обратись къ ней немощный, она оградитъ отъ всего; заговоритъ отъ тоски по насердкѣ, отъ несчастія въ дорогѣ; заговоритъ отъ змѣи, отъ крови, отъ зубной скорби, отъ икоты, отъ войны и мора, отъ черныхъ муріевъ, отъ красныхъ мышей съ зеленымъ глазомъ, отъ живота и отъ подпечныхъ „дидьковъ“, принимающихъ такое участіе въ хозяйствѣ. А что такое подпечный дидько, это всякъ ужъ скажетъ! Да я думаю, что даже и не скажетъ, потому что врядъ ли кто рѣшится сказать, когда—того и гляди—старецъ, величиною съ воробья, въ войлочной шапкѣ и весь синій, выглянетъ изъ темнаго угла... А вотъ и неожиданная свадьба проглянула на слободкѣ. Сваты, перевязанные ручниками, подходятъ къ окну отца и матери невѣсты и говорятъ: „Мы слышали, что у васъ есть гусочка, а мы приготовили гусака; такъ, какъ бы ихъ спарить,—чтобы ужъ вмѣстѣ ходили и вмѣстѣ паслись?“—На это отвѣчаютъ: „Рады господамъ сватамъ!“—и пиръ горою начинается. Только-что прошла свадьба и хмѣльныя головы простыли, опять веселье и опять радость: сочельникъ рождественскій на порогѣ. Хата за-ново обѣлена и размалевана. Надъ столомъ красуется новая картина; кадка меду, чистаго, какъ глыба перваго снѣга, отдана за нее лиманскому звонарю, и еще переминался рыжій звонарь и утѣшился только тогда, какъ выпилъ еще кварту сливянки и взялъ на рубашки дѣтямъ кусокъ полотна. На картинѣ написанъ запорожскій гайдамакъ въ зеленомъ кунтушѣ и синихъ шароварахъ; чубъ свѣсился за ухо и коротенькая люлька торчитъ въ зубахъ. Тутъ же стоитъ бѣлый конь и фляжка съ водкою; на деревѣ—полковой гербъ, а на землѣ—ружье и рогъ. Гайдамакъ что-то шьетъ. А внизу надпись: „Сидитъ казакъ на стерну и штаны латаетъ; стерна его очень

колетъ, а онъ стерну лаетъ!“—Хозяинъ-домонтарь выбрилъ гладко бороду, подбрилъ усы и затылокъ и ходитъ по хатѣ, въ ожиданіи праздника. Дѣти несутъ крестнымъ отцамъ вечерю: узваръ, кутью и пироги. Въ звѣздную, морозную ночь начинаются колядки. Толпа дивчатъ идетъ чествовать святой вечеръ. Шумныя толпы славятъ Христа. По улицѣ несутся пѣсни: „Ой, рано-рано, куры запѣли; святый вечеръ!“ По улицѣ несутся пѣсни: „Ивашко всталъ, лучкомъ забряжчалъ, зоветъ братьевъ въ поле; тамъ куница въ деревѣ, а дивчина въ теремѣ!“ Толпа парубковъ пересѣкаетъ имъ дорогу, сбиваетъ ихъ съ голосу, и строгія пѣсни колядокъ смѣняются пѣснями шуточными. Раздосадованныя дивчата поютъ: „Поѣхали хлопцы на ловы до зеленой дубравы; та уловили комаря-звонаря; стали суды судити, стали комаря дѣлити!“ Парубки на это только слушаютъ и ничего не поютъ. Колядки смѣняются щедровками. На Меланку, ребятишки и дѣвочки ходятъ съ мѣшками и поютъ подъ окнами стариковъ, собирая за это, точно убогіе странники, куски хлѣба, пироги, колбасы и блины. Но ничто такъ не радуетъ дѣтей, какъ утро новаго года. Тутъ имъ полное раздолье. Съ шерстяными рукавицами, полными гороху, овса, гречихи и проса, они врываются въ хаты дядьковъ и дѣдовъ, врываются и посыпаютъ сонныхъ дядьковъ и дѣдовъ полными горстьми зеренъ, посыпаютъ окна, столы и даже вставшихъ хозяевъ, причитывая: „На счастье, на здоровье! Уроди Боже жито, пшеницу и всякую пашницу! Съ новымъ годомъ и съ Василемъ!“ Пришло Крещенье... Сыплетъ и медленно падаетъ мохнатый снѣгъ, сугробы застилаютъ дорогу; на рѣчкѣ прочищена сверкающая полоса синезеленаго льда, и толпа ребятишекъ скользятъ и катятъ по ней палки, подбиваютъ другъ друга, кричатъ и смѣются на морозѣ; и не видятъ они, не замѣчаютъ, какъ клонится къ закату и угасаетъ недолгій февральскій вечеръ. Но, что это? Съ холма, со слободки, идетъ длинная вереница; печально и тихо идетъ толпа, неся высокіе кресты, церковные высокіе фонари и хоругви. Солнце скрылось за сплошныя бѣлыя тучи, и безпредѣльнымъ саваномъ разстилаются бѣлыя степи. Умеръ атаманъ, умеръ высокій, чернобровый атаманъ, вождь и начало всѣхъ трудовъ, всѣхъ безчисленныхъ работъ и заботъ слобожанскихъ. Смежились долгимъ сномъ его зоркіе глаза, и палка, усѣянная бирками, навѣки покинута! Жилъ онъ привольно и богато, и по заслугамъ, какъ говорится, одна рука его была въ меду, а другая въ патокѣ. Не станетъ онъ болѣе передъ косцами, не тряхнетъ кружкомъ нависшихъ на лобъ волосъ, не скажетъ: „А ну-те, господа слобожанство! а гдѣ ваши руки, да и гдѣ ваши ноги?“ И тутъ же, сорвавъ зеленую козѣльку, не прибавитъ болѣе: „Хорошая козѣлька! славная козѣлька! не дураки овцы, что ее такъ любятъ!“—До-

вольно! Отработался первый и лучшій работникъ слободки, отработался честно и до послѣдней капельки силы! Толпа идетъ и нѣсколько разъ останавливается. И всякій разъ, какъ она останавливается, священникъ, въ темной рясѣ, читаетъ во всеуслышанье вѣщую страницу разогнутой Вѣщей Книги. Толпа подходитъ къ погосту. Могила принимаетъ должное ей тѣло, и всѣ тихо расходятся по домамъ. Придетъ опять весна, степи зазеленѣютъ, но уже не встанетъ изъ могилы покойный ата́манъ! И вотъ подулъ вѣтеръ, метель хлынула и заклубилась, степь потемнѣла, какъ море, и только съ уединеннаго кургана смотрятъ недвижно недвижные взоры каменной бабы, смотрятъ и слѣдятъ по былому за тихимъ шествіемъ пустынной, степной жизни...

А между тѣмъ, послѣдняя льдинка растаяла, съ Аѳанасія полозъ пошелъ глубже, корова бока стала грѣть. Аксинья-полузимница привела ясные дни и ясныя ночи, и вотъ опять пахнула теплынь и радость, изъ вирія опять летятъ птицы, опять катится по небу животворящая весна; и не видитъ слобожанинъ, и не слышитъ слобожанинъ, какъ убѣгаетъ передъ нимъ вереница тихихъ годовъ, и самая старость для него не несетъ уже изнуренія души и тѣла, не несетъ тоски и скучныхъ жалобъ дряхлости; она является къ нему какимъ-то яснымъ, умиротворяющимъ возвратомъ къ дѣтству, возвратомъ къ началу жизни, возвратомъ къ тишинѣ и незлобію стремленій и помысловъ.—Такъ-то живется въ степной, маленькой слободкѣ, въ слободкѣ на рѣчкѣ Балаклейкѣ *)...

*) Нѣкоторыя мѣста этого разсказа вошли въ очерки „Чумаки“.

III.

ДѢДУШКИНЪ ДОМИКЪ.

III.

Дѣдушкинъ домикъ.

(Над. Θед. Бантышъ).

Теплинскій лѣсъ выходитъ на большую чумацкую дорогу. Въ старину, по случаю частыхъ разбоевъ, о немъ говорили: „Кто минуетъ голую долину, да высокую могилу, да теплинскій лѣсъ, то не возьметъ того бѣсъ!“ Времена стали другія. Лѣсъ состарѣлся и измельчалъ. Но одна половина его, именуемая Черточешенскимъ уступомъ, попрежнему пугаетъ праздное воображеніе людей. Дремучая дебрь уступа полна таинственности и мрачныхъ красокъ. Впрочемъ, слово дремучая да не введетъ никого въ ошибку; дремучаго здѣсь собственно очень мало потому, что эта дебрь простирается не далѣе какихъ-нибудь двухъ или трехъ верстъ, и дремлется въ ней развѣ одному усталому отъ зноя лѣсничему да старику-дровосѣку. Нѣтъ въ теплинскомъ лѣсу ни рысей, ни песцовъ, ни россомахъ, ни горностаевъ; нѣтъ въ немъ ни барсуковъ, ни соболей, ни ланей, ни бобровъ, ни медвѣдей. Зато въ неисчислимомъ множествѣ прыгаютъ въ его чащѣ приземистыя, краснобурыя лисицы; зато всѣ дубки и орѣшники его усѣяны бѣлками; зато волки въ немъ, какъ дома: никто имъ, уже болѣе пятнадцати лѣтъ, не мѣшаетъ тутъ плодиться, дѣлать набѣги на сосѣднія слободки и хватать изъ сосѣднихъ слободокъ лучшихъ поросятъ и барашковъ. Одинъ только разъ досталось въ ближнемъ селѣ, Панковкѣ, какому-то косолапому сѣркý. За то же онъ и надѣлалъ дѣлъ! Пробрался въ околицу, да не только пробрался, а отыскалъ еще хату, и чью бы вы думали? — самого атàмана, Колодняжнаго-Юхты, онъ же и Хриновый-Бурякъ,—отыскалъ, вошелъ въ сѣни, изъ сѣней въ двери, залѣзъ на печку, съѣлъ тамъ три окорока, откопченныхъ къ петровскимъ розговѣнамъ, закусилъ миской варениковъ съ ягодами, да тамъ же и заснулъ. И досталось же за это косолапому сѣркý!—Теплинскій лѣсъ перерѣзанъ многими озерами, изъ которыхъ Лебяжье, Плоское и Кривое считаются лучшими потому,

что нигдѣ нѣтъ такого множества дичи, какъ тамъ. Въ Черточешенскомъ уступѣ, о которомъ пойдетъ главная рѣчь, протекаетъ небольшое безыменное, подвижное озеро, просачиваясь изъ безыменнаго же болота, и теряется тутъ же между тростниками. На низменной просѣкѣ Черточешенскаго уступа, на гребнѣ зеленаго косогора, надъ озеромъ и болотомъ, стоитъ дѣдушкинъ домикъ. Онъ стоитъ тутъ уже съ давнихъ поръ... Видъ съ косогора на воду, перебившуюся кучковатыми плёсами, по которымъ, едва пробѣжитъ вѣтеръ, стелется лилово-сизый отливъ, и на сочную зелень болота, въ рамѣ тростниковъ и густолистыхъ кустарниковъ,—хорошъ особенно лѣтомъ. Какая странная и причудливая растительность! Какъ перевиты эти сучковатыя деревья дикимъ хмѣлемъ! По окраинамъ озера стелются ползучія травы, называемыя бабьимъ неводомъ. Чемерка, лопухи, козій-листикъ и заячья-капустка, былина и рясноголовая кульбабка, волошки и сочныя козе́льки, такъ любимыя собирательницами грибовъ и лѣсныхъ ягодъ, козе́льки всѣхъ родовъ и свойствъ,—и бѣлоголовый, дрябчатый смо̀двь, и сизый молочай, и голубая колю́чка, и рого̀зъ, и наконецъ сладкіе шпигаки́: чего только нѣтъ въ этомъ лѣсу! А какъ настанетъ весною прилетъ птицъ,—и запоетъ, застонетъ кудрявый лѣсъ. По влажному, остывшему илу, какъ на конькахъ, скользятъ и бѣгаютъ пестрыя курочки, и сѣрая поверхность усѣевается крестиками пурпурныхъ ножекъ, какъ старинная рукопись старинными словами. Каждый кустъ, каждая вѣтка одѣты своею благоуханною атмосферою. А носатый о̀гарь, точно клокъ краснаго сукна, перебрасывается съ дерева на дерево, бѣгаетъ и тихо вытаскиваетъ изъ влажной земли сладкіе корешки, бѣлыя поросли камыша и прошлогоднихъ букашекъ, или же, беззаботно набѣгавшись, стоитъ себѣ на одной ножкѣ, зажмуривъ глаза по сторонамъ поднятаго носика и дремлетъ подъ полусонное жужжаніе кузнечиковъ и мошекъ, и медленно качаются вокругъ него широкіе, сквозящіе лопухи и махровыя ленты хмѣля, и тихо застилаетъ его прохлада подступающаго вечера, и проносятся надъ нимъ, какъ бродячія пѣвчія струны, рогатыя жукалки и трепетныя, сумеречныя бабочки. Но вотъ, заливаются голубымъ и краснымъ потопомъ цвѣтущія не́коси. Трещитъ и сохнетъ, отнесенный весеннею водою, буреломъ и разное мелкое ухвостье. Въ камышахъ пробираются облинялыя, безкрылыя утки. Гнѣзда свиты, начинается безконечная, громкая, роскошная лѣсная свадьба. Вотъ она идетъ и подступаетъ... На тихой утренней зарѣ, когда по темнымъ деревьямъ только-что мелькнули желто-пурпурныя пятна и туманъ свился и плыветъ надъ болотомъ,—въ недосягаемой вышинѣ берутъ верхъ и идутъ какіе-то чудные звуки: точно торжественный, таинственный благовѣстъ раздается подъ небесами и падаетъ на землю. И вотъ—все

слышнѣе и слышнѣе, все ближе и ближе. Несутся воздушные полки воздушныхъ армій... На лѣсъ проливается цѣлое море звуковъ. Черканіе болотныхъ веретенниковъ, сонное курруканье горлинокъ, звонъ травниковъ, какъ теньканье крохотныхъ стекляныхъ колокольчиковъ, рѣзкое чоканье дроздовъ и дребезжащій смѣхъ пустынной хохотвы, какъ ауканье спрятаннаго въ кустахъ лѣшаго, долетающій откуда-то чуть слышный бой перепела, трескъ куличка и печальныя перезвàниьанья иволги,—сколько странныхъ, сколько причудливыхъ голосовъ и звуковъ! Но и въ тихое осеннее время, когда матери перестали уже печально скликàть разбѣжавшихся и разлетѣвшихся дѣтей; когда въ травѣ не шныряютъ уморительные куличата, и гусыня не переноситъ уже съ плёса на плёсо за шейку крохотныхъ гусенковъ; когда бѣлоствольная береза ярко отдѣляется и сверкаетъ на матовомъ багря́нцѣ вязовъ и сквозящаго, лапчатаго клена; когда, наконецъ, голубое сукно васильковъ уже не застилаетъ ни болотной кутемы, ни пеструшки: и въ тихое осеннее время—теплинскій лѣсъ имѣетъ много торжественно-таинственнаго. Погòнышъ, какъ тѣнь, скользитъ въ сумерки по темной, ползучей шмарѣ; неугомонный дятелъ долбитъ и вьется вокругъ дупла столѣтняго, увѣшаннаго вороньими гнѣздами береста, и звучно падаетъ въ пустынной тиши изсохшій листъ, считая обнаженные сучки и вѣтви, и звучно уносится умирающая, до новой весны, пѣвучая лѣсная жизнь!..

Дѣдушка былъ не-промахъ, когда построилъ свой домикъ на такомъ выгодномъ мѣстѣ. Домикъ представляетъ любопытное зрѣлище. Онъ старъ и покачнулся на-бокъ. Соломенная крыша его завúхрилась и поднялась отъ вѣтра, какъ панцырь у ежа. Бревна его исчерчены іероглифами червей, а крыльцо, какъ остовъ павшаго въ степи коня, проросло крапивою. Небольшой ребенокъ даже и не взойдетъ на него; онъ взойдетъ на него только при помощи опрокинутаго ведра или колоды, на которой дѣдушка куетъ проволочные крючки для своихъ удочекъ. Зато въ теплую погоду, отъ весны до осени, окна домика раскрыты настежь, и свободно влетаютъ въ нихъ мошки и сумеречныя бабочки, и свободно влетаютъ въ нихъ лепестки цвѣтущихъ яблонь и молодыя ласточки и синички. Когда подобное обстоятельство случается, родители крохотныхъ птичекъ долго летаютъ и тиликаютъ въ вѣтвяхъ сосѣднихъ деревьевъ, предполагая, что это дѣдушка, хищнымъ набѣгомъ на ихъ владѣнія, похитилъ маленькихъ птичекъ. А дѣдушка ходитъ себѣ въ мерлушковомъ халатѣ, ходитъ и знать ничего не хочетъ. Зеленый картузъ съ гигантскимъ овально-продолговатымъ козырькомъ, весьма напоминающимъ утиный носъ, покоится на его головѣ. И ходитъ себѣ дѣдушка, заглядывая подъ кусты и деревья, колиру́я и подпиливая засохшіе сучки. И весело

дѣдушка посматриваетъ съ зеленаго косогора... А тишина въ старомъ домикѣ невозмутимая. Дѣдушка однажды сознался, что въ какое-то особенно бурное лѣто птичка, именуемая овсянкою, залетѣла въ окно его спальни, на глазахъ его свила въ углу, въ развѣшанныхъ мотках пряжи, гнѣздышко, выкормила дѣтей и съ новорожденнною семьею снова улетѣла изъ спальни. Какъ не послѣдній мечтатель, дѣдушка далъ этому событію такое значеніе: „Придетъ время, и вотъ онъ самъ явится въ домикъ съ маленькою своею собственною птичкою". Впрочемъ, это было еще давно-давно, въ годы прошедшей юности. Черточешенскій уступъ видѣлъ дѣдушку и ребенкомъ, у котораго щеки походили на спѣлыя яблоки, а голова на репейникъ, и школяромъ, улетѣвшимъ изъ сосѣдняго городка на каникулы съ новоизобрѣтенными хлопушками и незатянувшимся синякомъ подъ глазомъ, и офицеромъ въ мундирѣ съ желтымъ воротникомъ, на который заглядывались сосѣднія хуторянки, владѣтельницы пары черныхъ бровей, полной груди, звонкаго дѣвическаго смѣха и нѣсколькихъ десятинъ зеленыхъ, грунтовыхъ садиковъ; не видѣлъ только родимый лѣсъ дѣдушки счастливымъ... Но что же это за дѣдушка? Каково его начало и происхожденіе? Исторія дѣдушки есть исторія его домика, и потому разскажемъ обстоятельно послѣднюю.

И во-первыхъ—исторія древняя.

Съ давнихъ давенъ и старинной старины, территорія теплинскаго лѣса принадлежала предкамъ дѣдушки. Зажиточные предки, считавшіе свои земли не клочками болотъ и озеръ, а десятками тысячъ десятинъ нетронутой плугомъ, пустынной нóви, по которой рыскала татарвà,—жили въ высокомъ, пространномъ домѣ, срубленномъ изъ столѣтнихъ дубовъ. Двойной частоколъ окружалъ домъ; на столбѣ, середи двора, качался сторожевой колоколъ и звучалъ цѣпью привязанный къ столбу медвѣжонокъ. Старые дѣды жили весело, родились и умирали, не выѣзжая далѣе сосѣдняго повѣтóваго городка. Въ темныя осеннія ночи, когда волки выли за озеромъ, подъ проливнымъ дождемъ, у воротъ останавливался путникъ, колоколъ звучалъ надъ озеромъ и селомъ съ низенькою церковью, раскинутымъ у подошвы холма, и рычалъ на цѣпи косматый сторожевой медвѣжонокъ. Столѣтній, слѣпой садовникъ, отыскивая дорогу палкой, съ фонаремъ, вводилъ путника въ просторный домъ. Тутъ было тепло и отрадно, среди развѣшанной и разставленной утвари. Хозяинъ, съ кубкомъ вина на серебряномъ блюдѣ, встрѣчалъ гостя, а въ высокую, рѣзную дверь входила стройная панночка, въ парчевомъ платьѣ и съ корабликомъ на головѣ, панночка, у которой полный станъ не перетягивался рюмочкой и густыя брови были, какъ на шнурочкѣ. Гость съ хозяиномъ заводилъ рѣчи объ иностранныхъ земляхъ и народахъ,

о далекихъ штурмахъ и бояхъ. Говорилъ гость, и долго, по его отъѣздѣ, чудились панночкѣ и ея сѣдоусому отцу битвы и пожары, пышныя убранства и громы музыки, турниры и чужеземныя красавицы, и тихая, сладкая рѣчь гостя, котораго, наконецъ, догоняла, вдали отъ нихъ, въ чужомъ краю, вражья пуля. Тихо старѣлся и разрушался величественный дубовый замокъ предковъ. Иногда, во время домашнихъ праздниковъ и пировъ, при громогласныхъ „ура!“ и выстрѣлахъ пушекъ, стоявшихъ у воротъ частокола, не малое количество штукатурки падало съ потолка на подносы, уставленные кубками, и стѣны дома многозначительно покрякивали на шумные заздравные тосты. Когда дѣдушка принялъ наслѣдство и вышелъ въ отставку, родовое село его, за разныя забавы и увеселенія предковъ, неожиданно продали и перевели куда-то за рѣку. Не спасли дѣдушку ни желтый офицерскій воротникъ, ни дипломъ шляхетнаго корпуса, гдѣ онъ кончилъ свое воспитаніе. Дѣдушка скинулъ сюртукъ, сказалъ: „Ну, что же? не взяла!“ подумалъ, подумалъ—и сломалъ свой старый, большой домъ. Въ видахъ улучшенія печальныхъ обстоятельствъ, на первый разъ изъ обломковъ дома былъ выстроенъ овчарный загонъ, причемъ самъ владѣлецъ поселился подъ косогоромъ, въ орѣшникѣ, въ куренѣ старой пасѣки. Вслѣдствіе этого, всякъ, кто проѣзжалъ по лѣсу то́рною, обозною дорогою, не мало изумлялся при видѣ обширнаго овечьяго загона съ рѣзными окнами и—игольчатыми на углахъ уцѣлѣвшей крыши. Но въ одну безснѣжную зиму пали всѣ овцы дѣдушки, и планы на улучшеніе печальныхъ обстоятельстъ рушились. Дѣдушка скинулъ и щегольской хуторянскій бешметъ, синій съ выпушками, какъ мундиръ у сотника, надѣлъ мерлушковый халатъ и изъ овчарнаго загона выстроилъ маленькій домикъ. Онъ выстроилъ его на пепелищѣ стараго дома, выстроилъ у подножія высокаго, развѣсистаго дуба, какъ подъ сѣнью мирнаго священнаго преданія. Этотъ дубъ выросъ изъ жолудя, посаженнаго передъ крыльцомъ стараго, большаго дома въ тотъ самый достопамятный день, какъ дѣдушка дѣдушки впервые ввелъ въ него свою молодую, стройную жену и, по тогдашней польской модѣ, торжественно поцѣловалъ ее передъ толпою собравшейся челяди. Жолудь, черезъ много лѣтъ, превратился въ громадный зеленый дубъ, который на тридцать шаговъ протянулъ кругомъ свои тяжелыя, плодоносныя вѣтви, и подъ этими вѣтвями, какъ былинка у подножія одряхлѣвшаго, павшаго дерева, выросъ скромный преемникъ пространныхъ дѣдовскихъ палатъ, низенькій домикъ, съ двумя окошечками на озеро... Въ древней исторіи домика есть еще одинъ довольно замѣчательный эпизодъ: именно, происхожденіе воздушнаго моста къ домику, у подножія холма... Воздушный мостъ произошелъ такъ. Устроивши свое гнѣздо,

дѣдушка пустился мечтать о присоединеніи новаго лица къ своему уголку, которое бы согрѣло и освѣтило его жизнь,—задумалъ жениться. Вслѣдствіе этого, онъ частенько сталъ переѣзжать узкую плотину, отдѣлявшую часть озера и болота отъ холма, и появляться въ тихихъ домикахъ сосѣднихъ хуторянъ. Сосѣдніе хуторяне также нерѣдко стали завертывать къ обладателю Черточешенскаго уступа. Какъ вдругъ, въ одну дождливую весну, потоки съ ближнихъ мѣловыхъ пригорковъ хлынули на болото и перерѣзали, глубокою водомоиною, плотину подъ холмомъ. Дѣдушка очутился въ засадѣ, отрѣзаннымъ отъ остальнаго міра. Однакоже онъ не потерялся и задумалъ выстроить черезъ провалье мостъ. Съ этою цѣлью онъ приказалъ единственному слугѣ и плотнику рубить по сосѣдству удобныя деревья. Удобнѣйшимъ оказался на первый случай высокій вязъ, росшій у самой водомоины, и плотникъ началъ съ него. Переправился черезъ оврагъ, привязалъ къ вершинѣ дерева веревку, къ веревкѣ коня и сталъ рубить дерево. Громадный вязъ затрещалъ, рухнулъ, но вмѣсто того, чтобы упасть на сторону, гдѣ стоялъ плотникъ, упалъ на другой край провалья и своею страшною силою перекинулъ черезъ провалье лошаденку. Дѣдушка въ это время сидѣлъ у озера, въ орѣшникѣ, колиру́я какую-то дикую щепу. Когда конь перелетѣлъ черезъ оврагъ, онъ медленно поправилъ на головѣ картузъ съ утинымъ козырькомъ и замѣтилъ: „Какой это бѣсовъ сынъ тамъ лошадьми кидается?“ А растерянный плотникъ, стоя на другой сторонѣ провалья, ударилъ объ полы руками и замѣтилъ: „Что-бъ было и воловъ привязать!“—Это событіе далеко обошло словоохотливый околотокъ. Вязъ сдѣлался съ той поры мостомъ, черезъ который весною, когда вода съ шумомъ бѣжитъ по дну оврага, посѣтители переходятъ безопасно, придерживаясь за суковатыя вѣтви, а дѣдушка, котораго посѣщать стало также легко, какъ брать приступомъ крѣпости, получилъ прозвище Черточешенскаго кулика, и это прозвище, при помощи дѣдушкинаго козырька и халата, навсегда за нимъ осталось...

Теперь средняя исторія дѣдушкинаго домика. Средняя исторія дѣдушкинаго домика обнимаетъ только одно важное событіе: именно—смерть той особы, которая долженствовала сдѣлаться его подругою, долженствовала согрѣть и освѣтить его жизнь. Это трогательное событіе излагается въ туземныхъ преданіяхъ съ малѣйшими подробностями. Дѣдушка посватался за дочку повѣтоваго коммиссара, табуны котораго до сихъ поръ расхаживаютъ по окрестной степи. Гордый предстоящимъ счастьемъ и родствомъ, за нѣсколько дней до свадьбы, по старинному обычаю, поѣхалъ дѣдушка съ своею невѣстою на богомолье въ сосѣднюю златоверхую пустынь. Дорогою неописанное горе посѣтило его: простудившись подъ грозою, невѣста его забо-

лѣла и умерла, въ виду златоверхой пустыни! Дѣдушка похоронилъ ее и вернулся домой одинъ, безъ своей молодой невѣсты, вернулся одинъ, съ маленькою мѣстною иконою изъ монастыря. Толпа сосѣдей и родныхъ весело поджидала его возвращенія. Выйдя изъ брички, дѣдушка подошелъ къ будущему своему тестю, который, съ пѣнковою трубкою, стоялъ впереди всѣхъ, и, подавая ему икону, сказалъ: „Вотъ теперь моя невѣста!“ — сказалъ и тихо пошелъ въ домикъ. И когда онъ опять вошелъ въ домикъ, когда старыя стѣны опять увидѣли его холостякомъ и сиротою, когда вспомнилъ дѣдушка овсянку,— голосъ его задрожалъ, точно оборванная струна, и онъ замѣтилъ: „Ну, что-же? опять не взяла!“ — сказалъ и сталъ довольно храбро утѣшать родныхъ. Безъ гостей, однакоже, онъ слегъ въ постель, раздались его глухія рыданія, и никогда уже, съ той поры, онъ не могъ найти прежней беззаботной мечты о счастьѣ и о супружествѣ. Дѣдушка сдержалъ слово и навѣки остался холостякомъ. Никогда болѣе не заводилъ онъ рѣчи о прошломъ, и одно только обстоятельство напоминало знающимъ его о невозвратной потерѣ. На погостѣ хутора, гдѣ опущена въ землю дорогая особа, дѣдушка взялъ на память нѣсколько отростковъ яблонь и посадилъ ихъ возлѣ своего домика. Яблони поднялись и разрослись и скоро верхушками своими стали заслонять отъ глазъ дѣдушкинъ домикъ такъ, что теперь его уже и не примѣтишь изъ-за ихъ зеленолистой стѣны! На чугунномъ же памятникѣ кладбища дѣдушка изобразилъ слѣдующую многозначительную надпись: „Покойся, моя бѣдная!“ и внизу: „Боже! не отринь ее отъ лица твоего!“ — Тихо тосковалъ съ тѣхъ поръ дѣдушка. Бывало, чуть вечеръ, онъ уже сходитъ къ озеру, садится на берегу, на обломокъ жернова, и закидываетъ въ озеро удочку. Онъ сидитъ и смотритъ въ свѣтлую воду, смотритъ и дожидается, когда колыхнется поплавокъ. Вода недвижна, и небо, какъ раскаленная по краямъ яхонтовая чаша, опрокинулось надъ лѣсомъ. Что-же это рыба такъ лѣниво ловится? Что-же это она не играетъ и не плещется? Но вотъ, стекло воды дрогнуло. Туманъ разстилается, и тѣни бѣгутъ и уходятъ на темное дно... Дѣдушка смотритъ: дѣдушкинъ образъ, какъ въ живомъ зеркалѣ, измѣняется, яснѣетъ;—темные волосы змѣятся вокругъ лица, молодые глаза блещутъ жизнью, и смуглый румянецъ сгоняетъ суровыя морщины... Дѣдушка уже не въ мерлушковомъ халатѣ, а въ военномъ сюртукѣ, молодецъ-молодцомъ и красавецъ-красавцемъ. А вотъ и еще какое-то лицо вышло и колышется, и блещетъ перебѣгающею тѣнью!.. Что-жъ съ тобою, добрый дѣдушка? Слезы текутъ и застилаютъ глаза твои, одинокое сердце сжимается тоской, ты вспомнилъ свѣтлое, старое время!

О, добрый дѣдушка! Не вернуть тебѣ свѣтлаго, стараго времени,

не вернуть тебѣ улетѣвшей молодости, не воскресить сокровенной страстишки твоего сердца. Спитъ твоя красавица въ могилѣ, спитъ въ бѣломъ платьѣ и въ полевыхъ цвѣтахъ, спитъ,—и пустынный вѣтеръ гуляетъ надъ ея могилою. Задумался дѣдушка и не видитъ, что рыбка давно уже дергаетъ поплавокъ, крутая волна расходится кругами, и удочка скользитъ изъ ослабѣвшихъ рукъ.—„Что это съ вами, баринъ?“—спрашиваетъ старика работникъ, тотъ самый, который построилъ воздушный мостъ.—„Э, врагъ бы забралъ ту канальскую рыбу!“—отвѣчаетъ суровымъ голосомъ старикъ, пряча взволнованное лицо свое:—„всѣ удочки оборвала канальская рыба, а толку—ни на лысаго дѣда!“

Теперь, читатель, новѣйшая исторія дѣдушкинаго домика... Но что сказать объ этой новѣйшей исторіи? Что сказать о ней?—Сказать-ли, какъ дѣдушка ежедневно встаетъ, выходитъ на ветхое, поросшее крапивою крыльцо и любуется видомъ владѣнія, которое все, какъ на ладони, открывается съ холма. Сказать ли о томъ, какъ дѣдушка любитъ свое зелено-водное болото и сладко вѣритъ въ его постоянство и красоту? И не говорите старику о другихъ событіяхъ; не говорите ему о счастьи свѣта за чертою его лѣснаго уголка! Не указывайте ему синѣющую полосу большой проѣзжей дороги, какъ горизонтъ иной жизни и иного міра, видной съ вершины косогора,—дороги, по которой несется пыль бѣгущихъ и пропадающихъ вдали экипажей, летятъ и затихаютъ звуки колокольчиковъ, и уносятся чуть слышныя пѣсни идущихъ съ поля слобожанъ, беззаботныя пѣсни, веселыя и радостныя пѣсни. Дѣдушка махнетъ рукою и горько усмѣхнется. Не нужно ему вашихъ дорогъ и экипажей, не нужно ему вашихъ колокольчиковъ и пѣсенъ. Есть у него другаго рода пѣсни, есть у него свой неумолкаемый, причудливый оркестръ. Что за пѣсни, что за звуки!.. Чуть заря и день переклонился къ закату,—зеленое болото, пышное болото уже заводитъ строй своихъ разнообразныхъ инструментовъ. Въ высокомъ тростникѣ то тамъ, то сямъ начинаютъ позвякивать въ разладъ, какъ смычки несмѣлыхъ еще школьниковъ. Имъ, робко и также въ разладъ, вторятъ колокольчики травниковъ и рога далекой утиной стаи, гдѣ-то пролетающей на ранній ночлегъ. Но вотъ, пронеслось черканье коростеля, волторна филина огласила холмы и перелѣски, кваканье милліоновъ лягушекъ встало и поднялось въ болотѣ, и окрестность потонула въ морѣ вечерней музыки, потонула до поры, когда ясная пѣсня одинокаго соловья-ночника раздастся, смѣнитъ все и воцарится до разсвѣта. Среди неумолкаемой музыки птицъ и лягушекъ, въ виду зеленаго болота, дѣдушка создалъ еще особый міръ друзей. У него подъ-стать болоту былъ, напримѣръ, недавно фаворитъ-пѣтухъ. Иногда, рано поутру,

дѣдушка, бывало, выйдетъ на крыльцо, переклонится черезъ заборъ садика противъ солнца, которое начинаетъ тихо вырѣзываться изъ-за лѣса, притягивая лучи къ бѣлой, махровой маковинѣ и осыпая ее пурпурными брызгами, а пѣтухъ то и дѣло кричитъ съ холма на озеро. Онъ кричитъ и прислушивается, кричитъ до того, что охрипнетъ и произведетъ такой странный звукъ, что самъ отшатнется въ сторону и долго высматриваетъ, наставивъ голову такъ, что одинъ глазъ его смотритъ въ землю, а другой на крышу домика, кто это такъ странно крикнулъ.—Дѣдушка на это тоже, бывало, слушаетъ, слушаетъ, и пойдетъ въ комнаты, тряся головою и повторяя:—„Эка, бѣсъ-птица, какъ кричитъ! Совсѣмъ, какъ будто, и не птица, и точно кричитъ что-нибудь другое!“—Этотъ пѣтухъ жилъ очень долго и пропалъ неожиданно безъ вѣсти; всѣ старанія въ поискахъ его остались безъ успѣха. У дѣдушки было появился тоже еще другой слуга, кромѣ упомянутаго выше плотника, какой-то бѣлокурый, хорошенькій мальчикъ изъ сосѣдняго села, который пришелъ однажды зимою и нанялся на годъ. Должность его состояла въ хожденіи за коровою и въ топкѣ печей. Но мальчикъ ужился не долго. Одна комната дѣдушки была съ низу до верху увѣшана портретами предковъ. Раскрашенные портреты предковъ стали тревожить маленькаго истопника. Едва разложитъ онъ огонь и сядетъ у печки, едва подниметъ голову—три ряда фамильныхъ портретовъ, три ряда темныхъ лицъ уже и смотрятъ на него во всѣ глаза! Въ первый разъ отъ непреодолимаго ужаса истопникъ убѣжалъ и не появлялся цѣлыхъ два дня; но потомъ догадался и раскаленною кочергою выжегъ глаза всѣмъ тётенькамъ, дяденькамъ, бабушкамъ и дѣдушкамъ дѣдушки. Нечего говорить, съ какимъ тріумфомъ былъ изгнанъ новый истопникъ изъ домика дѣдушки. И вотъ, года бѣгутъ и замѣняются годами, дѣдушкинъ домикъ ветшаетъ и разрушается. Нѣтъ передъ его крыльцомъ сторожеваго колокола, нѣтъ передъ нимъ медвѣженка на звучной цѣпи, и далекіе путники рѣдко заѣзжаютъ къ нему. Зато въ бурное невзгодье, когда осень разстилается надъ омертвѣлымъ лѣсомъ, когда въ воздухѣ бушуетъ холодная, пронзающая стужа и крупный дождь хлещетъ въ окна домика и сбѣгаетъ по вѣтвямъ столѣтняго дуба,—подъ крышу низенькаго домика собираются сосѣди и друзья дѣдушки... Всѣ тутъ собираются въ теплую, увѣшанную травами и безглазыми портретами, комнатку. Въ вечернемъ, подступающемъ сумракѣ не видно никого; всѣ молчатъ, будто заснули, и только голосъ разскащика тихо раздается въ комнатѣ. Кто же разсказываетъ? Кому внимаетъ уютный кружокъ слушателей?—Разсказываетъ дѣдушка... „Жили-были старикъ да старуха,—разсказываетъ дѣдушка.—Вотъ и стала говорить старику старуха: пойди да и пойди въ лѣсъ

по яблоки!—Пошелъ старикъ въ лѣсъ, набралъ яблокъ, а ночь надвинулась со всѣхъ сторонъ такая, что хоть глазъ выколи, и заночевалъ старикъ въ лѣсу, заночевалъ въ хаткѣ старой лѣсничихи. Лежитъ старикъ на лавкѣ, лежитъ, а вѣтеръ такъ и воетъ, такъ и воетъ, и деревья бьются вѣтками надъ хаткой. Вотъ и слышитъ старикъ, кто-то подходитъ къ окну и ударилъ.

„А что?—спрашиваетъ лѣсничиха:—что скажешь?“ — „Родилось на свѣтѣ столько-то новыхъ людей!—отвѣчаетъ голосъ за окошкомъ:—какова будетъ ихъ доля?“—Лѣсничиха подумала и весело отвѣтила: „Доля будетъ легкая и счастливая!“ — Голосъ за окошкомъ затихъ, и опять завылъ по лѣсу вѣтеръ, и деревья опять забились вѣтками надъ хаткой. Не успѣлъ старикъ и глазъ сомкнуть, кто-то опять подходитъ къ окошку и ударилъ. — „Что скажешь?“—спрашиваетъ лѣсничиха. — „Родилось еще на свѣтѣ столько-то новыхъ людей!—отвѣчаетъ голосъ за окошкомъ:—какова будетъ ихъ доля?“—Лѣсничиха опять подумала, подумала и уже печально отвѣтила: —„Доля будетъ тяжкая и несчастная!“—Старикъ чѣмъ-свѣтъ схватился изъ хатки и вышелъ.—„Ну!—подумалъ онъ:—попалъ же я къ лѣсничихѣ, нечего сказать! переночевалъ чуть не у самой судьбы въ гостяхъ“.—Оглянулся: хатки уже нѣтъ,—вотъ точно ея и не было между деревьями, точно сквозь землю провалилась. Приходитъ домой,—и того удивительнѣе: около печи колыска, и двое близнецовъ лежатъ подлѣ жены! Ахнулъ старикъ и остановился на порогѣ...“—Да впрочемъ, можетъ быть, такая сказка ужъ страшная, что и разсказывать ее дальше не надо?—спрашиваетъ неожиданно дѣдушка, оглядывая насъ съ улыбкою...

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, дѣдушка! разсказывайте, разсказывайте!—лепечутъ голоса маленькихъ слушателей:—совсѣмъ, дѣдушка, и не страшно!

(А ужъ гдѣ не страшно? Просто, какъ говорится, насъ всѣхъ давно изъ-за плечей хватало, и въ темныхъ окнахъ мерещились косматыя лица).

— Ну, когда не страшно, такъ я буду говорить,—замѣчаетъ дѣдушка:—только вы, впрочемъ, и не бойтесь, дальше оно точно совсѣмъ уже и не страшно, и вы не смотрите на то, что пока оно можетъ быть и страшно!—Табакерка дѣдушки скрипитъ, и кружокъ слушателей стѣсняется къ столу ближе...

— Вотъ,—продолжаетъ дѣдушка:—прошло не мало лѣтъ, сыновья старика подросли и стали уже подмогою въ хозяйствѣ. Только повѣсилъ голову старикъ... Близнецъ постарше, что̀ бы ни дѣлалъ, все дѣлалъ хорошо, и работа кипѣла у него, какъ у цѣлой артели работниковъ. Но младшему ничто не удавалось. Куда бы ни кидался,

за что бы онъ ни брался,—все шло комомъ и все валилось изъ рукъ; а работалъ и бился онъ изъ всѣхъ послѣднихъ силъ.—„Нѣтъ!—подумалъ старикъ, качая головою:—ты родился невмѣстѣ съ братомъ, ты родился въ то время, какъ судьба назначала людямъ долю тяжкую и несчастную!“

И рѣшился старикъ еще разъ попытать судьбу... Послалъ сыновей въ лѣсъ, а самъ положилъ на дорогѣ, на плотинѣ, мѣшокъ съ деньгами и прилегъ подлѣ въ кустахъ, думая, что хоть обманомъ, а найдетъ-таки младшій сынъ деньги, найдетъ и подумаетъ, что онъ самъ ихъ нашелъ и разбогатѣлъ потому, что развѣ уже одинъ слѣпой ихъ тутъ не найдетъ.—Вотъ, смотритъ старикъ, выходитъ изъ лѣсу точно младшій сынъ, выходитъ и идетъ къ плотинѣ. Только что же?.. Дошелъ бѣдняга почти къ самому мѣшку, оглянулся посмотрѣть, идетъ ли старшій братъ изъ лѣсу, прилегъ на плотинѣ, прилегъ обождать старшаго брата—и заснулъ... Ну, а уже старшій братъ, разумѣется, подоспѣлъ, наткнулся на мѣшокъ и поднялъ его.—Подождалъ старикъ, какъ ушли сыновья домой, всталъ и тогда только совсѣмъ понялъ, что доли своей уже никакъ не минуешь, и что, чего бы только человѣкъ ни выгадывалъ, чего бы только онъ ни дѣлалъ, а уже доли своей никакъ не минуешь!..—Дѣдушка на минуту смолкаетъ, оглядываетъ слушателей пристальнымъ взоромъ, и снова скрипитъ табакерка дѣдушки, и снова льются его разсказы... Но вотъ, на дворѣ окончательно стемнѣло; слуга, сверстникъ дѣдушки, опять-таки тотъ самый, который построилъ мостъ, вноситъ свѣчу и бережно, дрожащею рукою, опускаетъ ее на столъ, въ кружокъ слушателей... И когда свѣча, потрескивая и лѣниво вспыхивая, разгорится наконецъ и медленно раздвинетъ по воздуху мерцающій кругъ своего свѣта, въ этотъ кругъ, одно за другимъ, выступаютъ изъ темноты лица гостей. Выступаетъ въ него и лиловобирюзовый носъ сосѣдняго винокура, и черные, черные усы юнкера, дѣдушкинаго крестника, и русая, подобранная подъ золотую булавку, коса дѣдушкиной внучки, склоненной надъ гарусным вязаньемъ, и огромный, въ видѣ малахитовой печатки, глазъ сосѣдняго овцевода, страстнаго охотника послушать и не менѣе страстнаго охотника потомъ разсказать о слышанномъ, и нѣсколько чепцовъ, и нѣсколько вытянутыхъ, при разсказахъ дѣдушки, маленькихъ личекъ. Тутъ же рядомъ, захваченное полосою свѣта, выясняется и молодое, обрамленное бѣлокурою бородою, лицо священника; онъ сидитъ въ коричневой рясѣ, опоясанный розовымъ, вышитымъ поясомъ, и на пальцѣ опущенной вдоль кресла руки его блеститъ золотое кольцо. И ничѣмъ, вплоть до ужина, не нарушаются разсказы дѣдушки. Развѣ неожиданно погаснетъ, среди страшнаго повѣствованія, догорѣвшая

свѣчка, и пораженные слушатели, послѣ мгновеннаго остолбенѣнія, громко расхохочутся, да упадутъ съ потолка на столъ сѣмячки и чирикнетъ проснувшаяся въ клѣткѣ птичка, которой блескъ свѣчи покажется свѣтомъ загорающагося утра. Исторія дѣдушки незадолго передъ этимъ кончилась. Дѣдушка умеръ...

Случилось это очень просто.—За какой-то должишко клочекъ земли, занимаемой болотомъ, былъ проданъ. Дѣдушка не унывалъ. „Ну,—думалъ онъ себѣ:—хоть болото теперь и не мое, а все-таки его отсюда видно, и оно точно какъ будто мое болото!“—Дѣло, однакоже, вышло иначе. Новый владѣлецъ купленной земли, какой-то франтъ и мечтатель, напустилъ на болото кучу землероевъ и механиковъ, очистилъ его, осушилъ, вспахалъ и засѣялъ какою-то новоизобрѣтенною нѣмецкою травкою, которую зовутъ травкою-фуфаркою. Травка-фуфарка принялась, а между тѣмъ болото, въ пространство и красоту котораго дѣдушка слѣпо вѣрилъ, исчезло, и вслѣдъ за нимъ исчезло и озеро, вытекавшее изъ болота. Дѣдушка было попрежнему сталъ храбриться и произнесъ: „Ну, что же? опять-таки не взяла!“—но рѣшительно не перенесъ своей потери. Точно что оборвалось у его сердца! Иногда еще, правда, онъ забывался и выходилъ попрежнему на крыльцо, съ намѣреніемъ взглянуть на водяное зеркало, въ рамѣ камышей разстилавшееся у холма, выходилъ послушать музыку, музыку птицъ и лягушекъ, наполнявшихъ цвѣтущее, зеленое болото... Но онъ тутъ же останавливался и закрывалъ лицо руками; не было болѣе ни воднаго зеркала, ни камышей, ни чудной музыки природы! Тихо тосковалъ и угасалъ дѣдушка, слушая, какъ порою залетный филинъ садился на крышу ветхаго домика и стоналъ, вѣщуя смерть. Ворчалъ старикъ и нѣсколько разъ порывался убить изъ ружья докучливую птицу. Но, наконецъ, махнулъ рукою, и филинъ спокойно допѣлъ свою унылую пѣсню, когда дѣдушка, прислушиваясь къ дремотливому лепетанію листковъ своихъ подросшихъ яблонь, тихо покинулъ землю... Въ околоткѣ разнесся недавно слухъ, будто черезъ теплинскій лѣсъ пройдетъ, предназначаемая изъ слобожанскихъ степей къ южному морю, желѣзная дорога. Если это справедливо, то тамъ, гдѣ еще недавно былъ маленькій лѣсной домикъ и жилъ дѣдушка, лягутъ желѣзныя, длинныя нити, и огненный паровозъ, гремя и устилая небо дымомъ, полетитъ быстрѣе мысли, полетитъ, неся добро и пользу, и, устлавъ свой путь городами, игольчатыми станціями, садами, мостами, длинными трубами грохочущихъ фабрикъ и сверкающими домами новыхъ селъ, сотретъ тяжелыми слѣдами своими послѣднія воспоминанія о бѣдномъ, добромъ старикѣ...

IV.

ХУТОРЯНКА.

IV.

ХУТОРЯНКА.

Цареборисово, сотенный городокъ старинной слобожанщины, основанъ выходцами изъ черкасовъ, какъ называли въ былыя времена воинственное племя приднѣпровскихъ островитянъ, живописную и шумную вольницу, огненною рѣкой прошедшихъ по равнинѣ степей Запорожцевъ. Этотъ городокъ построенъ при царѣ, давшемъ ему свое живописное въ исторіи вѣка имя, и нѣкогда ознаменовался рядомъ мужественныхъ стачекъ съ татарами, жаловавшими на плодоносныя прибрежья Донца. Теперь этотъ городокъ — небольшая вольная слободка, подобно сосѣдямъ своимъ, Салтаву, Балакисѣ, Лиману и Славянцамъ, пережившая блестящую эпоху подвиговъ, во имя роднаго царя, на родинѣ своихъполковъ и полковниковъ. Старинная деревянная церковь съ почернѣвшею колокольней, ряды бѣленькихъ мазанокъ, фруктовые садики, тыквы, вьющіяся по заборамъ, съ кружевными лентами дикой миранды, звуки запоздалыхъ на пастбищѣ стадъ, крикъ филина на старомъ зданіи сельскаго правленія, и подъ-вечеръ пѣсня чернобровой дивчины, — вотъ все, что осталось отъ сотеннаго городка. Зато окрестности Цареборисова представляютъ прекрасные виды. Донецъ, съ нагорной или крымской стороны, усѣянный мѣловыми, сталеобразными утесами, дикими и обнаженными, какъ причудливая развалина древнихъ замковъ, рѣзко оттѣняетъ свой лѣвый, низменный луговой берегъ, далеко убѣгающій отъ праваго, съ своими вѣковыми, дубовыми лѣсами, свѣтлыми озерами, болотами, полными дичи, и длинною вереницею селъ, пашень, винницъ и водяныхъ мельницъ, съ грохотомъ вращающихъ свои тяжелые маховики. По этому-то лѣвому берегу, часовъ около двухъ пополудни, пробиралась однажды высокая, пузатая хуторянская бричка, направляясь къ Цареборисовскому перевозу. Недалеко отъ Поплеванковской пустыни, лѣпясь по окраинѣ лѣсистаго берега, бричка ѣхала-ѣхала, кудахтала-кудахтала на толчкахъ кочковатаго проселка и вдругъ, совершенно неожиданно, разсыпалась... Кучеръ съ козлами отъѣхалъ впередъ, а сидѣвшій въ бричкѣ

господинъ остался съ кузовомъ середи дороги, какъ утлая раковина, выкинутая на берегъ волною. Вышедъ изъ брички, проѣзжій сталъ ходить около кузова, смотрѣлъ-смотрѣлъ и рѣшилъ, что лучше всего оставить бричку въ покоѣ...

— Странная вещь!—замѣтилъ кучеръ, стоя съ заложенными руками около козелъ:—и отчего это она разсыпалась?

— Ничего страннаго нѣтъ,—замѣтилъ съ досадой проѣзжій:—бричка, кажется, была вовсе ненадежная.

Проѣзжій, молодой, бѣлокурый панычъ, въ клѣтчатой фуражкѣ, съ обнаженною шеей и румяными щеками, говорилъ о ненадежности брички напрасно, потому что прежде, нежели сѣсть въ эту бричку, онъ совершилъ надъ нею обычный въ отношеніи всѣхъ хуторянскихъ бричекъ маневръ. Именно, когда на ближней станціи онъ послалъ о себѣ вѣсть старому знакомому пану, и старый знакомый панъ, проживавшій по близости, послалъ эту бричку и приглашеніе заѣхать къ нему,—панычъ взялъ бричку за колесо и за дышло и покачнулъ ее нѣсколько разъ. Бричка издала нѣсколько протяжныхъ звуковъ, точно у нея былъ скрытый музыкальный механизмъ, но оказалась благонадежною. Благонадежною она оказывалась постоянно и у самого пана, который съ утра до ночи разъѣзжалъ въ ней, гонимый множествомъ хозяйственныхъ и коммерческихъ предпріятій. И въ самомъ дѣлѣ, сегодня подвижной панокъ появлялся въ бричкѣ въ Юшковыхъ буеракахъ, а завтра уже его видѣли въ Елабановкѣ; сегодня онъ занималъ деньги за десять процентовъ въ Пѣвунихѣ, а завтра отдавалъ тѣ же деньги, за три процента, въ Засорихѣ,—и отъ его собственнаго хутора, вплоть до Поплеванковской пустыни, панка всѣ знали и уважали. Въ бричкѣ этой онъ и спалъ, и одѣвался, и брился, и въ карты отъ скуки самъ съ собой игралъ,—и вдругъ эта бричка совершенно неожиданно развалилась! Кучеръ первый вышелъ изъ остолбенѣнія. Предложивъ панычу подъ-верхъ кореннаго, онъ осѣдлалъ этого кореннаго армякомъ и объявилъ, что до хутора пана осталось всего семь верстъ и что панычъ туда доѣдетъ засвѣтло, а ему надо остаться сторожить панскую бричку. Нечего дѣлать! Согласился панычъ и поѣхалъ. Но не миновалъ панычъ и двухъ верстъ, какъ конь остановился и рѣшительно отказался идти дальше. Чего ни дѣлалъ панычъ, и шпорилъ его, и стегалъ хворостиной, и поощрялъ словами, ничто не помогало! Сидѣлъ-сидѣлъ панычъ на косматой лошаденкѣ и рѣшилъ слѣзть. Держась за уздечку, онъ сѣлъ на травѣ и сталъ поджидать, пока коварный звѣрь образумится. Но солнце переклонилось уже на западъ, воздухъ остылъ, тѣни отъ кустовъ и деревьевъ вытянулись далеко-далеко, а коварный звѣрь и не думалъ образумливаться. Вотъ изъ ближней, скрытой за холмами, сло-

бодки полетѣли мѣрные и громкіе звуки вечерняго благовѣста. Вечеръ близился. Что тутъ было дѣлать? Панычъ подумалъ и рѣшился еще попытать судьбы. Вспрыгнулъ снова на коня и далъ ему шпоры. Но каково же было изумленіе паныча, когда, опустивъ глаза, онъ увидѣлъ, что уздечка на конѣ развязалась и, во время его прыжка, свалилась на траву. Панычъ обомлѣлъ и ухватился за гриву. Конь замахалъ хвостомъ, подпрыгнулъ раза два и, забирая карьеру, понесся во весь духъ. Ничто не помогало,—ни пинки, ни угрозы! Панычъ болтался почти на шеѣ коня и въ ужасѣ видѣлъ, какъ мелькали мимо него кусты и деревья. Ничто не помогало! И вотъ, видитъ панычъ, конь летитъ уже не прямо, а влѣво, по дорожкѣ на село, гдѣ проживала знакомая ему панни, задорная и суровая панни, съ цѣлою кучей сыновъ и дочекъ. Что за сцена ожидала его, что за сцена! Вотъ, конь вбѣгаетъ на широкій дворъ, индѣйки кавкаютъ и пѣтухи кричатъ, все это привѣтствуетъ его, дѣти съ шумомъ окружаютъ коня и кричатъ: „А отчего это, дядя, ты держишься за гриву, и картузъ у тебя, дядя, съѣхалъ на затылокъ?“

И всѣ окна домика разомъ отворяются, и во всѣхъ окнахъ домика разомъ появляются насмѣшливыя лица барышень. О, ужасъ! ужасъ! Спасите, спасите его! И спасеніе приходитъ,—приходитъ совершенно неожиданно. Не успѣлъ панычъ и опомниться, какъ злобный звѣрь, летя черезъ поляну ржи, сдѣлалъ какой-то особенно отчаянный скачокъ, и панычъ стремглавъ полетѣлъ въ колосья ржи. Оправившись отъ паденія, панычъ взглянулъ вдаль дороги: конь летѣлъ по отдаленному косогору, преслѣдуемый стаей пастушьихъ собакъ, и вѣтеръ игралъ его хвостомъ и гривою. „Ну, теперь ужъ сосѣдъ пусть не прогнѣвается!“—сказалъ панычъ, отирая землю съ колѣнъ и рукавовъ: —„а я, должно быть, ужъ не попаду къ нему теперь!“ Сказалъ это панычъ и сѣлъ отдохнуть на курганѣ. Вдали, спускаясь къ лѣсистой балкѣ, раздался скрипъ колесъ, и тяжелый слобожанскій возъ показался на дорогѣ.

— Гдѣ тутъ проѣхать на Цареборисово, на Поплеванковскую пустынь?—спросилъ панычъ, сидя на курганѣ, когда возъ съ широкоплечимъ батракомъ поравнялся съ нимъ.

— Не скажу!—замѣтилъ батракъ, лежа на животѣ на кучѣ мѣшковъ.

— Какъ не скажешь? Я тебя спрашиваю, какъ тутъ проѣхать на Цареборисово?

— Не скажу!—снова замѣтилъ батракъ... Панычъ смѣрялъ его глазами.

— Отчего же ты не скажешь?—спросилъ онъ съ неудовольствіемъ.

— Не скажу!—замѣтилъ, зѣвая, батракъ и, не измѣняя своего положенія, отъѣхалъ далѣе.

Не долго ждалъ опять панычъ. Вдали, подъ осиновымъ лѣскомъ, поднялось облако пыли, и къ кургану подъѣхалъ новенькій тарантасикъ, запряженный четвернею бурыхъ въ мылѣ коней. Изъ тарантасика выглянулъ господинъ пожилыхъ лѣтъ, какъ говорится, узнавшій-таки на своемъ вѣку, что такое порохъ и что такое бури, въ голубой венгеркѣ, алой ермолкѣ и съ витою трубкою въ зубахъ.

— Съ кѣмъ я имѣю честь говорить?—спросилъ господинъ, кланяясь изъ тарантасика, когда кучеръ сдержалъ лошадей противъ кургана.

Панычъ также приподнялъ картузъ и отвѣтилъ: „Владиміръ Авдѣичъ Торба!“

— Не знаю!—замѣтилъ господинъ изъ тарантасика и сталъ набивать трубку. Затянувшись и пустивъ облака дыму, онъ снова обратился къ панычу:

— А вы не курите?

— Нѣтъ.

— Напрасно! это очень хорошо и здорово въ дорогѣ!

— Позвольте узнать,—спросилъ панычъ въ свой чередъ:—гдѣ тутъ проѣхать на Цареборисово?

— А развѣ вы туда ѣдете?—спросилъ проѣзжій, раскуривая трубку и наматывая завязку на кисетъ.

— Туда...

— Вѣрно покупать что-нибудь?

— Нѣтъ, въ гости къ одному помѣщику.

— А кто тамъ такой живетъ?

— Одинъ знакомый помѣщикъ, около Поплеванковской пустоши.

— Старикъ помѣщикъ?—спросилъ, усаживаясь въ тарантасикѣ, проѣзжій.

— Нѣтъ, не старикъ, а такъ—будетъ среднихъ лѣтъ.

— Жаль... Вы меня простите, только я не знаю этого помѣщика; а если хотите заѣхать къ Тавифѣ Павловнѣ, къ Перепелкиной—Тавифѣ Павловнѣ, такъ она тутъ недалеко и живетъ, и я укажу дорогу.

Панычъ отказался отъ удовольствія заѣхать къ Перепелкиной Тавифѣ Павловнѣ, и тарантасикъ, тронувшись съ мѣста, закурилъ снова пылью и скрылся изъ виду.

— „Этакой народъ,—замѣтилъ панычъ:—спрашиваешь грабли, а онъ тебѣ тычетъ куму!“—и прибавилъ печально: „вѣдь этакъ, пожалуй, и заночуешь въ полѣ!“ Подумалъ это панычъ и хотѣлъ идти, какъ изъ золотоусой, головатой пшеницы поднялся передъ нимъ, очевидно

спавшій до того времени, незнакомецъ, въ отставномъ полувоенномъ сюртукѣ, низенькій, круглый и вообще похожій на боченокъ на двухъ наперсткахъ, господинъ съ такимъ веселымъ и добрымъ лицомъ, съ такими сладкими, заплывшими глазками и мѣдноцвѣтнымъ носомъ, что когда, ставши передъ панычемъ, онъ произнесъ: „Желаю здравствовать!“—панычъ пожелалъ ему того же и, почувствовавъ къ нему сразу влеченіе, спросилъ, кого онъ имѣетъ счастіе видѣть въ такой пустынѣ.

— Ну, душка,—отвѣтилъ, переваливаясь, боченокъ:—тутъ еще нѣтъ большаго счастья—видѣть меня въ пустынѣ! А скажу вамъ прямо, что я—отставной брантмейстеръ Кирикъ Андреичъ Дуля... Произнеся послѣднія слова, шутникъ-боченокъ улыбнулся и сдѣлалъ рукою то, что сказалъ. Панычъ не могъ также не улыбнуться и еще болѣе почувствовалъ къ нему влеченія.

— Что же вы смотрите?—спросилъ кубарь:—кругловатъ? А это, душенька, очень хорошо на старости; я же надѣюсь, что вы не откажете завернуть ко мнѣ на хуторъ и выпить рюмочку.—Панычъ сказалъ, что рюмочку онъ рѣдко пьетъ, но зайти на хуторъ зайдетъ, потому что страшно усталъ.

— Петръ Петровичъ?—спросилъ дорогою брантмейстеръ.

— Владиміръ Авдѣичъ!—отвѣтилъ панычъ.

— Очень радъ, Владиміръ Авдѣичъ, замѣтилъ кубарь, переваливаясь:—очень радъ познакомиться съ такимъ пріятнымъ человѣкомъ!—и прибавилъ:—А не былъ ли у васъ дяденька или дѣденька въ пожарной командѣ въ Харьковѣ?

Панычъ отвѣтилъ, что ни дяденьки, ни дѣденьки у него не было въ пожарной командѣ въ Харьковѣ, а былъ одинъ сосѣдъ, еще кривой на лѣвый глазъ, если онъ помнитъ такого сосѣда.

— Хýхра!.. Хухра!—подхватилъ толстякъ и покатился со смѣху, производя его тоненькимъ, дребезжащимъ голосомъ:—мы его однажды еще высѣкли на именинахъ.—И кубарь хохоталъ до тѣхъ поръ, пока съ гостемъ втащился на небольшой лѣсистый пригорокъ.

— А гдѣ же вашъ хуторокъ?—спросилъ панычъ.

— Да вотъ онъ, его отсюда только не видно, а его можно просто рукою отсюда достать,—отвѣтилъ Дуля.

— А какъ называется вашъ хуторокъ?

— Кухня!

— Отчего кухня?

— А вотъ, видите ли, отчего кухня,—произнесъ, лукаво улыбаясь, толстякъ:—проживалъ я, скажу вамъ, у одного богатаго помѣщика-магната на полную губу-съ и строилъ ему кухню,—съ разными удобствами и крытыми ходами, и духовыми печами, и всякими затѣями

строилъ; ну, и попользовался, знаете (кубарь при этомъ потупился), потому что и при постройкѣ кухни можно такъ повести дѣло, что легко и даже очень выгодно попользоваться; ну, я такимъ образомъ и пріобрѣлъ потомъ хуторокъ и назвалъ его въ воспоминаніе кухнею. И вотъ вамъ—и кухня моя!—произнесъ толстякъ, останавливаясь на пригоркѣ и указывая рукою на хуторокъ... Хуторокъ предсталъ глазамъ озадаченнаго паныча. „Вотъ,—подумалъ Торба, разглядывая выступившій хуторокъ:—этотъ господинъ, кажется, совсѣмъ не церемонится!“ И точно, онъ впослѣдствіи убѣдился, что Дуля совсѣмъ не церемонится. Хуторокъ выглянулъ изъ-за двухъ мельницъ, которыя взбрасывали на воздухъ крылья, точно кого-нибудь звали и тщетно размахивали руками. Дуля и Торба стали спускаться съ пригорка къ хуторянскому маленькому домику, и панычъ невольно останавливался при видѣ этого тихаго, маленькаго домика. Домикъ брантмейстера, съ камышевою крышею, подъ сѣнію столѣтнихъ ракитъ и буковъ, напоминалъ собою гнѣздо малиновки, въ расщелинѣ дупла громаднаго дерева, между колеблемыхъ вѣтромъ, стрѣльчатыхъ травъ и широкихъ порослей: тоненькія вѣточки маленькаго гнѣздышка переплетены жилками корней, внутренность его чисто-на-чисто выглажена и устлана пухомъ, и лучъ солнца, пробиваясь сквозь листья травъ и лопуховъ, нависшихъ надъ гнѣздомъ, колеблетъ въ своей полосѣ золотыя блестки мошекъ и цвѣточной пыли, колеблетъ и обливаетъ золотомъ пару маленькихъ пестрыхъ яичекъ гнѣздышка. Таковъ былъ хуторянскій домикъ.—Дуля и панычъ вступили во дворъ.—„Я уже пообѣдалъ и выспался,—замѣтилъ хозяинъ:—а дворня моя еще и до сихъ поръ спитъ!“ Это, впрочемъ, Дуля говорилъ напрасно: гость и безъ его словъ это уже зналъ. Изъ крапивы подъ погребомъ, чрезъ весь дворъ неслись присвистыванія въ носъ, сѣнникъ оглашался рѣзкимъ басомъ; изъ каретнаго сарая летѣлъ дребезжащій храпъ, и повидимому храпъ не въ одинъ голосъ, а въ два, точно два человѣка условились и исполняли вмѣстѣ дуо.—„Ну, теперь мы отдохнемъ, закусимъ и освѣжимся наливочкой!“—сказалъ хозяинъ, ступая черезъ порогъ домика въ сѣни, усыпанныя зеленою травою. Новые знакомцы, распорядившись закускою, отправились въ садъ, подъ кудрявую, столѣтнюю грушу и улеглись среди пироговъ и бутылокъ съ наливками, на коврикѣ, передъ панорамою степей, луговъ и извивовъ Донца.

Панычъ сталъ излагать хозяину исторію своего приключенія съ бричкой.—Но скажемъ прежде, кто такой былъ хозяинъ и кто такой былъ его гость.—Хозяинъ, какъ уже извѣстно, отставной брантмейстеръ Дуля, нѣкогда построившій очень выгодно у одного помѣщика кухню, былъ изъ породы степняковъ,—нѣсколько скупыхъ и въ то же

время падкихъ на сластолюбіе, упрямыхъ и неподвижныхъ, лѣнивыхъ и въ то же время готовыхъ ежеминутно хохотать и веселиться, лѣнивыхъ до-нельзя и готовыхъ въ то же время надуть всякаго встрѣчнаго и поперечнаго,—и считался въ околоткѣ умнѣйшимъ и добрѣйшимъ человѣкомъ. Пухленькія ручки его не сходились на животѣ, а широкій затылокъ и гусиные, чуть видные глазки изобличали особу, для которой покой былъ дороже всякой золотой сумятицы. Еще въ отрочествѣ, когда въ приходской школѣ рыжій дьякъ сѣкъ его безъ милосердія каждую субботу, и ходилъ онъ съ толпою школяровъ пѣть пѣсни пищуновъ и собирать подъ окнами пироги и колбасы, онъ рѣшилъ, что возиться со службою, требующею движенія и трудовъ—то же, что изъ топора борщъ варить, пріискалъ гдѣ то, въ далекой крѣпости за Кубанью, мѣстечко эконома и сталъ поживать припѣваючи. Молодость иногда брала свое, и однажды разсчетливый кулакъ-тихоня, какъ его звали товарищи, чуть не женился. Случилось это бурное событіе въ жизни Дули такъ. Жилъ онъ, какъ сказано, въ закубанской крѣпости экономомъ, и жилъ въ ней безъ малаго восемь лѣтъ. А въ крѣпости не было ни одной женщины, обыватели сами и рубахи мыли, и карпетки штопали, и доили коровъ. Новый Робинзонъ Крузе въ военные, тревожные дни еще не замѣчалъ своего одиночества; но въ мирное время сердце искало сердца, молодость стремилась къ молодости, и приходилось новому Робинзону Крузе такъ жутко, что хоть въ воду! Ходитъ, бывало, по крѣпостному валу, голова въ туманѣ, глаза въ туманѣ, вернется домой, возьметъ письмо, которое за часъ передъ тѣмъ написалъ къ сослуживцу за горы, и остолбенѣетъ: точно не онъ писалъ, ничего не помнитъ! Бывало, тоже, сидитъ у окна и смотритъ: вотъ, подходитъ вахмистръ. —„Смотръ,—говоритъ,—комендантскій, и васъ велѣно тоже звать!“ Одѣвается Дуля наскоро, шпаженку пристегиваетъ къ боку, бѣжитъ на площадь, а жара такая, что подошвы горятъ. Что-жъ? на площади—ни души. Онъ къ вахмистру: „Ты звалъ меня?“—Нѣтъ,—говоритъ,—и не думалъ; это вѣрно вамъ представилось такъ!—И сталъ Дуля такія чудеса отпускать, что начальство только плечами пожимало; подумало начальство и намекнуло стороной, что не мѣшало бы Дулѣ другаго гдѣ мѣста пріискать! Закручинился Дуля еще пуще прежняго. Сидитъ однажды, по своему обычаю, подъ окномъ, такой скучный, и трубку куритъ; входитъ поручикъ и рекомендуетъ ему молодаго раненаго корнетика, только-что прибывшаго изъ Анапы. „Вотъ,—говоритъ,—къ вамъ присланъ на постой!“ Поселился корнетикъ у Дули, и стали новые знакомцы жить, да поживать. Корнетикъ оказался музыкантомъ и Дулю выучилъ тоже на скрипкѣ играть. И такъ они жили долго, пока постоялецъ не проговорился, что въ

Анапѣ съ одною дамою былъ знакомъ, что дама эта тоже музыкантша, и сталъ корнетикъ говорить, что милая дама и такая-то, и этакая, и густоволосая, и полновидная, и ручки пухленькія, и губы алыя, и что богата она и недавно овдовѣла. Раззадорился Дуля, кровь въ одиночествѣ закипѣла. „Напишите, да и напишите, — говоритъ, — обо мнѣ къ этой дамѣ!“ Корнетикъ расхохотался. „Какое у васъ смѣшное лицо, — говоритъ, — стало! а впрочемъ, — говоритъ, — извольте, напишу!“ Сказалъ и написалъ. — Дама изъ Анапы, черезъ мѣсяцъ, и отвѣтъ прислала: „Я, молъ, говоритъ, тоже не прочь и очень рада!“ — Кирикъ Андреичъ какъ прочелъ письмо, сталъ бѣлѣе мѣлу, ходилъ-ходилъ по комнатѣ, тайно выхлопоталъ у коменданта отпускъ, осѣдлалъ костляваго обознаго драбанта, взялъ у солдата пику и ружье, взялъ у кого-то старенькій чемоданчикъ и поѣхалъ, въ видѣ Донъ-Кихота, какъ самъ послѣ разсказывалъ, прямо въ Анапу. Пріѣзжаетъ, отыскалъ домъ вдовы, домъ ветхенькій, старенькій, съ обвалившеюся трубою, и дѣвка на крыльцѣ бѣлье мыла; велѣлъ доложить, что такой-то, извѣстный уже Дуля пріѣхалъ. Черезъ полчаса зовутъ въ гостиную. Выходитъ дамочка, въ видѣ свѣжепросольнаго огурчика, полненькая и точно съ алыми губками. Дуля къ ручкѣ, а она его въ щеку поцѣловала и проситъ садиться. Вотъ, слово за слово, онъ объясненіе, та говоритъ: „Что-же, хорошо, только родныхъ надо повѣстить!“ И дѣло пошло съ разу на ладъ. Дуля фертикомъ подъѣхалъ на счетъ красоты, вечеромъ пуншику съ ромомъ попросилъ, за пуншикомъ попросилъ настоечки и селедочки — и пошелъ куролесить. „Ахъ, душечка, — говоритъ, — позвольте уже и въ губки поцѣловать!“ Такимъ образомъ дня три онъ куролесилъ-куролесилъ, къ невѣстѣ ужъ и на домъ переѣхалъ, и въ халатѣ сталъ ходить, да вдругъ и одумался. „Эге-ге! — говоритъ — шалишь, за двѣ-томельницы, да за домъ старенькій, нечего губить себя!“ Подумалъ-подумалъ, выбралъ опять темную ночь, сѣлъ на своего драбанта, взялъ пику и чемоданчикъ, да и поѣхалъ опять въ видѣ Донъ-Кихота, тайно отъ вдовы, въ крѣпость. И такъ онъ и избавился, — сколько потомъ вдова ни писала къ нему, даже въ стихахъ, и даже уже тогда, какъ Кирикъ Андреичъ женился на Улитѣ Романовнѣ, дочери помѣщика, по сосѣдству Харькова. Женился же онъ на Улитѣ Романовнѣ, теперь уже покойницѣ, тоже любопытнымъ образомъ. Пустилъ тестю пыль въ глаза тѣмъ, что у него гдѣ-то есть богатая тетка, тетка Марфа Николаевна Иванова, пріѣхалъ свататься въ чужомъ новомъ мундирѣ, на чужой тройкѣ и даже съ чужимъ лакеемъ. Обманъ открылся на другой же день послѣ свадьбы, когда лакей пришелъ къ нему и потребовалъ назадъ барское имущество; но Дуля уже былъ женатъ и торжествовалъ. Съ той поры, до ловкаго пріобрѣтенія Кухни,

у брантмейстера постоянно былъ и сытный обѣдъ, и чистая рубашечка, и теплая шинелька, и на зиму теплые на волкѣ сапожки, и хотя плохенькая, а все-таки была и таратаечка съ четвернею приземистыхъ лошадокъ. Пріобрѣтеніе Кухни положило полное окончаніе еще недавнему странствію желудка и чемодана Дули по знакомымъ, и онъ предался любимому постоянному занятію своему, именно— лежанію въ полѣ, въ пшеницѣ, или въ саду, на коврикѣ, подъ грушей; и сталъ попивать Дуля наливочки да водяночки, которыя не переводились въ его погребахъ, и такъ было весело ему, что и сказать нельзя! Таковъ былъ толстенькій обладатель хутора Кухни.— Теперь его гость...

Гость обладателя хутора Кухни, Владиміръ Авдѣичъ Торба, былъ сынъ зажиточнаго слобожанскаго помѣщика, за годъ передъ тѣмъ отошедшаго къ дѣдамъ отъ неумѣреннаго употребленія маринованныхъ въ уксусѣ перепеловъ. Сынъ былъ вызванъ изъ городка, гдѣ служилъ по желанію отца писцомъ въ судѣ, писалъ и отписывался, ѣздилъ въ городъ, ѣздилъ изъ города, возилъ гостинцы Петру Семенычу, возилъ гостинцы Семену Петровичу и былъ, наконецъ, введенъ во владѣніе нѣсколькими стами душъ и нѣсколькими тысячами десятинъ земли. Родныхъ у молодаго Торбы почти не было, и потому, внявъ совѣту одного изъ сосѣдей, франта и нѣкогда столичнаго жителя, онъ собралъ, что успѣлъ, денегъ и рѣшился ѣхать въ Петербургъ на службу. Деревни своей, родимой деревни Упоиловки, онъ почти не зналъ, деревенская скука въ нѣсколько мѣсяцевъ успѣла овладѣть имъ, и, недолго думая, промѣнялъ ее Торба на зовущую, далекую, чудную даль. И какъ было не ѣхать Торбѣ изъ степей въ столицу! Денегъ теперь предстояло ему вдоволь, сосѣди и сосѣдки наперерывъ завидовали ему и говорили: „Ахъ, Владиміръ Авдѣичъ! Вотъ теперь-то вы поѣдете въ Петербургъ! Вотъ теперь-то вы заживете!“ А пальцы уже успѣли забрызгаться чернилами въ маленькомъ уѣздномъ городкѣ. Да и друга не припасъ себѣ Торба въ родимой школѣ, молодаго сосѣда-друга съ тройкою чертей, а не коней, съ тройкою въ наметахъ и бубенахъ; друга разбитнаго, съ длиннымъ черешневымъ чубукомъ и хóромъ домашнихъ пѣсенниковъ; друга, который бы его подмигнулъ на какую-нибудь чернобровую Катрю или русокосую Мотрю, угостилъ бы его травлею съ ауканьемъ и попойкою подъ курганомъ въ сѣренькую осень и сказалъ бы: „Эхъ, душа моя, Володя, оставайся, душа, въ Упоиловкѣ, и доживемъ мы съ тобой весело до сѣдыхъ волосъ и до веселой тихой старости!“ Не припасъ себѣ такого друга въ школѣ Торба, потому что не могъ припасти въ школѣ никакого друга. Въ школѣ Володю занимали другіе интересы и другія цѣли. Былъ въ школѣ мальчикъ Володя лучшимъ изо всѣхъ

лучшихъ мальчиковъ и по поведенію, и по ученію. Не зналъ въ школѣ хорошенькій мальчикъ Володя ни рѣзвыхъ игръ, ни затѣй, ни трескучей перепалки на морозѣ мячами и кулаками, ни келейнаго куренія трубки въ печку, ни невыучиванія всѣмъ классомъ уроковъ изъ скучной математики. Вышелъ Торба изъ школы съ похвальнымъ листомъ, вышелъ первымъ и заслужилъ отъ старика-отца, носившаго усы по грудь, въ награду старый бешметъ на зайцахъ и штуценрейтерское ружье; и одно только горе было Торбѣ, что никто на прощаньи изъ лѣнтяевъ-товарищей, какъ нарочно, не кинулся къ нему на шею, не обнялъ его жаркими юношескими объятіями и не сказалъ ему: „Ну, Торба, чтобъ меня взяли сто чертей, если ты не славный малый и если я тебя когда-нибудь забуду!“ Всѣ чинно простились съ Торбою и разъѣхались... Отчужденность Торбы замѣчена была еще и на послѣднемъ урокѣ учителя русской словесности. Этотъ учитель, страстный и пылкій труженикъ науки, всегда курившій отличныя сигары, всегда чисто, со вкусомъ и даже нѣсколько франтовски одѣтый, завитой и раздушенный, вслѣдствіе чего его особенно любили во всѣхъ женскихъ школахъ, гдѣ онъ преподавалъ,—передъ выпускомъ, на прощальной лекціи, собравъ свои тетрадки, сошелъ съ каѳедры и шутя сталъ предсказывать питомцамъ каждому подходящее будущее. Одному, на вопросъ: „Неронъ Петровичъ, а я чѣмъ буду?“ говоритъ: „ты, братъ, Ѳедоръ Никандрычъ, будешь чиновникомъ!“ Другому, на тотъ же вопросъ, отвѣчалъ: „Ты, Ваня, гусаръ!“ Третьему: „Ты — бандуристъ, не измельчайся только, а ты будешь молодецъ!“—„А я что буду?“—спросилъ съ первой лавки, забытый на прощальной перекличкѣ, Торба.—„Ты?“—произнесъ, неожиданно впавшій изъ веселаго, безпечнаго въ грустный и суровый тонъ, учитель: „ты будешь...“—прибавилъ онъ и губы его задрожали: —„ты будешь... эхъ, жаль мнѣ тебя, Володя, мало тебя сѣкли, и не хотѣлось бы мнѣ, чтобы ты былъ тѣмъ, чѣмъ ты будешь непремѣнно!..“ Учитель не кончилъ, и классъ въ безмолвіи разошелся отъ прогремѣвшаго въ корридорѣ звонка. Что такое хотѣлъ сказать учитель, никто не зналъ. Но послѣдствія оправдали слова его для одного Торбы, и Торба не разъ, вспоминая прошлые дни, качалъ головою и жалѣлъ, что его мало сѣкли. Въ судѣ товарищи-сослуживцы, чернильные бѣдняки, сморкавшіеся въ руку, но тѣмъ не менѣе зараженные сатирическими наклонностями, прозвали его кислятиной; и точно: и его улыбка при чьемъ-нибудь нѣсколько свободномъ выраженіи была тѣмъ, что говорили сослуживцы, и его деликатно протянутые при встрѣчѣ со знакомымъ два пальца руки, никогда не пожимавшей дружескимъ, мужественнымъ пожатіемъ, были тѣмъ же самымъ, и сюртукъ его, и картузъ, и всѣ слова его осторожной

рѣчи были тѣмъ же, что говорили сослуживцы... И опредѣлился ясно въ представленіи всѣхъ богатый наслѣдникъ Торба, за которымъ, какъ говорится, не водилось ни сучка, ни задоринки, кромѣ одного, впрочемъ, счастливаго волокитства гдѣ-то въ домикѣ бѣдной вдовы-торговки, и всѣ говорили о панычѣ Торбѣ: „Вѣдь вотъ—хорошій, кажется, человѣкъ, и тихій, и добрый, и сплетней не переноситъ; а вѣдь порядочная, однако-же, кислятина!“ Послѣднее имя, наконецъ, пришло на умъ и толстенькому Дулѣ, когда онъ, переваливаясь боченочкомъ на двухъ наперсткахъ, пришелъ въ садъ и улегся съ нимъ на коврикъ подъ грушей... День сталъ прохладнѣе. Гость подкрѣпился пирогомъ съ яблоками и добрымъ корцёмъ наливки. Окинувъ глазамъ панораму сада и окрестностей, открывшихся съ пригорка въ легкоми туманѣ подступавшаго вечера, онъ не раскаялся, что завернулъ на хуторокъ Дули. И точно, видъ невольно бросался въ глаза. Садъ былъ вторично въ цвѣту въ одно лѣто. Почти всѣ деревья и кусты его бѣлѣли, осыпанные медвяными лепестками, точно столбы молочной пѣны били изъ зелени травъ, а пчелы и мохнатые шмели то и дѣло сновали и роились надъ ними. По длинному стволу репейника, который, какъ косарь въ алой шапкѣ, стоялъ и покачивался отъ вѣтра, вился и бѣгалъ чубатый удóдъ и сверкалъ, и отливался золотомъ, какъ перебрасываемый на солнцѣ клочекъ двухцвѣтнаго, металлическаго бархата, и было кругомъ то знакомое слобожанамъ благоуханье травъ и цвѣтовъ, въ которое стóитъ только опуститься—и въ мигъ уже весь пропитаешься тонкою, опьяняющею степною амброю, пропитается и шапка, и руки, и волосы, и все платье...

— Славная сливяночка, очень хорошая сливяночка, Кирикъ Андреичъ!— говорилъ Торба, почмакивая губами и потягивая изъ корчика.

— Пейте сливяночку, Владиміръ Авдѣичъ! пейте!—говорилъ Дуля, тоже почмакивая и потягивая изъ корчика:—она очень хорошая сливяночка, и вашъ папенька, кажется, ее очень любилъ.

— А вы ее только и пьете, Кирикъ Андреичъ?—спрашивалъ Торба, почмакивая и прислушиваясь, точно вкусъ его производилъ звуки.

— Нѣтъ, душечка, я не ее только пью!—отвѣчалъ съ улыбкою Дуля:—я и другое пью, только не такъ пью другое.

— А какъ же вы пьете другое, Кирикъ Андреичъ?—спрашивалъ Торба, не выпуская бутыли.

— Вотъ какъ пью, Владиміръ Авдѣичъ!—отвѣчалъ Дуля, приподнимаясь на коврикъ:—терновочку я пью по утрамъ, чуть-чуть заря, и пью въ сухомятку, такъ, чтобы росинки до той поры не побывало во рту. Послѣ чаю клубниковку, и пью клубниковку съ пыжами, какъ заряжаютъ ружье: выпью рюмочку и заѣмъ коржемъ, выпью рюмочку и заѣмъ коржемъ. А уже передъ обѣдомъ я иду въ комору, а ко-

мора моя подъ замкомъ, и тамъ у меня есть одна настоечка на кишницѣ, гвоздичкѣ, полыни и перчикѣ; эту настоечку я зову красными угольками и запираюсь, когда пью, потому что (такъ говоритъ и нашъ отецъ Никита, если знаете) когда ее выпьешь, все равно, точно проглотилъ кошку и потомъ сталъ тянуть ее назадъ за хвостъ. Впрочемъ,—заключилъ Дуля:—человѣкъ не звѣрь, и больше ведра не выпьетъ.—Торба нѣсколько усомнился въ томъ, что человѣкъ не звѣрь и больше ведра не выпьетъ,—потому что Дуля скоро очистилъ такую пузатую сулею сливянки, что мало чѣмъ не превзошелъ ведра. Толстякъ распоясался и опустился опять на коврикъ.

— А вы, маточка,—сказалъ онъ гостю:—распояшьтесь тоже и полежите тутъ, или въ травѣ гдѣ-нибудь! Когда же не хотите, такъ ступайте на рѣчку; тамъ дѣвки полотна моютъ,—и вы послушаете пѣсенъ! Что? не хотите? Ну, какъ хотите! Да вы постойте, откуда вы теперь?—спросилъ, уже зѣвая, растянувшійся толстякъ:—я и забылъ васъ спросить!—Торба удовлетворилъ любопытство хозяина.

— Ну, конечно, душечка, ничего!—замѣтилъ толстякъ, переворачиваясь пузыремъ съ боку на бокъ:—я вамъ дамъ лошадокъ до станціи, а теперь погуляйте по саду, тамъ и баба моя гуляетъ.

Съ этими словами Дуля заснулъ, какъ убитый, а Торба всталъ, оправился, поглядѣлъ съ пригорка и пошелъ по первой попавшейся дорожкѣ сада—смотрѣть, какая это баба гуляетъ.

Торба спускался къ концу сада, какъ изъ-за плетня, приподнявшись на перелазѣ съ корзиною сливъ на головѣ, выступила передъ нимъ красавица-дѣвушка. Изъ-за плетня неслись пѣсни, какъ бы тамъ ходилъ хороводъ. Красавица-дѣвушка, остановившись на ступенькѣ перелаза за оградой, освѣщенная розовымъ отблескомъ угасающаго вечера, точно внезапно зажглась вся, вмѣстѣ съ небомъ, на которомъ рѣзко отдѣлился ея граціозный очеркъ; точно зажглись и ея обнаженная ручка, и носикъ съ пережабинкой, и алый спенсеръ, обхватывающій полную грудь, и фіолетовыя сливы на головѣ, которыя вдругъ покачнулись и брызнули дождемъ на алый спенсеръ, полную грудь и мшистый заборъ сада. Торба стоялъ между тѣмъ въ смущеньи и припоминая что-то далекое, далекое, сладко-обаятельное, и вдругъ вскрикнулъ, бросившись къ забору: „Груша! Грушенька! вы ли это?“ Пылающій въ воздухѣ очеркъ красавицы-дѣвушки былъ неподвиженъ и смотрѣлъ сверху, въ то время, какъ улыбка уже пробѣгала по его лицу. Красавица, наконецъ, также радостно вскрикнула: „Володя!“—хотѣла переступить черезъ плетень и не переступила. Не Володя, Владиміръ Авдѣичъ, и не Груша, Аграфена Кировна, стояли теперь другъ передъ другомъ! И не дѣти, не далекія маленькія дѣти въ тихомъ далекомъ городкѣ, въ шумной

школѣ—были они, а помѣщикъ Торба и панночка Дуля, владѣтель богатой слободы Упоиловки и хуторянка, наслѣдница маленькаго хутора Кухни! И помѣщикъ, и панночка не имѣли силъ ступить другъ къ другу; и помѣщикъ, и панночка стояли и смотрѣли,—смотрѣли, точно съ порога далекаго, невозвратнаго времени, точно боясь за ступеньками перелаза встрѣтиться и не узнать другъ друга. Пѣсни за плетнемъ грянули сильнѣе, пѣсни огласили окрестность, и красавица-дѣвушка первая очнулась. Она медленно переступила черезъ плетень и подошла къ гостю...—„Володя, Володечка!“—сказала она съ замирающимъ отъ радости сердцемъ, въ то время, какъ улыбка все еще трепетала на ея устахъ:—„какъ это вы очутились у насъ, въ нашемъ саду?“ Торба разсказалъ наскоро обо всемъ, случившемся послѣ разлуки съ Грушенькой, воспитывавшейся съ нимъ вмѣстѣ, въ семьѣ содержателя школы, друга ея матери. Волненіе мало-по-малу прошло въ слушательницѣ, она поставила корзину на землю, оправила на густой пепельной косѣ, положенной широкимъ вѣнцомъ надъ головою, другой вѣнецъ изъ ярко-голубыхъ свѣжихъ васильковъ, сѣла съ гостемъ на лавку и, сложа руки на-крестъ на колѣняхъ, стала опять улыбаться и слушать. И опять раздались и понеслись за плетнемъ громкія хуторянскія пѣсни...

— А помните ли, Грушенька,—началъ Торба:—помните ли вы, какъ мы учились?—И онъ остановился.

— О! помню, помню!—подхватила весело красавица-дѣвушка:—я такъ рада, такъ рада вамъ, что не хотѣла бы опять разставаться съ вами!

— Бѣда наша!—замѣтилъ печально Торба:—таковъ удѣлъ мущины—вѣчно отрываться отъ родимой почвы, вѣчно блуждать и странствовать!

— О!—подхватила Грушенька:—на мѣстѣ мущинъ я просто бросила бы все, стала бы жить вотъ такъ, какъ теперь живу.

— А слышали ли вы что нибудь, Грушенька, о долгѣ обществу, о трудахъ на пользу свѣта? Если не слышали, такъ я вамъ скажу, что какъ бы ни хотѣлось мнѣ теперь жить вблизи знакомыхъ мѣстъ, вблизи васъ, я не могу отстать отъ жизни сверстниковъ.—Таковъ удѣлъ мужчины! Да что вы думаете, наконецъ, Аграфена Кировна,—спросилъ Торба уже нѣсколько суровѣе:—если я наслѣдовалъ теперь богатое имѣніе, гдѣ старѣлись отцы и дѣды мои, такъ сейчасъ и втесать себя въ сѣятели пшеницы и разводители пеньки и мериносовъ?

Грушенька слушала молча, сложа руки на-крестъ и все такъ-же освѣщенная отблескомъ зари, освѣщенная вся, съ своимъ алымъ спенсеромъ, ярко-голубымъ васильковымъ вѣнкомъ и густою пепельною косою, оплетенною вокругъ головы.

— Нѣтъ!—сказала она, когда Торба кончилъ:—я одно всетаки

твержу: бросила бы я все на мѣстѣ мущинъ—и заботы о свѣтѣ, и вѣсъ въ обществѣ, и стала бы жить въ деревнѣ, особенно въ вашей деревнѣ, Владиміръ Авдѣичъ, съ лѣсами и озерами, въ деревнѣ, о которой такъ заботился при жизни вашъ папенька и о которой вы сами когда-то такъ много разсказывали...

— Да какъ же,—подхватилъ тономъ разсудительнаго человѣка Торба: —да вѣдь послѣдній бѣднякъ, сосѣдъ мой, былъ въ свѣтѣ и видѣлъ свѣтъ. Вѣдь этакъ сразу и назовутъ меня грѣчкосѣемъ!

— Не назовутъ грѣчкосѣемъ, Владиміръ Авдѣичъ, не назовутъ, клянусь вамъ!—произнесла, строго и какъ бы взвѣшивая каждое слово, дѣвушка:—они вдали родины и были потому, что бѣдняки, и потому, что бѣднякамъ нужно служить вдали и честно снискивать себѣ пропитаніе. Вы же богаты, вы же чиновникомъ не съумѣете быть, и хочется вамъ видѣть театры, гулянья, балы, а не служить обществу! Вотъ (кстати, что мы встрѣтились съ вами) я слѣдила постоянно за каждымъ вашимъ шагомъ по выходѣ изъ школы, и помяните мои слова, — завертитъ васъ эта жизнь, Владиміръ Авдѣичъ, и сами вы потомъ себя не узнаете!..

Владиміръ Авдѣичъ въ изумленіи слушалъ и недоумѣвалъ, какъ это можетъ такъ разсуждать простушка-дѣвушка, взросшая на хуторѣ Кухнѣ, и еще болѣе недоумѣвалъ, какъ это завертитъ его новая жизнь и онъ самъ потомъ себя не узнаетъ...

— Откуда вы всего этого наслышались?—спросилъ онъ, не выдержавъ и даже нѣсколько неделикатно.

— О! отъ многихъ наслышалась!—отвѣтила Грушенька съ улыбкой и продолжала, не обращая вниманія на его изумленіе:—помните ли вы наше школьное время, нашихъ мальчиковъ и дѣвочекъ; помните ли вы, какъ мы строили планы о будущемъ? Вы... я вамъ напомню,—и это меня постоянно потомъ интересовало,—вы хотѣли, выйдя изъ училища, поселиться въ деревнѣ, оживить въ своемъ быту старинные дѣдовскіе обычаи, воскресить въ своемъ дому прошедшіе золотые нравы старины, старинныя убранства и столъ, прислугу и тихую, старую жизнь, и помните ли, какъ вы жадно читали тогда каждую строчку, каждую замѣтку объ этой старинѣ?

Дѣвушка замолчала. Слушатель ея тоже молчалъ.

— Ай, ай, ай, Владиміръ Авдѣичъ! Такъ скоро измѣниться! Ну, не грѣшно ли вамъ? Ну, на что вамъ другая жизнь?

— Вотъ, видите ли,—началъ Торба, едва различая въ сумеркахъ лицо Грушеньки:—вотъ, вы только поймите меня, я вѣдь только говорю на первое время, а потомъ я пріѣду и точно заведу въ домѣ обычаи предковъ, старинныя убранства, столъ, прислугу и тихую, старую жизнь.

Грушенька помолчала и ласково улыбнулась.

— Нѣтъ, Владиміръ Авдѣичъ, нѣтъ! не обманывайте себя! Не уважаете вы, я вижу, быта старыхъ нашихъ помѣщиковъ, мирныхъ нашихъ хозяевъ, веселыхъ сосѣдей и помощниковъ въ каждомъ добромъ дѣлѣ роднаго околотка, и не быть вамъ среди насъ добрымъ, величественнымъ магнатомъ, которымъ назначили вамъ быть судьба и происхожденіе ваше и у котораго бы, какъ говоритъ одна книга, было бы все наше добро и всѣ наши сердца! Нѣтъ, Владиміръ Авдѣичъ, откажитесь лучше совсѣмъ отъ превосходныхъ плановъ прошлаго, милаго дѣтства. Вѣдь вы уже не ребенокъ, вѣдь вы уже взрослый мужчина,—не правда ли?—прибавила весело Грушенька...

Владиміръ Авдѣичъ, котораго сильно заинтересовали и смутили слова Грушеньки, недоумѣвалъ попрежнему, откуда она набрала такихъ сужденій, и еще болѣе попрежнему недоумѣвалъ, какъ это можетъ его завертѣть новая жизнь и какъ онъ самъ потомъ себя не узнаетъ. Вѣдь все въ жизни такъ легко казалось ему! Вотъ, онъ нѣсколько послужитъ, черезъ каждые два года станетъ завертывать въ Упоиловку, а тамъ устанетъ, и совсѣмъ поселится на покоѣ. Кто же его удержитъ? Кто же заставитъ его измѣнить свои планы? Не зналъ Торба, что такое жизнь въ свѣтѣ,—жизнь, гдѣ должны были забыться выученные школьные уроки и школьные планы, и все молодое и первобытное должно было забыться, и гдѣ суждено торжествовать одному холодному, всепоглощающему, безжалостному и безсовѣстному эгоизму. Не зналъ еще этого Торба и удивлялся... Впослѣдствіи же онъ узналъ все и не удивлялся никогда!

— Барышня, довольно сливы рвать?—раздался серебристый голосокъ въ темнотѣ. Крестьянская дѣвочка, съ длинными, нависшими волосами, стояла чуть видная вблизи на заборѣ.

— Довольно!—отвѣтила тихо Грушенька. Дѣвушка откинула за уши падающіе на лобъ волосы и опять спросила:

— А вы, барышня, не придете?

— Приду!—отвѣтила Грушенька.

Дѣвушка утонула въ темнотѣ, и вслѣдъ затѣмъ послышался бѣгъ по травѣ, за плетнемъ, ея быстрыхъ, босыхъ ножекъ.

— Вы пойдете, можетъ быть, къ папенькѣ?—спросила тихо Грушенька:—а я только отпущу дѣвочекъ.

Торба молча поклонился и пошелъ искать старика Дулю. Старикъ Дуля, вставшій между тѣмъ и сидѣвшій на коврикѣ подъ деревомъ, былъ печаленъ и суровъ; это впрочемъ случалось съ нимъ всегда съ просонья, навѣяннаго сливянкою или другою наливкою.

— Чортъ знаетъ, что̀ такое лѣзло въ голову! — началъ Дуля, сидя на коврикѣ въ одной рубашкѣ, и плюнулъ: — приснилось, будто

меня похоронили съ ящерицею, зеленою и такою толстою, какъ кошка!“—и онъ опять сплюнулъ.

Торба улыбнулся.

— Чортъ знаетъ, — подхватилъ опять съ досадою Дуля:—и это часто теперь уже стало сниться мнѣ! И вы не повѣрите! Недавно приснилось, будто покойная моя Улита Романовна, въ самый день пòминокъ, когда кутья съ медомъ стоитъ въ залѣ, ночью спустилась мухой на кутью и стала пить! Я крикнулъ на нее, а она сказала: „Муру́, муру́! и ты, свистунъ, не отвертишься!“ Сказала и улетѣла опять въ окошко!

Торба засмѣялся.

— Да что же тутъ смѣшнаго?—спросилъ серьезно Дуля и не могъ понять, какъ это можно смѣяться, когда человѣку снится мертвецъ.

И весь тотъ вечеръ Дуля ходилъ, охая, изъ угла въ уголъ, и былъ скученъ. Развеселился Дуля опять только за ужиномъ, когда на открытомъ воздухѣ въ саду, подъ тою же столѣтнею грушей, пламя свѣчей стояло, не колыхнувшись, и въ чудной тишинѣ слободжанской ночи только слышался по деревьямъ шелестъ кисейно-крылыхъ мошекъ, да жужжаніе золото-панцырныхъ коровокъ, которыя сыпались и падали на бѣлую скатерть, уставленную соусниками съ разными дымящимися соусами, жаркѝми, супами, лѣнивыми и всякими другими варениками. За ужиномъ Торба и Грушенька сидѣли молча и молча разошлись по своимъ комнатамъ... И всю ночь, разметавшись подъ пологомъ сумрака, въ безсонницѣ, красавица-Грушенька думала, слѣдя глазами проходящія въ темнотѣ картины далекаго, туманнаго дѣтства: „Такъ ли она предполагала встрѣтиться съ хорошенькимъ Володею, своимъ будущимъ сосѣдомъ по имѣнію, съ Володею, который нѣкогда забѣгалъ къ директору, чтобъ только наговориться съ нею?“ — И всю ночь Торба, припавъ горячею щекою къ подушкѣ, выпитой руками Грушеньки, думалъ:—„И какъ это можетъ завертѣть его новая шумная жизнь, такъ завертѣть, что онъ потомъ и самъ себя не узнаетъ?“

Еще Дуля слегка всхрапывалъ въ комнаткѣ, завѣшанной отъ мухъ одѣялами; еще спалъ около него, на другой кровати, и гость его, которому при пробужденіи показалось, что гигантская розовая тыква лежитъ передъ нимъ въ перинахъ: а уже Грушенька, свѣженькая и веселая, умывшись рано-рано холодною криничною водою, успѣла побывать и на пасѣкѣ, и на току, гдѣ молотили горохъ, и на бакшѣ, и въ рощѣ съ гурьбою дѣвочекъ, отряженныхъ собирать выглянувшіе послѣ дождя красновики, и въ бондарнѣ, гдѣ выдѣлывались новыя колеса на плуги и телѣги; побывала вездѣ, безъ зонтика, въ сѣренькомъ ситцевомъ платьицѣ, и шла уже домой готовить чай и будить

отца и гостя. За нею по двору, къ тополямъ, шелъ безъ шапки высокій, подпоясанный зеленымъ поясомъ, атаманъ, перебирая пучекъ сорваннаго, зеленаго еще овса. „Да мы, барышня, вотъ что!“ —говорилъ атаманъ, кивая пятами:—„мы, барышня, сегодня подъ ярину отрядимъ Евтѣя, а подъ озимь Евсѣя: Евтѣй, барышня, крестилъ сегодня дочку и легче управится съ яриною, а Евсѣй не крестилъ дочки и управится легче съ озимью!“—„Нѣтъ“,—отвѣтила на неудачный каламбуръ барышня: —„ты уже, Ничипоръ, не разсуждай, я тебя уже знаю! Евсѣй и Евтѣй пойдутъ у меня на токъ горохъ молотить; горохъ покупаютъ цареборисовскіе поставщики, и его нужно вымолотить поскорѣе.“ Ничипоръ зналъ уже свою барышню и потому, почесываясь, молча отходилъ назадъ и удалялся отъ тополей безъ замѣчаній... Когда Торба одѣлся и вышелъ съ трубочкою на крыльцо, Грушенька стояла у перилъ, перегнувшись за балюстраду и наставивъ руку зонтикомъ надъ глазами.

— Что вы смотрите, Аграфена Кировна?—спросилъ Торба, здороваясь съ нею.

— Не даромъ папенька пошелъ на сторожевую клуню глядѣть!—замѣтила Грушенька: — вонъ, посмотрите, Поплеванковскіе панки ѣдутъ къ намъ.

Не успѣлъ Торба взглянуть въ сторону сада,—за рѣкою уже закурилась пыль, и довольно грузный экипажъ сталъ спускаться къ греблѣ. Скоро странная картина представилась глазамъ Торбы. Громадный зеленый рыдванъ, какъ слонъ, вооруженный бойницами, пиками и флагами, сталъ съѣзжать съ крутаго прибрежья, запряженный шестерикомъ круторогихъ воловъ. Кучеръ въ слобожанской свиткѣ, сидя на козлахъ, размахивалъ хворостиною, правя ею, какъ индѣйскій слоноукротитель пикою. Двое господъ, еще толстѣйшихъ самого Дули, въ желтыхъ сюртукахъ и такихъ же фуражкахъ, сидѣли въ рыдванѣ и, чуть съѣхали къ рѣкѣ, начали махать платками, очевидно разглядѣвъ на сторожевой клунѣ Дулю. Новые гости, предводимые хозяиномъ, скоро вошли въ комнаты, гдѣ тотчасъ имъ былъ представленъ Торба. Оглядѣвшись, Торба замѣтилъ, что гостей около него было уже не двое, а что еще третій, миніатюрный, какъ безперый цыпленокъ, выпорхнулъ изъ-за ихъ желтыхъ сюртуковъ и сталъ, шаркая, возиться у его ногъ.

— Это нашъ помѣщикъ Непейводы!—сказалъ хозяинъ, указывая на одного изъ толстяковъ въ желтомъ сюртукѣ:—а это помѣщикъ Непейквасу!—прибавилъ хозяинъ, указывая на другаго толстяка:—а вотъ это—милый Палъ Палычъ Павленко, или иначе—Пейводочку, какъ мы зовемъ его кстати!..

Торба улыбнулся и услышалъ звонъ капельнаго колокольчика,

какой привязывается на шею дѣтскимъ деревяннымъ конькамъ; онъ поднялъ глаза и увидѣлъ, что это маленькій третій гость хохоталъ, обрадованный обычною выходкой Дули. Пока подавалась закуска, грибки и огурчики, рыбка и водочка, пока раскуривались пѣнковыя трубки и пошли наконецъ всѣ за столъ, уставленный блюдами и тарелками, — Торба успѣлъ поймать въ корридорѣ Грушеньку, которая среди хлопотъ была въ большомъ духѣ, и она весело разболтала ему всю подноготную о пріѣхавшихъ панкахъ. Одинъ изъ этихъ панковъ, именно панокъ Непейквасу, купивши съ публичнаго торгу клочекъ земли умершаго безъ роду и племени половиннаго владѣльца Поклеванковской пустоши, ѣхалъ поселиться на новомъ жилищѣ и на сосѣдней станціи столкнулся съ другимъ владѣльцемъ пустоши, который съ ближней ярмарки спѣшилъ туда-же.— „Какъ ваша фамилія?“ —спросилъ Непейквасу, рекомендуясь новому знакомцу.— „Непейводы!“ —отвѣчалъ новый знакомецъ.— „Какъ-съ? я не разслышалъ, кажется!“ —Новый знакомецъ повторилъ свои слова и прибавилъ:— „А ваша какъ?“ — Непейквасу отвѣчалъ: „Непейквасу!“ Сначала панки приняли отвѣтъ другъ друга за скрытую иронію; но потомъ, взглянувъ на полные животики каждаго, расхохотались, весело усѣлись въ одинъ экипажъ и скоро убѣдились совершенно, что иронія далека отъ ихъ мыслей. О встрѣчѣ Непейводы съ Непейквасомъ любили еще нѣсколько времени поболтать словоохотливыя сосѣднія пани; но потомъ и словоохотливыя пани замолчали, и Поплеванковскіе друзья зажили привольно и весело. Одинъ изъ нихъ, именно Непейводы, былъ очень добрый человѣкъ, но тянулся, во что бы то ни стало, сыграть роль богача. Домъ его представлялъ подобіе городскаго,—совершенно городскаго дома! Непейводы выгналъ его въ три этажа, покрылъ желѣзомъ, вывелъ залы подъ лакъ и стѣны подъ мраморъ,—залы съ хорами и паркетными полами, и это все на сто только своихъ душъ; въ три зимы сжегъ на этотъ домъ чуть не весь свой лѣсъ, для убранства заложилъ и перезаложилъ имѣньице и пришелъ-таки къ тому, что домъ по-нынѣ до половины стоитъ безъ стульевъ и креселъ, важныхъ гостей по сосѣдству вовсе и не знаетъ, мраморные подоконники его просверлены, и зимою сквозь нихъ, въ подвѣшенныя пустыя бутылки, стекаетъ вода со стеколъ, а самъ хозяинъ лѣпится въ какой-то маленькой бильярдной. И еще какъ лѣпится! Такъ не лѣпятся и неимѣющіе городскихъ домовъ! Среди лѣта, тоже какъ-то ночью, со двора у Непейводы свезли возъ сѣна, и никто изъ дворни до утра этого и не замѣтилъ. Говорятъ, что при этомъ затѣйливые воры еще на мѣстѣ стога воткнули палку съ слѣдующею юмористическою запискою на веревочкѣ: „Пришли Иванъ да Данила, наложили сѣна на вилы; а

чортъ же тебя просилъ, что ты для нихъ косилъ!“ Другой панокъ, именно Непейквасу, былъ тоже очень добрый человѣкъ, но ѣздилъ не иначе, какъ на волахъ, объѣдался, какъ журавль, былъ лѣнивъ до того, что, получивъ гдѣ-то наслѣдство, собирался ѣхать за нимъ болѣе десяти лѣтъ и кончилъ тѣмъ, что наслѣдство его перешло къ другимъ, а онъ только спаивалъ весь околотокъ. Былъ у него одинъ напитокъ, состоявшій изъ спирту и какихъ-то ягодъ, такой крѣпкій, что упомянутая настойка Дули,—настойка, которую выпить значило то же, какъ выражался Дуля, что проглотить кошку и потомъ ее тянуть за хвостъ,—была передъ этимъ напиткомъ прѣсною водицею. Этому напитку, словно настоенному на огнѣ и на гвоздяхъ, имя было спотыкачъ, и одна рюмка его заставляла спотыкаться самаго крѣпкаго уничтожателя настоекъ. Владѣтель этого напитка любилъ обыкновенно говорить, нѣсколько въ пику своему строителю-сосѣду:—„Что мнѣ ваши мраморы, да паркеты! Вы, вотъ, попробуйте, милостивый государь, этой водички, тогда и говорите, нужны ли мраморы и паркеты!“ Вслѣдъ за этимъ, кто ни пробовалъ водицы, дѣйствительно соглашался, что мраморы и паркеты были вовсе не нужны! А самъ хозяинъ, посѣщавшій сосѣдей, у которыхъ не водилось спотыкача, заливалъ жажду чѣмъ ни попало. Однажды не засталъ онъ дома кумы своей, пани Цындри, жившей въ слободкѣ подъ Камышевахой, нащупалъ вечеромъ въ шкафу у нея бутылку настойки на шпанскихъ мушкахъ и выпилъ ее до капли! Насилу потомъ откачали его и отпоили.

— Да вы, господа, почти ничего не ѣдите!—замѣтилъ Дуля въ то время, какъ двѣ дѣвки разносили чуть не восьмое блюдо.

— Мы сыты!—отвѣчали на это гости:—и васъ, Кирикъ Андреичъ, благодаримъ! а вотъ, рюмочку мы—такъ выпьемъ!

Кирикъ Андреичъ наливалъ гостямъ рюмочку, и гости весело выпивали.

— Боже мой!—сказала, вырвавшись послѣ стола въ садъ, Грушенька:—что это они только дѣлаютъ!

Лицо Грушеньки было блѣдно, и на глазахъ дрожали слезы...

— И неужто они постоянно такъ проводятъ время?—спросилъ Торба. Грушенька закрыла лицо руками и ничего не отвѣчала.—„Вотъ она, деревня-то!“—подумалъ Торба и тоже замолчалъ. Во весь обѣдъ онъ не сводилъ глазъ съ лица чудной дѣвушки; во весь обѣдъ жадно ловилъ онъ каждый взглядъ, каждое движеніе, каждое слово ея, и теперь, кажется, павѣки ложились въ воображеніи его и это печальное раздумье Грушеньки, и этотъ долетающій изъ комнатъ звонъ ножей и тарелокъ, и веселыя рѣчи веселыхъ стариковъ-собесѣдниковъ, и маленькій домикъ, гдѣ прикована была судьбою

подруга его дѣтства. Мысль, нежданная мысль, какъ звонъ зовущей трубы, раздалась въ воображеніи Торбы: онъ былъ влюбленъ въ Грушеньку! — „На колѣни, къ ногамъ этой рѣдкой дѣвушки!“ — шептало ему неокаменѣлое еще юношеское сердце: — „посмотри на эти косы, посмотри на этотъ бюстъ, на это доброе, кроткое созданье!“ А голосъ другой, непонятный еще голосъ говорилъ ему: „Погоди! подобные шаги въ жизни не дѣлаются такъ опрометчиво!“ И Торба, въ смущеньи глядя на Грушеньку, молчалъ, молчалъ и самъ не могъ дать себѣ отчета, что дѣлалось внутри его. Кажется, впрочемъ, ничего не дѣлалось важнаго, какъ это подтвердили потомъ и послѣдствія...

— Котикъ, поди сюда! — кричалъ между тѣмъ нѣжнымъ голоскомъ раскраснѣвшійся Дуля, появляясь съ двумя остальными толстяками на балконѣ: — поди сюда, потанцуй, котикъ! Палъ Палычъ будетъ намъ на скрипочкѣ играть!

— Папенька, я не могу танцовать! у меня голова болитъ!—отвѣтила Грушенька и молча пошла на другое крыльцо въ свою комнату.

— Ну, какъ знаешь, котикъ!—произнесъ Дуля, становясь подъ руку съ двумя другими толстяками въ позы танцующихъ грацій: — а мы уже будемъ непремѣнно танцовать!

И вслѣдъ затѣмъ раздались въ комнатѣ звуки скрипочки, и толстыя граціи, отплясывая журавля, пустились въ присядку...

Покачиваемый въ подушкахъ легкой крытой таратаечки, которая вдругъ пошла по кочковатой луговинѣ, какъ бы свернула со столбовой дороги на проселокъ, Торба очнулся и сталъ припоминать, что съ нимъ произошло въ два или три послѣдніе дня. Звонъ ножей и тарелокъ, тиликанье скрипочки и громъ веселаго журавля, слезы и чья-то тихая, тихая рѣчь въ саду—все это мѣшалось въ его мысляхъ. Но вотъ, набѣжала въ ночной темнотѣ дождевая тучка, пыль прибило, и въ воздухѣ посвѣжѣло. Таратаечка пошла лѣсомъ, поминутно цѣпляясь за вѣтви, и Торба сталъ припоминать прошлое яснѣе... Очевидно, онъ до того времени дремалъ, покачиваясь въ подушкахъ таратаечки.—„Поѣзжайте, поѣзжайте, Владиміръ Авдѣичъ, — говорила Грушенька, подъ общій шумокъ выпроваживая его черезъ садъ изъ хутора:—поѣзжайте, а то вамъ долго еще отсюда не уѣхать!“ Вслѣдъ за этимъ Торба помнитъ ея ласковыя напутствія и ласковыя желанія, помнитъ и свои горячія, горячія, невольно вырвавшіяся слезы... „Ахъ, Грушенька,—говорилъ взволнованный Торба:—такъ тяжело мнѣ, такъ тяжело съ вами разставаться!“ —Сердце шептало ему еще сказать слово, слово послѣднее, окончательное; но Торба замолчалъ—и не сказалъ

этого слова... „Вамъ не здѣсь,—говорилъ онъ взамѣнъ этого слова:—вамъ въ столицѣ суждено блистать яркою жемчужиной! И я вѣрю, я надѣюсь, вы будете блистать въ столицѣ!“—„Э, Владиміръ Авдѣичъ! гдѣ намъ до жемчужинъ! Останемся и при своихъ хуторскихъ садикахъ да домикахъ!“ — „Нѣтъ, Аграфена Кировна, — продолжалъ Торба:—клянусь вамъ, не пройдетъ и года, я вернусь сюда, только получу мѣсто, вернусь и тогда...“ Онъ не договорилъ. „И тогда?—спросила Грушенька съ комическою улыбкою: — и тогда Грушенька будетъ имѣть честь представить вамъ новую пасѣку, которую теперь строятъ въ ливадѣ!“ Торба опомнился, медленно поцѣловалъ ей руку, перелѣзъ черезъ тотъ самый плетень, на которомъ встрѣтилъ въ блескѣ и огнѣ вечера Грушеньку, и когда таратаечка отъѣхала отъ сада, онъ увидѣлъ, какъ красавица-Грушенька обернулась и тихо пошла къ домику по дорожкѣ, плывя, какъ пава, и склонивъ въ раздумьи хорошенькую головку. „Рѣшено, рѣшено!“—думалъ Торба, катясь снова по гладкой стемнѣвшей луговинѣ въ то время, какъ звѣзды одна за другою уже глянули на небѣ и издали летѣла ему навстрѣчу освѣщенная мѣсяцемъ березовая роща. „Рѣшено: я только обзаведусь хорошимъ мѣстомъ, возьму отпускъ, прикачу сюда и женюсь на Грушенькѣ, женюсь и вырву изъ душнаго круга милое, доброе созданье, эту свѣтлую, первобытную душу!“ И погружаясь снова въ золотую паутину сладкихъ мечтаній, Торба мысленно повторялъ: „Эту свѣтлую, первобытную душу!“

— Прикажете на станцію?—произнесъ голосъ незримаго въ налетѣвшей темнотѣ на ко́злахъ кучера.

— На станцію!—отвѣтилъ встрепенувшійся Торба и сталъ жадно глотать понесшійся ему въ глаза свѣжій воздухъ ночи.

Выйдя изъ таратаечки и отпустивъ кучера Дули домой съ тысячью поклоновъ барышнѣ, Торба остановился передъ старымъ слугою, который три дня его тщетно прождалъ на станціи, и, осѣненный какою-то мыслію, спросилъ его: „А что, братъ Павладій, не остаться ли намъ еще тутъ?“ Братъ Павладій на это горько усмѣхнулся и отвѣтилъ: „Гдѣ тутъ оставаться! хуражу совсѣмъ нѣтъ!“ Торба подумалъ, махнулъ рукою, упалъ на постель и заснулъ, какъ убитый. Болѣе часу на другое утро будилъ и толкалъ его старый Павладій, объявляя, что чай уже на столѣ и что пора уже ѣхать. „А? что?“ — вскрикнулъ, наконецъ, Торба и сталъ одѣваться. Пока Павладій возился съ погребцомъ, крендельками и бубликами, въ сосѣдней комнатѣ послышались шаги и чей-то свѣжій мягкій теноръ, звавшій лакея. Заглянувъ въ дверь, Торба ничего не увидѣлъ. Не увидѣлъ ничего и подошедшій въ это время къ двери компаньонъ тенора, сухой и длинный, длинный и сухой человѣкъ, какъ циркуль,

поставленный на циркуль, и, какъ сорока, весь состоявшій изъ костей и перьевъ! Этотъ сухарь, украшенный длиннѣйшими рыжими усами и въ дѣтской курточкѣ, держалъ арапникъ и поминутно кашлялъ. „Ты, Петя, тутъ?“—спросилъ онъ, кашляя и не видя въ сосѣдней комнатѣ ничего, кромѣ дыму.—„Тутъ!“—отвѣчалъ изъ дыму пріятный теноръ Пети.—„Экъ, ты, Петя, напустилъ сколько!—замѣтилъ, кашляя, сухарь, точно билъ по лопнувшему барабану заревую дробь, и прибавилъ: — не пора ли, Петя, запрягать?“ Петя на это произнесъ: „Ахъ, душа, позволь еще погадать!“ и вслѣдъ за этимъ изъ дыму выставилось свѣжее, красивое лицо темноволосаго мужчины, лѣтъ тридцати, въ синей бекешѣ, какую носятъ небогатые степные поставщики хлѣба и сѣна и вообще всякіе туземные кулаки: онъ былъ сутоловатъ и румянъ, какъ майское утро, слегка улыбался и пускалъ кольца легкаго сѣренькаго дыма изъ янтарнаго мундштука, закутаннаго, какъ старушонка-попрошайка, во фланелевую душегрѣйку; въ рукахъ темноволосаго пускателя колечекъ былъ старый экземпляръ любимой книжки слобожанскихъ холостяковъ „Новый Гадатель“. Показавшись на порогѣ, пускатель колечекъ, равно какъ и сухарь, поклонились Торбѣ и тотчасъ вошли съ нимъ въ разговоръ. Торба, ознакомившись съ видомъ перваго, подумалъ про себя, что это изъ породы тѣхъ, которыхъ армейскіе офицеры называютъ: „эдакой здоровенный каммертонъ“; армейскихъ же офицеровъ, въ свой чередъ, изъ породы такихъ каммертоновъ, зовутъ уже не каммертонами, а „брандеба съ гвоздикой и счастливая этакая мордемондія!“ Ознакомившись и со вторымъ, Торба, кромѣ сухаря, ничего болѣе еще не подумалъ...

— Изволите въ гвардію ѣхать опредѣляться?— спросилъ каммертонъ, разложивъ уже не въ прежней комнатѣ, а въ той, гдѣ сидѣлъ Торба, размалеваннаго „Гадателя“, который былъ подаренъ ему однимъ панкомъ изъ веселой общины сосѣднихъ холостяковъ, столько извѣстной въ окружности, и бросая на его роковыя клѣтки пшеничное зерно.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Торба:—я еще не знаю, но думаю служить по министерству... по министерству... гм!.. если примутъ! Каммертонъ пріятнымъ голосомъ изъявилъ надежду, что примутъ, потому что теперь нуждаются въ людяхъ образованныхъ и знающихъ языки. „Ну,—подумалъ при этомъ Торба,—что касается до знанія языковъ, то я пасъ!“ Каммертонъ еще что-то сталъ говорить, но произносилъ уже эти слова одними отрывистыми, невнятными звуками, потому что въ это время совершенно углубился въ „Гадателя“, а растрепанный мальчишка, лѣтъ восемнадцати, въ засаленномъ сюртукѣ, безъ брюкъ, однакоже въ военныхъ сапогахъ со шпорами, Богъ-вѣсть откуда къ нему попавшими, поднесъ барину двѣ трубки. Баринъ взялъ сначала

одну трубку и вытянулъ ее залпомъ, потомъ взялъ другую и также вытянулъ ее залпомъ, и когда онъ вытянулъ залпомъ другую трубку, столъ, диванъ, стулья, печь и косяки двери утонули въ дыму, и остались видны только шпоры на сапогахъ мальчишки, да усы сухаря. Заинтересованный гаданьемъ новаго знакомца, Торба уже собирался было спросить его: „А позвольте узнать, на что вы это гадаете?“ — какъ сухарь снова забилъ барабанную дробь, крутилъ, крутилъ усы, ходилъ, ходилъ по комнатѣ, наконецъ, взялся подъ бока дѣтской курточки и произнесъ: „Послушай, Петя, ты, по моему, совершенно заслуживаешь названіе той дамской вещи, которую нельзя и назвать!“ — „Отчего же заслуживаю названіе той дамской вещи, которую нельзя и назвать?“ — спросилъ съ улыбкою Петя, бросая на клѣтки „Гадателя“ пшеничное зерно. — „Оттого, — отвѣтилъ циркуль, шагая по комнатѣ, — что ты боишься посвататься за индиковудочку!“ — „Помилуй, какъ боюсь! — произнесъ гадающій: — да нельзя потому, что это дѣло важное, и сразу рѣшиться нельзя! А впрочемъ, — заключилъ онъ, — вотъ посмотри, что теперь вышло!“ Сухарь взялъ въ руки книжку и сталъ читать: „Бысть нѣкогда человѣкъ и позва его мати, и положи законъ въ своемъ наслѣдствѣ — быти ему благопревознесенну въ мірѣ!“ Каммертонъ не помнилъ себя отъ радости, опять принялъ отъ мальчишки двѣ трубки, задымилъ ихъ, какъ винокурня зимою, и громко приказалъ закладывать...

— А позвольте спросить, замѣтилъ Торба, когда новые знакомцы его садились уже на телѣгу: — вы изволили назвать индиковудочку; кто это такая индикова-дочка?

Каммертонъ, сіяя, какъ лѣтнее утро на пестромъ коврѣ телѣжки, поклонился и отвѣтилъ:

— Это, милостивый государь, сосѣдка моя, единственная дочка помѣщика Дули, Кирика Андреевича Дули, если знаете!..

О чемъ мечталось и думалось Торбѣ, когда онъ снова очутился на большой дорогѣ и когда пошли мимо него, по обычаю всѣхъ большихъ дорогъ, проноситься и исчезать въ туманной панорамѣ версты, трактиры, станціи, мосты, лѣса, поля, города и селы? Что навѣвали ему впечатлѣнія нѣсколькихъ счастливыхъ дней, прожитыхъ въ маленькомъ хуторѣ? Много сладко-томительнаго навѣвали ему эти впечатлѣнія! Качаясь въ мягкихъ подушкахъ, онъ дремалъ, дремалъ и видѣлъ картину жизни въ высокомъ, незнакомомъ старомъ домѣ. Въ этомъ домѣ онъ учитъ дѣтей; тутъ еще живетъ гувернантка, и гувернантка эта никто иная, какъ Грушенька. Старый вдовецъ-хозяинъ скучаетъ, его утѣшаютъ старыя сестры, безобразныя старыя дѣвки. И вотъ, зоркія сестры открываютъ, что молодой, бѣдный учитель влюбленъ въ ихъ гувернантку; молодому, бѣдному учителю и

гувернанткѣ отказываютъ отъ дома. Дѣвушка въ горячкѣ; молодой, бѣдный учитель беретъ ее къ себѣ на квартиру, ухаживаетъ за нею, ухаживаетъ и еще болѣе влюбляется, влюбляется и воскрешаетъ Грушеньку; и вотъ, идетъ и подступаетъ новая картина, и движется туманный рядъ сладкихъ грёзъ и сладкихъ мечтаній, мучительно-сладкихъ сценъ счастливой любви!.. „Баринъ, а мы уже въ Москвѣ!“ — замѣчаетъ голосъ Павладія, и, выходя изъ экипажа, Торба радуется, что на дворѣ уже ночь и что сонъ его снова начнетъ и непрерывно будетъ ткать свои обаятельныя ткани вплоть до Петербурга... Что же еще сказать о сладкихъ радужныхъ впечатлѣніяхъ? Что же еще сказать? Въ одно сѣренькое, туманное утро Торба проснулся въ Петербургѣ, и наемный каммердинеръ, въ лаковыхъ сапогахъ и перчаткахъ, принесъ ему новый, шитый золотомъ мундиръ. Торба былъ уже генераломъ, статскимъ генераломъ, съ почтеннымъ брюшкомъ, лысый, какъ колѣно, въ парикѣ и съ порядочными морщинами. Нѣсколько просителей — кто съ рекомендательнымъ письмомъ, кто съ памятною запискою по предстоящему аппелляціонному дѣлу, а кто съ просьбою о денежномъ пособіи — ожидали его появленія, потому что Торба занималъ мѣсто, съ которымъ еще соединялась должность по одному изъ человѣколюбивыхъ обществъ. Когда онъ вышелъ въ пріемную и спросилъ ласково у одного, а потомъ и у другаго просителя: „Вы откуда?“ просители отвѣтили, что изъ Малороссіи. Добрый старикъ, потому что Торба успѣлъ уже состариться, отъ души обрадовался землякамъ, сдѣлалъ нужныя распоряженія, отправилъ потомъ секретаря за билетомъ во французскій театръ, сѣлъ въ двуколесный кабріолетъ, взялъ возжи и жокейскій бичъ, махнулъ на рысака въ шорахъ и покатился по торцевой мостовой на дачу — пользоваться весеннимъ днемъ. Весенній день, впрочемъ, оказался чѣмъ-то въ родѣ табачно-бураго пейзажа старой фламандской школы, съ примѣсью неожиданной ванны изъ мелкаго дождя. Торба въ досадѣ заходилъ по кабинету легко-стрѣльчатой и много-оконной лѣтней дачи. Ходилъ, ходилъ Торба по кабинету, взялъ изъ рукъ секретаря привезенный билетъ, нѣжно заговорилъ съ нимъ о его родныхъ и будущности, узналъ, черезъ шесть лѣтъ его службы, что онъ тоже изъ Малороссіи, обласкалъ его, подарилъ ему дублетъ какой-то заморской сигарочницы, — причемъ секретарь не могъ надивиться, откуда взялась доброта у такого затянутаго и расфранченнаго старикашки, — и въ тотъ же день рѣшился ѣхать въ отпускъ, ѣхать въ отпускъ на родину, которой онъ не видалъ чуть не двадцать пять лѣтъ, мелькнувшихъ среди полезныхъ и тяжкихъ занятій. Черезъ полторы недѣли быстрой ѣзды на почтовыхъ, въ двумѣстной легкой кареткѣ, Торба миновалъ военно-поселенную дорогу, съ полуверстными столбами въ видѣ горящихъ на синемъ

небосклонѣ бѣленыхъ, кирпичныхъ пирамидокъ, сталъ спускаться къ Донцу и уже былъ въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ отъ Упойловки, гдѣ съ трепетомъ и страхомъ ожидалъ его извѣстный уже Павладій, состарѣвшійся въ качествѣ прикащика,—когда, проѣхавъ мимо одного кургана, вспомнилъ что-то зароненное и давно забытое въ далекихъ юношескихъ воспоминаніяхъ! Ямщикъ своротилъ на проселокъ, и когда каретка пошла по узенькой Поплеванковской межѣ, смутныя юношескія воспоминанія встали и заколыхались передъ глазами Торбы. Вспомнилъ Торба неожиданно, какъ во снѣ, и разсыпавшуюся бричку, и хуторокъ, по имени Кухня, и теплый, всеобливающій пурпурнымъ блескомъ вечеръ, и красавицу-дѣвушку на перелазѣ плетня, и громкія пѣсни за садомъ, и тихія рѣчи, и кроткую улыбку, трепетавшую на милыхъ устахъ. Вспомнилъ это Торба и въ смущеніи смотрѣлъ, какъ выходилъ ему на встрѣчу старый городокъ-слободка Цареборисово съ деревянною, почернѣлою колокольнею, рядами бѣленькихъ домиковъ, фруктовыхъ зеленыхъ садиковъ и плетней, увитыхъ ползучими тыквами, выходилъ, словно воскресшее дѣтство, дѣтство, съ его невозвратными, первыми забавами и съ его первыми, невозвратными радостями. Нужно было взять вольныхъ лошадей и ѣхать далѣе, мимо Поплеванковской пустоши и маленькаго хутора Кухни, въ Упойловку. Торба вышелъ изъ каретки и разговорился съ старикомъ, отставнымъ солдатомъ, который содержалъ въ Цареборисовѣ постоялый дворъ. Съ первыхъ же словъ солдата Торба не помнилъ уже себя отъ радости: семейство Дули жило въ Цареборисовѣ, въ концѣ улицы, тамъ, гдѣ колодезь и сады сливаются съ рощею! Одѣвшись на-скоро, Торба кинулся по улицѣ и скоро увидѣлъ указанный домикъ. Хозяева были въ саду, около амшенника. Торба пошелъ въ садъ и скоро завидѣлъ высокій, старый амшенникъ, изъ-за котораго летѣли ему на встрѣчу хохотъ и дѣтскіе крики. Семейная картина представилась глазамъ Торбы... Мужъ хозяйки, въ которомъ Торба легко узналъ знакомца на станціи, нѣкогда гадавшаго на „Новаго Гадателя“, былъ тотъ же веселый и румяный степнякъ, только нѣсколько посѣдѣвшій; онъ помѣщался на опрокинутомъ ульѣ и сѣкъ на колѣняхъ березовымъ пучкомъ какое-то подобіе розоваго, полуобнаженнаго купидона, какъ Венера на одной картинѣ сѣчетъ розою амура. Жена, стройная барыня съ пышными плечами и пышными, пепельными волосами, нѣсколько блѣдная, но все та же прежняя Грушенька, стояла въ сторонѣ и хохотала до упаду. Тепленко и его жена (такъ теперь называлась Грушенька) узнали сразу дорогаго гостя и съ радостными криками бросились ему на встрѣчу.—„Какъ! какими судьбами?“—понеслись вопросы, и при этомъ купидонъ освободился. — Владиміръ Авдѣичъ, почтенный Владиміръ Авдѣичъ былъ введенъ въ комнаты.

Въ комнатахъ, кромѣ купидона, уже оправившаго свою курточку и другія, скинутыя до того принадлежности, встрѣтили Торбу еще три дѣвицы—сестры хозяина дома. Дѣвицы-сестры, внеся въ гостиную полные воланы своихъ бѣлыхъ платьевъ, усѣлись по кресламъ въ живописныхъ позахъ. Пока Грушенька хлопотала съ ужиномъ, а хозяинъ раздавалъ приказанія о приготовленіи лошадей и экипажа владѣтелю Упойловки, старшая изъ дѣвицъ, поддерживая разговоръ съ гостемъ, успѣла изъяснить, какъ онѣ скучаютъ, очень скучаютъ въ Цареборисовѣ. Въ это время высѣченный, но опять веселый купидонъ сѣлъ передъ самымъ носомъ Торбы и, покачиваясь, замѣтилъ: „А тетя Маша все вретъ, дядя! Онѣ совсѣмъ и не скучаютъ; а онѣ ѣздили къ Цѣпетновымъ, одного улана смотрѣть ѣздили, и мнѣ уланъ давалъ конфектовъ, чтобы я не говорилъ, какъ онъ будетъ свататься за тетю!“—Дѣвица покраснѣла, какъ клубника, и вмѣстѣ съ другими сестрами готова была сквозь землю провалиться...

— „Ты, душенька, не мѣшай!“—замѣтилъ разбитному мальчишкѣ Торба и, посадивъ его къ себѣ на колѣни, увидѣлъ, какъ онъ тотчасъ же завладѣлъ его часовою цѣпочкою и печатками. Разсказчица переглянулась съ сестрами и стала снова излагать, какъ никто, рѣшительно никто къ нимъ не заѣзжаетъ.—„А тетя Маша опять вретъ!—замѣтилъ мальчикъ:—Семенъ Семенычъ изъ суда заѣзжалъ и игралъ съ ними въ карты, а меня тетя въ дѣтскую тогда запирала!“—„Ну, послушай, мой другъ!—произнесъ Торба:—если ты будешь мѣшать тетенькѣ, я тебя разлюблю, разлюблю рѣшительно!“ Мальчикъ притихъ, но во время новаго разговора, когда и маменька, и папенька его уже сидѣли въ гостиной, вдругъ спросилъ: „А отчего это, дядя, у тебя такіе волосы на головѣ, будто чужіе, и столько морщинъ?“ Теплѣнко поблѣднѣлъ, стиснулъ зубы, ухватилъ опять купидона за поясъ и, какъ котенка, понесъ его на новую раздѣлку... „Хи, хи!“—смѣялся гость въ смущеніи, оправляясь передъ дамами и стараясь придать своему лицу беззаботную мину:—„Какой веселый ребенокъ!“ Грушенька, для ободренія гостя, завела рѣчь о Петербургѣ, о балахъ, о театрахъ, объ оперѣ, о городскихъ новостяхъ и даже о службѣ, которую, по словамъ ея, она любила и за которою постоянно слѣдила,—и Торба, оживленный своею сферою и любезностью хозяйки, чуть не таялъ передъ пышною степнячкою, хотя невольно, при взглядѣ на нее и на себя, думалъ: „Какая же это еще роскошная и свѣжая женщина!.. И какой ты, братъ, уже истертый и измятый колпакъ!“—„А ты, дядя, какой смѣшной!“—крикнулъ неожиданно розовый купидонъ, ворвавшись опять въ гостиную, очевидно въ отмщеніе новой, совершенной надъ нимъ расправы, и увлекъ въ погоню за собой и раздосадованнаго папеньку, и всѣхъ негодующихъ тётенекъ...

Нечего говорить болѣе о встрѣчѣ Торбы съ Грушенькой. Торба боялся завести рѣчь о прошломъ, о планахъ дѣтства, о предположеніяхъ жить въ деревнѣ и воскресить въ домашнемъ быту преданія старины и обычаи тихихъ, мудрыхъ дѣдовъ. Грушенька это видѣла и также молчала. Послѣ веселаго, оживленнаго перекрестнымъ разговоромъ, ужина, хозяйка дома ушла въ маленькую гостиную и за полночь засидѣлась тамъ съ гостемъ. Когда гость вышелъ оттуда и, ласково раскланявшись, оставилъ хозяевъ съ любезностію добраго, милаго и почтеннаго старичка, Грушенька склонилась на плечо мужа, и мужъ замѣтилъ, что она была блѣднѣе обыкновеннаго и слезы дрожали въ ея глазахъ...

Еще два слова. За ужиномъ Торба разговорился съ хозяиномъ, превозносившимъ успѣхи своихъ трудовъ по имѣнію жены, и узналъ, что старичекъ-тесть его недавно передъ тѣмъ скончался. Теплѣнко выхлопоталъ ему мѣстечко въ канцеляріи сосѣдняго дворянскаго Депутатскаго Собранія; Дуля бросилъ рюмочку, наполнился, что нерѣдко у насъ случается на старости лѣтъ, охотою труда и дѣятельности, болѣе семи лѣтъ служилъ честно и благородно, и, вмѣстѣ съ прежними годами, былъ награжденъ за усердіе пряжкою „за XXV лѣтъ службы“. Старикъ чуть съ ума не сошелъ отъ радости, сталъ показывать всѣмъ встрѣчнымъ и поперечнымъ полученную пряжку, говоря: „Вотъ, посмотрите, какая у меня пряжка!“—сталъ рисковать и разстегиваться на морозѣ отъ радости, простудился—и умеръ. На похоронахъ его были всѣ прежніе, старые друзья, и, между прочимъ, были извѣстные уже сосѣди по Поплеванковской пустоши—Непейводы и Непейквасу, донынѣ поживающіе весело, какъ истые мелкопомѣстные панки, веселы и въ здоровьи,—кромѣ, впрочемъ Непейквасу, у котораго недавно, отъ частыхъ возліяній спотыкача, проявилось непроизвольное шатаніе и мотаніе тѣла вправо и влѣво, сопровождаемое еще трепетаньемъ десницы, а иногда и шуйцы, почему сосѣди дали ему тотчасъ прозвище деревяннаго пильщика, какой иногда продается на ярмаркахъ, покачиваемый собственною тяжестью на жерди ярмарочныхъ палатокъ...

V.

ПЕЛЬТЕТЕПИНСКІЕ ПАНКИ.

V.

Пельтетепинскіе панки *).

— Что это такое?
— „Панъ на всю губу!“

Въ слободской Малороссіи, благодаря полному отсутствію мудрыхъ правилъ майората и совершенному незнанію того, что въ другихъ мѣстахъ называется золотою жизнью холостяковъ, существуетъ искони одинъ родъ любопытныхъ обывателей, средина между великорусскими однодворцами и казачествомъ старой Гетманщины, которыхъ по уличному, въ народѣ, называютъ панкàми, полупанкàми и подпанкàми. Эти любопытные обыватели съ недавнихъ поръ стали нѣсколько исчезать, убѣгать изъ благодатныхъ степей и перерождаться, появляясь въ отдаленныхъ городахъ и губерніяхъ въ видѣ помощниковъ откупщиковъ, помощниковъ барышниковъ и другихъ разныхъ спекуляторовъ. Но иногда путникъ наталкивается въ степяхъ на слободку, жилище такихъ панкòвъ, слободку странную и причудливую, слободку любопытную, какъ ветхая, полупонятная рукопись на языкѣ отошедшаго безъ вѣсти, древняго нарѣчія. Подобная слободка столько же занимательна, какъ храмы Друидовъ, развалины Ниневіи и Мексиканскія древности! Такой слободки даже и не увидишь, проѣзжая степью съ большой дороги, потому что она всегда пригнѣздится въ глубокомъ байракѣ, по берегамъ логовища тощей, степной рѣченки, или сидитъ себѣ въ лѣсу, вокругъ природныхъ зеркальныхъ ключей, надъ которыми вьются и стонутъ дикія чайки. Иногда только, рано на зарѣ, съ пустыннаго косогора или кряжа мѣловыхъ холмовъ, примѣтишь, гдѣ-нибудь въ сторонѣ, на окраинѣ степнаго горизонта, лиловый дымокъ, который рядомъ стройныхъ, несущихся въ воздухѣ столбовъ, поднялся надъ чертою туманной дали, тихо протянулся по небу и, закудрившись на маковкѣ, какъ капитèль древней колонны,

*) Первоначально „Пельтетепинскіе панки“ и „Село Сорокопановка“ составляли два отдѣльные разсказа, впослѣдствіи же оба эти разсказа авторомъ были соединены вмѣстѣ подъ общимъ названіемъ: „Село Сорокопановка“.

стушевался и исчезъ въ тихомъ воздухѣ. Эти колонны—дымъ скрытыхъ трубъ скрытой слободки. А подъѣзжайте ближе, сотни золотыхъ скирдъ, какъ ряды гвардейскихъ драбантовъ, толпы наймитовъ и наймичекъ, съ громкими пѣснями и сверкающими серпами, и вереница вѣчно махающихъ, точно вѣчно зовущихъ кого-то со степи, мельницъ встрѣтятъ васъ у околицы. Панки живутъ себѣ весело! Панкамъ и нуждочки мало въ томъ, что иной разъ они сами ходятъ за плугомъ, сами доятъ коровъ, сами молотятъ горохъ и смолятъ откормленныхъ кабанчиковъ. Кабанчики вещь очень вкусная, и панки ихъ не промѣняютъ ни на фраки, ни на модные визиты, ни на кипучее иноземное вино. Зато, разбогатѣй панокъ,—у него является толпа наймитовъ, челядинцы совершаютъ домашнія работы, одѣваютъ, поятъ и кормятъ его, и панокъ ходитъ себѣ, заложа руки за спину смураго съ подпалиной бешмета, ходитъ себѣ къ сосѣду Точичкѣ, попиваетъ съ сосѣдомъ Точичкой наливки и водянки, водянки да запеканки, крестить съ сосѣдомъ Точичкой свою пятую дочку, и прочитъ свою пятую дочку въ жены сыну сосѣда Точички, и кладетъ ей на зубокъ старый бабушкинъ шушунъ, шушунъ голубой, подбитый зайцемъ, старый бабушкинъ парчевой корабликъ и алые бабушкины черевички; и, глядишь, черезъ два десятка быстро мелькнувшихъ лѣтъ, и пируетъ на задуманной свадьбѣ сосѣдей вся тихая слободка, и дивится слободка нарядамъ невѣсты, и никогда не выходятъ эти наряды изъ моды и вкуса незатѣйливыхъ панковъ.—Панки живутъ привольно! Панки такъ живутъ привольно, что болѣзнь—старость, а изъ жизненныхъ непріятностей икота, да чрезмѣрное плодородіе—только и извѣстны между панками. Вслѣдствіе этого, у большей части народонаселенія панковъ загорѣлыя лица походятъ на волчанскіе, переспѣлые арбузы, руки походятъ на ихъ собственныя ноги, у пожилыхъ дамъ иногда на полныхъ губахъ сидятъ усы, а у дочекъ усовъ нѣтъ, зато глаза, носъ и губы рѣшительно тонутъ въ молочныхъ пышкахъ щекъ.—Сынъ зажиточнаго панка, щеголь подпанокъ, какой-нибудь Вайленченко, у котораго отецъ былъ, по слобожанскому обычаю, Вайленко, мать—Вайленчиха, дѣдъ—Вайло, а бабуся—Вайлиха, и сынъ котораго долженъ именоваться поэтому Вайленя, а дѣти сына его—Вайленята,—надѣваетъ бекешу на лисьемъ мѣху и голубые ситцевые штаны съ портретами, приводящими въ азартъ всѣхъ собакъ слободки, и ходитъ рындикомъ по широкой улицѣ, и подмигиваетъ чернобровымъ панночкамъ и подпанночкамъ, и смотритъ, какъ панночки и подпанночки, середи чистыхъ двориковъ, варятъ варенье, гонятъ водку на вишневыя косточки, или же, поймавъ хохлатую насѣдку, дѣлаютъ рекогносцировку ея благосостоянія и будущаго ея приплода. Весело живутъ панки, такъ весело и привольно живутъ

панкй, что самому хотѣлось бы пріютиться на тихой слободкѣ и пожить ихъ жизнью... А были ли вы, господа, когда-нибудь въ Волчанскѣ? Нѣтъ! что я говорю! Разумѣется, что были, потому что Волчанскъ такъ уже хорошъ, что и нельзя уже въ немъ не быть! Нѣтъ: были ли вы, господа, за Волчанскомъ, были ли вы тамъ, гдѣ идетъ дорога на Вàлки, и гдѣ не идетъ дорога на Зміевъ, потому что врядъ ли и гдѣ-нибудь можетъ идти дорога на этотъ скучный и однообразный Зміевъ. Если были, то навѣрно помните, что тутъ, неподалеку, съ крутой мѣловой горы, виденъ долгій-долгій лѣсъ, за лѣсомъ—гора, а за горою—рѣчка, и этой рѣчки вы не найдете не только на какой-нибудь картѣ, но даже и въ пяти верстахъ далѣе отъ подошвы горы и отъ ея собственнаго истока. Рѣчка называется Маминька... На этой Маминькѣ, по обѣимъ сторонамъ, если взглянуть на нее съ горы, кучками и въ разсыпку разбросаны все слободки, слободки и слободки... На этихъ слободкахъ кое-гдѣ вы встрѣтите настоящихъ панòвъ и пàней, бывшихъ въ Харьковѣ и дальше; а на другихъ живутъ одни панкй,—панкй небогатые и тихіе, милые сердцу панкй... Вотъ, напримѣръ, слободка Пельтетѐпинка, или, какъ ее зовутъ завистливые сосѣди, слободка Непересчйтовка. Сорокъ-сорокòвъ окружныхъ панкòвъ особенно знаютъ, чтó такое Пельтетепинка, знаютъ и посѣщаютъ ее потому, что панкй Пельтетѐпинскіе—самый гостепріимный и немудреный народъ въ свѣтѣ. Маминька, раскинувъ въ этомъ мѣстѣ нѣсколько пространнѣе свои владѣнія и убравшись высокострѣльчатымн тростниками, раздѣляетъ Пельтетѐпинку на двѣ разныхъ слободки, хотя обѣ эти слободки составляютъ одно цѣлое и никогда, рѣшительно никогда, не считали себя чуждыми другъ другу. Маминька въ Пельтетѐпинкѣ была въ давнія времена украшена мостомъ, который соединялъ оба берега; но какъ-то, въ водополье, мостъ снесло, и его уже болѣе, по заведенному обычаю, не возобновляли... Говоря по правдѣ, и не-зачѣмъ его было возобновлять. Зимою одна сторона панкòвъ сообщалась съ другою по льду, а лѣтомъ рѣчка пересыхала. Одна весна только представляла непреодолимую преграду... Да, впрочемъ, тогда каждая сторона предавалась упоенію таинствъ любви и совершенно забывала о своей сосѣдкѣ. Наконецъ, еслибы кому нужно было и тогда что-нибудь сказать, такъ стòило только стать на берегу Маминьки и крикнуть. Маминька нигдѣ не была шире главной Бахмутской улицы, и потому словà звучно и легко перелетали съ берега на берегъ... Пельтетѐпинскіе панкй не то, чтобы были совершенно богатые панкй, однакоже нельзя сказать, чтобы они были и бѣдными панками, скудельническою голыдьбой, какъ ихъ называютъ еще въ нѣкоторыхъ сатирическихъ уѣздныхъ городкахъ. Хлѣба у нихъ было достаточно; бараньи беш-

меты и волчьи шапки были у каждаго, и ни одна панночка не засиживалась въ дѣвкахъ далѣе пятнадцатаго дня рожденія, празднуемаго подъ звуки трехъ скрипачей и слѣпаго цымбалиста, оркестра пельтетепинской щебетуньи-шинкарки. Напримѣръ, толстенькій, веселый хохотунъ, панъ Шпундикъ,—какъ онъ умѣетъ ловко набить пѣнковую трубочку табакомъ, именуемымъ сампантрѣ, и какъ въ то же время хорошъ алый коврикъ пана, постоянно вывѣшанный на крыльцѣ, рядомъ съ однимъ голубымъ костюмомъ пана, похожимъ на раскрытыя ножницы! Потомъ—панъ Макитра, этотъ хлопотунъ и живчикъ, который при каждомъ веселомъ словѣ, своемъ или чужомъ, прыгаетъ и шевелится, какъ картонная кукла съ контробасомъ, подергиваемая спрятанною сзади ниткою. А хоть бы и этотъ важный, молчаливый и всегда угрюмый панъ Холодный, съ животомъ, раздвигающимъ толпу, какъ крѣпостной, стѣнобитный таранъ,—панъ Холодный, у котораго куча дѣтей, какъ куча круглыхъ картофелинъ, поставленныхъ на картофелину, и у жены котораго лицо до того полное и странное, что однажды, въ жмурки, рука незрячаго приняла его не за лицо, а совсѣмъ за другое... Но ни панъ Шпундикъ, ни панъ Макитра, ни панъ Холодный не сравнятся съ Антонъ Минычемъ Мòрквой, у котораго на нижней губѣ сидитъ наростъ, величиною съ игольникъ, вотъ такъ, какъ будто бы у Антонъ Миныча всегда во рту недокуренная сигарка, и у котораго всѣ сосѣди, начиная съ исправника, окружнаго, акцизнаго и судьи, до отца протопопа, матери протопопицы и двухъ сосѣднихъ арендаторовъ, объѣдаются до того, что послѣ обѣда не могутъ пошевелить ни языкомъ, ни пальцемъ, и тотчасъ прибѣгаютъ къ нѣкоторымъ облегчительнымъ медикаментамъ; съ Антонъ Минычемъ Мòрквой, у котораго, наконецъ, однажды ужинъ, на его собственныхъ именинахъ, состоялъ, какъ увѣряютъ, изъ двадцати двухъ блюдъ! Нѣтъ спора, между обществомъ Пельтетепинскимъ есть, напримѣръ, такіе панки, какъ панъ Дудочка, который лжетъ на каждомъ шагу, какъ жидъ на бердичевской ярмаркѣ, лжетъ и всегда прибавляетъ: „Ну, ей-ей же, правда!“ или: „Ну, чтобъ же у меня ротъ передёрнуло, если это не такъ!“— и потомъ, какъ, напримѣръ, сынъ бывшаго гуртовщика, Пунька, который икаетъ такъ неожиданно и такъ непристойно, что съ нѣкоторыхъ поръ его стали избѣгать въ очень многихъ домахъ, гдѣ бываетъ дамское общество... Пельтетѣпинскіе панки еще большіе искусники на разныя издѣлія и пріятныя, домашнія занятія. Панъ Шпундикъ, напримѣръ, очень недурно рисуетъ узоры для шитья и играетъ на флейтѣ; панъ Макитра весьма недурно шьетъ по тамбуру; панъ Холодный всѣмъ дѣтямъ своимъ дѣлаетъ куклы, но при этомъ, какъ говорятъ, собственноручно же и сѣчетъ ихъ каждую субботу. Панъ

Дудочка—бобыль-бобылемъ и дѣлаетъ однѣ только непріятности своимъ знакомымъ; панъ Пунька тоже дѣлаетъ непріятности и еще болѣе пана Дудочки, о чемъ изложено выше; но зато его подбородокъ всегда такъ выбритъ, что ему говорятъ обыкновенно: „А знаете-ли, Салъ Салычъ, за такого бритаго, какъ вы, двухъ небритыхъ дадутъ!“ — Наконецъ, всѣми любимый Антонъ Минычъ Мо̀рква. Антонъ Минычъ—угоститель и упоитель, хотя и не рисуетъ узоровъ, хотя и не шьетъ по тамбуру, не играетъ на флейтѣ и не дѣлаетъ куколъ; зато вы всегда увидите, какъ Антонъ Минычъ, иногда въ шлафрокѣ, а иногда и просто, отъ жары, въ платьѣ Евы, сидитъ у себя въ садикѣ передъ кадочкой и дѣлаетъ загибеньки и простыя колбасы, такія вкусныя, что если вамъ дастъ онъ попробовать и тутъ же, закрывъ вамъ рукою глаза, спроситъ: „А что это такое?“—а вы и не скажете, что это такое!—И, Боже мой! сколько достойныхъ и прекрасныхъ людей, съ талантами, не менѣе достойными и пріятными, обитаетъ въ этой Пельтетѐпинкѣ, въ кругу этихъ Пельтетѐпинскихъ панко̀въ!.. Но чьи это два дворика стали на берегу съ двухъ сторонъ рѣчки Маминьки, стали и смотрятъ, какъ двѣ молодицы, пришедшія съ ярмарки, двѣ щебетухи, въ новыхъ платкахъ, лентахъ и дукатахъ,—смотрятъ и какъ будто сами говорятъ: „Вотъ, посмотрите на насъ, добрые люди: вотъ мы такъ заслуживаемъ того, чтобы на насъ посмотрѣли!“ Чьи это два чистенькихъ и кокетливыхъ дворика?— Дворики принадлежатъ двумъ Пельтетѐпинскимъ дамамъ,—двумъ достойнѣйшимъ дамамъ слободки: Дарьѣ Адамовнѣ Передѐрій, съ лѣвой стороны, и Дарьѣ Адамовнѣ, тоже Передѐрій, съ правой стороны Маминьки... Какъ ни страненъ случай, но должно прибавить, что сосѣдки, жившія другъ противъ дружки черезъ рѣчку, точно носили одинакія имена и фамиліи, хотя никогда не были родня другъ другу и не имѣли рѣшительно ничего схожаго. Потомство Передѐрій искони существовало и по лѣвую сторону Маминьки; потомство Передѐрій искони существовало и по правую сторону Маминьки.—Дѣло въ томъ, что скопидомки-хозяйницы обѣ были еще и совершенно разнаго характера. Дарья Адамовна съ лѣвой стороны была подвижная и румяная, съ носомъ, глядѣвшимъ вверхъ, или, иначе, съ носомъ, подающимъ большія надежды,— затѣйница подтрунить на чужой счетъ, затѣйница устроить свадьбу, устроить шумную катавасію въ посторонней семьѣ и потомъ весело и беззаботно обо всемъ посплетничать. Дарья же Адамовна съ правой стороны, хотя была также ни чуть не прочь и подтрунить, и устроить свадьбу, и устроить катавасію, и потомъ обо всемъ посплетничать,— но зато почти никогда не улыбалась, никогда не вертѣлась и не двигалась такъ, какъ ея сосѣдка, все дѣлала, напротивъ, молча и сурово, безъ смѣха и прибаутокъ, безъ вѣтренной веселости и шума, и

даже была нѣсколько падкà къ меланхоліи. Иначе, Дарья Адамовна съ лѣвой стороны была, если можно такъ сказать, Дарья Адамовна—Комедія; а Дарья Адамовна съ правой стороны была, если можно такъ сказать, Дарья Адамовна—Трагедія; характеръ обѣихъ проявлялся во всемъ, до чего онѣ ни касались, и потому ихъ ни въ какомъ случаѣ нельзя было смѣшать. И такъ какъ до этихъ двухъ сосѣдокъ главнымъ образомъ будетъ относиться вся наша исторія, мы скажемъ, какъ жили пани Передѣріихи, чѣмъ занимались пани Передѣріихи и въ какихъ отношеніяхъ были другъ къ другу и къ остальному обществу Пельтете́пинки... Въ то время, какъ сосѣди двухъ сосѣдокъ, съ обѣихъ сторонъ рѣки,—(а сосѣди были: на-лѣво, подъ гору—панъ Кислый, за нимъ—Юнашѝ, за Юнашàми—Билики, далѣе пасѣчникъ Горобе́цъ, у котораго на головѣ не было ни единаго волоска, зато борода была, какъ фартукъ, такая бѣлая и всегда расчесанная; съ правой стороны, подъ ольховою рощицей—панъ Бубы́рь, далѣе панокъ бѣдненькій и тихенькій—Цуцыня́, за нимъ—ломатель жидовскихъ спинъ, весь заросшій усами и бакенбардами, панъ Чухрай-Перечу́хренко, возлѣ него—панъ Дешёвый, рядомъ съ нимъ—панъ Дорогòй; а тамъ и пошли Сморче́нки, Скубе́нки, Віе́нки, Павле́нки, Пупе́нки, Савче́нки, Мине́нки, и всякіе е́нки, пока, наконецъ, у самаго входа въ слободку, не возвышался домъ винокура, пана Ивана Побейшею),—въ то время, говорю, какъ упомянутые сосѣди двухъ сосѣдокъ занимались хлѣбопашествомъ, сами ходили за бороною и плугомъ, сами ковали лошадей и дергали шерсть съ козъ,—сосѣдки предоставляли свое хозяйство двумъ задорнымъ и зубастымъ нàймичкамъ, хуторянкамъ изъ-подъ Волчьяго-Яру, а сами только солили огурчики, вялили грибки и вишеньки, вышивали кошельки милымъ сердцу панычамъ,—панычамъ, пожирателямъ дѣвичьихъ спокойствій, или, какъ говорятъ о нихъ, ненасытецкимъ сердцеѣдамъ и безпардоннымъ съумасводамъ,—и проводили время въ пріятныхъ разговорахъ... Въ то время, когда Маминька замерзала или пересыхала, онѣ посылали по вечерамъ просить дружка дружку на свѣчку, то-есть, какъ это у насъ водится, посидѣть, поболтать и поработать вмѣстѣ, не вводя себя въ лишній изъянъ по освѣщенію. Когда же Маминька пышно стремила воды свои по лону зеленыхъ береговъ, онѣ выходили, черезъ огороды, на берегъ и переговаривались другъ съ другомъ черезъ рѣчку...

— Ну, такъ какъ же тамъ у васъ все идетъ?—начинала Дарья Адамовна съ правой стороны, или Дарья Адамовна-Трагедія, поглядывая черезъ рѣчку и шевеля спицами шерстянаго чулка.

— Да ничего, тётенька, очень хорошо идетъ!—отвѣчала Дарья Адамовна-Комедія веселымъ и почтительнымъ тономъ, что̀ означало

и прибавленное имя тетеньки, также шевеля спицами шерстянаго чулка.

— Ну, да какъ же это хорошо?—допрашивала суровая сосѣдка, прищуривая глаза черезъ оловянные очки, осѣдлавшіе ея носъ.

— Да, такъ-таки, тётенька, очень хорошо!— подхватывала веселая сосѣдка, выставляя на показъ свои румяныя и свѣжія щеки.

— И терновку перелили въ бутыли?

— И терновку перелила въ бутыли!

— И кобелька пріобрѣли отъ городничаго?

— И кобелька пріобрѣла отъ городничаго!

— Ну, и солодъ уварили, Дарья Адамовна?

— И солодъ уварила, Дарья Адамовна!

— Скажите! вотъ-какъ!.. Такъ, значитъ, и борова посадили въ сажъ къ розговѣнамъ?

— И борова посадила!

— Вотъ какъ! скажите пожалуйста!.. Это очень, скажу вамъ, любопытно, Дарья Адамовна! — произносила угрюмая сосѣдка, то блѣднѣя, то краснѣя отъ злости...

— Да-съ, очень любопытно!—подхватывала, сверкая румяными щеками, сосѣдка веселонравная:—а вамъ-то что, завидно, что-ли, тётенька?

— Ну, матушка, завидно не завидно, а скажу вамъ по правдѣ, что сегодня вашъ селезень переплылъ ко мнѣ въ огородъ!

— Ну, такъ что же, что селезень мой переплылъ къ вамъ въ огородъ?

— А то же, матушка, что каналья я буду, если не сверну ему головы!—произнесла при этомъ Дарья Адамовна-Трагедія, превращаясь въ полотно и едва шевеля отъ волненія спицами чулка.

— Ну, матушка, говорите это поповой кобылѣ, а не мнѣ! Да я еще и посмотрю, какъ вы свернете селезню голову!

— А что развѣ?

— Да то же, что каналья и я буду, если и вамъ тогда не сверну головы!

— Мнѣ?—подхватывала мрачная сосѣдка, улыбаясь и задыхаясь отъ бѣшенства.

— Вамъ, именно вамъ!..

— Ну, тогда уже позвольте вамъ послать дулю!—произносила запальчивая Дарья Адамовна-Трагедія, свертывая пальцы въ шишъ и протягивая ихъ въ направленіи къ лѣвой сторонѣ...

— А ужъ позвольте ихъ при этой вѣрной оказіи послать вамъ цѣлыхъ двѣ!—замѣчала Дарья Адамовна-Комедія и тутъ-же посылала черезъ рѣчку обѣщанное... Дарья Адамовна-Трагедія на это совер-

шенно терялась и, помолчавъ, изъявляла убѣжденіе, что съ такою злодѣйкой, какъ Дарья Адамовна (не она, а другая Дарья Адамовна!), надо говорить, наѣвшись гороху. На это Дарья Адамовна веселонравная, въ свой чередъ, заливалась дребезжащимъ хохотомъ, который далеко разносился по рѣкѣ, и говорила:

— Да вы, Дарья Адамовна, мерзавка!..

— И, матушка! — отвѣчала на это сосѣдка суровая: — мерзавка не мерзавка, только всѣмъ извѣстно, что у васъ отъ клубники губы пухнутъ!

— Какъ пухнутъ? — спрашивала озадаченная Комедія: — этого быть не можетъ, этого никогда я не замѣчала!

— Очень можетъ быть, и замѣчала это я, я, я! — прибавляла съ ожесточеніемъ Трагедія.

— Ну, когда пухнутъ губы, такъ я же вамъ доложу, что вы въ шкафу, въ спальной, держите водку на сосновыхъ шишечкахъ и пьете ее каждый день по пяти, а иногда по шести рюмокъ, и отъ того у васъ носъ краснаго цвѣта — отливается и наливается, какъ термометръ, и глаза не свои!

— „Тьфу!“ — плевала на это негодующая пани съ правой стороны, и, сказавъ: — вотъ же вамъ за это что̀! — уходила домой переволнованная и сконфуженная до-нельзя...

Иногда такая бесѣда кончалась неожиданнымъ миромъ, и каждая пани, сказавъ: — „Ну, матушка, вы себѣ, если хотите, гуляйте, а мнѣ пора чай пить!“ — расходились по домамъ. Но въ другое время, вслѣдъ за дулями и громкою личною перебранкой, утомленныя пани высылали на рѣку своихъ нàймичекъ, и зубастыя наймички звонкими, раздирающими дискантами оглашали окрестность и перестрѣливались не хуже запальчивыхъ героевъ Иліады. — „Да ты уже замолчи!“ — кричала одна наймичка другой, стоя на плетнѣ огорода: — „ты уже замолчи, потому что я уже знаю, какая ты!“ — „А какая же я?“ — подхватывала противница, также стоя на плетнѣ. — „Да такая же, какъ и твоя мать!“ — „А какая же моя мать, сякая ты, такая?“ — „Да такая же, какъ и ты!“ — „А я какая, сякая ты, такая?“ — „Такая же, какъ и твоя мать!“ И этотъ речитативъ тянулся нескончаемо, при сбѣжавшихся съ обѣихъ сторонъ Маминьки зрителяхъ, разжигаемый еще поощрительными криками самихъ хозяекъ... Наконецъ и этого еще было мало: хозяйки расходились по домамъ и, въ пику дружка дружкѣ, каждая именовала свою свинью или слѣпую кобылу *Дарьей Адамовной*, и слободка долго волновалась, раздѣлившись на два враждебныхъ лагеря, ратующіе каждый за свою обывательницу и незнающіе пощады и снисхожденія... Но такова судьба человѣческаго сердца! Подходили чьи-нибудь именины или крестины, и обѣ сосѣдки, если былъ случай переправиться черезъ рѣчку, встрѣчались снова друзьями

и, ухватившись за руки, чмокали дружка дружку въ губы, произнося: — „Ахъ, это вы, душечка!“ — и получая отвѣтъ: — „Да, душечка, это я!“

Однажды (случилась эта исторія въ самую засуху, когда Маминька не дѣлила Пельтетѣпинки на двѣ разныхъ слободки) тотчасъ послѣ обѣда Дарья Адамовна-Комедія прибѣжала, запыхавшись, къ Дарьѣ Адамовнѣ Трагедіи, залилась слезами и упала ей на грудь... — „Что съ вами, душечка?“ — спросила хозяйка. — „Ахъ, и не спрашивайте, милашка, я такъ взволнована, такъ взволнована!“ — отвѣтила гостья и снова залилась слезами. — „Да что тамъ такое?“ — спросила хозяйка, оставляя чулокъ и снимая очки. Гостья на это достала платокъ, отерла глазки, отерла щечки и, вынувъ изъ-подъ лифа письмо, сказала: — „Вотъ, послушайте, душечка! вотъ какой со мной сдѣлался неожиданный случай!“ — сказала и прочла вынутое письмо...

...„Милостивая государыня и если смѣю такъ назвать другъ не только мой, но и всего человѣчества! Успѣхи дружбы вашей ко мнѣ заставляютъ сдѣлать открытіе, я влюбленъ голову совсѣмъ потерялъ! разумѣется вотъ вамъ участь блаженсво посланное а моя чѣмъ же я виноватъ хоть въ рѣчку! сна не имѣю, цѣлую ваши ручки. если же когда вы обратите взоръ меня то прошу не откажите подарить меня вашею рукой вы меня знаете теперь же пришлите мнѣ нитокъ на карпетки всего одинъ мотокъ и не забывайте дрожащаго

Ивана... (фамилію гостья прикрыла пальцемъ) а также и шерсти только той которую купили въ городѣ а не вашей а письмо держите въ секретѣ!“

Гостья кончила, но не могла произнести отъ волненія ни слова и сидѣла, потупясь, какъ пойманная съ папироской пансіонерка...

— Ну, что же, шерчикъ, очень рада! — возразила суровая хозяйка: — женихъ нашелся, не надо упускать! вотъ и все!

— Ахъ! — воскликнула гостья и снова повисла на шеѣ хозяйки, и снова зачастили по щекамъ ея радостныя слезы...

Вслѣдъ за этимъ сосѣдки стали шушукаться, шушукаться, и шушукались до тѣхъ поръ, какъ вечеръ наконецъ застлалъ окна темнотою, и собесѣдницы совершенно потонули въ сумракѣ маленькой гостиной. Такъ шушукались сосѣдки и на другой день, и на третій день, и цѣлую недѣлю, и положили, наконецъ, увѣдомивъ милаго жениха, начать дѣлать приданое... Черезъ недѣлю послѣ этого рѣшенья, сосѣдка, получившая письмо, сидѣла также дома и также сидѣла послѣ обѣда, какъ вдругъ дверь отворилась, и въ ея гостиную вошла Дарья Адамовна-Трагедія. Дарья Адамовна-Трагедія вошла молча, молча поклонилась, молча и таинственно сѣла на диванъ... На рукѣ ея, на шнуркѣ, висѣлъ походный чемоданъ (такъ называли въ сло-

бодкѣ ридикюль гостьи); она раскрыла стальную пасть чемодана и стала оттуда вынимать на столъ разныя вещи. Вышелъ оттуда клубокъ голубой шерсти и двѣ огромныя деревянныя спицы съ начатымъ чулкомъ; вышелъ оттуда бронзовый наперстокъ въ видѣ волчьей головы; вышли изъ чемодана и другія походныя арматуры гостьи: тамбурная иголка, оловяные очки, рогулька для лентъ, костяная палочка для ковырянья въ ушахъ, пузырекъ съ нюхательнымъ табакомъ, два хлопка корпіи изъ морскаго каната для затыканья ушей отъ простуды, стальной игольничекъ, въ видѣ флейты, ножницы и кирпичъ, обернутый въ вышитый гарусомъ чехолъ, для пришпиливанія работы. Суровая гостья разложила все это въ большой симметріи на столѣ, поковыряла въ ушахъ уховерткою, заткнула ихъ новыми хлопками изъ морскаго каната, надѣла нитяныя перчатки безъ пальцевъ, осѣдлала носъ очками и, вооружась спицами, произнесла:

— Ну, матушка, а я къ вамъ тоже съ новостью!

— Съ какою новостью?—спросила хозяйка, насторожив уши, какъ моська, въ то время какъ, перележавъ всѣ бока у ногъ мечтающей хозяйки, она неожиданно услышитъ: „Жю-жжю!“ или: „Фиддель, ты филасёфствуёшь?“ и подниметъ къ хозяйкѣ оскаленную мордочку... Гостья покинула спицы, взглянула черезъ очки, покачала головою, причемъ заколыхался на ней накрахмаленный, огромный чепецъ, распущенный, какъ перья на шлемѣ древняго рыцаря, и сказала:—„Ну, пропала и я, душечка!“—и, сказавъ: „Ну, пропала и я, душечка!“—вынула изъ ридикюля письмо и стала его читать:

...Милостивая государыня и если смѣю такъ назвать другъ не только мой но и всего человѣчества Дарья Адамовна! Не терзайте меня а я готовъ сейчасъ жениться на васъ! У меня наслѣдство семь десятинъ и пасѣка около Катышевахи—жду отвѣта не мучьте потому что мучить можно муху или что-нибудь другое но не мучьте меня нѣжный другъ душечка! Слова ваши льются какъ алмазы изъ вашей фортуны, когда васъ слушаю и притомъ у васъ чисто русское сердце.

Иванъ... (фамилію гостья прикрыла также пальцемъ).

„Милостив... Сіятельство... Проба пера...

— Нѣтъ!—прибавила гостья, перевернувъ письмо:—эти слова попали сюда нечаянно, они находятся уже на другой сторонѣ письма!..

Хозяйка замерла отъ удивленія, думая про себя: „И въ этакую старуху, и въ этакую нюню—и влюбляются!“—и произнесла, кусая губы:—„Что же, Дарья Адамовна? счастье! Поздравляю отъ всей души! Не надо упускать такого счастья!“—Гостья при этомъ словѣ

стала опять смотрѣть черезъ очки, медленно сложила письмо, закачала перьями шлема и заключила хозяйку въ объятія...

Гостья и хозяйка стали снова шушукаться, шушукались-шушукались, положили также шить приданое, и посѣтительница, нагрузивъ снова извѣстный уже чемоданъ, покинула лѣвую сторону Маминьки не прежде, какъ ночь сошла на дремлющую землю и въ рѣкѣ заколыхался живоподвижный свертокъ червонцевъ, брошенный съ неба полнымъ, яркимъ мѣсяцемъ... Вотъ, пришелъ сороковой день рожденія Антона Миныча Мо̀ркви, у котораго, какъ уже также извѣстно, во рту была всегда недокуренная сигарка и однажды ужинъ состоялъ изъ двадцати двухъ блюдъ,—пришелъ день рожденія Антона Миныча, и Антонъ Минычъ увидѣлъ вдругъ весь домъ свой полнымъ, какъ тарелка съ пшеницею, отобранною для пробы на посѣвъ. Скрипачи, съ слѣпымъ цымбалистомъ, напиливали за завтракомъ и обѣдомъ; за дессертомъ предстала на столѣ вавилонская башня изъ леденца и тѣста, изъ которой выскочила потомъ живая курица и много напугала и насмѣшила дамское общество.—Послѣ обѣда, увидѣвшаго гибель двухъ или трехъ дюжинъ бутылокъ старой, неподслащенной сливянки, когда двѣ рослыя дѣвки, на̀ймички Антонъ Миныча, въ пучкахъ и тяжинныхъ юбкахъ, внесли въ залъ дымящуюся чашу варенухи,—послѣ обѣда общество засѣло—частью играть въ шашки, а частью въ карты, въ любимую игру носкѝ...

— Да помилуйте, да что же вы дѣлаете, да эдакъ вы лишите меня носа!—вскрикивалъ панъ Макѝтра, тотъ самый, который походилъ на картоннаго музыканта, подергиваемаго спрятанною сзади ниткою, подставивъ пану Холодному раскраснѣвшійся носъ; а панъ Холодный не слушалъ его и, прищурившись, съ свирѣпою радостью хлопалъ его по носу картами, какъ кузнецъ по раскаленной шинѣ, хлопалъ и еще злобно приговаривалъ... Слезы давно бѣжали по щекамъ пана Макѝтры, панъ Макѝтра уже чувствовалъ ознобъ въ поясницѣ и шеѣ, который чувствуютъ всѣ подвергаемые хлопанью по носу картами, какъ вдругъ въ дальнемъ углу комнаты, въ густомъ дыму сампантрѐ, голосокъ пана Дудочки произнесъ:—„А вы, господа, не знаете, а у насъ теперь двѣ новыя невѣсты!“—Какъ мужчины Пельтетепинскіе ни считали лгуномъ пана Дудочку, какъ они надъ нимъ ни трунили и ни потѣшались, но тутъ рѣшительно не вытерпѣли и подступили къ нему съ разспросами, позабывъ и о картахъ, и о носѣ пана Макѝтры...

— Да кто же это такія невѣсты? да вы о комъ говорите?—допрашивали Дудочку любопытные панкѝ, тѣснясь къ нему со всѣхъ сторонъ. Дудочка сдѣлалъ изъ своего лица лицо торжественное и мѣрнымъ шопотомъ произнесъ:—„А это, господа, наши пани; это—

Дарья Адамовна Передерій и ея сосѣдка, тоже Дарья Адамовна Передерій!“ —„Да ты, братъ, врёшь?“—замѣтилъ прямо панъ Холодный, дѣлавшій дѣтямъ своимъ, какъ уже извѣстно, собственноручно куклы и въ то же время, также собственноручно, сѣкшій ихъ каждую субботу.—„Ну, ей-ей же, это правда! Ну, чтобъ же у меня ротъ передернуло, если это не такъ!“—произнесъ панъ Дудочка обычное свое утвердительное слово:—„а онѣ даже и приданое уже стали шить!“—Панъ Холодный на это уставилъ лобъ въ землю, а общество единогласно рѣшило идти къ хозяину дома и объявить ему услышанную новость.—Хозяинъ дома былъ найденъ обществомъ въ гостиной, гдѣ онъ стоялъ на колѣняхъ, на коврѣ, въ кругу обступившихъ его дамъ, и объяснялъ, едва ворочая языкомъ, что это не день его рожденія, а день его сердца, потому что столько милыхъ особъ сошлось привѣтствовать его сердце.

— „Сердце, братъ, сердцемъ!“—произнесъ на это, входя въ гостиную, съ разбитымъ носомъ, панъ Макитра:—„а дѣло, братъ, въ томъ, что наши пани Передеріихи обѣ, съ недавняго времени, невѣсты!“

Пани Передеріихи на это вскрикнули:—„Ахъ!“—хотѣли было бѣжать, но тутъ же и остались и взволнованнымъ голосомъ, по требованію собранія, объявили, что точно онѣ невѣсты и что каждой изъ нихъ сдѣлано предложеніе со стороны достойныхъ людей, извѣстныхъ обществу. Хозяинъ, совладавъ не безъ трудностей съ сигаркою, которая, при настоящемъ безсиліи языка, рѣшительно мѣшала ему говорить, пригласилъ взглядомъ собраніе сѣсть и спросилъ у двухъ переконфуженныхъ дамъ имя жениха каждой изъ нихъ... Гулъ и крики поднялись въ гостиной, едва дамы исполнили желаніе хозяина. Онѣ обѣ, и въ одно и то же время, произнесли требуемыя имена, и эти имена у обѣихъ оказались именемъ фельдшера сосѣдней слободки, который незадолго передъ тѣмъ гостилъ въ Пельтетепинкѣ и лѣчилъ открывшуюся тутъ болѣзнь овецъ... Въ гостиной прозвучало имя—Ивана, Андреева сына, Напрѣева.

— „Извергъ, варваръ, душегубъ, мерзкій волокита! да его надо отправить туда, гдѣ козамъ рога правятъ!“—кричали гости, намекая на сосѣдній уѣздный городъ, мѣсто правосудія:—„да чтобы надъ нимъ свѣтъ не свѣталъ и праведное солнце во вѣки не всходило!“—Пошли толки, соображенія и выводы.—Но, сколько гости ни толковали, сколько ни соображали и ни выводили, сколько ни утѣшали Дарью Адамовну съ правой стороны и Дарью Адамовну съ лѣвой стороны, никто ничего не придумалъ для поправленія печальнаго дѣла. Одинъ изъ гостей, именно какой-то заѣзжій нѣмчикъ, Густавъ Густавычъ,—котораго сосѣдніе панки звали Остапъ Остапычъ и прозвище

которому припечатали Мадаменко, по тому случаю, что онъ былъ сынъ гдѣ-то проживавшей гувернантки мадамы,—изъяснилъ, что надо на него подать жалобу въ уѣздный судъ; другой, именно поклонникъ французскаго языка, панъ Чубченко, съ флюсомъ, почему у него лѣвая щека была въ видѣ огромнаго яблока, говорилъ, что жалобы подавать не надо, а надо его оттаскать за виски и взъерепенить ему хорошенько марфу́тку (этимъ намекалось на бока фельдшера); остальные, наконецъ, говорили, что не надо его ни таскать за виски, ни взъерепенивать ему марфу́тки, а надо съѣздить къ какому-то Силентію Викентьичу Шòколо, который хотя былъ такъ себѣ,—Богъ съ нимъ!—но все-таки былъ хорошій человѣкъ, курилъ не корешки, а цѣльный роменскій табакъ, и зналъ уже, какъ учить такихъ молодцовъ, какъ фельдшеръ. Посыпались новыя догадки и предположенія, догадки и предположенія смѣшались, наконецъ, въ неясный гулъ, и все въ этомъ гулѣ потонуло, какъ вдругъ въ дверяхъ гостиной показалась высокоумная и высокоуважаемая пани, пани Сенклетѣя Повсѣкакьевна Дра́тва, которую хозяинъ позабылъ пригласить на свой праздникъ и которая, между тѣмъ, какъ позабытая на крестинахъ сказочная фея, сама явилась на этотъ праздникъ. Пока Антонъ Минычъ стоялъ передъ нею и, заикаясь, излагалъ свои извиненія, гордая и рѣшительная пани выслушала наскоро разсказъ о происшедшей исторіи и, громко потребовавъ трубку, усѣлась на диванъ, затянулась, какъ любой гусаръ, пустила рядъ колецъ, пронизала эти кольца особою струйкой дыма и, подбоченясь, произнесла:

— А пани Передеріихи лучше всего сдѣлаютъ, если сей же часъ сядутъ въ мою бричку и поѣдутъ со мною къ этому подлецу!

Собраніе единодушно одобрило мысль пани Дра́твы и проводило изъ оконъ глазами скрывшуюся въ концѣ слободки бричку... И покатила эта бричка прямо къ коварному фельдшеру; но покуда бричка ѣдетъ къ коварному фельдшеру, скажемъ, кто была пани Дра́тва и кто былъ самъ коварный фельдшеръ...

Сенклетѣя Повсѣкакьевна Дра́тва представляла весьма интересныя черты. Она была необыкновенная хозяйка, сама молотила рожь, сама дергала за усы пьянаго работника, сама стряпала на кухнѣ и была грозою всей Пельтетепинки. Ее боялись и слушались, какъ мы, школьники, во время оно, боялись и слушались нѣкоего бѣглаго прусскаго фельдфебеля, бывшаго у насъ учителемъ географіи и литературы,—фельдфебеля, откладывавшаго изъ жалованья постоянно часть для платы пени сторожамъ, лишеннымъ къ каждому первому числу нѣсколькихъ зубовъ на верхней или на нижней челюсти. Однажды съ пани Дра́твой былъ любопытный случай. Она пригласила къ себѣ исправника, и по этому случаю ея единственный слуга и косарь

Микита, былъ взятъ съ поля, одѣтъ въ суконную куртку и набойчатые шаровары и введенъ въ буфетъ.—„Ну, Микита“,—говорила пани Дрàтва, вручая ему огромный подносъ съ чашками: — „вотъ это тебѣ чашки! Смотри же, прежде всего подавай исправничихѣ: она такая полная, и ты, какъ войдешь, сейчасъ ее увидишь!“ — Микита бережно вступилъ въ гостиную, окинулъ взоромъ полукругъ гостей и потерялся, потому что, въ двухъ или трехъ мѣстахъ полукруга, увидѣлъ одинаково полныхъ паней: пани исправничиху, пани протопопицу и пани винокуршу! Онъ кашлянулъ и ступилъ къ протопопицѣ.—„Не туда, Микита!“ —шепнула съ досадою хозяйка, дергая его за поясъ. Микита повернулся и потерялъ присутствіе духа; онъ захлопалъ глазами и въ туманѣ направился къ какому-то невзрачному панычу.—„Не туда, Микита!“—шепнула хозяйка, опять дергая его за поясъ. И Микита ступалъ то вправо, то влѣво, до той поры, а пани Дрàтва, говоря:—„Не туда, Микита! Не сюда, Микита!“—также до той поры дергала его за поясъ, что поясъ, наконецъ, развязался и Микита очутился среди комнаты превращенный, какъ переодѣтая въ секунду танцовщица въ балетѣ.—„Вотъ тàкъ, пани мàтко!“—сказалъ Микита, стоя съ подносомъ среди ошеломленныхъ гостей:—„додергались до того, что теперь уже Микита совсѣмъ ни туда, ни сюда!“ Это происшествіе обошло далеко околотокъ, несмотря на всю любовь панковъ къ пани Дрàтвѣ.—Что касается до фельдшера, то послѣдній былъ еще замѣчательнѣе пани Дрàтвы.—Онъ былъ то, что называютъ бѣлый арабъ: съ крупными губами и курчавыми русыми волосами. Ходилъ онъ тихо, говорилъ тихо, чихалъ тихо, смѣялся тихо, даже обычныя слова: „Какъ ваше здоровье?“ или: „А что, какова теперь погода?“—говорилъ на ухо и шопотомъ, точно сообщалъ какія-нибудь соблазнительныя неприличности. Тѣмъ не менѣе, однако, онъ былъ большой хитрецъ и изъ-подтишка иногда достигалъ осуществленія такихъ плановъ, о которыхъ не смѣли подумать и болѣе смѣлыя души...

Когда онъ былъ еще въ ближнемъ городкѣ и учился медицинѣ у одного доктора, весельчака, азартнаго игрока въ банкъ и общаго друга и свата, онъ обыкновенно уходилъ рано по-утру на рынокъ играть съ мясниками въ шашки и всегда возвращался домой съ бараньимъ бокомъ, связкою загибенекъ или филейкою, частью говядины для жаркаго. Поселившись на слободкѣ, у какой-то троюродной тетки, Напрѣевъ сдѣлался любимцемъ всѣхъ сосѣднихъ маменекъ. Ему, на масляную, нерѣдко навязывали сюрпризомъ на ногу деревянную колодку, провозвѣстницу свадьбы, и заставляли отъ нея выкупаться... Напрѣевъ не выкупался, потому что былъ страшно скупъ и не любилъ терять даромъ гривенниковъ и полтинниковъ; колодкамъ же

былъ очень радъ и не упускалъ случая поволочиться за смазливыми хуторянками. Иногда въ кадрили онъ вдругъ говорилъ своей дамѣ:—„Позвольте, сударыня, поцѣловать вашу ручку?“—На это дама отвѣчала:—„Ахъ! какъ это можно! у васъ есть своя!“—„Своя дѣло другое, а ваша лучше и можетъ меня осчастливить!“—замѣчалъ косвенно фельдшеръ, намекая на весьма понятный голосъ сердца, и былъ, словомъ, любезнѣйшій и милѣйшій въ околоткѣ молодой человѣкъ.

Однажды чуть даже не устроилъ онъ свадьбы; но дѣло неожиданно разошлось, и разошлось по весьма странной причинѣ. Невѣста Напрѣева оказалась совершенно чуждою познанія многихъ общественныхъ словъ. Пріѣхавъ однажды къ матери невѣсты и не заставъ ее дома, Напрѣевъ чмокнулъ невѣсту въ губы и произнесъ:—„Скажите, душечка, мамашѣ, что я былъ съ визитомъ!“—„Съ визитомъ?“—спросила простушка, а время тогда было зимою:—„отчего же вы не попросите его въ комнату? еще какъ бы не замерзъ!“ Въ другое время, возстановляя здоровье невѣсты, нарушенное коликою отъ гречневыхъ блиновъ съ постнымъ масломъ, фельдшеръ сказалъ:—„Кушайте и борщикъ, душечка, съ аппетитомъ, и уточку кушайте, и варенички кушайте, съ аппетитомъ!“—„Да я посылала уже за аппетитомъ“,—отвѣчала простушка-невѣста:—„да только его совсѣмъ не нашли на базарѣ!“ Напрѣевъ закусилъ губы, ловко отказался отъ обѣщанной руки, и, когда аккуратная маменька невѣсты намекнула ему о долгѣ, о занятыхъ у нея двадцати пяти рубляхъ, Напрѣевъ также ловко составилъ къ ней объяснительное письмо и въ концѣ этого письма замѣтилъ:—„А что касается, сударыня, до приведеннаго здѣсь долга, то я одинъ лишь долгъ чувствую—именно долгъ совершеннаго почтенія и преданности, съ коими имѣю честь быть навсегда и во вѣки такой-то!“—Къ такому-то коварному человѣку подкатила, наконецъ, бричка съ тремя пельтетепинскими дамами. Но къ чему описывать, къ чему изображать, какое печальное и тягостное окончаніе имѣла эта затѣянная поѣздка? Къ чему это изображать? Краска выступаетъ на лицѣ автора, и еслибы онъ могъ очутиться въ эту минуту въ своей книгѣ, очутиться въ видѣ какой-нибудь буквы, среди изображаемыхъ имъ строчекъ, онъ увидѣлъ бы, вѣроятно, краску и на щекахъ читателя! Секлетѣя Повсѣкакьевна вошла къ фельдшеру, стала передъ обманщикомъ, держа за руки трепещущія жертвы, и произнесла:—„А ну-ка, голубчикъ, говори, какая изъ этихъ двухъ дамъ избрана тобою? Говори! Письма-то ты писалъ къ нимъ обѣимъ!“—Напрѣевъ, въ положеніи, которое можно сравнить съ положеніемъ пуделя, застигнутаго въ кухнѣ надъ приготовленными къ столу котлетами, сталъ было запираться, къ ужасу обѣихъ жертвъ; но пани Дратва нагнала на него такого холоду, что коварный волокита закрылъ лицо руками, опустился къ

ногамъ дамъ и чуть слышнымъ отъ страха и смущенія голосомъ пролепеталъ: — „Это я, Дарья Адамовна, нарочно... это я не влюбленъ... это я... боровъ... я хотѣлъ выпросить у васъ борова на заводъ и сказалъ вамъ!..“

Предоставляю читателю вообразить все негодованіе и весь ужасъ Пельтетепинскихъ дамъ, быстро покинувшихъ жилище коварнаго волокиты, и замѣчу только, что все недоумѣніе произошло вслѣдствіе того, что посланный фельдшера отдалъ письма, наведенный въ ошибку по случаю одинакихъ именъ сосѣдокъ, не одной, которой они адресовались, а обѣимъ вмѣстѣ, и что фельдшеръ, дѣйствительно, замысливъ выманить у Дарьи Адамовны съ лѣвой стороны для завода борова, рѣшился достигнуть этого сердечнымъ путемъ... Признаніе фельдшера было въ тотъ же вечеръ у Антонъ Миныча Мо́рквы сообщено всему Пельтетепинскому обществу, и Пельтетепинское общество повело противъ безсовѣстнаго волокиты такія мины, что не прошло и году, какъ этотъ волокита покинулъ ближнюю слободку и, подъ видомъ *будущаго*, прописаннаго въ подорожной одного проѣзжаго офицера, уѣхалъ и съ той поры пропалъ безъ вѣсти... Сосѣдки скоро успокоились и попрежнему теперь снова выходятъ на берегъ Маминьки; выходятъ переговариваться, ссорятся и мирятся, мирятся и ссорятся, и служатъ знаменемъ дружбы или раздора для двухъ сторонъ слободки Пельтетепинки, и служатъ украшеніемъ обѣихъ сторонъ общества милыхъ и достойныхъ панко́въ слободки Пельтетепинки...

1854 г.

Конецъ VIII-го тома.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВОСЬМАГО ТОМА.

	стр.
I. ЦИМБЕЛИНЪ (драма Шекспира, въ пяти дѣйствіяхъ)	1
Первое дѣйствіе	9
Второе	33
Третье	50
Четвертое	76
Пятое	96
II. ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ КОРОЛЯ РИЧАРДА ТРЕТЬЯГО (драма Шекспира, въ пяти дѣйствіяхъ)	127
Первое дѣйствіе	138
Второе	168
Третье	183
Четвертое	214
Пятое	246
III. УКРАИНСКАЯ СТАРИНА:	
1. Харьковскія народныя школы (1732—1865)	265
2. Григорій Саввичъ Сковорода (1772—1794)	283
3. Василій Назарьевичъ Каразинъ (1773—1842)	343
4. Григорій Ѳедоровичъ Квитка-Основьяненко (1778—1843)	388
IV. СЛОБОЖАНЕ. Малороссійскіе разсказы:	
Введеніе	405
1. Степной городокъ	415
2. Слободка	437
3. Дѣдушкинъ домикъ	453
4. Хуторянка	467
5. Пельтетепинскіе панки	497

PG
3321
D25
1892
t.8

Danilevskiĭ, Grigoriĭ Petrovich
Sochineniia
t.8

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY